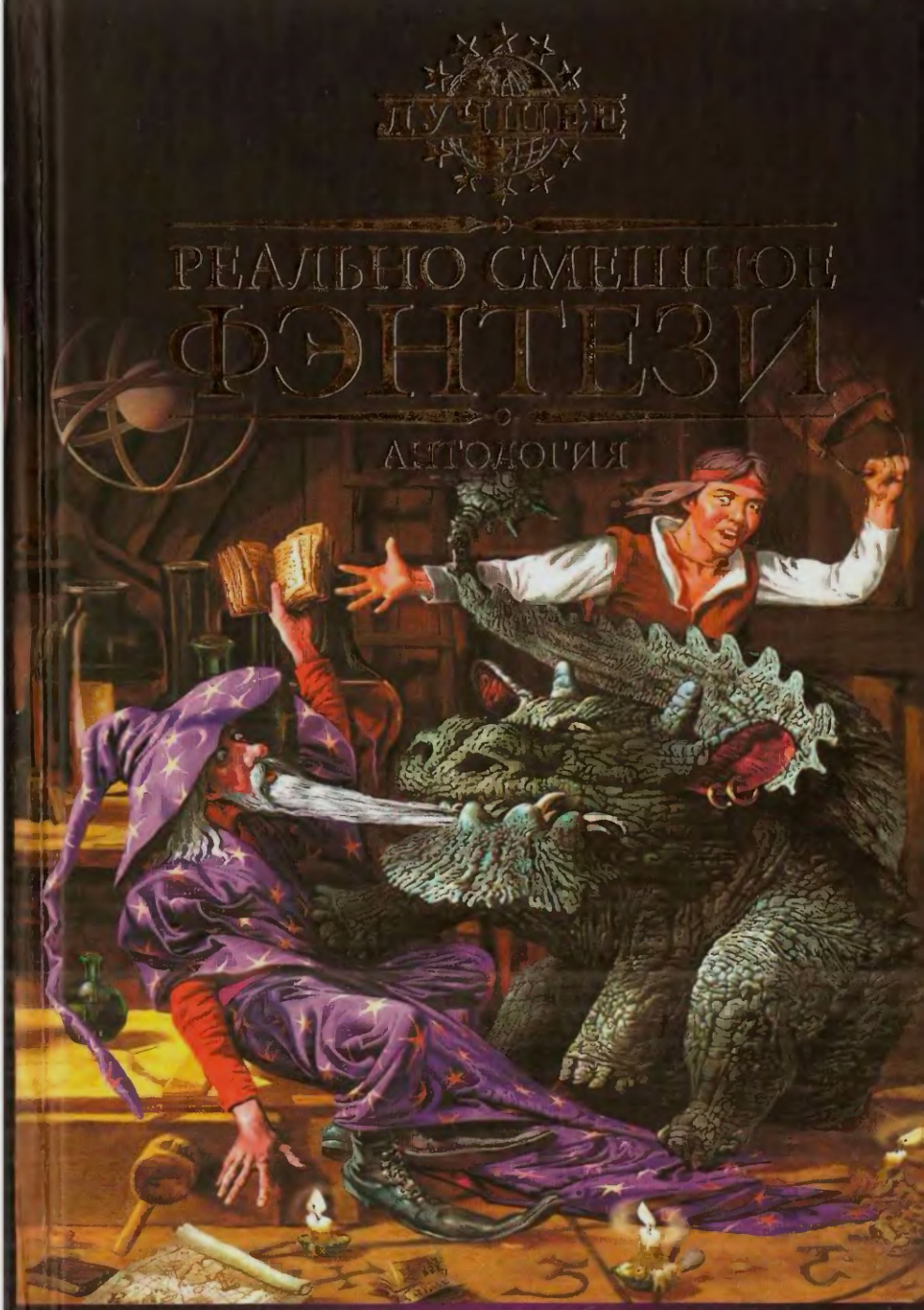
ЛУЧШЕЕ

РЕАЛЬНО СМЕШНОЕ ФЭНТЕЗИ

АНТОЛОГИЯ

Нил ГЕЙМАН, Гарри ГАРРИСОН,
Джин ВУЛФ, Крэг Шоу ГАРДНЕР
и многие другие

Нил ГЕЙМАН, Гарри ГАРРИСОН,
Джин ВУЛФ, Л. СПРЭГ де КАМП,
Крэг Шоу ГАРДНЕР и многие другие

РЕАЛЬНО СМЕШНОЕ ФЭНТЕЗИ

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2008

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
Л 87

The Mammoth Book of Seriously Comic Fantasy
Edited by Mike Ashley

Collection and editorial material
copyright © Mike Ashley 1999

Первая публикация в Великобритании —
Robinson, an imprint of Constable & Robinson Ltd.
Публикуется по соглашению с издательством
CONSTABLE & ROBINSON LTD. (Великобритания)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Н. Алешиной, И. Богданова, А. Бродоцкой, Л. Высоцкого,
В. Двининой, О. Полухиной, О. Ратниковой, И. Русаковой

Оформление А. Золотухина

Л 87 **Лучшее**: Реально смешное фэнтези / Пер. с англ. Н. Алешиной, И. Богданова, А. Бродоцкой и др. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. — 560 с.
ISBN 978-5-91181-672-8

Новая антология юмористического фэнтези — это коллекция поистине великолепных смешных историй, принадлежащих перу таких прославленных авторов, как Гарри Гаррисон, Нил Гейман, Алан Дин Фостер, Джин Вулф, Крэг Шоу Гарднер, Лион Спрэг де Камп и других. Многие рассказы были написаны специально для этой антологии и на русском языке выходят впервые.

Элвис Пресли, получивший новую пару голубых замшевых ботинок, разорившиеся торговцы льдом, таинственный Джек Подстригатель, гном, обитающий в метро, демоны, прыгающие на «тарзанке», фантазия авторов безгранична и не перестает изумлять.

© И. Алешина, И. Богданов, А. Бродоцкая, Л. Высоцкий, В. Двинина, О. Полухина, О. Ратникова, И. Русакова, перевод, 2008
© Издательский Дом «Азбука-классика», 2008

ISBN 978-5-91181-672-8

Предисловие

Самая серьезная страница в этой книге

Я был весьма обрадован, получив возможность составить второй том сборника юмористического фэнтези. Как и в прошлый раз, в «Лучшем юмористическом фэнтези», здесь собраны и старые, и новые произведения. В книге тридцать четыре рассказа, восемь из них публикуются впервые. Бо́льшая часть остальных либо давно не переиздавалась, либо печаталась в небольших журналах, так что, я думаю, в основном они будут незнакомы читателю.

Я понимаю фэнтези широко, поэтому вы найдете здесь и рассказы, написанные в жанре научной фантастики, и рассказы, жанр которых вообще с трудом поддается определению. Стоит упомянуть, например, «Откуда у меня три почтовых индекса» Джина Вулфа *(Gene Wolfe. How I Got Tree Zip Codes)*, «Уход дяди Генри» Эстер Фризнер *(Esther Friesner. Uncle Henry Passes)* и «Глаз Тандилы» Л. Спрэга де Кампа *(L. Sprague de Camp. The Eye of Tandyla)*, и вы поймете, какое разнообразие направлений представлено в этой книге. Я, как обычно, попытался чередовать рассказы, действие которых происходит в иных мирах, с произведениями, герои которых живут на нашей Земле, и скомпоновал вместе произведения, имеющие общую сюжетную линию.

Цель всех этих рассказов — развлечь и рассмешить вас. Как я написал в предисловии к предыдущему тому, чувство юмора у всех людей разное, и это еще одна причина, по которой здесь собраны такие непохожие истории. Я постарался найти что-то интересное для каждого. Почти все рассказы заставили меня в какой-то момент рассмеяться вслух, а остальные вспоминались мне не раз, вызывая улыбку.

Итак, желаю хорошего настроения!

Майк Эшли

ДЖЕЙМС П. ХОГАН

Неандер-Тейл

Джеймс Хоган (James P. Hogan, род. 1941) больше известен как автор серьезной научной фантастики, в особенности как автор серии об эксперименте на Минерве, которая начиналась романом «Наследуя звезды» (Inherit the Stars, 1977). Однако представленный вам рассказ наглядно демонстрирует, что Хоган, когда захочет, способен посмеяться над учеными... или даже над всем человечеством, если уж на то пошло.

— Самодельный огонь?! Ты сказал «самодельный огонь»? Что это за чертовщина такая — самодельный огонь? — Аг насупил сросшиеся неандертальские брови и уставился на косматую фигуру в медвежьей шкуре, сидящую на корточках напротив него.

Ог склонился пониже, напряженно вглядываясь в кучку веточек и прутиков, сложенных между двух камней на поляне у ручья перед каменной террасой у входа в пещеры. Казалось, его совсем не задевает задиристый тон Ага, тем более что тот не снял с плеча дубину и, стало быть, в данный момент был настроен вполне миролюбиво.

— Это то же самое, что ты получаешь, когда молния ударяет в дерево, — бодро ответил Ог и начал яростно тереть две палочки, уткнув их в мох под кучкой из веточек. — Только ссйчас молния не понадобится.

— Ты спятил, — прямодушно констатировал Аг.

— Посмотрим. Постой тут пару секунд, а потом еще раз скажи, что я спятил.

Из мха вырвалось облачко дыма и превратилось в огненный цветок, лепестки которого взметнулись вверх и быстро охватили всю кучку из веточек. Ог удовлетворенно хмыкнул и поднялся на ноги, а Аг, испуганно взвизгнув, отскочил в сторону, одновременно сдергивая с плеча дубину.

— Ну а теперь скажи — спятил я или нет? — попросил Ог.

Аг разинул рот, его физиономия выражала ужас, благоговение и недоверие одновременно.

— Во имя Священного саблезубого тигра, ты что, не знаешь: это опасно! В засуху оно может сожрать весь лес. Избавься от него ради всего святого!

— Меж камней это не опасно. Во всяком случае, я не собираюсь от него избавляться. Мне вот интересно, можно ли его как-нибудь использовать.

— Как это? — Аг по-прежнему держался в сторонке и с опаской поглядывал на потрескивающий костерок. — Для чего его можно использовать, разве только чтобы причинить вред.

— Ну, не знаю, мало ли для чего... — Ог нахмурился и поскреб подбородок. — Например, нам не надо будет гонять людей к горячим источникам, как только они начнут плохо пахнуть.

— А как еще они смогут помыться?

— Ну, я вот думаю, вдруг мы сможем с помощью этого получать горячую воду прямо в пещерах и не будем бегать туда-сюда за полмили. Представляешь, что это значит для наших девочек? Они больше не будут...

— ЧТО? — заорал Аг, и его вопль эхом отразился от скалы. — Ты хочешь затащить это *в пещеры*? Ты точно спятил! Ты что, хочешь нас всех поубивать? Даже мамонты скачут, как кузнечики, как только унюхают эту штуку. Да и вообще, как ты собираешься с помощью этого согреть воду? Оно ведь прожигает кожу.

— Значит, не надо класть его на кожу. Надо положить его куда-нибудь еще... во что-нибудь, что не горит.

— Во что это?

— Черт, я пока не знаю! — наконец взорвался Ог. — Это же абсолютно новая технология. Может, надо взять какую-нибудь каменную штуку...

Из-за изгиба ручья послышались топот ног и трескотня голосов, и вскоре на поляну выскочил вице-вождь Эг в сопровождении двух десятков соплеменников.

— Что тут происходит? — требовательно спросил он. — Мы слышали крики... БЕГИТЕ! ОГОНЬ! В долине огонь. СПАСАЙТЕСЬ! В ДОЛИНЕ ОГОНЬ!

Соплеменники подхватили вопли вице-вождя и бросились обратно в лес. Деревья задрожали от сталкивающихся тел и отрывистых проклятий. Ог тем временем продолжал любоваться своим творением, в нескольких шагах от него стоял Аг и с беспокойством наблюдал за товарищем. Наконец все стихло. Со всех сторон из-за стволов деревьев начали выглядывать бородатые физиономии. Эг вынырнул из-за куста и с опаской шагнул на поляну.

— Что это? — спросил он, переводя взгляд с Ога на Ага и обратно. — Грозы не было уже несколько недель. Откуда это взялось?

— Ог сделал это, — ответил ему Аг.

— *Сделал?* Как это понимать — *сделал?* Это шутка или что?

— Он сделал это, — упорствовал Аг. — Я сам видел.

— Зачем?

— Он спятил. Говорит, что хочет взять это в пещеры и...

— В ПЕЩЕРЫ? — Эг поднес ладонь козырьком ко лбу и вытаращил глаза на Ога. — Ты сошел с ума? Ты что хочешь сделать? Разве ты не видел, во что превращаются животные во время пожара в лесу? Мы все изжаримся на своих шкурах.

— Никто и не говорит, что на нем надо спать, — раздраженно сказал Ог. — Можно держать его где-нибудь в сторонке. Вода вырывает с корнем деревья, когда река выходит из берегов, но мы же носим ее к себе и не затопляем эти чертовы пещеры. Возможно, мы сумеем сами делать огонь и научимся как-нибудь с ним жить.

— Зачем нам это надо? — возразил Эг.

— Он нам может пригодиться, — отвечал Ог. — Его боятся звери. Он может остановить медведей, чтобы они не лезли в пещеры, как только выпадет снег. Что-нибудь такое... да мало ли для чего...

Доводы Ога не убедили Эга, он презрительно фыркнул и заметил:

— И все люди тоже уйдут в горы. Что в этом хорошего?

— А дым? — встрял в спор кто-то из соплеменников, которые потихоньку начали выходить из леса на край поляны.

— А что — дым? — переспросил Ог.

— Им нельзя дышать. Как можно жить в пещере, полной дыма?

— Можно сделать как-нибудь так, чтобы он шел наружу, а не внутрь, — огрызнулся Ог.

— Как?

— Святой Петр! Я пока не знаю. Это же новая технология. Вы что, хотите за один день ответить на все вопросы? Я что-нибудь придумаю.

— Ты отравишь воздух, — возразил кто-то еще. — Если все племена в долине обзаведутся огнем, дым будет повсюду. Он затмит бога солнца, бог разозлится — и тогда нам конец.

— Откуда ты знаешь, что бог он, а не она? — подала голос представительница женской половины племени, но ее тут же утихомирил, легонько тюкнув по голове дубиной, стоявший рядом соплеменник.

В этот момент круг наблюдавших за спором разомкнулся, и на поляну вышли вожди Яг Сильный и Ег Льстивый, которые спустились из пещеры узнать, в чем сыр-бор. В молодости Ег был великим воином. Он прославился тем, что как-то в одиночку завалил буйвола, понося бедное животное на чем свет стоит до тех пор, пока оно не рухнуло с копыт от нервного истощения. Отсюда еще одно прозвище Ега — Смерть Буйвола. Из уважения к предводителям племени Эг пересказал им все, что произошло на поляне. Аг подтвердил сказанное. Ег слушал, и с каждым словом лицо его становилось мрачнее и мрачнее.

— Это не безопасно, — подытожил он речь Эга тоном, не терпящим возражений.

— Значит, мы придумаем, как это сделать безопасным, — не сдавался Ог.

— Это глупо, — отрезал Ег. — Если огонь убежит, он сожрет всю долину. В него могут упасть дети. Ядовитые

отходы могут отравить реку. К тому же понадобится половина племени, чтобы все время таскать в пещеры дрова, а у нас нет лишних рук. С какой стороны ни посмотри — это глупая затея.

— Нечего тратить время на всякую ерунду, — с важным видом вставил Яг.

Однако Ог стоял на своем, и спор продолжался еще целый час. Наконец Егу все это надоело, он взобрался на камень и поднял руку, призывая соплеменников к тишине.

— Как это можно сделать безопасным и зачем нам это вообще нужно, все равно не ясно, — заявил он. — Вообще ничего не ясно. У любого, кто все еще хочет иметь дело с нечистой силой, плохо с головой. — Он сурово глянул на Ога и продолжил: — Наказание за это — изгнание из племени... навсегда. Никаких исключений.

Яг и Эг молча закивали, остальные поддержали Ега одобрительными выкриками:

— Гнать этого бездельника!

— Я не желаю, чтобы у меня на шее сидел какой-то псих!

— Пусть его кормят те сапиенсы, что живут на краю долины. Они все равно все психи.

Ог подал Ягу апелляцию через Эга.

— Вон! — таков был приговор вождя.

Через час Ог получил двухдневный паек сырого мяса и сушеной рыбы, собрал свои пожитки и отправился в путь.

— Вы еще пожалеете, — бросил он через плечо кучке злобных соплеменников, наблюдавших за его уходом. — Только не бегайте за мной, когда наступит зима. Вы дорого за это заплатите.

— Придурок! — крикнул ему вслед Аг. — Говорил тебе — задуй его!

В последующие несколько месяцев Ог исходил вдоль и поперек всю долину, пытаясь заинтересовать другие племена своим изобретением. *Австралопитеки* были слишком заняты тренировкой кенгуру возвращать бумеранг охотни-

ку, так как чертежи своего изобретения они еще не довели до совершенства. Племя *Гомо Эректусов* (известное своей похотливостью) было увлечено более серьезными делами. *А. Робустусы*[1] не желали воспламеняться и исчезать с лица земли, превратившись в *А. Комбустусов*[2]. Таким образом, Ог в конце концов продвинулся вглубь долины, где обитали *Гомо Сапы*. Сапы были известны своими странностями, и остальные племена предпочитали с ними не связываться.

Первый Сап, на которого наткнулся Ог, сидел под деревом и задумчиво разглядывал тонкий диск, отпиленный от бревна, валяющегося неподалеку.

— Что это такое? — не здороваясь, в лоб спросил Ог.

Сап с отсутствующим видом взглянул на подошедшего и признался:

— Еще не придумал, как назвать.

— А для чего это можно использовать?

— Тоже пока не знаю. Но я подозреваю, что эта штука может быть полезной... можно кидаться ею в гиен. — Сап вернулся к диску и с рассеянным видом качнул его на ребре взад-вперед, потом оттолкнул диск в сторону и снова взглянул на Ога. — А ты ведь не из этих мест. Что делаешь в наших краях?

Ог в который уже раз вытащил из своего мешка несколько палочек и присел на корточки рядом с Сапом.

— Послушай, у меня к тебе дело, — сказал он. — Но сначала посмотри на это.

Остаток дня они крутили-вертели, судили-рядили и в конце концов пришли к соглашению о совместном праве владения двумя изобретениями. Сап заключил выгодную сделку, из которой следовало, что Ог получает колесо, так они решили назвать деревянный диск. Вождь Сапов признал, что фокус Ога с палочками заслуживает достойного

---

[1] Робустус (*лат.* Australopithecus robustus) — подвид австралопитека, человек умелый, который, скорее всего, является предком человека прямоходящего. *(Прим. ред.)*

[2] Комбустусы (от *англ.* combust — гореть, воспламеняться) — эд.: игра слов. *(Прим. ред.)*

вознаграждения, и Ог по всем правилам был зачислен в племя. До конца своих дней он должен был оставаться с Сапами и никогда больше не покидать эту часть долины.

* * *

Зима выдалась долгой, по-настоящему долгой — двадцать пять тысяч лет. Когда она наконец закончилась и покровы льда сошли с земли, в живых остались только Сапы. Как-то раз Грог и Срог исследовали местность вдали от дома, там, где когда-то обитали Неандертальцы. У ручья они наткнулись на большой камень с высеченными на нем корявыми знаками.

— Что это означает? — спросил Грог Срога, который с любопытством разглядывал камень.

— Это сделали Неандертальцы, — ответил Срог.

— Должно быть, давно. Что они говорят?

Срог сосредоточился и стал ощупывать пальцами знаки на камне.

— Похоже на знаки, которые высечены на всех камнях в этих краях, — констатировал он. — Они все означают одно и то же: «ОГ, ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ. НАЗОВИ СВОЮ ЦЕНУ».

Грог озадаченно почесал затылок, с минуту поразмышлял над услышанным и наконец спросил:

— Что, черт возьми, они хотели сказать?

— А я почем знаю? Наверное, это сделали парни, которые когда-то жили в пещерах вот над этой террасой. Теперь там никого — одни медведи. — Срог пожал плечами. — Наверное, это как-то связано с монетами. Они все время что-то оценивали и все равно были хреновыми торговцами.

— Придурковатые, что ли? Ну, тогда это может означать все что угодно.

— Точно. В любом случае, нам пора двигать дальше.

Сапы закинули на плечи свои копья и решили пройти через скалы вдоль ручья к реке, воды которой поблескивали вдали.

ЭСТЕР ФРИЗНЕР

Уход дяди Генри

Эстер Фризнер (Esther Friesner, род. 1951) по праву считается королевой юмористического фэнтези. За последние десять лет она написала серию блистательных юмористических рассказов и повестей, включая «Тут демоны!» *(Here Be Demons, 1988),* «Да здравствует Хэлливуд!» *(Hooray for Hellywood, 1990),* «Земля гномов» *(Gnome Man's Land, 1991) и* «Случайный Маджук» *(Majyk by Accident, 1993). Фризнер также является редактором антологий юмористического фэнтези:* «Инопланетянин, беременный Элвисом» *(Alien Pregnant by Elvis, 1994),* «Цыпочки в кольчугах» *(Chicks in Chainmail, 1995) и* «Ты сказал „цыпочки"?» *(Did You Say Chicks?, 1996). Представленный ниже рассказ написан специально для этой антологии.*

С тяжелым сердцем я вспоминаю, как умер дядя моего отца, мой двоюродный дедушка Генри, человек, много лет верой и правдой служивший городу Саттеру, Нью-Мексико. Очень плохо, что он умер именно так — на него свалилось животное, хотя и не с самой большой высоты,— и вот теперь Дейзи говорит, что мой долг посвятить отца в трагические обстоятельства кончины дяди Генри.

Мне не хочется этого делать.

Отчасти потому, что папа и мама впервые за много лет наслаждаются отпуском. А сообщение о том, что ваш любимый родственник испустил дух, неминуемо напомнит вам о том, что жизнь мимолетна, смерть всегда приходит внезапно, и можно потягивать из кокосового ореха голубой коктейль с ломтиком ананаса, но это не отпугнет Ангела Смерти.

Но вообще мне не хочется этого делать потому, что я не знаю, *как* это сделать. Если папе кто-нибудь поведает об определенных обстоятельствах ухода дяди Генри из этой жизни, он ни за что не поверит. И даже если я сам расскажу ему, не представляю, как мне заставить его поверить во все это. Если излагать эту печальную историю в письмен-

ном виде, получится чертовски объемное письмо, телефонный звонок исключается, так как он обойдется мне слишком дорого. Поначалу, может, и нет, я сообщу папе о случившемся; он скажет: «Нет!»; я скажу: «Честное слово!»; он скажет: «Я в это не верю!», и мне придется божиться, что все это правда (это правда и есть, но люди плохо воспринимают правду), и вот с этого момента телефон начнет пожирать мои деньги.

Поэтому я и решил все записать. Надо привести мысли в порядок, чтобы не пришлось грабить банк после того, как я наконец решусь позвонить отцу. Я запишу, увидите, не хочу, но запишу. Я должен это сделать. Дейзи сказала, что, если я этого не сделаю, она откусит мне задницу.

Все случилось в последний День Выборов. Утро выдалось ясное и прохладное и таким и оставалось часов до десяти — десяти тридцати. Примерно в это время и начали происходить события, на фоне которых простые наблюдения за изменениями погоды любому покажутся несущественными. Время завтрака прошло, я занимался своими делами в кафе за прилавком, Дейзи мне помогала. Дейзи не назовешь говоруньей, за исключением тех случаев, когда она указывает мне, что надо делать или что я уже сделал не так. А я — я всегда не против дружески поболтать с кем угодно, так что можете себе представить, как я обрадовался, когда над дверью звякнул колокольчик и в кафе вошел мэр Вайли.

Он был немного взвинчен, оно и понятно — День Выборов и все такое, к тому же впервые за двенадцать лет мэр вынужден был возглавить кампанию против реального оппонента, который поддал ему жару и вынудил напрячься в гонке за деньгами. Дейзи говорит, что мне не следует прикидываться тем, кем я не являюсь, и пускать людям пыль в глаза, разукрашивая свою речь всякими словечками. Но, как известно, мэр Вайли весьма ревностно старается обеспечить выгодные контракты для своих близких-дорогих-и-родненько-со-стороны-жены, и, следовательно, выборы означают для него гонку за деньгами. Короче говоря, я предложил ему чашечку кофе за счет заведения. Это самое меньшее, что я мог для него сделать, поскольку голосовал за другого парня.

И вот, в то время как мэр расширил мое предложение до чашечки кофе *плюс* пончик (а уж как Дейзи рычала на меня за это!), в город въехал на своем монстре Мерч Эрнот, и началась вся эта чертовщина.

Предвестником того, что происходит что-то неладное, для нас стал шестилетний сынишка миссис Пембелтон — Тимми. Он ворвался в кафе и заорал что-то о страшном звере и его наезднике.

— Ну, ну, Тимми, успокойся. — Мэр Вайли оторвал зад от табурета и заговорил бисквитным голосом, который он обычно использует, дабы произвести впечатление на своих избирателей. — Старик Эрнот свихнулся? Это ни для кого не секрет. Тебе следует выражаться поконкретнее.

Мэр хотел было погладить малыша по головс, но тот отскочил в сторону и зло сверкнул глазами.

— Только тронь меня, и я так скоренько обвиню тебя в сексуальном домогательстве, что у тебя башка завертится, как кисточки на сиськах стриптизерши, — выдал Тимми. — Хочешь поконкретнее, выйди на улицу и сам посмотри, на чем он приперся в город на этот раз! А лично я угоняю первую попавшуюся тачку и сваливаю из города ко всем чертям в Альбукерк! — С этими словами малыш выскочил обратно на улицу.

У меня сердце разрывается: как же надо напугать ребенка, чтобы он начал так выражаться! «Сваливаю ко всем чертям в Альбукерк» — ты подумай! Мы с мэром переглянулись и последовали за Тимми. Я на ходу попросил Дейзи прикрыть меня, хотя вряд ли можно было ожидать посетителей, если ситуация на улице была настолько хреновой, как описал малыш Тимми.

Могу сообщить, что она оказалась еще хуже. Ни для кого не секрет, что наша Мейн-стрит не самая широкая трасса на просторах Нью-Мексико, но в центре города она доходит до четырех полос плюс широкая свободная полоса парковки. Так вот, поперек всех четырех полос, взгромоздив зад на бесценный и вылизанный со всех сторон «хаммер» Гевина Ордуэя, припарковался самый большой чертов шакалозавр из всех, что мне доводилось видеть.

И, надеюсь, вы понимаете, единственный.

Он был высотой с двухэтажный дом, но это если мерить вместе с рогами. В холке он был не такой высокий. В прошлом Мерч выкидывал фокусы и похлеще. Не думаю, что смогу забыть Рождество шестьдесят девятого, когда он вырядился в Санту и въехал в город на санках, в которые были впряжены восемь здоровенных, как двухэтажные автобусы, рогатых броненосцев. Папе с мамой потребовалась целая неделя, чтобы успокоить меня и сестричку, после того как несчастные существа умерли от случайной передозировки женьшеня, чеснока и витамина С, которыми подкармливал их Мерч, чтобы они оставались в форме. Я до сих пор скучаю по Рудольфу.

В любом случае существо, на котором на этот раз он прикатил в город, не было Рудольфом. Мерч оседлал его, как слона, — уселся на шею и пытался править с помощью кожаного ремешка, привязанного к основанию рогов. На таком поводке даже таксу не удержать. Именно это и заметила Дейзи, выйдя из кафе и присоединившись к толпе зевак.

Толпа собралась приличная. Впервые за двенадцать лет соперничество на выборах в Саттере было серьезным, и все горожане вышли на улицу. По праву это был наш день — день мелких предпринимателей. Сколько нужно человеку времени, чтобы проголосовать? Если человек преодолевает ощутимое расстояние, чтобы нажать на кнопку, он наверняка захочет получить что-нибудь, чтобы оправдать свое путешествие, пусть даже это будет сандвич с ветчиной в моем кафе. В этот день ничего подобного не предвиделось, что очень расстраивало моих более удачливых коллег предпринимателей.

— Этот Мерч ... всех нас, — сказала мисс Дайдирот из хозтоваров. (Простите, но я просто не могу написать некоторые выражения именно так, как они были сказаны. В отличие от Дейзи я рос не в будке.)

Рори Вега из автосервиса размазал машинное масло по физиономии и присвистнул:

— Это что еще за черт?

— Кажется, у тебя появились чертовски веские причины заказать запчасти, — заметила Маргарет Ли и рассмеялась.

Думаю, она так и не оправилась после того, как Гевин Ордуэй променял ее на эту учителку из Санта-Фе. Так что среди зевак хотя бы один человек был на стороне монстра.

— А на что это может быть похоже? — фыркнула Дейзи. — Еще один урод Эрнота!

— Дейзи! — не выдержал я и слегка пнул ее, чтобы она заткнулась.

Все вокруг смущенно притихли, будто не моя Дейзи, а кто-то в толпе ляпнул такую бестактность. У Мерча Эрнота есть свои странности, но он хороший человек, родился и вырос в Саттере, и ни один порядочный горожанин никогда не произнесет слова «урод» в его присутствии.

К счастью, Мерч находился слишком высоко, чтобы услышать сказанное Дейзи, к тому же он был занят разрешением других проблем, чтобы обратить внимание на нее. Я хочу сказать, он действительно был занят.

Дейзи спросила, на что это похоже. Вопрос с ее стороны риторический, но, когда я буду рассказывать папе о дяде Генри, уверен — он спросит о том же, так что лучше сформулировать ответ прямо сейчас. Честно сказать, монстр был похож *много* на что, большей частью на джекрэббита[1], пока дело не доходило до головы. С этого места становилось интереснее. Именно здесь начинались чешуя, рога и челюсти. Челюсти, изрыгающие свирепый рык, — вот что привлекало внимание: заглянув в них, можно было увидеть острые белые зубы, ярко-красный язык и Тимми.

Бедняжка Тимми. Ни тебе угнанной машины, ни поездки ко всем чертям в Альбукерк. Я так понимаю — плохое всегда соседствует с хорошим. Малыш еще был жив, но, судя по тому, как с ним обращался монстр, оставалось ему недолго. Мерч Эрнот, как мог, пытался заставить монстра выплюнуть мальчишку — он тянул за свой жалкий поводок, хлестал эту тварь свободным концом ремешка, пинал каблуками по плечам и орал:

---

[1] Джекрэббит — крупный североамериканский заяц с очень длинными ушами.

— Плохая девочка, Гретхен! *Плохая* девочка! Отпусти его сейчас же, слышишь?

Можете представить, какой от всего этого был толк. К тому времени кто-то успел вытащить миссис Пембелтон из-за кассы в «Товарах в дорогу». Возможно, этот кто-то думал, что гневные крики матери тронут сердце монстра и заставят его выплюнуть Тимми. Возможно даже, человек этот рассчитывал, что животное аккуратно опустит ребенка на землю и склонит свою огромную башку, чтобы малыш мог пошлепать его по носу, потереться нежной щечкой о его чешуйчатую морду, а потом сказать: «Все в порядке, Гретхен. Я люблю тебя». Потом бы Тимми чмокнул монстра, тот бы сладко хрюкнул, и вся толпа затянула бы: «О-о-о-о». Ведь все мы монстры, пока нас не полюбят.

Я обвиняю Спилберга в том, что он приучил людей верить в то, что такая ... может случиться. На самом деле такого быть не может, только не в Саттере, ну разве что злобные материнские крики соответствовали этому сценарию. Миссис Пембелтон отлично справилась со своей задачей. Даже слишком. Ее вопли напугали монстра. Животное, не выпуская Тимми из своих челюстей, отпрыгнуло назад и протаранило своей мохнатой, пухлой попкой с пушистым хвостом застекленный фронтон банка. Осколки стекла, по всей видимости, впились ему в зад, потому что оно взревело от боли и *в связи с этим* выронило малыша Тимми.

Мальчишке повезло, что моя Дейзи все это время оставалась в своем уме и к тому же имела друзей среди пожарников. Пока все мы стояли на улице, разинув рты, она сгоняла в пожарную часть и вернулась со своими приятелями и с сетью. Спарки, далматин бранспойтной команды, с диким лаем несся впереди спасателей. Малыш Тимми плюхнулся в сеть, его, конечно, подбросило, но зато он ничего не сломал.

Увы, Мерчу Эрноту повезло меньше. После того как шакалозавр получил в прыжке стекла в задницу, задние лапы отправили его прямиком в цветочный магазин. Как говорила нам мисс Илза Доггет на уроках по выживанию, этого инцидента можно было бы избежать. Мощные зад-

ние лапы, самой природой созданные для прыжков, могли перенести это животное через цветочный магазин на соседнюю улицу и перенесли бы, если бы бедная задница для начала *видела* цветочный магазин.

Да, сэр, новый монстр Мерча видел не дальше собственного носа. Не знаю, как Мерчу пришло в голову соединить Часть А Животного № 1 с Частью Б Животного № 2, но в этот раз он облажался. (Кстати, я также не представляю, где Мерч раздобыл упомянутые части, особенно те, что составляют верхнюю половину этого специфического животного, но, думаю, мне лучше оставаться в неведении.) В любом случае в День Выборов жители Саттера получили в центре города две-три тонны перепуганной, обозленной, безжалостной, чешуйчатой, рогатой, клыкастой и близорукой толстозадой крольчатины.

...

Я не написал «некоптролируемой»? Следовало бы. Мерч Эрнот, конечно, сидел верхом на монстре, но он им не правил, он мог только контролировать себя, чтобы не наложить в штаны. Животное не реагировало на его команды до прыжка в банк и плевать хотело на них после. Врезавшись в цветочный магазин, оно отскочило на сторону банка, уничтожило кондитерскую, скакнуло обратно, чтобы разгромить скобяную лавку, и снова на другую сторону... Словом, это был пинг-понг из Апокалипсиса.

И все это время Мерч Эрнот был «в седле». Собственно, у него не было другого выбора. Дело в том, что он привязал себя к животному. Все это было похоже на финальную сцену из «Моби Дика», где Грегори Пек шел ко дну. Правда, у Мерча на голове был велосипедный шлем. Мерч Эрнот являл собой живое доказательство того, что сумасшедший ученый может быть предусмотрительным. Господи, благослови Америку!

— Помогите! — орал Мерч с высоты скачущего туда-сюда монстра.

— У нас тут пожарники наготове! — кричал в ответ Рори. — У них сеть! Прыгай!

— Господи, ... , Рори, ... , я бы прыгнул, если б мог!

Животное тем временем протаранило аптеку и бумерангом сровняло с землей автомойку. Гретхен, как звал ее Мерч, двигалась зигзагом в северном направлении, что было не очень хорошо. Если она не утихомирится или не сбавит темп, траектория ее движения неминуемо приведет к школе. Детей в школе не было, по решению Комитета образования в День Выборов их решили избавить от уроков, но школа — место голосования горожан.

В честь наконец-то по-настоящему захватывающих выборов в здании школы будет битком народу, и забудьте об эвакуации. Демократы заявят, что это очередные грязные фокусы республиканцев, республиканцы затянут свое о том, как можно говорить о грязных фокусах, не упоминая о Новом Деле, а потом Винс Сципио, который каждые выборы не устает бегать по всем конторам с избирательными списками либералов, разразится речью о порочности двухпартийной системы. К этому времени начнутся разрушения. Надо было что-то придумать.

К счастью, выдумки хватило у самого Мерча.

— Рори! — завопил он, когда пункт видеопроката разлетелся вдребезги вокруг него.— Рори, беги в баптистскую церковь и тащи сюда мою жену! Она со щенячьего возраста растила Гретхен, только жена сможет с ней справиться!

— Вашу жену! Точно! Есть, сэр! — Рори лихо отсалютовал, крутнулся на каблуках и приготовился к рывку к славе. Тут он резко остановился, поднес ладони рупором ко рту и крикнул: — Какая из них в этом году?

— Какая разница! — огрызнулась Дейзи.— Тащи сюда обеих, а там разберемся!

Далеко не у каждого мужчины в нашем городе хватит смелости вступить в спор с моей Дейзи. Рори Вега был не из их числа. Он сорвался с места и меньше чем через три минуты вернулся с женой Мерча Бет и ее сестрой Элизой.

Мне следовало бы быть честнее и написать: с женой Мерча Элизой и ее сестрой Бет, ведь именно так я и считал, когда они прибыли на место. Признаюсь, я, как и Рори, забыл, на ком из них был женат в этом году Мерч. Простительный промах. Если они не были у меня перед глазами,

я забывал, кто из них кто. И даже глядя на них, я постепенно начинал думать о них как о Правой и Левой и иногда так и обращался к ним, частенько, впрочем, путаясь. Дейзи говорит, что я тупица и тот факт, что Бет и Элиза — сиамские близнецы, не означает, что им можно хамить. (Естественно, когда я заметил, что правильный термин *«сросшиеся* близнецы», а употребляемое сю выражение *«сиамские»* гораздо грубее, она наградила меня очередным ругательством. Немногие из нас умеют дружелюбно воспринимать критику.)

Как я уже говорил, денек стоял прохладный, и на сестрах было шитое на заказ пальто на меху форели, которую Мерч вырастил специально для них по случаю развода с Бет и воссоединения с Элизой в 1991 году. (Если только в 1991-м он не оставил Элизу, чтобы воссоединиться с Бет. Я понимаю, Мерч хочет, чтобы все было по-честному, но его старание сохранить равновесие не только всех запутывает, но и усложняют работу отдела регистрации Городской Ратуши.) Обе сестрички были одинаково злы на Мерча, так что на этот счет не было никаких различий.

— Мерч Эрнот, что ты делаешь с Гретхен?

— Мерч Эрнот, кто тебе позволил взять Гретхен в город? Она ведь еще совсем маленькая!

— Виноват... — (Гретхен очередной раз скакнула поперек Мейн-стрит и превратила пиццерию в блин.) — ...дорогая! Мне показалась, она готова к первому выходу, — кричал Мерч своим чередующимся супругам. — Пожалуйста, не могла бы ты... — (Гретхен прыгнула в обратную сторону и уничтожила маникюрный салон и адвокатскую контору «Ордуэй и Ордуэй»; Маргарет Ли ликовала.) — ...попробовать ее успокоить? Она всегда тебя слушалась!

— Будем надеяться, у меня получится! — сказала то ли Элиза, то ли Бет и подбоченилась. Сестры оглядели толпу, которая к этому времени выросла до невероятных размеров. — Ладно, — думаю, это сказала Элиза, — кто-нибудь, дайте мне газету.

Тут мы все покраснели от стыда. Такая огромная толпа, столько народу — и ни у кого не было газеты. Как всегда, на выручку пришла моя Дейзи.

— Вам нужна газета? Я сбегаю за газетой. Я всегда бегаю за .....ыми газетами, — сказала она и устремилась вниз по Мейн-стрит, виляя между завалами из щебня и кирпичей и ловко уворачиваясь от скачущего монстра.

Рори Вега треснул меня кулаком по спине.

— Черт возьми, сынок, — сказал он, с неподдельным восхищением глядя вслед Дейзи, — у тебя отличная псина.

Я согласился. *Изредка* эксперименты Мерча обходились без катастрофических последствий. Эти его более или менее успешные результаты можно пересчитать по пальцам одной руки, и большой палец останется незагнутым. Вот они: меховая форель, моя собака Дейзи и гигантские рогатые броненосцы. Ладно, продлим список, *пусть будет* светящийся книжный хомячок, тот, который ползает по странице, пока ты читаешь. (Хотя Мерч всегда клялся, что это не более чем научные находки, просто маленькие сувениры, которые он привез из своей последней поездки в Лос-Аламос.)

Итак, Дейзи принесла газету и передала ее Бет и/или Элизе, обе сестрички стряхнули пальто и рванули на перехват Гретхен. Это и стало поворотным моментом.

Ничто не может сравниться с решительно настроенной женщиной, разве только две решительно настроенные женщины, которые волею судьбы делят на двоих бо́льшую часть туловища, *включая жизненно важные органы*. Элиза и Бет не блистали на беговых дорожках, но они знали, что такое «срезать путь», и вскоре нырнули за угол на Кедровую улицу, пробежали пару кварталов параллельно Мейн-стрит и вынырнули в десяти ярдах перед своим благоверным и его капризной «кобылой». Им удалось справиться с подобной задачей только потому, что шакалозавр двигался по улице зигзагом, сбивал все углы и делал массу лишних движений. Например, порой это животное вдруг отскакивало в южном направлении и по новой крошило и крушило средства передвижения, здания и прочие объекты, которые оно — я имею в виду *она* — уже уничтожила.

Миссис Эрнот и ее сестра взобрались на фонарный столб и, когда Гретхен прокладывала свой путь мимо них, со всей силы треснули ее по носу свернутой в трубочку

газетой. Не представляю, как жалкая газетенка, пусть даже и туго свернутая, может подействовать на такую громадину, но это сработало. Всего один щелчок по носу, и творение Мерча замерло посреди улицы, растерянно озираясь по сторонам, подобно старушке, которая не может вспомнить, где ее ключи от дома.

Толпа торжествовала.

Мерч Эрнот некоторое время оставался в седле. Наконец, отдышавшись, он отвязал себя от Гретхен, сбросил с ее плеча веревочную лестницу и спустился вниз, не выпуская удила из рук. Я уверен, будь поблизости столб для привязи, он бы привязал к нему своего монстра с таким видом, будто он Гари Купер, который прискакал в Додж промочить горло.

На главной улице Саттера никогда не было столба для привязи, но Мерч нашел ему замену.

К нему подошел мэр Вайли.

— Мерч, надеюсь, ты не собираешься держать это благородное животное в городе, ведь оно может всерьез пострадать? — спросил он тоном, по которому было понятно, что вариант ответа только один.

— Вообще-то я собирался выпить чашечку кофе перед тем, как увести ее и дам домой. Немного в горле пересохло. Я бы заказал *настоящую* выпивку, но сегодня День Выборов и все такое... — Мерч пожал плечами.

— День Выборов, ...ый! — заорал кто-то в толпе.

Мне стыдно это писать, но человеком, который позволил себе так вольно выражаться в присутствии дам, был наш дядя Генри. Он подпрыгнул, как степная собака, страдающая икотой, в центре толпы, окружившей к этому времени Мерча Эрнота и мэра Вайли (о Гретхен упоминать не будем). Дядя яростно размахивал какой-то бумагой и, казалось, готов был пустить мэру кровь.

Все знали, какой путь прошли вместе мэр и дядя Генри, так что, когда мэр подошел к дяде и спросил сочувственным тоном: «В чем дело, старичок?» — это не было связано с чрезвычайно важным постом главы Счетного комитета, который занимал мой дядя.

— Я *скажу* тебе, в чем дело! — Дядю трясло от злости.— Мерч Эрнот и его монстр украли у нас День Выборов, они превратили его в *бедлам! Посмешище! Позорище!* Я был в школе и выполнял свой гражданский долг и могу вам сказать, что, как только до нас долетели слухи о том, что́ происходит в *этой* части города, мы потеряли три четверти избирателей! Они повытягивали шеи и рванули из школы с выпученными от любопытства глазами. А потом, потом какой-то чертов бездельник ворвался в школу с криками о том, что монстр движется в нашем направлении, и мы, мой бог, мы потеряли *всех* оставшихся избирателей и всех волонтеров до одного! Всех, кроме старика Хакетта, он не помчался со всеми только потому, что всемогущий Алан украл его ходунки!

Мэр Вайли покачал головой.

— Генри, Генри, Генри, — спокойно сказал он. — Я же тебе говорил — зачем нанимать супергероев? Они ведь думают, что, раз они все могут, им все позволено.

Это замечание не умерило праведный гнев дяди Генри:

— А ты попробуй отыскать в этом городе волонтеров для работы в участке! Никакого чувства гражданского долга, никакого, а я не могу выполнять всю работу один. Всемогущий Алан — гражданин Саттера, такой же, как ты и я, с теми же правами и привилегиями. И не его вина, что он умеет летать, крошить камни голыми руками и отбивать пули любого калибра. Если он вызвался помочь, я беру его. Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь жаловался на то, как он выполняет свой долг присяжного!

— Когда он выполняет свой долг присяжного, он должен *сидеть на месте*! — заметил мэр. — А когда он заводит в участок людей, он должен *работать* с избирательными кабинками, и ты знаешь, к чему это приводит, — он их ломает. Они крошатся у него в руках, как кусочки деревенского сыра, а мне не надо тебе объяснять, сколько стоит купить новые. Алан ничего не может с собой поделать. Он силен как бык, потому что в сердце его пусто.

— Тогда найди ему женщину перед следующими выборами! — отстреливался дядя Генри. — Это лишит его силы,

и проблема решится. Почему, черт возьми, я один должен думать обо всем!

Каждый из тех, кто стоял поблизости и слышал слова дяди Генри, залился краской и не мог вымолвить ни слова. Я уверен, что наш покойный дядя был единственным жителем Саттера, который не знал, что всемогущий Алан самый голубой из всех голубых в мире.

Когда мэр восстановил присущий ему апломб, он спросил:

— Генри, а *зачем* всемогущий Алан украл ходунки у старика Хакетта?

— Он сказал, что собирается разжать ими челюсти монстра, — недовольно ответил дядя.

— Так-так, — кивнул мэр Вайли и глянул в обе стороны улицы. — Ты же понимаешь, что алюминиевыми ходунками не разожмешь пасть аллигатора на приличное время, не говоря уж об *этих* челюстях, — кивнул он в сторону Гретхен. У нее и в самом деле был впечатляющий набор зубов.

— Да я знаю, знаю, — отвечал дядя Генри. — А *ты* пробовал возражать супергерою? Это же как говорить с самой тупой частью кирпичной стены.

— Верно, верно. — Мэр почесал подбородок и снова оглядел улицу. — Только объясни мне одну вещь, Генри. Алан украл ходунки у старика Хакетта, чтобы сразиться с монстром. Он сделал это в школе. Школа в двух шагах отсюда. Всемогущий Алан умеет летать. Так почему его не было здесь с этими чертовыми ходунками по крайней мере за полчаса *до того*, как началась вся эта заваруха?

Маргарет Ли похлопала мэра по плечу.

— Может быть, он заблудился? — предположила она.

— Как, черт подери, человек, который умеет летать, как ...ая птица, может заблудиться в *этом* городе?! — взревел мэр Вайли.

— Мужчины никогда не спрашивают направление, — пожала плечами Маргарет.

Как говорится, помяни голубого супергероя, он и появится. Рори Вега задрал голову вверх, ткнул пальцем в родное небо над Мейн-стрит и завопил:

— Глядите! Там птица! Самолет! Это...

— Если ты не заткнешься, это будет защитник авторских прав на твою жалкую задницу, — оборвал его малыш Тимми. На него никак не повлияло перенесенное испытание, разве что он весь был в слюне Гретхен. — Ты вечно талдычишь одно и то же, стоит появиться всемогущему Алану. Иисус на драндулете, Вега, смени пластинку!

Язвительный ответ Рори перекрыл рев полета нашего местного супергероя.

— Трусливое ничтожество! Я проломлю тебе голову! — прогремел с небес всемогущий Алан, пуская солнечных зайчиков ходунками старика Хакетта, и взмыл вверх перед смертельной схваткой.

Мы все пытались остановить его. Мы орали, вопили и размахивали руками до тех пор, пока не охрипли и не выбились из сил, но от всего этого было мало толку. Всемогущий Алан, сильный и храбрый, он умеет летать и общаться со степными сурками, но вы *попробуйте* сказать супергерою, что он опоздал со своей спасательной миссией. У них суперслух, но это не значит, что они кого-то слушают. Несмотря на все наши старания предотвратить атаку, Алан обрушился на Гретхен, как чертова ракета, и угодил ей прямо в морду.

Ему еще повезло, что он не поразил цель, иначе он мог поранить животное и потом всю жизнь расплачивался бы с ремонтной бригадой Вельзевула в лице Элизы и Бет Эрнот. Алан угодил Гретхен в морду, это правда, но не ходунками, а всего лишь плечом. Это было скорее касание, и реального вреда оно не принесло. Шакалозавр, испуганно вскинув голову, завизжал, как три грузовика, нагруженных свиньями, и подпрыгнул. Казалось, можно ожидать повторения дерби по разрушению Мейн-стрит, но на этот раз Мерч Эрнот привязал своего монстра к самому крупному объекту, находящемуся поблизости. Если быть точным, это был мой грузовичок-пикап. Какой бы крупной ни была Гретхен, она не могла сорваться с места с таким якорем, как мой пикап. Гретхен поднялась в небо футов на шесть, дернулась на поводке и плюхнулась на землю.

К несчастью, именно в этом месте в тот момент стоял дядя Генри. Он был хорошим человеком и крепким муж-

чиной, но я не встречал ни одного мужчину, достаточно крепкого для того, чтобы выдержать вес рухнувшего на него попрыгунчика шакалозавра. Разве что в Техасе таких встретишь.

И вот теперь мы столкнулись с одной настоящей трагедией (дядя Генри) и с одной почти трагедией (Мерч Эрнот подумал, что Гретхен сломала ногу и ему придется ее пристрелить, но она не сломала, и он не пристрелил), еще была масштабная порча имущества, но в остальном ничего из ряда вон выходящего. Но именно с этого места начали происходить труднообъяснимые события.

Последним официальным актом дяди Генри как главы Счетного комитета было распоряжение закрыть избирательный участок из-за Гретхен. Так как он умер, до того как смог заново открыть его, подсчет голосов закончился на момент закрытия, и это была чистая победа мэра Вайли. Результаты выборов объявили в тот же вечер в похоронном бюро Паркера, где собрался почти весь город, чтобы проводить в последний путь дядю Генри. Пара сторонников мэра похлопала в ладоши, насколько это позволяла обстановка.

Мэр Вайли встал и подошел к закрытому, по понятным причинам, гробу дяди Генри. Откашлявшись, он поблагодарил всех за поддержку, а потом обрушил на нас нечто большее и гораздо более неправдоподобное, чем Гретхен. Он сказал, что не может согласиться с результатами выборов, потому что это было бы безнравственно. Он сказал, что у нас демократия и с его стороны было бы неэтично, если бы он извлек личную и политическую выгоду из городской трагедии. Он сказал, что намерен утром объявить о незамедлительной подготовке к повторным выборам. Сказал, что это будет единственно честное решение.

Честное решение. Мэр Вайли — политик до мозга костей — честный. Нравственный. Этичный. ... . Даже изложив все на бумаге, клянусь Богом, я не представляю, как мне удастся заставить поверить в *это* отца. Никто не сможет. В ближайшей перспективе, по крайней мере, точно.

Может, я лучше просто скажу ему, что дядя заболел.

КРЭГ ШОУ ГАРДНЕР

Разборки с демонами

В предыдущем томе юмористического фэнтези публиковался рассказ Крэга Шоу Гарднера (Craig Shaw Gardner, род. 1949) «Встреча с драконом» *(A Drama of Dragons, 1980), в котором мы познакомились с волшебником Эбенезумом, страдающим аллергией на колдовство. С тех пор Гарднер написал немало забавных историй, включая цикл о Киноверсуме (Cineverse series), где худшие сюжеты фильмов категории «Б» превратились в реальность, — это* «Рабы бога Вулкана» *(Slaves of the Volcano God, 1989),* «Невеста склизкого монстра» *(Bride of the Slime Monster, 1990) и* «Месть пушистых кроликов» *(Revenge of the Fluffy Bunnies, 1990). Представленная ниже история возвращает нас к приключениям Эбенезума и его преданного ученика Вунтвора.*

1

Каждый волшебник должен исследовать окружающий мир — путешествия дарят знания. Определенные обстоятельства, например, когда не срабатывает самое главное заклинание или влиятельный заказчик возмущен размером твоего вознаграждения, делают путешествие особенно познавательным.

Из «Наставлений Эбенезума». Том V

В конце концов мы вынуждены были покинуть наше жилище и отправиться искать помощь на стороне. Мой господин осознал, что впервые не может сам излечить себя от недуга. Я считаю, что волшебник должен мириться с таким положением вещей. Итак, мы отправились на поиски мага, обладающего достаточным мастерством и ловкостью, чтобы излечить моего учителя, хотя можно дойти до самой Вушты, города тысячи запретных удовольствий, и не встретить мага, который мог бы сравниться с великим Эбенезумом.

Однако болезнь, которую подхватил волшебник и которая заставляла его непроизвольно чихать в присутствии ма-

гии, изрядно осложняла нам жизнь. Этот недуг возник вскоре после того, как мой господин вступил в схватку с могущественным демоном из седьмой Преисподней. Эбенезум в итоге изгнал эту тварь, действительно самую ужасную из всех, кого ему приходилось встречать, но победа досталась не даром. После этой схватки Эбенезум чихал всякий раз, когда сталкивался с волшебством в любой его форме.

Мой учитель справлялся с напастью лучше любого другого и продолжал потихоньку заниматься своим ремеслом, по большей части используя живой ум, а не заклинания. Он не раз говорил мне, что магия на девяносто процентов опирается на воображение.

Сейчас тем не менее мне было неспокойно.

Эбенезум шагал впереди меня по едва заметной тропинке в густом, непроходимом лесу. Периодически он останавливался, чтобы я с мешком со снадобьями и прочими тяжелыми пожитками мог его нагнать. Сам же учитель, как обычно, шел налегке, он любил повторять, что руки мага должны оставаться свободными для заклинаний, а мозг — свободным для мыслей.

Но что-то было не так с моим господином. Я заметил это по его походке. Она была по-прежнему стремительной, шаги широкими, но чего-то все же не хватало — уверенности, с которой волшебник идет по тропе, сознавая, что справится со всем, что попадется ему на пути. Сейчас Эбенезум шел слишком быстро, я думаю, он спешил поскорее завершить самое неприятное дело в своей жизни — попросить другого волшебника о помощи. Это могло изменить саму его сущность. Впервые за долгие годы ученичества я опасался за моего учителя.

Эбенезум остановился посреди тропинки и огляделся по сторонам. Нас окружала непроходимая чащоба.

— Должен признаться, Вунт, я обеспокоен, — сказал он и почесал седую шевелюру под колдовским колпаком. — Судя по моим картам и путеводителям, это должна быть густонаселенная местность с оживленной торговлей, богатыми фермами и гостеприимными постоялыми дворами. Это было главной причиной, по которой я выбрал этот маршрут,

так как хоть у нас и осталось немного наличных после наших последних подвигов, еще немного деньжат не помешает. — *Волшебник хмуро вглядывался в темный лес.* — Честно сказать, я начинаю сомневаться в эффективности некоторых моих приготовлений к этому путешествию. Никогда не знаешь, с чем столкнешься в дороге.

По одну сторону тропы раздался страшный треск. Заросли раздвинулись, листья полетели в стороны, мелкая лесная живность завизжала от страха.

— Сгинь! — заорал кто-то из чащи.

Что-то увесистое опустилось между мной и моим господином. Эбенезум чихнул. В воздухе витало колдовство!

— Сгинь! — завопил тот же голос, и темно-коричневый предмет, опустившийся между нами, снова поднялся в воздух.

Судя по тому, что этот предмет крепился к здоровенной ручище, а та — к плечу, скрытому листвой, я догадался, что предмет этот — большущая дубина. Эбенезум отскочил на несколько шагов вдоль по тропинке, высморкался в рукав колдовской мантии и приготовился послать заклинание, несмотря на аллергию.

Дубина взлетала и опускалась, кроша подлесок. На освободившемся пространстве появился человек. Он был невероятных размеров — ростом выше шести футов плюс громоздкий бронзовый шлем, украшенный крыльями, который делал его еще выше. В ширину этот человек был не меньше, чем в высоту, брюхо его прикрывали доспехи из той же тусклой бронзы.

— Сгинь! — повторил он басом, преграждая нам путь.

Эбенезум чихнул.

Делать было нечего. Я сбросил мешок с плеча и вцепился двумя руками в свой дубовый посох. Человек в доспехах шагнул к беспомощно чихающему волшебнику.

— Назад, негодяй! — крикнул я, взяв ноту повыше, чем хотелось бы, и, размахивая посохом над головой, бросился на злодея.

— Сгинь! — повторил воин, его шипастая дубина встретилась в воздухе с моим посохом и расщепила крепкий дуб пополам. — *Сгинь!* — *Злодей замахнулся снова.*

Я нырнул в сторону и поскользнулся на листьях и корнях, устилавших тропинку. Моя левая нога ушла из-под меня, потом правая, и я врезался в прикрытое бронзой брюхо.

— Сги... у-ух! — крикнул, падая, воин. Его шлем ударился о ствол дерева, и больше воин не кричал.

— Скорее, Вунт! — задыхаясь, окликнул меня Эбенезум. — Дубина!

Учитель кинул в меня мешок. Я откатился от бронзового живота и умудрился укрыть в мешке грозное оружие. Маг глубоко вздохнул и высморкался.

— Заколдованная.

Так, значит, это дубина, а не воин, вызвала у моего господина приступ чиха. Я с любопытством оглядел напавшего на нас, а теперь распростертого на земле воина. Воин застонал.

— Быстрее, Вунт! — снова окликнул меня Эбенезум. — Хватит глазеть, свяжи этого парня. Я чувствую, мы сможем кое-что разузнать у этого агрессивного толстяка.

Когда здоровяк открыл глаза, я завязывал последний узел на его запястьях.

— Как? Я еще жив? Вы не убили и не сожрали меня, как делают все демоны?

— Что? — Эбенезум сверху вниз смотрел на поверженного воина, глаза колдуна сверкали от гнева. — Мы похожи на демонов?

Громила на секунду задумался.

— Теперь, когда ты спросил, мне кажется, что не похожи. Но вы должны быть демонами! Это мой рок — всегда сталкиваться с демонами, мое предназначение — сражаться с ними, где их ни встречу, пока я сам не провалюсь в Преисподнюю! — Странный свет блеснул в глазах великана, а может, у него просто дрогнули щеки. — Вы можете быть замаскированными демонами! Может, вы хотите пытать меня — медленно, изощренно, с жестокостью, какая бывает только в Преисподней! Ладно, валяйте, и покончим с этим!

Эбенезум с минуту разглядывал трясущегося воина, запустив пальцы в длинную седую бороду.

— Я думаю, — сказал он, — лучшей пыткой будет оставить тебя здесь, и болтай сам с собой. Вунт, не желаешь поднять свой мешок? Нам пора.

— Погодите! — завопил здоровяк. — Я не подумал, поторопился. Вы и ведете себя не как демоны. И то, как вы повалили меня, — случайный удар в живот! Вы наверняка люди! Таких неуклюжих демонов не бывает!

— Беру свои слова обратно, вы хорошие ребята! — Он вытянул вперед руки. — Но кто-то меня связал!

Я убедил воина, что это была всего лишь мера предосторожности, мы подумали, что он может быть опасен.

— Опасен? — В его взгляде опять мелькнуло что-то странное, но, может, это просто шлем съехал ему на глаза. — Конечно, я опасен! Я — Хендрик Ужасный из Мелифокса!

Воин умолк, ожидая нашей реакции.

— Вы обо мне не слышали? — спросил он, так как никакой реакции не последовало. — Хендрик, который вырвал из лап демона Брекса заколдованную боевую дубину Голова-с-Плеч вместе с обещанием, что она навсегда будет моей! Проклятая Голова-с-Плеч, которая высасывает память из людей! И все же я не могу заставить себя избавиться от нее, она придает мне силы! Мне нужна эта дубина, несмотря на ее жуткую тайну.

Глубоко посаженные глаза Хендрика обратились к мешку, в котором покоилась дубина.

— Но демон не сказал мне об условиях! — Огромного воина начало трясти. — Ни один человек не может стать хозяином Головы-с-Плеч! Человек может только взять ее напрокат! Два раза в неделю, иногда и чаще, я сталкиваюсь с демонами, которые предъявляют мне требования. Я должен или убивать их, или выполнять их жуткие приказы! Когда я выиграл дубину, Брекс не сказал, что она досталась мне в рассрочку! — Хендрика трясло так, что его доспехи бряцали на тучном теле.

— В рассрочку? — задумчиво переспросил Эбенезум, его интерес к Хендрику неожиданно возрос. — Не думал, что в Преисподней такие умные бухгалтеры.

— Да, умные, и даже очень! А такой несчастный вояка, как я, уже отчаялся найти хоть кого-то, кто избавит меня от этого проклятия. Но потом я услышал песню проезжего менестреля о делах великого волшебника Эбинизера!

— Эбенезума, — поправил мой учитель.

— Ты слышал о нем? — Физиономия Хендрика просветлела. — Где его искать? У меня нет ни пенни, я вот-вот сойду с ума от отчаяния! Он — моя последняя надежда!

Я взглянул на мага. Неужели Хендрик не догадывался?

— Но это...

Эбенезум приложил палец к губам, и я умолк.

— Говоришь, нет ни пенни? Но ты же понимаешь, что услуги волшебника такого уровня должны щедро оплачиваться. Конечно, всегда можно совершить обмен...

— Ну конечно! — воскликнул Хендрик. — Ты тоже волшебник! Может, ты поможешь мне найти его. Я прошу не только для себя, у меня благородная цель — надо избавить целое королевство от проклятия, которое исходит из самой казны Мелифокса!

— Из казны? — Эбенезум выдержал долгую паузу, потом широко улыбнулся, впервые за все время нашего путешествия, и продолжил: — Твои поиски закончились, дорогой Хендрик. Я — Эбенезум, волшебник, о котором ты говорил. Пошли, я избавлю вашу казну от любого проклятия, кто бы его ни наслал.

— А Голова-с-Плеч?

Мой господин снисходительно махнул рукой:

— Конечно, конечно. Вунт, развяжи джентльмена.

Я выполнил распоряжение волшебника. Хендрик с трудом встал на ноги и тяжело шагнул к своей дубине.

— Будь добр, оставь ее в мешке, — попросил его Эбенезум. — Обычные колдовские меры предосторожности.

Тучный воин кивнул и привязал мешок к поясу.

Я закинул свой мешок на плечо и последовал за учителем. Похоже, он полностью контролировал ситуацию. Возможно, мои тревоги были напрасны.

— Что тебя может волновать? — спросил я, понизив голос. — Менестрели до сих пор поют хвалебные песни в твою честь.

— Да уж, — шепнул в ответ Эбенезум. — Менестрели будут петь хвалу любому, кто щедро заплатит.

2

> Профессиональный волшебник должен придерживаться строгих этических принципов; эти принципы не так уж ограничивают, как может показаться на первый взгляд. Соблюдая этические принципы, можно совершать многое, при условии, что волшебник соблюдает меры предосторожности, позволяющие ему совершать все, что угодно, и не быть пойманным.
>
> *Из «Наставлений Эбенезума». Том IX*

Вояка Хендрик вел нас через густой подлесок, который с каждым шагом становился все непроходимее. Солнце клонилось к закату, длинные тени деревьев падали на тропу, мешая разобрать, куда ставишь ногу, отчего наше продвижение становилось еще медленнее.

Пока мы, спотыкаясь, шли по темнеющему лесу, Хендрик поведал нам историю проклятия Кренка, столицы Мелифокса, рассказал о том, что демоны заполонили город и жить в нем стало небезопасно, о том, что земли вокруг столицы пришли в запустение, а леса одичали. Рассказал и о двух волшебниках, что постоянно живут во дворце, но не могут снять проклятие. О том, как он заключил сделку и получил заколдованное оружие, но не смог прочесть чертовски мелкие буковки. А потом их правитель, добрый и мудрый король Урфо Смелый, услышал песню менестреля о великом волшебнике из лесной страны. Хендрику поручили найти этого волшебника любой ценой!

— Любой ценой? — эхом отозвался Эбенезум.

Его походка вновь обрела достоинство и уверенность, к которым я так привык; ему ничуть не мешали заросли ежевики, через которые мы прокладывали путь.

— Ну, — отвечал Хендрик, — Урфо славится тем, что иногда склонен преувеличивать. Но я уверен, раз уж вы — последняя надежда королевства, он...

Хендрик умолк и замер на месте. Мы стояли перед плотной стеной из зелени, она тянулась, насколько хватало глаз, и возвышалась на дюжину футов над нашими головами.

— Раньше этого здесь не было, — пробормотал Хендрик.

Он протянул вперед руку, чтобы потрогать зеленую стену. Из стены вынырнула лиана и обвила его запястье.

Эбенезум чихнул.

— Сгинь! — заорал Хендрик и выхватил дубину из притороченного к ремню мешка.

Эбенезум продолжал чихать.

Хендрик саданул дубиной по лиане, но растение просто прогнулось под его ударом. Теперь уже ожила вся стена, дюжины лиан и ползучих растений, извиваясь, полезли из стены. Они тянулись к массивной туше Хендрика, он размахивал дубиной, отгоняя их от себя. Эбенезум спрятал голову под своей просторной мантией, из-под ее складок доносилось приглушенное чихание.

Что-то вцепилось мне в лодыжку. Коричневая, толстая, гораздо толще, чем те, что угрожали Хендрику, лиана обвила мою ногу и поползла к бедру. Я запаниковал и попытался отпрыгнуть в сторону, но в результате повалился на землю. Лиана потащила меня к сверхъестественной стене.

Хендрик оказался там раньше меня. Окруженный растениями воин размахивал дубиной. Удары его стали слабее, и он уже не кричал. Лианы обвили его тело, оставались считаные секунды до того момента, как он исчезнет в зеленой стене.

Я снова задергался, пытаясь избавиться от ползущего ко мне растения. Растение оказалось чрезвычайно цепким. Краем глаза, пока лиана тащила меня несколько последних футов к стене, я успел увидеть у себя за спиной Эбенезума.

Растения окружили волшебника, но только сейчас начали цепляться за его колдовскую мантию. Казалось, ожившие лианы понимали, что Эбенезум представляет большую опас-

ность, чем мы с Хендриком. Узловатый усик полз к рукаву волшебника, нащупывая дорогу к его руке.

Мой господин отбросил полы мантии с лица и сделал три сложных пасса, успев при этом произнести несколько слогов до того, как на него снова напал чих. Усик на его рукаве потемнел, усох и превратился в труху.

Моя нога была свободна! Я отпихнул от себя мертвую лиану и встал. Хендрик валялся в том, что только что было зеленой стеной. Он ловил ртом воздух, а под его тушей хрустели увядшие листья.

— Проклятие! — стонал он, пока я помогал ему подняться на ноги. — Это дело рук демонов, устроили мне ловушку за то, что я отказываюсь им платить!

— Чепуха, — покачал головой Эбенезум. — Это всего лишь колдовство. Простое агрессивное заклинание для растений, думаю, оно исходит из Кренка. — Учитель зашагал по освободившейся тропе. — Нам пора, ребятки. Кому-то, кажется, не терпится с нами встретиться.

Я быстренько собрал разбросанные по земле пожитки и потрусил за учителем. Хендрик замыкал шествие; он не переставал ворчать и, казалось, помрачнел еще больше. Вдалеке на холме я увидел что-то похожее на город, его высокие стены четко вырисовывались на фоне вечернего неба.

К стенам города мы подошли вскоре после захода солнца. Хендрик несколько раз стукнул тяжелым кулаком по дубовым воротам. Ответа не последовало.

— Боятся демонов, — тихо осведомил нас Хендрик и крикнул уже громче: — Эй! Впустите нас! Со мной важные гости города Кренка!

— Кто это там кричит? — спросила появившаяся над стеной голова в серебряном шлеме.

— Хендрик! — пробасил воин.

— Кто? — переспросила голова.

— Ужасный Хендрик, прославленный в песнях и сказаниях!

— Ужасный кто?

Необъятный воин судорожно вцепился в мешок с дубиной:

— Хендрик, прославленный в песнях и сказаниях, тот, который завладел проклятой дубиной Голова-с-Плеч...

— О, Хендрик! — воскликнула голова. — Это тот большой парень, которого король Урфо Смелый недавно отправил на задание!

— Да! Открывай ворота! Ты что, не узнаешь меня?

— Ты и правда на него смахиваешь. Но в наши дни осторожность не помешает. Ты похож на Хендрика, но, возможно, ты — это два или три демона, сцепившиеся вместе.

— Проклятие! — орал Хендрик. — Я должен войти в город и проводить колдуна Эбенезума и его помощника к королю!

— Эбинидама? — возбужденно воскликнула голова. — Это тот, о ком пели менестрели?

— Эбенезума, — поправил мой господин.

— Его самого, — ревел в ответ Хендрик. — Так что открывай ворота. Тут кругом полно демонов!

— Именно это меня и волнует, — отвечала голова. — Эти двое тоже могут быть демонами. Вместе с тремя, что маскируются под Хендрика, получается, я впущу в город пять демонов. В наше время осторожность не помешает, понимаешь меня?

Хендрик швырнул на землю свой огромный крылатый шлем:

— Ты что, хочешь, чтобы мы простояли тут всю ночь?

— Не обязательно. Вы можете вернуться сюда на рассве... — Предложение головы оборвало нечто зеленое и светящееся в темноте, проглотившее ее целиком.

— Демоны! — заорал Хендрик и выхватил из мешка свою дубину. — Умри!

Эбенезум беспрерывно чихал. Тем временем на стене появилось нечто. Оно светилось ярко-розовым.

Что-то похожее на глаз над зеленым свечением повернулось в сторону ярко-розового, глаз над розовым в свою очередь повернулся к зеленому. Что-то вывалилось из центра зеленой массы и поползло по стене в нашу сторону. Похожее щупальце появилось из розовой массы, вцепилось в зеленый отросток и затянуло его обратно на стену.

Оба глаза засверкали еще ярче и начали испускать свист, который становился все громче и невыносимее. Затем последовала вспышка, и оба существа исчезли под звук, напоминающий раскат грома.

Городские ворота беззвучно открылись.

Волшебник отвернулся от Хендрика и высморкался.

— Любопытный у вас городок, — сказал он и прошел в ворота.

За воротами нас кое-что ожидало. Это было существо высотой четыре с половиной фута, кожа у него была тошнотворно желтого цвета. На нем был странный костюм в сине-зеленую клетку, словно кто-то раскрасил его под шахматную доску. На шее красовался бант из красной тряпицы. Голову существа украшали рога, физиономию — улыбка.

— Хендрик! — воскликнуло существо. — Рад тебя встретить!

— Сгинь, — ответил воин и вытащил дубину из мешка.

Эбенезум отошел в сторонку и прикрыл нос полой мантии.

— Я всего лишь интересуюсь своими инвестициями, Хенни. Как тебе нравится твоя новая дубина?

— Исчадие ада! Голова-с-Плеч никогда не станет твоей!

— А кто сказал, что она нам нужна? Голова-с-Плеч твоя всего за какую-то дюжину выплат! Это совсем дешево. Пара-тройка душ второсортных принцев, падение жалкого королевства, слегка заколдованный драгоценный камешек или два. И тогда эта чудесная дубина станет по-настоящему твоей!

Существо ловко увернулось от удара боевой дубины. Удар был такой силы, что из мостовой повылетали булыжники.

— Вот это оружие! — не унимался демон. — Самая чудесная дубина из всех в нашем демонстрационном зале! Я не упомянул о том, что она подержанная? Скажем так: ранее ею владели. Эта отменная дубина была в арсенале престарелого короля, который пользовался ею по воскресеньям, раскалывая головы осужденным преступникам. Отсюда у дубины это колоритное имя и великолепный дизайн. Я, Улы-

бающийся Брекс, отдаю ее тебе... — Демон присел, и Голова-с-Плеч со свистом пронеслась у него над головой. — Нынче на рынке не сыщешь использованной дубины лучше этой. Как я недавно говорил моей любимой... ик...

Удар по темечку заставил демона замолчать. Мне удалось прокрасться за спину заболтавшегося демона и треснуть его по башке довольно крупным булыжником. Существо в клетчатом костюме повалилось на колени и выдохнуло:

— Простые условия!

Хендрик поспешил добавить удар от себя. Демон нырнул в сторону, но первый удар лишил его верткости, и дубина угодила ему в плечо.

— Очень дешево!

Дубина Хендрика опустилась на тошнотворно желтую голову. Улыбка сползла с физиономии демона.

— Возможно... это последний раз... когда мы делаем такое выгодное предложение! — простонал демон и исчез.

Хендрик стер потертым рукавом желтый гной с Головы-с-Плеч.

— Это мое проклятие, — хрипло прошептал он. — Вечное преследование Улыбающегося Брекса, предлагающего Голову-с-Плеч, которую можно взять напрокат, но владеть ею — никогда! — И снова странный свет блеснул в глазах воина, хотя, возможно, это был всего лишь отблеск лунного света от мостовой.

Эбенезум вышел из полумрака:

— Это не самая большая проблема... ух... Положи эту дубину в мешок, ладно? Неплохая сделка, думать не о чем.— Волшебник высморкался. — Ловко вы разделались с этим демоном.

Мой господин задумчиво подергал себя за бороду.

— На мой взгляд, эффективность проклятия зависит от того, как к нему относится прóклятый. Оценив ситуацию наметанным, так скажем, глазом колдуна, я гарантирую: как только мы развеем чары над казной, все твои проблемы решатся сами собой.

Мне показалось, что груз, давящий на брови Хендрика, в момент испарился.

— Правда? — спросил он.

— Не сомневайся. — Эбенезум расправил складки мантии. — Кстати, добрый король Урфо Смелый и вправду считает, что только мы можем спасти его золотишко?

3

> Колдуну, который не настроен тратить время на то, чтобы заработать авторитет, следует работать не в городе, а в деревне. Магия приобретает более магический вид в сельской местности. Горожане настолько привыкли взаимодействовать с определенного рода торговцами и чиновниками, что фокусы рядового заклинателя на них не могут произвести впечатление.
>
> *Из «Наставлений Эбенезума». Том X*

Хендрик вел нас по извилистым улочкам Кренка к дворцу короля Урфо. Для меня, выросшего в герцогстве Гэрниш, в окружении лесов волшебников, Кренк, с его стенами, воротами, как минимум с пятьюстами домами и даже с мощеными улицами, казался самым большим городом на свете. Но, пока мы шли, кроме всего перечисленного, я ничего не увидел. Где таверны, в которых можно посидеть и дружески поболтать с местными жителями? Где привлекательные молоденькие горожанки? Как мне приобрести форму к тому времени, когда мы наконец доберемся до Вушты, города миллиона запретных удовольствий, если каждый город на нашем пути будет таким же мертвым, как этот?

Откуда-то издалека донесся крик. Хендрик замер на месте. Но вслед за криком последовал женский смех. Ну хоть кто-то в этом городе развлекается. Неужели все горожане так боятся демонов?

Мы вышли на открытое пространство, в центре которого возвышалось здание, в два раза грандиознее и в пять раз больше, чем все окружающие дома. У массивных дверей дворца стоял страж, первый (если не считать голову на стене) человек, с которым мы повстречались в Кренке.

— Стоять! — гаркнул стражник, завидев нас у дворца. — Кто идет?

Хендрик и не подумал остановиться.

— Важное дело к королю Урфо! — ответил он.

Страж обнажил меч.

— Назовите себя — или вам смерть!

— Проклятие, — простонал необъятный воин, — ты что, не узнаешь — это Хендрик возвращается, выполнив важное задание короля!

— Кого не узнаю? — прищурился в темноте стражник. — Я имя не расслышал.

— Я — Хендрик Ужасный, и со мной колдун Эбенезум!

— Эбинезус? Тот, о котором распевают песни? — Стражник поклонился моему господину. — Мое почтение, сэр, для меня честь повстречать такого колдуна, как вы.

Стражник повернулся к Хендрику, который к этому моменту уже подошел к дверям довольно близко.

— А ты, как там тебя зовут? Я не могу пускать во дворец кого попало. Нынче осторожность не помешает, понимаешь меня.

— Проклятие! — воскликнул Хендрик и с ловкостью, неожиданной для человека таких размеров, выхватил из притороченного к ремню мешка дубину и треснул ею стражника по голове.

— Ик... — отозвался стражник. — Кто ты? Кто я? Какая разница?.. — И стражник повалился лицом вниз.

— Голова-с-Плеч — дубина, высасывающая память из людей. Он скоро очухается, но не вспомнит, что с ним произошло, а может, вообще ничего не вспомнит. — Хендрик упаковал свою дубину. — Пошли, нас ждет король Урфо. — Он пнул дверь и вошел во дворец.

Я глянул на своего учителя. Он покрутил ус, выдержал паузу, потом кивнул и сказал:

— Казна.

Мы последовали за Хендриком.

Мы шли по длинному залу. Пламя потрескивающих факелов заставляло наши тени плясать на стенах, увешанных

гобеленами. Из-за непонятно откуда взявшегося сквозняка внутри дворца было холоднее, чем снаружи. Над дворцом явно висело проклятие.

В дальнем конце зала у задрапированных дверей стояли два стражника. Наш воин без лишних слов отключил их своей дубиной.

Хендрик распахнул двери.

— Кто? — крикнул кто-то, скрытый в тени огромного трона, водруженного на платформу в центре зала.

— Хендрик, — ответил воин.

— А кто это? — Из-за подлокотника огромного кресла выглянула голова в короне. — Ах да, это тот жирный парень, которого мы послали с заданием на прошлой неделе. Ну, какие новости?

— Я привел Эбенезума.

Со всех сторон зашаркали и зашуршали покидающие свои укрытия придворные и слуги.

— Нибинизума? — спросил кто-то из-за кресла.

— Эбинизикса? — раздался голос из-за колонны.

— Эбенезума, — уточнил мой господин.

— Эбенезума! — эхом отозвались дюжины две людей, выбирающихся из-за колонн, гобеленов и оружейных пирамид, чтобы поглазеть на волшебника.

— *Тот самый* Эбенезум? Тот, о котором пели менестрели? — Король Урфо выпрямился на троне и широко улыбнулся. — Хендрик, ты будешь щедро вознагражден! — Улыбка слетела с лица короля. — Конечно, после того, как мы расколдуем казну.

— Проклятие, — отвечал Хендрик.

Король Урфо жестом пригласил нас сесть на мягкие стулья напротив трона и некоторое время настороженно оглядывал погруженные в тень углы зала. Никакого движения. Правитель Мелифокса откашлялся и заговорил:

— Что ж, лучше сразу приступить к делу. В наши дни осторожность не помешает.

— Читаете мои мысли, добрейший король. — Эбенезум встал со стула и подошел к трону. — Я так понимаю, дело касается заколдованной казны? Нельзя терять время.

— Именно! — Урфо нервно глянул на балки под потолком. — Дело касается и моих денег тоже. Моих любимых денежек. Нельзя терять время. Будет лучше, если я прямо сейчас представлю вас моим колдунам-советникам.

Эбенезум замер на месте.

— Советникам?

— Да, у меня два придворных колдуна. Они посвятят вас в детали, касающиеся проклятия, — сказал король и дернул за шнурок с одной стороны трона.

— Вообще я работаю один. — Мой господин подергал себя за бороду. — Но, когда дело касается прóклятых сокровищ, думаю, можно пойти на сотрудничество.

Двери за спиной короля открылись, и в зал вошли две фигуры в мантиях, одна мужская, другая женская.

— Не будем терять время! — воскликнул король. — Позволь, я представлю тебе твоих коллег — Гранах и Визолея.

Вновь прибывшие встали по обе стороны трона, и некоторое время три колдуна молча обменивались оценивающими взглядами. Потом Визолея улыбнулась и поклонилась моему господину. Это была красивая женщина средних лет, высокая, почти с меня ростом, у нее были рыжие волосы с проседью, яркие зеленые глаза и обаятельная белозубая улыбка.

Эбенезум церемонно раскланялся в ответ.

Гранах, пожилой мужчина в серой мантии, кивнул моему господину, губы его растянулись то ли в улыбке, то ли в гримасе.

— Все дело, естественно, в демонах, — сказал король Урфо; произнося «в демонах», он съежился так, словно ожидал, что кто-то из них уничтожит его за одно только упоминание об их существовании. — Они нас обложили. Они повсюду! Но в основном, — он указал дрожащей рукой в потолок, — они в башне, в которой хранятся сокровища!

Король опустил руку и глубоко вздохнул.

— Проклятие, — вставил Хендрик.

— Но, возможно, — продолжал король, — мои придворные колдуны смогут присоветовать вам всякие магические тонкости. — Он быстро глянул по сторонам.

— Конечно, мой повелитель, — торопливо заметил Гранах, но полугримаса не покидала его лица. — Хотя никаких ухищрений не понадобится, если мы используем заклинание Золотой Звезды.

Урфо подскочил на троне.

— Нет! Это заклинание будет стоить мне половины моего капитала! Должен быть способ получше. Разве нет?

Эбенезум пригладил усы.

— Несомненно. Если ваши колдуны проявят желание обсудить со мной сложившуюся ситуацию, я уверен, мы найдем решение.

— Нет ничего лучше Золотой Звезды! — отрезал Гранах.

— Половина моего золота! — воскликнул король и уже шепотом добавил: — Может, вы втроем... ну... осмотрите башню?

Гранах и Визолея переглянулись.

— Хорошо, мой повелитель, — сказала Визолея. — Вы желаете присоединиться к нам прямо сейчас?

— Присоединиться к вам? — Кровь отхлынула от лица Урфо. — Это так необходимо?

Визолея грустно улыбнулась и кивнула:

— Без этого не обойтись. В хартии волшебников прямо указано, что представитель королевской фамилии должен присутствовать при каждом посещении казны магами.

— Прямо так и написано, — добавил Гранах, — внизу свитка, кровью.

Урфо сдвинул корону на затылок и вытер взмокший лоб.

— О господи. Как такое могло получиться.

— С вашего позволения, мой повелитель, — сказала Визолея, потупив взор, — но это условие было выдвинуто вами.

Король нервно сглотнул.

— Нельзя терять время. Я должен идти с вами.

Придворные колдуны закивали.

— Без Золотой Звезды ничего не сделать, — добавил Гранах.

— Итак, вы идете с нами! — голос моего господина прервал напряженную паузу, воцарившуюся вокруг тро-

на. — Утром первым делом осмотрим башню с сокровищами!

Урфо, который все глубже утопал в своем троне, снова выпрямился и заулыбался:

— Утром?

Эбенезум кивнул.

— Мы с моим учеником проделали длинный путь. В борьбу с проклятием лучше вступать при свете дня и с ясной головой!

— Утром! — воскликнул Урфо Смелый, улыбнулся своим придворным колдунам и сказал: — Вы свободны до завтрака. Эбенезум, должен признать, ты колдун редкой проницательности. Я пришлю служанок, чтобы они приготовили вам постель и подали ужин. А утром ты положишь конец проклятию!

Я выпрямился на стуле. Служанок? Возможно, Кренк не такой уж и скучный город.

— Нам надо разработать план действий, Вунт, — сказал мой господин, когда мы наконец остались одни. — Времени у нас только до утра.

Я бросил раскладывать подушки и шкуры, на которых собирался спать, и повернулся к учителю. Эбенезум сидел на предоставленной ему широкой кровати, подперев щеки руками.

— Колдуны для меня неожиданность. — Он швырнул колдовской колпак на кровать и встал. — Но маг, в совершенстве овладевший своим искусством, должен быть готов к любым неожиданностям. Крайне важно, особенно учитывая размер нашего вознаграждения, чтобы никто не прознал о моей злополучной напасти.

Волшебник мерил комнату шагами.

— Я проинструктирую тебя по поводу некоторых предметов в твоем мешке. Мы не должны ударить в грязь лицом. Дубина этого воина навела меня на одну мысль. Мы поборемся с моим недугом.

В дверь постучали.

— Я ждал этого, — сказал Эбенезум. — Посмотри, кто там.

Я открыл дверь и увидел Гранаха. Он проковылял в комнату со своей кривой улыбкой на лице.

— Извините за позднее вторжение, — начал колдун, облаченный в серую мантию, — но мне показалось, что я не успел поприветствовать вас должным образом.

— Да уж, — откликнулся Эбенезум и поднял одну бровь.

— И я подумал, что должен сообщить вам кое-что, о чем вам необходимо знать до того, как мы посетим башню.

— Да? — На этот раз Эбенезум поднял обе брови.

— Да. Для начала пара слов о нашем покровителе, короле Урфо Смелом. Ему повезло, что кренкианцы предпочитают использовать эпитеты, которыми одаривали его на заре правления. Но с тех пор как король перешагнул шестидесятилетний рубеж, он все свое время проводил в башне с сокровищами, пересчитывая свое золото. Заметьте, я не сказал — растрачивая. Просто пересчитывая. Если вы рассчитываете на щедрое вознаграждение за свои услуги, можете оставить этот город прямо сейчас. Нашего правителя справедливее звать Урфо Скупой. Не стоит рисковать за его подачки!

— Да уж, — заметил Эбенезум и почесал затылок.

Гранах кашлянул и сказал:

— Теперь, когда вам все известно, я думаю, вы покинете дворец.

Мой господин поправил отвороты рукавов и взглянул на придворного колдуна:

— На самом деле — нет. Странствующий маг, к сожалению, не может позволить себе выбирать задачи, как это позволяют себе городские маги. Он вынужден браться за то, что предлагает ему заказчик, и надеяться, что вознаграждения, каким бы скромным оно ни было, хватит на то, чтобы продолжить странствие.

Улыбка-гримаса окончательно исчезла с лица Гранаха.

— Я тебя предупредил, — выдавил он, не разжимая губ. — Вознаграждение, которое вы получите, — ничто по сравнению с опасностью, с которой вы столкнетесь!

Эбенезум улыбнулся и подошел к двери.

— Да уж, — сказал он, открывая дверь. — Увидимся за завтраком.

Придворный колдун выскользнул в коридор. Эбенезум закрыл за ним дверь и заметил:

— Теперь я окончательно убедился — здесь можно хорошо заработать. Но — к делу. Я покажу тебе, как послать штуки три заклинания для изгнания демонов. Но, честно сказать, я не уверен, что они вообще нам понадобятся.

Мой господин достал из кармана один из блокнотиков, в которых постоянно вел записи, и принялся вырывать из него страницы:

— А пока я подготовлю свое временное выздоровление. — Эбенезум начал рвать страницы на полоски. — Когда Хендрик размахивает своей дубиной, я чихаю. Однако, когда дубина в мешке, мой нос в полном порядке. Он просто не чувствует колдовского запаха дубины. Таким образом, если мой нос утратит чувствительность к волшебству, я перестану чихать! — Он свернул одну из полосок в тугой цилиндр. — Но как это приспособление сможет противостоять насморку?

Учитель подержал бумажный цилиндр у меня перед глазами, чтобы я мог как следует его рассмотреть, и засунул его себе в ноздрю.

В дверь опять постучали.

— Самое время, — заметил Эбенезум и вытащил бумажный цилиндр из носа. — Вунт, посмотри, кто там на этот раз.

Это была Визолея. Она сменила свою грубую колдовскую мантию на легкое платье из струящейся ткани с глубоким декольте. Визолея одарила меня выразительным взглядом ярко-зеленых глаз и улыбнулась:

— Ты Вунтвор, не так ли?

— Да, — еле слышно ответил я.

— Я бы хотела поговорить с твоим учителем, Эбенезумом. — (Я посторонился, пропуская ее в комнату.) — Мне всегда хотелось пообщаться с колдуном такого уровня.

— В самом деле? — откликнулся мой господин.

Визолея обернулась ко мне и коснулась моего плеча тонкими пальцами:

— Вунтвор? Не мог бы ты ненадолго оставить нас с твоим учителем наедине?

Я глянул на Эбенезума, тот торопливо закивал.

— Позволь, я расскажу тебе о Золотой Звезде, — предложила Визолея, когда я прикрывал за собой дверь.

Некоторое время я, словно оглушенный, простоял у дверей в нашу комнату. У меня было такое чувство, что Визолея пришла к нам не только затем, чтобы поговорить с моим учителем. Последнее время в родных краях я прославился тем, что поддерживал дружеские отношения не с одной молоденькой леди, но Эбенезум каким-то образом умудрялся оставаться выше подобного рода известности.

Но я — всего лишь ученик, и мне неведомы нюансы личной жизни волшебника. Я опустился по стенке на пол и подумал, удастся ли мне заснуть на холодных каменных плитах, одновременно мечтая о девушке-служанке, которая сделала бы мой ночлег более комфортабельным.

Она хотела уйти.

— Подожди! — закричал я. — Я — ученик волшебника. Когда еще у тебя появится возможность пофлиртовать с кем-нибудь хоть вполовину интереснее, чем я?

Она не слушала. Ее уносило все дальше и дальше от меня. Я побежал за девушкой в надежде сократить дистанцию между нами. Все бесполезно. Она меня не замечала. Я вцепился в ее коротенькое платье служанки, выхватил из рук поднос и стал умолять выслушать меня.

— Проклятие, — произнесла она слишком уж низким для девушки голосом.

Я проснулся и увидел перед собой освещенное факелом лицо Хендрика.

— Осторожнее, Вунтвор! В этих коридорах спать небезопасно! По ночам здесь полно демонов! — Воин склонился еще ниже, его раздутые щеки нависли надо мной, он зашептал: — Ты стонал во сне, сначала я подумал, что ты тоже демон!

Я заметил, что в свободной руке он сжимает Голову-с-Плеч.

— Иногда я не могу заснуть по ночам, так боюсь демонов. Странно. Сегодня я ни одного не видел. Хватайся за дубину! — Хендрик помог мне подняться. — Отчего ты так стонал в коридоре?

Я пересказал ему мой сон о девушке-служанке.

— Да-а! — откликнулся Хендрик. — Это место кишит ночными кошмарами. Этот треклятый дворец построен проклятым дедом Урфо, кто-то звал его Вортерк Коварный, кто-то — Минго Сумасшедший. Были и те, кто звал его Элдраг Злобный, не говоря уже о тех, кто называл его Гришбар Плясун. Но это уже другая история, я сейчас о заколдованных коридорах, придуманных Вортерком. Здесь удивительная слышимость, самый слабый звук доносится на большие расстояния, ты думаешь, что он идет с одной стороны, а он идет совсем с другой. Тихо, ни звука!

Я не сказал Хендрику, что, кроме него, тут пока никто не говорил, так как откуда-то издалека действительно доносился голос, который без конца что-то выкрикивал. Я навострил уши. Похоже, кричали:

— Убить Эбенезума! Убить Эбенезума! Убить Эбенезума!

— Проклятие! — зарычал Хендрик.

Я шагнул на звук голоса. Хендрик ухватил меня за куртку своей здоровенной ручищей и потащил по лабиринту коридоров. На каждом перекрестке он останавливался на долю секунды, выжидая, когда крики подскажут, куда поворачивать. Иногда казалось, что мы идем на голоса, иногда — совсем наоборот. Я запутался в считаные минуты.

Голоса стали отчетливее. Разговаривали двое. Один уже не кричал, но оба были возбуждены.

— Я так не думаю.

— Но мы должны сделать это!

— Ты слишком торопишься!

— А ты вообще не собираешься действовать! Сто лет пройдет, пока мы доберемся до этих сокровищ!

— Если я доверю тебе это дело, нам вообще ничего не достанется! Нам надо привлечь на свою сторону Эбенезума!

— Нет! Разве ему можно доверять? Эбенезум должен умереть!

— А может, мне лучше объединиться с Эбенезумом и обойтись без тебя?

Хендрик внезапно остановился, и я налетел на него со спины. Доспехи воина предательски звякнули.

— Там кто-то есть!

Дверь напротив нас распахнулась. Я замер, ожидая появления обладателей голосов.

Появилось кое-что другое.

— Сгинь, — пробормотал Хендрик, увидев, как что-то ползет в нашу сторону.

Это можно было бы назвать пауком, если бы оно не было с меня размером и не обладало дюжиной лап вместо восьми. К тому же оно было ярко-красного цвета.

Хендрик занес дубину над головой. Почему-то Голова-с-Плеч на этот раз мне показалась не такой внушительной, как раньше.

Нечто зашипело и скакнуло через коридор. За ним из комнаты последовало еще одно нечто. Оно походило на огромную, раздутую клыкастую зеленую жабу. Зеленое нечто прыгнуло вслед за паукообразным и зарычало в нашу сторону.

— Сгинь, сгинь, — хрипел Хендрик.

Я решил, что благоразумнее будет бежать, но воин преграждал единственно возможный путь отступления.

Жирная жаба прыгнула перед паукообразным. Казалось, ее клыкастая пасть расплылась в улыбке. Красная многоножка перебралась через жабу в нашем направлении. Жаба зарычала и стряхнула с себя конечности красной твари, но четыре лапы все же зацепились за нее, и паукообразное оказалось впереди жабы.

Жаба сиганула прямо на красную многоножку. Паукообразное зашипело, земноводное зарычало. Лапы этих тварей сплелись, они покатились по коридору, и вскоре, кроме мелькающих лап и слюнявого оскала, уже ничего нельзя было разобрать.

Обе твари исчезли в облаке вонючего коричневого дыма.

— Сгинь, — пробормотал Хендрик.

У нас за спиной открылась еще одна дверь.

— Тебе не кажется, что пора на боковую?

Это был Эбенезум.

Я начал было объяснять учителю, в чем дело, но он жестом заставил меня замолчать:

— Тебе надо поспать. Завтра у нас будет чем заняться. — Мой господин глянул на Хендрика. — Увидимся за завтраком.

Воин еще раз посмотрел на то место, где только что исчезли две твари.

— Проклятие, — сказал он и зашагал по коридору.

— Если все получится, не будет никакого проклятия, — сказал Эбенезум, закрывая дверь.

4

> Никогда не надо верить волшебнику, который жалуется на коварство практикующих магов. В действительности существует множество ситуаций, в которых маг может доверять своему собрату. Например, в том случае, когда дело не касается денег или когда твой коллега действует на достаточном расстоянии, чтобы его заклинания не могли подействовать на тебя.
>
> *Из «Наставлений Эбенезума». Том XIV*

За завтраком никто не притрагивался к еде. Я тихонько сидел за столом и без конца прокручивал в голове три коротких заклинания, которые мне надо было выучить. Мой господин тоже вел себя тише обычного, так как боялся, что у него из носа вывалятся бумажные цилиндрики. Визолея и Гранах переглядывались через стол, Хендрик ворчал что-то себе под нос, король Урфо дрожал.

Эбенезум прокашлялся и заговорил странным глухим голосом, едва шевеля губами:

— Нам надо осмотреть башню.

— Башню? — прошептал Урфо. — Да, конечно, нельзя терять время. — Он нервно сглотнул. — Башня.

Эбенезум встал. Все последовали его примеру.

— Хендрик,— приказал мой господин,— покажешь дорогу.

Маг шагнул к королю:

— Ваше величество, коль скоро мы приступаем к делу, я бы хотел обсудить размер нашего вознаграждения.

— Вознаграждения? — переспросил дрожащий Урфо.— Но нам нельзя терять время! Над сокровищами нависло проклятие!

Визолея приблизилась к моему господину:

— Ты уверен, что все еще хочешь осмотреть башню? Там могут оказаться вещи, которые тебе вряд ли захочется увидеть.— Рука Визолеи нежно коснулась плеча учителя.— Ты ведь не забыл, о чем мы говорили вчера вечером?

— Да уж... — Эбенезум с многозначительным видом разгладил усы.— У меня такое чувство, что сокровищница преподнесет нам всем немало сюрпризов.

— Проклятие! — раздалось в голове процессии, покидающей тронный зал.

— Я действительно должен идти с вами? — донеслось с хвоста.

— Хартия,— напомнил Гранах.

— Может, мы все-таки немного поторопились? — Король отер лоб кружевным рукавом.— Может, лучше отложить осмотр башни и обсудить план наших действий?

— Отложить? — возвысил голос Гранах и обменялся взглядами с Визолеей.— Хорошо, если так надо...

Они развернулись и зашагали обратно в тронный зал.

— Если мы отложим осмотр,— сказал Эбенезум и посмотрел в глаза королю,— король Урфо может никогда больше не увидеть своих денег.

— Никогда?.— Короля буквально затрясло.— Моих денег? Никогда? Денег никогда? — Урфо набрал в грудь побольше воздуха.— Нельзя терять время! В башню!

Мы миновали узкий лестничный пролет и вышли на широкую площадку перед массивными дубовыми дверями.

— Казна,— сообщил Хендрик.

— Ваше величество, заклинание, если вы не против,— заметил Гранах.

Урфо вжался в дальний угол площадки, зажмурил глаза и заорал:

Говорю — О! О!
Говорю — Т! Т!
Говорю — К! К!
Говорю — Р! Р!
Говорю — О! О!
Говорю — Й! Й!
Как будет все вместе?
Открой! Открой!

Дверь громко «щелкнула» и подчинилась. Внутри стояла тишина.

— Вперед! — крикнул нам Урфо. — Я вас здесь подожду.

Эбенезум шагнул в сокровищницу.

Помещение не было большим, но и маленьким назвать его было нельзя. Оно было забито оранжевыми сундуками, золотыми слитками, умопомрачительными драгоценностями и мешками, которые были навалены вдоль стен, где по пояс, а где и по плечо.

Мы пробрались в центр сокровищницы.

— Проклятие, — пробормотал Хендрик, — я что-то не вижу демонов.

С площадки за дверью раздался нечеловеческий крик. В сокровищницу вбежал Урфо, преследуемый пауком.

— Паук Спадоры! — воскликнул учитель и зажал свой нос.

— Гранах! — крикнула Визолея. — Мы так не договаривались!

— Ваше величество! — заорал Гранах. — Осталась одна надежда! Я произнесу заклинание — Золотая Звезда!

— Нет, ты этого не сделаешь! — Визолея торопливо пробормотала себе под нос несколько слов. — Если кто-то и вызовет Золотую Звезду — это буду я!

В комнату прыгнула жаба.

— Жаба Тогота! — сказал учитель.

— Быстрее, Урфо! — кричал Гранах. — Позволь мне произнести заклинание, пока не поздно!

Красная клешня вцепилась в груду драгоценных камней.

— Краб Кранца! — проинформировал меня Эбенезум.

— Только не краб! — взвизгнула Визолея. — На этот раз, Гранах, ты зашел слишком далеко! Вызываю Вошь Лифтиании!

Гранах шагнул в сторону, уступая дорогу запыхавшемуся королю, которого теперь преследовали паукообразное, раздутое земноводное и улыбающееся ракообразное.

— О нет! — орал Гранах. — Вызываю Летучих Мышей Биллилании!

В воздухе стало не продохнуть от насекомых и хлопающих крыльев.

— Это меня не остановит! Я вызываю Крыс Руггота!

— Ах, так? Посмотрим, как ты управишься с Мышами Мирголла!

— Ты сам напросился! Я вызываю Ужасную Корову Кадлота!

Мой господин поднял руки:

— Прекратите это! Вы вызовете колдовские перегрузки!

Стены сокровищницы задрожали от мычания. Прямо перед нами материализовалась тошнотворно желтая фигура.

— А, дорогой Хендрик! — воскликнул Улыбающийся Брекс. — Очень рад нашей встрече. Мы, демоны, всегда проверяем, что происходит в месте средоточения колдовства, и смотрим, нельзя ли провернуть какую-нибудь сделку. Эй, парень, здесь можно заняться делом! Может, кто-то из вас желает приобрести заколдованный нож или парочку ножей, до того как подтянутся мои собратья?

— Проклятие! — буркнул Хендрик.

Мимо проскочил Урфо:

— Хорошо! Хорошо! Я подумаю о Золотой Звезде!

За ним галопом скакала синяя корова с налитыми кровью глазами.

Лев Лигторпедии!

— Тетерев Гримолы!

— Хватит! Прекратите! — Эбенезум засучил рукава и изготовился послать заклинание.

— Как насчет тебя, приятель? — обратился ко мне Брекс. — У меня имеется отличный заколдованный кинжал, всегда попадает прямо в сердце. Для настоящего денди может послужить и ножом для вскрытия писем. Отдаю практически даром. Просто поставь свою подпись вот здесь внизу.

— Тигр Табатты!

— Форель Тамбоулы!

— Слишком много! — Мой учитель чихнул с невообразимой силой. Бумажные цилиндры выстрелили прямо во вновь материализовавшуюся форель, Эбенезума обратной волной чиха отбросило на груды драгоценных камней.

Учитель не двигался. Он просто отключился.

— Проклятие, — не переставал Хендрик.

— Послушай меня, — не унимался Брекс, — может, сойдемся на топоре?

— Проклятие, — отозвался Хендрик.

— Извините, — оглядевшись по сторонам, гнул свое Брекс, — может, кому-нибудь нужен топор?

— Антилопу из Аразапоры!

Кто-то должен был остановить эту вакханалию! Я решил — кроме меня, некому. Надо воспользоваться заклинаниями экзорцизма!

— Снибли Гравиш Этоа Шруду... — начал я.

— Слон Эразии!

Секундочку. «Снибли Гравиш Этоа» или «Этоа Гравиш Снибли»? Я решил испробовать оба варианта.

— Хорошо! Ты меня вынуждаешь! Кит Вакканора!

В центре сокровищницы грохнул взрыв. Вместо кита появилась черная дыра.

Эбенезум зашевелился на груде драгоценных камней.

Брекс глянул через плечо на увеличивающуюся в размерах дыру.

— Пропади все пропадом! И это в момент, когда я чуть не заключил сделку. Что ж, ладно, увидимся в Преисподней!

Демон исчез.

В комнате внезапно наступила тишина. Придворные маги перестали колдовать, и все дьявольские создания — кра-

бы и коровы, тигры и форели — обернулись в сторону расширяющейся дыры.

Эбенезум открыл глаза.

— Смерч! — воскликнул он. — Скорее, мы сможем остановить его, если все вместе возьмемся за дело!

Поднялся ветер и водоворотом стал уходить в дыру. Исчадия Преисподней — крыс и летающих мышей, вшей и мышей — утащило в черноту.

Грахан и Визолея яростно посылали пассы в сторону дыры.

— Вместе! — кричал Эбенезум. — Мы должны объединиться!

Учитель начал чихать. Он прикрыл нос полой мантии и отступил от дыры. Все напрасно. Недуг скрутил волшебника.

В темноту начало засасывать драгоценности и мешки с золотом. Я почувствовал, что вихрь затягивает и меня. Грахан закричал и исчез в темноте. Визолея выкрикнула заклинание и исчезла там же. Темнота тянулась к Хендрику, королю, ко мне и моему господину.

Эбенезум отбросил полу мантии и выкрикнул несколько слов в расширяющуюся дыру. Слиток золота проскользил по полу мимо меня и исчез. Эбенезум сделал несколько пассов, и вихрь уменьшился. Учитель сделал еще несколько пассов, и вихрь уменьшился до человеческих размеров.

Эбенезум снова зачихал.

— Проклятие! — орал Хендрик.

Король Урфо с вытаращенными от ужаса глазами скользил по полу в дыру. Мы с Хендриком бросились к нему на помощь. Под ногами в дыру катились драгоценные камни. Я, надеясь заткнуть дыру, толкнул в нее сундук, но тот просто улетел в зияющую черноту.

— Мое золото! — завопил король на пути в дыру.

Я ухватил его за ногу, Хендрик — за другую. Я оступился на закатившихся под ноги камнях и повалился на воина.

— Сги... у-ух! — Хендрик не устоял и завалился в дыру.

Ветер стих. Хендрик был наполовину в сокровищнице, наполовину где-то еще. Его туша заткнула дыру.

Эбенезум высморкался.

— Так-то лучше.

Учитель произнес несколько заклинаний и чихнул еще разок после того, как мы выдернули из дыры Хендрика и она закрылась.

Учитель быстренько разъяснил ситуацию сидящему на полу одуревшему королю Урфо. Рассказал о том, как его пытались обмануть придворные колдуны, которые воспользовались проклятием, так как других способов, из-за хартии волшебников, добраться до сокровищ у них не было. Рассказал о том, как он раскрыл заговор, и теперь его следовало щедро вознаградить за спасение королевских денег.

— Деньги? — прошептал король Урфо Смелый, оглядывая комнату. В когда-то битком набитой сокровищнице, кроме дюжины драгоценных камешков да парочки золотых слитков, ничего не было. — Деньги! Вы похитили мои деньги! Стражники! Убить их! Они похитили мои деньги! Ик!

Хендрик стукнул его по голове.

— Они — что? Где я? Всем привет! — Король потерял сознание.

— Проклятие, — пробормотал Хендрик, — Голова-с-Плеч опять выполнила свою дьявольскую работу.

Учитель заметил, что самое время отправляться странствовать.

5

> Мантия волшебника — символ его ремесла, и потому он должен всегда носить ее с гордостью, если только в этот момент не стыдится того, что он волшебник. В таком случае предпочтительнее фартук ремесленника, монашеская ряса или чадра танцовщицы, по крайней мере до тех пор, пока волшебник не доберется до менее враждебной местности.
>
> *Из «Наставлений Эбенезума». Том XVII*

Нам пришлось несколько часов прождать под проливным дождем, прежде чем мы наконец покинули Кренк. Эбенезум решил на случай погони скрыть свою мантию

под более нейтральной коричневой дерюжкой, и возницы фургонов не спешили подобрать на дороге нашу пеструю компанию, тем более что третьим был такой здоровяк, как Хендрик.

— Возможно, — предположил Эбенезум, натягивая поглубже капюшон, — нам повезет больше, если мы разделимся.

— Стинь! — Хендрик затрясся и вцепился в свой мешок с дубиной. — А как же мое проклятие?

Волшебник дружески положил руку на плечо огромного воина:

— Хендрик, я гарантирую, ты еще очень долго не встретишь Брекса. Этот смерч был так силен, что он пробил по крайней мере три уровня Преисподней. Поверь эксперту — пути транспортировки не расчистятся и через несколько месяцев!

— Так, значит, — прогремел Хендрик, — я свободен от Брекса и ему подобных?

— На какое-то время — да. Боюсь, это только временное выздоровление. Я подхватил определенное заболевание, — Эбенезум выдержал паузу и посмотрел Хендрику прямо в глаза, — тоже временное, уверяю тебя, и оно мешает мне излечить тебя на более длительный срок. Однако я могу дать тебе имена настоящих специалистов-волшебников из Вушты, они сразу тебя излечат. — Учитель написал три имени на листочке из блокнота и передал его воину.

Хендрик запихнул кусочек пергамента в мешок с дубиной и поклонился моему господину:

— Благодарю тебя, великий волшебник. Итак — в Вушту.

Мне показалось, что лицо воина дернулось от волнения, хотя, возможно, это просто струи дождя стекали у него по шлему.

— Вообще-то мы тоже не против направиться в Вушту, — заметил я. — Так что, может, еще встретимся.

— Как знать, как распорядится судьба, — сказал, поворачиваясь, Хендрик. — Проклятие.

Вскоре фигура воина исчезла в потоках дождя.

Проводив Хендрика взглядом, я снова повернулся к своему господину. Высокий человек стоял под проливным дождем; несмотря на маскировку, это был волшебник до кончиков ногтей. Если какие-то сомнения и преследовали учителя на пути в Кренк, его последующие действия доказывали, что он от них избавился. Это был Эбенезум — лучший волшебник во всей лесной стране. И в Кренке тоже!

Терпеть больше не было сил, и я спросил учителя, что он узнал о заговоре против короля Урфо.

— Все просто, — отвечал Эбенезум. — Колдуны хотели заполучить сокровища Урфо, но не могли этого сделать из-за заклятия на двери. Тогда они изобрели заклинание Золотая Звезда, с помощью которого Урфо лишился бы половины своих сокровищ из заколдованной башни, чтобы заставить работать заклинание. Вообще-то я их не виню. Если верить Визолее, король за все годы их службы во дворце ни разу им не заплатил. Их с Гранахом сгубила жадность, они не смогли сработаться, и ты видел, чем все это кончилось. Они даже хотели послать Золотую Звезду тремя способами, по крайней мере, так предлагала Визолея, хотя... — мой господин откашлялся, — обычно я не ввязываюсь в такие дела.

Эбенезум оглядел пустынную дорогу и вытащил из-под намокшего плаща слиток золота.

— Отлично. Я думал, что потерял его во время нашего бегства. На мне столько одежек, что я перестал его чувствовать.

Я стоял с открытым ртом, пока он не спрятал слиток обратно под плащ.

— Как тебе это удалось? С пола в сокровищнице все смело.

— С пола — да, — кивнул волшебник, — но не из-под моей мантии. Колдун должен смотреть вперед, Вунт. Волшебники обязаны поддерживать определенный уровень жизни.

Я тряхнул головой. Мне не следовало ни на секунду сомневаться в моем учителе.

К краю дороги подъехала крытая телега.

— Подвезти? — крикнул нам возница, и мы залезли в телегу.

— Тоскливый вечер,— продолжил возница.— Спою вам песню, для настроения. Потому что я — странствующий менестрель!

Эбенезум с тревогой выглянул из-под капюшона и снова спрятал лицо в тени.

— Так-так. Что бы такое лучше спеть? — Менестрель подстегнул своего мула.— Ага! Подходящая для такого вечерка песня, прямиком из Преисподней. Я спою вам о самом храбром волшебнике в округе, о парне из лесной страны Гэрниш... мм... кажется, его зовут Нибидназам. Правда, эта песенка немного длинновата, но думаю, вас поразит мужество этого парня.

Эбенезум заснул на третьем куплете.

ДЭВИД ЛЭНГФОРД

Дело Джека Подстригателя, или Последняя зимняя сказка

Ум и остроумие Дэвида Лэнгфорда поразительны. По профессии он физик-ядерщик, и его ум проявляется в серьезных книгах, таких, как «Война в 2080» *(War in 2080, 1979) и* «Третье тысячелетие» *(The Third Millennium, 1985). Но больше он известен благодаря своему остроумию, образчики которого можно найти в научно-фантастических журналах. За свои сочинения он неоднократно получал премию «Хьюго» (Hugo Awards). Некоторые из его рассказов были напечатаны в сборнике* «Руководство для путешествующих драконстопом на место битвы Завета на границе Дюны: одиссея-II» *(The Dragonhiker's Guide to Battlefield at Dune's Edge: Odyssey Two, 1988);* «Давай услышим это вместо глухого» *(Let's Hear It for the Deaf Man, 1992) и* «Молчание Лэнгфорда» *(The Silence of the Langford, 1996). Лэнгфорд — любитель мистификаций. Его первую книгу,* «Запись о встрече с обитателями иного мира, 1871» *(An Account of a Meeting with Denizens of Another World, 1871, 1979), восприняли всерьез те, кто увлекается уфологией. Он в пародийном виде отобразил ядерные исследования в книгах* «Учреждение Лики» *(The Leaky Establishment, 1984) и* «Конец Земли!» *(Earthdoom!, 1987), это роман-катастрофа, который он написал в соавторстве с Джоном Грантом, сочинения которого вы найдете в нашей антологии. В представленном ниже рассказе Лэнгфорд обратил свой талант пародиста на сочинения Г. Ф. Лавкрафта.*

Жизнь полна предсказаний и предзнаменований. Столкнувшись на Хай-стрит со старым знакомым, я почувствовал, что моя жизнь вот-вот потечет в новом направлении... а именно в сторону бара «Королевская голова», где знаменитый спец по всякой жути со старомодной вежливостью напомнит мне, что теперь моя очередь проставляться.

— Твое здоровье, — сказал я, когда мы минутой позже уселись за столик в баре, и отхлебнул эль из бокала.

— *Ph'nglui mglw'nafh Cthulhu R'lyeh wgah'nagl fhtagn*[1], — ответил мой эрудированный собутыльник; эти оккультисты знают уйму непонятных тостов. — Я только что получил новые визитки, вот, позволь презентовать тебе одну.

Я изучил протянутый мне узорчатый прямоугольник картона. «Дагон[2] Смифт. Исследователь паранормального».

— Голограмма «Печать Соломона» вызывает восхищение... по *Дагон* Смифт?

— Когда занимаешься таким опасным делом, как я, очень важно серьезно подходить к выбору крестных родителей. Постой-ка! Как опытный наблюдатель, я заметил, что у тебя порван рукав пиджака, возможно острым предметом. Это мне напоминает...

— Может, *не сейчас?* — непроизвольно воскликнул я — сказывался богатый опыт общения с приятелем.

— Это мне напоминает, — упрямо продолжал Смифт, мягко, но уверенно взяв меня за руку, — об одном довольно любопытном расследовании, в котором острые предметы сыграли довольно интересную роль. Острые предметы, древние боги и конец света.

— Ну конечно! Я отлично помню этот случай. Одно из твоих лучших расследований. Специализирующаяся на оккультных принадлежностях фирма-аферист, которая использовала технологию растрового туннельного увеличения, чтобы расщепить гвоздь из Креста Господня на атомы и наводнить рынок миллиардами подлинных крохотных талисманов...

— Совсем другой случай, друг мой, и острые предметы иного рода. Случай этот произошел несколько лет назад в захолустном городке Ф***, что расположен неподалеку

---

[1] Магический текст из рассказа Говарда Филлипса Лавкрафта «Зов Ктулху». Согласно рассказу, эта реплика означает «В своем доме в Рльехе мертвый Ктулху спит, ожидая своего часа». *(Прим. ред.)*

[2] Дагон - финикийское божество, покровитель земледелия и рыбной ловли. Фигурирует в одноименном рассказе Г. Ф. Лавкрафта, где предстает в виде древнего морского чудовища. *(Прим. ред.)*

от Д*** в округе Б***. Именно там я расследовал дело о царившем в городе ночном терроре. Представь — поздняя осень, по узким извилистым улочкам клубится туман, он превращает редких прохожих в жутковатые фантомы. И любой из этих возникающих в ночи фантомов мог оказаться существом по прозвищу Джек Подстригатель.

— Потрошитель? — переспросил я.

— Подстригатель. Ибо раз за разом мужчины (и никогда женщины) этого пробклятого городка сообщали властям, что смутно припоминают некий странный силуэт, появившийся на улице из холодного тумана. Силуэт этот окружали мерцающие огоньки, разглядеть его было невозможно, так как все мужчины загадочным образом при встрече с ним теряли сознание. Затем, по прошествии каких-то секунд или минут, жертва обнаруживала, что лежит распростертой на холодной брусчатке тротуара, а за этот короткий, выпавший из ее памяти промежуток времени она загадочным образом лишилась носков и башмаков. Но самым зловещим, недоступным человеческому пониманию фактом оказывался тот, что у всех жертв были *аккуратно подстрижены ногти на ногах.*

Последняя фраза прозвучала, как раз когда я отхлебнул эля, и у меня возникли определенные трудности.

— Смеешься, да? Смеешься?

— Пиво не в то горло пошло, — соврал я, решительно тряся головой.

— Поверхностный и наивный человек, ты невежествен в вопросах оккультизма, над которым смеешься. Тебе будет не до смеха, когда ты вспомнишь, что обстригание ногтей — а ими во все времена жаждали завладеть колдуньи — играет важную роль в ритуалах приворота и магического подавления. Так вот, этот неуловимый Джек Подстригатель каждую ночь выходил на охоту и совершал нападения, добывая эти колдовские средства. Так что в конце концов его жертвами могли стать все представители мужского населения города Ф***. — Смифт несколько театрально содрогнулся. — Невидимая миру рука, завладевшая такими средствами контроля, способна выпустить на волю

настоящее зло, вплоть до победы на выборах партии консерваторов. Нет... в такой ситуации совсем не до смеха.

Я послушно кивнул:

— И что же, за всеми этими происшествиями в городе действительно стояли эта разновидность вуду, симпатическая магия, восковые куколки и ногти?

— Как ни странно — нет.

Осушив бокал, Смифт с многозначительным видом поставил его на стол. Я произвел те же действия, даже чуть более многозначительно.

Повисла недолгая пауза.

— *Ты припомни,* — *прервал молчание Смифт,* — *я* всегда горячо ратовал за привлечение современных технологий для расследования оккультных проблем. Я первым продвинул Лазерный Пентакль, у которого было существенное преимущество перед старой доброй электрической версией Карнаки[1]. Она аннигилировала самые чувствительные из низших сущностей их при попытке пройти в административную часть города. Именно я придумал прибор Бафометр[2], который стал образцом электронного зонда, предназначенного для обнаружения демонов. Итак, в городе Ф*** у меня появилась возможность в полевых условиях опробовать мой экспериментальный, компьютеризированный зомбиискатель.

— Что, прости? — Порой я не поспевал за скачкообразным ходом мысли моего друга.

— Этот прибор я создал, вдохновившись тем, что специалисты, изучающие искусственный разум, называют «эффектом Элизы»... Это своего рода ментальная слепота, которой страдает разум большинства людей. «Элиза» — устаревшая компьютерная программа, которая способна имитировать психотерапевта. Например, набираем: «ХОЧЕШЬ ВЫПИТЬ?»

---

[1] Томас Карнаки — главный герой рассказов английского писателя Уильяма Хоупа Ходсона, сыщик, расследующий дела, связанные с потусторонними силами. *(Прим. ред.)*

[2] Обыгрывается известное в средневековой традиции имя демона Бафомета. *(Прим. ред.)*

— Не откажусь, — мгновенно отреагировал я.

Смифт проигнорировал мою реплику:

— ...а «Элиза» отвечает, к примеру: «ПОЧЕМУ ТЫ РЕШИЛ, ЧТО Я ХОЧУ ВЫПИТЬ?», или «ЧТО ТЕБЯ ЗАСТАВИЛО СКАЗАТЬ ЭТО?», или «ОШИБКА ПРИ ВВОДЕ $FF0021. НАЧАТЬ ЗАНОВО?» Все абсолютно *механически*, бездумно, ничего творческого. Но такова уж сила доверчивости, наше сознание стремится принять желаемое за действительное — «эффект Элизы». Очень и очень легко начать верить в то, что ответы, составленные программой, исходят от реального разума.

— Исходят от реального разума, — с умным видом повторил я.

— Именно таким способом зомби и проникают в современное общество: они способны к реальному диалогу не больше, чем «Элиза», но наша природа, наша человеческая слабость оправдывает их за недостаточностью улик. А мой зомбиискатель — это карманный компьютер, который снабжен определителем речи. Он не страдает доверчивостью, а трезво анализирует разговор и даст знать, когда ответы слишком уж незамысловаты, когда они повторяются или бессодержательны, как это бывает с зомби и с теми, чей разум контролируется вуду, враждебными силами или другим колдовством. С помощью этого устройства...

Тут Смифт как будто спохватился и быстро что-то забормотал, как мне показалось по-гэльски[1]. Я вдруг почувствовал непреодолимое желание схватить пустые кружки, подойти к стойке, заказать еще две пинты старого «Тикл-пенни» и принести их на наш столик.

— С помощью этого устройства, — продолжал Смифт, с удовольствием сделав несколько глотков, — я обследовал жителей Ф***, заводя многочисленные знакомства в местных питейных заведениях, выявляя жертвы Джека Подстригателя и украдкой проверяя их ZQ — Коэффициент Зомби.

[1] Гэльский язык — древнейший язык Шотландии, принадлежит к кельтской группе языков. *(Прим. ред.)*

— Ты угощал выпивкой всю эту ораву? — изумился я.

Дело в том, что Смифт в узком кругу наших общих друзей славился своей скупостью.

— Ну... — Выдающийся оккультист несколько смутился. — Вообще-то я прибег к помощи древнего ирландского заклинания, которым овладел во время путешествий, — это маленький гейс[1], заставляющий контролировать умы людей и вынуждающий собеседника проявлять ничем не объяснимую щедрость. Это абсолютно безвредная процедура, правда, при этом несколько снижается уровень интеллекта субъекта.

Я не совсем понял это расплывчатое объяснение и, несколько секунд поломав над ним голову, заметил, что мой друг продолжает свое удивительное повествование.

— В целом мой сканер не выдал никакой информации. Конечно, были кое-какие показатели ZQ у субъектов, разум которых был подавлен излишком алкоголя, переутомлением или чересчур внимательным чтением «The Sun». Но вопреки моим опасениям, никаких следов контроля оккультных сил прибор не зафиксировал.

— Да, не повезло. Одно из твоих редких поражений.

— Поражений? Разве я не исследователь экстра-класса? Разве я позволю тупым фактам разрушить мою теорию? Никогда! Правда, должен признать, в какой-то момент я почувствовал себя побежденным. А потом решил сменить тактику и воспользоваться традиционным гаданием гаруспиков.

Я призадумался.

— Что? Вырезать чьи-то внутренности? Тебе удалось отыскать добровольца? «Бесстрашный исследователь ищет людей с богатым внутренним содержанием».

— Постой-постой. Гаруспики изучали внутренности на предмет предсказания грядущего. Никто не говорит, что для этого их надо вырезать. В древние времена, когда еще не было соответствующих технологий, это действительно

---

[1] Гейс — в ирландской традиции: табу, зарок, в том числе магический. *(Прим. ред.)*

было печальной необходимостью. Как ты и сказал, я отыскал добровольца с изрядным брюшком, одну из последних жертв Джека Подстрителя. Остальное было проще простого — немного влияния, скромная взятка персоналу больницы, которая оспащена... — Смифт выдержал многозначительную паузу, — ультразвуковым сканером.

— Бесподобно! — воскликнул я.

— Элементарно, — отозвался Смифт. — Должен заметить, толкование судорожно сжимающихся и разжимающихся кишок требует определенных навыков и умения. Я много времени провел перед дисплеем ультразвукового сканера, вглядываясь в ускользающие буквы и слова, складывающиеся из этих спиралей и петель. И наконец... — мой приятель перевернул все еще лежавшую на столе визитку и что-то нацарапал на обратной стороне, — наконец я прочитал *это* слово.

Я взял карточку:

— *Наглфар?*.. Ты уверен, что это не опечатка?

— Если бы ты, друг мой, был аналитиком моего уровня, это одно-единственное слово послужило бы тебе ключом к разгадке.

— Это анаграмма слова «флагрант»?[1] Ну, то есть почти.

— Когда я все хорошенько обдумал, этого оказалось достаточно, чтобы склонить меня сделать несколько необычных покупок. Я приобрел акваланг, баллоны с кислородом, а также огнетушитель «Halon 1301», материалы для защитной пентаграммы и пару педикюрных щипчиков.

А теперь представь — ночь, номер одного из городских отелей «Маркиз Г.». Я стою в центре импровизированной пентаграммы, которую по определенным причинам соорудил из кубиков льда. Нервно проверяю подачу кислорода из баллона, щелкаю зажигалкой и со словами «Это для тебя, о Локи!»[2] перебрасываю через защитный барьер предварительно состриженные ногти.

И мои самые смелые надежды оправдались — Локи появился. Он возник откуда-то из чрева раскаленных труб

[1] Flagrant *(англ.)* — ужасающий, страшный.

[2] Локи — бог огня в германо-скандинавской мифологии. *(Прим. ред.)*

центрального отопления. Будучи божеством-трикстером, он принял обличье торговца подержанными автомобилями, его выдавали только пляшущие в глазах языки пламени. Вопрошающий взгляд Локи, казалось, прожигал мне кожу.

«Я разгадал загадку, — говорю я. — Джек Подстригатель нападает исключительно на мужчин, а я, как самый известный в мире исследователь оккультизма, знаком со скандинавской мифологией. „Наглфар" — это построенный из ногтей мужчин корабль, которому тобой предначертано бороздить моря, когда в последние дни Рагнарока[1] воды поглотят землю. Понятно, почему ты в качестве строительного материала выбрал ногти с пальцев ног, они ведь прочнее, чем ногти на руках. Но я никак не возьму в толк, почему ты собираешь материал в этом скучном городишке?»

«Трикстеры могут позволить себе делать глупости и капризничать, сколько их душе угодно, — объяснил Локи и шагнул вперед. — И естественно, я выбрал захолустье, куда вряд ли заглянет Один». Сейчас он напоминал циркового глотателя огня, которого одолевает икота.

«Ух ты! Святой Нифльхейм!»[2]

Мой визитер был еще и божеством огня и пентаграмма изо льда пришлась ему не по вкусу, однако он продолжал продираться сквозь возведенную мною преграду. Вокруг него с шипением клубился пар. Ноздри Локи буквально пылали. «Тебе следовало бы знать, что боги огня имеют обыкновение испепелять смертных, которые задают неуместные вопросы».

Но я к этому времени уже нацепил акваланг и врубил огнетушитель. Слова оккультного заклинания на изгнание зла, которые я произносил, — засекреченный последний пункт Маастрихтского соглашения[3], — сливались с шипени-

---

[1] Рагнарок — в германо-скандинавской мифологии последняя битва между богами и чудовищами, в которой погибнет мир. *(Прим. ред.)*

[2] Нифльхейм — в германо-скандинавской мифологии мир вечного льда и мрака. *(Прим. ред.)*

[3] Маастрихтское соглашение — международный договор об образовании Европейского Союза. *(Прим. ред.)*

ем испаряющегося газа. Заклинание могло сработать, а могло и нет. Но я предвидел, что боги огня не переносят смесь, которую содержат огнетушители. Локи не успел дотянуться до меня, он тихо зашипел, скукожился и, извини за банальность, потух, как огонь.

Итак, загадка была разгадана. Больше в городе Ф*** слыхом не слыхивали об этом Джеке Подстригателе. Возможно, огненный хулиган продолжает свое нечестивое дело где-то на другом конце земли...

— Это действительно великолепная работа, — пробормотал я, голова у меня слегка кружилась.

— Все это объясняет зародившийся у меня интерес к крионике, — несколько самодовольно произнес Смифт.

— Конечно, — слабым голосом отозвался я, решив вести себя сдержанно и не задавать наводящих вопросов.

Мой друг был явно доволен собой и готов продолжать повествование.

— Видишь ли, у меня такое ощущение, что трюкач Локи создает трудности и для самих богов. Весь северный пантеон скован цепями рока, из которых не вырвешься. Сбудется предначертанное... О «Наглфаре» же ясно написано, что он будет построен из ногтей умерших людей. Таким образом, ты понимаешь, что Рагнарок не наступит до тех пор, пока все жертвы этого Джека Подстригателя — мужчины, из ногтей которых будет построен роковой корабль, — не умрут.

— О, замечательно. Стало быть, конец света не наступит в ближайшие... сколько... пятьдесят лет?

— Возможно, не наступит никогда, если кого-нибудь из этих доноров ногтей подвергнуть консервации с помощью жидкого азота. Ты, должно быть, знаешь, что некоторые люди, в надежде на бессмертие, готовы заплатить за то, чтобы их заморозили. Так вот, в настоящее время я налаживаю необходимые контакты с сочувствующим скандинавским правительством и надеюсь, что оно профинансирует мой криопроект, благодаря которому удастся навсегда отсрочить Рагнарок. Вполне возможно, ты сейчас сидишь со спасителем мира и наверняка собираешься угостить его

ще одной кружкой пива, — закончил Смифт и слегка поклонился.

Один небольшой фрагмент скандинавской мифологии тем временем всплыл на поверхность моего сознания.

— Послушай... Смифт. Судя по легендам, о которых ты упоминал, одним из роковых событий, которые приведут к Рагнароку и последней битве, станет Фимбулвинтер. Необычайно суровая зима. Очень долгий период искусственно вызванного холода. Хм... ты уверен, что твой криопроект не является частью того, что предначертано?

Впервые за все время нашего знакомства Смифт выглядел озадаченным.

ЛОУРЕНС ШИМЕЛЬ

Сапожник и Элвис Пресли

Американский писатель Лоуренс Шимель (Lawrence Schimel, род. 1971) в настоящее время живет в Испании. Начиная с 1989 года, когда был опубликован его первый рассказ, он не перестает изумлять читателей своей плодовитостью. Несколько рассказов писателя вошли в сборник «Драг-королева Эльфляндская» *(The Drag Queen of Elfland, 1997). Лоуренс Шимель обладает удивительным даром складывать разноцветную мозаику сюжета из ничтожнейших осколков идеи.* «Сапожник и Элвис Пресли» *— одна из его самых крупных по объему работ.*

Мы, конечно, слышали историю о сапожнике, который, проснувшись, обнаружил на своем рабочем столе пару уже готовых туфель. Но кто бы мог подумать, что такое и вправду бывает? Или что и с нами может приключиться подобное? Я ведь даже не настоящий сапожник. Я ортопед. Иногда мне заказывают пару ортопедической обуви целиком, но в основном я только изготавливаю специальные стельки. Поэтому вот что никак не укладывается у меня в голове: почему именно я? Но, наверное, каждый, кто сталкивается с чем-то сверхъестественным, задает себе этот вопрос: «Почему именно я?»

Обнаружила их Джейн. Она бывает здесь раньше всех, включает кофеварку, готовит контору к приходу клиентов, звонит им, подтверждая время приема. Сыну Джейн Эрику семь лет, поэтому в три она уже должна уходить, чтобы забрать его из школы.

— Доктор Кацман, они такие симпатичные! — услышал я вместо приветствия, пока вешал пальто. — Кто это у нас такой поклонник Элвиса?

— Какой поклонник?

— Для кого вы сделали голубые замшевые ботинки?

— Какие голубые замшевые ботинки? — недоумевал я, запихивая шарф в рукав пальто.

— Которые стоят во втором кабинете.

Я пошел по коридору. Я не делал никаких голубых замшевых ботинок. До вчерашнего визита миссис Паркер заказов на обувь у меня не было уже несколько недель. Но она точно не просила голубых замшевых ботинок. Да я бы и не стал ей их делать, даже если б она попросила. У нее такое сильное плоскостопие, что особые вкладыши уже не помогут. Ей нужна специальная обувь с полной поддержкой свода стопы.

— А что случилось с ботинками миссис Паркер? — воскликнул я.

На стойке, точно там, где вчера я оставил подошвы ортопедических ботинок миссис Паркер, чтобы за ночь они схватились и высохли, перед тем как я смогу пустить их в дело и смастерить обувку, достаточно широкую для искореженных пальцев моей клиентки, стояла пара голубых замшевых ботинок.

— Разве эти вы не для нее сделали? — спросила Джейн, входя в комнату вслед за мной. Она взяла один ботинок и засунула внутрь руку. — Мне кажется, ей были бы в самый раз.

Я ощупал второй ботинок.

— Ты права, действительно, то что надо. Но я их не делал.

— Так, это точно не Нэнси, — сказала Джейн.

Нэнси — моя другая секретарша. Расторопной ее не назовешь, но она старалась. Она племянница моей жены, поэтому уволить ее я не мог. Мы просто пытались не подпускать ее ни к чему, что легко ломается. Например, к компьютеру. Или к шлифовальной машине. Или к пылесосу. Или... в общем, ни к чему, хотя бы отдаленно напоминающему механическое приспособление.

— А кто тогда? Ты же знаешь, она совсем помешалась на Элвисе. — Еще одна милая особенность Нэнси. — Хотя у меня в голове не укладывается, зачем ей это? — недоумевал я.

— Как раз это точно в ее духе. Вы не можете понять зачем. Такая уж ваша Нэнси.

Джейн изводила меня просьбами нанять какого-нибудь компетентного человека, который помогал бы ей в работе. И желательно заодно избавиться от мертвого груза, раз уж я в это вляпался.

— И все-таки ума не приложу, почему Нэнси? — продолжал я, временно игнорируя недовольство Джейн. — У нас ведь даже нет голубой замши. Из чего бы она их сделала? И как бы она их сделала? Нэнси не знает, как прослушать сообщение на автоответчике, а уж сшить пару ортопедических ботинок усложненной модели типа этих...

— Тогда кто, по-вашему, их сшил? Эльфы заглянули в полночь?

— Думаю, скорее уж эльфы, чем Нэнси. Эльфы-с или, может быть, Элвис. — Шутка практически потерялась, потому что я слишком старался подчеркнуть схожесть звучания.

Джейн вздохнула:

— Пойду позвоню в «Уикли уорлд ньюс». *«Элвис явился в офис ортопеда!» «Голубые замшевые ботинки вызывают косолапость!»* И половину всех денег — мне. — Она улыбнулась и направилась в приемную к телефону. Естественно, звонить пациентам, а не в «Уикли уорлд ньюс».

Я тоже поднял телефонную трубку и объяснил миссис Паркер, что, возможно, нам придется немного задержать ее заказ, поскольку в наличии только голубая замша. Поставщик, соврал я, прислал партию голубой замши вместо стандартной коричневой кожи, и теперь, вероятно, пройдет несколько недель, прежде чем мы получим нужный материал.

Миссис Паркер ответила, что ей безразлично, какого цвета будут туфли. Лишь бы ноги перестали болеть.

На всякий случай, повесив трубку, я потрогал кончик своего носа, чтобы проверить, не вырос ли он от моего вранья, пусть я соврал и из добрых побуждений. Если эльфы (или элвисы) приходят в полночь и мастерят обувь, то почему бы и остальным сказкам не стать былью? Я не мог поверить, что это сделала Нэнси, а других объяснений у меня не было.

Нэнси явилась в час дня. Она ни о чем не подозревала. Я имею в виду ботинки.

— Доктор Кацман! — взвизгнула девушка, когда я отвел ее во второй кабинет и показал голубые замшевые ботинки. — Вы сшили туфли Элвиса!

— Так и есть, — одновременно вздохнули мы с Джейн.

Ботинки совершенно сбили меня с толку. Кто их сделал? И откуда взялся материал? Но абсолютно точно одно: использовали подошвы, которые я оставил для просушки. Они были изготовлены по меркам миссис Паркер. Их я сделал сам. Знакомый контур плоскостопной ноги. Но все остальное было другим. И все материалы, которые я уже использовал или приготовил для дальнейшей работы, исчезли.

По крайней мере, миссис Паркер не возражала против голубого цвета. А ботинки, кажется, были сработаны на славу. Может, только выглядели немножко... старомодно.

Перед уходом Джейн я положил еще одну пару подошв в третий кабинет. Я запер дверь, снял ключ с общего кольца и вручил его своей помощнице.

— Не открывай завтра дверь до моего прихода, — попросил я. — Теперь мне не попасть в кабинет без тебя, и завтра мы войдем туда и убедимся, что эльфы тут ни при чем.

На следующий день я опоздал на работу, несмотря на все старания прийти вовремя. Мне не терпелось выяснить, что же случилось с оставленными на ночь подошвами, но в это утро трасса Лонг-Айленд превратилась в огромную парковочную зону, и в результате я опоздал почти на час. Но, по-видимому, пробки не задержали ни одного из моих клиентов, потому что приемная гудела, словно улей. Мы с Джейн разрывались между посетителями и безостановочно звонившим телефоном и смогли заглянуть в третий кабинет, чтобы приподнять завесу тайны, лишь когда появилась Нэнси и взяла на себя телефонные звонки и приемную. Несколько секунд мы в нерешительности стояли перед кабинетом, молча уставившись на дверь. Но сомнение и недоверие слишком явно читались на наших лицах.

— Все будет точно так, как мы оставили, — твердо сказал я, когда Джейн протянула мне ключ и я отпер дверь. И все-таки я не мог заставить себя повернуть ручку. Я нервничал: что-то я там увижу? А вдруг я ошибаюсь?

— Пока вы не откроете дверь, оба варианта одинаково вероятны, — подбодрила меня Джейн. — Там, в кабинете, мы обнаружим либо подошвы, такими, какими вы их оставили, либо пару готовых ботинок, появившихся сверхъестественным или иным путем. Нужно открыть дверь и выяснить, какой из вариантов сценария реален. — Она остановилась, чтобы перевести дух. — Вы открываете дверь, а я включаю свет, хорошо?

Я кивнул, потеряв от волнения дар речи, и распахнул дверь. Джейн протянула руку и щелкнула выключателем. Мы замерли, вглядываясь внутрь кабинета.

Там, на стойке, красовалась еще одна пара голубых замшевых ботинок. Без сомнения, новых, не вчерашних, поскольку эти были как минимум на четыре размера меньше.

— Ну и что теперь? — спросил я.

— Даже не знаю, какая версия нелепее, — сказала Джейн, — что эльфы существуют на самом деле или что в нашу контору заявился Элвис.

— Но его никто не видел, — напомнил я.

Мы вышли из кабинета и закрыли за собой дверь. Тем не менее хоть и с глаз долой, но из сердца вон не получалось, мы не могли выкинуть из головы эту загадку.

— И что нам теперь следует делать, согласно сказке? — поинтересовался я.

Я точно не помнил, какой там сюжет, но Джейн воспитывала семилетнего сына, поэтому читала сказку сравнительно недавно.

— Кажется, это значит, что король хочет пару ботинок. Так говорится в сказке. Ведь все эльфы босые и нагие.

— Нагие! Я упустила шанс увидеть Элвиса нагим!

Я едва успел подхватить оседавшую Нэнси.

Джейн побежала и принесла воды в бумажном стаканчике. Мне было приятно, что она заботится о Нэнси, несмотря на свое отношение к ней.

— Думаю, со мной все в порядке, — пришла в себя Нэнси. — Но я не уйду сегодня с работы, пока не увижу его.

Джейн взглянула на меня:

— Да мне и самой любопытно разобраться до конца в этой истории. В сказке сапожник с женой шьют к Рождеству одежду и крошечные башмачки для эльфов. И эльфы больше не возвращаются.

— Кажется, эльфолова мы вызвать не сможем, поэтому нам, наверное, придется поступить, как в сказке. Если это действительно эльфы. Или Элвис. Признаюсь, мне тоже интересно выяснить, что же происходит на самом деле.

Значит, решено, — сказала Джейн.

— Как здорово! — воскликнула Нэнси. — Засада на Элвиса!

Мы с Джейн вздохнули и вернулись к работе.

Джейн сделала несколько звонков и договорилась, что Эрик переночует у своего приятеля Питера. Объяснить ситуацию моей жене оказалось потруднее.

— Ты хочешь задержаться на работе, — произнесла жена очень странным голосом. — С секретаршей.

— Мне больно слышать, что ты можешь предположить подобную чушь, — ответил я. — Кроме того, Нэнси тоже остается.

— Ты хочешь задержаться на работе, — повторила моя жена таким же странным голосом, но уже на октаву выше, — с обеими секретаршами.

— Кто-то забирается к нам в офис по ночам, — раздраженно объяснил я. — Нэнси думает, что это Элвис, поэтому хочет остаться и посмотреть. Кстати, на днях нам нужно серьезно поговорить о Нэнси.

— Не уходи от темы. У тебя интрижка с моей племянницей, или с секретаршей, или с обеими одновременно?

— Почему бы тебе не прийти сюда и не поскучать с нами в ночной засаде? — вздохнул я. — Сможешь убедиться, что у меня нет никакой интрижки ни с секретаршей, у которой, между прочим, семилетний сын, ни... — здесь я понизил голос, чтобы произнести последние четыре слова, — ...с твоей безмозглой племянницей.

Адель пришла ровно в 6.30, к закрытию офиса. Я пригласил всех в китайский ресторанчик. Перекусив, мы быстро вернулись, поскольку не знали, во сколько он заявится. На этот раз я оставил пару подошв на стойке в первом кабинете, чтобы у нашего полуночного гостя (или гостей) не терялась бдительность. И еще потому, что в первом кабинете подсобка для хранения материалов была достаточно большой и могла вместить четверых.

Мы заняли позицию, периодически поглядывая между планками жалюзи, нет ли его еще. Если честно, мы с Джейн поглядывали редко. Нэнси же, как приклеенная, не отрывала глаз от щелки.

Адель пожаловалась на скуку.

— Я говорил тебе, останься дома,— упрекнул я жену.

— Я думала, у тебя роман. Ты себя очень подозрительно вел. Что мне оставалось делать?

— Роман? — переспросила Джейн с такой интонацией, что даже при выключенном свете мне стало ясно — она ухмыляется.

Адель тоже это поняла, и я почувствовал, что теперь она еще больше успокоилась. А по поводу Нэнси она уже не волновалось: ей достаточно было посидеть с племянницей за одним столом в ресторане.

— Тихо! — шикнула на нас Нэнси. — Он может появиться в любую минуту.

Мы с Адель и Джейн вздохнули. Нэнси действительно рассчитывала увидеть короля рок-н-ролла.

А я не знал, что ожидал увидеть. Но думаю, чего-то ожидал. Или, скорее, кого-то. В противном случае я не сидел бы с затекшими ногами ночью на корточках в кладовке вместе с секретаршей, женой и ее бестолковой племянницей, помешанной на Элвисе.

Адель уселась на пол рядом и прислонилась к моему плечу. Вскоре она уже похрапывала. Я бы тоже с удовольствием вздремнул, но боялся все пропустить (если, конечно, чему-нибудь вообще суждено было случиться), а мне очень не хотелось испытывать подобное неудобство и беспокойство еще раз.

Кажется, прошла целая вечность. Вдруг я услышал, как Нэнси начала тихо подвизгивать. Так она старалась удержаться от восторженных криков. Я гордился ею: по крайней мере, она пыталась.

Снаружи что-то брякнуло и скрежетнуло. Кто-то стукнул дверью и выругался. А потом в комнате зажегся свет.

Мы дружно прильнули к щелкам жалюзи.

Это и в самом деле был король рок-н-ролла. Он ни капли не изменился и выглядел так же молодо, как на своих последних фотографиях. А ведь прошел не один десяток лет!

Правда, одна вещь все-таки изменилась, или, по крайней мере, раньше я этого не замечал.

— Посмотрите-ка, — прошептал я, — у него подошвы протерты до дыр.

— Ой, бедняжка! — громко сказала Нэнси и выскочила из нашего укрытия.

Может, Элвис и удивился ее появлению, но виду не показал.

— Ты должна мне помочь, мама, — произнес он, растягивая слова. — Я попал в западню и не могу выбраться. La belle dame sans merci, я видел, я пропал[1].

Нэнси, конечно же, готова была на все ради своего кумира.

— Прекрасная дура тоже пропала, — вздохнула Джейн, устремляясь из укрытия спасать Нэнси.

И опять меня обрадовало, что она спешит на помощь безмозглой племяннице моей жены, хотя и не переваривает эту девицу.

И Джейн затронула некие глубинные вещи, подумал я, вспомнив стихотворение Китса, которое мы обсуждали в медицинском институте, изучая символы в английском языке. Удивительно, как Элвис похож на королеву фей, что околдовывает ничего не подозревающих смертных, лишая их чувств, заставляя забыть обо всем на свете.

---

[1] *La belle dame sans merci.* — Прекрасная дама, не знающая милосердия *(фр.)* — название баллады Китса. Вся фраза — измененная строка баллады: *La belle dame sans merci — ты видел, ты пропал* (пер. В. Левика).

Но я не хотел остаться сторонним наблюдателем событий, поэтому отложил свои размышления на потом и тоже покинул убежище.

— Что за проблемы? — спросил я.

— Мои ноги, — пожаловался король.

— Понимаю, понимаю, — начал я мягким, успокаивающим тоном. — Почему бы вам не сесть вот сюда, я посмотрю.

Забравшись на стол с мягким покрытием, Элвис забарабанил каблуками по выдвижным ящикам.

— Я не могу прекратить танцевать, — продолжал Элвис. — Это все королева! Она заставляет меня танцевать. Но я не такой выносливый, как эти эльфы.

И вдруг до нас с Джейн одновременно дошло, о чем он говорил раньше. Прекрасная дама, королева фей, держала в плену Элвиса, а не наоборот, как я понял из слов Джейн. Наконец-то разгадана тайна исчезновения Элвиса! Неудивительно, что он совсем не изменился и выглядит так молодо! Я помню стихотворение. Там говорится, что время в наших мирах течет с разной скоростью. Семь лет в реальном мире равняются всего лишь одному дню в волшебном королевстве.

— В «Инквайере» никогда в это не поверят, — тихонько заметила Джейн. — Может, Спилберг.

— Уже семь лет я у нее в рабстве, — сообщил король, когда я встал перед ним на колени и развязал шнурки его изношенных голубых замшевых ботинок.

— Бедняжка! — воскликнула Нэнси.

Адель взяла племянницу за руку, во-первых, чтобы успокоить ее и не дать совершить какую-нибудь глупость, а во-вторых, чтобы успеть ее подхватить, если вдруг она снова вздумает упасть в обморок.

Я стянул с Элвиса носки. От его ног исходил типичный запах грибка.

— Вам надо почаще менять обувь, — посоветовал я королю. Я боялся, Нэнси покалечит меня, если я скажу, что его ноги воняют. — Нужно иметь несколько пар.

— Я могу делать только то, что хочет она. А она хочет одного, чтобы я пел и тряс перед ней задом. Я так устал!

А мои ноги! Взгляните на мои ботинки! Доктор, вы должны мне помочь.

— Понимаю, — согласился я.

— Вы должны ему помочь, — всхлипнула Нэнси.

— Как же случилось, что вас отпустили сюда? — спросила Джейн, никогда не забывавшая о практической стороне.

Не знаю, что бы я без нее делал. Контора держалась только на ней. Скорее всего, я мог спать спокойно до тех пор, пока ее сын не вырастет и не поступит в колледж. Но меня не покидала мысль о том, что мне было бы спокойнее, если бы я нанял кого-нибудь, кого она могла бы выучить и оставить вместо себя. Она была слишком хороша для того, чтобы вечно работать секретаршей, и заслуживала в жизни гораздо большего.

— Да это все из-за сказок, — ответил Элвис. — Королева наложила на меня заклятие, и теперь, пока действуют чары, я тоже вроде как эльф. А эльфы, среди прочего, шьют обувку, а вы, смертные, взамен могли бы сделать обувь для нас. Доктор, умоляю вас, сделайте мне пару ботинок, чтобы ноги перестали болеть.

Я снова опустился на колени перед королем и стал осматривать его ступни. Мне невольно вспомнилась Мария Магдалина, омывающая ноги Иисуса Христа. Нужно будет рассказать Джейн о своих ощущениях, но позже. Сейчас момент не из лучших, к тому же вряд ли моя жена и ее племянница оценят всю иронию происходящего. Нэнси уж точно не поймет меня. Так что я прикусил язык и принялся вертеть, ощупывать и измерять ступни Элвиса.

— Так-так, проблема, да-а, — тихо произнес я, закончив осмотр.

— Но вы поможете мне? — в отчаянии спросил король своим бархатистым, проникающим в душу голосом.

— Мне кажется, есть решение, — ответил я и стал готовить инструменты и материалы для снятия слепка.

Пока я работал, в комнате царило молчание. Джейн тут же принялась мне помогать, подавая инструменты в нужный момент. А Нэнси лишь дрожала от волнения и эроти-

ческого напряжения. Казалось, она вот-вот запрыгнет на стол и сорвет с Элвиса его расшитую блестками одежду. Адель наблюдала за всем происходящим, держа племянницу за руку — заботливо, но крепко. Элвис замурлыкал какую-то мелодию.

Мы с Джейн занимались делом. Я залил подошвы.

— Сегодня не успеть, — предупредил я. — Подошвы должны сохнуть целые сутки, и только потом я смогу сделать ботинки. Вам придется прийти завтра.

Нэнси снова издала похожий на повизгивание звук.

— Дайте-ка взглянуть, — попросил Элвис. Он соскочил со стола и встал рядом со мной. Не переставая напевать, король рок-н-ролла взял подошвы, посмотрел на них, а потом протянул обратно мне. — Их можно пускать в работу, — сказал он.

Подошвы были абсолютно сухие.

Я не удивился. Столько всего странного происходило вокруг, так что фокус с подошвами показался обычным делом.

Привычный процесс изготовления обуви — единственное, что имело смысл. Да, ботинки предназначались Элвису, но этот факт казался несущественным. Я видел перед собой очередную пару усталых ног, которым нужна была помощь. Просто так случилось, что они принадлежали одному из самых знаменитых людей в нашей истории. Человеку, окруженному тайной, которую мы только что разгадали.

Если рассказать об этом, никто, разумеется, не поверит. Да я сам не верил!

Тем не менее, даже не веря собственным глазам, я изготовил пару ботинок. Должно же существовать какое-нибудь разумное объяснение, думал я, надеясь, что в один прекрасный день все прояснится.

Элвис снова натянул носки и примерил ботинки.

— Идеально! — прокомментировал он, сделав пару шагов.

Король был так счастлив, что ноги больше не болят, он повернулся и поцеловал Нэнси, стоявшую рядом.

Она хлопнулась в обморок.

Никто не успел ее поймать, и она ударилась головой об угол стойки. Я наклонился, чтобы проверить, в порядке ли она. Струйка крови стекла на линолеум. Джейн кинулась за бинтами. Адель пошла вызывать «скорую».

— Где Элвис? — воскликнула Нэнси, едва открыв глаза, в то время как мы прижимали марлевый тампон к ее затылку.

— Элвис? — переспросил я и оглянулся.

В суматохе он исчез. Вернулся в страну эльфов или откуда там он пришел. И не важно, как он сюда попал. Однако был ли король рок-н-ролла здесь на самом деле, или это все мое воображение? Я не знал, какой вариант сильнее ставит под сомнение наличие у меня здравого смысла. Мы переглянулись с Джейн, и я понял: она думает, что же сказать Нэнси, если нам удастся замять правду.

— Ты ударилась головой, дорогая, — решилась Джейн. — Элвис исчез много лет назад. Он, наверное, уже умер.

— Этого не может быть, — заплакала Нэнси. — Я видела его! Клянусь, я видела его! Вы все здесь были. Он поцеловал меня! — Ее веки снова задрожали, и она обхватила себя руками, будто обнимая.

— Тебе просто привиделось, — терпеливо объяснила Джейн. — Ведь ты ударилась головой.

Вошла Адель и сообщила:

— «Скорая» едет.

— Привиделось, — прошептала Нэнси. — А все казалось таким настоящим.

Все казалось таким реальным. У меня тоже было это ощущение. Все казалось настоящим, но как подобное может быть правдой? Я видел его своими собственными глазами и касался его босых ног своими собственными руками. Я сшил специально для него голубые замшевые ботинки. Ботинки, которые сумеют выдержать сверхъестественные нагрузки эльфийских танцев.

Пока ждали «скорую», никто не проронил ни слова. Адель отправилась с племянницей в больницу, я пообещал тоже приехать, как только мы с Джейн наведем порядок и закроем контору.

— Что мы скажем людям? — спросил я.

— Не знаю, что мы можем сказать. Кто нам поверит? Я сама не верю, а ведь я здесь была. Но, по крайней мере, вся история позади, мы довели ее до какого-то конца.

— Да, наверное, — ответил я, не совсем уверенный в том, что все позади. Я знал, что никогда уже не смогу, как раньше, смотреть на портреты Элвиса. Я знал, что всякий раз, услышав песню короля, буду ощущать под руками его ступни. — Я сейчас думаю только о том, что у меня осталось множество вопросов. Например, такой: в других сказках тоже все правда? И особенно важный вопрос: почему именно я? Но, скорее всего, ответов мы никогда не найдем.

Джейн взяла слепок с ноги Элвиса.

— А я знаю одно, — сказала она. — Вот это обеспечит Эрику обучение в колледже.

И она была права.

СИНТИЯ ВАРД

Танцы с эльфами

Синтия Вард (Cynthia Ward, род. 1960) родом из штата Оклахома, США. До того как обосноваться в Сиэтле, она жила в штате Мэн, Сан-Франциско, Испании и Германии. Первый рассказ «Опаловый череп» *(The Opal Skull) Синтия написала в 1989 году. С тех пор ее рассказы регулярно появляются в журналах и антологиях.*

Эльфы! — воззвал Русо Наковальня. — О Благородный Народ, услышь меня! Я оставил семью и ремесло! Я ушел от людей! Я хочу быть одним из вас!

Благородным Народом назывались самые великие, самые чистые и самые мудрые существа на Земле. Они жили в мире и согласии друг с другом, богами и природой. В их лесу круглый год благоухали цветы и зрели сладчайшие плоды. Во время охоты животные сами выходили к ним. Русо знал, что иногда они воруют младенцев у людей. Но он не понимал, почему родители так печалятся, — дети получают от эльфов ни с чем не сравнимый дар.

Русо Наковальня ждал, но из обступившего его леса не слышно было ответа. Тогда он сел на корточки, медленно, как будто на спину давила темнота, окружавшая его костерок. Он ждал уже три дня и три ночи, перебивался орехами и ягодами, а вокруг — ни души. С собой в лес он не взял ни крошки еды и, уж конечно, ни железки, хотя и был кузнецом.

— Почему не Благородный Народ взрастил меня? — вопрошал он ночь. Русо склонил голову. — О боги! — взмолился он. — Исполните мое желание, сделайте так, чтобы меня приняли первые и лучшие из ваших творений.

Когда он поднял голову, то увидел семерых эльфов, неподвижно стоявших вокруг костра. Женщины в городке, где жил Русо, считали, что он прекрасен, как эльф, но в присутствии настоящих эльфов он внезапно ощущал себя грубым уродливым горбуном.

Самый высокий из эльфов заговорил на древнем наречии, и голос его звенел, как бегущий ручей:

— Три последние ночи мы слышим твой крик. Зачем ты беспокоишь нас?

— Я просил вас принять меня. — Русо почувствовал, что его голос скрипит, как старый стул, но заставил себя продолжать: — Следуя за мечтой, я отказался от прежней жизни. Вы так мудры и прекрасны! Я бы все отдал, лишь бы только стать одним из вас!

Эльфы улыбнулись друг другу, и зубы их сверкнули необыкновенной белизной. Никогда не встретишь такой улыбки у человека!

Самый высокий эльф снова повернулся к Русо:

— Если ты хочешь, человек, то можешь остаться с нами.

— Вы *знаете*, чего я хочу.

— Меня называют Разящий Орел, — сказал самый высокий эльф. — Загаси костер, человек, и следуй за нами.

Русо загасил костерок, опустошив мех для воды, и его обступила ночная тьма.

На рассвете эльфы вывели человека из леса. Они пришли на поле, заросшее шиповником, земляникой, маками, маргаритками и множеством других цветов, незнакомых Русо. Посреди поля он увидел рощу дубов и плодовых деревьев, чьи ветки сгибались под тяжестью яблок, груш и вишен. Эльфы жили на верхних ветвях дубов, в укрытиях, сплетенных из веток и травы. Несколько десятков эльфов вышли поприветствовать Русо, в том числе и дети — такие же спокойные, благородные, прекрасные, как и взрослые. Русо не увидел ни одного человеческого детеныша. Если здесь и были дети, похищенные у людей, отличить их от эльфов не представлялось возможным.

Члены Благородного Народа взялись за приготовление праздничного обеда в честь Русо. Одни складывали дрова для большого костра посреди рощи, другие наполняли корзины фруктами и ягодами. Разящий Орел вывел Русо из рощи, и они направились в лес. Эльф велел человеку встать

в тени раскидистой сосны и не двигаться. А потом вытащил нож. У Русо заколотилось сердце. Разящий Орел повернулся и пошел вглубь чащи.

Эльф занял позицию в нескольких шагах от Русо и замер. Его белая кожа и туника из оленьей шкуры сливались с коричневыми стволами деревьев и желтизной опавших листьев.

Через несколько мгновений к охотнику вышел благородный олень, величественный самец, увенчанный грозными рогами. Уверенной поступью, с высоко поднятой головой, прекрасное животное приблизилось к эльфу и вытянуло длинную шею. Разящий Орел поднес каменный нож к яремной вене и вспорол жесткую шкуру. Когда из раны забил фонтан крови, у Русо закружилась голова, хотя много раз ему самому случалось браконьерствовать и убивать королевских оленей. Он напомнил себе, что животное вышло к Разящему Орлу в соответствии с законами природы.

Никогда еще Русо Наковальня не ел так вкусно, как на этом пиршестве. Оленина была ароматной и нежной, словно телятина. Эльфийские певицы пели неистовые древние песни, но Русо не понимал их из-за оглушительного рокота деревянных барабанов. Когда все поднялись и встали вокруг костра, Русо понял, что сейчас увидит легендарный танец эльфов. Он просто не мог поверить своему счастью и даже не думал, что его пригласят присоединиться.

Русо качал головой в ответ на призывные жесты эльфов. Наконец Разящий Орел вышел из круга, крепко взял его за руку и повел к огню.

— Человек, ты видишь рисунок?

Русо покачал головой. Рисунок танца был слишком сложный, а барабанный ритм слишком быстрый. Но удары замедлились, и танцоры стали подбадривать его. Они начали двигаться медленно, чтобы он мог запомнить движения. Разящий Орел поставил его в круг, и барабаны снова застучали в прежнем ритме, и Русо обнаружил, что исполняет древний эльфийский танец.

Утром угощали так же замечательно, как и накануне вечером. На завтрак подали фрукты, ветчину из дикой сви-

ньи и пшеничный хлеб с медом. Русо улегся, опершись о ствол дерева, и сложил руки на переполненном животе. Так он лежал в полудреме, совершенно потеряв счет времени.

Разящий Орел подошел к нему и всунул в руку сушеный гриб.

— Я не голоден,— извиняющимся тоном отказался Русо.

— Съешь эту поганку, если хочешь увидеть то, что видим мы, — ответил эльф. — Съешь — и сумеешь постичь гармонию мира.

Русо внимательно осмотрел поганку: длинная грязно-белая ножка и маленькая плотно сидящая коричневая шляпка. И этот сморщенный комочек сможет подарить ему мудрость эльфов?

Русо почувствовал спазм в желудке. Он быстро засунул гриб в рот и откусил. Ножка хрустнула, словно сухая ветка. По мере того как человек жевал, слюна смягчала гриб, но недостаточно — тошнотворная жвачка впитывала всю влагу во рту. Русо еле проглотил месиво. Способ приобщения к эльфийской мудрости показался странным и вызвал неприятные ощущения, однако Русо взял себя в руки и затих.

Через какое-то время он заметил, что деревья в роще образуют рисунок. Рисунок состоял из деревьев, видимых и невидимых. Русо увидел картину всего леса: гармонию деревьев, и животных, и птиц, что летают над ними, и червей, что роются внизу. Он понял, почему олень поедает листья, а волк оленя. Русо повернулся, чтобы взглянуть на дуб, на который облокотился, и проследил за бороздами на его коре — и они тоже составляли часть общего рисунка. *Все* сплеталось в единый рисунок. Русо Наковальня прижался щекой к жесткой коре, широко раскинул руки и обнял дерево.

Когда на рощу опустилась вечерняя темнота, эльфы развели костер. Человек засмотрелся на огонь, наблюдая, как языки пламени подпрыгивают и извиваются в танце, таком же прекрасном и выразительном, как танец эльфов или рисунок мира.

Русо обнаружил, что рядом стоит Разящий Орел, а вокруг — остальные эльфы. Разящий Орел мягко положил руку ему на плечо:

— Человек, ты видишь рисунок?

— Да, — тихо ответил Русо.

— Ты готов стать частью Народа? — спросил Разящий Орел.

— Да, — ответил Русо, мечтательно улыбаясь.

И тут эльфы зажарили и съели его.

ДЖОН МОРРЕССИ

Защита от алхимии

В наш предыдущий сборник вошел рассказ Джона Морресси «Зеркала Моггрошле» *(The Mirrors of Moggropple) о волшебнике Кедригерне и Принцессе. Для этой антологии я выбрал самый первый рассказ из серии о Кедригерне —* «Защита от алхимии» *(A Hedge against Alchemy, 1981). Цикл о волшебнике по имени Кедригерн включает в себя пять книг:* «Голос для Принцессы» *(A Voice for Princess, 1986),* «Похождения Кедригерна» *(The Questing of Kedrigern, 1987),* «Кедригерн в Стране чудес» *(Kedrigern in Wanderland, 1988),* «Кедригерн и очаровательная чета» *(Kedrigern and the Charming Couple, 1990) и* «Воспоминания для Кедригерна» *(Remembrance for Kedrigern, 1990). Профессор английского языка Джон Морресси скончался 20 марта 2006 года в возрасте 76 лет.*

Кедригерн серьезно относился к своим изысканиям в области колдовства, но в то же время был человеком разумным. Однажды ранней весной он решил, что поступит гораздо мудрее, если в это прекрасное утро усядется поудобнее в залитом солнцем дворике, вместо того чтобы корпеть над древней наукой в мрачном, затянутом паутиной кабинете.

Он откинулся на мягкие подушки, положил ноги на пуфик и лениво звякнул миниатюрным серебряным колокольчиком. Тут же дом ожил, и вскоре по плиткам двора зашлепали огромные лапы. Появилось отвратительное маленькое существо.

Существо состояло практически из одной головы, причем чрезвычайно безобразной: выпученные глаза, косматые брови и почти полное отсутствие лба; огромный, покрытый бородавками, крючковатый, словно рог для вина, нос; подбородок лопатой и волосатые уши, похожие на широко распахнутые ставни. Коротенькие ножки переходили в огромные плоские вывернутые ступни, а прямо из боков

существа, как паруса, торчали здоровенные ладони. Бородавчатая, вся в пятнах и перхоти голова как раз доставала до крышки табурета для ног. Возле него существо и остановилось, трепеща от страстного желания угодить хозяину.

— А, вот и ты, — ласково сказал Кедригерн.

Существо изо всех сил закивало своей чудовищной головой, так что забрызгало слюной все вокруг, и ответило:

— Як! Як!

— Молодец, Спот. А теперь слушай внимательно.

— Як! Як! — обрадовался Спот и восторженно запрыгал на месте.

— Пожалуй, я выпью маленькую кружку очень холодного эля. Принеси целый кувшин — вдруг моя жажда окажется сильнее, чем я думаю. И принеси еще кусок сыру размером ровно с крышку кувшина. И хлеб. И спроси Принцессу, не хочет ли она ко мне присоединиться.

— Як! Як! — ответил Спот и кинулся выполнять поручение.

Кедригерн с нежностью посмотрел ему вслед. Тролли не подарок, это правда, но если взять их в дом детьми и как следует воспитать, то из них выходят преданные слуги. И мышей замечательно ловят. Приличных манер за столом от них, конечно, не дождешься, но нельзя же получить все сразу!

Кедригерн опять улегся на подушки, закрыл глаза и испустил вздох тихого удовольствия. «Вот это подходящая жизнь для разумного человека, - умиротворенно подумал он, — не то что какая-то чертова алхимия».

Чем она так привлекательна? Последнее время все просто помешались на ней, превозносят ее до небес! Но для него алхимия — всего лишь много дыма и вони, а еще ужасная путаница и напыщенный язык рассуждений о предметах, в которых никто ничего не понимает, но о которых каждый чувствует себя обязанным высказаться с авторитетной серьезностью. Но, несмотря ни на что, алхимия, по-видимому, входила в моду. Юные таланты больше не интересовались традиционным волшебством. Их манила только алхимия.

«Еще одна примета нашего времени», — подумал Кедригерн. А времена наступили тяжелые: с востока совершa-

ют набеги варвары и сжигают церковников, церковники предают анафеме и сжигают алхимиков, а алхимики сжигают все, что им под руку попадается, в безудержном желании превратить свинец в золото. Дым, стоны и разрушения — вот что притягивает сегодня людей.

Но не Кедригерна! Он все дальше и дальше углублялся в изучение магии преодоления времени и уже неплохо владел колдовскими приемами. Несколько раз он посетил будущее и наладил устойчивую связь с некой точкой во времени, хотя и не был до конца уверен, что это за точка. Он даже сумел принести из этого неопределенного будущего несколько любопытных предметов для дальнейшего изучения. Безусловно, еще предстояло много работы... но у него будет для этого время... много работы...

Кедригерн погрузился в легкую дремоту и вдруг, нахмурившись, проснулся — на него упала чья-то тень. Он открыл глаза и увидел перед собой громадную неуклюжую фигуру, заслонившую ему солнце.

Через мгновение глаза волшебника привыкли к свету, а еще через мгновение сознание вернулось из мира снов в реальную действительность, и тут он понял, что перед ним один из тех, с кем, как он надеялся, ему никогда в жизни не придется столкнуться.

Этот человек был в два раза выше волшебника и в четыре раза толще. У него были могучие плечи, а обнаженные руки напоминали стволы старого граба. Торс и мощные ноги скрывались под звериными шкурами. Крошечная голова располагалась прямо между богатырскими плечами, без всякого намека на шею. От него несло прогорклым животным жиром и застарелым по́том. Это был варвар. А варвары с волшебниками не дружат. Да они вообще ни с кем не дружат, если уж на то пошло.

— Это дорога к вершине Молчаливый Гром? — спросил варвар. Его голос напоминал камнепад где-то глубоко в пещере.

— Да, верно, — вежливо ответил Кедригерн и указал налево. — Идите по тропе наверх. Если поторопитесь, доберетесь до вершины засветло. В такой чудесный день от-

туда открывается замечательный вид. Я бы предложил вам чего-нибудь освежающего, но...

— Ты колдун? — пророкотал варвар.

Когда задавали вопрос такого рода, торопиться с ответом не следовало. Слишком много слонялось по свету людей, зараженных уверенностью в том, что убийство колдуна является благородным деянием. Кедригерн знал, что все шло от церковников. Они всех ненавидели. Одинаково проклинали варваров, алхимиков и волшебников во время приступов наводящего ужас рвения и потрясающе убогой умственной деятельности. Как бы то ни было, этот субъект вряд ли следовал приказам священников.

— Колдун? — повторил Кедригерн, прищуриваясь. — Правильно ли я вас понял? Вы интересуетесь местопребыванием некоего колдуна?

— Ты колдун? — спросил варвар еще раз, точно так же, как раньше.

Кедригерн почувствовал беспокойство. Не из-за огромных размеров варвара, не из-за его уродливости, даже не из-за его внезапного появления в этом укромном местечке, куда волшебник удалился от мирской суеты, чтобы без помех заниматься своими изысканиями и наслаждаться обществом Принцессы. Нечто неуловимое, эффект ложного присутствия. У него было жуткое ощущение, как будто рядом находится его собрат, но это полный абсурд! Стоявшее перед ним существо не было волшебником.

— Забавно, что вы спрашиваете, — задумчиво ответил Кедригерн. — Это свидетельствует о наличии пытливого ума, о чем не догадаешься сразу, судя по вашей внешности и манере держаться. — Произнося монолог, волшебник тихонько засунул руку за спину, чтобы произвести манипуляции, необходимые для заклинания на защиту от холодного оружия. — Большинство людей считает, что волшебник ходит в длинном плаще, покрытом каббалистическими символами, носит колпак и еще у него белая борода должна висеть до коленей. А на мне, как видите, обычная одежда: добротные домотканые брюки и рубашка, нет никакого головного убора; и я чисто выбрит. Соответственно, случай-

ный прохожий скорее всего примет меня за честного торговца или мастерового, который выбрал уединенную жизнь вдали от своих собратьев, в то время как на самом деле я являюсь экспертом в искусстве редком и благородном.

Кедригерн очень надеялся, что этот верзила не захочет размозжить ему голову дубиной, пока он не перейдет к следующему защитному заклинанию. Когда имеешь дело с подобными людьми, даже с помощью магии трудно подготовиться ко всем возможным последствиям.

Маленькие, близко посаженные глазки варвара, черневшие из-под нечесаных жирных волос по обе стороны бесформенной глыбы носа, не отрывались от Кедригерна. И в этих глазах не промелькнуло ни искорки понимания.

— Ты колдун? — повторил гость.

— Колдун, — сдался Кедригерн. — А ты кто?

— Мой Бурок, — сказал варвар и с гордостью стукнул себя кулаком в грудь.

— Плохи дела, — пробормотал Кедригерн.

Бурок был варваром из варваров, известным по всей стране как Бурок Отморозок. Он заслужил еще и такие прозвища: Мясник Мира Божьего, Кулак Сатаны, Факел Страшного Суда и разные другие «титулы», символизирующие жестокость и беспощадность. Ходили слухи, что Бурок разделил все человечество на две категории: враги и жертвы. Врагов он убивал на месте. Жертв — только когда больше не находил им применения. Третьей категории для него не существовало.

Глядя в это испещренное бледными шрамами лицо, лишенное всякой мысли и всякого выражения, Кедригерн вспомнил все, что когда-либо слышал о Буроке. Лицо варвара напоминало ему дешевый глиняный горшок, который разбили на мелкие кусочки, а потом впопыхах склеили. Но было одно отличие: глиняный горшок смотрелся бы гораздо одухотвореннее.

— Ты ходить с Буроком, — заявил варвар.

— О нет, ни в коем случае. Ваше предложение открывает новые возможности, но, боюсь, убийство, грабеж и насилие не для меня. У меня больше получается работать

с книгами. И я уже не такой прыткий, как раньше. Хотя очень любезно с вашей стороны предложить мне это. А теперь будет лучше всего, если вы поспешите, — завершил свою речь Кедригерн, торопясь с дополнительным заклинанием против насилия неопределенной природы. Покончив с ним, он почувствовал себя надежно защищенным от любого кровожадного каприза Бурока.

— Бурок находить золотая гора. Нужно колдун.

— Что?

— Гора золота. Гора заколдовать. Ты расколдовать. Делить сорок на сорок, — разразился Бурок потоком красноречия.

— Пятьдесят на пятьдесят, — поправил его Кедригерн.

Взгляд Бурока остекленел. На мгновение варвар застыл. Потом кивнул крошечной головой и согласился:

— Пятьдесят на пятьдесят.

— Где эта золотая гора, Бурок? — спросил Кедригерн, делая паузы между словами и четко артикулируя.

Взгляд Бурока снова остекленел, и Кедригерн с изумлением понял, что это признак мыслительного процесса, протекающего где-то в глубине крохотной головки.

— Ты ходить. Мой показывать.

— Это далеко отсюда?

Через некоторое время варвар ответил:

— Солнце. Солнце. Золотая гора.

— Я понял. Три дня пути. Неплохо. Совсем неплохо, — заинтересовался Кедригерн.

Ему выпадал редкий шанс. Он алхимиков на уши поставит и укажет им на их место раз и навсегда. Пусть дымят на всю округу печами и разрушают мирную тишину бормотанием о философском яйце, изумрудном столе и всякой другой псевдомагической белиберде в своих убогих попытках извлечь щепотку третьесортного золотого песка. А он, пользуясь только волшебством, получит целую золотую гору. Полгоры, если точнее. Какие бы опасности ни угрожали ему, магические или физические, такой шанс ни в коем случае нельзя упустить.

— Бурок, идеальным клиентом тебя не назовешь, да и брать тебя в партнеры я бы сто раз подумал. Кроме того,

я абсолютно уверен, что где-то там в твоей миниатюрной черепушке прячется тайная мысль стереть меня в порошок, как только мы завершим наше предприятие. Однако не могу устоять против твоего предложения.

— Ты идти?

— Идти.

В этот момент, бесшумно ступая изящными ножками, появилась Принцесса. Она несла серебряный поднос с заготевшим кувшином, двумя сверкающими серебряными кружками, головкой золотистого сыра размером с кулак и ломтем серого хлеба. Увидев Бурока, она резко остановилась.

Принцесса была редкой красавицей: копна блестящих иссиня-черных волос, ниспадавших до бедер; глаза цвета неба в августовский полдень; безупречные, словно вылепленные скульптором, черты лица. Изумрудно-зеленое платье облегало ее стройное тело, а лоб украшал золотой обруч. При виде женщины в глазах Бурока вспыхнуло пламя откровенной похоти. Принцесса подвинулась поближе к Кедригерну и умоляюще посмотрела на него широко раскрытыми от страха глазами.

Мысленно Кедригерн обругал Снота и пообещал ему хорошую взбучку при первой возможности. Волшебнику не нравилось, что варвар пялится на его Принцессу, и он не ждал ничего хорошего от такого слишком очевидного интереса. Однако сделанного не воротишь, разве только с помощью магии, но магической силы у него сейчас осталось недостаточно.

— Не нужно нервничать, Принцесса. У нас с этим парнем дело, — объяснил Кедригерн.

— Ква-а, — произнесла она еле слышно.

— Леди говорить смешно, — прокомментировал Бурок.

— Заметил, как истинный ценитель изящной словесности! Критикуй сколько хочешь, Бурок, а мне Принцесса очень дорога, — сказал Кедригерн и потянулся к ней. Она поставила поднос на стол. Волшебник взял ее руку и поднес к губам. Прелестный румянец вспыхнул на щеках красавицы. — Я знал, что где-то среди запруд и болот я должен был ее найти. Они не могли все оказаться заколь-

дованными принцами. Конечно, я не собирался бродить по округе и целовать каждую жабу, попавшуюся мне на пути. Во-первых, очень много времени понадобилось бы, а во-вторых, такое времяпрепровождение не назовешь приятным. Поэтому я использовал магию. На девяносто восемь процентов успешно, я бы сказал. Принцесса — очаровательная спутница, и она очень мне дорога. Правда, очень дорога.

— Ква-а, — смущенно улыбнулась Принцесса.

— Говорить как лягушка, — высказался Бурок с явным неодобрением.

Принцесса, похоже, обиделась и надула губки самым соблазнительным образом. Кедригерн сжал ее руку и ответил:

— Вообще-то тебя это не касается, но мы с Принцессой нормально общаемся и довольно прилично понимаем друг друга. Так ведь, Принцесса?

— Ква-а, — тихо отозвалась красавица, подняла руку и погладила волшебника по щеке.

— Как мило с твоей стороны сказать мне это, — поблагодарил Кедригерн. — Думаю, Принцесса своим присутствием подтверждает мои способности. Так, у тебя есть лошади для нас?

— Леди идти?

На секунду Кедригерн задумался. Он мог бы оставить ее здесь под защитой волшебного заклинания. Но если с ним что-нибудь случится, она останется одинокой и беспомощной и даже не узнает о своей беспомощности. Это совершенно исключено. Как ни хотел он избавить ее от жадных взоров Бурока, однако чувствовал, что его решение правильное.

— Леди едет с нами.

Взгляд Бурока снова застыл. Осмыслив ситуацию, он поднял руку-ствол и указал на дорогу:

— Лошади ждать.

— Мы соберем еды в дорогу и вскоре присоединимся к тебе, — сказал Кедригерн. Его взгляд упал на поднос, который принесла Принцесса. — А пока будь моим гостем. Ешь, пей, — показал волшебник на поднос.

Под впечатлением скорости, с которой исчезли хлеб, сыр и эль, Кедригерн решил провести над варваром эксперимент. Оставив Принцессу упаковывать еду, он сложил в мешок предметы, которые нашел в будущем, во время одного из своих пробных перемещений. Эти предметы представляли собой маленькие блестящие металлические цилиндры, завернутые в полоски цветной бумаги, разрисованной значками и картинками. Сначала он подумал, ему в руки попали амулеты какой-то неизвестной магии, но случайно обнаружил, что это еда, защищенная практически непробиваемой металлической оболочкой. Кедригерн не имел ни малейшего понятия, как еда попадает внутрь и для чего. Не мог он понять и того, кто или что это ест и как они справляются с металлическим покрытием. Если Бурок сумеет разобраться с цилиндрами, вопрос отчасти прояснится.

Кедригерн окинул взглядом кабинет. Повсюду вещи из будущего, собранные в ходе магических опытов, связавших его с отдаленной эпохой. Пока он знал об этом времени очень мало, только то, что оно заполнено множеством разнообразных и непонятных металлических объектов и что там очень шумно. Кедригерну предстоял еще долгий путь.

Выйдя из дома, волшебник достал из мешка один металлический цилиндр и бросил Буроку:

— Еда, Бурок! Вкусно! Ешь! — И Кедригерн облизнулся для пущей убедительности.

Варвар впился зубами в цилиндр, нахмурился и вытащил его изо рта. Какое-то время Бурок разглядывал непонятную штуку, потом положил на пень, достал огромный тяжелый нож и всадил лезвие в цилиндр. Цилиндр раскололся на две половинки. Бурок схватил одну, высосал содержимое и отбросил в сторону. То же самое он проделал со второй половинкой.

— Еще!

Кедригерн швырнул ему мешок, и Бурок слопал еще с десяток цилиндров, забросав весь двор блестящими металлическими скорлупками и обрывками цветной бумаги.

— Кожура жесткий, мякоть хороший.

Так вот как поступают с этими металлическими цилиндрами! Мрачная мысль пришла в голову волшебнику. Далекое будущее, в которое проникла его магическая сила, возможно, населено такими же варварами, как Бурок. Кедригерн представил себе мрачный пейзаж: до самого горизонта земля замусорена металлическими осколками, и по ним топают здоровенные ножищи варваров. Волшебник содрогнулся от ужаса. Возможно, это значит, что алхимики в конце концов победят. Как раз такая жизнь оказалась бы по нутру этим ничтожествам.

Бурок привел их к тому месту, где на привязи стояли две косматые лошади, с удовольствием щипавшие весеннюю травку. Варвар оседлал лошадь побольше, предоставив ту, что поменьше, волшебнику и его спутнице. Кедригерн сел на лошадь, наклонился к Принцессе, подхватил ее и посадил перед собой. В седле оказалось достаточно места для них обоих.

Какое-то время путешественники молчали. Кедригерн был поглощен тревожными размышлениями, Принцесса наслаждалась новыми видами и звуками, а Бурок полностью сосредоточился на том, чтобы не сбиться с пути. Сначала они ехали по открытой местности, сквозь цветущие луга и вдоль благоухающей лесной тропы, потом через широкую долину к окраинам кафедрального города. Вдруг Принцесса прижалась к волшебнику и крепко обхватила его за талию. Кедригерн, по-прежнему погруженный в свои мысли, хмыкнул от неожиданности.

Город представлял собой отвратительное зрелище. В воздухе висел едкий тошнотворный дым, который только начинал рассеиваться под легким ветерком. Окна и двери в домах были распахнуты, некогда прекрасный собор стоял в развалинах. Над головами кружили стаи ворон, и Кедригерн увидел, как волк отпрыгнул с дороги. Когда показались первые тела, он поднял руку и погладил Принцессу по голове, прильнувшей к его плечу, а потом совершил небольшое маскировочное волшебство, чтобы она не видела последствий кровавой бойни. Он чувствовал, как она дрожит от страха.

— Все в порядке, Принцесса, — прошептал Кедригерн. — Мы выехали на луг, усеянный цветами. Вокруг нас целое море нарциссов.

— Ква-а, — еле слышно ответила она, не поднимая головы.

Бурок остановил лошадь и обвел город широким жестом.

— Бурок делать это, — объявил он.

— Зачем?

Варвар перевел свои маленькие глазки на волшебника, долго их не отводил, а потом показал на руины собора:

— Мой жечь.

Затем он махнул рукой в сторону горы трупов, застывших в нелепых позах:

— Мой убивать.

Дернув поводья, он свернул с дороги и поехал дальше, гордо выпрямившись в седле.

Когда Бурок заговорил, Принцесса еще крепче прижалась к волшебнику.

— Странно, варвары, кажется, не имеют ни малейшего представления о существовании первого лица единственного числа личного местоимения, — заметил он, чтобы отвлечь ее. — Все время *мой* да *мой*, особенно когда хвастаются. Твое типично варварское отношение к языку находится, похоже, на том же уровне, что и его отношение к праву человека на жизнь и собственность.

— Ква-а, — тихо ответила Принцесса.

— Хорошо, конечно, я знаю, ты почти не знакома с варварами, моя дорогая. Никто и не предполагает, что хорошо воспитанная леди может оказаться в одном обществе с такими, как Бурок, тем более беседовать с ними. Можешь поверить мне на слово. Хотя иногда я думаю, а не притворство ли все это?

— Ква-а?

— Нет, я действительно так думаю. — Волшебник помолчал, потом улыбнулся, а затем тихо засмеялся. — Только представь себе, как они сидят где-нибудь одни, без посторонних, противные и волосатые, и, отбросив всякое при-

творство, изъясняются сложноподчиненными предложениями и оперируют причастными и деепричастными оборотами.

Принцесса рассмеялась над таким предположением и потом, пока они ехали, время от времени поглядывала то на Бурока, то на Кедригерна, и они с волшебником давились от смеха, как дети на торжественной церемонии. На их пути больше не встречалось разоренных селений, и Принцесса больше не тряслась от страха.

Кедригерн отчасти перестал беспокоиться о Принцессе, но он увидел много такого, что заставило его встревожиться по другому поводу. В последние годы он ни разу не выезжал из дому, абсолютно довольный своей жизнью на тихом склоне холма, где у него было все, что нужно: Принцесса, занятия волшебством и преданный слуга Спот. Сегодняшний мир оказался намного страшнее, чем тот, который он покинул когда-то. Природа не потеряла своего очарования, но там, где ступила нога человека, остались только отчаяние, разрушение и смерть. Варвары уничтожали все на своем пути. То немногое, что ускользало от их внимания, доставалось алхимикам, и они разбивали, варили и жгли в своей ненасытной жажде золота.

Кедригерн все больше утверждался в мысли, что алхимики в конечном итоге одержат победу. Они не остановятся, пока не превратят последний кусок свинца в золото, и их стараниями на Земле начнется эпоха хаоса. То будущее, куда Кедригерн попал благодаря своей магии, тоже, наверное, чудовищно, если он правильно понял все увиденное. Пугающая перспектива. Волшебник погрузился в мрачные размышления.

Путешествие проходило относительно спокойно. Они проехали три разрушенные деревни, и в каждой из них Бурок останавливался, указывал на трупы и разоренные дома и громко хвастался своими заслугами. Его все больше волновала реакция Принцессы на его достижения, и это беспокоило волшебника. Однако во время ночлега варвар вел себя прилично. Тем не менее Кедригерн окружил палатку, в которой они с Принцессой расположились, защитным заклинанием.

На третий день они пришли в долину, куда не попадало солнце и где ничего не росло. Стервятники сидели на серых изогнутых ветках мертвых деревьев и с любопытством смотрели, как среди грязи и камней путники прокладывают путь к невысокому холму в центре долины. Когда они подъехали поближе, Кедригерн понял, что неровные очертания холма — это не остатки лесных деревьев, а колья, угрожающе торчащие из земли. Он почувствовал в воздухе вибрацию волшебства, натянул поводья и крикнул Буроку:

— Дальше нельзя! Это место заколдовано!

Бурок остановил лошадь и повернулся к волшебнику.

— Золотая гора, — сказал он.

Кедригерн был раздосадован. Он мог и сам догадаться. Вряд ли существовали лучшие способы заставить людей держаться подальше от какого-нибудь места, чем замаскировать его под захоронение древнего народа. Лошадь под ними заволновалась. Кедригерн спешился, велел Принцессе оставаться на месте, а сам пошел к холму. Присутствие волшебства с каждым шагом ощущалось все сильнее.

Повернувшись спиной к варвару, Кедригерн засунул руку под рубашку и вытащил серебряный диск диаметром с ладонь, висевший на цепочке у него на груди. Это был медальон его братства, и он содержал в себе великую силу. Дотронувшись указательным и средним пальцами до нескольких символов, начертанных на медальоне, волшебник поднял его до уровня глаз и посмотрел сквозь крошечное отверстие в середине.

Перед ним возвышался целый курган золота. Не гора и даже не приличных размеров холм. Но и то, что предстало его взору, тоже было неплохо — чистое сверкающее золото, озарившее своим светом мрачную долину.

Кедригерн опустил медальон под рубашку и устало потер глаза: отверстие истины всегда требовало напряжения. Когда он снова взглянул на курган, тот по-прежнему выглядел как раздавленный труп гигантского ежа. Волшебник повернулся как раз вовремя, чтобы уловить отблеск серебра в руке Бурока. Варвар мгновенно отвел блестящий предмет от глаз и запрятал серебряную вещицу под

мховыми одеждами. Кедригерн догадался, что́ это, и похолодел.

— Как ты узнал о золотой горе, Бурок? — спросил волшебник как бы между прочим.

— Человек говорить Бурок.

— Несомненно, добровольно и с радостью. Этот человек дал тебе что-нибудь?

Варвар ответил не сразу:

— Колдовать. Бурок делить золото.

— Нам некуда спешить, Бурок. Ты что-нибудь взял у этого доброго человека?

— Колдовать! — настойчиво повторил Бурок.

— Подожди, я не хочу золота. Я хочу серебряный медальон, который висит на твоей мерзкой шее. Ты забрал его у нашего брата волшебника.

Варвар залез было под рубаху, но помедлил и вытащил руку.

— Волшебник давать Бурок. Мой.

— Ни один волшебник не отдаст медальон. Ты напал, когда он истратил всю свою силу, и убил его. Так ты и нашел золотую гору. Но ты не знаешь, как преодолеть заклинание, и никогда не узнаешь.— Кедригерн скрестил руки и презрительно посмотрел на сидящего верхом варвара.— Поэтому ты, огромная немытая куча глупой хвастливой плоти, можешь смотреть сколько хочешь, пока бьется твое жадное сердце, но не видать тебе золота вовек.

С яростным рычанием Бурок спрыгнул на землю, ловким отработанным движением выхватил длинный изогнутый клинок и замахнулся на волшебника. Тот не шелохнулся. Клинок ухнул вниз и отскочил со звуком треснувшего хрусталя. Сверкающие кусочки стали закружились в воздухе, а Бурок взвыл и стиснул руки от боли.

Кедригерн молча пошевелил губами и простер руки вперед. С громким криком он пустил в разъяренного варвара испепеляющий разряд. Разряд выстрелил и превратился в сноп света, и теперь настала очередь волшебника стенать и дуть себе на руки. Боль от обратного действия магии была сильна, но еще сильнее был шок от понимания

того, что сила, защищающая его от Бурока, точно так же защищает и Бурока от него.

Медальон выполнял две задачи: во-первых, подтверждал принадлежность к братству волшебников, а во-вторых, защищал того, кто его носит, от неприятельской магии. И служил он только своему хозяину.

Они не спускали друг с друга глаз: Кедригерн стоял на месте, а Бурок настороженно ходил вокруг. Каждый из них страстно желал нанести удар, но они еще не оправились от того, что случилось, и выжидали. Бурок, рыча, как голодная собака, вырвал из грязи под ногами заостренный камень размером с горшок, высоко поднял над головой и швырнул прямо в грудь волшебнику. Булыжник раскололся на кусочки, превратился в гравий и осыпался каменным дождем.

— Бесполезно, Бурок. Ты не можешь навредить мне.

Варвар, пыхтя от злобы и напряжения, уставился на волшебника остекленевшими глазами и замер в яростной попытке переварить услышанное. Через некоторое время свирепая ухмылка появилась на его лице.

— Бурок не вредить волшебник. Волшебник не вредить Бурок. Не мочь вредить.

— Я что-нибудь придумаю.

— Волшебник не вредить Бурок! — повторил варвар с ликованием в голосе.

— Не радуйся. Тебе же будет хуже.

С ошеломляющей скоростью Бурок развернулся и подскочил к Принцессе. Одной своей лапищей он сжал ее запястье, а другой схватил за волосы.

— Бурок вредить леди! — прорычал он. — Волшебник не вредить Бурок, а Бурок вредить леди!

У Кедригерна похолодело в животе при виде Принцессы в руках Бурока. В отчаянной попытке волшебник направил импульс в маленькую голову варвара. Отскочивший разряд чуть не сбил Кедригерна с ног, и сквозь завесу боли он услышал хохот Бурока. Крик Принцессы привел его в чувство.

— Я ничего не могу поделать, Принцесса! — воскликнул он. — Его защищает медальон, так же как и меня. Я беспомощен!

Принцесса перевела на него испуганные глаза. Бурок грубо развернул ее голову, лицом к своему безобразному лицу.

Оставалось последнее средство. Магия волшебника была бессильна против варвара, но могла действовать на Принцессу. Второе заклинание на изменение формы тела довольно опасно, но все же лучше, чем страдания и муки от рук Бурока. Волшебник не сомневался, она поймет.

— Не бойся, Принцесса. Еще не все потеряно.

Кивая в подтверждение своих слов, Кедригерн стал произносить нужное заклинание. Он торопился, глядя на бесполезные попытки Принцессы вырваться из лап Бурока.

Варвар прижал красавицу к себе. Она немедленно впилась ногтями ему в лицо. Бурок с силой отвел руки пленницы и со смехом поднял ее над землей. Она вцепилась в его одежду. Принцесса дралась и царапалась, и вдруг в воздух взметнулся сверкающий медальон.

Кедригерн бросил свои заклинания, рванулся вперед и поймал его на лету. Волшебник издевательски помахал медальоном на порванной цепочке, а потом повесил его себе на шею и громко засмеялся:

— Давай, Бурок! Взять!

Варвар медлить не стал. Он отшвырнул Принцессу в сторону и кинулся на волшебника, пытаясь сорвать медальон. Кедригерн поднял руку, и Бурок застыл на полпути, а затем с громким стуком шлепнулся в грязь, подняв тучи брызг. Он затвердел, как камень.

Кедригерн подбежал к Принцессе, поднял ее и крепко прижал к себе. Он шептал нежные слова утешения, пока она не перестала дрожать. Красавица едва могла идти, и волшебник практически понес ее к лошади. Он вытащил из седельной сумы толстый плащ и накинул Принцессе на плечи.

— Ты храбрая женщина, Принцесса. И гораздо сообразительнее нас. Бурок так и не догадался, что ты задумала,— восхищенно заметил волшебник.

— Ква-а? — робко спросила Принцесса.

Кедригерн посмотрел на Бурока. Очертания его стирались, тело приобретало серый цвет — заклинание на ока-

мепение делало свое дело. Скоро на месте Мясника Мира Божьего будет лежать огромная глыба необычной конфигурации, и ничего больше. Конечно, набеги варваров это не остановит, но Бурок уже принимать участие в них не будет.

— Быстро и безболезненно, — сказал Кедригерп. — Он заслуживает гораздо худшего, но в такой ситуации мне нужно было что-нибудь быстрое и надежное. Для более подходящего наказания потребовалось бы время, а у нас его не было. — На земле что-то сверкнуло. Волшебник нагнулся и поднял золотой обруч. Он вытер с него грязь и надел украшение на голову Принцессе. — Мы унесем отсюда столько же золота, сколько и принесли, если ты не возражаешь.

— Ква-а, — решительно согласилась Принцесса.

— Я знал, что ты согласишься. — Волшебник махнул в сторону ощетинившегося могильного холма. — Дорога нам теперь известна, а в ближайшее время вряд ли кому-нибудь удастся найти и вывезти это золото. Мне нужно время, чтобы все обдумать.

Кедригерн подсадил Принцессу в седло, а сам взобрался на лошадь Бурока. Бок о бок они двинулись назад. Сначала волшебник молчал, занятый своими мыслями, но когда заметил недоумевающий взгляд спутницы, объяснил, в чем дело.

— Лучше сказать тебе сейчас, Принцесса, — вздохнул он. — Эта гора золота, вероятно, почти ничего не стоит. Ну, может, и стоит немного. Пока еще. Но к тому времени, когда мы раздобудем повозки, преодолеем заклинание, причем весьма могущественное заклинание, и доставим золото надежному покупателю, несомненно, будет уже поздно. Понимаешь, все дело в алхимиках. Они мошенники и шарлатаны. Это орава мнимых волшебников, извергающих потоки умных терминов. Я все знаю. Но они постоянно работают, и их так много... — снова вздохнул волшебник и печально покачал головой. — Они обязательно добьются своего. А как только они превратят свинец в золото, наша гора обесценится. Потому что они превратят в золото весь свинец на Земле. Оно будет повсюду.

Пытаясь утешить волшебника, Принцесса взяла его за руку. Кедригерн отважно улыбнулся, но притвориться, что все хорошо, не смог. Дважды за этот день Принцесса слышала, как он бормочет «Весь свинец в золото», вздыхает и молчит. Ночью он произнес эту фразу во сне и заскрежетал зубами.

Весь следующий день Кедригерн молчал. Утром третьего дня он сказал:

— Не то чтобы я его искал. Богатство само пришло ко мне в руки, и его отобрали, даже не дав нам шанса... Это несправедливо, Принцесса!

Какое-то время он грустил, но потом переключился на более важное дело: стал составлять распоряжения для Спота. Кедригерн хотел, чтобы к их возвращению дом был убран и обед приготовлен, поэтому ему пришлось сосредоточиться. Инструкции для Спота требовали абсолютной точности. Все должно быть расписано — и никакой инициативы. Если просто приказать ему приготовить обед, можно обнаружить на своей тарелке кучку дохлых кротов.

Путники вышли наконец на тропу, ведущую к вершине Молчаливый Гром. Кедригерн вел лошадь под уздцы и уныло смотрел себе под ноги. И вдруг он испустил восторженный крик, захлопал в ладоши и завопил от радости. Принцесса не смогла устоять, видя такое веселье, и тоже засмеялась, хотя в глазах у нее стоял немой вопрос.

— Я нашел ответ, Принцесса! Мы победим алхимиков их же методом! — сиял от счастья волшебник. — Когда они превратят весь свинец в золото, свинец станет большой редкостью. Поэтому, — Кедригерн перестал смеяться, хлопать в ладоши и приплясывать на тропинке, — мы превратим золотую гору в свинцовую! Гениальная идея. Гениальная! Ты согласна, любовь моя?

— Ква-а, — ответила Принцесса.

ДЖУЛИЯ С. МАНДАЛА

Один долгий день в Аду

Джулия Мандала (Julia S. Mandala), юрист по образованию, начала профессиональную писательскую карьеру в 1993 году, когда журнал «Марион Циммер Брэдли» *(Marion Zimmer Bradley) опубликовал ее первый рассказ. В рассказе* «Адвокат Дракулы» *(Dracular's Lawyer, 1995) Джулия опирается на собственный опыт юридической работы.* «Один долгий день в Аду» *(A Slow Day in Hell) раскрывает анархическую сторону личности писательницы.*

Сатана, Князь Тьмы и Повелитель Зла, прихлебывал ледяной коктейль «Маргарита» и разглядывал из окна своего охлаждаемого кондиционером офиса стонущие массы грешников, которые корчились внизу, в огнедышащей преисподней. Не то чтобы ему мешала жара... И «Маргариту» он не слишком любил. Ему больше нравилось старое доброе «Шардонне», но никакой другой напиток не пробуждал у грешников такого терзающего отчаяния, как обжигающе студеный коктейль. Долгими скучными днями ему приходилось прибегать к этим незначительным пыткам, пока на горизонте не появлялось что-нибудь поинтереснее.

Послышалось визжащее царапанье когтей по двери. Сатана отвернулся от своих подопечных и крикнул:

— Входи, Меф!

Никому, кроме Мефистофеля, не удавался этот неподражаемый скрежет, от которого мурашки бежали по коже, волосы вставали дыбом и сердце выпрыгивало из груди.

Мефистофель, Величайший из Демонов и Левая Рука Сатаны, втащил низкорослого пухленького чертенка, который съежился от страха и ужаса, подобающих ситуации и льстящих самолюбию Повелителя.

— Я привел Сирила, о Первичное Зло! — произнес Мефистофель и подмигнул Сатане поверх головы черта.

— Хорошо, можешь идти.

От перспективы оказаться наедине с Повелителем Зла лицо Сирила исказила паника.

Мефистофель с жалостью посмотрел на него.

— Ладно, — вздохнул Величайший из Демонов и вышел, оставляя черта перед лицом судьбы.

Сатана ждал, не сводя с крошечного чертика огненно-жгучих глаз. Сирила затрясло еще сильнее. Он заревел, пуская слюни, и принялся, ломая когти, отчаянно раздирать свою жесткую шкуру. Сатана по-прежнему молчал, продолжая буравить Сирила пронзительным взглядом. В конце концов черт не выдержал.

— Ну пожа-а-алуйста, ваша милость, простите мою опло-о-ошность, — взвыл Сирил и рухнул на пол, сотрясаясь от дрожи. — Откуда мне было знать, что он любит, когда его бьют?

— В его досье четко указывалось на склонность к мазохизму. Ты что, с ним не ознакомился?

— Я думал, это значит, что он ходил в католическую церковь, — всхлипнул Сирил.

Князь Тьмы презрительно взмахнул рукой:

— Приговариваю тебя к общей яме в Аду.

— Не-е-ет! Только не это! Вы же знаете, что́ грешники делают с осужденными чертями.

— Наверное, такие же мерзкие, отвратительные, порочные штучки, какие и ты проделывал с ними, — равнодушно ответил Сатана.

— Пожалуйста, о Первичное Зло, дайте Сирилу еще один шанс, — взмолился черт. — Сирил способен на зло. Сирил может вызывать громадные несчастья. Да-а, может!

Сатана презирал тех, кто говорит о себе в третьем лице, поэтому испытывал сильное желание отправить Сирила в Ад и покончить с этим. Но... день был таким скучным.

— Ладно. Есть у меня одно непростое дельце. К нам поступила новенькая, и, если ты ее одолеешь, она отправится в Ад вместо тебя.

— Благодарю! Благодарю! — Сирил вцепился в рукав Сатаны и принялся целовать его в знак признательности.

Сатану этот жест нисколько не тронул. На дорогой ткани остались пятна от слюны черта.

— Ну давай, иди! — И Сатана стряхнул Сирила с такой силой, что тот с грохотом врезался в дверь и пробил ее насквозь, оставив за собой лишь отверстие, повторяющее его очертания.

— Простите! — донесся из-за двери голос Сирила.

Куда же я вляпался, подумал чертик, ковыляя на своих ногах-обрубках по пыльной, изрезанной колеями дороге. А ведь дорога не обязательно должна быть пыльной. Совсем не обязательно. Ад такой, каким его видят живущие здесь черти и демоны. Но в этом-то и вся проблема. Никто не сомневался в том, что Сирил добросовестно относится к своей работе. Как и все в Аду, он испытывал наслаждение, причиняя боль и навлекая несчастья. Но в конце концов даже Сирил уразумел: ему не хватает пылкости воображения и горячности убеждения.

— На этот раз я им покажу! — поклялся он, проталкивая пластиковую карту в сканер замка секретного доступа, который открывал ворота в помещение предварительного содержания. — Я заставлю эту несчастную женщину визжать и выть от отчаяния.

Вот только как?

На папке, которую выдал ему скучающий дежурный, значилось: «Марджори Морнингтон». Сирил просмотрел материалы — ничего особенного. Домохозяйка. Погибла при пожаре. Оптимистка... Странно, зачем они это упомянули? Близорукость и прочие физические недостатки после смерти исчезают.

Сирил открыл дверь помещения предварительного содержания. На пластиковой скамье, выпрямив спину и скрестив ноги, сидела Марджори Морнингтон. По виду — типичная мать семейства средних лет: безукоризненно уложенные волосы, выкрашенные в неестественный темно-коричневый цвет; скрадывающее полноту ярко-синее домашнее платье в веселеньких желтых ромашках; голубые махровые шлепанцы, под цвет глаз. Сирил потер руки и облизнул потрескавшиеся губы. Легкая добыча.

— Морнингтон! — рявкнул черт, хотя, кроме них двоих, в комнате никого не было.

Марджори помахала рукой и улыбнулась:

— Я здесь!

Сирил пронзил ее своим самым зловещим взглядом:

— Я Сирил, худший из твоих кошмаров.

— Какой же вы милый малыш! — И она провела по последнему пучку волос, торчавшему в центре лба Сирила. — Это Ад? — Не дожидаясь ответа или каких-нибудь указаний, она вышла из приемной в собственно Ад. — Как же здесь приятно и тепло. Терпеть не могу холод. Зимой я постоянно просила Боба (это мой муж) прибавить отопления, а он не обращал на меня внимания и только жаловался, сколько приходится платить за газ. — Она с удовольствием потянулась и вздохнула. — Поэтому-то я сюда и угодила.

Марджори хихикнула. Не так страшно и омерзительно, как хихикают черти, а славно и невинно, как набедокуривший ребенок, которого журят снисходительные родители.

— Эта зима была особенно холодной, и в конце февраля мое терпение лопнуло. Я в последний раз попросила Боба прибавить тепла. Я так ему сказала: «Боб, в последний раз прошу, поверни этот чертов регулятор». Я решила, он поймет, что мне не до шуток, если дело дошло до бранных слов. Но он продолжал читать газету и только заметил: «Рад, что этот раз последний». Ну что ж, он уже не так радовался, когда я задула огонь в газовой горелке, выждала несколько минут и чиркнула спичкой. — Она снова вздохнула. — Пламя было таким теплым, таким красивым!

Сирил почесал голову и слишком поздно вспомнил, что от прикосновения когтей его кожа лезет клочьями. Да, дельце оказалось не таким уж простым. В идеале Ад для нее должен быть холоднее, чем Антарктика глубокой зимой. Но холодных дней в Аду не случалось так давно, к тому же Сирил не имел ни малейшего представления, как вызвать даже один такой день, не говоря уже о вечности.

Он напряг свою единственную извилину. Что может ненавидеть приятная дама средних лет? Бесовская улыбка появилась на его бесовской физиономии.

— Пойдем со мной, — произнес он приторным голоском. — У меня есть местечко, где тебе очень понравится.

Пока они блуждали по коридорам Ада, женщина болтала без умолку. Наконец Сирил нашел нужную дверь. Он стремительно распахнул ее и впился взглядом в Марджори, чтобы насладиться выражением ужаса на ее лице.

— О-о-о! — заверещала она. Но вместо того чтобы сморщиться от отвращения, Марджори просияла от удовольствия. — Чудные мохнатенькие мышки!

— Это крысы!

— Да, точно. — Она села на корточки и протянула руку к одному из грызунов. — Иди сюда, дружочек. Не бойся.

К изумлению Сирила, зверек не отгрыз ей палец. Он осторожно обнюхал женщину, а потом, как котенок, стал тыкаться носом ей в руку. Воркуя и улыбаясь, Марджори гладила крысиную шкурку. — Отец всегда говорил, что я могу приручить кого угодно. Эти ребятки напомнили мне летучих мышей, которые были у меня в детстве. Они жили в сарае и...

— Вон отсюда! — приказал Сирил.

— Но мне показалось, вы сказали...

— Вон!

Марджори в последний раз погладила зверька, неохотно встала и пошла за чертом. Мозг Сирила закипел. Вариант с крысами не прошел. Что теперь? Внезапно у него мелькнула отличная идея.

— Так, ты говорила, что не переваривающь холод, — заботливо начал Сирил. — А что еще ты по-настоящему ненавидишь? Я спрашиваю, потому что не хотелось бы отправить тебя туда, где тебе не понравится.

— Ой, не сомневаюсь, мне подойдет любое место, какое бы вы ни выбрали.

— Ну давай же, — ластился Сирил, — наверняка есть что-нибудь неприятное.

— Ладно,— призналась Марджори,— я побаиваюсь высоты.

Ага! Сирил велел женщине следовать за ним. Он уверенно шагал по коридорам, не сомневаясь в скорой победе. Больше ему не грозят вечные муки Ада. Когда они добрались до места назначения, Сирил толкнул дверь и впихнул удивленную Марджори внутрь, где ее уже поджидали два демона. Пока один из них крепко держал гостью, второй застегнул ремни поверх желто-синего платья. Амортизирующие тросы зловеще повисли вдоль спины Марджори.

— Что это? — воскликнула она в испуге. Лицо женщины застыло от страха, когда она глянула вниз, за край платформы, где зияла, казалось, бездонная пропасть. — Сирил?.. — Она утратила дар речи от такого предательства.

На физиономиях демонов появилась демоническая ухмылка.

— Ты не забыл укоротить тросы? — спросил один.— Не хочется опять подчищать ошметки с пола.

— Упс! Забыл! — ответил второй и в ту же секунду грубо спихнул Марджори вниз.

Она кувыркнулась с платформы и полетела в темноту. Свернутые кольцами тросы стали стремительно разматываться.

— А-а-а-а... — растаял далеко внизу голос Марджори.

Спустя полчаса тросы размотались до конца, натянулись и через мгновение начали сматываться обратно. Сирил подошел поближе, предвкушая удовольствие от леденящих кровь криков Марджори на обратном пути. И он услышал ее голос. Он звучал сначала тихо, а потом все громче и громче. Но кровь его не заледенела, она просто перестала течь по жилам. Этого не может быть!

— Ух ты! — прокричала Марджори, подлетая обратно и заскакивая на платформу.

— Эй, ты, черт! — рявкнул один из демонов, пока второй сворачивал тросы.— Что ты себе думаешь! Приводишь к нам фанатку прыжков с «тарзанки».

— Но она сказала... — Сирил захлопнул рот, покуда не ляпнул чего-нибудь лишнего. Не стоит злить демонов, а то пожалеешь.

— У-ух! — выдохнула Марджори.

Демоны грубо сорвали с женщины ремни и вытолкали визитеров взашей. Марджори уперла руки в бока:

— Я должна была бы чертовски на вас разозлиться за то, как вы надо мной подшутили, но это сработало. Я теперь вообще не боюсь высоты. Спасибо! — Она наклонилась и крепко обняла Сирила.

Кровь вскипела в груди чертика. Отпрянув от Марджори, он схватил себя за чуб и принялся прыгать с ноги на ногу, каждый раз поднимаясь все выше и выше, пока наконец не начал отскакивать от потолка и стен.

— Надо же! — Марджори восторженно хлопала в ладони в такт прыжкам Сирила. — Какой чудный смешной танец. Научите меня? Я не хочу быть здесь белой вороной.

— Нет!

— Тогда я вас научу одному танцу. Тра-та-та-та-ра-ра, та-ра-та-ра-ра!

Пораженный Сирил с яростью наблюдал, как Марджори Морнингтон отплясывает диско, напевая безвкусную мелодию семидесятых.

— Давайте, Сирил. Что вы к полу приросли? Танцуем хастл! Тра-та-та-та-ра-ра, та-ра-та-ра-ра.

Бурля от негодования, Сирил вычеркнул «Волшебную страну буги» из списка пыток, которые можно применить к Марджори. В «Волшебной стране» грешники, как правило страстные любители рок-н-ролла или классической музыки, танцевали под нескончаемый поток песен в стиле диско, причем лучший диджей Ада так грамотно миксовал мелодии, что совершенно невозможно было понять, где кончается одна и начинается другая, поэтому никому и никогда не удавалось уйти с танцпола. В оглушающем ритме тонули вопли «Диско — отстой!» и зубовное скрежетание терзаемых душ, обреченных на вечное буги под шедевры в стиле Донны Саммер и «Би Джиз».

Марджори ввела в свой танец еще одно движение — «указующий перст», сам Траволта позавидовал бы!

— У-у! — завыл Сирил и снова дернул себя за волосы. Его глаза вылезли из орбит от ужаса, когда он увидел, что его последние волосинки остались в кулаке. Этого не может быть! — Какой ужас! Если бы ты была жива, я бы убил тебя!

— Расслабьтесь, Сирил! Тра-та-та-та-ра-ра-ра-ра... — Пышные бедра Марджори безукоризненно следовали ритму песенки.

— Прекрати танцевать!

— Хорошо.— Она перестала танцевать так же внезапно, как и начала.— Отлично повеселилась. Сто лет не танцевала. Боб был еще тот плясун, двигался как корова на льду. Знаете, голову даю на отсечение, там, в Раю, они не танцуют. Спасибо вам. Я рада, что попала сюда.

Из ушей черта повалил пар.

— Какой классный фокус,— восхитилась Марджори.— Интересно, а у меня получится?

Она зажмурила глаза. На ее лице было написано глубочайшее напряжение. Из ушей стали вытекать струйки пара. Потом струйки выросли в потоки. А потом пар превратился в пламя.

— К-как ты это делаешь?

Марджори открыла свои невинно-голубые глаза.

— Сама не знаю. Но такие приятные ощущения, правда?

У Сирила зародилось подозрение, что если запереть Марджори в темной пустой комнате, то она в два счета отыщет там кошку.

— Что теперь? — спросила Марджори.— Хотя, думаю, очень невежливо с моей стороны рассчитывать и дальше на вашу доброту. У вас небось и других забот хватает. Некогда водить меня по Аду и выбирать местечко получше.

— Ну что вы! — ответил Сирил, и в его голосе зазвенели истерические нотки, как будто разбилось стекло.— Это как раз моя работа — встречать гостей.

— Как старички в «Уолмарте»[1], — поняла Марджори. — Знаете, в Аду намного приятнее, чем уверяют баптисты там, внизу.

Сирил непроизвольно хихикнул. Это было не славное невинное хихиканье ребенка или страшное омерзительное хихиканье черта. Нет, это было хихиканье сумасшедшего. Так вы хихикаете, когда наконец до вас доходит шутка и вы понимаете, что пошутили жестоко и отвратительно, причем над вами лично.

Марджори просияла от удовольствия:

— Вот так-то лучше, Сирил. Вы начинаете расслабляться.

— Хи-хи-хи! Хо-хо-хо! — не переставал Сирил, раскачиваясь из стороны в сторону. Из уголков его рта свисала слюна, а из уголков глаз катились слезы.

Сирил все еще хихикал и хахакал, когда демоны потащили его на вечные мучения.

— Да! — сказала Марджори двум новым чертям, появившимся справа и слева от нее. — Такой странный парнишка!

Черти-охранники бросили на женщину сердитый взгляд и показали жестом, чтобы она шла между ними. Вскоре они уже стояли перед офисом Главного Босса. Новая дверь сверкала в огненном свете.

— Теперь ты узнаешь, что такое настоящий Ад! — прорычал один из чертей.

— Еще одна экскурсия? Вот здорово! Обожаю новые места. Боб сроду не любил выбираться из дому.

Черт фыркнул и постучал.

— Войдите! — ответил низкий голос.

Распахнув дверь, черти втолкнули Марджори внутрь и с грохотом захлопнули дверь у нее за спиной. Сатана, Князь Тьмы и Повелитель Зла, обратил к женщине свой пылающий взгляд.

— Да, миссис Морнингтон, непростым выдался ваш первый день в Аду.

Сатанинская ухмылка появилась на его лице, а лицо Марджори потеряло четкость и растеклось. Ее тело стало

---

[1] «Уолмарт» — всемирно известная сеть магазинов. *(Прим. ред.)*

менять очертания и оплывать, пока не превратилось в тошнотворную массу колышущейся плоти. Постепенно месиво трансформировалось и оказалось Мефистофелем.

Сатана похлопал его по спине:

— Меф, ты гений. Всегда знаешь, как развлечь меня.

Мефистофель скромно склонил голову и смешал две «Маргариты». Удовлетворенно разглядывая сквозь зеркальное окно души грешников, страдающих от непереносимых мучений, они наконец узрели Сирила. Черт то истерически хихикал, то корчился в агонии, когда ему мстили те, над кем ему довелось поиздеваться в свое время. Сатана и его помощник ударили по рукам, и громогласный хохот Повелителя Зла накрыл необъятные просторы Ада.

— Ну разве не отличная работа!

ДЖИН ВУЛФ

Откуда у меня три почтовых индекса

Джин Вулф (Gene Wolfe, род. 1931) — один из ведущих писателей в жанре научной фантастики и фэнтези. Наиболее известна, пожалуй, его серия романов «Книга Нового Солнца» *(The Book of the New Sun), которую открывает* «Тень палача» *(The Shadow of the Torturer, 1980), но его перу принадлежат и многие другие произведения. Среди будоражащих мысль романов в жанре фэнтези — такие, как* «Есть двери» *(There are Doors, 1988),* «Пейзаж с замком» *(Castleview, 1990) и* «Воин тумана» *(Soldier of the Mist, 1986). Эти романы достаточно сложны, и кажется удивительным, что Вулф способен создавать и веселые произведения. Между тем один из его самых ранних рассказов* «Трип-трэп» *(Trip, Trap, 1967) — остроумный пересказ истории о тролле, живущем под мостом. И вообще, у того, кто назвал сборник рассказов* «„Остров доктора Смерть и другие рассказы" и другие рассказы» *(The Island of Doctor Death and Other Stories and Other Stories, 1980), язык должен быть подвешен неплохо. Эту сторону таланта Джина Вулфа мы и видим в новом рассказе, который помещен в нашей антологии.*

Солнце, торпедированное немецкой подводной лодкой, медленно погружалось в залив.

— Есть три способа написать статью, — сказал старик и сплюнул коричневую липкую слюну. — И три способа поймать усатую рыбу, если это тебе больше по душе. Все одно.

Я старался не прислушиваться к отчаянным крикам обреченной команды. «Ну и жарища», — подумал я. А вслух произнес:

— То есть, ты хочешь сказать, должна быть драматическая завязка?

— Ну да! Вот захотел ты поймать лягушку. Не из тех больших, которых ловят острогой, чтобы есть. Следишь за мной? Малюсенькую такую, пятнистую к примеру. Многие

поддевают их на крючок за верхнюю губу и за нижнюю тоже. Вроде никакой разницы?

«Только не для лягушек», — подумал я.

— Нет уж, есть, да еще какая! — Старик снова сплюнул, едва не попав в чайку, которая с криком метнулась прочь. — Ей же и не крикнуть от боли, да еще под водой, если ты проткнешь ее мухоловку? А ну как у ней насморк? Так-то! Ей же надо ртом дышать, так ведь? А ей обе губы крючком прихватили, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Некоторые ничего не соображают. Я как-то видел в Соноре[1], как одному парню голову отрубили мачете. В салуне дело было. Их там кантинами называют.

— Мне казалось, мы сидим на этом пирсе, — сказал я.

Он не слышал меня.

— Напрочь отрубили. Голова подпрыгнула на полу, усеянном опилками, и три раза перевернулась, разбрызгивая кровь во все стороны. Страшнее ничего не видел. А ведь тело-то уже не могло думать, так ведь? Мозгов-то ведь нет.

— Есть люди, у которых мозгов отродясь не бывает, — мягко напомнил я ему, продолжая размышлять над тем, как мне начать эту статью.

— А вот пугаться могло. И напугалось так, что мама не горюй! Ведь страх-то не в голове, а где-то там, за пряжкой на ремне. И вот это тело выскочило из кантины и побежало по улице. А до другой кантины всего-то полквартала, не больше. Ты, может, думаешь, что тело понимает, что у него нет головы? Да поняло бы, если б задумалось. Только оно не задумывалось. Дело в том, видишь ли, что оно только что получило деньги и хотело потратить их, прежде чем помрет. Я последовал за ним. Оно подкатилось к стойке и говорит: «Плесни-ка мне самого лучшего пойла, что у тебя есть в этой твоей дыре». Говорить оно, понятно, не могло, рта-то нет, но по выражению пуговиц на рубашке было ясно, что ему нужно.

---

[1] Сонора — штат на севере Мексики, граничащий с американским штатом Аризона. *(Прим. ред.)*

Легкий ветерок сыпнул на мой блокнот песком. Я чихнул.

— Бармен сразу смекнул, что к чему, и налил ему выпить. Ну тут и началось! Прям такое, чего я еще не видал! Тело взяло стакан, чтобы как бы выпить, следишь? И чуть было не запрокинуло его, но тут сообразило, что рта-то у него нет. Я подвалил к нему и говорю: «Слышь ты, болван, да ведь у тебя рта нет. Вали-ка ты со стаканом туда, где рот-то свой оставил». А оно меня не слышит — ушей-то нет.

— Понятно, — сказал я.

Я уже утратил к рассказу всякий интерес и теперь думал о другом — куда подевалась девушка, за которой я следил? Она снимала с себя купальник за креозотовым деревом, там, слева. С такой бы девушкой, размышлял я...

— Посоли ее, — сказал мне старик. — Но на подоконник не клади, даже если никакого доктора не увидишь. А я сказал, что эта голова сожрала все опилки, до каких только могла дотянуться. Да языком, понял?

— Конечно, — солгал я.

— И что это тело сделало? Вылило стакан в карман своей рубашки, а потом рухнуло как подкошенное. Я тебе зачем все это рассказываю? На такую наживку любая рыба клюнет. Да что там рыба, лягушка завопит так, что ты на нее «Ридерз дайджест» подцепишь.

День уже подходил к концу. Глядя на темнеющее небо, я различил буквы: ОТКУДА У МЕНЯ ТРИ ПОЧТОВЫХ ИНДЕКСА. Чернильно-черные на затянутом тучами небе.

— Но ведь это было не в Мексике, — сказал я старику. — А в Чикаго.

Он ткнул в меня указательным пальцем:

— А один из твоих индексов не начинается с шесть-ноль-шесть?

Я покачал головой:

— Пузырек в этом твоем приборе не мог тебе такого сообщить.

— Тоже мне, шутник, — наставительно произнес он. — Я, пожалуй, пока подкреплюсь. Съем пару «Генов».

Я думал, он добавит хлеба с майонезом. Но он не стал.

— А ты не тряс вот так головой, примерно страницу назад?

— Вроде нет, — ответил я.

— Ну, видать, это была настоящая змея. Выпей-ка лучше еще.

— Послушай, я собирался рассказать тебе о своих индексах — откуда у меня взялся «Свит один-ноль-три» на озере Цюрих, штат Иллинойс. Но твой треп заинтересовал меня. По-твоему, между редактором и усатой рыбой много общего. Сдастся мне, ты не прав, потому как от редактора можно ждать хоть шерсти клок, а у рыбы даже чешуи нет. Как разрешишь такое противоречие?

— Сколько Ли платит тебе за это?

— Ладно, признаю свою ошибку. Мои индексы, хотел я сказать, шестьдесят тысяч десять, шестьдесят тысяч одиннадцать и шестьдесят тысяч сорок семь. Общая сумма — сто восемьдесят тысяч шестьдесят восемь.

— А если перемножить?

— Мой калькулятор не сможет показать такое большое число. Придется через логарифмы.

— Говорил же я твоей матери: с пацаном что-то не то. А как насчет кубического корня?

— Шестьдесят тысяч двадцать два и две трети вроде бы.

— Думаешь, тебе можно писать на такой индекс?

— Почему бы и нет?

— Еще бы тебе знать почему. А как насчет среднего?

— Да пусть пишут и на среднее.

— Я всегда говорил, что ты со странностями.

— Не так чтобы очень. Видишь ли, сами числа большие, но отличаются не слишком, а в таких случаях...

— Насколько большие? Напиши мне их тут.

Я послюнил указательный палец (противный вкус тут же напомнил мне о гусенице, которую я недавно насаживал на крючок) и написал эти числа на просоленных досках пирса: 60010, 60011, 60047.

— Не такие уж и большие. — Старик указал на небо, по которому сновали чайки. — Посмотри-ка на тех троих.

Наверное, в полумиле отсюда. Размах крыльев — футов шесть. Вот это в самом деле много. Это то, что я называю большое число. Тебе, может, так не кажется. Может, ты видел и побольше в Швейцарии, но, по мне, и эти велики.

— Шестьдесят тысяч сорок семь — это не в Швейцарии, а на озере Цюрих.

— Довольно близко.

— Видишь ли, в Соединенных Штатах теперь уже не так часто пользуются почтой.

— Куда же тогда наклеивают марки? — поинтересовался старик.

— Не путай меня, дед. Посылать письма — это, наверно, слишком просто. На каждом углу висят почтовые ящики, всюду почтовые отделения и так далее.

— Которые почему-то всегда закрыты, — сказал дед и задумчиво почесал лодыжку своей деревянной ноги.

— Наверное, в этом причина. Наша почта в Баррингтоне открывается в девять сорок пять и закрывается в четыре тридцать, а в субботу в полдень. Естественно, она закрыта все воскресенье и по всем мыслимым и немыслимым праздникам.

— Так усатую рыбу не поймаешь!

— Знаю. Потому и ждал до этой страницы.

— Там, в Швейцарии?..

— Почтовое отделение. Оно открыто дольше, и один парень там дал мне ключ от входной двери и ключ от «Свит сто три».

— То есть от ящика, так, что ли, мой мальчик?

— Да, но надо написать слово «Свит», такова традиция. Пиши мне по адресу: дом восемьсот тридцать, Уэст-Мейн, Свит сто три. Или присылай посылки заказные, «фед-эксом»...

— Это одна из тех огромных книг, которые ты всегда читаешь?

— Да вроде того. Но дальше еще хуже, честное слово. Какое-то время назад один редактор в Англии сказал мне, что собирается отправить мне на проверку рукопись международной экстренной почтой. Она должна была попасть ко мне в руки через шесть часов. Неделю спустя я получил

открытку от экстренной почты, в которой говорилось, что они не работают с этим районом и я могу забрать свою посылку в их главном офисе на Двести семьдесят шестой улице. Я живу к северо-западу от Чикаго. Этот адрес — далеко на юге.

— Как далеко?

— В Кентукки. А вот «фед-экс» и заказная доставляют бандероли на «Свит сто три».

— Ты мог бы попросить их, чтобы тебе и домой доставили, мой мальчик. По тому индексу, который ты упомянул.

— Пробовал. Они оставляли бандероли в соседнем доме, в соседнем квартале и целую кучу их — через улицу.

— Понимаю.

— Но это не все. Я тебе еще не все рассказал. Их никогда не доставляли мне. Бандероли оставляли в машине на дороге, которая ведет к моему дому. Полдюжины свадебных подарков оставили в гараже, и лишь случайно мы нашли их до свадьбы. Конверт с чеками на десять тысяч долларов был оставлен на крыльце под дождем.

Старик больше не слушал меня. Прикрыв ладонью глаза, он осмотрел потемневший горизонт и пробормотал:

— Как по-твоему, кому-нибудь из этих солнечных матросов удастся спастись в шлюпке?

— Сомневаюсь. Это альбом Лесли Фиш[1]. — Я повернулся, чтобы уйти с причала. — Пойду-ка я лучше домой.

Всматриваясь в темные волнующиеся воды залива, старик проворчал:

— Эй! А в который дом, сынок?

---

[1] Лесли Фиш — активистка американского НФ-фэндома и автор-исполнитель (т. н. филк-музыка). Ее второй альбом, выпущенный в 1977 г., назывался «Solar Sailors» («Солнечные матрасы»).

АМБРОЗ БИРС

Крах предприятия «Хоуп & Вэндел»

В наши дни произведения Амброза Бирса (Ambrose Bierce, 1842—1914?), кажется, несправедливо забыты. Самого Бирса вспоминают либо в связи с его циничными наблюдениями над жизнью, собранными в «Словаре дьявола» *(The Devil's Dictionary, 1911), либо как человека, странным образом исчезнувшего. В возрасте семидесяти лет он решил отправиться в Мексику, чтобы написать о мексиканской революции, и больше его никто не видел. Спустя несколько лет другой Амброз, Амброз Смол (Ambrose Small), также исчез, что заставило Чарльза Форта (Charles Fort) высказать такое предположение: «Может, кто-то коллекционирует Амброзов». Грегори Пек (Gregory Peck) сыграл Бирса в фильме* «Старый Гринго» *(Old Gringo, 1989) по книге Карлоса Фуэнтеса (Carlos Fuentes). Более сорока лет Бирс трудился на писательском и журналистском поприще. Его перу принадлежат одни из лучших «таинственных» рассказов конца XIX века. Многие из них написаны в язвительной манере, потому что у него не было ни терпения, ни времени на общение с людьми и он определенно не любил глупцов. Публикуемый здесь рассказ принадлежит к числу самых безобидных.*

От мистера Джейбеза Хоупа, Чикаго,
мистеру Пайку Вэнделу, Новый Орлеан.
2 декабря 1877 года

Не буду утомлять тебя, мой дорогой друг, рассказом о своем путешествии из Нового Орлеана в этот северный район. В Чикаго, поверьте мне, бывает холодно, и у приехавшего сюда южанина, вроде меня, не имеющего смены носа и ушей, будут все причины пожалеть о том, что он совершил оплошность, сэкономив на лишней одежде.

А теперь к делу. Озеро Мичиган затянуто льдом. Вообрази себе, о дитя жаркого климата, пелену сплошного льда длиной триста миль, шириной сорок и толщиной шесть

футов! Может показаться, что я лгу, дорогой Пайки, однако твой партнер по фирме «Хоуп & Вэндел, оптовая торговля сапогами и башмаками, Новый Орлеан» не замечен в сочинении небылиц. Мой план заключается в том, чтобы завладеть этим льдом. Сворачивай наше предприятие и немедленно высылай деньги. Я построю склад не меньше Капитолия в Вашингтоне, заполню льдом и буду высылать его по твоим заказам на южный рынок, сколько потребуется. Могу высылать полосами для катков, в виде фигурок для каминных полок, стружками для джулепов[1] или в жидком виде для мороженого и использования в самых разных целях. Дело стоящее!

Прилагаю в качестве образца тоненький кусочек. Да видел ли ты когда-нибудь такой чудесный лед?

От мистера Пайка Вэндела, Новый Орлеан,
мистеру Джейбезу Хоупу, Чикаго.
24 декабря 1877 года

Твое письмо пришло ужасно испорченным, все стерто и размыто, так что почти ничего невозможно было прочитать. Должно быть, оно шло только водным путем. Однако с помощью химикатов и фотографии я разобрал его. Но ты забыл вложить образец льда.

Я все распродал (должен признать, с внушающими ужас убытками) и прилагаю набросок окончательного расчета. Немедленно начинаю биться за заказы. Полностью доверяюсь тебе, однако позволь спросить: неужели никто еще не пытался выращивать лед поближе? Есть ведь озеро Понтчартрен, как ты знаешь.

От мистера Джейбеза Хоупа, Чикаго,
мистеру Пайку Вэнделу, Новый Орлеан.
27 февраля 1878 года

Вэнни, дорогой, тебе бы не помешало посмотреть на наш ледяной склад. Он возведен из досок и сколочен наспех, но смотрится как картинка и стоил больших денег,

[1] Джулеп — напиток с мятой.

хотя мне и не пришлось платить за землю. Он такой же большой, как Капитолий в Вашингтоне. Как по-твоему, нужен ему шпиль? Я его уже почти заполнил. Пятьдесят человек резали лед и складировали его днем и ночью. Страшно холодная работа! Кстати, лед, о котором я тебе писал в прошлый раз, что он шести футов толщиной, стал тоньше. Но ты не волнуйся. Его еще много.

Наш склад в восьми или десяти милях от города, так что мне не очень-то досаждают визитеры, а это большое облегчение. Ты бы видел эту несерьезную, посмеивающуюся публику!

Мне это кажется до абсурда невероятным, Вэнни, но знаешь, по-моему, этот наш лед становится холоднее по мере того, как приближаются теплые дни! Я это точно знаю. Можешь упомянуть этот факт в рекламе.

От мистера Пайка Вэндела, Новый Орлеан,
мистеру Джейбезу Хоупу, Чикаго.
7 марта 1878 года

Все идет хорошо. У меня сотни заказов. В торговом мире мы прогремим как «Вечнохолодная компания по поставкам льда, Новый Орлеан и Чикаго». Но ты мне не сказал — этот лед из пресной воды или соленой? Если из пресной, то он не годится для приготовления пищи, а если из солсной, то испортит джулеп.

А он такой же холодный в середине, как и на поверхности среза?

От мистера Джейбеза Хоупа, Чикаго,
мистеру Пайку Вэнделу, Новый Орлеан.
3 апреля 1878 года

Навигация на озерах открыта, и судов здесь не меньше, чем уток. Я тоже плыву, направляясь в Буффало, с доходами «Вечнохолодной компании по поставкам льда, Новый Орлеан и Чикаго», поместившимися в кармане жилетки. Мы обанкротились, мой бедный Пайки. Не видать нам ни славы, ни богатства. Собери всех кредиторов, но сам на собрание не ходи.

Минувшей ночью какая-то шхуна из Милуоки вдребезги разбилась, налетев на огромную плавающую льдину. Это первый айсберг, который видели в этих водах. Оставшиеся в живых утверждают, что он размером с Капитолий в Вашингтоне. Половина айсберга принадлежит тебе, Пайки.

Самое печальное, что наш склад я построил в неудачном месте, примерно в миле от берега (на льду, как понимаешь), а когда началась оттепель... о господи, Вэнни, нельзя было смотреть на это без слез! Ты, наверное, будешь очень рад, если я скажу, что меня в то время в нем не было.

Какой глупый вопрос ты задаешь мне. Бедный мой партнер, ничего-то ты не понимаешь в ледяном бизнесе.

ЭЛИЗАБЕТ УОТЕРС

Подарок к дню рождения

Элизабет Уотерс (Elisabeth Waters) — автор дюжины коротких рассказов и романа «Меняя судьбу» *(Changing Fate, 1994). Она также написала вместе со своей кузиной Марион Циммер Брэдли (Marion Zimmer Bradley) роман* «Благодарность королей» *(The Gratitude of Kings, 1997) и помогает Брэдли издавать* «Марион Циммер Брэдли фэнтези-журнал» *(Marion Zimmer Bradley's Fantasy Magazine).*

— Да как вы могли, тетушка Фрайдесвайд?

Принцесса Ровена строго посмотрела на миниатюрную фигурку в облачении волшебницы. Когда она говорила, с губ ее слетали не слова, а аметисты, изумруды, топазы, рубины и другие драгоценные камни.

Фрайдесвайд поморщилась. «Ну и голос! И откуда только у такой маленькой девочки такой громкий, пронзительный голос?»

— Ровена, дорогая, где твои манеры? Ты что, даже не хочешь сказать «доброе утро»? И прошу тебя, говори потише.

— «Утро» я еще могу сказать, — пробурчала Ровена, — но другое слово я вычеркиваю из своего словаря. Шипы роз причиняют боль, когда касаются губ.

Куча драгоценных камней и цветов на столе все росла.

— Почему вы это сделали?

— Но, мое дорогое дитя, это же всегда была твоя любимая сказка. Мне казалось, это лучший подарок на четырнадцать лет, и потом, он увеличивает твое приданое, особенно теперь, когда ты достигла того возраста, когда можешь выйти замуж. Твой отец очень беспокоился об этом.

«И что же все-таки происходит с девушкой, подумала про себя Фрайдесвайд. Такое красивое решение всех наших проблем, а она ведет себя как угрюмый звереныш».

— Понятно. — Ровена сверкнула глазами. — По-вашему, это заставит моего потенциального мужа не обращать внимания на мой ужасный голос? Вы собираетесь купить мне принца, но это я буду страдать и заработаю на него! Мне не нужен принц, и муж не нужен, лучше я дам обет молчания, чем жить так! Снимите с меня эти чары! Немедленно!

Во время этой речи ее голос повысился почти на две октавы по сравнению с обычным пронзительным дискантом, и с последним словом кубок, стоявший на верхней полке, разлетелся на части.

— Но, Ровена, дорогая, — возразила Фрайдесвайд; подойдя к другому краю стола, она принялась нервно помешивать содержимое своего большого котла, — боюсь, я не могу этого сделать. Я не знаю, как снять чары. Да начать с того, что мне и наложить-то на тебя чары было трудно.

— Нет, — мрачно произнесла Ровена, — совсем не трудно. Я запрусь в своей комнате и не выйду из нее, пока вы не придумаете, как снять с меня чары!

В дверь тихо постучали, и служанка внесла поднос с завтраком Фрайдесвайд. Увидев Ровену, она сделала реверанс:

— С днем рождения, ваше королевское высочество.

Ровена быстро прошла мимо нее и вышла из комнаты, не ответив. Служанка в недоумении смотрела ей вслед, потому что обычно Ровена была одной из самых дружелюбных обитательниц замка.

— Она слишком устала, — поспешно проговорила Фрайдесвайд. «Какое неловкое объяснение, а ведь еще только время завтрака». — Столько волнений из-за дня рождения!

— Надеюсь, она придет в себя к тому времени, когда днем соберутся гости. Ожидаются принцы из пяти королевств.

— Я тоже на это надеюсь, — живо ответила Фрайдесвайд, подходя к куче драгоценных камней на столе. — Поставь поднос на край моей рабочей скамьи, пожалуйста, и можешь идти.

Когда девушка ушла, тетушка Фрайдесвайд села на табурет возле скамьи и откинула салфетку, прикрывавшую поднос. Тотчас послышались царапающие звуки, и из кучи

на столе появился темно-зеленый тритон, чтобы взять свою порцию еды. У тритона остался лишь один глаз, другой какое-то время назад был пожертвован ради чар. Еще у Фрайдесвайд была любимая лягушка без пальца на одной из лап, но в тот раз чары ей не очень удались, поэтому больше она их не повторяла.

— Ну, что скажешь?

Тритон пожевал немного и, прежде чем ответить, проглотил еду.

— По-моему, это неблагодарный звереныш. Всякий раз, когда я вспоминаю, скольких трудов мне стоило изучить воздействие заклинания, навестить дракона и торговаться с ним... да я мог бы сгореть, а она только и говорит — «снимите с меня чары»! Чары прекрасные, одни из лучших, которые вам удавались, она будет богатой и купит себе хорошего мужа, а она только и делает, что кричит и жалуется. — Он снова набил рот и помолчал, прежде чем проглотить. — Да с такими чарами ее муж и слова не скажет, даже если она будет пилить его днем и ночью!

Фрайдесвайд, однако, смотрела на это иначе.

— А может, мне не следовало этого делать. Такая красивая была сказка! Но я никогда не задумываюсь о практической стороне дела, вроде того, есть ли у роз шипы и откуда они растут. А если она заговорит во сне и какой-нибудь рубин застрянет у нее в горле?

Тритон содрогнулся:

— Тогда не надо ее больше слушать. Голос у нее и без того скверный. Но, клянусь всеми богами и богинями, не понимаю — почему она так любит петь?

— Будь справедлив. По крайней мере, ради этого она уходит далеко в лес.

— Наверное, поэтому король Марк и хочет выдать ее замуж — он уже лет десять как не бывал на приличной охоте. — Тритон схватил еще один кусок с тарелки, пожевал и проглотил его. — Хотя отчасти в этом можно винить и нашу леди Драконшу.

— Если говорить о нашей леди Драконше... — с надеждой начала было Фрайдесвайд.

— Не надо! — резко прервал ее тритон. — В прошлый раз я вовремя ушел. Если ты действительно хочешь снять чары с Ровены, то спроси у дракона, как это сделать. — И он побежал по скамье, а потом исчез в щели в стене, за которой была горная расщелина. Там он будет лежать все утро, блаженствуя на солнышке и оставаясь глухим ко всем просьбам.

Фрайдесвайд собрала рассыпавшиеся драгоценные камни в сумочку, подвешенную к поясу, накинула на плечи плащ и направилась в логово Драконши.

На Драконшу произвели впечатление камни, которые предстали перед ее взором.

— Значит, чары тебе удались. — Она задумчиво посмотрела на Фрайдесвайд. — Но что-то явно здесь не так, иначе ты не пришла бы сюда. И что же это?

— Боюсь, Ровена не очень-то хорошо их воспринимает. Она устроила ужасную сцену, говоря, что мы сделали это затем, чтобы купить ей мужа, а ей он не нужен, и...

Драконша захихикала:

— Остальное понятно. Моя дочь тоже одно время выдавала нечто подобное. Не волнуйся, через несколько веков это пройдет.

— Но у нас нет нескольких веков! — возразила Фрайдесвайд. — Она заперлась у себя в комнате и говорит, что не выйдет оттуда, пока я не освобожу ее от чар. А что сделает ее отец, если она не появится днем среди гостей, я даже и думать не хочу!

Волшебница с трудом перевела дыхание. Драконша покачала головой:

— Эх вы, смертные. Все-то вы переживаете, все хотите получить сразу. Когда же вы научитесь вести себя спокойно и смотреть на вещи в перспективе?

— Несомненно, когда будем жить так же долго, как ты, миледи Драконша, — отрезала Фрайдесвайд. — Но сейчас время бежит еще быстрее. У тебя есть какие-нибудь ценные предложения?

Драконша откинулась назад и выпустила небольшой язык пламени вверх.

— Я обдумаю этот вопрос. А тебе пока советую идти домой. Постарайся успокоить свое капризное дитя. Есть кто-нибудь, кого она могла бы послушать, — подружка, а может, возлюбленный? Подумай об этом.

Фрайдесвайд поднялась и протянула руку к куче драгоценных камней. Тонкая струя пламени едва не задела ее, и она отдернула руку, боясь обжечься.

— Эти можешь оставить.

Драконша, черт бы ее побрал, похоже, была чему-то рада. Фрайдесвайд всю дорогу домой кипела от негодования.

К вечеру негодование настолько переполнило ее, что она едва не взорвалась, как и король Марк. Когда Ровена отказалась выйти из своей комнаты, он в присущей ему грубой манере велел взломать ее дверь. Ровена выбежала на балкон, где Драконша аккуратно подхватила ее и унесла прочь. Осталась только жемчужина, которая упала, когда Ровена закричала. Фрайдесвайд быстро спрятала ее в карман, пока никто не заметил.

Поскольку в замке собралось столько принцев (их осталось шестеро даже после того, как вечеринку отменили, — пятеро прибыли из соседних королевств плюс сын короля Марка, Эрик), то, разумеется, немедленно родилась идея, что кто-то должен убить Драконшу и спасти принцессу. В конце концов, только так принцу и пристало себя вести. «Но только не в обеденное время», — думала Фрайдесвайд, особенно после рассказа принца Эрика, который в мельчайших подробностях поведал, как выглядели трупы нескольких последних рыцарей, бросивших вызов Драконше, после того, как она с ними разделалась. (Драконша, ценившая свое уединение, имела привычку подбрасывать на середину рыночной площади тело любого рыцаря, который досаждал ей, чтобы тем самым пресечь попытки покушения на свою жизнь. Было очевидно, что Эрик точно не собирается этого делать.)

— Но разве для тебя это не дело чести — спасти свою сестру? — спросил один из принцев.

— Чтобы он оставил меня без наследника, а королевство — открытым для вражеского вторжения или гражданской войны? — холодно вопросил король Марк. — Это вы хотели бы увидеть? Нам не дано знать, жива ли еще девушка, и я запрещаю своему сыну пускаться в столь опасное и невыгодное предприятие. И, — прибавил он, оглядев собравшихся за столом, — я всем запрещаю тревожить Драконшу — разве что кто-то, ощутив собственную ненужность, не решит покончить с этим раз и навсегда. Драконша становится очень раздражительной, когда какой-нибудь идиот пытается убить ее, и свое раздражение она выместит на моей земле и моих людях, так что я этого не потерплю! — Он угрожающе оглядел сидевших за столом. — Вам все ясно, джентльмены?

Принцы разом кивнули, явно с видом облегчения. Все они видели Ровену — да и слышали ее, — и теперь, ввиду явного запрета короля, могли не беспокоиться о рыцарской чести и достоинстве. Вино текло рекой, и принцы заговорили об охоте с ястребом и о рыцарских турнирах.

— И все-таки мне интересно, зачем Драконша унесла мою дочь, — сказал король Марк, когда они с Фрайдесвайд отошли от стола.

Фрайдесвайд напряглась. «Неужели кто-то рассказал ему о чарах? Если только что-то заставит его захотеть, чтобы Ровена вернулась...»

Но он, очевидно, ничего не знал, поскольку спокойно продолжал:

— В нашей семье ты волшебница, Фрайдесвайд. Узнай, что произошло с моей дочерью и почему это произошло. — Он собрался было уже отойти от нее, но снова повернулся. — Только не огорчай Драконшу, когда будешь узнавать!

«Пожалуй, он не многого и хочет, — подумала Фрайдесвайд. — Ладно, хорошо хоть, не требует немедленного возвращения Ровены. А мне все равно интересно, что же Драконша сделала с Ровеной». — Она взяла плащ, взглянула на небо — полная луна, безоблачно, много света — и во второй раз в этот день направилась по дорожке, ведущей к логову Драконши.

Подойдя к нему, она услышала ужасные звуки — грохот, скрежет, звук натянутой струны, точно кто-то впервые перебирал струны очень плохо настроенной арфы. Она осторожно подошла ко входу в пещеру и заглянула внутрь.

Горел костер, и Драконша растянулась подле него. Прислонившись к спине Драконши, Ровена пощипывала струны арфы, придерживая ее коленями. Весь остальной шум исходил от Драконши и Ровены. Вероятно, они думали, что поют. Наделенная музыкальным слухом, Фрайдесвайд так не думала.

Первой ее увидела Драконша:

— Заходи, Фрайдесвайд.

Похоже, Драконше было весело.

— Ты пришла затем, чтобы поинтересоваться, как себя чувствует Ровена, или чтобы потребовать ее возвращения?

Ровена вскочила на ноги. Арфа грохнулась, что заставило Фрайдесвайд вздрогнуть. Обежав Драконшу, Ровена посмотрела на свою тетушку из-за ее плеча.

— Не пойду назад! — истерично заявила она. — Мне здесь нравится, и я хочу здесь остаться.

Драгоценные камни слетали с ее губ и падали на чешую Драконши.

— Но, Ровена... — начала было Фрайдесвайд.

— Не пойду туда! Меня там никто не любит, никто не слушает, а здесь Драконше нравится мое пение.

— И что я должна сказать твоему отцу?

— Скажите ему, что я умерла, — равнодушно произнесла Ровена. — Я туда не вернусь. Никогда.

— Ты уверена, что именно этого и хочешь?

Ровена кивнула.

— А что, если потом передумаешь?

— Ровена свободна сама выбирать, куда ей идти, — лениво заговорила Драконша, — и никто ее отсюда не заберет, раз она хочет оставаться здесь. У тебя не будет с этим проблем, Фрайдесвайд?

— Никаких, леди Драконша, — спокойно ответила Фрайдесвайд. — Хотя если Ровена действительно хочет остаться здесь, то лучше будет сказать, что она умерла.

— И то правда,— согласилась Драконша.— Рыцари, зациклившиеся на спасении плененной принцессы,— это скучно.

— Король Марк запретил тем, кто собрался в замке, тревожить вас.

Драконша усмехнулась, обнажив ряды длинных острых зубов:

— Я уверена, что именно так он и сделал.

— Он, однако, просил меня разузнать, что сталось с его дочерью и почему с ней это произошло.

— А он разве не знает? — с удивлением спросила Драконша. Повернув голову, она посмотрела на Ровену.— Раз уж твоя тетушка, кажется, не намерена уводить тебя отсюда, дитя, то лучше тебе присесть и успокоиться.

Ровена вернулась к костру, села и прислонилась к Драконше. Драконша кивнула, и Фрайдесвайд пододвинула табурет поближе к огню, сняла плащ и тоже села. Тут было довольно тепло, гораздо уютнее, чем в замке, где даже гобелены на стенах не спасают от холода. «А может, Ровене и правда здесь будет лучше? Она права, полагая, что ее отец и брат не думают о ней, бедный ребенок. Она всегда была простушкой, и если б не ее голос, ей нечем было бы привлечь мужа, если б только отец не пожелал дать за ней большое приданое, а он не желает... а тут я с самыми лучшими намерениями окончательно превратила ее в капризную барышню...» Эти мысли подействовали отрезвляюще.

— Не хочешь ли ты сказать,— спросила Драконша,— что король Марк не знает, какой подарок ты сделала его дочери к дню рождения?

— Именно так,— ответила Фрайдесвайд.

— Этого никто не знает,— сказала Ровена.— Никто, кроме нас троих.

— Ты в этом уверена? — одновременно спросили Фрайдесвайд и Драконша.

— Абсолютно.

— Что ж, это избавляет нас от необходимости придерживаться правды,— сказала Фрайдесвайд, оборачиваясь к Драконше.— Так зачем же вы унесли дочь короля и убили ее?

Драконша ненадолго задумалась.

— Скажи ему, что все дело в диете, что раз в несколько веков Драконша должна съедать девственницу. Скажи ему, что мне следовало бы предупредить его об этом и дать время для жертвенной лотереи и прочей чепухи, но необходимость в девственнице возникла внезапно. Передай ему мои соболезнования в связи с его горем и, — цепкий хвост вытянулся, схватил золотой кубок, доверху наполненный драгоценными камнями, и швырнул его на колени Фрайдесвайд, — отдай ему это за то, что его дочь пролила кровь. Как по-твоему, этого будет достаточно?

Она посмотрела на Фрайдесвайд, но ответила Ровена.

— Ему это понравится, — заверила она Драконшу. — Этот кубок придется ему по вкусу больше, чем я.

Фрайдесвайд кивнула.

— Марк не хочет тебя огорчать, — сказала она Драконше, — поэтому проглотит любую историю, даже если она лишь наполовину правдива, а твоя история абсолютно правдива.

Она поднялась, чтобы уйти, потом вспомнила, что Ровена произнесла этим утром.

— Ровена, ты уверена, что больше никто об этом не знает? Ты кому-нибудь сказала «доброе утро»? Кому?

Ровена безучастно смотрела на нее.

— Утром я разговаривала только с вами, тетушка Фрайдесвайд, больше ни с кем.

— Ты сказала мне, что вычеркиваешь слово «доброе» из своего словаря, потому что от шипов роз больно губам.

— А, вот вы о чем, — хихикнула Ровена. — Я разговаривала с собой, когда смотрелась в зеркало. Я же вам говорила, что меня никто в замке не слушает.

Она рассмеялась, и драгоценные камни посыпались с ее губ прямо ей на колени.

ГАРРИ ГАРРИСОН

Капитан Гонарио Харплейер

Благодаря Гарри Гаррисону (Harry Harrison, род. 1925) я сделал для себя открытие: юмористическая фантастика и фэнтези могут быть хорошего качества. Его истории о Скользком Джиме ди Гризе, преступнике, ставшем блюстителем порядка, впервые опубликованные в 1957 году в журнале «Эстаундинг сайнс фикшн» *(«Astounding SF») в серии под названием* «Стальная крыса» *(The Stainless Steel Rat), по-прежнему пользуются популярностью у читателей. А роман* «Билл — герой Галактики» *(Bill, the Galactic Hero, 1965) до сих пор остается одной из умнейших и тончайших пародий на научную фантастику. Рассказ, который мы представляем вашему вниманию, — это не только очевидная пародия на произведения С. С. Форестера (C. S. Forester) о приключениях Хорнблауэра*[1]*, но и совершенно новый взгляд на тему вторжения пришельцев.*

Капитан Гонарио Харплейер, сцепив руки за спиной и стиснув зубы в бессильной ярости, мерил шагами кормовечный квартердек корабля военно-морских сил его величества «Резервный». Впереди медленно тащилась обратно в порт разбитая французская флотилия: по-

---

1 Капитан Горацио Хорнблауэр, офицер военно-морских сил Великобритании, участвующий в войне против Наполеона, является главным героем одиннадцати приключенческих романов С. С. Форестера. Имя Горацио дано капитану в честь одного из героев шекспировского «Гамлета», а также служит напоминанием об адмирале Нельсоне, который является одним из прототипов Хорнблауэра.

У двух капитанов — Горацио Хорнблауэра и Гонарио Харплейера — много общего. Например, созвучные имена и «музыкальные» фамилии. Фамилию героя Форестера можно перевести как «горнист», Гарри Гаррисон же наградил своего героя умением играть на арфе и губной гармошке. Примечательно, что у Форестера капитан с музыкальной фамилией напрочь лишен слуха и, более того, терпеть не может музыки. У Г. Гаррисона Харплейер выходит из себя, когда кто-то начинает говорить об оттенках того или иного цвета.

Обоих капитанов сближает также чувство глубокого одиночества, болезненная мнительность и неуверенность в собственных силах, что мешает им в общении с самыми близкими людьми, которыми и в том и в другом случае являются верные помощники: лейтенант Буш (Bush) у Хорнблауэра и мистер Шраб (Shrub) у Харплейера. Кстати, фамилии помощников капитанов на русский переводятся одинаково — «куст, кустарник».

рванные паруса развевались по ветру, рангоут тянулся по воде, расщепленные корпуса кораблей застыли с развер-стыми внутренностями — хрупкое дерево их бортов раз-летелось вдребезги, не выдержав грозных залпов «Резерв-ного».

— Будьте так любезны, пошлите двух матросов вперед, мистер Шраб, — приказал он, — пусть льют воду на грот. Намокшие паруса дадут нам одну восьмую узла, и мы еще сможем надрать задницы этим трусливым лягушатникам.

— Н-но, сэр, — начал вяло заикаться первый помощник капитана Шраб, содрогаясь при одной мысли о том, что приходится перечить любимому капитану, — если мы спи-мем еще несколько матросов с помп, то пойдем ко дну. Нас продырявили в тринадцати местах ниже ватерлинии, к то-му же...

— Черт возьми, до чего же вы наблюдательны! Я отдал приказ, а не предложил обсудить положение дел. Делайте, что говорят.

— Есть, есть, сэр, — смиренно пробормотал Шраб, сма-хивая одинокую слезу с увлажнившихся глаз, похожих на глаза спаниеля.

Вода ударялась о паруса, и «Резервный» мгновенно на-чал опускаться ниже. Харпплейер сомкнул руки за спиной, он ненавидел себя за то, что вспылил на верного Шраба, — он не должен был так себя вести. Однако в глазах коман-ды, этого отребья, отбросов общества, собранных по всему побережью, ему приходилось изображать из себя строгого ревнителя дисциплины. Точно так же ему приходилось но-сить широкий кушак, чтобы выглядеть подтянутым, и бан-даж, чтобы прикрывать грыжу. Он должен был выглядеть подтянутым, потому что был капитаном этого судна — са-мого малого во всей блокадной флотилии корабля с пост-капитаном[1] на борту, но в то же самое время играющего важную роль во флотилии, которая удушающей петлей об-вилась вокруг Европы, перекрыв выход безумному тирану.

---

[1] Пост-капитан — командир корабля с двадцатью пушками или больше.

Пока эти крошечные деревянные суденышки преграждали путь, Наполеон и мечтать не смел о завоевании Англии.

— Помолитесь за нас, капитан, чтобы мы оказались в раю как можно быстрее. Мы тонем! — прокричал кто-то из матросов, занятых на помпах.

— Узнайте, как зовут этого негодяя, мистер Доглег, — сказал Харпплейер мичману, командовавшему матросами. Сам мичман, мальчуган лет семи-восьми, был совсем еще ребенком. — И оставьте его на неделю без рома.

— Есть, сэр, — пропищал мистер Доглег, недавно научившийся говорить.

Корабль шел ко дну, вряд ли что-то могло его спасти. По палубе уже бежали крысы. Не обращая совершенно никакого внимания на грозные проклятия и топот матросов, они бросались прямиком в море. Было видно, что французская флотилия наконец добралась до безопасного места, оказавшись под защитой береговой артиллерии на мысе Пьефьё: зияющие дула орудий были направлены на «Резервный» и приведены в полную боевую готовность, чтобы обрушить поток смертоносного огня, едва утлое суденышко окажется в пределах досягаемости.

— Приготовьтесь спустить паруса, мистер Шраб, — приказал Харпплейер и потом громче — так, чтобы слышала вся команда, — прибавил: — Эти трусливые французики убежали, поджав хвосты, и лишили нас миллиона фунтов призовых.

Матросы разразились непристойной бранью. Не считая рома, они больше всего на свете любили фунты, шиллинги и пенсы, на которые можно было купить ром. Недовольные возгласы внезапно сменились придушенными криками — грот-мачта, не выдержавшая шального ядра, выпущенного из французской пушки, рухнула прямо на работавших у помпы матросов.

— Что ж, мистер Шраб, необходимость спускать паруса отпала сама собой, приспешники нашего друга Бони[1] сделали это за нас. — Харпплейер изо всех сил попытался выдавить из себя одну из тех редких острот, что были так

[1] Прозвище Наполеона Бонапарта, данное ему англичанами. *(Прим. ред.)*

по нраву его матросам. Он презирал себя за лицемерие и двуличность каждый раз, когда приходилось завоевывать расположение этих невежд таким неблагородным способом. Но делать было нечего — поддержание неукоснительного порядка на судне входило в его обязанности. Кроме того, не своди он все к шутке, матросы уже давно бы возненавидели его за то, что он обходился с ними как беспощадный, хладнокровный надсмотрщик, который ни за что не упустит своей выгоды. Разумеется, их ненависть никуда не испарилась, но сейчас они по крайней мере смеялись.

Они смеялись, разрубая запутавшийся такелаж и вытаскивая из-под него мертвые тела, чтобы потом положить их ровными рядами на палубе. Корабль осел еще ниже.

— Оставьте покойников в покое, — приказал капитан, — и вернитесь к помпам, а не то обедать нам всем придется на дне морском.

В ответ матросы снова разразились резким смехом и поспешили вернуться к своим обязанностям.

Ублажить их не составляло труда, Харпплейер завидовал тому, как мало им надо было в жизни. Несмотря на каторжный труд, грязную воду и жестокую порку, жизнь простого матроса, как ему казалось, была неизмеримо привлекательнее его собственной, преисполненной мук и глухого одиночества, с вершины которого он отдавал приказы и распоряжения. На него одного было возложено непосильное бремя принятия решений, а для такого болезненно мнительного человека, как он, это было все равно что гореть в аду. Офицеры, единодушно ненавидевшие его, были ни на что не способны. Даже у Шраба, верного, долготерпеливого, преданного Шраба, имелся недостаток: коэффициент его умственного развития был ниже среднего, этот факт, вкупе с незнатным происхождением, означал, что ему не суждено было подняться выше чина контр-адмирала.

Предаваясь размышлениям о разнообразных событиях дня, Харпплейер вновь принялся с маниакальной настойчивостью мерить шагами крошечный квартердек, так что другие члены экипажа, находившиеся рядом с ним, поспешили прибиться к правому борту, чтобы, не дай бог, не

оказаться у него на пути. Четыре шага в одну сторону, поворот, потом три с половиной в другую; каждый раз, занося ногу для следующего шага, он с шумом, от которого все кругом дрожало, ударялся коленом о чугунную пушку. Но Харпплейеру было не до того — в его мозгу, как у заядлого картежника, в хаотичном вихре кружились мысли. Планы взвешивались и оценивались: те, в которых была хоть толика здравого смысла, безжалостно отметались, а к дальнейшему рассмотрению принимались самые безумные и лишенные всякого практического расчета. Немудрено, что на флоте его прозвали Дятел Харпи и с благоговейным страхом почитали за человека, способного вырвать победу из пасти поражения — непременно ценой огромных потерь. Но война есть война. Вы отдаете приказы, хорошие парни погибают — и тут уже за дело берутся толпы сухопутных писак, они-то уж рады стараться, изобразят все в лучшем виде. День выдался длинный и трудный, однако он все еще не мог позволить себе расслабиться. Напряженные раздумья и мрачные предчувствия мертвой хваткой Цербера держали его за горло почти что с самого рассвета, когда впередсмотрящий оповестил, что видит паруса на горизонте. Их было всего десять — французских линейных кораблей, и не успел утренний туман рассеяться, пышущий местью «Резервный» был уже на месте, как волк среди овец. Точно отлаженные английские орудия разразились грохочущими ударами сначала с одного борта, потом с другого: по десять залпов в ответ на каждый жалкий выстрел французских пушек, за которыми пряталось трусливое отребье восьмого и девятого призыва 1812 года. Убеленные сединами патриархи и сопливые младенцы больше всего на свете желали вернуться на семейные виноградники, а не воевать за тирана, рискуя жизнью под яростным огнем смертоносных орудий островного неприятеля — крошечного государства, брошенного в одиночку сражаться против мощи всей Европы. Это была беспощадная, суровая битва: не прибудь из порта подкрепление — вся французская эскадра была бы разгромлена. Как бы то ни было, четыре корабля из десяти сейчас лежали на дне океа-

на среди морских угрей, а оставшиеся шесть нуждались в капитальном ремонте — они пострадали так сильно, что еще долго не смогут покинуть порт и осмелиться бросить вызов распаленной карающим гневом английской флотилии, окружившей их берега.

Харпплейер знал, что делать.

— Будьте так любезны, мистер Шраб, прикажите установить рукава. Сдается мне, сейчас самое время для водных процедур.

Измученные работой матросы встретили его указание резкими смешками — они знали, что их ждет. И в обжигающе холодных северных водах, и глубокой зимой Харпплейер неизменно настаивал на том, чтобы матросы принимали ванну. В ту же минуту рукава были прикреплены к помпам — и вскоре по палубе били сильные струи ледяной воды.

— Все марш купаться! — громко скомандовал Харпплейер и отскочил назад, чтобы ни одна случайная капля, не дай бог, не задела его. Он стоял в стороне, почесывая длинным указательным пальцем бока, не мытые с прошлого лета, и улыбался, наблюдая за Шрабом, вспомнившим детские шалости, и резвящимися в воде нагишом матросами. Он подал знак остановить помпы, лишь когда их белая кожа приобрела прелестный нежно-голубой оттенок.

С северного горизонта донесся грохот, чем-то напоминающий отдаленные раскаты грома, однако звук был резче и оглушительнее. Харпплейер обернулся и на какое-то мгновение, длившееся, казалось, целую вечность, увидел на фоне темных туч огненный всполох, который потом растворился в ночи, оставив лишь яркое воспоминание. Капитан потряс головой, стараясь избавиться от слепящей картинки, и несколько раз быстро моргнул. В тот момент он мог поклясться: огненный всполох устремился вниз, вместо того чтобы взлететь вверх, — и это никаким разумным объяснениям не поддавалось. А может, все дело в том, что он слишком часто засиживается допоздна, играя в бостон с офицерами, — немудрено, что зрение стало садиться.

— Что это было, капитан? — спросил ошеломленный Шраб, стук зубов заглушал его голос.

— Наверное, сигнальная ракета или одно из этих новомодных изобретений Конгрива. Там что-то произошло, и мы должны выяснить, что именно. Будьте так любезны, пошлите матросов на брасы, прикажите распустить грот-марсель и возьмите право руля.

— Можно мне для начала натянуть штаны?

— Не дерзите, сэр, или я прикажу заковать вас в кандалы!

Прижав рупор к губам, Шраб выкрикивал приказы матросам, потешавшимся при виде его дрожащих голых ног. Однако уже через считаные секунды вымуштрованная судовая команда, члены которой еще шесть дней назад таскались по бабам, пьянствовали в прибрежных кабаках, даже не подозревая, как круто повернется их жизнь, когда вездесущие шайки газетчиков сгонят их с насиженных мест и отправят плавать по морям и океанам, беспрекословно выполняла все указания. Матросы запрыгнули на брасы, выбросили за борт сломанный рангоут и снасти, законопатили следы пробоин, похоронили погибших и выпили грог за упокой их душ, при этом у некоторых осталось достаточно сил и энергии, чтобы сплясать развеселый матросский танец. Корабль накренился на повороте, лег на новый галс, рассекая носом пенящиеся волны, и направился прочь от берега расследовать странное происшествие, так что ни у кого не осталось ни малейших сомнений в том, что он является важной частью самой могущественной блокадной флотилии, когда-либо бороздившей воды мирового океана.

— Корабль прямо по курсу, сэр! — прокричал впередсмотрящий. — Два румба по правому борту.

— Бить общий сбор, — приказал Харпплейер.

Сквозь оглушительный барабанный бой и шлепанье по палубе загрубевших матросских ступней голос впередсмотрящего был еле слышен.

— Нет ни парусов, ни рангоута, сэр. Размерами с наш баркас, не больше.

— Отставить сбор! А по окончании вахты пусть впередсмотрящий повторит пятьсот раз: лодка — это судно, которое можно поднять и разместить на корабле.

Подгоняемый свежим береговым бризом, «Резервный» быстро подошел вплотную к лодке, настолько, что теперь можно было разглядеть с палубы даже ее мельчайшие детали.

— Ни мачт, ни рангоута, ни парусов — как же она движется? — У лейтенанта Шраба челюсть отвисла от удивления.

— Какой толк от того, что вы будете строить догадки, Шраб? Это судно принадлежит либо французам, либо нейтралам, так что рисковать мы не можем. Прикажите зарядить и выкатить пушки. И будьте так любезны, скажите матросам, чтобы поставили ружья на предохранитель. Без моей команды не стрелять. А не то прикажу сварить в кипящем масле на завтрак.

— Ну и шутник же вы, сэр!

— По-вашему, я шучу? А помните рулевого, который вчера перепутал указания?

— Если позволите заметить, с душком был, сэр, — ответил Шраб, выковыривая между зубов кусочек хряща. — Все будет сделано, как приказываете, сэр.

Судно было очень странное, по крайней мере, ничего подобного Харпилейеру раньше встречать не доводилось. Оно двигалось вперед, но что за сила управляла им, видно не было: капитан тут же представил себе спрятанных на глубине под водой гребцов на веслах, хотя поместиться в такой лодке могли разве что карлики. На поверхности судна был положен палубный настил, который, как оказалось, был накрыт чем-то вроде стеклянного колпака. По всему выходило, что конструкция довольно странная, и уж точно не французская. Ленивые холуи парижской военной промышленности никогда бы не смогли достичь таких вершин технического мастерства, чтобы соорудить морскую жемчужину, подобную этой. Нет, судно явно попало сюда из чужих земель, возможно из тех, что находятся за Китаем, или с неведомых островов на востоке. Внутри сидел человек, он дотронулся до какого-то рычага — и верхнее окно откинулось назад. Потом он встал и помахал им рукой. Матросы в унисон ахнули от удивления: взгляд каждого,

кто был на корабле, был прикован к странному чужеземцу, появившемуся из судна.

— В чем дело, мистер Шраб? — прокричал Харпплейер. — Что здесь, по-вашему, ярмарочный балаган или рождественское представление? Призовите всех к порядку, сэр!

— Н-но, сэр, — не найдя подходящих слов, начал заикаться верный Шраб, — этот человек, сэр, — он *зеленый*!

— Чтобы я больше не слышал подобного вздора, сэр! — резко оборвал его Харпплейер, которого всегда выводила из себя болтовня о каких-то воображаемых «цветах». Картины, закаты и тому подобная чушь. Вздор. Все в этом мире имело разумные оттенки серого, и нечего тут было изобретать и фантазировать. Какой-то шарлатан, возомнивший себя великим врачом, как-то завел разговор о болезни, одному ему только и известной, под названием «цветовая слепота», но тут же поспешил отречься от своих глупых выдумок, стоило Харпплейеру завести разговор о секундантах. — Зеленый, розовый или пурпурный! Да мне плевать, какой оттенок серого у этого парня. Бросьте ему линь и поднимите на палубу. Тут и выясним, кто он такой и как сюда попал.

Линь был спущен. Привязав его к кольцу на своей лодке, незнакомец снова коснулся рычага, который закрыл стеклянную кабину, и проворно поднялся на палубу.

— Зеленый мех... — не смог сдержаться Шраб, но тут же прикусил язык и предпочел не продолжать свое наблюдение, поймав на себе испепеляющий взгляд Харпплейера.

— Довольно, мистер Шраб. Этот человек — чужестранец, и мы обязаны относиться к нему с уважением, по крайней мере, пока не узнаем, к какому призыву он принадлежит. Согласен, он немного волосат, но у некоторых народностей на севере Японских островов тоже обильная растительность. Может быть, он приплыл оттуда. Добро пожаловать, сэр, — сказал он, обращаясь на этот раз к незнакомцу. — Я капитан Гонарио Харпплейер, командир корабля его величества «Резервный».

— Квл-ккле-вррл-кл!..

— Это не французский, — пробормотал Харпплейер, — и, ручаюсь, не латинский и не греческий. Наверное, какое-нибудь из этих варварских балтийских наречий. Попробую-ка с ним на немецком. *Ich rate Ihnen, Reiseschecks mitzunehmen*[1]. Или лучше на итальянском диалекте? *È probito; però qui si vendono cartoline ricordo*[2].

В ответ незнакомец лишь оживленно запрыгал, затем показал на солнце, делая круговые движения рукой вокруг своей головы, а потом принялся указывать на облака, изображая обеими руками движение вниз, и при этом пронзительно верещал:

— М'ку, м'ку!

— У парня не все дома, — заметил на это один офицер, — зато много пальцев.

— Считать до семи я умею и без вашей помощи, — огрызнулся на него Шраб, — мне кажется, он пытается сказать нам, что скоро пойдет дождь.

— Возможно, у себя на родине он предсказывал погоду, — уверенно заявил Харпплейер, — но здесь он всего лишь еще один чужеземец.

Офицеры согласно закивали, и это движение, казалось, взволновало незнакомца, потому что он прыгнул вперед, выкрикивая свою невнятную тарабарщину. Бдительный караульный остановил его, шарахнув прикладом мушкета по затылку, и волосатый человек упал на палубу.

— Пытался напасть на вас, капитан, — объяснил офицер. — Протащить его под килем в качестве наказания, сэр?

— Не стоит, бедняга занесло далеко от дома, должно быть, он переволновался. К тому же нельзя забывать про языковой барьер. Зачитайте ему военный кодекс и примите на службу. В последнем бою мы и так потеряли слишком много матросов, чтобы теперь пренебрегать кадрами.

— Вы очень великодушны, сэр, всем нам не помешает у вас поучиться. Что прикажете делать с кораблем?

---

[1] Советую всем взять дорожные чеки *(нем.)*.

[2] Это запрещено; однако я припоминаю, что здесь продаются открытки *(ит.)*.

— Я осмотрю его. Возможно, там имеется какой-нибудь механизм, который заинтересует наше правительство. Спустите лестницу. Я сам сейчас же взгляну.

После некоторой задержки Харпплейеру наконец-то удалось найти рычаг, который приводил в движение стеклянную кабину, и как только она опустилась, он заскочил в кубрик, который она накрывала. Напротив удобного дивана была расположена приборная панель, усыпанная рычажками, кнопками непонятного предназначения и самыми разными механизмами, спрятанными под хрустальными колпаками. Настоящий образчик восточного декаданса: вычурные украшения и финтифлюшки там, где вполне могла бы стоять панель из старого доброго английского дуба и обычный руль, чтобы задавать направление подневольным бездельникам на веслах. А может, за приборной панелью был спрятан какой-нибудь диковинный зверь? Он услышал рев, стоило ему дотронуться до одного из рычагов. Несомненно, это стало сигналом для матроса-каторжника — или животного — приступить к работе, потому что сейчас его крошечный кораблик рассекал воду на приличной скорости. Другая кнопка, должно быть, отвечала за поворот спрятанного под панелью руля, потому что лодка внезапно опустила нос под воду и стала погружаться на глубину, вода тем временем все поднималась, пока полностью не накрыла стеклянный колпак. На его счастье, суденышко было сделано на совесть и не дало течи, при нажатии на другую кнопку оно вновь устремилось вверх.

В эту минуту Харпплейера осенила мысль. Он замер, не в силах пошевелиться. В его голове с бешеной скоростью сновали мысли — от одной возможности к другой. Да, есть вероятность, что получится, — *точно* получится! Он ударил кулаком по ладони и только тогда понял, что крошечное суденышко повернуло, пока он предавался размышлениям, и вот-вот врежется в «Резервный»: матросы и офицеры с округлившимися от страха глазами уже выстроились вдоль борта в ожидании неминуемой катастрофы. С видом знатока нажав на нужную кнопку, он дал сигнал животному (или каторжнику) остановиться — два

судна лишь слегка соприкоснулись, издав при ударе глухой тяжелый звук.

— Мистер Шраб! — позвал он.

— Слушаю, сэр!

— Мне нужен молоток, шесть гвоздей, шесть пороховых бочонков, каждый с двухминутным фитилем и веревкой с петлей. И потайной фонарь.

— Но, сэр, зачем? — Впервые изумленный Шраб забылся до такой степени, что посмел задавать вопросы капитану.

Однако Харпплейер был настолько воодушевлен своим планом, что не обиделся на эту неожиданную фамильярность. Он даже улыбнулся в обшлаг своего мундира, но выражение его лица оказалось скрыто светом угасающего дня.

— Все просто: шесть бочонков по числу кораблей, — растолковал он с непривычной для него напускной скромностью. — А теперь выполняйте приказ.

Канонир и его помощники быстро справились с заданием — и бочонки с порохом были спущены по стропу вниз. В кубрике теперь было совсем не развернуться, даже Харпплейер еле-еле смог усесться. А вот молоток положить было уже некуда — и ему пришлось держать его в зубах.

— Миштер Шраб... — невнятно прошепелявил он, пытаясь не выронить молоток, и внезапно впал в уныние, осознав, что через считаные минуты ему предстоит вступить в неравную борьбу с ордами узурпатора, который одним ударом хлыста поставил на колени всю Европу. Его бросило в дрожь от собственного безрассудного желания встретиться с тираном лицом к лицу, а потом бросило в дрожь от отвращения к собственной слабости. Матросы не должны узнать о том, что подобные трусливые мысли посещали его, о том, что он был самым слабым на всем корабле. — Миштер Шраб, — позвал он снова, в его голосе не осталось и следа от недавних смятений. — Если я не вернусь на рассвете, принимайте на себя командование кораблем и подготовьте подробный отчет. До свидания. И учтите, в трех экземплярах.

— Ах, сэр... — начал было Шраб, но Харпплэйсру так и не суждено было узнать, что он хотел сказать, потому что стеклянная крышка захлопнулась и крошечное судно устремилось вперед — дать решительный бой темным силам Европы.

После Харпплейер посмеется над своей слабостью. В действительности его смелая вылазка в стан врага оказалась не труднее прогулки по Флит-стрит воскресным утром. Корабль чужеземца опустился под воду и, проскочив мимо пушек на мысе Пьефьё, который английские моряки упорно именовали Питфикс, вышел в охраняемые воды залива Сьенфик. Ни один часовой не заметил легкого волнения на воде, и никто не обратил внимания на еле различимый контур судна, поднявшегося на поверхность около высокой деревянной стены — корпуса одного из кораблей французской флотилии. Два резких удара молотком — и первый бочонок с порохом был намертво приколочен, а быстрой вспышки света потайного фонаря хватило, чтобы поджечь фитиль. Прежде чем сбитые с толку караульные на палубе успели подойти к борту, загадочный посетитель исчез. Они не заметили, как шипит горящий фитиль, надежно скрытый за смертоносной пороховой бочкой, к которой медленно, но верно подбирался огонек. Пять раз Харпплейер повторил этот простой, но беспощадный фокус. Как раз когда он вбивал последний гвоздь, послышался приглушенный взрыв — первый корабль взлетел на воздух. Стеклянный колпак закрылся, и судно устремилось прочь из гавани, оставив позади шесть кораблей, гордость военно-морских сил тирана, пылать ярким пламенем, превращаясь в обуглившиеся остовы, которым предстояло осесть на дно океана.

Миновав артиллерийские укрепления на берегу, капитан Харпплейер открыл колпак и с удовлетворением посмотрел на горящие корабли. Он выполнил свой долг, внес скромную лепту в окончание ужасной войны, которая опустошила Европу и которой еще предстояло в течение последующих нескольких лет отобрать жизни у множества французов, лучших сынов отечества, сократив тем самым рост

всей нации в среднем на пять дюймов. Угас последний погребальный костер, и он повернул свое суденышко по направлению к «Резервному», лишь чувство глубокого сожаления мешало ему обрести долгожданный покой: погибшие корабли были первоклассными судами, несмотря на то что принадлежали парижскому безумцу.

Он добрался до корабля на рассвете и только тогда ощутил навалившуюся на него усталость. Он схватился за лестницу, спущенную ему с корабля, и с трудом вскарабкался на палубу. Барабанщики приветствовали его стройной дробью, дежурные отдавали честь, а боцманские дудки выдавали радостные трели.

— Отлично сработано, сэр, отлично сработано! — восклицал верный Шраб, ринувшись вперед, чтобы помочь своему капитану взобраться на палубу. — Даже отсюда было видно, как они горели.

Снизу послышалось громкое клокотание, будто бы в ванне открыли затычку и вода начала убывать. Харпилейер повернулся как раз в ту минуту, когда чужеземное судно опускалось в море, исчезая из виду.

— Какой же я глупец! — пробормотал он. — Забыл поднять крышку люка. Должно быть, его залило водой.

Размышления капитана были резко прерваны внезапным криком. Он повернулся как раз в ту минуту, когда волосатый чужеземец подбежал к борту и в ужасе уставился на исчезающее судно. В следующее мгновение, явно пораженный тяжелой утратой, он издал ужасный вопль и вырвал несколько огромных клоков волос у себя на голове. Надо полагать, это не составило ему большого труда, учитывая его повышенную волосатость. Затем, прежде чем у кого-то успела промелькнуть мысль остановить его, чужеземец вскочил на борт и нырнул в морскую пучину. Он камнем пошел ко дну — то ли оттого, что не умел плавать, то ли потому, что просто не хотел; он чувствовал удивительную привязанность к судну — на поверхности воды он больше так и не показался.

— Бедняга, — подвел печальный итог Харпилейер с сочувствием, которое выдавало в нем человека легкоранимо-

го, — совсем один, вдали от дома. Может быть, на том свете он будет счастливее.

— Да уж, может быть, — поддакнул флегматичный Шраб, — но у него были задатки хорошего матроса, сэр. Бегал по рангоуту — только пятки сверкали, ловко карабкался по мачтам и держался отлично, с его-то длиннющими ногтями — еще бы! — вонзался прямо в дерево. И на пятке у него палец был, тоже помогал ему держаться.

— Я бы попросил вас не обсуждать физические недостатки покойника. В отчете упомянем его как «упавшего за борт и утонувшего». Как его звали?

— Так и не сказал нам, сэр, но в корабельных книгах он проходил у нас как мистер Грин[1].

— Что ж, справедливо. Пусть он и родился в чужой стране, но был бы горд, узнав, что посмертно получил доброе английское имя. — Затем, резко велев верному и глупому Шрабу уйти, Харпплейер принялся вновь вышагивать по квартердеку, снедаемый пламенем молчаливых страданий, которые он не смог, да и не сможет ни с кем разделить, до тех пор пока пушки корсиканского людоеда не умолкнут навсегда.

---

[1] Грин — от *англ.* «green» — «зеленый».

ДЖОРДЖ АЛЕК ЭФФИНГЕР

Инопланетяне, которые знали все

Задолго до появления фильма «Марс атакует!» *было написано множество историй о пришельцах, которые, казалось бы, рады постараться на пользу человечества, но вместо этого становятся ему угрозой. Джек Уильямсон (Jack Williamson) блестяще воплотил эту идею в серьезном научно-фантастическом романе* «Гуманоиды» *(The Humanoids, 1949), а Джордж Алек Эффингер (George Alec Effinger, род. 1947) в рассказе* «Инопланетяне, которые знали все» *(The Aliens Who Knew, I mean, Everything), напротив, обыграл ее с юмором.*

Перу Дж. А. Эффингера принадлежат одни из самых захватывающих произведений в жанре научной фантастики и фэнтези последней четверти XX века. Некоторые из его лучших работ входят в сборники «Смешанные чувства» *(Mixed Feelings, 1974),* «Иррациональные числа» *(Irrational Numbers, 1976),* «Грязные шутки» *(Dirty Tricks, 1978) и* «Праздные удовольствия» *(Idle Pleasures, 1983), к их числу также относятся романы* «Что для меня значит энтропия» *(What Entropy Means to Me, 1972) и* «Когда под ногами бездна» *(When Gravity Fails, 1987). Рассказ, представленный в этой антологии, в 1985 году был номинирован сразу на две премии в области научной фантастики: «Хьюго» и «Небьюла».*

Я сидел за столом и читал отчет о положении американских бурых пеликанов, когда в кабинет на всех парах влетел госсекретарь.

— Господин президент, — выпалил он, его глаза готовы были выпрыгнуть из орбит, — здесь прищельцы!

Так прямо и сказал: «Здесь прищельцы!» Как будто я знаю, что с ними делать.

— Понимаю, — ответил я.

Еще в самом начале первого срока я хорошо уяснил, что словечко «понимаю» — одно из самых безопасных и полезных замечаний в любой ситуации. Мое «понимаю» означает то, что я переварил новость и ожидаю услышать

подробности, сохраняя при этом спокойствие и благоразумие. Подача принята, и мяч отброшен на поле советников. Я посмотрел на госсекретаря вопросительно. Наготове у меня было еще одно хорошее высказывание, на тот случай, если ему нечего будет добавить. Тогда я произнес бы: «Ну и?..» Это указывает на то, что я полностью владею ситуацией, но не могу принять решение, так как не располагаю достаточной информацией, и что ему следовало бы обо всем получше разузнать, а не врываться в Овальный кабинет раньше времени. Вот почему у нас заведен протокол, вот почему у нас существуют надежные каналы, вот почему у меня работают советники. Избиратели по всей стране не хотят, чтобы я принимал решения, не располагая достаточной информацией. Если госсекретарю больше нечего сказать, он не должен сразу же врываться в мой кабинет. Я на некоторое время задержал на нем взгляд.

— Ну и?.. — наконец спросил я.

— Это все, что у нас есть на эту минуту. — Он чувствовал себя очень неловко.

Несколько секунд я смотрел на него сурово, бедняга не знал, куда себя деть от волнения, — а я заработал еще пару очков. Я попросил его удалиться и вернулся к отчету о пеликанах. Я-то уж точно не собирался впадать в истерику. Могу припомнить только одного из моих недавних предшественников, который слишком нервничал, сидя в своем кресле, и мы все хорошо знаем, чем это для него закончилось. Когда госсекретарь закрыл за собой дверь, я улыбнулся. Возможно, пришельцы всем нам в конце концов житья не дадут, но пока что они были не моей головной болью. У меня еще оставалось немного времени.

Однако вскоре я понял, что не могу сосредоточиться на пеликанах. Даже президент Соединенных Штатов не обделен воображением, и, если госсекретарь прав, мне предстояло столкнуться с этими пришельцами, будь они неладны, довольно скоро. Я читал истории о пришельцах, когда был ребенком, видел самых разных пришельцев в кино и по телевизору, но впервые в жизни мне приходилось иметь дело с пришельцами, которые просто залетели поболтать.

Что ж, я вовсе не хотел стать первым в истории американским президентом, который выставит себя полным идиотом перед представителями другой вселенной. Нужно, чтобы меня ввели в курс дела. Я набрал номер министра обороны.

— У нас должен быть какой-нибудь чрезвычайный план на такой случай, — сказал я ему. — У нас ведь есть планы действий в любой ситуации.

Это было чистой правдой: Министерство обороны было готово во всеоружии встретить восстание фашистского режима империалистов в Лихтенштейне или внезапное истощение мировых запасов селена.

— Одну секунду, господин президент, — отозвался министр обороны.

Я слышал, как он с кем-то перешептывается.

В ожидании ответа с трубкой в руке я устремил взгляд на улицу. Там в полной панике бежали толпы людей. Возможно, от пришельцев.

— Господин президент? — наконец подал голос министр. — У меня тут один из пришельцев, он предлагает использовать тот же план, что и президент Эйзенхауэр.

Я закрыл глаза и вздохнул. Я терпеть не мог, когда приходилось слышать в ответ подобную чушь. Мне нужна информация, а они заявляют такое, зная, что мне придется задать еще четыре-пять вопросов, для того чтобы понять ответ на первый.

— У вас там пришелец? — вежливо поинтересовался я.

— Так точно, сэр. Они предпочитают, чтобы их не называли пришельцами. Он говорит, что он «нап».

— Спасибо, Луис. Скажите, а почему это у вас сидит приш?.. Почему у вас сидит нап, а у меня нет?

Луис пробормотал вопрос напу.

— Он говорит, что они хотели пройти по надежным каналам. Обо всем об этом они узнали от президента Эйзенхауэра.

— Очень хорошо, Луис. — Уже сейчас было понятно, что это затянется на целый день. А у меня в расписании еще стояла фотосессия с внучкой Мика Джаггера. — Вто-

рой вопрос, Луис: что, черт побери, он имеет в виду под «планом, который использовал президент Эйзенхауэр»?

На том конце провода опять зашептались.

— Он говорит, что напы не в первый раз на Земле. Корабль-разведчик с двумя напами на борту приземлился на авиабазе Эдвардса в одна тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году. Два напа встретились с президентом Эйзенхауэром. Судя по всему, это было весьма радостное событие, и президент Эйзенхауэр показался напам очень гостеприимным и добродушным пожилым джентльменом. С тех самых пор они собирались вернуться на Землю, но сделать это раньше им постоянно мешали какие-нибудь дела — то одно, то другое. Президент Эйзенхауэр попросил, чтобы напы сохраняли свое присутствие в тайне от населения планеты до тех пор, пока правительство не решит, как справиться с неминуемой паникой. Полагаю, правительство так и не возвращалось к этому вопросу, и, когда напы уехали, дело было изучено и сдано в архив. Шли годы, но по-прежнему лишь немногие знали о первой встрече. Теперь напы вернулись с гораздо более внушительной по численности делегацией и думают, что мы уже успели подготовить народ к встрече с ними. Не их вина, что мы не сделали этого. Они нисколько не сомневались в том, что здесь их ждет радушный прием.

— Угу, — только и смог произнести я. Это был мой обычный ответ в тех случаях, когда не знаешь, что еще, черт возьми, сказать. — Передайте, что мы искренне рады их прибытию. Вряд ли исследование, начатое при Эйзенхауэре, завершено. И уж тем более вряд ли есть план, как сообщить о них народу.

— К сожалению, господин президент, кажется, так оно и есть.

— Угу.

«Вот после этого имей дело с республиканцами», — подумал я.

— Спросите у напа еще кое-что, Луис. Спросите его, знает ли он, что́ его предшественники сказали Эйзенхауэру. Они, должно быть, преисполнены космической мудрости. Может, у них есть идеи, что нам теперь делать?

Последовала еще одна пауза.

— Господин президент, он говорит, что ничего, кроме гольфа, они с господином Эйзенхауэром не обсуждали. Они помогли ему исправить удар. Но мудрости им действительно не занимать. Они много чего знают. Нап, который сейчас у меня — его зовут Хёрв, — в любом случае он говорит, напы будут очень рады помочь вам советом.

— Скажи ему, что я очень благодарен, Луис. Могут ли они прислать кого-нибудь встретиться со мной, скажем, через полчаса?

— В настоящий момент три напа направляются в Овальный кабинет. Один из них — руководитель экспедиции, а другой — командир базового корабля.

— Базового корабля?

— А вы разве не видели? Он стоит на Эспланаде. Они очень сожалеют, что так нехорошо получилось с мемориалом Джорджа Вашингтона. Говорят, что могут заняться им завтра.

Меня бросило в дрожь, и я повесил трубку. Позвонил секретарю:

— Должны прийти трое...

— Они уже здесь, господин президент.

Я вздохнул:

— Проводите их.

Вот так я встретил напов. Прямо как президент Эйзенхауэр когда-то.

Они были симпатичными. И приятными. Они улыбнулись, пожали руку и предложили запечатлеть этот исторический момент, так что мы позвали репортеров; а потом я, так сказать, экспромтом провел самую важную дипломатическую встречу за всю свою политическую карьеру. Приветствовал напов на планете Земля.

— Добро пожаловать на Землю, — сказал я, — и добро пожаловать в Соединенные Штаты.

— Спасибо, — ответил нап, которого, как выяснилось позже, звали Плин. — Мы рады находиться здесь.

— Как долго вы будете у нас гостить? — После этой фразочки, произнесенной в присутствии корреспондентов

крупнейших мировых информационных агентств и сетевых каналов, мне самому от себя стало тошно. Как портье из какого-нибудь придорожного мотеля.

— Точно не знаем, — ответил Плин. — Нам на работу только через неделю, если считать с понедельника.

— Угу, — отреагировал я.

Все остальное время я позировал фотографам и держал рот на замке. Я не собирался говорить или делать еще хоть что-нибудь до тех пор, пока не появятся мои советники, будь они неладны, и не начнут советовать.

Что ж, конечно, люди были в панике. Плин сказал, что этого следовало ожидать, но я и сам все понял. Мы насмотрелись слишком много фильмов о пришельцах из космоса. Иногда они приходят с посланием мира и всеобщего братства и делятся важнейшими для человечества знаниями. Однако гораздо чаще они приходят, чтобы поработить и убить нас, потому что видеоэффекты при этом получаются гораздо более впечатляющими. Так что, когда напы прибыли, все были склонны их ненавидеть. Люди не доверяли их приятной внешности. Люди с подозрением относились к их хорошим манерам и косо смотрели на неброскую, со вкусом подобранную одежду. Когда напы предложили решить все наши проблемы, мы ответили: конечно, решайте, мы только «за»... *но какова цена?*

В первую неделю мы с Плином провели вместе много времени, просто стараясь узнать друг друга и понять, что нужно каждому. Я пригласил его, командира Тоуга и других наповских шишек на прием в Белый дом. Церковный хор из Алабамы должен был исполнять духовные песнопения, школьный оркестр из Мичигана — попурри из самых популярных песен в поддержку студенческих спортивных команд, талантливые двойники — воспроизводить выступление популярного в 60-е годы дуэта Стива Лоуренса и Эйди Горм; также в программе значилась комедийная труппа из Лос-Анджелеса с импровизациями и Нью-Йоркский филармонический оркестр с двенадцатилетней девочкой-вундеркиндом за дирижерским пультом.

Последние исполняли «Девятую симфонию» Бетховена, пытаясь покорить напов удивительной красотой земной культуры.

Плину все очень нравилось.

— Людям свойственно выражать радость так же разнообразно, как и нам, напам, — энергично аплодируя, заметил он. — Все мы в восторге от земной музыки. На наш взгляд, Бетховен сочинил несколько красивейших мелодий. За время галактических путешествий не часто приходится слышать такое.

Я улыбнулся.

— Уверен, мы все очень рады это слышать, — любезно ответил я.

— Однако «Девятая симфония» — не лучшее его произведение.

От неожиданности я перестал хлопать.

— Простите?.. — удивился я.

В ответ Плин снисходительно улыбнулся:

— Общеизвестно, что лучшее произведение Бетховена — Пятый концерт для фортепиано с оркестром.

Я громко выдохнул:

— Конечно, это дело вкуса. Возможно, то, что напы считают...

— Нет, нет, — поторопился заверить меня Плин, — вкус здесь ни при чем. «Пятый концерт» Бетховена считается лучшим согласно строгим и точно установленным критическим принципам. Но даже это чудесное произведение отнюдь не является лучшим образцом музыки, когда-либо сочиненной человеком.

Эти разговоры начали меня немного раздражать. Что мог этот нап, прилетевший с какой-то богом забытой планетки в дебрях Галактики (где понятия не имеют о нашей культуре и культурном наследии), — что мог этот несчастный нап знать о том, какие чувства пробуждала «Девятая симфония» Бетховена в человеческих сердцах?

— В таком случае не могли бы вы сказать, любезный Плин, какое музыкальное произведение у людей лучшее? — В моем мягком голосе сквозили зловещие интонации.

— Музыка к фильму «Бен Гур» композитора Миклоша Рожа, — ответил он как ни в чем не бывало.

Что мне оставалось, кроме как молча кивнуть? Вряд ли стоило раздувать из-за такого пустяка межпланетный конфликт.

Таким образом, наш страх по отношению к напам сменило недоверие. Мы продолжали упорно ждать, когда же наконец они явят миру свое настоящее лицо, когда же будут сброшены маски, под которыми скрываются, как мы подозревали, уродливые физиономии. Им нравилась Земля, и мы им тоже нравились. Они решили погостить у нас еще немного. Мы поведали им о себе, а также о наших вековых бедах и страданиях, а напы в свойственной исключительно им манере походя заметили, что могли бы кое-что слегка переделать, исправить -- и все бы на Земле зажили дружно и счастливо. Взамен они ничего не требовали. Таким образом они всего-навсего хотели отблагодарить нас за гостеприимство: за то, что им позволили припарковать базовый корабль на Эспланаде, и за то, что по всей планете Земля им бесплатно наливают кофе. Мы колебались, но наши тщеславие и жадность победили. «Давайте, — сказали мы, — сделайте так, чтобы наши пустыни зацвели. Давайте, покончите с бедностью и болезнями. Покажите нам двадцать чудесных новых способов переработки отходов. Дайте знать, когда закончите».

Страх сменился недоверием, но вскоре на смену недоверию пришла надежда. Напы заставят пустыню цвести — отлично. Они попросили четыре месяца. Мы с радостью согласились дать им столько времени, сколько необходимо. Они обнесли всю пустыню Намиб высоким забором и никого за него не пускали. Четыре месяца спустя они устроили грандиозную вечеринку с коктейлями и пригласили весь мир посмотреть, что получилось. Я послал госсекретаря в качестве своего личного представителя. Он вернулся с потрясающими слайдами: огромная пустыня превратилась в ботаническое чудо. Теперь на месте безжизненного моря из песка и гальки раскинулись цветущие сады. Конечно, в них не росло ничего, кроме алтея розового,

миллионов алтеев розовых. В разговоре с Плином я заметил, что жители Земли ожидали большего в плане разнообразия видов, а также большей практичности.

— Что вы подразумеваете под «практичностью»? — спросил он.

— То, что можно использовать в пищу, — ответил я.

— Насчет этого не беспокойтесь, — поспешил заверить Плин. — В скором времени мы справимся и с голодом.

— Хорошо, хорошо. А как же алтеи?

— Что плохого в алтеях?

— Ничего, — был вынужден согласиться я.

— На Земле нет цветов красивее алтеев.

— Некоторым людям нравятся орхидеи, — заметил я. — А некоторым розы.

— Нет, — отрезал Плин. — Алтеи лучше. Я не стал бы вас обманывать.

Нам оставалось только поблагодарить напов за Намибо, засаженную алтеями, и поспешить унять их пыл, прежде чем они сделают то же самое с Сахарой, Мохаве и Гоби.

В целом напы пришлись всем по душе, хотя и потребовалось некоторое время, чтобы к ним привыкнуть. У них были свои собственные мнения обо всем на свете, и они никогда бы не согласились считать их *мнениями* в прямом смысле этого слова, одними из возможных наряду с другими. Послушать напов, так они были напрямую связаны с каким-то высшим разумом, который с безапелляционной категоричностью делил все на черное и белое. Алтеи были лучшими цветами. Александр Дюма — величайшим романистом. Зеленовато-голубой — самым красивым цветом. Меланхолия — самым благородным чувством. «Гранд-отель» — фильмом всех времен и народов. Что касается автомобилей, лучшим у напов считался «шеви бель-эйр» 1956 года, но только цвета морской волны с белым. Возражения не принимались: напы делали эти заявления с убедительностью божественного откровения.

Я спросил Плина об американских президентах. Поинтересовался, кто, по его мнению, был лучшим президентом

за всю историю Америки. И чувствовал себя при этом как злая королева из сказки про Белоснежку. «Свет мой, зеркальце, скажи да всю правду доложи...» Конечно, я не верил, что Плин назовет меня, но в ожидании ответа сердечко прыгало, ведь никогда не знаешь... Сказать по правде, я ожидал, что лучшим окажется Джордж Вашингтон, Авраам Линкольн, Рузвельт или Акивара. Его ответ удивил меня — это Джеймс Нокс Полк.

— Полк?! — воскликнул я. Даже не уверен, что смог бы узнать его портрет.

— Он не сразу приходит на ум, — поспешил развеять мои сомнения Плин, — но он был честным человеком, хотя и не работал на публику. Он выиграл войну с Мексикой и значительно увеличил территорию Соединенных Штатов. Стал свидетелем того, как шаг за шагом его политическая платформа становится законом. Полк был хорошим, работящим человеком, его репутация совершенно заслуженна.

— А как насчет Томаса Джефферсона? — не унимался я.

Плин только пожал плечами:

— Ничего, конечно, но он не Джеймс Полк.

Моя супруга, Первая леди, очень подружилась с женой командира Тоуга. Ее звали Дойм. Они часто ходили вместе за покупками, и Дойм иногда давала Первой леди советы по поводу нарядов и прически. Дойм подсказывала моей жене, в каких комнатах в Белом доме неплохо было бы сделать ремонт и какие благотворительные учреждения достойны официальной поддержки. Именно Дойм устроила Первой леди контракт со звукозаписывающей компанией и открыла ей вкус филадельфийского чизстейка, одного из любимых лакомств напов (хотя они и утверждали, что лучшая кухня на Земле — это «тексмекс»).

Однажды Дойм и моя жена обедали вместе. Они сидели за маленьким столиком в шикарном ресторане в Вашингтоне — пара десятков сотрудников секретной службы и агенты из службы безопасности напов маскировались под обычных посетителей.

— Я заметила, что в Вашингтоне с каждой неделей становится все больше напов, — сказала первая леди.

— Да, это так, — подтвердила Дойм, — базовые корабли прибывают каждый день. Нам у вас очень нравится. Не часто приходилось бывать на таких замечательных планетах, как Земля.

— Мы рады, что вы здесь, — ответила моя жена, — и, кажется, люди сумели преодолеть страхи, которые не давали им покоя сначала.

— Алтеи сделали свое дело, — объяснила Дойм.

— Вероятно. Сколько напов сейчас на Земле?

— Должно быть, миллионов пять-шесть.

Первая леди была поражена:

— Не думала, что так много.

Дойм рассмеялась:

— Но мы ведь не только в Америке. Мы повсюду. Нам действительно нравится Земля. Хотя, конечно, Земля — не самое лучшее место в Галактике. Наша родная Напландия все же вне конкуренции, трудно найти планету прекраснее. Но Земля, без сомнения, войдет в любую десятку лучших.

— Угу. — (Жена научилась у меня нескольким важным ораторским приемам.)

— Вот почему мы так рады помочь вам сделать вашу планету красивее и современнее.

— Алтеи — это, конечно, очень мило. — Первая леди решила идти до конца. — Но когда же вы собираетесь взяться за решение действительно жизненно важных вопросов?

— Насчет этого не волнуйтесь, — заверила ее Дойм и постаралась сменить тему, обратив внимание моей супруги на творожный салат.

— Когда же вы избавите нас от голода во всем мире?

— Очень скоро. Не волнуйтесь.

— А от роста трущоб?

— Очень скоро.

— Насилия?

Видно было, что терпение Дойм на исходе.

— Мы не пробыли здесь и полугода. Чего вы хотите — чудес? Мы уже успели сделать больше, чем ваш муж за весь первый срок своего президентства.

— Алтеи, — пробормотала первая леди.

— Я все слышу, — сказала Дойм. — Вся Вселенная просто без ума от алтеев. Не наша вина в том, что люди совершенно лишены вкуса.

Они закончили обедать в молчании, и моя жена вернулась в Белый дом, кипя от ярости.

На той же неделе один из советников показал мне письмо от одного молодого человека из Нью-Мексико. Несколько напов въехали в кооперативную квартиру с ним по соседству и начали засыпать его советами: куда лучше вложить деньги (оказывается, в городские спа-салоны с дыхательными аппаратами); одежда из каких тканей и каких цветов подойдет ему лучше всего; какая голографическая система на рынке лучшая («Эсмеральдас F-64» с шестифазовыми экранами «Либертад» и асимметричным аргоновым делителем «Рай Челленджер»); откуда лучше всего любоваться закатом (вращающийся ресторан на крыше компании «Уэйерхаузер-билдинг» в городе Йеллоустоун); как выбрать лучшее вино к любому блюду (их слишком много, чтобы перечислять все в этом письме, — пришлите конверт с обратным адресом и маркой); и, в довершение всего, какую из двух женщин, с которыми он встречается, лучше взять в жены (Кэнди Мари Эстерхази). «Господин президент, — писал совершенно сбитый с толку молодой человек, — я прекрасно понимаю, что мы должны радушно относиться к нашим космическим благодетелям, но мне очень нелегко держать себя в руках. Конечно, напы много знают и жаждут поделиться своей мудростью, но они начинают раздавать советы направо и налево, даже не поинтересовавшись, нужны ли они кому-нибудь. Будь на их месте люди (человеческие создания), я бы уже давно вышиб им мозги. Пожалуйста, подскажите, как мне быть. И пожалуйста, побыстрее: в следующую пятницу они везут меня в центр выбирать обручальное кольцо и новую мебель в гостиную. А мне сто лет не нужна новая мебель!»

Луис, министр обороны, попытался выяснить у Хёрва конечные цели напов.

— Мы не преследуем никаких целей, — ответил тот. — Мы проще смотрим на вещи и наслаждаемся жизнью.

— Тогда зачем вы прибыли на Землю? — спросил Луис.

— А зачем вы играете в боулинг?

— Я не играю в боулинг.

— Вы должны попробовать. На свете нет ничего лучше боулинга.

— А как же секс?

— Боулинг — это и *есть* секс. Боулинг — это символическая форма полового акта, только при этом не надо беспокоиться о чувствах партнера. Боулинг — это секс без чувства вины. Боулинг — это то, к чему стремились люди на протяжении нескольких тысячелетий своего существования: секс без намека на ответственность. Это квинтэссенция секса. Боулинг — это секс без страха и стыда.

— Боулинг — это секс без удовольствия, — парировал Луис.

Последовала небольшая пауза.

— Вы хотите сказать, — удивился Хёрв, — что, сделав удачный бросок и глядя, как разлетаются кегли в конце дорожки, вы не испытываете оргазм?

— Нет, — отрезал Луис.

— Тогда проблема у *вас*. К сожалению, ничем помочь не могу, обратитесь к врачу. Я прекрасно понимаю, вас эта тема смущает. Давайте поговорим о чем-нибудь еще.

— Я не против, — ответил Луис угрюмо. — Так когда же мы увидим реальные плоды вашего технического превосходства? Когда вы раскроете последние секреты атома? Избавите человечество от трудной монотонной работы?

— Что вы имеете в виду под «техническим превосходством»? — спросил Хёрв.

— На борту ваших кораблей, должно быть, множество чудесных изобретений, которые мы и представить себе не можем.

— Ничего такого, что могло бы вас поразить. В техническом развитии вы шагнули дальше нас. За все то время, что мы здесь, нам удалось научиться у вас многим удивительным вещам.

— Что? — Луис не верил своим ушам.

— Чего только стоит память, построенная на цилиндрических магнитных доменах, или кремниевые микросхемы! У нас нет ничего подобного. Ни одно наше изобретение не может сравниться даже с транзистором. Вы знаете, почему базовые корабли такие большие?

— Бог ты мой!

— Все верно. Электровакуумные лампы, — подтвердил Хёрв. — Все наши космические корабли работают на электровакуумных лампах. Они занимают черт знает сколько места. И перегорают. А вы знаете, сколько времени нужно, чтобы найти проклятую лампу, когда старая перегорела? Помните, как раньше земляне таскали лампы целыми сумками в аптекарский магазин, чтобы проверить, работают они или нет? А теперь представьте, что нужно сделать то же самое, только со всеми лампами с такого огромного корабля, как наш базовый. И мы не можем сорваться с места и улететь когда вздумается. Нужно включить зажигание и дать этой посудине прогреться пару минут — только *тогда* можно стартовать в далекий космос. Это непрекращающаяся головная боль, черт возьми.

— Не понимаю, — наконец вымолвил потрясенный до глубины души Луис. — Если ваши технологии настолько примитивны, как вы здесь оказались? Если мы настолько опередили вас в развитии, то это мы должны были открыть вашу планету, а не наоборот.

Хёрв еле заметно улыбнулся:

— Не стоит нахваливать самих себя, Луис. То, что ваша электроника лучше, еще не значит, что вы превосходите нас в чем-либо. Представьте, что все земляне — это человек из Лос-Анджелеса на новеньком «кадиллаке», а мы — наш, живущий в Нью-Йорке, на старом, видавшем виды «форде». Эти двое начинают двигаться по направлению к Сент-Луису. Парень в «кадиллаке» выжимает сто двадцать на автострадах между штатами, а у того, что на «форде», стрелка спидометра всю дорогу стоит на пятидесяти пяти; но человек в «кадиллаке» останавливается в Вегасе и спускает все деньги в «двадцать одно очко», и ему не на что купить бензин, а маленький, но отважный наш продолжает

свой путь днем и ночью, пока наконец не достигает цели. Все дело в более развитом интеллекте и огромном желании добиться успеха. Вы, люди, много рассуждаете о том, как полететь к звездам, но все время разбрасываетесь: вкладываете деньги в войну, популярную музыку, международные спортивные соревнования и воскрешение моды прошлых десятилетий. Если бы вы действительно хотели полететь в космос, вы бы это давно уже сделали.

— Но мы и *вправду* хотим.

— Тогда мы вам поможем. Раскроем секреты. А вы сможете объяснить нашим инженерам, как работает ваше электронное оборудование, и вместе мы построим отличные базовые корабли и откроем путь во Вселенную и людям, и напам.

Луис выдохнул:

— Звучит многообещающе. Мне нравится эта идея.

Все согласились, что это куда лучше, чем пустыня, засаженная алтеями. Мы надеялись, что сможем сдержаться и не вышибить этих зануд с Земли до тех пор, пока они не выполнят свои обещания.

В колледже, на втором курсе, в одной комнате со мной жил высокий худощавый парень по имени Барри Ритц. У Барри были непослушные черные волосы и заостренные черты лица, как будто на обыкновенное симпатичное лицо *сели* и *согнули посредине*. Он часто щурился вовсе не потому, что у него были проблемы со зрением, — просто ему хотелось, чтобы все думали, будто он постоянно оценивает все окружающее. И это была чистая правда. Барри мог бы назвать действительную и рыночную стоимость любого предмета, какой ни возьми.

В один из выходных дней, когда должен был состояться футбольный матч между колледжами, мы с ним собирались на двойное свидание с девушками из другого колледжа нашего города. Перед игрой мы встретились с девушками и повели их в университетский музей искусств, где была собрана довольно большая и впечатляющая коллекция. Мою подружку звали Бриджид, она была хорошенькой, училась на педагога младших классов. Мы пере-

ходили из одного зала в другой, попутно замечая, что наши художественные вкусы часто совпадают. Импрессионисты приводили нас в восторг, и еще нам обоим нравился сюрреализм. Там, помнится, висела парочка небольших полотен Ренуара, и мы с восхищением разглядывали их около получаса, а потом сыпали дурацкими шутками, на которые способны только второкурсники, о том, что происходит на картинах Магритта, Дали и Де Кирико.

Барри и его спутница Дикси случайно столкнулись с нами в зале со скульптурами.

— Там внизу потрясающий Сёра, — поделилась Бриджид с подругой.

— Сёра, — откликнулся Барри. Казалось, он не верил своим ушам.

— Мне нравится Сёра, — подтвердила Дикси.

— Да уж, — снисходительно протянул Барри, — Сёра, в конце концов, не создал ничего по-настоящему ужасного.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вы когда-нибудь видели картины Ф. Э. Чёрча?[1] — не унимался Барри.

— Кого? — Теперь настала моя очередь удивиться.

— Пойдемте. — И он практически потащил нас в зал американской живописи. — Вы только взгляните на этот свет! — воскликнул Барри. — Посмотрите на это пространство! На этот воздух!

Бриджид бросила взгляд на Дикси.

— На этот воздух? — недоуменно прошептала она.

Картина была красивая, никто из нас этого не отрицал, но Барри продолжал настаивать на своем. Ф. Э. Чёрч — величайший художник Америки, один из лучших в мире.

— Я бы поставил его на одну ступень с ван Дейком и Каналетто.

— Каналетто? — переспросила Дикси. — Это тот самый, что писал виды Венеции?

---

[1] Ф. Э. Чёрч (1826–1900) — знаменитый американский пейзажист, в своих работах ему удалось добиться поразительной, необыкновенной яркости света.

— А какое небо! — исступленно бормотал Барри. У него было выражение лица пьяного от удовлетворения сластолюбца.

— Некоторые любят изображения щенков или голых женщин, — предположил я. — А Барри любит свет и воздух.

Мы вышли из музея и направились пообедать. Барри не упустил случая отметить, что из предложенного следует заказывать, а что гарантированно окажется ужасной гадостью. Благодаря ему нам всем пришлось пить какое-то подозрительное эквадорское пиво. Для Барри весь мир делился на шедевры и гадости. Это сильно облегчало ему жизнь, правда, он никак не мог понять, почему его друзья не в силах отличить одно от другого.

Во время матча Барри сравнил защитника команды нашего колледжа с Й. А. Титглом. А игрока из команды соперника — с другим, одному ему известным вьетнамским игроком. По его мнению, выступление между таймами было похоже на грандиозное представление марширующего оркестра Университета штата Огайо, во время которого музыканты и студенты, выстраиваясь в определенном порядке, образуют надпись «Огайо». Еще до конца третьего периода мне стало совершенно ясно: Барри с Дикси ничего не светит. А до начала четвертого — мы с Бриджид пошептались и решили сматывать удочки, улизнуть от этой парочки, как только представится возможность. Вероятно, Дикси найдет какой-нибудь предлог, чтобы сесть в автобус и уехать к себе в общежитие еще до ужина. Барри же, как обычно, проведет вечер в нашей комнате за чтением книги «Как стать президентом», рассказывающей о президентских выборах в 1996 году.

При других обстоятельствах Барри читал бы мне лекции на самые разнообразные темы: американская литература (лучший поэт — Эдвин Арлингтон Робинсон, лучший писатель-романист — Джеймс Томас Фаррелл); животные (единственным животным, к которому у Барри не возникало претензий, — золотистый ретривер); одежда (темно-синий пиджак и серые брюки были вне конкуренции, любое другое одеяние красноречиво говорило о том, что его

владелец напрашивается на неприятности); и даже хобби (Барри собирал военные награды и знаки отличия императорской России. Он не разговаривал со мной несколько дней, после того как я рассказал ему, что мой отец коллекционировал колючую проволоку).

Барри был ходячим кладезем знаний. У нас в кампусе рассуждать, что является хорошим вкусом, а что выходит за его рамки, было по части Барри. Все знали, к кому следует обращаться.

Но никто никогда этого не делал. Мы все его терпеть не могли. Еще до конца осеннего семестра я выехал из нашей комнаты в общежитии. Всеми покинутый, одинокий и озлобившийся, Барри Ринц в конце концов стал — и сейчас продолжает работать — консультантом по выбору курсов в средней школе в городке Эймс, штат Айова. Эта работа идеально ему подходила. Редко кому удается так удачно найти свое призвание.

Не знай я его настолько хорошо, то непременно подумал бы, что Барри был первым наповским шпионом на Земле.

Спустя год после прибытия на нашу планету напы сделали нам подарок, а именно — возможность путешествовать в космосе. Удивительно, но это оказалось не таким уж затратным делом. Напы объяснили, как устроена их силовая установка; выяснилось, что она стоит дешево, безопасна и совместима с разного рода земными приспособлениями. Эти знания открыли совершенно новые просторы для научной мысли. Потом напы научили нас управлять космическим кораблем и рассказали о «кратчайших путях», открытых ими в космосе. Люди называли их пространственными деформациями, позволяющими мгновенные перелеты к другим звездам, хотя с технической точки зрения «кратчайшие пути» не имели ничего общего с теорией Эйнштейна, искривленным пространством или чем-нибудь еще подобным. Не многие понимали, о чем толкуют напы, но это не имело большого значения. Напы тоже не понимали, как образуются «кратчайшие пути», они просто их использовали. Возможность отправиться в космос

была преподнесена нам на блюдечке с голубой каемочкой. Тщательными научными испытаниями мы пренебрегли, зато без оглядки и с особым рвением принялись ставить дело на коммерческие рельсы. Компания «Митцубиси» на своем заводе в боливийском Ла-Пасе и корпорация «Мартин-Мариетта» использовали чертежи напов для строительства трех роскошных пассажирских кораблей, каждый из которых мог принять на борт тысячу туристов и унести их в любую точку Галактики. Человеку еще только предстояло ступить на луны Юпитера, а специально отобранные туристические агентства уже начали бронировать билеты на корабль, отправляющийся в грандиозное путешествие по десятку ближайших необитаемых миров.

Да, казалось, в космосе кипит жизнь: человекоподобные населяли планеты, вращающиеся вокруг доброй половины желтых звезд, вроде нашего Солнца.

— Мы десятилетиями пытались установить контакт с внеземным разумом, — сокрушался советский ученый. — Почему же они молчали?

Дружелюбный нап только пожал плечами.

— Там все пытаются установить контакт, — ответил он. — Ваши послания для них все равно что очередная рекламная рассылка. — Сначала мы восприняли эту новость как удар по самолюбию нашей расы, но потом оправились. Как только мы присоединились к межпланетному сообществу, нас начали воспринимать серьезнее. И возможным это сделали напы.

Мы были благодарны им, но наша совместная жизнь легче не стала. Они по-прежнему были невыносимы. Когда мой второй президентский срок подходил к концу, Плин начал давать мне советы по поводу будущей карьеры.

— Книгу писать не стоит, — заявил он мне (и это когда у меня уже были готовы первые двести страниц «Воспоминаний президента»!). — Хотите выступать в роли политического старейшины — отлично, но займите сдержанную позицию и выждите, пока народ сам к вам не обратится.

— Как же мне в таком случае распорядиться свободным временем? — поинтересовался я.

— Выберите новую профессию и начните делать карьеру, — ответил Плин. — Вы еще достаточно молоды для этого. Так многие поступают. Вы не думали о том, чтобы открыть фирму «Товары — почтой»? Будете управлять ею, не вставая с дивана. Можно снова пойти в колледж и начать изучать те предметы, которые всегда вас интересовали. Работать на благо Церкви или общества. Найти новое увлечение — например, выращивать алтеи или собирать военные награды и знаки отличия.

— Плин, — взмолился я, — пожалуйста, оставьте меня в покое.

Казалось, мои слова его обидели.

— Конечно, если вам так угодно.

Я пожалел, что был так резок с ним.

По всей стране, по всему миру, у всех возникали с напами подобные неприятности. Похоже, что они прибыли на Землю в таком огромном количестве, что у каждого человека появился свой личный пап с бесконечными предложениями. Обстановка в мире не была так накалена с 1992 года, когда на конкурсе «Мисс Вселенная» большинством голосов было решено никому не присуждать титул.

Вот почему я не слишком-то удивился, когда наш первый собственный базовый корабль вернулся из двадцативосьмидневного космического путешествия только с двумястами семьюдесятью шестью пассажирами на борту из тысячи. Остальные семьсот двадцать четыре остались на удивительных, покрытых буйной растительностью планетах с дружелюбно настроенными обитателями. У всех этих планет было нечто общее, а именно: все они были населены милыми, добродушными, умными человекоподобными, которые покинули свои родные миры, после того как их открыли напы. На этих планетах многие расы сосуществовали друг с другом в мире и согласии, селясь в крупных городах, не так давно построенных для замученных напами эмигрантов. Возможно, эти чужеземные расы испытали те же чувства затаенной ревности и ненависти, которые так долго одолевали нас, человеческих созданий, но теперь все

было позади. Съехавшись со множества разных планет по всей Галактике, эти непохожие друг на друга народы жили бок о бок мирно и счастливо, объединенные одним общим желанием — никогда больше не видеть напов.

За год, прошедший с приземления нашего первого межпланетного корабля, население Земли уменьшилось на полпроцента. За два года население сократилось приблизительно на четырнадцать миллионов. Напы были слишком искренними, активными и симпатичными существами, чтобы пойти на них войной. Однако все эти качества не способствовали добрососедским отношениям: прежде всего, они оставались ужасными занудами. Многие люди предпочитали не скандалить — они просто поднимались с насиженных мест и улетали. Ведь космос таит в себе столько прекрасного и неизведанного, тем более что обходились путешествия недорого, а возможности были безграничны. Большое число людей, разочарованных и не сумевших найти себя на Земле, смогли начать новую полнокровную жизнь на планетах, о существовании которых мы до приезда напов даже не догадывались.

Напы знали, что так случится. Это уже происходило десятки, сотни раз в прошлом, в любом месте, где бы ни приземлялись их базовые корабли. Они дали нам обещания, и они их выполнили, хотя мы и не могли предугадать, чем их пребывание для нас обернется.

Наши города больше не были похожи на перенаселенные загоны, где вынуждены тянуть свою лямку нищие народные массы. Те немногие, что остались, могли выбирать и селиться в лучших домах. Домовладельцы были вынуждены снизить арендную плату и содержать жилье в отличном состоянии, только бы привлечь съемщиков.

С голодом тоже было покончено, когда резко сократилось число потребителей по сравнению с числом производителей продовольствия. За десять лет население Земли уменьшилось наполовину и продолжало уменьшаться.

По той же причине мы стали забывать, что такое бедность. С безработицей было покончено. Когда стало ясно, что напы не собираются претендовать на образовавшиеся

в избытке рабочие места, вакансий оказалось больше, чем способных их занять.

Дискриминация и разного рода предрассудки исчезли практически в одночасье. Всех сплотило желание жить мирно и счастливо, несмотря на огромные темпы эмиграции. Теперь радоваться жизни мог каждый, так что все обиды были забыты, как прошлогодний снег. К тому же любой человек, обуревасмый неистребимой и безотчетной ненавистью, мог целиком и полностью сосредоточить ее на напах. Напы, впрочем, не возражали. Не придавали этому большого значения.

В настоящее время я являюсь начальником почтового отделения и мэром небольшого поселения землян под названием Нью-Даллас, здесь, на Тире, четвертой планете, вращающейся вокруг звезды, известной в нашем старом каталоге как «Струве-2398». Различные инопланетные народы, которые мы здесь повстречали, называют звезду другим именем: его можно перевести как «Шишка Господня». Все местные инопланетяне настроены очень доброжелательно и всегда рады помочь, напов здесь немного.

Во всей Галактике напов считают предвестниками мира. Их миссия заключается в том, чтобы путешествовать с одной планеты на другую, принося с собой согласие, процветание и настоящую цивилизацию. В Галактике нет наделенной разумом расы, которая не любила бы напов. Мы все ценим то, что они для нас сделали.

Но стоит только какому-нибудь напу переехать в дом по соседству, мы тут же соберем вещички и будем в пути уже засветло.

ДЖОН ГРАНТ

Книга по истории

Повесть о Торе Могучем

Джон Грант (John Grant) — псевдоним шотландского писателя Пола Барнетта (Paul Barnett, род. 1949) — долгое время жил в Англии, недавно переехал в Соединенные Штаты. Его перу принадлежат несколько серьезных трудов о паранормальных явлениях, среди них «Справочник возможностей» *(The Directory of Possibilities, 1981), написанный в соавторстве с Колином Уилсоном (Colin Wilson) и* «Справочник забракованных идей» *(A Directory of Discarded Ideas, 1981). Из созданных им художественных произведений любителям юмористического фэнтези особенно придутся по душе две книги:* «Сексуальные тайны Древней Атлантиды» *(Sex Secrets of Ancient Atlantis, 1985) и* «Вся правда об огненных вампирах» *(The Truth About the Flaming Ghoulies, 1984). В соавторстве с Дэвидом Лэнгфордом (его рассказ тоже включен в эту антологию) он сочинил пародию на роман-катастрофу —* «Конец Земли!» *(Earthdoom!, 1987). Кроме того, его перу принадлежит большая серия романов* «Легенды Одинокого Волка» *(Legends of the Lone Wolf). Рассказ, который мы предлагаем вашему вниманию, первоначально создавался как самостоятельное произведение, но потом был включен в последнюю книгу об Одиноком Волке* «Гниющая земля» *(The Rotting Land, 1994). Автор восстановил его в качестве самостоятельного произведения и существенно переработал для нашей антологии.*

I. Исчезнувшая Леса

В былые времена рассказывали, что примерно в 5000 году, еще до Разделения Мира на Империю и Задворки, династия Эллониев начала свое царствование в Хармадри. Правда это или нет — не нам судить, но простой народ, живущий на этой земле возле Суровых Гор, верит в эту сказку, которая похожа на многие другие истории о зарождении Мира. Кроме того, она *правдоподобна*, а это обстоятельство никак нельзя сбрасывать со счетов:

оно ничем не хуже любых других, более объективных оценок исторической достоверности.

А вот так, может быть, сказка сказывается:

Смерть уже почти заключила старого вождя в свои ледяные объятия — ни для кого вокруг это не было секретом, и для самого вождя тоже. Целыми днями он не выходил из своего шатра, лежал прикованный к постели, не переставая изрыгать проклятия, но и они доносились с каждым днем все реже и реже. Его лицо напоминало серую известковую маску, кожа складками свисала с выпирающих костей. Иногда мутная пелена спадала с его голубых глаз, и взгляд становился таким же ясным, как в старые добрые времена, но все чаще тусклый огонек в них еле мерцал, и они ненадолго вспыхивали безумным огнем, лишь когда поднималась волна гнева.

Он сам был во всем виноват — вот почему его так выводили из себя его шаманы, сиделки и жена Леса Исчезнувшая. Никого из них нельзя было обвинить по закону в том, что, несмотря на все их причитания, он таки отправился — в его-то годы! — охотиться на сторгов вместе с молодыми воинами племени. Но тем не менее он во всем *винил* именно их — винил за то, что их нельзя было обвинить по закону, хотя это был самый незначительный из множества совершенных ими проступков. Гораздо более серьезным преступлением было то, что никто не догадался предупредить его о мозгососах, которые стали сильнее, коварнее, зловреднее и к тому же проворнее за годы, прошедшие со времен его последней вылазки. Проклятое пресмыкающееся вырвало из икры левой ноги кусок мяса размером с кулак. Какой-нибудь слабак, окажись он на его месте, взвыл бы от боли и рухнул в обморок; но старый вождь был сделан из другого теста — он просто рухнул в обморок. Очнулся он уже в шатре — тут пришлось отбиваться от шаманов, которые поровили утопить его во всяческих отварах и снадобьях для наружного и внутреннего употребления.

Именно в этом и состояло главное преступление шаманов. Не потрать он столько жизненной энергии, обороня-

ясь от их назойливого внимания, то смог бы направить всю силу своего воинственного духа на более важное дело — восстановление сил физических. Теперь никто и ничто не мешало раненой плоти разлагаться. Смерть поедала его последние три недели, и сейчас, он знал, она уже подбирается к сердцу, вместилищу его чувств и сложных мыслительных процессов.

Сиделки были виновны в том, что были сиделками. Будучи до мозга костей приверженцем традиций, он терпеть не мог сиделок, равно как и болезни, во время которых те делают вид, будто ухаживают за тобой. То ли дело раньше — такое ранение не помешало бы ему устроить им хорошую взбучку, так что носы превратились бы в лепешки, а отдельные жизненно важные кости оказались бы, к его превеликому удовольствию, сломанными; но теперь он превратился в беспомощного старика, а они купали его в своих лучезарных и — что самое ужасное — неисправимо *бодрых* улыбках. Никуда было не скрыться от их радостных возгласов: «Доброе утро, Повелитель Небес и Всего Сущего на Земле, как мы себя сегодня чувствуем?» Или самое отвратительное: «А по-большому мы с утра уже ходили?» — после чего за его спиной разворачивалась позорная схватка с постельным бельем и обжигающе холодным ночным горшком.

Э-эх! Не расхворайся он так, постановил бы по всей Вселенной, что всякой ничтожной твари, возомнившей себя сиделкой, будет вынесен смертный приговор, окончательный и не подлежащий обжалованию.

Но преступления шаманов и сиделок, вместе взятые, были ничем по сравнению с тяжким грехом, совершенным его женой Лесой Исчезнувшей.

Намеренно, исключительно для того, чтобы отомстить ему за случайную связь с заезжей жрицей из Санжрании, эта мегера *родила ему двоих сыновей не в том порядке!*

Назвать старшего, Эллония, слабаком — значит оклеветать всех местных слабаков. Долговязый вегетарианец с узким лицом и прыщавым носом, Эллоний не помнил себя от счастья, отправляясь вместе с матерью на прогулку (очень непродолжительную) по окрестностям за букети-

ком цветов, чтобы украсить свой шатер. Старый вождь впервые начал подозревать первенца в слабоумии, когда тому было лет шесть-семь, — отец с удивлением обнаружил, что его чадо безмятежно щекочет котенка, вместо того чтобы повыдергивать ему лапку за лапкой, как сделал бы на его месте любой уважающий себя будущий полководец. С тех самых пор Эллонию, в соответствии с негласным правилом, было навсегда запрещено являться отцу на глаза, но и сейчас старый вождь иногда слышал его: южный ветер, чьи потоки продували весь лагерь, доносил до него колыбельные, которые Эллоний пел цветочкам в своем шатре.

Вот Тог — о! — Тог, младшенький, был полной противоположностью старшему брату. Коренастый и напрочь лишенный воображения, Тог был любимчиком старого вождя. Непобедимый на протяжении нескольких лет чемпион ежегодных племенных состязаний по борьбе и выдалбливанию отверстий, он мастерски владел любым оружием, кроме меча: в детстве непонимание правил пользования этим оружием стоило ему первых двух пальцев на правой руке. Тог-крепыш — Наследства Шиш, как любовно прозвали его соплеменники, был больше похож на бритого медведя гризли, чем на человека, но именно поэтому отец в нем души не чаял.

Тем не менее согласно закону, по которому жило все человечество — и старый вождь, будучи потомственным Повелителем Небес и Всего Сущего на Земле, тоже, — именно Эллоний, а не Тог должен был унаследовать мандрагоровый трон через несколько дней. Как умирающий вождь проклинал себя за преступное промедление! Не единожды решал он, что с его старшим сыном непременно должен произойти какой-нибудь необъяснимый, но умилительный несчастный случай со смертельным исходом, но все время откладывал исполнение задуманного, предпочитая продлить трепетное ожидание... А теперь, теперь он лежал на смертном одре и уже никак не мог помешать хитроумным планам Лесы Исчезнувшей!

Или все-таки мог?

Ничего путного в голову не приходило. Он постарался еще больше сморщить свой и без того морщинистый лоб. Ему однажды довелось услышать о... Кажется, возможность оставить хотя бы часть территории любимому сыну все-таки существует...

Что было сил он позвал своего главного сподвижника:

— Микра-Маус! Микра-Маус!

Четыре крепких воина вынесли старого вождя из шатра на грубо сколоченных носилках и поставили их на слабо освещаемую солнцем землю — все знали, что в последний раз. Леса Исчезнувшая стояла сбоку и обливалась слезами — не исключено, что это были слезы радости; старший сын, Эллоний, хныкал неподалеку. Тога с трудом удалось отвлечь от участия в захватывающем конкурсе на лучший удар в живот.

Голубые глаза старика озарились лихорадочным пламенем при виде фамильного лука и колчана фамильных стрел, которые Микра-Маус с благоговением возложил на его сморщенную грудь. Рукой, похожей на огромную клешню, вождь вцепился в дугу лука.

— Закон племени гласит,— тяжело дыша, начал старый воин,— что после смерти вождя на трон должен взойти его старший сын. Однако,— отчаянно фантазировал он на ходу,— закон позволяет отцу оставить наследство и младшему отпрыску, и именно этим правом я собираюсь воспользоваться. Тог, сын мой, подойди ко мне.

— Зачем еще? — безучастно промычал Тог. До него стало доходить: старикан совсем сбрендил, утром выглядел неважно, да что утром — вот уже последние несколько дней. Должно быть, хорошо покуролесил...

— Это теперь не важно, мой мальчик,— прохрипел вождь.— Я завещаю тебе всю землю за пределами круга окрест этого места, круга с радиусом, равным расстоянию, на которое ты сможешь послать стрелу из нашего фамильного лука. Вот, добрый молодец, возьми же лук и пусти стрелу!

Видно было, что Тога это предложение несколько озадачило — в геометрии он никогда не был силен,— но он

охотно принял затейливо украшенное резьбой оружие из рук отца. В том, как пускать стрелы, он разбирался отлично. Казалось, в его руках лук ожил и затрепетал: он вложил неприлично украшенную стрелу в лук — сначала наконечник, как его долго и нудно учили, — и натянул поющую тетиву фамильного лука.

Стоявшие рядом воины осторожно отступили назад.

— Не стреляй туда, откуда светит утреннее солнце, — прошипел Микра-Маус, сощурив глаза. — Там кто-то есть.

Тог отвлекся на неясно расслышанный шепот и вперил взгляд в указанном направлении. Там и вправду кто-то был, приблизительно в ста метрах — стрела как раз могла бы долететь, — шел по грязи, удаляясь от их небольшого собрания. Поначалу было трудно определить, кому принадлежала костлявая фигура — мужчине или женщине, так как ее покрывал длинный, спускавшийся до голых лодыжек, ржаво-коричневый плащ. Тог прищурился. Над вырезом плаща возвышалась голова с неряшливо подстриженными волосами цвета меди. Мальчишка, решил он. Мальчишки ему не нравились. Впрочем, девчонки тоже — что облегчало принятие решения.

Он натянул лук.

— И не пускай стрелу слишком далеко, — добавил Микра-Маус. — Так велел передать твой отец.

Тог бросил на него сердитый взгляд. Дело ясное — папашин прихвостень хотел его провести. Всем известно, у племени огромные земли — от края до края стрел пять пустить можно, — так что тут и думать нечего. В голове Тога созрел, как ему казалось, отличный план — стрелять нужно как можно дальше. Он сморщил нос — а может, лучше не надо? В геометрии он соображал все же лучше, чем в арифметике.

— Отец! — вдруг воскликнул Эллоний, похоже по мамочкиной подсказке. — Отец, прекрати этот цирк!

Старый вождь лишь угрожающе зарычал в ответ.

— Отец! Разве ты не видишь, какая несправедливость творится?! — Казалось, голос Эллония вот-вот сломается. — Подлый Тог может просто-напросто бросить стрелу

себе под ноги, и что станется со мной? Кем я тогда окажусь — наследником без наследства?!

— Этого я как раз и... — начал было вождь, но, подумав хорошенько, вовремя осекся. — А что ты предлагаешь взамен, жалкий щенок?

— Я предлагаю назначить стрелком *меня*, — ответил Эллоний после нескольких секунд спешных переговоров с Лесой Исчезнувшей, — и тогда мне в наследство достанутся все земли в пределах круга, центром которого станет место, куда упадет стрела. — Конечно, и при таком раскладе его братцу достанется львиная доля наследных земель, но бо́льшая их часть, за исключением того клочка, где и жило племя, была бесполезным болотом. Эллоний расплылся в своей самой лучезарной улыбке, на какую только хватило его узкой, как у хорька, мордочки.

Тог взглянул на брата. Стараясь понять его доводы, он свел свои мутные глаза к переносице. Ясно одно: если один из них не поторопится и не пустит стрелу, коричневый плащ уплепает слишком далеко — тогда немудрено и промазать. В конце концов он пожал плечами и неохотно уступил Эллонию главный лук племени и зачерненную стрелу с инкрустацией в виде фаллоса.

— Давай, братишка, покажи нам, как надо стрелять.

Эллоний с неподдельным любопытством принялся рассматривать лук, потом взглянул на Лесу Исчезнувшую. С помощью нескольких красноречивых движений пальцами она объяснила ему, что делать. В то время как он безуспешно пытался повторить то же, что сделал со стрелой и луком Тог некоторое время назад, до его ушей донесся усталый шепот.

— Я уже говорил твоему брату, — произнес Микра-Маус, — и тебя предупреждаю: смотри не стреляй туда, откуда светит утреннее солнце. Незнакомец все еще там.

— Эй, да отвали ты, старый козел, — рявкнул Тог, — не порти нам праздник. Пусть Эллоний продырявит мальчишку — вот будет потеха. Особенно если у этого тощего сопляка что-то выйдет.

Эллоний только пожал плечами и медленно повернулся спиной к утреннему солнцу. Перед ним простирались бо-

лота — топкие и дикие. Он высоко поднял лук прямо перед собой и оттянул тетиву насколько было можно, стержень стрелы нелепо торчал у него между пальцами. Постарался дышать ровно и спокойно.

С самого начала было понятно: выстрел никуда не годится. Казалось, стрела дрожала и виляла в воздухе, изо всех сил прокладывая себе путь вверх по широкой, еле различимой параболе. Но вдруг что-то — вероятно, ветер — будто бы подхватило ее. Со стороны Эллонию и всем остальным могло показаться, что она получила новый заряд энергии, пожала плечами и решила, так и быть, лететь дальше. Медленно и грациозно описав дугу, она начала — невероятно, но факт! — подниматься все выше и выше над зловонными, поросшими мхом землями. Затем ветер, должно быть, снова подхватил ее, потому что с непрерывным ускорением она прошла по кривой высоко в небе над их головами, так что небольшому собранию — все как один рты пораскрывали — пришлось круто развернуться, чтобы посмотреть, куда она летит.

Прямая как... гм, ну да, прямая как стрела, она со свистом пронеслась к фигуре в плаще, которую теперь отделяло от племени больше двухсот метров.

С решительным «чпок!» — как будто топор вонзили в спелую мускусную дыню, успел подумать Эллоний — она вонзилась в спину незнакомца, аккурат между лопатками.

От ужаса Эллоний закрыл глаза. Чтобы он, убежденный вегетарианец, который за всю свою жизнь мухи не обидел, сам того не желая, принес смерть другому человеческому существу! Завтрак вплотную подступил к глотке. Прошло много времени — не одна неделя, уж точно, — с тех пор, как с ним в последний раз случалось подобное, но со временем его терзания не стали легче.

— Посмотри, — услышал он голос матери. — Это чудо.

Он медленно и неохотно приоткрыл один глаз.

Незнакомец все еще стоял — более того, незнакомец продолжал удаляться от них как ни в чем не бывало, будто бы между лопаток у него не торчала смертоносная стрела.

— Панцирь, — размышлял вслух Микра-Маус. — Должно быть, под плащом у мальчишки толстый кожаный панцирь. Это единственно возможное объяснение. Но даже если так, удар был настолько сильным, что должен был свалить его...

Старик перешел на бормотание и вскоре совсем затих.

— По коням! — раздался радостный вопль Тога. — Я разберусь, в чем там дело!

Два воина послушно подвели племенного коня. Тог взял поводья и начал проверять, все ли оружие на месте: мечи, кинжал, топоры, копья, палицы, булавы...

— Нет, не надо! — вскрикнула Леса Исчезнувшая, увидев, что они замышляют. — Этот человек — чужестранец, а значит, наш гость. Приведите его сюда, и мы встретим его со всем радушием и заботой, если он ранен.

Тог был совершенно сбит с толку.

— Убейте его! — хрипло прорычал старый вождь. — Он вторгся на нашу территорию. Его надо четвертовать — другого языка все эти нарушители не понимают.

— Не делай этого, отец! — решительно вступился за чужеземца Эллоний, к которому наконец-то вернулся голос. — Я сам поскачу вслед за бедолагой и попрошу разделить с нами трапезу, а матушка вытащит стрелу и омоет его рану.

— Берегись, сынок, Болото Томасины очень опасно! — воскликнула Леса Исчезнувшая, сжав руки у пышной груди. — Обитающие там Орды Мутантов Черных Сил съедят тебя в мгновение ока! И смотри не промочи ноги, а то опять заболеешь.

Старик только бормотал и ворчал что-то себе под нос — да что поделаешь, лежа в постели? Набравшись невесть откуда появившейся храбрости, Эллоний оттолкнул младшего брата. Весь трясясь, он с трудом вскарабкался в седло, пришпорил фамильного коня — и вскоре возгласы матери и брата, такие разные, остались позади.

* * *

Становилось жарче, а Эллоний все никак не мог нагнать чужеземца. Конь был старый и грузный, но это едва ли объясняло ту странность, что, сколько бы он ни вонзал

шпоры в его бока, юноша в плаще цвета ржавчины по-прежнему опережал его на двести метров. Еще больше его недоумение усиливала кажущаяся неспешность худощавого юнца: тот шел прогулочным шагом и даже пару раз остановился, чтобы внимательно рассмотреть клочок белого торфяного мха. Может быть, размышлял Эллоний, чужеземец — всего-навсего химера, призрак, посланный богами ему в испытание: они лишь хотят убедиться, что у него хватит мужества и стойкости вступить во владение долей отцовской земли.

Вдруг до него дошло, что по размеру этот участок из достаточного для жизни превратился в необъятный и с каждой минутой разрастался все больше и больше. Поерзав в седле, он обернулся и посмотрел туда, откуда тронулся в путь: позади остались два широких отрезка болотистой земли, не говоря уже о сменяющих друг друга грядах холмов между ними.

Если так пойдет, то очень скоро, прикинул он, они с загадочным юношей, за которым он так упорно следует, достигнут берегов коварного Болота (тут внизу что-то громко чавкнуло, и фамильный конь под ним зашатался) Томасины.

Изо всех сил стараясь вывести бедное животное на твердую почву, он краем глаза заметил, что преследуемый им человек стоит примерно в десяти метрах и с серьезным видом наблюдает за происходящим. Этого короткого взгляда хватило, чтобы понять: перед ним не мальчик, как он думал раньше, а молодая женщина.

Как только им с конем удалось вновь обрести твердую почву под ногами, он посмотрел еще раз. Девушка была не похожа ни на одну из тех, кого ему приходилось видеть в своей жизни. При свете полуденного солнца казалось, будто ее короткие, торчащие во все стороны волосы отлиты из меди. Ее руки и ступни были маленькими и бледными; а тело выглядело таким невесомым, что и легкого дуновения было достаточно, чтобы подхватить ее и унести, как сухой лист. Она разглядывала его не таясь, всем своим видом демонстрируя полное спокойствие, и тут он понял, что ее глаза, ее желто-зеленые кошачьи глаза смогли бы вместить

в себя целый Мир. Украшенное парой одиноких перьев древко фамильной стрелы выглядывало из-за ее плеча, но он едва обратил на это внимание.

— Пошевеливайся, садись на коня, и поехали, — приказала она. — Дорога впереди длинная, и надо успеть, пока на землю не опустится ночь.

— Я проделал весь этот путь, чтобы попросить прощения... — начал он. Казалось, ему в глотку залили патоку. Он сделал еще одну попытку. — Прекрасная путница, — обратился он к незнакомке, — вы...

— Как-как ты меня назвал? Распутница?

— Прекрасная распут... Нет-нет! Я совсем не это хотел сказать. Какая же вы распутница?! Совершенно обычная...

Два красных пятнышка вспыхнули на лице женщины, по одному на каждой щеке.

— Так и быть, с тем, что ты назвал меня прекрасной путницей, я еще смогу смириться, — сделав кислую мину, процедила она, — но что касается «совершенно обычной» — и за более безобидные фразочки целые континенты отправлялись ко дну, что уж говорить о...

— Я совсем не... — опять начал было Эллоний, вываливаясь из седла. — Позвольте предложить вам моего коня, чтобы вы могли дать отдых вашим...

Я влюбился! — с удивлением подумал он, а сердце уже пело и ликовало. — *Я, тот, кто и помыслить не мог, что такому чистому и волшебному чувству найдется место в моей душе, — если, конечно, не считать моего чувства к матери, но это совсем другое, — я, Эллоний, наследник племенных болот, Я ВЛЮБИЛСЯ!*

— Я часто действую на мужчин подобным образом, — холодно заметила женщина, гневный румянец сошел с ее лица так же быстро, как и появился, — но в любом случае приятно узнать, что старые приемчики все еще работают. В два миллиарда лет жизнь только начинается. — Она бросила взгляд на свои ногти, но ее улыбке он понял, что она осталась довольна их видом. — А теперь садись обратно в седло, мой мальчик, и следуй за мной, как и прежде. До наступления ночи нам предстоит обогнуть Болото Томаси-

ны, а я не большая поклонница ночных путешествий. Полагаю, ты тоже? Давай! Пошевеливайся! Но для начала разгони облако из певчих птичек и пухлых розовых сердечек, которым окутана твоя голова.

Внезапно она повернулась и в мгновение ока оказалась за сотню-другую метров от него. Она стояла у края болота, всем своим видом выказывая нетерпение, пока он взбирался обратно в седло.

Любовь! — вновь предался он размышлениям, стоило только фамильному коню под ним начать нестройно перебирать копытами. — *Разве это не чудо? Я будто заново родился — и стал в два раза сильнее, в два раза умнее, в два раза... короче говоря, в два раза больше, чем прежде.*

На расстоянии он мог видеть, как подрагивают плечи его обожаемой, и на какое-то мгновение он испугался, что она может быть чем-то сильно расстроена. Он вздохнул с облегчением, лишь убедившись, что она продолжает спокойно и равномерно удаляться от него.

Поэзия! — думал он. — *Да! Вот что пылкие молодые поклонники должны преподносить в дар предмету своего обожания. Точно! Ну конечно! Я сочиню эпическую балладу, до предела начиненную героическими песнями и строфами, сплетающими воедино две движущие силы моего существования — вегетарианство и страстное желание добиться любви моей прекрасной дамы! Ей понравится моя баллада, она покорит ее, без сомнения! Эта баллада лучшее, что я могу предложить ей помимо собственной смерти от неразделенной любви. «Ягодка моя красная» — да, прекрасно, просто прекрасно! «Моя любовь к тебе как яблоневый сад» — ух ты! Получается! Внутри меня — неиссякаемый источник поэзии! Да, найти бы еще рифму к слову «кумкват»...*

II. Леса Исчезающая

На землю спускались сумерки, когда молодая женщина вошла в лагерь. Эллоний, которому наконец-то удалось догнать ее, был уверен, что сумерки должны были спуститься

уже довольно давно — примерно полторы недели назад, по его подсчетам, — но он не видел причин жаловаться. Благодаря необыкновенному повелению отца и бесподобному умению коротковолосой девушки быстро передвигаться, он был теперь законным правителем территории, во сто крат превосходящей по размеру ту, которую племя могло представить себе в своих самых смелых мечтах. С этих самых пор он, Эллоний, мог без зазрения совести хвастаться (чего отец его не мог себе позволить!), что он и вправду является непререкаемым Повелителем Небес и Всего Сущего на Земле! Более того, он уже на четыреста тридцать восемь строф приблизился к созданию поэтического шедевра, каковым он без ложной скромности считал свое творение.

Старый вождь бросил один злобный взгляд на стройную девушку, а другой на своего старшего сына, у которого при попытке слезть с коня нога запуталась в стремени. И умер.

Его подданные, охваченные благоговейным страхом, упали ниц.

— Наш вождь мертв. Да здравствует Эллоний! — пропел Микра-Маус за всех соплеменников.

— Все верно, — тихо произнесла незнакомка, стоящая немного поодаль и забытая всеми, кроме новоиспеченного Повелителя Небес и Всего Сущего на Земле, — воистину: да здравствует Эллоний!

Позже тем же вечером, когда с формальной частью, касающейся погребения тела вождя, было наскоро покончено и поминки по заведенной традиции были в самом разгаре, Эллоний, несколько окосевший после сладкого тонизирующего напитка из плодов шиповника, приготовленного его матушкой, разыскал женщину, которая в буквальном смысле привела его к трону. Она сидела скрестив ноги в окружении мерцающих теней вдалеке от бушующего костра и стола с угощением, напевая себе под нос совершенно немелодичную песенку. При свете сумерек казалось, будто ее глаза светятся.

— Прекрасная дама, примите мою искреннюю благодарность, — сказал Эллоний, вяло кланяясь.

— Считай, что она принята, — ответила она. — Подойди сюда. Присядь. — Она похлопала ладонью по неправдоподобно сухому участку земли рядом с собой. — Ты, вероятно, мучительно раздумываешь, как отплатить мне за ту невероятную услугу, которую я оказала тебе. Мучиться больше не нужно: я сняла тяжкую ношу раздумий с твоих плеч. Можешь взять меня замуж.

Эллоний уставился на нее, не в состоянии вымолвить ни слова. Он любил ее — страстно, всем сердцем — вот уже целый день длиною в жизнь, дольше, чем когда-либо вообще (если память ему не изменяла) испытывал сколько-нибудь сильные чувства. Конечно, если не брать в расчет чувства к матери. И, дайте подумать, ее выпечки со шпинатом. Но женитьба — *о таком* он даже не помышлял. Если верить всему, что он читал и слышал от трубадуров, которые время от времени неожиданно забредали в их края и так же неожиданно исчезали, каждый, вступивший на тропу истинной любви, должен был приготовиться к нелегким испытаниям: томительное ожидание, взгляды украдкой, непреодолимые препятствия, несостоявшиеся свидания, мертвенно-бледный вид, неизлечимая печаль и после приличествовавшего ситуации периода неизбывной тоски — смерть. Сама идея женитьбы на женщине его мечты противоречила, как ему казалось, правилам хорошего тона. Но потом он подумал о балладе и о том, как смог бы целиком и полностью продекламировать ее своей любимой, — а это, что и говорить, гораздо лучше, чем стараться исподтишка подсунуть ей строфу-другую под видом какого-нибудь длинного списка.

Щелкнув зубами, он закрыл рот, выступившая вперед несколько больше обычного челюсть свидетельствовала о внезапной решимости.

— Прекрасная дама, я с превеликим удовольствием возьму тебя в законные супруги, — торжественно пообещал он, при этом сделав рукой такой широкий жест, будто бы хотел обнять Небесса и Все Сущее на Земле, — теперь у него было на это полное право. — В законные супруги и в свою постель, и все, что есть у меня, будет принадлежать и тебе тоже.

«„Постель“ обсудим позже, и не исключено, что дебаты будут бурными», — пробормотала себе под нос женщина. И громче добавила:

— Я принимаю твое предложение, Король Эллоний. Да-да, Король — именно так люди должны будут впредь величать тебя. Нам долгая помолвка ни к чему, согласен? Обойдемся без лишних проволочек: просто скажем о нашем решении твоей матери — и дело с концом.

Она поднялась на ноги, сняла накидку — по какой-то необъяснимой причине грязь и липкий ил, которые намертво приставали ко всему, казалось, не оставляли и пятнышка на ее коже и одежде, — и, взяв его за руку, повела к костру.

— Э-э, а как вас зовут? — пробормотал он по дороге.

— Можешь сам выбрать мне имя, — разрешила она.

— Может, Леса?

— Любое другое, только не это.

Он споткнулся о корень и выругался.

— Вот это уже лучше, — оживилась она. — Можешь называть меня Чурчхела.

III. Леса Исчезнувшая

Эллоний обливался слезами. После брачной ночи прошло два года, клочок племенной земли, которым правил его отец, стал центром огромного государства, граничившего с Болотом Томасины. В тот удивительный день, когда ему пришлось повсюду следовать за Чурчхелой, он, сам того не подозревая, обошел огромную область — и болота, и джунгли: многие новоприобретенные земли богатством не отличались, но хватало и тех, особенно вдоль речных долин и вокруг северной части болот, что славились плодородием и изобилием.

Малые племена, обитавшие в этих местах еще во времена старого вождя, с разной степенью благодарности признали власть Эллония, а он, в свою очередь, привнес в их жизнь невиданное доселе процветание. Даже мишки из племени Шницельфрессен, волшебный народец, расселившийся у са-

мых границ Болота Томасины, отвлеклись от размышлений над добродетелями Природы, для того чтобы договориться о перемирии с его подданными; втайне Эллоний даже лелеял мечту (правда, жене он никогда о ней не рассказывал), что в один прекрасный день древний храм Ассидиана, построенный в самом центре болота племенем, которое исчезло с лица земли еще в доисторические времена, отойдет под его начало. Но это было делом далекого будущего. Пока что угрозу со стороны живших в болоте Орд Мутантов удавалось сдерживать: некоторые из его самых пессимистично настроенных шаманов предсказывали, что мерзкие твари вскоре вырвутся на свет божий и потребуют обратно земли, которые они привыкли считать своими, но сейчас возможность столь печального исхода дела казалась такой же далекой, как и присоединение храма Ассидиана к его королевству, и недавно придуманные и сшитые флаги Суровых Гор Хармадри беспечно развевались по ветру над орудийными башнями города Тога (с населением 1706), столицы королевства, основанной Эллонием точно на юге от старого лагеря отца и названной им так из плохо скрываемых, но, безусловно, удачных соображений пресечь любые помыслы о мятеже, которые его братец мог бы вынашивать.

Каждый день солнце ярко освещало Суровые Горы Хармадри, и казалось, что такое благоденствие будет длиться вечно.

И все же Эллоний обливался слезами.

Брат смотрел на него без всякого сочувствия. Они расположились в королевских покоях в Северной башне замка Тога — строении, лишь отчасти уступавшем в величии имени, которое оно носило. Солнечный свет пробивался сквозь узкие окна и играл на грубо облицованном полу. Снаружи доносились еле различимые звуки города, живущего своими заботами. Ветер, который дул сегодня с севера, принес с собой сладковатый дух гниющих растений и древесного дыма.

— У тебя все есть,— отрезал Тог.— Королевство. Власть. И бродяжка в придачу, хотя не знаю, на что эта костлявая карлица годится. Нечего распускать нюни, разнылся, как девчонка.

— У меня есть все, кроме того, чего я желаю всем сердцем, — прорыдал Эллоний.

— Чего это? — Брови Тога отчаянно боролись, не в состоянии решить, сойтись им или грозно нависнуть.

— Кроме «бродяжки», как ты ее называешь. Чурчхелы!

Казалось, правая бровь ненадолго взяла верх над левой, но до конца состязания было еще явно далеко.

— Но ты с ней, вы же... как это? Связали себя узами? Окольцевались? Я-то думал, вы с ней одна сатана. А тут на́ тебе — нет у него бродяжки. — Тог взял с инкрустированного драгоценными камнями стола горшок с медом и разом осушил его. Причмокивая, он потянулся за вторым.

Эллоний теребил подол своего богато расшитого одеяния, глядя в пол. Его брат вечно сыпал непристойностями, Эллонию же претила сама мысль о том, что он мог бы выражаться так грубо. *Какие слова подобрать, чтобы он понял?* — размышлял он. Как всегда после беспокойных исканий, он вдруг вспомнил о своей излюбленной теме.

Он представил, будто находится на рынке. Вокруг него на прилавках красуются самые спелые и сочные фрукты и овощи со всех ферм и полей Суровых Гор. И в этих ярких, разноцветных продуктах, на взгляд Эллония, скрывается новое, дополнительное значение: все они сравнения и метафоры в физическом обличье, и он может искать и выбирать те, что ему больше по вкусу. Он почувствовал, как все внутри него сморщилось, когда он подошел к первому прилавку. Хозяин прилавка улыбался ему во весь рот.

Дыни. Наверное, учитывая обстоятельства, нет. Вежливо кивнув разочарованному крестьянину, Эллоний медленно побрел к следующему прилавку. И тут неудача, скорее всего папайя — это тоже не то, что он ищет.

Он дышал ровно, изо всех сил стараясь не впасть в панику. Рынок был чудовищных размеров: он даже не глядя знал, что ряды тянутся на сотни метров, если не километров, с каждой стороны. Однако, к несчастью, он оказался единственным покупателем, а это означало, что каждый торговец фруктами или овощами не отрываясь следил за каждым его шагом в надежде, что монарх выберет и купит

именно его товар. Эллоний чувствовал себя так, будто находится на фокусной точке линзы, а жаркие лучи их пристальных взглядов вот-вот продырявят его кожу.

Он продолжал поспешно разглядывать прилавки. Лукпорей, понятное дело, вычеркиваем, бананы и кукурузу в початках — тоже, баклажаны вообще никуда не годятся. Он бросил мимолетный взгляд на клубнику, начал ломать голову при виде брюссельской капусты и стеблей ревеня, прежде чем в сердцах отмести их; та же участь ожидала корнишоны и цуккини; манго, фиги, персики, нектарины, абрикосы, вишни, овсяной корень и грецкие орехи привели его в крайнее смятение. А при виде возвышающейся горы маракуйи его бросило в дрожь.

Сельдерей, морковь, пастернак, сливы, фенхель, красная фасоль, крыжовник, джекфрут... кошмар не кончался. Теперь Эллоний в истерике мчался взад и вперед по проходам своего огромного воображаемого рынка — проносясь мимо очередного яркого прилавка, он видел лишь расплывшееся пятно. Лица торговцев слились в одну большую, многокилометровую, скалящуюся, хитрую физиономию. Какао, кешью, калина, кокос, каштаны, картофель, карамбола, киви — картинка в калейдоскопе размылась. Личи, локва, лаймы, логанова ягода, лунган — еле слышный вопль тонкой струйкой сочился из уголков его рта, — танжело, топинамбуры, тамаринды, тыква, томаты. Горох горланил, маслины смотрели масляными глазками, хрен хрюкал, и он готов был руку отдать на отсечение — репа рыгнула. Сыроежки, словно пара сумасшедших терьеров, пытались укусить его за ногу, саподиллы сопели, а свекла свистела. Он бежал вперед, дыхание его стало шумным и судорожным, как при приступе кашля; грохот преследовавших его товаров (гора фруктов и овощей, нависавшая сверху и готовая обрушиться, с угрожающей скоростью катилась за ним) жутким эхом, будто бы отраженным от стен самого Мира, отдавался в его голове.

В последний раз отчаянно вскрикнув, он очнулся и обнаружил себя на деревянном троне в своих королевских покоях. Тог настороженно его разглядывал.

— Ты чего это?

— Пытался придумать, как рассказать тебе о своем горе, — тяжело дыша, вымолвил Эллоний. Холодный пот струйками стекал по его лбу и дальше вниз по впалой груди. — Это немного... мм... личное.

— Да ладно тебе, мужик, говори! — Тог метнул в горку, образовавшуюся в углу, еще один пустой горшок. — Говори как есть! Мне все нипочем. Я же боец.

— Ну ладно, ты знаешь, что такое... э-э... кольраби?

— Какая-то зелень?

— Да, правильно. А... мм... гуава? А сахарное яблоко и хурма? Ну и виноград, само собой?

— Да, слыхал. Девчонкам нравится.

— Ну так вот, Чурчхела не разрешает сделать мне из всех этих фруктов салат.

Тог побледнел:

— Вот оно что? Ну ты, братец, завернул! Думай, что говоришь!

— Я не смог придумать ничего более изящного. Я...

— Да уж. А что, если *мама* тебя слышала?

Братья виновато обвели взглядом позолоченные стены комнаты, как будто Леса Исчезнувшая могла в любую минуту выпрыгнуть из-за ширмы и наброситься на них. Их опасения не подтвердились, но они тем не менее придвинулись друг к другу поближе и заговорили тише, но оживленнее.

— С самого начала одно и то же, — сетовал Эллоний. — В нашу первую брачную ночь, когда я ожидал... не то чтобы много чего, потому что я порядочно напился, но все-таки рассчитывал на что-нибудь из тыквенных или даже цикориевый салат.

— Хочешь сказать, не прочь был немного пообжиматься?

— Да, но зачем же так грубо?.. Так вот, она сказала — «даже не думай», мол, она не для этого выходила за меня замуж. А выходила она за меня замуж затем, чтобы сделать меня правителем Суровых Гор Хармадри и чтобы оставаться на троне, пока мы оба живы, а жить мы будем, как она туманно намекнула, довольно долго.

В ответ только что проглотивший еще одну пинту меда Тог издал довольный возглас:

— Ты мог бы ее... э-э... утрюфелить?

— Уж как только я ее не утрюфелял! И заморскими трюфелями, и нашими отборными! — воскликнул Эллоний, хлопнув себя по бедру, чтобы подчеркнуть всю серьезность сказанного. — Нектаринка моя, говорил я ей и был сама учтивость, — нектаринка, маммея моя ненаглядная, женатому мужчине очень нужны его чечевица, окра и лук. Отказывать ему в этом — все равно что отрицать существование голоса его внутреннего гибискуса. Но в ответ она бросила только: «Фига!» Тогда я не понял, что она хочет этим сказать, но теперь, — он снова разрыдался, — прекрасно понимаю.

— А я нет. — Правая бровь Тога была выброшена за пределы ринга, но храбро ползла обратно.

— В первую ночь я попробовал пойти за ней в наш шатер. Но стоило мне только переступить порог, как она... изменилась. Это было омерзительно, омерзительно!

Тог молчал. Нахмурившись, он сверлил взглядом последний горшочек с медом. Ему не давало покоя ощущение, что по правилам хорошего тона он должен оставить его брату, но в то же время другое ощущение подсказывало, что все эти правила хорошего тона — чушь собачья. Он потянулся за горшочком.

— Там при свете луны, — продолжал Эллоний, — она очень изменилась: из миловидного кочана свежей молодой капусты, за которым я следовал весь день, она превратилась в... *гнилое кислое яблоко*! Она выглядела такой старой и дряхлой, будто бы последние полтора месяца пролежала в могиле. Голова блестела — ни волосинки, зато из-за пышной растительности ноздрей было не видно. Складки на шее... угри... фурункулы... Она улыбнулась мне своей ужасной беззубой улыбкой, а потом ее стеклянный глаз выпал. И мне... мне вовсе не стыдно признаться, брат, что я упал в обморок.

— Как девчонка.

— И с тех пор каждую ночь повторялось одно и то же, пока я уже больше не мог этого выносить и сдался. С тех пор я довожу до совершенства эпическую балладу, рожденную моей страстью к ней, но она отказывается слушать ее. Что мне *делать*?

Эти последние причитания прозвучали действительно жалобно. Он уткнулся лицом в плечо и захныкал.

К черту приличия — Тог осушил остатки меда.

— А ты не думал завести какую-нибудь спаржу на стороне? — обратился он к содрогающимся от рыданий плечам брата. — У меня как раз есть на примете одна знойная барбариска.

— Бесполезно! Мне нужна она, а не какая-нибудь *дублерша*! О, горе мне...

Тог беспокойно поерзал на своем месте. Обменявшись сильными ударами, его брови объявили о перемирии.

— Что тут скажешь, братец, — задумчиво проговорил он, — если внешность для тебя так важна, всегда можно затушить свечи — и дело с концом. Как гласит старинная племенная мудрость, ночью все момордики... э-э... пес их знает, какого они цвета. Забыл. Но помни мое слово...

— Ты так ничего и не понял! — проскулил Эллоний, теребя свое одеяние и устремив на брата укоризненный взгляд налитых кровью глаз. — Тут ничем не поможешь!

— Почему это?

— Потому что она *светится в темноте*!

IV. Не Леса — Алесса

Когда-то же она должна спать, — мрачно размышлял Тог — в ту ночь он бродил по замку и затачивал лезвие своего любимого меча. — *Возможно, мой братец — полный олух, но все же я кое-чем ему обязан, ведь он взял да и назвал в мою честь целый город (с населением 1706), в конце концов. Я избавлю его от этой анноны игольчатой, и потом он, может статься, найдет себе какую-нибудь юбу посговорчивее и будет счастливо править дальше.*

Королева, которая никогда не спала, улыбалась, слушая, о чем он думает. Тог об этом еще и не подозревал, но сегодня ночью ему предстояло серьезное испытание, и во все последующие ночи тоже, — найти выход из лабиринта замковых коридоров. Уже следующая дверь, через которую

он постарается прорваться, приведет его прямиком — так-так, страшные проклятия уже доносились — на мусорную кучу с отходами со всего замка.

Бросив его на произвол судьбы, она еще несколько секунд обдумывала более важные вопросы: Эллоний и его счастье. Со временем она и вправду ненароком привязалась к этому сопливому юнцу — насколько вообще можно было привязаться к простому смертному, — так что она не хотела без надобности обижать его. Мысль о том, чтобы поддаться на его льстивые уговоры, промелькнула в ее голове — она была не прочь хорошо повеселиться, — но исчезла так же быстро, как и появилась. Нет, гораздо лучше рассказать ему о том, что привело ее сюда и что вынудило ее создать государство, которым он сейчас правит. К тому же пора поставить его в известность о ее планах на его будущее.

Мысленно она призвала его к себе и тут же почувствовала, как Эллоний в своей спальне внезапно стряхнул с себя остатки прерывистого сна. Спустя полминуты он был у ее двери.

Он смотрел на нее во все глаза, ошеломленный, ноги у него начали сами собою подгибаться...

— Ой, — воскликнула она, — какая же я недотепа! Извини. Привычка. — Она быстро изменила чудовищный и отталкивающий образ, который сама же переносила в его сознание. — Вот, теперь лучше?

По его глазам она поняла, что да. Сейчас она сидела посреди кровати и была, на его взгляд, такой же, как и обычно в дневное время, — стройной, жилистой, но в то же время очень женственной женщиной, одетой в нелепо мальчишеский наряд. Она рассеянно провела руками по волосам и ласково улыбнулась ему.

— Пришло время нам с тобой поговорить, — промолвила она. — Но тебе все же лучше ко мне не приближаться.

— Поговорить о чем?

— О нашем общем будущем, о тебе и обо мне.

— О нас вместе?

— Вместе. Не все время и не так, как ты себе это представляешь, но все же вместе.

— Чурчхела...

— Для начала тебе следует знать, что мое настоящее имя — Алесса. Это ты дал мне имя Чурчхела, и оно меня вполне устраивает, но под именем Алесса меня знают с начала времен, и еще так я привыкла называть сама себя. Возможно, тебе это хорошо известно. — Она прихорошилась.

— Э-э... нет, — промямлил в ответ Эллоний. — Послушай, Чурчхела, ты как-то сказала, что мы будем править Суровыми Горами Хармадри вместе довольно долго. А долго — это, по-твоему, сколько?

— Несколько тысяч лет. — Состроив недовольную гримасу, она не обратила никакого внимания на его отвисшую челюсть. — Тысячи три с половиной, если быть совсем точной. По меньшей мере. После этого, если все еще будет желание, можешь оставаться на троне и дальше, но уже без меня. Мне необходимо быть здесь в качестве провозглашенной королевы Суровых Гор в тысяча пятисотом году до Х. З.

— Ты что, бессмертна? — только и смог спросить Эллоний, все еще недоумевая, что значит «Х. З.». Явно не то же самое, что в непристойных шуточках его пехоты.

— Я удивлена, что это удивляет тебя, — спокойно ответила она. — Ты должен был заметить, что я не такая, как... другие женщины.

Он молча уставился на нее, и до нее вдруг дошло, что сравнивать ему, не считая матери, было особенно не с кем. Отсюда следует... Ее внезапно осенило, что все эти два года она обходилась с ним безжалостнее, чем намеревалась.

— То есть, — мягко добавила она, — смертные женщины не меняют свое обличье когда вздумается. Они не могут летать. Не могут ходить быстрее скачущей лошади или сделать так, чтобы день длился неделями.

По выражению его лица она поняла, что все это стало для него открытием. Конечно, его *мать* была не способна выполнять подобные трюки, но, очевидно, ему никогда и в голову не приходило, что его мать — тоже женщина. Она слегка заглянула в его мысли и обнаружила, что да, так оно и есть, он считал, что все женщины были волшебными, чужеземными, сверхъестественными существами, подобны-

ми ей. Разве что другие женщины старели и в конце концов умирали. Интересно, недоумевала она, как так получилось, что его голова теперь была засорена ее откровенными и возбуждающими образами?

— Я не совсем женщина, — выдохнула она. — Я женского пола, в той мере, в какой этот термин может иметь хоть какое-то значение применительно ко мне, но то, что я женщина, — всего лишь иллюзия. Я тебя обманула — извини: я была вынуждена ввести тебя в заблуждение. Если ты не против, пусть это останется нашим маленьким секретом.

Будет лучше, если я умолчу о том, что мне не составит никакого труда заставить его подчиниться — заставить так, что он никогда и не догадается, что я приложила к этому руку.

Но все же она предпочла бы, чтобы он согласился участвовать в этом предприятии по собственному желанию.

— Почему?

— Я говорила тебе. Мне нужно быть королевой этого государства в тысяча пятисотом году до Х. З., когда некто прибудет в Хармадри по одному важному делу — настолько важному, что не будет преувеличением сказать, что будущее всего Мира зависит от него. Более того, мне необходимо, с твоей помощью конечно, направить историю этого государства в такое русло, чтобы условия пребывания здесь оказались благоприятными для этого индивида, чтобы у него, в свою очередь, были все возможные шансы достичь своей цели и после этого спастись.

Невысказанные вопросы превратили лицо Эллония в поле сражения. Она вновь загляпула в его разум и извлекла оттуда весь список.

Она согнула мизинец левой руки.

— Во-первых, — объявила она, — нет, я не имею ничего против, если ты иногда позволишь себе побаловаться знойной барбариской на стороне, как красноречиво изволил выразиться твой братец, при условии, что ты будешь вести себя осмотрительно. Думаю, это пойдет тебе на пользу. Тем более что, согласно моему замыслу, время от времени тебе придется довольно долго отсутствовать в столице, так

что вполне возможно, тебе захочется обзавестись несколькими семьями, независимо от наших с тобой отношений.

Во-вторых, — она загнула второй палец, — если тебе дорого твое смазливое личико в его нынешнем виде, советую отмести мысли типа: «Если она и не женщина вовсе, тогда — ура! — разве это не означает, что наш брак недействителен?» — потому что это значит бросить тень на мою внешность и личность, а они совершенны. Надеюсь, ты понимаешь, что я могу быть опасной, если вывести меня из себя.

Эллоний весь сжался. Его вид приободрил ее, и она замурлыкала дальше:

— В-третьих, люди, населяющие наши владения, могут начать подозревать, что ими правят два некроманта, и поднять восстание. Так вот для того, чтобы этого не произошло, мы разыграем простую параду: им будет казаться, что мы стареем и умираем, а нашими наследниками становятся наши дети, конечно же похожие на нас как две капли воды, когда они будут медленно стареть и умирать, а их наследники... ты следишь за моей мыслью?

Он кивнул.

— Иногда мы будем править вместе, иногда по отдельности. Например, твой «сын» Эллоний Второй будет бесстрашным воином, он загонит обратно в Болото Томасины Зловещие Орды Воинов-Мутантов, которым я, твоя слабая безмозглая вдова, позволю терроризировать сельское население после «смерти» Эллония Первого.

Она ухмыльнулась, глядя на него.

— В-четвертых, черт возьми, Эллоний, что за глупый вопрос? Конечно, я могу даровать тебе бессмертие. Хотя не стоит относиться к этому как к наивысшему благу. У тебя мозг смертного со всеми вытекающими отсюда последствиями, так что в свое время ты пресытишься возможностями, предлагаемыми вечной жизнью, — они окажутся запредельными для твоего понимания. К тому времени, когда Джол... к тому времени, когда тот, о ком я говорила, прибудет и покинет эти места, и я вместе с ним, ты будешь чувствовать себя так горько и одиноко, что тебе, я думаю, позволят спокойно отойти в мир иной. Но тебе решать.

В-пятых, нет, я не бог. Будь я богом, дела бы делались немного по-другому. Необходимости во всех этих поисках и ухищрениях не возникло бы. К сожалению, боги настаивают на том, чтобы все во вселенных происходило согласно заведенному ими порядку. А что до этой Вселенной — так они просто зациклились на идее отдать всю власть в руки смертным с их свободой выбора... простофили! В моих силах лишь немного повлиять на исход событий, примерно так же, как учитель может помочь детям понять некоторые вещи, но не может понять их за них.

В-шестых, весьма лестно, с твоей стороны, но я полагала, что предельно ясно выразила свое отношение к этой идее. По крайней мере, на ближайшие пару тысяч лет. Если мой ответ тебя обижает, постарайся убедить себя в том, что одно из неудобств бессмертия — непрекращающаяся головная боль у жены.

Она еще раз заглянула в его мысли: седьмой, восьмой и девятый вопросы уже готовы были сорваться у Эллония с языка.

— Да, я сказала «вселенные», во множественном числе. Причина, по которой я нахожусь в настоящее время в этой Вселенной, заключается в том, что я нахожусь в это самое время во *всех* разом. Нет, твою мать бессмертной я сделать не могу — ей придется примириться с судьбой, наравне с остальными.

Он уставился на нее. Многие уже давно предпочли бы лишиться рассудка, но после того, как она уделила толику своего внимания тому, чтобы переделать его разум, он стал казаться ему слишком привлекательным, чтобы вот так запросто с ним расстаться.

— Почему, — спросил он наконец, — почему ты хочешь, чтобы этому индивиду удалось выполнить намеченное?

— Потому что иначе Зло поглотит Мир — а со временем и всю вашу Вселенную. Он — важная составляющая в сохранении Добра и в конечном Разделении.

— Но почему?.. — Он осекся на полуслове, а она ласково смотрела, пока он мямлил, пытаясь подобрать слова. — Почему ты на стороне Добра? Какая тебе разница,

что будет править нашей Вселенной — Добро или Зло и случится ли Разделение, о котором ты говоришь?

Она улыбнулась в ответ:

— Конечно, я бы могла сказать, что это все потому, что я сама воплощение Добра, однако сомневаюсь, что ты мне поверишь. У меня есть качества, которые более или менее соотносятся с твоим понятием о Добре, но не вполне совпадают с ним, и я знаю, что по самой своей природе они недоступны твоему разумению. Или я могла бы сказать тебе, что я здесь потому, что бог храма — Ассидиан — упросил меня прибыть сюда, в эту довольно ничтожную маленькую Вселенную. Но это тоже будет неправдой: это значит приписать мне заинтересованность бо́льшую, чем мимолетная прихоть, а на большее я не способна.

Ее губы еще шире растянулись в улыбке.

— Знаешь что, Эллоний, мой милый, милый Эллоний?

— Что, любовь моя?

Она захихикала:

— Знаешь, что самое *ужасное*? И будь уверен — тот же ответ на свой вопрос ты услышал бы от любого бога, который претендует на то, чтобы нести знамя добродетели и щедрости, и даже если бы ты спросил любого Мутанта Черных Сил или даже самого Дьявола, почему он так стремится рассеять Зло по Миру. Позволь мне быть до конца честной с тобой. Правда заключается в том, правда в последней инстанции — для меня, а также для любого демона или божества, которые населяют бесконечные вселенные, которые образуют поликосмос... Ужасная правда заключается в том, что *я не знаю* — почему.

АРЧИБАЛЬД МАРШАЛЛ

Элайджа П. Джопп и дракон

Одним из приятных моментов в работе по составлению этой антологии стала возможность находить редкие и давно забытые смешные фантастические рассказы. Уверен, многие полагают, что юмористическая фантастика появилась всего лишь десять-пятнадцать лет назад, забывая при этом о богатом наследии прошлого. Арчибальд Маршалл (Archibald Marshall, 1866 – 1934) — один из «старичков» — на сегодняшний день совершенно забыт. Впрочем, и в свое время, в начале двадцатого века, он был не слишком популярен. Его лучшие произведения — это юмористические рассказы, бросающие смелый вызов обществу. Среди них надо назвать «Вверхногамию» *(Upsidonia, 1915),* «Школяра» *(Undergraduate, 1905) и* «Ричарда Балдока» *(Richard Baldock, 1906).*

Нижеследующий рассказ впервые был напечатан в «The Royal Magazine» в 1898 году, и, насколько мне известно, с тех пор никогда больше не переиздавался.

I

Элайджа П. Джопп был родом откуда-то из американской глубинки, впрочем, откуда именно — не важно. Он являлся обладателем весьма прибыльной диковинки, которую показывал на ярмарке. Это был дракон — ни больше ни меньше; не крокодил, не аллигатор, раскрашенный зеленым и позолоченный, а неподдельный, чистопородный, средневековый, огнедышащий, принцессоядный дракон, с ревом, слышным на десять миль, когда он, конечно, не в намордник, и аппетитом что у твоей пушки Гатлинга[1].

Однажды утром, ища золото в еще не исследованной части страны, Элайджа П. Джопп нашел странное яйцо. Конечно, он с гораздо большим удовольствием обнаружил бы самородок, но знал бы он, что яйцо это заменит ему

[1] Пушка Гатлинга — тяжелая многоствольная пушка.

пятьдесят самородков! Сперва он подумывал просто пнуть его, отбросив с дороги, но счастливая звезда хранила старателя, и он спрятал яйцо в карман. О яйцах он не знал ничего, а то бы не сделал того, что сделал дальше, но счастливая звезда снова улыбнулась ему, поскольку, когда несколько месяцев спустя Элайджа, не найдя желанной золотой жилы, вернулся домой в очень скверном расположении духа, он положил яйцо в инкубатор.

Он таскал его в кармане четыре месяца. Возможно, он полагал, что оно лежало там, где он его нашел, — до того, как он его нашел, — те же четыре месяца, но, по правде говоря, пролежало оно там больше тысячи лет. Шансы на то, что инкубатор выполнит работу наседки, конечно, были ничтожны, но, поскольку Элайджа ничего не знал и об инкубаторах, а инкубатор тем более находился в неведении относительно драконьих яиц, эксперимент удался, и в свой срок яйцо проклюнулось.

Первой пищей новорожденного дракончика стали его собратья по инкубатору; затем он прожег себе путь сквозь легко воспламеняющуюся стенку своей приемной матушки и оказался на свободе. Элайджа сперва склонялся к тому, чтобы покарать преступника высшей мерой, и, конечно, сделал бы это, если бы знал как. Он предпринял попытку разделаться с ним топором, но крошка дракон дунул, и Элайджа ретировался с полусожженными брюками и опаленными волосками на ногах. После этого он рассудил, что разумнее будет соблюдать дистанцию, вернулся в дом и разыскал свой револьвер. Первая пуля расплющилась о жесткую драконью шкуру, вторая срикошетила прямехонько в глаз коровы Элайджи. Тогда он решил простить дракона, который, судя по всему, не питал обиды. Напротив, хозяин ему явно понравился, а покушения Элайджи на свою жизнь дракончик, вероятно, воспринял как намерение человека скрасить забавами свободное время своего питомца.

Вскоре он стал совершенно домашним и бегал за Элайджей как собачка. Разве что не ел с руки, поскольку старатель имел веские причины полагать, что его пи-

томец способен принять ее за очередное блюдо. Кроме того, дракон, прежде чем начать удовлетворять аппетит, всегда готовил себе пищу, поджаривая ее дыханием, так что Элайджа вскоре приобрел большую сноровку в метании, сочтя благоразумным ввести в привычку кормить своего приемыша с расстояния не менее пятидесяти ярдов[1].

Счастье еще, что дракон привязался к Элайдже, а то беды было бы — не оберешься; дракончик рос спокойным и обаятельным, но со временем младенческая смертность в деревне стала привлекать внимание страховых компаний, так что несмышленыша пришлось даже примерно наказать ломиком. Так прошла юность дракона. Со временем Элайджа уже настолько хорошо контролировал своего питомца, что присоединился к бродячему цирку и стал получать большое жалованье, а дракон превратился в уважаемого члена животного мира, принимая только ту пищу, которую ему предложат, не занимаясь больше самообслуживанием.

Какое-то время Элайджа разъезжал с цирком по родной стране и скопил немало деньжат. Но в конце концов предприятие неожиданно развалилось, в связи с тем, что исчез его владелец. Все искали объяснение происшедшему — и не находили. Дела шли хорошо, цирк был одной семьей — более душевных отношений и пожелать-то нельзя. Версия о самоубийстве трещала по всем швам, и ее пришлось отвергнуть; кроме того, где тогда тело? Дракон Элайджи продемонстрировал свою скорбь по безвременно ушедшему, отказавшись от пищи и погрузившись в двухдневный сон. Затем в углу его клетки обнаружились хозяйские карманные часы на цепочке — было сказано много недружелюбных слов и выдвинуты прискорбные обвинения. Элайджа обиделся за дракона и заявил вдове, что либо она заберет назад свои гнусные инсинуации, либо он уйдет и создаст свой собственный маленький цирк. Забрать обвинения вдова отказалась, так

---

[1] Ярд — единица длины, равная 91,4 см.

что Элайджа осуществил свою угрозу и, став сам себе управляющим, заработал больше денег, чем за всю свою прошлую жизнь.

Через пять лет после того, как вылупился дракон, Элайджа П. Джонс путешествовал по Европе, собирая толпы зрителей там, где они с драконом устраивали представления. Теперь дракончик стал лучшим другом Элайджи, он научился многим забавным трюкам. Элайджа набивал трубку, а дракон поджигал ее для него. Элайджа брал кусок железа, раскалял его докрасна в дыхании дракона, а потом выковывал подкову, пользуясь драконьей спиной как наковальней. На сцену приводили живую овцу, по цирку проносился сильный запах, какой царит в маленьких домиках в обеденное время, и овца исчезала. Представление заканчивалось драконьим ревом (с милостивого разрешения мэра и городских властей), и менее чем через двенадцать месяцев местный специалист по ушным болезням удалился на покой на свою загородную виллу.

Элайджа с драконом были очень счастливы вместе и гребли деньги лопатой. А потом одним прекрасным утром, после успешного выступления в одном маленьком городишке Шварцвальда, Элайджа проснулся и обнаружил, что дракон пропал. Безутешный Элайджа обегал весь городишко, глашатаи и зазывалы надрывались на перекрестках, но никто ничего не видел и не слышал. Разве что у бургомистра исчезла жена — но и только. Бургомистр отнесся к этому, как приличествует воспитанному человеку, и не стал поднимать шумихи, хотя даже если бы он и потребовал возмещения ущерба, ничто не указывало на связь дракона с этим несчастным случаем. О драконе не было никаких известий. Он как будто испарился.

Элайджа горевал. Волновало его вовсе не то, что он лишился заработка, ведь с помощью дракона он уже сколотил более чем достаточно. Он оплакивал потерю друга, своего постоянного спутника, свой домашний очаг и, если уж на то пошло, все то, ради чего стоило жить. Обладая неукротимой волей и упорством всех своих соотечествен-

ников, он отправился на поиски дракона, но отправился с тяжелым сердцем, ведь боль потери, как известно, острее, чем зубная.

II

А дракон тем временем, путешествуя не спеша и перекусывая по пути красотками, прибыл в королевство Глупляндия и обосновался в подходящем болоте в нескольких милях от царственной столицы Чистинхейм. Вскоре его присутствие по соседству стало ощутимым, и земля в окрестностях трясины начала обесцениваться — кто же согласится строиться рядом с драконом! Дракон, сбросив путы цивилизации, привитые ему Элайджей, вернулся к обычаям предков и разделывался с избыточным населением Глупляндии с поразительной скоростью. Он совершенно потерял популярность, приобретенную под мудрым руководством прежнего хозяина, и теперь стал тем, что было необходимо устранить. Он бы еще сгодился в качестве диковинного уродца в музее, но служить причиной смертельных недугов с билетом на кладбище — это уж слишком.

Когда дракон провел возле Чистинхейма около недели, жителей города официально предупредили о том, что приближаться к болоту опасно. Когда минуло две, они принялись подбивать друг друга отправиться туда, поскольку дракон, заскучав без общества, предпринял маленькую экспедицию и сэкономил одному или двум богатым горожанам деньги, которые они были бы вынуждены потратить на пышные похороны. После месяца знакомства с его здоровым аппетитом, последствия которого оказались весьма серьезны, на борьбу с чудовищем отправилась армия Глупляндии. Она выступила из Чистинхейма летним солнечным утром, с развевающимися знаменами и дудящими трубами, и прибыла к трясине как раз ко времени вечернего чая. Как же обрадовался дракон! Весь этот месяц он чувствовал себя таким одиноким и покинутым всеми. К сумеркам половина доблестного войска Глупляндии ис-

чезла в бездонной пасти, а оставшиеся шестеро, признав свое поражение, вернулись в Чистинхэйм ни с чем.

Тогда король созвал своих советников и обратился к ним с таким призывом:

ТРЕБУЕТСЯ!
Святой ГЕОРГИЙ, чтобы убить ДРАКОНА.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ:
Как обычно: рука дочери и полцарства в придачу.

Фердинанд Р.

После этого воззвания волнение охватило все соседние королевства, распространяясь все дальше и дальше. Принцы десятками стекались в царственный Чистинхейм и ночь за ночью проводили в пышных пирах, поневоле закатываемых королем. Однако к концу месяца дворец снова вернулся к обычному режиму питания и прежнему количеству мятного чая. Одни принцы увидели дракона, другие — принцессу. В любом случае результат был одинаков. Никто из героев не зашел дальше шапочного знакомства с огнедышащим чудовищем. После этого они теряли интерес к драконьим привычкам и бежали — или по крайней мере пытались. Короче, принцев постигла неудача.

Затем пришла очередь чудаков. Им не нужны были королевские пиры, да и в иных смыслах они не обходились так дорого. Один заявил, что он маг и может заговорить дракона. Никто точно не знал, что он имел в виду, но впоследствии все дружно согласились, что если подразумевалось «заговорить зубы», то по части зубов дракон превзошел незадачливого заклинателя. Другой сказал, что сумеет выманить чудовище из королевства игрой на флейте. Возможно, он бы и преуспел у дракона, но поскольку музыкант настаивал на том, что должен заблаговременно потренироваться, горожане избавили его от этой попытки и одновременно лишили животное обеда.

Потом попробовал себя предприимчивый торговец патентованным крысиным ядом. Он отказался от права на принцессу, поскольку уже был женат, но сказал, что сумеет

воспользоваться второй частью вознаграждения. Необходимые товары коммерсант согласился поставить бесплатно, в качестве рекламы. Сперва он послал одного из своих коммивояжеров с сотней жестянок — начать операцию. Тот начинил ядовитым порошком овцу и оставил ее возле драконьего дома на болоте. Дракон пару дней испытывал легкое недомогание, но все же мастерски прикончил угощение. Отрава, вместо того чтобы убить, буквально воскресила чудовище, к величайшей досаде коммивояжера, и дракон сделался еще несноснее, чем прежде. Коммивояжер послал в штаб-квартиру фирмы гонца за тысячью жестянок и зарядил снадобьем быка. Дракон жадно проглотил приправленную говядину и обнаружил того, кто доставил ему угощение, ибо коммивояжер ждал неподалеку, чтобы лично увидеть, какой эффект произведет рассчитанная им грандиозная доза. Эта акция отразилась в документах фирмы, где говорилось о назначении одного из напористых агентов на место коммивояжера, приводились записи о списании стоимости одиннадцати сотен банок с крысиным ядом и устанавливалась скромная пенсия вдове. Чудаки и ловкачи тоже провалились.

Был собран еще один совет.

— Так больше продолжаться не может, — заявил лорд Чемберлен. — Половина армии уничтожена, заводы закрываются. Ваше величество должны действовать, и действовать немедленно.

— Мы *действовали*, — ответил король, — и что? И ничего. Мы предложили очень большое вознаграждение — нашу дочь и половину нашего королевства. Мы сделали все что могли.

Король всегда говорил о себе во множественном числе. Он думал, что это очень изысканно.

— Есть одна вещь, которая всегда делается в таких случаях, но которая еще не была сделана, — сказал лорд Чемберлен.

— И какая же? — поинтересовался король.

— Надо принести в жертву принцессу.

Король глубоко задумался.

— Ты и правда так считаешь? — спросил он.

— Это единственное, что нам остается.

— Идея неплоха, — согласился король. — Но мы не уверены, как отнесется к этому ее королевское высочество.

— Ваше величество может приказать.

— Да-да, точно. Мы можем приказать — конечно. Э-э-э, Шлёпштейн, пойди-ка сюда на минутку. *Ты* передашь это ей, не так ли?

— О ваше величество, думаю, лучше, чтобы это исходило от вас.

— Но, Шлёпштейн, подумай об отцовских чувствах!

— Раз все равно хуже уже некуда, может, нам мобилизовать армию и отвести ее силой?

— Ты считаешь, бойцов осталось достаточно?

— Как, шестерым храбрецам, славному войску Глупляндии, не справиться с одной старой...

— Что, простите?

— Я имел в виду — неужто им не протащить одну слабую девицу пару миль?

— Что ж, мы полагаем, возможно, это и сработает. Организуй все, Шлёпштейн, как считаешь лучше. А теперь мы должны удалиться. Мы только завернем за угол, туда, куда и короли ходят пешком, чтобы ответить на зов природы. Пока-пока.

Лорд Чемберлен собрался с духом и отправился к принцессе. К его великому облегчению, она сразу же согласилась. Ей понравилась мысль о белых одеждах, цветах, рыдающих девушках и возможности выбрать на завтрак все, что угодно; она была женщиной сентиментальной и нисколько не сомневалась, что в последний момент явится Святой Георгий, чтобы спасти ее от дракона и впоследствии жениться на ней. Никаких проблем с принцессой не возникло.

Сперва король отказывался пасть дочери на шею, прежде чем отдать ее дракону, — он хотел провернуть все как можно быстрее, — но ему указали на то, что если он не сыграет свою роль, то испортит весь спектакль, так что пришлось смириться.

Церемония прошла отлично. Ассистент режиссера Королевской оперы организовал все до мелочей и был поздравлен с успехом в печати. Была собрана дюжина девственниц — усыпать дорогу лепестками, а младшая дочурка начальника станции вручила принцессе великолепный букет из специально отобранных оранжерейных цветов. Имелся там и оркестр, но чем меньше мы станем говорить о нем, тем лучше. В общем, принцесса наслаждалась от души.

Она стала популярной, какой не была еще никогда в жизни. Все жители Чистинхейма провожали ее в последний путь, хотя при приближении к болоту количество народу несколько сократилось. Однако дракона нигде не было видно.

Сопровождающие слегка торопились, когда процессия подошла к краю трясины, но принцессу тем не менее надлежащим образом приковали к дереву — она предпочла бы скалу, кабы в окрестностях нашлась хотя бы одна, — а затем король подоткнул мантию и со всех ног удрал в свой стольный град, сопровождаемый лордом Чемберленом и остатками свиты.

III

Король добрался до дворца первым и соизволил войти в заднюю дверь — слишком уж грязные у него были ноги. Когда он пробирался через кухню, служанка сообщила ему, что у входа рядом со стойкой для зонтов его ждет какой-то человек, желающий повидаться с правителем.

— Как его зовут? — спросил король.

Служанка вытерла руки о передник и протянула королю визитку. На карточке было напечатано: «СВ. ГЕОРГИЙ».

— Он пришел! — воскликнул король. — Мы знали, что он придет. Проводи его в лучшую залу и растопи печку.

Король поднялся по лестнице в кабинет, переобулся, а затем спустился в залу, чтобы принять почетного гостя.

— Святой Георгий, мы верили, — вежливо произнес он, входя в комнату.

— Вот как, — ответил незнакомец, высокий и тощий человек с козлиной бородкой. Одет он был во все черное; рядом, на столе, лежал его цилиндр.

— Мы верили, что тебя не оставит равнодушным это маленькое дельце с драконом.

— Что ж, ты не ошибся.

— Ты собираешься избавить наше королевство от мерзкого монстра?

— Я готов сделать это прямо сейчас, если условия будут удовлетворительными.

— Ты настаиваешь на вознаграждении, не так ли?

— В точку.

— Я думал, возможно, это дело такое...

— Ох, не надо, Ферди. Где дамочка?

— Э-э-э, к сожалению, мы только что отвели ее на смерть, но...

— Отвели, вот как? Это очень прискорбно. Что бедная девочка сделала?

— Она ничего не сделала. Она — жертва дракону. Мы подумали, что, может, если мы отдадим ее, он удовлетворится и отправится домой.

— Ну, полагаю, домой отправится не дракон. Посмотрим, что будет, когда я доберусь дотуда.

— Да, но торопиться особо не стоит, а?

— Ну, это как сказать... Есть ее портретик?

— Есть фотография, сделанная бродячим художником месяц назад.

— Тащи ее сюда.

Король покинул комнату, чтобы выполнить требование святого, и вскоре вернулся с carte-de-visite[1] принцессы.

Святой взял ее. Лицо его исказила судорога боли, он побелел как полотно.

— Значит, это принцесса, так? Ну, полагаю, наш огнедышащий старина подождет до завтра. А как насчет королевства? Бухгалтерские книги под рукой?

---

[1] Визитная карточка, зд.: фотография *(фр.)*.

— Они у обер-генерал-счетовода, — ответил король. — Не сомневаемся, он с радостью покажет их тебе. Думаем, ты найдешь, что там все в порядке.

— Что ж, тогда, пожалуй, схожу повидаюсь с этим джентльменом, — заявил Святой Георгий. — Без спешки. Если все и вправду в порядке, завтра я приму решительные меры, приструню старого наглого выскочку и заберу обещанные полцарства.

Король не возражал. Он даже сам объяснил святому, как добраться до дома обер-генерал-счетовода:

— Кислокапустенштрассе, третий дом от угла. Его еще называют Кручей.

— Ясно, — буркнул святой, надел цилиндр, и король проводил его до парадной двери.

Обер-генерал-счетовод обрадовался знаменитому посетителю. Он много лет вел приходно-расходные книги королевства, и все у него содержалось в идеальном порядке. Святой Георгий оказался первым из претендентов, кто предусмотрительно озаботился тем, сколько обещанное вознаграждение будет составлять в фунтах, шиллингах и пенсах. Они с обер-генерал-счетоводом засиделись до поздней ночи, вникая в каждую мелочь.

— Хорошо, — сказал наконец святой, закончив ревизию, — полагаю, деньги тут есть. Все будет тип-топ, а начнется завтра поутру. Предприятию нужен толчок, а там уж у меня все завертится.

Он пожелал обер-генерал-счетоводу спокойной ночи и отправился в гостиницу. Король предлагал ему заночевать во дворце, но святой отказался, рассудив, что в этом случае он может показаться слишком уж прижимистым.

На следующее утро Святой Георгий распаковал доспехи и облачился в них. Конюх снабдил его боевым скакуном — полкроны за первый час, по два шиллинга за каждый последующий. Жители города высыпали на улицы, чтобы проводить героя, но он отклонил все предложения составить ему компанию и поскакал к болоту в одиночестве.

«Да, старичок неплохо устроился, даже жаль лишать его всего этого, — бормотал он себе под нос, скача по до-

роге. — Он наверняка обрадуется своему старому хозяину. Убить его? Нет уж. Но я позабочусь, чтобы он больше не вырвался».

Приблизившись к трясине, он заметил одинокое опаленное дерево. Должно быть, то самое, к которому привязали принцессу. Ее видно не было, но у подножия дуба распростерлось переливающееся тело могучего дракона.

Элайджа П. Джонп, ибо Святой Георгий был не кем иным, как этим неустрашимым американцем, приблизился к нему с неистово бьющимся сердцем, окликая дракона множеством ласковых имен, которыми награждал своего любимца во времена их товарищества. Дракон медленно повел чешуйчатым хвостом, но не кинулся к хозяину, как тот ожидал. Сердце Элайджи упало, он пришпорил коня и спешился у самого дерева. Дракон повернул к нему быстро стекленеющий глаз и лизнул бы человеку руку, если бы ему когда-то строго-настрого не внушили не делать этого. Ясно было, что он уже не жилец. Элайджа, обезумев от горя, бросился наземь и положил тяжелую драконью голову на свои колени.

Что ж, опустим завесу над этой душераздирающей сценой. Через четверть часа Элайджа поднялся, вытер слезы, вскочил на лошадь и медленно поехал обратно к Чистинхейму, оставив в траве мертвого дракона. Несчастное животное съело принцессу и, несмотря на свое железное здоровье, околело от острого несварения желудка.

Какие же начались празднества, когда Святой Георгий въехал в город во всем своем великолепии и объявил, что бич Глупляндии пал от его руки! Никто не заподозрил правды, и никто не роптал, что он прибыл слишком поздно, чтобы спасти принцессу. Ее не слишком любили, и все холостяки столицы дрожали и боялись, пока она была жива. Теперь они смогли вздохнуть свободно. А документ о сотрудничестве между Элайджей и королем подписали на следующий же день.

ЧАРЛЬЗ ПАРТИНГТОН

Ученик драконьего доктора

Чарльз Партингтон (Charles Partington, род. 1940) почти сорок лет работает в различных областях научной фантастики. В 1963 году он и Гарри Надлер (Harry Nadler) основали любительский журнал «Чужой» *(Alien), который в 1966-м попробовали превратить в профессиональное издание,* «Чужие миры» *(Alien Worlds). Недостаток финансов лишил их возможности продолжить начатое, хотя в 1980 году Партингтон предпринял вторую попытку, выпустив* «Нечто другое» *(Something else), весьма анархичный журнал, следующий курсом революции, начатой Майклом Муркоком (Michael Moorcock) в* «Новых мирах» *(New Worlds) за несколько лет до этого. По профессии Партингтон печатник, но в 80-е годы он весьма успешно занялся разработкой новых компьютерных игр. Он также продал несколько научно-фантастических рассказов и «ужасы», начав в 1971-м с* «Наследства Мантерфилда» *(The Manterfield Inheritance). Приведенный ниже рассказ написан специально для этой антологии.*

Келл был твердо уверен, что хуже уже некуда. Они бежали по узкому выступу, с одной стороны которого пугал белизной крутой до головокружения заснеженный склон, а с другой — поднималась отвесная скала. Вой волков, летящий следом за ними, становился все громче. В любой момент вечно голодная, жадная стая могла настичь их.

А потом Лисс в ужасе охнула и резко остановилась.

— Смотрите! — показала она на цепочку огромных, глубоких следов в снегу впереди них. Отпечатки длинных когтей, наверняка способных одним взмахом разорвать плоть, виднелись очень четко.

— Что это? — задохнулся Тулло, с опаской выглядывая поверх плеча женщины.

— Фо-Го, — ответила она, содрогнувшись.

Тулло уставился на нее пустым, бессмысленным взглядом, нередким среди его семейства:

— Чё?

— Фо-Го... йети!

Келл, которого больше тревожили волки, взмолился, уговаривая спутников бежать дальше, но было уже слишком поздно. Из-за угла, шаркая, появилось чудовище из ночных кошмаров.

Фо-Го. По меньшей мере девяти футов ростом. Массивное обезьянье туловище покрывала жесткая белая щетина, но безволосая бородавчатая голова, выпученные глаза и ороговевшая щель рта наводили на мысль о гигантской жабе. Келлу даже показалось, что он видит в твари некоторое фамильное сходство с Тулло.

Фо-Го поднял мощные руки высоко над головой и издал серию трубных хрипов, всколыхнувших своим скрежетом ледяной воздух. За спиной Келла заскрипел снег: волки внезапно остановились и жалобно заскулили. Вздыбив шерсть на загривках от испуга, вся стая мгновенно поджала хвосты — и развернулась. Налетая друг на друга в беспощадном стремлении спастись от Фо-Го, они, отчаянно завывая, кинулись прочь по тропе, откуда прибежали, и скрылись из виду.

А Фо-Го снова хрюкнул, опустил одну руку и потянулся к Лисс.

Осознав вдруг, что он следующий на очереди, Тулло застонал и в приступе паники повернулся и попытался протиснуться мимо Келла. К несчастью, выступ был слишком узок, а старый слежавшийся наст — слишком скользок. Тулло оступился, покачнулся, оказавшись над пропастью, вцепился в Келла и попытался восстановить равновесие, не желая расставаться с драгоценной жизнью. Келл боролся, но почва ушла у него из-под ног, и, сплетясь в один клубок, парочка покатилась с утеса.

— Нет! — взвизгнул Тулло.

Лисс открыла рот, чтобы закричать. Они все были связаны друг с другом, и сейчас ее тоже утянет вниз вместе с ними!

Но в этот миг на разматывающуюся веревку наступила тяжелая нога Фо-Го. Скольжение Тулло и Келла резко

остановилось — так что косточки затрещали. Лисс невольно вздохнула с облегчением.

Потянувшись вниз, страшное создание схватило трос когтистой рукой и втащило мужчину и мальчика обратно на гребень с такой легкостью, словно это были не люди, а всего лишь два мешка перьев.

Всхлипывая как младенец, Тулло поднял взгляд на Фо-Го. Келлу показалось, что на уродливой морде с выпученными глазами мелькнула улыбка, но Тулло видел лишь кошмарные слюнявые челюсти. Прежде чем Келл успел что-то возразить, объятый ужасом мужчина выхватил из-за пояса нож и полоснул по веревке. В сверкающем облаке снега они вдвоем снова беспомощно заскользили по склону, все ниже и ниже, набирая на ходу скорость, съезжая то на спинах, то на животах, а иногда и вовсе вращаясь волчком. Они падали в ущелье, туман чуть рассеялся, и Келл увидел, что они скользят по заваленной снегом ложбине так быстро, словно катятся на санях.

Тулло изо всех сил махал руками, словно пытался взлететь. А Келла больше всего тревожили массивные стволы и бритвенно-острые камни, со свистом пролетающие мимо них с обеих сторон, которые грозили судьбой хуже смерти. На всякий случай Келл старался не разводить ноги. А потом связывающий их трос зацепился за что-то и лопнул — звонко, точно струна. По инерции они пролетели вперед, а потом обрушились вниз. Келл зажмурился, когда ветви деревьев понеслись на них. Раздался страшный треск — это сучья распарывали одежду, — и мальчик повис в двадцати футах над землей, с трудом держась за качающиеся ветки, а легкие снежные хлопья продолжали лететь вниз. Затем сук треснул под его весом и сравнительно мягко опустил мальчика на землю. Келл мрачно поднялся на ноги и с облегчением обнаружил, что, за исключением пары мелких царапин, с ним все в порядке. Ни одна кость не сломана!

А Лисс уже ждала его.

Мальчик ошеломленно уставился на женщину.

— Как ты сюда попала? — спросил он.

— Меня принес Фо-Го, — ответила она.

— Что?

Она улыбнулась:

— Да. Он бегает быстрее ветра. Мы добрались сюда раньше тебя. Это создание дружелюбно. — Женщина хихикнула, словно вспомнила что-то приятное. — Он только хотел помочь. Вот почему он прогнал волков. И он не мог понять, почему Тулло перерезал трос, когда Фо-Го уже почти вытащил вас на безопасное место.

Келл возвел глаза к небесам, но потом, все еще не уверенный, первно оглянулся вокруг.

— А где он сейчас? — поинтересовался он.

Лисс обернулась.

— Ох, — грустно вздохнула она, — исчез. Какой стыд. Он был такой теплый, такой приятный. Может, ему не понравился Тулло...

— А где Тулло? — вспомнил Келл, успев слегка удивиться легкомысленному блаженству, скользнувшему по лицу Лисс.

Она показала на большой сугроб, из вершины которого торчала пара яростно дергающихся ног. Тулло провалился глубоко и застрял крепко.

— Вот он.

Келл уставился на это нелепое зрелище и захохотал так, что едва не задохнулся. Смех мальчишки оказался таким заразительным, что Лисс не смогла не присоединиться к нему. Прошло несколько минут, прежде чем они сообразили, что мужчину следует все же вытащить.

Конечно, Тулло пребывал в сквернейшем настроении. Усталый, он почти молча тащился, медленно закипая от едва сдерживаемой ярости. Но даже он слегка оживился, когда они, выйдя из-под деревьев, оказались на окраине маленького городка, окруженного аккуратным узором четко распланированных полей. Огни в окошках говорили Тулло только об одном.

— Трактиры! — забормотал верзила, облизывая слюнявые губы. — Я уже чую запах пива. — Затем он застонал: — У нас нет денег!

И как всегда, разочарование свое он перенес на Келла. Без предупреждения мужчина ударил мальчика, и тот растянулся на земле. Грязные лоскутья, обмотанные вокруг головы Келла, сползли, открыв глаза.

— Гляди, — прорычал Тулло, потирая костяшки, — вот настоящая причина, из-за которой нас вышвырнули из Элбора, — ненормальный сынок твоей сестрицы. Жаль, что он не сдох при родах, тогда бы мы просто закопали его вместе с его мамашей и избавились бы от кучи неприятностей.

Лисс беспомощно вздохнула и помогла мальчику подняться.

— Ты не меньше виноват в том, что нас прогнали, Тулло, — напомнила она ему. — Все эти твои пьяные драки, воровство... Я предупреждала, что однажды это случится.

Тулло выругался и занес кулак, но тут взгляд его упал на что-то. Вместо того чтобы ударить женщину, он схватил ее за руку и потащил к передней двери дома, частично встроенного в склон холма. К двери была приколота записка.

— Чего там накорябано на этом клочке бумаги, женщина? — вопросительно рявкнул он.

Лисс вырвалась, наклонилась поближе и нахмурилась, с трудом разбирая странные слова:

Срочно требуется ученик!

Молодой человек, который станет помогать доктору Августасу Вему с лечением и уходом за глистообразными, офиоморфными[1] и рептилиевидными формами. (Кандидат должен быть здоров и скор на ногу.)

Обращаться внутрь.

30 крон.

— Тридцать крон! — задохнулся Тулло. — Это же почти годовое жалованье! — Он ткнул пальцем в Келла. — Вот твой шанс научиться ремеслу, парень, а заодно заработать мне и моей хозяйке пару монет. Замотай-ка свои зенки и не горбись. Я хочу, чтобы ты произвел хорошее впечатление.

[1] Змееподобными.

Чувствуя, что его в некотором роде продают в рабство, Келл в ужасе попятился, но Тулло крепко ухватил его за ухо и забарабанил в дверь свободной рукой.

Через пару минут дверь открылась, и наружу высунулся высокий тощий человек с длинной козлиной бородой и седыми волосами до плеч. Обличен он был во все черное.

— Да? — буркнул хозяин, вглядываясь в гостей сквозь толстые стекла очков в проволочной оправе. — Что вам нужно?

— Доктор Августас Вем, не так ли? — спросил Тулло, изображая почтение.

— Да... да. Я доктор Вем. — Он оглядел их с ног до головы. — Так что вам нужно?

— Я привел вам помощника, о котором вы давали объявление, сэр, — ухмыльнулся Тулло. — Толковый парнишка. А уж какой усердный и добросовестный! А уж как быстро он все схватывает!

Старик всмотрелся в ночь, близоруко прищурясь через очки:

— Помощник? Где? Уж не этот ли костлявый недомерок?

— О, внешность нашего Келла обманчива, сэр, — захныкал Тулло. — Согласен, жира на нем не слишком много, но паренек крепок, как гвоздь.

— Ну и забирай его назад, дурак. Мне он без надобности. Использовать его я не смогу.

— Но, сэр!..

— Спокойной ночи!

Доктор Вем попытался захлопнуть дверь, но Тулло вогнал в щель носок своего сапога.

— А что, если мы, к примеру, скажем, за пятнадцать крон?

— Простите? — отреагировал тут же доктор Вем.

— Ну тогда за десять? — предложил Тулло, впадая в отчаяние. — Я, так и быть, возьму десять.

Доктор Вем недоверчиво взглянул на оборванную, дурно пахнущую фигуру, выжидающе застывшую перед его дверью.

— Ты хочешь, чтобы *я* заплатил *тебе*?

— Ну... — шмыгнул носом Тулло. — В вашем объявлении говорится тридцать крон, сэр.

— Дурак! Это *ты* должен заплатить *мне*. За обучение и содержание подмастерья. Мальчишки сдят, не так ли? А теперь убери ногу, чтобы я смог наконец вернуться к своей работе.

Тулло застонал. У него только что украли год райской жизни, состоящей лишь из пьянства и безделья. Лицо его скривилось от уныния и отчаяния, и он повернулся к своей жене:

— От этого мальчишки одни несчастья, Лисс. Не надо было брать его с собой. Он приносит несчастье, понятно! Чертов бедоносец! — И мужчина одарил Келла очередным увесистым подзатыльником, швырнувшим мальчика на колени в дорожную грязь. Снова лохмотья свалились с его глаз, и неуклюже растянувшийся у порога Келл лишь безмолвно поднял взгляд.

Доктор Вем охнул.

— Его глаза... — недоверчиво пробормотал он.

— Да, — удрученно подтвердил Тулло. — Жуткое дело. Он, должно быть, какой-то недоразвитый уродец, выродок. Дурная кровь в семействе и все такое. То есть я имею в виду, видели ли вы когда-нибудь что-нибудь типа этого? Один глаз красный, а другой — зеленый. И глядите, сэр, они светятся в темноте. Это работа дьявола, не иначе.

Но доктор Вем уже лихорадочно рылся в карманах. Наконец он извлек пригоршню тяжеленьких золотых монет.

— Вот! — рявкнул он. — Бери! Все бери. Здесь по меньшей мере шестьдесят крон.

— Что? — Выражение лица Тулло говорило о его полнейшем замешательстве. — Вам *все еще* нужен этот мальчишка?

— Да! — гаркнул Августас Вем, втискивая деньги в грязные ладони Тулло. — Шестьдесят крон. Достаточно? По рукам?

— По рукам? — По небритой широкой физиономии Тулло медленно начала расплываться ошеломленная ухмылка. — О да, сэр. Забито.

— Нет! — сердито воскликнула Лисс. — Это нечестно! Отдай ему деньги, скотина!

Но прежде чем Келл сообразил, что происходит, доктор Вем схватил его за запястье, сорвал с него заплечный мешок и втащил мальчика в дом. Дверь захлопнулась за ними, родив эхо далекого грома, и листок бумаги, объявление о поиске ученика, спорхнул, никем не замеченный, на землю.

Когда дверь захлопнулась, Келл пришел в себя — по крайней мере настолько, чтобы завопить: «Караул, убивают!» Он лягался и царапался, пытаясь вырваться из хватки доктора Вема, но это оказалось невозможным. Хотя воля его оставалась крепка, в полуобмороженных и истощенных мускулах Келла совсем не осталось силы после долгих дней голода во время изнурительного перехода через горы.

Доктор Вем протащил мальчика по широкому коридору, освещенному хилыми язычками масляных ламп. Отперев еще одну дверь, он впихнул Келла в крохотную каморку, затем закрыл ее на ключ и захромал прочь, не произнеся ни слова.

Келл осмотрел свою темницу и сразу увидел, что побег неосуществим. Тяжелая дверь надежно заперта, стены — из сплошного камня, а тусклый свет сочится в комнатку из ряда маленьких отверстий высоко под потолком. Даже если взобраться туда, протиснуться в дырку он не сможет, слишком она мала. Единственным предметом мебели здесь был набитый соломой матрас, прикрытый грубыми шерстяными одеялами.

Келл плюхнулся на эту постель, борясь с приступом отчаянной жалости к самому себе, грозящей затопить его. Впрочем, подавить прилив тоски оказалось нетрудно. В своей короткой жизни мальчик знал лишь брань, проклятия и дурное обращение. У него не было настоящих друзей в Элборе. Взрослые сторонились его, а сверстники либо безжалостно дразнили, либо сговаривались и все вместе дубасили мальчишку. В результате Келл привык к одиночеству и обрел характер отшельника. Он научился

терпению и от жизни ожидал лишь худшего. Только Лисс дарила ему дружбу и сострадание. Она была единственная в его несчастной жизни, к кому он смог привязаться. Но теперь и она исчезла, ведь Тулло продал его в рабство. Будущее выглядело как никогда мрачным.

Мальчик не сдержал всхлипа, от которого вздрогнули плечи и затряслась нижняя губа. Но он не желал плакать. Слезы никогда не помогали. Лежа на матрасе, он закрыл глаза. И почти немедленно тело его утонуло в море усталости.

Но не успел Келл провалиться в сон, как громко заскрежетали засовы, дверь распахнулась и в каморку вошел доктор Вем. Комната внезапно наполнилась тонким ароматом, от которого аж слюнки потекли.

— Я подумал, может, ты голоден, — сказал старик. Он наклонился и поставил возле матраса деревянный поднос. — Миска похлебки и краюха хлеба.

Келл молча кивнул.

После того как доктор Вем вновь удалился, Келл сел и с волчьей жадностью набросился на еду, обжигая губы горячим супом и отрывая куски хлеба дрожащими пальцами. Он съел все до крошки, до капельки. Затем он, завернувшись в теплые одеяла, опять растянулся на матрасе. Спустя пару минут, когда мальчик уже парил в полудреме, ему показалось, что он слышит эхом доносящиеся откуда-то из глубин земли ужасный рев, вопли и вой каких-то невообразимых зверей. Келл поежился, повернулся на бок — и уснул.

Перед рассветом доктор Вем тихонько открыл дверь и сунул голову в комнатку. Он с трудом различил фигурку своего нового подопечного, безмятежно посапывающего на матрасе. Но мальчик был уже не один. Рядом с ним уютно свернулись калачиками четыре маленьких дракончика. При появлении доктора они приподняли чешуйчатые головки, захлопали крошечными крылышками и предостерегающе зашипели. Их красные и зеленые глаза ярко светились во мраке комнаты.

Доктор Августас Вем беззвучно затворил дверь.

— Хорошо, будь я проклят, — пробормотал он, хихикнув.

Келл понятия не имел, долго ли он спал, но подозревал, что много часов. Он неуклюже сел, потянулся и застонал, когда затекшие руки и ноги захрустели — это бурно запротестовали все его суставы и мускулы. Внезапно веки мальчика взлетели, а тело омыл холодный пот страха.

Теперь он понял, отчего проснулся. Что-то лежало рядом с ним на матрасе.

Крысы? Предательский крик чуть не сорвался с губ Келла. Он инстинктивно подтянул колени к подбородку и задрожал, увидев бугорок, шевелящийся под сбившимися одеялами. Затем глаза мальчика выпучились. Там ерзали три или четыре существа. Должно быть, их привлекло тепло спящего.

Келл ненавидел крыс. Несколько раз в год Элбор наводняли сотни этих переносчиков заразы размером с небольшую собаку, не ведающих страха и дико агрессивных. Они убивали цыплят, поросят и даже телят. Стаи грызунов частенько нападали и на оставленных без присмотру детей. А через несколько часов после пусть даже и одного укуса нередко следовала мучительная смерть.

Келл знал, что крыс может спровоцировать любое неловкое движение. Он поискал глазами что-нибудь, чем можно было бы защититься, одновременно следя за бугорками, подползающими к его поджатым ногам. Но все, что он нашел, — это пустая железная миска, в которой доктор Вем принес ему суп. Мальчик медленно протянул к ней руку, и тут два существа выскочили из-под его одеяла, стремительно шмыгнули к стене и взлетели на нее, исчезая в одном из отверстий. Так вот как они попали сюда.

Схватив тяжелую суповую миску, Келл занес ее над головой, внимательно наблюдая за продвижением оставшихся тварей, прокладывающих себе путь в постельных принадлежностях, издающих страшные свист и верещание. Пусть только остановятся — и Келл изо всех сил обрушит на них тарелку!

В этот момент дверь распахнулась и в каморку прихрамывая вошел доктор Вем. Страдальческое выражение скривило его суровое лицо, когда он увидел приготовления Келла.

— Нет! — воскликнул старик. — Именем Тройного Солнца — опусти миску, мальчик!

— Но тут крысы! — взвизгнул Келл.

— Крысы? — недоуменным эхом повторил Августас Вем. — Где?

— Здесь! — Келл показал на снова заворочавшуюся кочку.

Доктор Вем ухватился за край одеяла и одним рывком сдернул его.

— Это не крысы, мальчик! — заявил он. — Это драконы!

Челюсть Келла отвисла от удивления. Он не верил своим глазам. В изножье соломенного матраса копошились два маленьких невообразимых существа.

Келл никогда не видел ничего подобного. Большее из двух созданий было примерно девяти дюймов длиной, от верхушки конусообразной мордочки до кончика яростно хлещущего из стороны в сторону зазубренного хвоста. Меньшее — вдвое уступало собрату. Обоих покрывала зеленоватая переливчатая чешуя. Существа перебирали четырьмя когтистыми лапками, махали кожистыми крылышками, похожими на крылья летучих мышей, а их головки напоминали Келлу травяных ящериц и водяных черепах, в разгар лета гревшихся на камнях в Элборе. Затем мальчик обратил внимание на их глаза, и это зрелище по-настоящему потрясло его. У обоих созданий было по одному красному и по одному зеленому глазу, совсем как у него. А приглядевшись, он заметил мигающие мембраны, скользящие по глазному яблоку не сверху вниз, а из стороны в сторону, — тоже в точности как у него!

Драконы?

Суповая миска, выпав из обмякших пальцев, с громким стуком ударилась о каменный пол, и крошечные создания соскочили с матраса и стремглав понеслись по полу. Тревожно вереща, они в мгновение ока взобрались вверх по стене и нырнули в одно из зарешеченных отверстий.

— Драконы, — повторил Августас Вем и кашлянул. — Я так понимаю, что ты единственный, кто никогда прежде не видел подобных существ?

Озадаченное выражение лица Келла послужило старику достаточным ответом.

— Понятно... — Теперь пришла очередь доктора Вема озадачиться. — Ты мне не расскажешь что-нибудь о своих родителях, Келл? — попросил он.

Тень страдания скользнула по лицу мальчика.

— Я никогда не знал свою маму, — неохотно ответил он. — Она умерла вскоре после моего рождения. Тетя Лисс, которая меня вырастила, говорила, что она была очень красивой...

Доктор Вем кивнул:

— А твой отец?

Келл секунду помолчал.

— Я не знал и его. А Лисс никогда не рассказывала о нем. Но в деревне говорили... — Мальчик вдруг неуютно поежился.

— Что говорили, Келл?

— Что мой отец был каким-то чудовищем — что он отличался от обычных мужчин. Говорили, что глаза у него были как у меня, да и в остальном он был не таким, как другие.

Доктор Вем подождал минуту, а затем сказал:

— Можно последний вопрос?

Мальчик пожал плечами.

— В деревне знали, откуда пришел твой отец? — спросил доктор.

Плечи Келла поникли.

— Мой отец живет на небе. Это знают все в Элборе.

Кустистые брови доктора Вема удивленно изогнулись, и он глубокомысленно кивнул. Затем, положив на постель тряпичный сверток, он произнес:

— Я принес это тебе, Келл. Они принадлежали Джеду. Ничего особенного, но лучше лохмотьев, которые ты носишь.

Келл подозрительно взглянул на него:

— Кто такой Джед?

— Ну... — Доктор Вем снова кашлянул. — Джед был моим учеником. Очень упрямый мальчик, вечно дразнивший драконов, вечно подстраивавший им, как он это называл, всякие мелкие каверзы. Я предупреждал его, чтобы он прекратил. Я боялся, что все это выльется во что-нибудь нехорошее. Но он только ухмылялся и продолжал...

— И что с ним случилось?

Доктор Вем определенно растерялся.

— Боюсь, что один из драконов, что покрупнее... как бы это сказать... съел его.

— Что?

Доктор кивнул:

— Это было ужасно. Одному небу известно, что скажут его родители, если они когда-нибудь вернутся. Впрочем, не думаю, что это произойдет. Они были слишком счастливы отделаться от Джеда. Кажется, они не очень-то любили сыночка. — Доктор Вем подвинул сверток с одеждой ближе к Келлу. — Так что пользуйся. Ему эти тряпки больше точно не понадобятся. — Прежде чем закрыть дверь, он на миг задержался в комнате. — Я буду в кабинете в конце коридора. Когда будешь готов, я покажу тебе здесь все и объясню некоторые из твоих новых обязанностей.

После ухода доктора Келл минуту или две не двигался. Мальчика съели! Действительно, ужасно. Что же это за место такое? Эхо далекого рева, от которого мурашки бежали по спине, то и дело проникало в отверстия под потолком. Келл поднял глаза и вздрогнул. При первой же возможности он сбежит из этого сумасшедшего дома.

Одежда Джеда оказалась теплой и прочной, разве что слегка болталась на талии. Келл затянул кожаный ремешок на последнюю дырочку, затем приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Справа виднелась затворенная и запертая на все засовы передняя дверь, а слева обнаружился открытый кабинет доктора Вема. Келл шагнул в коридор и начал осторожно красться к выходу. Только бы добраться до двери, а там уж, может, удастся как-нибудь открыть ее и...

— А, вот и ты, Келл! — За спиной мальчика стоял доктор Вем и манил его пальцем. — Готов начать?

В то первое утро Келл получил лишь смутное впечатление, насколько глубоко уходит в гору дом доктора Вема. Опрятный коридор, обитый роскошными резными панелями, незаметно переходил в сырой и темный туннель, прорубленный в цельном камне, в котором дул слабый ветерок. Келл пытался запомнить все увиденное, каждый поворот, каждую развилку, надеясь, что это поможет ему, когда он решится на побег.

Доктор Вем, казалось, читал его мысли:

— Я бы не советовал тебе бродить здесь в одиночку, юноша. Тут легко заблудиться. А еще драконы...

Порой Келл чувствовал, как в полумраке что-то проносится мимо него, яростно хлопая кожистыми крылышками. Несколько раз существа со свистом кружились над его головой, прежде чем вновь умчаться.

— Всего лишь маленькие дракончики, — пояснил доктор Вем. — Видимо, ты их очень заинтересовал. Весть о твоем появлении распространяется, как степной пожар. — Он поднял факел повыше, осветив ряд мрачных отверстий в стенах туннеля — входов в большие темницы. — Вот мы и прибыли, Келл. Пора приступать к работе.

— Что? — Келл с сомнением передернулся.

— О, нет нужды беспокоиться, — хмыкнул доктор Вем. — Ни один из загонов в данный момент не занят. Мои пациенты в другом крыле. Но этим помещениям ужасно требуется уборка. Сможешь сделать это для меня, а?

— Уборка?.. — переспросил Келл.

— Правильно. — Доктор сунул ему в руки ржавую лопату. — Можешь начать наполнять вон те...

Келл уставился туда, куда показывал его новый хозяин. Это была гора пустых мешков, свалешных в шаткой деревянной тачке. Осторожно шагнув в загон, доктор снял с крюка на стене масляную лампу. Сырой фитилек шипел и потрескивал, отказываясь загораться. Но вскоре пламя занялось, осветив пространство.

— Ну вот, света вполне достаточно, — заявил доктор, вешая лампу обратно.

Келл неуверенно вгляделся в гулкий мрак. После тесного, низкого туннеля загон казался громадным. Поблескивающие под сводчатым потолком полупрозрачные каменные копья сочились медленным дождем. Пол покрывал толстый слой омерзительной, гнилой, липкой и вязкой слизи. Повсюду виднелись расплывчатые, налезающие друг на друга следы когтистых лап, глубоко впечатавшиеся в этот зловонный помет. Там и тут борозды в нечистотах отмечали положение тяжелого заостренного хвоста.

Переведя взгляд с когтистых следов на собственные ноги, Келл прикинул разницу и ощутил, мягко скажем, некоторое беспокойство.

— А до каких размеров дорастают эти драконы? — спросил он наконец.

— О, они становятся довольно большими... — признал доктор.

— Очень большими? — поднажал Келл.

Доктор Вем кивнул:

— Да... очень большими. — И он похромал обратно. — Я загляну сюда через час.

— Час? — простонал Келл.

— Что, мало? — совершенно неверно истолковал жалобу Келла доктор. — Полагаю, ты прав: слой помета здесь осел фута на два, — значит, зайду часа через три.

Когда шаги доктора стихли, Келл вздохнул и на пробу потыкал лопатой твердую корку слежавшихся фекалий. Вонь, такая что ни в сказке сказать, ни пером описать, ударила в ноздри мальчика. Кашляя и задыхаясь от нахлынувшей тошноты, он в смятении попятился. Из глаз Келла полились слезы. Даже огонь в лампе внезапно вспыхнул, на миг обретя болезненно-голубой цвет. Келл отшвырнул лопату. Правильно, решил он, хватит. С расконками покончено! Пусть доктор Вем думает, что он тут работает, — Келла занимает лишь то, как найти выход из этого чудовищного места.

Вне узкого круга света лампы туннель растворялся в чернильной тьме. Вместо того чтобы бежать со всех ног,

рискуя налететь на доктора Вема, Келл решил исследовать покатый туннель в другом направлении. Мрак сомкнулся вокруг него, и мальчик вытянул руки, касаясь пальцами грубого камня стен в тесном проходе. Он сделал всего пару шагов, когда волосы на его затылке вдруг встали дыбом. Он нутром чувствовал опасность, чувствовал — что-то перегородило туннель впереди. Что-то ждало его, скорчившись во тьме. Теперь он слышал медленное, утробное дыхание. Затем открылись два глаза размером с тарелки, один красный, другой зеленый. Дракон. Дракон разинул пасть, и острые клыки отразили слабый свет далекой лампы. А потом страж взревел.

В замкнутом пространстве драконий рев оглушал. Келл вскрикнул от боли, зажал обеими руками уши и в ужасе помчался назад по туннелю, спасаясь от заковылявшего за ним монстра. От грохота шагов чудовища содрогались каменные стены, и Келл ожидал, что в любой момент мощные челюсти сомкнутся на нем, раздирая плоть, и он пропадет в недрах бездонной глотки.

Понимая, что тягаться с драконом в скорости дело бессмысленное, Келл нырнул обратно в загон, отчаянно надеясь, что преследователь проскочит поворот. Не тут-то было. Когтистые лапы дракона скользнули в помещение, и он остановился у самого входа.

Зная, что оказался в ловушке, и боясь, что ему конец, Келл отступал, увязая в вонючем помете, к дальней стене. Но дракон остался снаружи. Хрюкнув, огромный ящер бухнулся на брюхо, положил огромную голову между раскинутых лап и стал следить за мальчиком так пристально, как пастушья собака следит за отбившейся овцой или как лев взирает на дрожащую добычу. Каждый раз, когда Келл шевелился и дракону казалось, что он пытается двинуться к выходу, чешуйчатый страж поднимал голову и недовольно рычал, обнажая кошмарные зубы в грозной ухмылке.

Келл понял: дракон никуда не выпустит его.

Обладая практическим складом ума, Келл покорно принялся шарить в грязи, пока пальцы его не сомкнулись на черенке лопаты. Он вытащил ее и начал работать. Вонь

поднялась ужасная. Дракон полуприкрыл глаза и удовлетворенно заурчал. Келл мог бы поклясться, что тварь мурлычет...

Несколько часов спустя, когда Августас Вем наконец вернулся, Келл вычистил загон до самого каменного пола. В процессе он насквозь пропитался зловонием и изгваздался в густой слизи. Мальчик являл собой поистине жалкое зрелище. Мешки, наполненные влажным пометом, громоздились в углу комнаты. Гора получилась втрое, а то и вчетверо выше Келла.

Доктор Вем почесал дракона за ухом, после чего согнал его с дороги ласковым «кыш!». Затем он улыбнулся испачканному мальчишке.

— Хорошо, идем, Келл, — усмехнулся он. — Надо бы тебе помыться.

— Куда идем? — устало спросил Келл.

— Просто следуй за мной, я покажу. — Доктор прижал к лицу носовой платок. — Только, Келл, держись от меня подальше, пожалуйста.

Они зашагали по туннелю, дракон неторопливо потрусил за ними.

Чем глубже извилистый тоннель уходил в гору, тем громче становился неразборчивый шум, казавшийся сперва слабым шепотом. Пика своего гомон этот достиг, когда пара свернула за угол и оказалась в большой пещере. Потолок созданных природой покоев вздымался на тысячу футов, а сквозь маленькое отверстие наверху в центре виднелись пятачок неба и искры далеких звезд. За полосой каменистого пляжа раскинулось бурлящее озеро. Разных размеров пузыри горячего газа беспрестанно надувались и лопались на поверхности неспокойной воды. Посреди озера, прямо под дырой в потолке, шипели языки пламени, вырывающиеся из кипящих глубин, рождая ослепительные вспышки и столбы густого змеящегося дыма.

Обнаружить здесь подземное вулканическое озеро было, конечно, страшно, но не только к нему оказались прикованы ошеломленные глаза Келла. В горячих волнах пла-

вали, ныряли или просто лениво плескались множество драконов. Еще больше драконов слонялись по покрытому коркой соли берегу. Очевидно равнодушные к брызжущему пламени и кипящей воде, четыре массивных чудовища безмятежно расположились в самом центре озера. Когда одно из них медленно развернуло крылья, Келл невольно разинул рот, не веря своим глазам. По волнам, точно зимородки, шныряли туда-сюда маленькие дракончики. Келл заметил, что драконы разделяются на несколько видов. Некоторые больше всего напоминали извивающихся крылатых змей, другие казались мускулистее, тяжеловеснее — эти обладали мощными когтистыми лапами и страшными клыками. Одни могли похвастаться яркой чешуей, расцветка других не изобиловала красками, кроме тускло-серой и буро-зеленой. Здесь нашелся даже ослепительно белый дракон. Но у каждого глаза были все те же: один красный, второй зеленый. Совсем как у Келла.

Два небольших дракончика, размером примерно с сороку, спикировали вниз, чтобы взглянуть на Келла, и возбужденно завизжали, проносясь на перепончатых крылышках в дюйме от его носа. Затем они рванули назад через озеро, чтобы сообщить о своем открытии остальным. Вода вспучилась волнами — это крупные создания поплыли к узкой полоске пляжа, на которой стояли Келл и доктор Вем, а воздух завертелся маленькими вихрями под крыльями тех, кто предпочел полет. И минуты не прошло, как почти все драконы собрались на берегу, стремясь любой ценой оказаться как можно ближе к Келлу. Опасаясь, что его затопчут в толкучке, мальчик попятился, но доктор Вем стиснул его плечи.

— Все в порядке, Келл,— крикнул он.— Им просто любопытно. Они не причинят тебе вреда. Это все твои глаза; драконы озадачены не меньше, чем я!

Четверо больших драконов продолжали дрейфовать в центре озера, словно брезгуя присоединяться к суматошному интересу, окружившему появление Келла. Но вдруг они захлопали своими громадными крыльями и побежали по воде, как гуси-лебеди, силясь поднять свои тяжелые

тела в воздух. Наконец естественный переход от скольжения к полету свершился, и все четверо воспарили, медленными кругами приближаясь к отверстию наверху. Один из драконов повернул голову и взглянул вниз, издав оглушительный, многократно отраженный стенами пещеры зов.

И немедленно драконы, сгрудившиеся вокруг Келла, вздернули головы, ответив на рев собрата какофонией возбужденного уханья и свиста, а потом взмыли в воздух, точно стайка вспугнутых птиц. Не прошло и десяти секунд, как все они исчезли, вылетев в отверстие наверху.

Но один несчастный дракон остался безутешно стоять на каменистом берегу, качая древней кожистой головой из стороны в сторону и скорбно глядя в пустой воздух. Келл сразу узнал его. Это был тот дракон, который сторожил его все утро.

— Почему он не улетел с остальными? — спросил мальчик, внезапно пронзенный острой жалостью к унылому животному.

— Он не может, — ответил доктор Вем. — Олм пришел ко мне больше двух лет назад с порванными перепонками крыла. Я устранил физические повреждения, но он почему-то не желает даже попытаться взлететь. Я начинаю подозревать, что он, возможно, никогда больше не воспользуется крыльями.

— А другие вернутся? — Келл взглянул вверх, на отверстие в скале.

Доктор Вем кивнул:

— Когда будут готовы. Некоторые не возвращаются, но всегда находятся новички, которые займут их места.

— Куда же они полетели? — вслух удивился мальчик.

— На сегодня довольно болтовни, — раздраженно фыркнул доктор. — У меня масса работы. Олм приглядит за тобой, пока ты тут, но должен предупредить: если войдешь в воду, держись ближе к краю. Чем дальше, тем выше температура и концентрация едких минеральных веществ. У середины они доходят до весьма опасного уровня. Так что будь осторожен. Олм даст тебе знать, когда придет пора возвращаться.

Келл подождал, пока доктор Вем, хромая, не скрылся во мраке туннеля, а потом подошел к кромке воды. Скинув ботинки, он сделал несколько шагов. Вода была теплой. Очень теплой. Прошло немало дней с тех пор, как он в последний раз мылся, да и то в полузамерзшей горной реке. По сравнению с тамошней «ванной» здесь было чудесно. Когда вода достигла груди, Келл раскинул руки и просто закачался на поверхности. Вода пощипывала, по коже пробегали приятные колючие мурашки. Кружащиеся, пузырящиеся волны разминали тело, точно пальцы массажиста, постепенно снимая усталость, сменяя ее ощущением бодрости и здоровья. Олм качался рядом с мальчиком, вода стекала с головы рептилии, загадочные глаза моргали, недоразвитые уши шевелились. Затем мощное тело погрузилось и вынырнуло точно под Келлом, играючи подкинув мальчика в воздух. Келл восхищенно завопил. Некоторое время они скакали и резвились, а потом, устав, мальчик вылез из воды и нашел каменный выступ, поросший ковром мягкого мха. Разложив одежду на просушку, он растянулся на выступе и спустя пару минут уже крепко спал.

Долго ли, коротко ли, но в состояние бодрствования мальчика привели энергичные толчки чешуйчатого носа Олма, едва не спихнувшие Келла на землю.

— Эй, полегче! — сонно запротестовал Келл.

Дракон открыл пасть и положил одежду мальчика у его ног. Что ж, яснее ясного. Пора идти.

После того как Келл оделся, Олм повел своего подопечного обратно по туннелю, фыркая и демонстрируя клыки каждый раз, когда Келл пытался исследовать какой-нибудь из часто встречающихся по пути боковых проходов. Подпрыгивающее пятно мутного света, приближавшееся к ним, в какой-то момент превратилось в несущего лампу доктора Вема.

— Где ты был, Келл? Я уже начал подозревать, что что-то не так... — Рассерженный доктор протянул руку и больно стукнул Олма по вытянутой морде.

Дракон угрожающе зашипел и слегка подался к человеку, но затем одумался, развернулся, прижав Келла к

холодной стене туннеля, и скользнул мимо него обратно к озеру.

Доктор Вем не пошевелился.

— Ладно, следуй за мной, Келл, нас ждет работа.

— Какая работа? — спросил мальчик, пытаясь отдышаться после того, как его едва не расплющили.

— Контроль инвазии[1], — раздраженно ответил доктор.

Впереди послышался заунывный рев.

— Я думал, все драконы, кроме Олма, улетели, — заметил Келл.

— Некоторые остались, — буркнул Августас Вем. — Те, кто больше всего нуждается в уходе.

В круглом загоне со слоем зловонной слизи на полу их дожидался жалкого вида дракон. Его клиновидная голова вяло склонилась, а вилообразный упругий хвост уныло мотался из стороны в сторону. Затем дракон начал чесаться. Собственно, он и не прекращал этого занятия. Скрежет когтей о чешую напоминал град, бомбардирующий листву бука.

— Что с ним такое? — спросил мальчик.

— Блохи, — ответил доктор. — Драконьи блохи. Твоя задача — избавить его от них.

— Но как?

— Сперва, — заявил доктор, поднося лампу к висящему на стенном крюке предмету, больше всего похожему на охапку рыбачьих сетей, — надень это.

— Зачем? — Предложение явно привело Келла в недоумение.

— Для защиты, — объяснил Августас Вем.

Невод превратился в пару штанов с отворотами, куртку с длинными рукавами, сапоги и шлем — и все это оказалось связано из прочной проволоки, причем петельки были такие маленькие, что в них не пролезло бы и острие ножа. Келл неохотно натянул страшный наряд. Даже сквозь толстые шерстяные брюки и рубаху тяжелое железное одеяние натирало и царапало кожу. Короче, проволочный костюм доставлял самые неприятные ощущения.

---

[1] Инвазия — проникновение в организм паразитов.

— Это *действительно* необходимо, доктор? — вздохнул мальчик.

Доктор Вем кивнул:

— Ты же хочешь жить, не так ли?

С другого крюка свисали проржавевший нож с широким лезвием, похожий на мачете, и железный лом, загнутый на конце. Доктор Вем снял их и протянул мачете Келлу. Приблизившись к дракону, который следил за всем этим страдальческими потухшими глазами, доктор сказал:

— А теперь готовь нож, Келл!

— Зачем, что будет? — спросил Келл.

— Увидишь.

Подойдя к драконьему боку, доктор вогнал ломик под одну из чешуек, надавил, и та медленно приподнялась. Секунду или две ничего не происходило, а затем нечто размером с жирного таракана — только с гораздо большим количеством ног — стремительно выскочило из-под роговой пластинки.

— Бей ее! — завопил доктор Вем.

И Келл пришлепнул паразита ножом плашмя. Кровь и слизь брызнули из лопнувшего раздутого насекомого.

— Эй,— просиял Келл, довольный собой, глядя на расплющенный трупик,— это не так уж и скверно.

— *Это*, — предупредил доктор Вем, качая головой,— всего лишь мелочь пузатая...

— Мелочь? — не поверил Келл.

Доктор кивнул:

— Крупные блохи дорастают до размеров цыпленка. Ты должен прикончить всех, невзирая на размер. Но учтите, что большие хуже всего. Они свирепы, как маленькие тигры, они коварнее ласки и быстрее зайца. Смотри, чтобы тебя не укусили. Эти дьяволята за пару секунд способны высосать пару пинт крови. А за минуту они осушат тебя до донышка.

Он протянул Келлу железный лом:

— Ну вот, когда закончишь, тебя будет ждать еда. Так что не тяни слишком долго.

И он повернулся, чтобы уйти.

Келл глубоко вздохнул. Не очень-то его радовала перспектива убивать драконьих блох.

— А как я пойму, что закончил? — поинтересовался он. — На этом драконе сотни чешуек — если заглядывать под каждую, я проторчу тут несколько дней.

Доктор Вем обнадеживающе закивал:

— Дракон даст тебе знать, когда работа будет сделана. Просто проверяй те чешуйки, которые он чешет; там как раз самые серьезные зоны поражения. Мелкие блохи драконов не очень беспокоят.

Доктор Вем удалился, а Келл остался стоять в загоне в самом дурном расположении духа. Уборка жидкого помета — дело, конечно, отвратительное, но дерьмо, по крайней мере, всего лишь воняет. А эта работа могла стать опасной для жизни. Стараясь не встречаться со взглядом измучившегося дракона, Келл медленно попятился из пещеры. Но далеко он не ушел. Олм вернулся и загородил собой единственный выход.

Келл трудился, выполняя кошмарное поручение, почти весь день. В большинстве случаев он спугивал некрупных представителей блошиного мира. Из-под приподнятой чешуйки обычно разбегались в разные стороны пять или шесть маленьких паразитов, ища поблизости новое пристанище. Прикончить всех, конечно, у Келла не получалось, но три-четыре блохи все-таки превращались в липкие пятна под его клинком. Да, подумал мальчик, он становится настоящим спецом в этом деле. Кажется, предостережение доктора Вема было несколько преувеличенно. Бояться тут нечего — опасности никакой и дело плевое.

И тут появилась одна из крупных особей.

Создание вырвалось из-под чешуйки с бешеной скоростью совершенно неожиданно для Келла. Сделав огромный прыжок, насекомое вцепилось лапками в левую лодыжку мальчика. Боль пронзила ногу, когда блоха проткнула хоботком кожу, проникая глубоко в плоть. Омерзительная тварь тут же принялась сосать, и Келл почувствовал, как из его тела выкачивают кровь. Он закричал от отвращения и одним ударом тяжелого лома расплющил блоху, превратив ее в бесформенную лепешку.

Справиться с одной из блох, которая доросла до цыпленка, оказалось достаточно трудно, но Келл решил, что по-настоящему влип, когда внезапно наткнулся сразу на пятерых крупных паразитов. Чтобы не тратить зря времени и усилий, Келл приспособился вгонять железный лом сразу под несколько драконьих чешуек, открывая их одним движением руки. И вот теперь на боку дракона он вскрыл целое гнездо блох — дюжина мелких паразитов метнулась в разные стороны. Но после них появились создания пострашнее. Когда Келл увидел их, челюсть его отвисла, и мальчика охватил приступ паники. Эти блохи, казалось, принадлежали к другому виду. По их раздутым тельцам бежали перемежающиеся желтые и черные полосы, а с концов постоянно подрагивающих стебельков пристально смотрели горящие глаза. Паразитов, очевидно, разозлило то, что их потревожили, и мальчику вскоре пришлось убедиться, что разум блох способен потягаться с их яростью. Они направились прямо к нему: спрыгнули на каменный пол и стремительно кинулись к инстинктивно отпрянувшему Келлу. Выход из загона перегораживало туловище дремлющего Олма, а дракон, которого мальчик избавлял от блох, лишь смотрел на него грустными коровьими глазами, не сулящими подмоги. Келл побежал, огибая дракона, надеясь, что, если блохи потеряют его из виду, они, подобно золотым рыбкам, немедленно забудут о нем. Но эти существа были слишком сообразительны. Сердито заверещав, они бросились в погоню. Несясь со всех ног, Келл с трудом держался впереди них. Железный лом остался торчать под драконьей чешуей, а мачете вылетел из руки, когда мальчик на шестом кругу чуть не споткнулся о хвост своего пациента. Он не осмелился снизить темп и подобрать нож. Каждый раз, проносясь мимо Олма, Келл пинал чудище и громко орал, пытаясь разбудить его, но верхняя губа дракона лишь слегка кривилась, а сам он продолжал спокойно похрапывать.

Келл давно заметил прислоненные к задней стене загона две метлы. На бегу мальчик схватил их, по одной в каждую руку, и как безумный принялся молотить блох,

которые свернулись, точно ежи, откатились и снова бросились в атаку. Келл пришел в ужас, когда одна из тварей прыгнула на метлу и начала грызть ее, расщепляя дерево, точно спичку, одновременно взбираясь по черенку к нему. Келл с криком уронил свое оружие и повернулся, чтобы снова кинуться в бегство, но блохи уже обогнули его с тыла и напали со спины. Хоботок одного из паразитов крепко засел в проволочных отворотах. Не будучи в состоянии ни освободиться, ни добраться до тела мальчишки, насекомое заверещало от ярости и разочарования, болтаясь позади своей несостоявшейся жертвы.

А потом, когда самая большая блоха сиганула прямо на голову Келла, какая-то тошнотворная струя метнулась мимо мальчика, попала в насекомое и на лету сбила паразита. Покрытая вязкой жидкостью, шипящей, как кислота, блоха шлепнулась на пол и, жалобно пища, засучила лапками. Секунду спустя она издохла.

Келл повернул голову, чтобы увидеть, откуда ударил поток сжигающей жижи. Ага, ясно, это проснулся Олм и осознал, что его подопечный в опасности. Мальчику пришлось поспешно пригнуть голову, чтобы избежать брызг второго реактивного выброса.

Обезумев от такой неожиданности, оставшиеся блохи ринулись в разные стороны; они взбирались на стены и даже метались по потолку в поисках выхода. Но тщетно. Струи едкой слюны дугами изгибались в воздухе. Шлеп! Шлеп! Шлеп! И вот уже все блохи валяются на полу, мертвые или умирающие, даже та, что повисла на проволочных штанах Келла. Ее тельце съежилось и упало, оставив роговой хоботок бессмысленно болтаться в петле. Келл подобрал мачете и отрубил блошиный носик, с содроганием отбросив его в угол. Затем он взглянул на Олма. Его охранник, казалось, снова уснул, хотя морщинистое веко на этот раз не до конца прикрыло зеленый глаз.

В конце концов зараженного блохами дракона удовлетворили усилия Келла. Он больше не чесался и очевидно воспрянул духом. Качнув головой на длинной шее, чудовище игриво ткнуло мальчика носом, а потом разинуло

пасть. Что-то, сверкнувшее в свете лампы темно-желтым, упало в ладонь Келла. Мальчик ошеломленно уставился на блестящий предмет: это было тяжелое золотое кольцо изящнейшей работы. Келл никогда не видел ничего подобного, даже на пальцах Сагга, старейшины Элбора. Что ж, значит, труды его чего-то да стоили. Мальчик пожал плечами и спрятал кольцо в карман. Он, конечно, расскажет о перстне доктору Вему, хотя как здорово было бы подарить его Лисс. У нее никогда не было ничего хоть сколько-нибудь ценного, что она могла бы назвать своим собственным.

Келл воспользовался возможностью выскользнуть из загона незамеченным, пока Олм и второй дракон беседовали, обмениваясь кивками, похрюкиванием и рычанием. Когда мальчик шагнул в коридор, ведущий к прихожей, сердце его возбужденно подпрыгнуло. Дверь на улицу оказалась приоткрыта. В помещение струился солнечный свет и свежий воздух, показавшийся Келлу восхитительным после тяжелой вони заплесневевших туннелей. Келл едва верил в свою удачу. Мысли его сосредоточились лишь на бегстве. Вдохнув поглубже, он побежал.

Сделал он ровно пять шагов. А потом что-то огромное, мощное и рычащее пронеслось мимо мальчика так быстро, что он уловил лишь размытые полосы движения. Оттолкнутый Келл упал на пол. Потирая ушибленный локоть, он поднял глаза.

Перед открытой дверью припал к земле Олм, глаза дракона сверкали, из разинутой пасти сочилась слюна. В глубине глотки рождалось предостерегающее низкое ворчание. Плечи Келла поникли. Смиренно вздохнув, он зашагал обратно по коридору и постучал в дверь кабинета доктора Вема. Ответа не последовало, но дверь, качнувшись на взвизгнувших петлях, отворилась. Келл заглянул внутрь.

Ох!.. Даже хижина мага в Элборе, со всеми причудливыми колдовскими талисманами и амулетами, не могла сравниться с этой комнатой! По стенам от пола до потолка тянулись крепкие деревянные полки. Большую часть свободного пространства занимали тяжелые столы. Бутыли,

кувшины, глиняные горшки всевозможных форм и размеров беспорядочно громоздились на заляпанных какими-то зельями подставках. Некоторые содержали не поддающиеся опознанию жидкости, другие были наполнены разноцветными порошками, в третьих поблескивал кристаллический осадок или вязкий воск. Келл попытался прочесть блеклые корявые надписи на ярлычках: лютик жгучий, прыщенец, живокость, анион, пихтовое масло, дергач, лакричник, глицерин. Он нахмурился. Кое-что тут явно яды, кое-что — лекарства. Нашлись тут глазные капли, средство от бурчания в животе и ячменный отвар; о многих препаратах Келл никогда не слыхал, но их запахи показались ему до странности знакомыми. Одна секция целиком была заполнена сваленными в беспорядке картонными коробочками с пилюлями и таблетками. На столах и на полу возвышались горы оплетенных бутылей для кислот, кувшинов, железных кадушек и деревянных фляг, наполненных экзотическими химикалиями и снадобьями. Келл осторожно понюхал один из сосудов и моментально отскочил, отплевываясь и задыхаясь.

В конце этой загроможденной комнаты обнаружилась еще одна дверь, ведущая в хорошо освещенный уютный кабинет с изящными резными полочками, уставленными древними книгами, манускриптами, справочниками и переплетенными томами инкунабул[1]. Глиняные таблички с клинописными текстами и изукрашенные иероглифами папирусы висели на стенах рядом с подробнейшими картами Неисследованных Земель. Это была комната ученого. И она произвела на Келла впечатление. Не книгами и не картами, но тарелками и подносами с холодным мясом, сырами, краюхами черного хлеба, пирогами и конфетами, разложенными на центральном столе. Он не ел весь день, а доктор Вем пообещал, что еда будет готова. При виде соблазнительного пиршества у Келла яростно потекли слюнки. Может, пока он ждет, можно попробовать маленький кусочек вон той нежной ветчины или этот ломтик сыру?

---

[1] Инкунабулы *(лат.)* — первые печатные книги. *(Прим. ред.)*

Или даже крылышко цыпленка? И Келл принялся набивать рот едой с дикой страстью изголодавшегося человека, запивая недожеванное огромными глотками крепленого красного вина из украшенных серебром графинов.

Затем дверь распахнулась и в комнату хромая вошел Августас Вем.

Келл с раздувшимися, как у хомяка, щеками обернулся, закашлялся и виновато покраснел.

— Уже начал есть, не так ли, молодой человек? — сухо заметил доктор.

Поскольку рот Келла был полон, он сумел выдавить лишь пару невнятных хрюканий.

— Ну, не важно! — Доктор отмел сомнительный эпизод небрежным взмахом руки. — Это вполне разумно, подпитывать твои силы. У нас есть еще пара дел, которые надо завершить до того, как я сегодня вечером отбуду в Целлюзар...

— Что с тобой, мальчик, ты что, оглох? Да, именно так я и сказал, мы сейчас вырвем дракону зуб!

— Что? — Келл все больше и больше убеждался в том, что Августас Вем полный псих. Нет, точно, доктор сумасшедший!

Мальчик попытался попятиться, но лишь наткнулся на шаткую секцию полок. Горшки покачнулись, угрожая свалиться на пол. Вниз полетели облака пыли.

— Ну, не валяй дурака! — раздраженно ругнулся доктор Вем. — Это небольшая медицинская процедура с минимальным риском. Не знаю, с чего она тебя так встревожила. — Доктор сверился со списком у него в руках. — Так, что еще, что еще? А, ну конечно! Возьми вон тот домкрат у стены, хорошо?

— Домкрат? — повторил Келл, недоуменно оглядываясь.

— Только не говори, что ты не знаешь, что такое «домкрат»! Насколько же отсталой была твоя деревня? — Августас Вем послал небесам невнятное богохульство. — Смотри, вот он, домкрат, видишь, ну, тот, стойка с воротом и шестеренками, ну, то есть вон с теми колесиками с маленькими зубчиками по краям. Даже мало-мальски обра-

зованные общества используют домкраты для поднятия тяжелых грузов... — Доктор тряхнул головой и замолчал, сообразив, что зря тратит слова.

— А, вы имеете в виду эту штуку! — Келл подхватил странное механическое приспособление, прибавив его к свернутому тросу из волокон агавы и большим клещам, которые он уже держал до этого.

— Эту, эту, Келл, — вздохнув, пробурчал доктор. — А теперь еще одно, последнее, и на этом все.

Двигаясь вдоль стеллажа, он остановился напротив полки с рядами узкогорлых бутылочек с ярлычками «СНОТВОРНОЕ». Указательный палец доктора аккуратно пробежал по склянкам.

— Морфин? Настойка опия? Нет... Экстракт лотоса? Возможно... Гашиш? Гм-м-м... боюсь, конопля недостаточно сильна. — Наконец он выбрал маленькую пурпурную бутылочку, потряс ее и поднес ближе к лампе. — Ага, вот оно, эссенция нептуньи. Это должно сработать. — Уже направившись к двери, он повернулся и сказал: — Иди за мной, Келл, это не займет много...

Дракон был большим. *Очень* большим.

У него была громадная пасть.

У него были гигантские зубы.

И ему, очевидно, было очень больно.

— Это всего лишь шум, Келл, — успокоил Августас Вем трясущегося мальчишку после того, как эхо страдальческого рева, устав метаться меж сырых каменных стен, утихло. — Этот дракон добряк. Большинство крупных драконов плотоядные. Их легко узнать. У них вдоль хвостов растут острые шипы, на голове треугольный гребешок, а в пасти большие центральные и боковые резцы; из-за них-то они и выглядят свирепо. А эта особь из вида травоядных. Тебе совершенно не о чем беспокоиться.

— Травоядные — это как? — спросил Келл, прикидывая, есть ли здесь выход, который бы не охранял Олм.

— Разве непонятно? Травоядные — это те, которые едят траву, очень мирный тип драконов. Они вообще не пита-

ются мясом, а уж *тем более* — человеческим. Так что, видишь, беспокоиться действительно не стоит. Что *такого* может случиться?

Келл озабоченно взглянул на ученого. Вот уже второй раз доктор говорит ему, что беспокоиться не надо. И это по-настоящему беспокоит.

Доктор Вем невозмутимо достал из кармана бутылку нептуньи, открутил крышечку, подошел ближе к драконьей морде и вылил половину содержимого пузырька на кончик подрагивающего раздвоенного языка.

— А теперь готовь домкрат, Келл. Он нам понадобится через... — доктор взглянул на карманные часы, — три с половиной минуты.

Они стали ждать.

Через две минуты дракон в первый раз сонно зевнул.

К концу третьей он зевнул второй раз. Движения его замедлились, огромная голова вяло повисла, глаза слипались.

— Быстрее, Келл, — тихо поторопил помощника доктор Вем, — дай мне домкрат!

Теперь доктор стоял так близко к животному, что полы его черного пиджака хлопали на ветру, который рождали подрагивающие драконьи ноздри. Келл шагнул к хозяину и вложил домкрат в руки доктора.

Ровно через три с половиной минуты, впав в состояние, столь близкое ко сну, что от рокочущих похрапываний завибрировали все камни в стенах загона и все косточки в теле Келла, дракон зевнул снова. И когда его массивная пасть открылась, доктор Вем подался вперед и вогнал туда инструмент, после чего торопливо заработал деревянным рычагом на боку, качая его вверх и вниз. Челюсти попытались сомкнуться, но домкрат им этого не позволил, и с каждым нажатием на рычаг храповое колесо поднимало головку устройства все выше, соответственно все больше и больше раздвигая челюсти. Спустя всего несколько секунд полностью уснувший, впавший в коматозное состояние дракон лежал с широко разинутой пастью.

Августас Вем отступил, чтобы полюбоваться своей работой:

— Отлично! С самой трудной частью покончено. Теперь забирайся туда, парень, и найди зуб, который мучает бедняжку.

Дав указания мальчику, доктор важно скрестил на груди руки.

— Что? — слабо застонал не поверивший своим ушам Келл и попятился. — Забраться туда? Вы же не хотите, чтобы я залез ему в пасть, ведь так?

— Ну конечно,— недоуменно ответил доктор. — Тебе надо попасть внутрь, чтобы обмотать веревкой больной зуб. Отсюда этого не сделать, а мне с моей хромой ногой с задачей не справиться. Работы на пять минут, Келл. — Августас Вем говорил самым убедительным тоном. — Смотри, он травоядный, его челюсти надежно закреплены, и он без сознания. Какой вред он может причинить тебе? Ты будешь в полной безопасности. Я гарантирую... — Доктор Вем ободряюще улыбнулся и хлопнул в ладоши. — А теперь быстренько, пока действие нептуньи не закончилось.

Не веря в то, что он на самом деле это делает, Келл осторожно вскарабкался наверх, перевалился через громадные сточенные коренные зубы дракона и встал, слегка горбясь, между открытыми челюстями. Теперь его окружали два длинных изогнутых ряда поблескивающих зубов, каждый из которых легко достал бы до пояса взрослого человека. Похожие на клыки, резцы выступали, точно ждущие крови мечи. Мальчик заглянул в глубину дыхательного горла чудовища и увидел медленно сходящиеся и расходящиеся надгортанники и колышущееся озеро мокроты. Над головой нависал изогнутый свод нёба, с которого спускались нити вязкой капающей слюны. Под ногами Келла неспокойно подергивался мягкий, весь в голубых прожилках, раздвоенный язык дракона. И Келл с ужасом осознал, что стоит у подлинного жерла ада.

Озабоченный голос доктора Вема окликнул его снаружи:

— Келл, мы ищем нижний коренной зуб — он наверняка с трещиной или серьезно раскрошен. Его легко отличить от здоровых.

Келл встряхнулся. Чем скорее он выберется отсюда, тем лучше.

— Какой зуб? — крикнул он.

— Один из широких коренных зубов где-то слева от тебя. Он, вероятнее всего, сгнил или частично обесцветился.

Келл пошел вдоль жуткого ряда. Заметив, что между двумя зубами крепко застряло что-то белое, мальчик наклонился и выдернул предмет, после чего в ужасе швырнул его вниз, доктору.

— Это то, о чем я подумал?

Доктор озадаченно исследовал вещицу.

— Кажется, это обглоданная берцовая кость копытного животного, — предположил он.

— Что? — взвыл Келл.

— Недоеденная кость антилопы.

Келл охнул:

— Но вы же уверяли меня, что дракон травоядный!

— Я... э-э-э, так полагал, — сбивчиво признался доктор Вем.

— Я спускаюсь, я выбираюсь отсюда немедленно! — завопил Келл и начал карабкаться на ближайший зуб. Но как только мальчик повис на нем, зуб покачнулся. Келл приглядelся: от верхушки до полуобнаженного корня эмаль пронзала дыра с зазубренными краями. Внутри почти все сгнило. Келл осторожно вернул зуб в прежнее положение, не встретив особого сопротивления. Тогда, обвив зуб руками, мальчик дернул изо всех сил. Он ясно услышал мягкое чмоканье, когда поврежденный коренной зуб чуть-чуть вылез из своего гнезда. — Доктор! — возбужденно закричал Келл, мгновенно забыв о всех своих тревогах. — Я нашел больной зуб! Он вовсю качается!

— Великолепно! — отозвался доктор Вем. — Мы моментально выдернем его! Лови трос и обматывай его вокруг зуба. — Он кинул мальчику конец веревки.

Келл ловко поймал ее и увидел уже завязанную петлю. Накинув ее на зуб, он затянул аркан потуже.

— Есть! Дергайте!

— Еще рано! — предупредил доктор Вем. — Помоги приподнять зуб, пока я буду тянуть трос. — И он передал мальчику железный ломик.

Келл наполовину загнал его под коренной зуб. Затем, воспользовавшись верхушкой соседнего как точкой опоры, он нажал на другой конец лома.

— Сделал, доктор! Тяните!

Августас Вем поплевал на ладони и потянул.

И почти сразу поврежденный зуб начал вылезать из гнезда под аккомпанемент отвратительного хлюпанья и бульканья.

— Идет! — завопил Келл. — Продолжайте тянуть, доктор!

Под пожелтевшим основанием зуба обнаружились три корня, запачканные кровью и лимфой. Плоть рвалась, превращаясь в ошметки и лохмотья. А потом, когда Келл налег на рычаг всем телом, коренной зуб внезапно освободился и вылетел. Внизу доктор Вем бросился в сторону, спасаясь от едва не рухнувшей ему на голову прогнившей колонны. А наверху, в драконьей челюсти, мощная струя темной крови переполнила пустую дыру и потоком хлынула в глотку. Келл поскользнулся на языке — кровавый поток уже омывал его колени. Напор течения поволок его назад, и дико молотящий руками Келл закричал, в ужасе от того, что сейчас его смоет вниз головой в огромную драконью глотку.

Удушающая тьма сомкнулась вокруг него: мышцы пищевода крепко стиснули тело, выжимая из легких воздух. О том, чтобы пошевелиться, не стоило даже думать, можно было лишь медленно соскальзывать все ниже и ниже по рыхлой глотке дракона...

Доктор Вем с несчастным видом вскинул к небесам руки.

— О господи! — пробормотал он, переминаясь с ноги на ногу и вспоминая, что случилось с Джедом всего неделю назад. — Неужели еще один? — Подпрыгнув, он ухватился за драконьи зубы и подтянулся настолько, чтобы можно было заглянуть в проем раздвинутых челюстей. Опасаясь худшего, он вгляделся в окровавленную пасть. — Ты там, Келл? — позвал доктор упавшим голосом.

— Ну конечно, я здесь! — глухо отозвался мальчик, и эхо подхватило его слова. — А где мне, черт побери, еще быть, как вы думаете? — Затем раздались звуки борьбы. — А теперь, пожалуйста... пожалуйста!.. вытащите меня отсюда.

— Да, — заверил ученика доктор. — Тотчас же. Только закрой глаза и заткни нос!

— Зачем?

— Просто сделай это, Келл! — вслед Августас Вем. — Немедленно!

Келл вдохнул поглубже и подчинился приказу.

Внезапно дракон начал блевать, и прежде чем Келл успел осознать, что происходит, он вылетел из драконьего рта и шлепнулся на пол загона. Мальчик лежал на камнях в разливающейся луже рвоты, моргая, кашляя и пытаясь отдышаться.

— Ты жив! — воскликнул доктор.

— Только не благодаря вам, — буркнул Келл, стирая грязные вонючие потеки с лица и отряхивая волосы.

— Не благодаря мне? — обиделся Августас Вем. — Вы забываетесь, молодой человек; если бы я не заставил дракона отрыгнуть тебя, ты бы к этому времени уже превратился в бесформенный ком, перевариваемый желудочными соками.

Келл мотнул головой.

— Если бы не вы, я бы никогда вообще не оказался в пасти дракона, — горько сказал он, пробуя подняться.

Доктор Вем стиснул руку мальчика и поддержал его.

— Ну... возможно, ты прав, Келл, — угрюмо признал он. — Но мы же не станем ссориться из-за всяких мелких непредвиденных случайностей, не так ли?

Келл закатил глаза.

— Идем, — предложил доктор Вем. — Давай убираться отсюда. Тебе надо умыться и полностью сменить одежду.

Позади них дракон, оправляясь от эффекта нептуньи, сонно взревел и захлопнул челюсти с такой силой, что домкрат превратился в обломок.

— Еще одна маленькая непредвиденная случайность? — спросил Келл.

Доктор Вем выглядел ошеломленным.

— Но я был уверен, что инструмент достаточно прочен! — заявил он. — Ох, просто подумай о том, что могло случиться, если бы дракон проснулся чуть раньше...

Нет, Келлу совершенно не хотелось об этом думать.

Два часа спустя, после того как Келл умылся и переоделся в наряд своего очередного незадачливого предшественника и съел столько горячих сосисок, что решил, что желудок его сейчас лопнет, он вспомнил о кольце. Мальчик вытащил его из кармана своих испорченных штанов и протянул доктору Вему.

— Можешь оставить его себе, Келл, — сказал доктор. — За все эти годы драконы сделали меня богатым человеком, принося подарки в награду за медицинскую помощь, которую я им оказывал. Скоро я уйду в отставку. А пока я хотел бы сосредоточиться на некоторых научных проблемах. Вот почему мне нужен ученик, который унаследовал бы мои здешние обязанности. Ты тоже можешь стать богатым, Келл; богаче, чем ты себе когда-либо представлял. Это прекрасная возможность.

Келл выслушал, но ничего не сказал.

Через двадцать минут мальчик разгуливал взад и вперед по кабинету в экспериментальной модели костюма дракона, которую доктор Вем вытащил из старого сундука.

Имитация была не слишком убедительной. Треснувшее зеркало в полный рост неумолимо отражало нелепый вид мальчишки. Костюм состоял из пары крыльев, привязанных к рукам; концы крыльев волочились по полу; наряд дополняли трехпалые сапоги, снабженные длинными когтями, камзол из цельного куска ткани, расшитый блестящими чешуйками, и маска-морда с красным гребешком.

— И зачем я это натянул? — поинтересовался Келл, чувствуя себя совершенно по-идиотски.

Доктор спокойно вздохнул.

— Я просто хочу, чтобы ты походил так возле загона Ярба, — объяснил он.

О Ярбе Келл уже кое-что слышал. Чуть раньше доктор Вем проговорился, что этот дракон легко поддается переменам настроения и обладает очень вспыльчивым нравом.

— Но зачем? — настаивал на ответе Келл.

— Мне хотелось бы, чтобы тебе удалось выманить его из загона. Он не высовывал носа из пещеры по крайней мере пять дней, и я уже беспокоюсь. Вот я и подумал, что, если он увидит прохаживающуюся мимо драконихи, он, может, заинтересуется и выйдет.

— Драконихи? — Келл сорвал маску. — Предполагается, что в этом я выгляжу как дама?

— Ну, для другого дракона — да...

— И когда вы увидите, что Ярб заинтересовался... — Глаза Келла расширились. — То есть он может захотеть?..

— В общем и целом идея состоит именно в этом, — подтвердил доктор.

Келл развернулся и опять наткнулся на полки. Сверху полетели бутылки.

— Нет! Я отказываюсь! Вы еще безумнее, чем я предполагал.

Августас Вем с напыщенным видом неодобрительно поцокал языком:

— В этом сейчас нет нужды, Келл. И тебе не нужно беспокоиться. Опасности никакой. Как только Ярб высунет голову, я его оглушу вот этим... — Доктор поднял тяжелую деревянную дубинку, утыканную свинцовыми гвоздями.

— А что, если вы промахнетесь? — простонал Келл.

— Промахнусь? — фыркнул доктор Вем. — Я промахнусь? Ха-ха, как смешно. Чушь! Я не промахнусь. Все пройдет как по маслу. Но даже если я промахнусь, ты ведь умеешь бегать, не так ли?

Бегать Келл умел. И на этот раз, даже стесненный драконьим костюмом, оказался быстрее Олма. Чуть быстрее. Он добрался до своей комнаты и захлопнул за собой дверь за секунду до того, как разучившийся летать дракон врезался в прочный косяк. Дверь содрогнулась от удара, но выдержала. Олм шлепнулся на задницу и стал ждать.

Доктор Вем появился через несколько минут. Он взвесил ситуацию, бросил нетерпеливый взгляд на карманные часы и постучал в дверь:

— Келл! Можно с тобой поговорить?

— Я не открою, — предупредил мальчик.

— Ладно, я понимаю — и не настаиваю. Мы обсудим ситуацию с Ярбом, когда я вернусь. Меньше чем через час я отправляюсь в Целлюзар, но мое отсутствие продлится не больше двух дней. С тобой все будет в порядке. Я оставлю еду на столике на колесиках здесь, в коридоре. — Он взглянул на дракона. — Олм за тобой присмотрит.

— Угу.

Келл знал, что дракон не выпустит его из виду.

Он сидел, вслушиваясь терпеливо, дожидаясь, когда за Августасом Вемом захлопнется наконец передняя дверь. И когда по дому пронеслось отчетливое эхо стука, сопровождаемое клацаньем тяжелой связки ключей доктора и скрежетом трех замков, Келл больше не смог сдерживаться. Он вытащил из кармана полупустую бутылочку с ярлычком «Эссенция нептуньи», которую стащил из-под носа доктора Вема, когда специально наткнулся на полки в кабинете. Крепко сжимая в кулаке склянку, он заплясал по комнате. Распирающая его радость вырвалась наружу звонким смехом.

Келл подождал еще немного, затем открыл дверь и шагнул в коридор. Олм немедленно поднялся, оказавшись перед парадной дверью. Из глотки дракона вырвалось негромкое предостерегающее рычание, шея выгнулась, а расправившиеся крылья затрепетали. Келл пошел прямо на него и протянул левую руку, будто бы собираясь притронуться к двери. Голова Олма немедленно метнулась вперед, и челюсти дракона не больно, но крепко стиснули запястье Келла. Пузырек с нептуньей мальчик держал наготове в другой руке. Отколупнув пробку большим пальцем, он выплеснул содержимое склянки в драконью пасть, между зубов. Раздалось бульканье побежавшей по горлу жидкости. Келл смотрел и ждал. Дракон слизнул с губ пузыри пены. Глаза его остекленели, он бессмысленно за-

моргал. Затем голова поникла, и сжимающая руку мальчика хватка ослабла. Лапы дракона разъехались, и он шлепнулся на брюхо. Меньше чем через две минуты он уже был без сознания и мерно похрапывал. Келл похлопал по бородавчатой, украшенной гребнем голове Олма и стряхнул последние капли из бутылочки на подрагивающий драконий язык.

После этого мальчик посмотрел вверх. Над входной дверью на высоте около восьми футов располагалась фрамуга — так до нее не достать, но, если взобраться на спину спящего дракона, можно дотянуться до края. Стекло прорезала большая трещина, — значит, оно легко расколется. Келл подтянулся и ударил кулаком по пыльной поверхности стекла, которое перестало быть прозрачным. Стекло выпало наружу и со звоном разбилось о брусчатку. Глубоко вдохнув, мальчик протиснулся в пустой проем и спрыгнул на улицу. Он снаружи! Он свободен!

Но не успел он еще кинуться бежать без оглядки, как в душу его вонзилась острая игла жалости, а в голову невольно пришел вопрос: правильно ли он поступает, возвращаясь к ненависти и недоверию, которые ждут его в мире людей? А драконы? Как же они? Он уже начал чувствовать растущую привязанность к ним и понимание, невыразимое словами. Всё и все, кроме Лисс, с чем и с кем он сталкивался в своей короткой жизни, казалось ему чужим. А в компании драконов Келл больше не ощущал себя изгоем. Наконец-то он нашел свое место. Как глупо будет взять и бросить все это.

Он взглянул на фрамугу. Забраться назад несложно. Если ухватиться за сбегающий по стене плющ и поставить одну ногу на дверной молоточек...

Тяжелая рука стиснула его плечо, и слишком знакомый голос взревел:

— На ловца и зверь бежит, парни! Чтоб мне провалиться, если это не тот мальчишка, которого мы ищем!

Сердце Келла упало. Это был Тулло. И не один. Его сопровождали двое небритых оборванцев. Все трое были настолько пьяны, что с трудом держались на ногах. Но

пальцы Тулло впивались в мальчика, точно железные. Верзила рыгнул:

— Теперь нам не придется вламываться, хлопот меньше, так, парни? — Небритое лицо прижалось почти вплотную к щеке Келла. — Я тут прикинул, что продешевил, продав тебя доктору Вему. Мальчишка с драконьими глазами — потому что они у тебя драконьи, ага? — в этой части мира кой-какими типами ценится подороже.

Келл принялся яростно извиваться и лягаться, пытаясь вырваться. Но Тулло лишь ухмыльнулся и стиснул его плечо еще крепче:

— У меня есть покупатель, который выложит кругленькую сумму за щенка, награжденного природой одним красным и одним зеленым глазом!

Больше Келл ничего не помнил. Что-то сильно ударило его по затылку. В черепе взорвались болезненные звезды, и он рухнул на булыжники. Наверное, Келл потерял сознание, поскольку, придя в себя, он обнаружил, что его связали и с засунутым в рот кляпом запихнули в грязный мешок. Затем, в чем он был уверен, куда-то отнесли и надолго оставили одного. Голова ныла, волосы слиплись от засохшей крови. Мальчика тошнило, и он отключился снова.

Позже его вывели из бесчувствия голоса. Он узнал только Тулло. Люди спорили, по-видимому из-за денег. Келл услышал, как его имя упомянули несколько раз. Стукались бутылки, звенели стаканы, гремели проклятия и грубый смех. Сколько еще пройдет времени, прежде чем они договорятся?

Боль в голове немного утихла, и теперь мальчик различал тусклый свет, просачивающийся сквозь прутья ржавой железной решетки. Он увидел, что лежит на грязной соломе, в подвале. Связанные руки и ноги онемели и почти ничего не чувствовали. Он попытался закричать, но из заткнутого рта вырвался лишь глухой мучительный стон.

Келл балансировал на краю сна и бодрствования, когда резкий скрежет выдернул его из забытья. Он вскинул глаза. Несколько маленьких фигурок, черными силуэтами вырисовывающихся на фоне предрассветного неба, пытались

протиснуться между прутьев. Крысы! Это наверняка крысы! Келл пришел в ужас. Струйки холодного пота заструились по его лбу. Он знал, что эти хищные твари не бегают поодиночке. Две-три быстро превратятся в жадную стаю. Они за минуты раздерут его в клочья! Какая ужасная смерть, а он ничего не сможет поделать! Вот одна из фигурок уже проникла внутрь и шлепнулась на пол погреба. Нет, не шлепнулась, а раскинула пару маленьких крылышек и плавно спорхнула. За ней последовала другая. Келл услышал знакомый свист и поцокиванье созданий, взирающих на него горящими красными и зелеными глазами. Это драконы! Они пришли, чтобы спасти его.

Спустя считаные секунды дракончики перегрызли веревки на запястьях и лодыжках мальчика. Судороги свели затекшие конечности, и Келл застонал от боли, но, зная, что время не ждет, он пополз к лестнице из подвала, добрался до нее, вцепился в перила и, отчаянно пытаясь не шуметь, начал, подтягиваясь, втаскивать себя вверх — ступенька за ступенькой. Застоявшаяся кровь снова потекла как прежде, силы постепенно возвращались к мальчику. Маленькие дракончики вились вокруг него, поторапливая Келла тихим писком.

Наверху оказалась деревянная дверь. Из комнаты в подвал сквозь щели в грубых досках пробивались лучи света. Келл прижал глаз к одному такому неровному стыку. В креслах, стоящих вокруг стола, уставленного пустыми бутылками, развалились четверо мужчин. Тулло и какой-то лысый, оба пьяные вдрызг, подсчитывали, то и дело сбиваясь, монеты, большой грудой валяющиеся на залитом вином столе. Остальные двое, кажется, уже отключились. Единственным источником света служила шипящая масляная лампа. Углы комнаты терялись в густых тенях. С величайшей осторожностью Келл приоткрыл деревянную створку ровно настолько, чтобы протиснуться, а затем, с колотящимся о ребра сердцем, бесшумно пополз на четвереньках к другой незатворенной двери, ведущей на улицу.

Келл пересек уже половину комнаты, когда его рука что-то задела. Отброшенная винная бутылка. Мальчик по-

пытался удержать ее, но бутыль уже катилась по полу, дребезжа и позвякивая.

— Чё? — прохрипел Тулло, отрываясь от счета. — Эй, чё за шум?

Бутылка остановилась возле одного из залянанных грязью сапог Тулло. Он недоуменно взглянул вниз, потом вверх и уставился прямо в глаза Келла.

— Хватай его, Бланг! — взвыл он. — Мальчишка вырвался! Не дай ему смыться!

Тулло вскочил, перевернув стол. Монеты и бутылки со звоном посыпались на пол, а спящие свалились на пол, когда их кресла опрокинулись. Лампа разбилась о пол и погасла. Тьма поглотила комнату. Келл вскочил и кинулся к дверям, увильнув от раскинутых рук Бланта. Создав воздушный вихрь, маленькие дракончики вылетели за ним. На улице, где только-только занималась заря, Келл помчался со всех ног — помчался так, словно сама его жизнь зависела от скорости. А вслед ему неслись проклятия и брань Тулло, Бланта и остальных. Грохот сапог кинувшихся в погоню оборванцев наполнил проулок.

Келл знал, что далеко ему не убежать. Ноги его подгибались, а морозный воздух обжигал легкие, точно жидкий огонь. Но может быть, он найдет, где спрятаться. Позади мальчика маленькие дракончики делали все, что могли, чтобы задержать преследователей: вились перед их физиономиями, царапали носы коготками и впивались в ягодицы мелкими острыми зубками, раздосадованно взвизгивая и вереща. Мужчины ругались, сердито махали руками и пытались отбиться от своих шустрых и упорных мучителей.

Из последних сил Келл перевалился через низкую каменную стену и густую живую изгородь. Он попал на заброшенное кладбище. Древние полуразвалившиеся надгробия, увенчанные безобразными горгульями, под немыслимыми углами клонились к заросшей сорняками черной земле. Мальчик споткнулся о просевшую плиту, повалился на землю, ободрав колени, и с трудом поднялся. С упавшим сердцем Келл понял, что укрыться тут негде. А преследователи уже лезли на погост, сминая кусты.

И вдруг гигантская тень накрыла Келла — что-то спускалось к нему с высоты, звучно хлопая кожистыми крыльями. Пара трехпалых когтистых лап ухватила его за ворот куртки, готовясь поднять мальчика в воздух. Келл чувствовал нависшее над ним туловище одного из крупных драконов. А потом знакомая бородавчатая голова с гребнем опустилась на чешуйчатой шее, чтобы взглянуть на него. Пасть дракона распахнулась, изображая улыбку. Олм! Он все-таки вспомнил, для чего ему крылья и как с ними управляться!

Когда ноги Келла оторвались от земли, со стороны изгороди раздался ошеломленный крик, а за ним — топот бегущих ног. Тулло завопил режущим уши голосом:

— Так легко тебе от меня не уйти, мальчишка!

Келл извернулся в драконьих когтях и, к ужасу своему, увидел, что Тулло мертвой хваткой вцепился в хвост Олма и повис на нем, а дракон изо всех сил пытается набрать высоту. Когда они пересекали красивое озерцо, ноги Келла, благодаря отчаянному хлопанью широких кожистых крыльев Олма, болтались над самыми чашечками белых лилий, а вот драконий хвост, повисший под непомерным весом Тулло, волочился по ледяной воде, оставляя за собой борозду веселых блестящих пузырей.

Негодяй, похитивший Келла, промок насквозь. Он отплевывался и кашлял, едва не захлебываясь, но не разжимал рук. А когда они покинули кладбищенский участок и направились к ближайшим домам, Тулло принялся брыкаться и дергаться так яростно, что мешал дракону лететь прямо. Олм нарезал зигзаги, туда-сюда, туда-сюда, и казалось, столкновение неизбежно. Келл зажмурился, но, закрутив воздух гигантскими воронками, дракон перемахнул через дом, не позволив мальчику врезаться в крышу. Тулло то и дело взвизгивал, натыкаясь на печные трубы, обломки которых летели вниз, на пустынную улицу. Стайка голубей, устроившихся на ночлег под прядями плюща, в панике взмыла в воздух — лишь потерянные перышки закружились в нисходящем потоке.

Тулло соскальзывал, но все еще цеплялся, воя и подтягивая колени к подбородку, чтобы избежать смертельно

острых стрелок флюгеров. Келл, оглянувшись, не сумел сдержать ухмылки при виде белого от ужаса лица Тулло.

Теперь мальчик узнал окрестности. Они направлялись назад, к дому доктора Вема. Олм спустился и полетел вдоль длинной узкой аллеи, где Тулло ждало выстиранное белье, развешанное на натянутых между домами веревках. Он запутывался в сырых простынях, к нему липли мокрые рубахи и носки, с которых капало, и все эти тряпки волочились за ударяющимся обо все телом, точно саван призрака. Одна из веревок крепко зацепилась за пряжку его ремня. Она натянулась тетивой лука и лопнула, оторвав Тулло от хвоста дракона и оставив его беспомощно барахтаться в груде белья под несущиеся из распахивающихся окон крики разгневанных женщин.

Крылья Олма забили сильнее. Келл, словно загипнотизированный, смотрел, как перед ними вырастает высокий холм. В любую секунду дракон может начать набирать высоту, чтобы спикировать через отверстие на вершине горы к вулканическому озеру. Келл вновь окажется там, где все началось.

Вдруг раздался жуткий звук, и сердце мальчика сковал лютый холод. Его ушей достиг треск ткани, безжалостный и непрекращающийся «тырк-тырк-тырк» лопающихся ниток. Ворот его рубашки, зажатый в когтях Олма, отрывался. Материал не выдерживал его веса!

— Нет! — закричал Келл, когда ворот и блуза окончательно расстались друг с другом. Он, совершенно беспомощный, падал, падал сквозь холодный воздух, падал вниз, на крышу дома доктора Августаса Вема, и упал...

...прямехонько в дымоход.

Вопя от бессилия, Келл летел по черной закопченной трубе, ударяясь боками о слегка искривленные стенки, поднимая тучи годами скапливавшейся здесь сажи и угольной пыли, пока, капляя и задыхаясь, не растянулся в полный рост на коврике у камина в кабинете доктора Вема.

В этот самый момент, ни раньше, ни позже, открылась дверь и на пороге появился доктор.

— Что, черт побери, тут творится, Келл?! — спросил он тоном, в котором гнев и недоверие образовали взрывоопасную смесь.

— Я могу объяснить, доктор, — пролепетал, заикаясь, Келл, потирая глаза и чихая.

— Надеюсь, что можешь, молодой человек! Не это я ожидал увидеть, вернувшись домой после того, как забрал свою племянницу из колледжа. Если хочешь продолжать работать у меня, тебе придется поднапрячь свое воображение. Да, придется!

Келл глупо моргал, зрение постепенно возвращалось к нему. Рядом с доктором Вемом стояла прелестная девочка с длинными черными волосами, лучистыми голубыми глазами, гладкой как атлас кожей и ярко-красными губками.

— Вашу племянницу, сэр? — Пульс Келла зачастил, сердце его таяло.

— Да, — раздраженно ответил доктор. — Люсинда всегда приезжает домой на полсеместра. А теперь, Келл, объясняй. И надеюсь, у тебя это получится!

Люсинда сочувственно стиснула руку доктора Вема, а потом застенчиво, но ободряюще улыбнулась Келлу:

— О, я уверена, у него получится, дядюшка. А что до грязи, так это ничего. Ты иди приляг, отдохни. А мы все быстренько уберем, да, Келл?

Лишившийся дара речи Келл кивнул. Душа его парила от открывающихся перед ним возможностей. Теперь он больше, чем прежде, был уверен, что не очень-то жаждет покинуть Дом Драконов. Честно говоря, несмотря на все недавние злоключения и неприятности, мальчик с нетерпением ожидал продолжения своего ученичества.

МОЛЛИ БРАУН

Правила помолвки

Молли Браун (Molly Brown) родилась в Чикаго, сейчас живет в Лондоне. Один из ее наиболее известных романов — историческая мистерия «Приглашение на похороны» *(Invitation to a Funeral, 1995). Изучение материалов для этой книги сделало писательницу своего рода экспертом по эпохе английской Реставрации (XVII в.) и позволило ей разработать сайт по этой теме. Молли Браун — автор книги по телевизионному сериалу* «Взломщик» *(Cracker)* — «Сказать, что люблю тебя» *(To Say I Love You). Сейчас на киностудии «Twentieth Century Fox» снимается фильм по ее рассказу* «Не вовремя» *(Bad Timing), удостоенному награды.*

Руэлла, пятнадцатилетняя королева Таналора, ссутулившись сидела на своем троне; гном в шутовском одеянии массировал ее босые ступни. Вдруг в тронном зале появился герольд.

— Ваше величество, — проговорил он, склонив голову и опускаясь перед королевой на колени.

— А? — Руэлла лениво подняла голову.

— Посланник из королевства Хала ожидает вашей милости.

— Работа, работа, работа! — Руэлла вздохнула. — Ладно, пришли его сюда.

В зал стремительно вошел юноша. Его черные волосы были длинными и гладкими, глаза — большими и темными, а ноги незнакомца обтягивало чрезвычайно узкое трико. Молодой человек преклонил перед королевой колени. Она быстренько выпрямилась, втянула живот и пинком отбросила гнома.

— Поднимитесь, сэр, — сказала Руэлла, одновременно засовывая ножки в инкрустированные самоцветами тапочки. — Добро пожаловать в наше прекрасное королевство.

— Ваше королевство воистину прекрасно, леди, но я должен сказать, не опасаясь, что мне станут возражать, что великолепие вашего королевства не в силах сравниться с красотой его королевы.

Руэлла слегка склонила головку и прижала пальчик к губам, рассматривая молодого посланника из-под полуприкрытых век.

— Что я могу сделать для вас?

— Я принес вам радостную весть. Мой господин, король Халы, прослышав о вашей восхитительной красоте и уме...

— ...хочет, чтобы я вышла замуж за его сына, — перебила Руэлла, закатывая глаза. — Я получаю подобные предложения каждый день.

— Не сочтите за оскорбление, ваше величество, если я посмею поправить вас: король Халы не хочет, чтобы вы вышли замуж за его сына. Он сам просит вашей руки.

— Вы говорите о короле Рейнарде из Халы, правильно?

— Да, миледи.

— О семидесятипятилетнем старикашке без зубов, у которого воняет изо рта, а волосы растут исключительно из ушей?

— Ваше описание жестоко, но я не могу отрицать его точности.

— И это вы называете радостной вестью? Ладно, передайте вашему королю вот что. Я не пойду за него, потому что, во-первых, он безобразная развалина и, во-вторых... Впрочем, с таким «во-первых» зачем еще и «во-вторых»?

— Миледи, — вестник взглянул ей в глаза, — я советую вам подумать как следует. Мой король, Рейнард из Халы, безмерно богат; его богатства вашему бедному крошечному королевству и не снились. Он превратит вашу жизнь в роскошную сказку, состоящую лишь из наслаждений.

— Позвольте предположить, что будет следующим. Все, что мне придется сделать, — это передать ему бразды правления моим крошечным королевством?

Посланец пожал плечами:

— И еще провести с ним ночь — по крайней мере один раз.

Руэлла заливисто расхохоталась. Поразительно, как она могла находить этого идиота привлекательным?

— Убирайся с глаз моих! — велела она.

— Еще одно, миледи, — проговорил гонец. — Я должен предупредить вас, что в случае отказа ваше королевство и даже ваша прекрасная милость могут быть уничтожены.

— Пари держу, ты говоришь это всем девушкам.

Посланник понизил голос:

— Должен вам сказать, что мой господин — повелитель Тьмы.

— Чего-чего?

— Он обладает властью над вещами, которые не принадлежат этому миру.

Руэлла скорчила гримаску:

— Я впечатлена.

— Предупреждаю вас, леди, мой отец вряд ли отнесется благосклонно к вашему отказу.

Руэлла приподняла бровь. Он сказал «мой отец»... Значит, это принц Мерриллер, наследник Хальского трона и всего несметного богатства. Нет, все-таки он интересный мужчина.

— Молю простить меня за опрометчивую речь, принц Мерриллер, но я не знала, кто вы. Я имею в виду, девушке делают предложения не каждый день...

— Мне казалось, вы подчеркнули, что каждый, — перебил ее принц.

— Я хотела сказать, что исходят они не от столь достойных людей, как ваш отец.

Хлопнув в ладоши, она подозвала двух стражников:

— Проводите принца Мерриллера в самые лучшие покои. Он некоторое время будет нашим гостем.

— Но... — запротестовал было принц, однако стражники быстро утащили его прочь.

В пещере глубоко-глубоко под дворцом над котлом сгорбилась странная фигура в плаще с капюшоном. Когда вошла Руэлла, она подняла глаза.

— Я тут проверяю твоего последнего поклонника, — проскрипел голос из-под капюшона.

— Вот как?

— Вот так. — Существо вылило в котелок какую-то ядовито-зеленую жидкость из пузырька, медленно перемешало, а затем погрузило бесплотный палец в булькающее варево. — Еще чуть-чуть соли, — пробормотало оно.

Руэлла потянулась за стоящей на полке коробочкой.

— Так что же? — спросила она, передавая соль.

Фигура в капюшоне бросила щепотку соли через плечо.

— С каких это пор королеву-всезнайку интересует то, что я могу сказать?

Руэлла закатила глаза:

— Ну давай, не тяни.

Еще один палец нырнул в кипящую жидкость.

— Отлично, — заявило существо, сняло котел с огня и направилось к полкам с коллекцией пыльных кувшинов, снабженных ярлычками «ЯД».

— Король Рейнард начал с маленького королевства, не больше нашего. Затем он женился на принцессе из соседней страны. После свадьбы ее отец скоропостижно скончался при загадочных обстоятельствах. Через неделю умерла и новая жена Рейнарда, коронованная королева, тоже при загадочных обстоятельствах. Затем он женился на другой соседней принцессе, которая вскоре умерла при... догадываешься?

Руэлла скорчила рожу:

— Загадочных обстоятельствах?

Фигура в капюшоне кивнула:

— Он проделывал это пять раз. За пять женитьб — ни одна из которых не длилась больше года — он ухитрился впятеро увеличить свои земли, свою власть и свои сокровища. — Существо сняло с полки кувшин с дохлыми жабами и теперь бережно поглаживало стекло. — Так что ты думаешь, он хочет от тебя?

Руэлла рассмеялась.

— Ну вот, видишь, тебе неинтересно, — пробурчала фигура, ставя кувшин на место.

— Нет, — возразила Руэлла, хихикая. — Просто все это я уже знала. Я месяцы изучала этого Рейнарда и думаю,

пришло время, чтобы кто-то победил его в его же собственной игре, а? Не в первый ведь раз семидесятипятилетний старик умрет в первую брачную ночь. Никто ничего не заподозрит, а Хала о-о-очень богата. — Она наклонила головку и облизала губы. — Как ты думаешь, кто, собственно, послал ему мой портрет, а?

— Тебе не следовало делать ничего такого, не посоветовавшись вначале со мной, — неодобрительно проскрежетала фигура. — Некоторые из тамошних колдунов могут быть опасны.

Королева небрежно махнула рукой:

— Все, что могут они, я могу лучше. Смотри.

Она встала посреди пещеры и сосредоточилась. Столб пламени сорвался с пальцев девушки.

— Ну как?

Существо откинуло капюшон и почесало голый череп, на котором копошились черви.

— Неплохой фокус для вечеринки. Того и гляди, ты вытащишь из шляпы кролика.

— А как насчет этого?

Руэлла закрыла глаза и произнесла нараспев несколько странных гортанных слогов. Земля под ногами затряслась. На каменных стенах пещеры выступила кровь. Раздался плач, а потом — яростный рев. Воздух вокруг них закружился красным туманом, запахло серой. Руэлла открыла глаза. Пещера раскололась надвое, земля разверзлась, изрыгнув своих мертвецов. Огнедышащая Руэлла выросла до невероятных размеров. Легион трупов, солдат Тьмы, готовых умирать и умирать, раз за разом, склонились перед ней в поклоне.

— Уже лучше, — проскрежетала фигура, натягивая капюшон.

Принц Мерриллер ворвался в тронный зал.

— Вы проиграли, леди! — крикнул он.

Единым жестом, не оглядываясь на него, королева, ее стражники и все придворные прижали пальцы к губам и прошипели: «Тсс». Никто не оторвал глаз от помоста, воз-

двигнутого в центре комнаты, все напряженно вслушивались в речь актеров, разыгрывающих представление. Охранник крепко зажал рот принца рукой.

На сцене актер и актриса напряженно смотрели друг на друга.

— Так в чем же дело? — произнес актер. — Известно вам, свобода мне нужна.

— Мне ведомо сие, ведь я сама отважилась на это, свободу в отношениях ценя,— подала реплику актриса.— Но горе мне, о, трижды горе! Боюсь, под сердцем я ношу ребенка.

Прозвучал драматический музыкальный аккорд. Актер с ошеломленным видом повернулся к публике.

Окружающие помост свечи потухли, погрузив актеров во тьму. Хор затянул: «Крестьяне, всем нужны хорошие крестьяне...»[1]

Принц вырвался из рук державшего его стражника:

— Руэлла!

Королева пожала плечами и, кажется слегка смутившись, сказала:

— Знаю, это вздор. Но такой увлекательный...

— Ты не сможешь больше держать меня тут в плену,— заявил принц Мерриллер, выпятив подбородок.

— Почему же? — спросила она, зевая.

— Пока твои охранники пялятся на эту... — он ткнул пальцем в сторону сцены,— бессмысленную чушь, я пробрался на крышу замка. Оттуда я увидел приближающуюся армию Халы, мой отец, король, ведет их, чтобы вызволить меня.

Королева возбужденно подпрыгнула:

— Король Рейнард едет сюда? Чудесно!

— Когда я расскажу ему все, что видел и слышал, расскажу, как ты держала меня здесь против моей воли, как ты скакала с восставшими скелетами...

---

[1] Намек на «мыльную оперу», телесериал «Люди по соседству» *(The People Next Door, 1989)*, в котором звучит песня со следующими словами: «Соседи, всем нужны хорошие соседи. Тогда каждое утро тебя окатывает волна дружелюбия и день становится лучше».

— Ох, заткнись! — Она шагнула к нему и понизила голос так, чтобы слышать ее мог только принц. — Как ты думаешь, кому он поверит? Тебе? Или мне, когда я сообщу ему, как ты среди ночи прокрался в мои покои и поклялся, что убьешь своего отца, захватишь его трон и сам женишься на мне?

Глаза принца выпучились так, что едва не вывалились из глазниц. Он затрясся и забормотал:

— Но я же не... Я никогда...

Руэлла подмигнула ему и легонько пихнула локтем в бок:

— Я буду молчать, если и ты промолчишь.

Хор все еще продолжал петь партию из «Крестьян».

— Эй, парни, да замолчите вы наконец?! — (Они замолчали.) — А ты можешь завтра убираться. Я выхожу замуж!

Натягивая свадебное платье, Руэлла хихикнула. Она уже думала о своем втором муже. И о третьем. Но *им* придется подождать продолжения.

У. Ш. ГИЛБЕРТ

Триумф порока

Удивительно, как легко читающая публика забыла, что Уильям Швенк Гилберт (W. S. Gilbert, 1836—1911) — либреттист, «половинка» дуэта Гилберт и Салливан[1] *— был одним из лучших писателей-юмористов конца позапрошлого века. Совместно с Салливаном им написаны несколько оперетт — легкие фантазии:* «Феспид» *(Thespis, 1871),* «Колдун» *(The Sorcerer, 1877),* «Иоланта» *(Iolanthe, 1882) и* «Раддигор» *(Ruddigore, 1887). Начиная с 1863 года Гилберт сочинял остроумные поэмы, баллады и статьи для викторианской прессы. Он стал постоянным сотрудником журнала* «Фан» *(Fun), где печатался одновременно с Амброзом Бирсом, рассказ которого вы тоже найдете в этой книге. Он создал ряд пьес, многие из которых были комическими фантазиями, включая первую, под названием* «Далкамара, или Маленькая уточка и Великий шарлатан» *(Dulcamara, or The Little Duck and the Great Quack, 1866). Гилберт всегда ценил свои рассказы больше оперетт, и нам должно быть стыдно, что мы выпустили их из виду. Большинство из этих рассказов выходили отдельными изданиями в виде дешевых покетов или печатались в журналах, а единственным сборником, опубликованным при жизни писателя, стала книга* «Фея для Фоггерти и другие рассказы» *(Foggerty's Fairy and Other Tales, 1890). Питер Хэйнинг (Peter Haining) проделал большую работу, воскресив многие из этих историй в* «Утерянных историях У. Ш. Гилберта» *(The Lost Stories of W. S. Gilbert, 1982). Из этой книги позаимствована и та, которую вы сейчас прочтете.*

Из всех родовитых девушек Таклешлоссштейна богатейшей, если речь идет об очаровании, и беднейшей, коли вопрос в деньгах, была леди Берта фон Клауффенбах. Ее батюшка, барон, действительно являлся счастливым владельцем большого замка на вершине отвесной скалы, но его имение, заложенное и перезаложенное,

---

[1] Создатели прелестных оперетт, восхищавших весь мир: «Терпение», «Детский передник», «Микадо».

увязло в долгах — без малейшей возможности освободиться от влияния местного ростовщика. Да будет позволено мне сказать, что даже в случае невероятно счастливого стечения обстоятельств сумма, вырученная от продажи замка и отвесной скалы, не превысила бы ста восьмидесяти фунтов стерлингов,— а это говорит само за себя. Так что барон фон Клауффенбах даже не пытался казаться богатым.

Отвесная скала была необычайно бесплодна и бесполезна даже для скалы, а барон — поразительно беден даже для барона, так что у него, естественно, постоянно возникал вопрос, каким способом добывать себе хлеб, молоко и кислую капусту в количестве, достаточном для удовлетворения естественных потребностей, своих и своей прелестной подрастающей дочурки Берты. Теперь нам понятно, почему бедный старый джентльмен каждое утро опускал подъемный мост и покидал свое поместье, чтобы занять стул писца в конторе местного ростовщика, о котором я уже упоминал. Короче говоря, барон фон Клауффенбах служил обычным клерком.

Но рассказ пойдет не столько о бароне фон Клауффенбахе, сколько о его прекрасной дочери Берте. Я должен — нет, я просто обязан описать ее! Она была великолепным представителем рода человеческого, и его лучшей половины в частности. Высокая и статная. Рост — шесть футов[1]. Лицо, каким гордилась бы и королева, обрамляли прелестные белокурые локоны; большие голубые глаза, маленький ротик (с пухлыми сжатыми губками) и нос, если придерживаться обычного для тех времен языка коммерции, были вне всякой конкуренции. Фигурой Берта обладала такой, что ее хотелось воспевать в гимнах. Ослепительная белоснежная кожа придавала ей вид мраморной статуи, но если бы вы коснулись ее тела, то удивились бы тому, какое оно податливое и упругое. У Берты имелся лишь один недостаток — поразительное тщеславие и самомнение о своей внешности: она презирала любого, будь то мужчина или

[1] 180 см.

женщина, кто оказывался ниже ее ростом. По ней сохли все юные клерки в Таклешлоссштейне; но юные клерки Таклешлоссштейна были для леди Берты что моншкара для великанши. Они докучали ей, но не стоили даже того, чтобы их прихлопнуть. Так что юнцы продолжали вздыхать и томиться, а она — пренебрегать ими.

Впрочем, у одного из поклонников леди Берты шансы на успех оценивались в сумму чуть большую, чем воспоминание о потраченном полпенни, — это был граф Крапшентрапп. Граф Крапшентрапп имел несколько существенных преимуществ по сравнению с юными клерками Таклешлоссштейна — он постоянно находился в обществе леди Берты и принадлежал к знатному роду. А достиг он этого вот каким образом. Барон фон Клауффенбах, изыскивая средства к повышению своих доходов — или, по крайней мере, хотя бы к закладке первого камня в этом нелегком деле, — расклеил на всех стенах Таклешлоссштейна объявление:

Дворянин и его дочь, обладающие несколько бóльшим помещением, чем им необходимо, будут счастливы принять в свой круг молодого джентльмена, занятого днем в деревне. Общество музыкальное. Плата ничтожна. Обращаться к барону фон К., почтамт, Таклешлоссштейн.

Единственным, кто отозвался на это объявление, был граф фон Крапшентрапп; а единственным недостатком графа Крапшентраппа оказалось то, что он не занят днем в деревне. Но сей недостаток, очевидно, искупался тем, что граф самым любезнейшим в мире образом передал барону шестимесячный вексель на десять фунтов, немедленно учтенный работодателем барона. Боюсь, барон и граф тем вечером жутко напились. Я знаю, что они всю ночь развлекались тем, что швыряли чернильницы с крепостных стен замка на головы людей в деревне внизу.

Легко догадаться, что граф фон Крапшентрапп вскоре безнадежно влюбился в Берту; и те из моих читателей, которые знакомы с привычным развитием немецких легенд, давно уже, конечно, предположили, что и Берта точно так

же безнадежно влюбилась в графа фон Краппентраппа. Но тут они жестоко ошиблись. Девушка ничем не поощряла молодого графа, напротив, она взирала на него с глубочайшим, можно даже сказать — бездонным, презрением. Правдолюбие вынуждает меня признать, что граф был человеком отталкивающей наружности: квадратный коротышка с громадной головой и жалкими кривыми ножками, отвратительный во всех отношениях, кроме одного — он всегда готов был подписать вексель в пользу достойного старого барона. И каждый раз, когда он делал барону такое одолжение, они с пожилым джентльменом кошмарно напивались и ночами бомбардировали жителей деревни чернильницами. А когда деревенских торговцев обдавало чернильничным душем, то те, зная, что во времена казней египетских бывало и похуже, что все проходит и ничто не вечно под луной, не теряли времени, чтобы взобраться на отвесную скалу с маленькими красными книжицами с золотым тиснением в руках и немедленно потребовать расплаты.

Вскоре после того, как граф фон Краппентрапп поселился у барона фон Клауффенбаха, этот граф сделал предложение дочери барона, и ровно через четверть минуты после того, как он сделал ей предложение, был категорически отвергнут самым недвусмысленным образом. После этого граф побрел в свои покои, бормоча и бубня что-то себе под нос, что показалось встретившейся ему случайно Гретхен — горничной и кухарке, которая отвечала за все хозяйство в замке, — признаком величайшего смятения. Добросердечная женщина предложила графу бутылочку дешевых духов и пузырек с каплями перечной мяты, но он так подскочил, когда она протянула ему эти скромные освежающие средства, и так отпрянул, что служанка отправилась к барону и тут же предупредила его о своем уходе — как и положено, за месяц.

С того дня у графа все пошло наперекосяк. Ставни не открывались, дверь не запиралась, стулья ломались, когда он садился на них, и прежде чем его досада утихала хотя бы наполовину, он уже выплескивал все ругательства, какие знал.

Да, к чему граф относился добросовестно, так это к брани. Для него было вопросом чести не использовать одно и то же выражение дважды в день. Поэтому однажды, когда его запас сквернословий иссяк, а в этот момент — момент истощения — из каминной трубы в комнату повалил дым, граф просто сел и тихонько заплакал.

Но тут же вскочил, ибо в необыкновенно большом клубе дыма вдруг увидел какую-то странную фигуру, которую он не встречал прежде. Росту в этой фигуре было фута два, голова размером со все тело, а ноги — сросшиеся. Выглядел незнакомец как-то старомодно, но, за исключением длинного напряженного хвоста с заостренным кончиком, в нем не было абсолютно ничего сверхъестественного. Волосы данного индивидуума, напоминающие хохолок или петушиный гребень, были собраны в чудну́ю, загнутую вверх косичку, перевязанную голубой лентой. Незнакомец обладал пышными, расширяющимися книзу бакенбардами, шея у него вовсе отсутствовала, а все тело и спаянные ноги покрывала роговая инкрустация, невольно наводящая на мысль о черных майских жуках. Гребешок незнакомца украшала треуголка, опережающая изобретение сего головного убора лет эдак на триста.

— Прошу прощения, — произнесло явление, — не могу ли я говорить с тобой?

— Очевидно, можешь, раз говоришь, — ответил граф, к которому уже вернулась уверенность в себе.

— Нет, это я знаю, я имел в виду, можешь ли ты уделить мне минут десять?

— Это во многом зависит от того, что ты скажешь. Кстати, кто ты? — полюбопытствовал граф.

— Я в некотором роде гном.

— Гном?

— Ну, вроде гнома; не стану вдаваться в подробности, поскольку они тебе, наверное, не интересны.

Явление помедлило, видимо надеясь, что граф примется уверять его, что любые подробности личной жизни гномов ему безмерно интересны, но человек лишь сказал:

— Ни капельки.

— Ты беден, — заявил гном.

— Очень, — ответил граф.

— Ха! У людей так случается. А я богат!

— Неужто? — Граф неожиданно почувствовал интерес к теме.

— Да, и мог бы сделать богатым и тебя, только ты должен помочь мне разобраться с женой.

— Что? Отплатить добром за зло? Никогда!

Граф, конечно, так не считал, но подумал, что сказать это стоит.

— Не совсем, — пояснил гном. — Я не дам тебе золота, пока ты не найдешь мне жену; вот за какое зло я заплачу тебе добром.

— А-а-а, — задумчиво протянул граф, — я не рассматривал проблему в таком свете. Что ж, теперь мне все ясно. Но почему бы тебе самому не найти себе жену?

— Ну, — смутился гном, — я не совсем... ну, как это... ну, ты понимаешь... я... мне не подыскать слова!

— Ты слишком безобразен? — предположил граф.

— Ну-у-у, — сказал гном (несколько захваченный врасплох), — что-то вроде того. *Ты* понимаешь.

— Да, знаю, — согласился граф, — но чем я могу тебе помочь? Не в моих силах сделать тебя красавцем.

— Нет; но я обладаю возможностью трижды за все мое гномье существование превращаться в прекрасного юношу.

— Да ну?!. — лукаво заметил граф.

— Точно. Так вот, я уже делал это дважды, но безуспешно — в смысле женитьбы. У меня остался последний шанс.

— Но все-таки как я могу тебе помочь? Ты сказал, что способен превратиться в прекрасного юношу, так почему бы тебе самому не заняться этим делом? Я, со своей стороны, в некоторой степени... э...

— Омерзителен? — вставил гном, решивший слегка отомстить.

— Короче, выкладывай все как есть, — буркнул граф.

— Что ж, — отозвался гном, — этот несчастный факт связан с моим человеческим существованием.

— Ладно, давай не церемонься.

— Ну, дело, значит, такое. Я был привлекательным молодым человеком шести футов ростом, но изо дня в день, во время мытья, незаметно уменьшался, пока не съежился вот до такого... такого...

— Презренного недоноска?

— Э-э-э... да, спасибо... ты заметил. Ну вот, я пытался дважды, и каждый раз находил прелестную девушку, готовую выйти за меня замуж; но за месяц, отделяющий помолвку от свадьбы, я сокращался так ощутимо (каждый, знаешь ли, обязан во время ухаживания умывать хотя бы лицо), что мои невесты-избранницы пугались и сбегали. А теперь я увидел леди Берту и намерен жениться на ней.

— Ты? Ха-ха-ха! Прости, но... ха-ха-ха!

— Да, я. А ты позаботишься о том, чтобы между моим предложением и нашей свадьбой прошло как можно меньше времени.

— Конечно. И ты хочешь, чтобы я подготовил ее к встрече с тобой и к свадьбе без всякого промедления.

— Точно! И если ты согласишься, я дам тебе несколько золотых приисков и столько алмазов, сколько сможешь унести.

— Правда? Мой дорогой сэр, не говорите больше ничего! Как поется в одной популярной пьянче комической песенке: «„Месть! Месть! Месть!“ — вскричал Тимофеус». Но как ты добьешься необходимого превращения?

— Вот кольцо, которое дает мне возможность еще раз обрести человеческий вид. Стоит мне надеть его на средний палец, и превращение свершится.

— Ясно... но не мог бы ты сделать мне одолжение и выплатить пару талеров авансом?

— Хм, — процедил гном, — это не входит в условия контракта, но ладно: вот тебе два.

— Угу, — сказал граф, проверив монеты на зуб. — Я проверну это дельце. Приходи послезавтра.

— В это же время?

— В это же время.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

И гном исчез в дымоходе.

Граф фон Крашентрапп, не теряя времени, поспешил к своей возлюбленной Берте, чтобы поскорее сообщить ей о том, какой прекрасный жребий ей уготован.

— Леди Берта, — начал он, — я пришел к тебе с великолепным предложением!

— Крашентрапп, — фыркнула девушка, — не будь ослом. Раз и навсегда сказано: я за тебя НЕ ПОЙДУ!

— Я имел в виду не себя; я говорю от имени своего друга.

— О, я уверена, любой ваш друг... — всжливо начала Берта.

— Большое спасибо.

— ...получит тот же отказ, что и вы. Он наверняка противен.

— Он прекрасен!

— Порочен.

— Он добродетелен!

— Он низкого происхождения и роста.

— Он принц небывалого телосложения!

— Он несказанно беден.

— Он сказочно богат!

— Действительно? — удивилась Берта. — Твоя история заинтересовала меня. — (Она явно была знакома с немецкими мелодрамами.) — Продолжай.

— Этот принц, — послушно продолжил Крашентрапп, — слышал о тебе, видел тебя и вследствие этого влюбился в тебя.

— Ну-ну, дальше. — Берта хихикнула и подтолкнула его своим невероятно красивой формы локтем.

— Так вот. Он предлагает тебе всю Африку, Хрустальный дворец, несколько солнечных систем, Рейн и Рошервилль. Это такое место, — мечтательно добавил граф, — созданное специально для того, чтобы проводить там долгие счастливые дни.

— Ты серьезно или это очередная чушь? — Берта многозначительно обнажила правую руку до плеча.

— Клянусь честью, я серьезен. Он будет здесь послезавтра, в это же время, и сделает тебе предложение, если ты согласишься принять его у себя. Он увезет тебя с собой в собственную провинцию и там женится на тебе.

— Уехать с мужчиной, одной, до свадьбы? И думать не желаю о таких вещах! — заявила Берта, бывшая образцом пристойности.

— Да! — признал граф. — Действительно, это несколько щекотливая ситуация... Ха! Мысль! Вы сперва поженитесь, а потом отправитесь, а поскольку у него всего два дня, свадьбу нельзя откладывать ни на минуту.

Видите ли, если бы он предложил это сразу, она бы непременно отказалась — из принципа. А теперь девушка мгновенно ухватилась за добрый совет и в знак примирения опустила рукав.

— За два дня я соберу приданое. Мы поженимся в тот же день, когда он прибудет, если окажется, что он полностью соответствует твоему описанию. Но если нет...

И она снова многозначительно закатала рукав, оголив руку.

Той ночью барон фон Клауффенбах и граф фон Краппентрапп весело прокутили два талера, которые граф раздобыл у гнома. Барона необычайно радовала перспектива приобрести царственного зятя; и чернильный ливень, потоком льющийся с бастионов замка, был обилен как никогда.

Через день в то же время гном снова предстал перед графом Краппентраппом.

— Как дела? — поинтересовался граф.

— Спасибо, — ответил гном, — все чудесно. Жутковато жениться.

— Что за глупости! Не унывай, будь мужчиной!

— Ох, тебе хорошо говорить, но... леди готова? — резко сменил он тему.

— Надо полагать. Она сидит в банкетном зале в полном свадебном облачении, страстно жаждая твоего появления.

— Ох! Как я выгляжу? Видно, что нервничаю?

— Честно говоря, да.

— Боюсь, что так. Все подготовлено?

— Масштабы приготовлений немыслимы, — сообщил граф. — Половинки сдобных булочек с изюмом и дольки апельсинов разбросаны по замку в неимоверных количествах, а имбирного пива и смородинового вина столько, что по ним могла бы плыть лодка Роба Роя[1]. Гретхен с риском для жизни, своей и остальных, нарезает ветчину для сандвичей, а барон собственноручно снял объявление «Меблированные комнаты», которое, пожалуй, несколько веков провисело на никогда не мывшихся окнах банкетного зала.

— Понятно, — кивнул гном, — значит, атмосфера создана.

— Вроде того. Вот увидишь, все вместе сложится в совершеннейшую картину.

— Хорошо, — сказал гном, — тогда, думаю, мне надо переодеться.

И это были справедливые слова, ибо он еще не принял человеческую форму.

Итак, гном надел на средний палец правой руки перстень с большим карбункулом, и тотчас же комната наполнилась клубами дыма. А когда он растаял, пораженный граф увидел на том месте, где только что стоял гном, прекрасного статного юношу.

— И никакого мошенничества, — произнес принц.

— Браво! Действительно здорово! Очень изящно! — Граф даже зааплодировал.

— Умная штучка, а?

— Не то слово. Очень изобретательно. И оригинально. А теперь — как тебя зовут?

— У меня странное имя. Принц Фу.

— Принц Фу? Фу! Фу? Ты шутишь.

— Слушай, я дам тебе один совет: никогда не каламбурь с именами; можешь быть уверен, какой бы остроумной ни была твоя шутка, наверняка твоему приятелю уже бросали ее в лицо не раз и не два. А эту твою остроту изобретает каждый дурак, когда впервые слышит, как меня зовут.

---

[1] Роб Рой — персонаж романа Вальтера Скотта.

— Прошу прощения — шутка была слабовата. Итак, если ты сейчас отправишься со мной к барону, вы сможете провести предварительные переговоры.

И они пошли к барону, которого его будущий зять очаровал с первой минуты. Принц Фу отдавал Берте всю Африку, Хрустальный дворец, несколько солнечных систем, Рейн и Рошервилль, а лично барону презентовал Сибирь и Везувий; затем все спустились в банкетный зал, где их прибытия дожидались Берта и священник.

— Разрешите, — заговорил барон. — Берта, дорогая, позволь тебе представить принца Фу — *очень великодушного*, — (шепотом), — молодого человека. Принц Фу, это моя дочь Берта. Простите старика отца, если он на секундочку расклеится.

И барон зарыдал от избытка чувств, а вместе с ним и принц Фу, и граф Крапшентрапп, и священник, и Гретхен, закончившая приготовление сандвичей. Церемония прошла при горячем воодушевлении и бурном рвении обеих сторон, а в заключение вся компания насладилась изысканно сервированной легкой закуской. Принц провозгласил, что барон самый славный парень из всех, кого он только встречал, а барон заверил принца, что не находит слов для описания радости, которую он чувствует при мысли о союзе своей дочери с дражайшей Его Светлостью.

Новобрачный и его молодая супруга выехали в карете к землям принца, расположенным всего в пятидесяти милях от Такленплоссштейна, и той ночью барон и граф надрались сильнее, чем обычно. Они спустились к местному серебряных дел мастеру, скупили все имевшиеся в наличии чернильницы, и душ письменных приборов с крепостных стен, в ту ночь окроплявший головы крестьян, не имел себе равных за все хроники попоек.

Берта и принц Фу провели счастливый медовый месяц. У Берты была одна, и только одна причина жаловаться на принца Фу, да и та незначительная: делая все возможное, она была не в состоянии заставить его умываться чаще чем раз в неделю. Чистоплотная немецкая девушка, сама она привыкла мыться три, а то и четыре раза в неделю; поэто-

му данная особенность мужа сердила ее больше, чем могла бы раздражать прочих юных девиц Таклеплоссштейна. Так что она разработала хитроумный план и каждую ночь протирала лицо супруга влажным полотенцем; а когда он выходил прогуляться, прятала его зонтик, чтобы, если пойдет дождь, свежие струи обеспечили принцу необходимое гигиеническое омовение.

Так продолжалось примерно два месяца, и к концу этого срока Берта начала замечать необычные перемены не только в облике своего мужа, но и в своем собственном. К ужасу своему, она открыла, что и она, и ее супруг стремительно уменьшаются! В день свадьбы рост каждого из них составлял шесть футов, а теперь у мужа — пять футов девять дюймов, а у нее вообще пять футов и шесть дюймов, поскольку умывалась она гораздо чаще. Платья Берты стали ей слишком длинны и широки. Она закалывала складки и подгибала их всюду, где только можно закалывать складки и подгибать, она суживала и убирала клинья везде, где позволял фасон. Каблуки мало помогали, все равно приходилось ходить на цыпочках, дабы избежать разоблачения. Да и принцу Фу было ни на йоту не легче, чем его жене. Он носил высоченные шляпы с длинющими перьями, а каблуки на его сапогах смотрелись особенно нелепо. Каждый, казалось, боялся показать другому, что заметил в супруге невероятное превращение, и на место шумного веселья, не оставлявшего их до сей поры, пришло тихое отчаяние.

В конце концов дела приняли самый неблагоприятный оборот. Однажды принц отправился на охоту и с вершины высокой скалы упал прямо в Рейн. Он был отличным пловцом и провел в воде почти два часа, борясь с сильным течением, пока не подоспела подмога. Но вследствие этого он съежился настолько, что его спутники едва признали его. Принц уменьшился до четырех футов и девяти дюймов.

Вернувшись в замок, он нахлобучил свою самую большую шляпу, натянул сапоги с высоченными каблуками и, согревая у камина продрогшее тело, нервно дожидался

возвращения жены после посещения магазинов соседнего городка.

— Чарльз, — сказала она, увидев своего супруга, — дальнейшая маскировка бессмысленна. Невозможно больше скрывать тот чрезвычайно неприятный факт, что мы оба быстро уменьшаемся. Два месяца назад ты был статным мужчиной, а я — самой великолепной женщиной нашего, да и любого другого времени. А теперь я всего лишь среднего роста, а ты вдруг стал презренно низок. Что все это значит?

— Мужья часто выглядят низкими в глазах своих жен, — несмешно пошутил принц Чарльз Фу.

— Да. Но жена не намерена выглядеть низкой в глазах своего мужа.

— Это всего лишь воображение, дорогая моя. Ты прекрасна, как всегда.

— Ерунда, Чарльз. Клинья, Вставки и Складки — Важные Вещи. — Берта так и говорила, отчетливо произнося каждое слово. — Они — Упрямые Факты, от которых Не Отвертеться, и Я Настаиваю на Объяснении.

— Мне очень жаль, — ответил супруге принц Фу, — но я не могу ничего объяснить. — И, вспомнив внезапно, что его лошадь все еще плавает в Рейне, он со всех ног кинулся доставать ее оттуда.

Берта, несомненно, была раздосадована. Она начала подозревать, что вышла замуж за сущего дьявола, и это, конечно, беспокоило ее. Берта решила написать отцу и спросить у него, что делать.

Кстати заметим, что принц Фу поступил весьма нечестно и подло со своим другом, графом Краппентраппом. Вместо того чтобы предоставить в его распоряжение обещанные золотые прииски и алмазы, он дал ему всего лишь шестимесячный вексель на двадцать фунтов, дюжину бутылок дешевого рейнвейна и пару сотен булыжников, что, естественно, не могло удовлетворить прирожденной тяги графа и барона к серебряным чернильницам. Неудивительно, что граф фон Краппентрапп вознамерился отомстить принцу при первой возможности — и письмо Берты эту возможность предоставило.

Он оседлал дворцового осла и отправился в Фуберг, место обитания принца. Через два дня граф прибыл туда и послал свою визитную карточку Берте. Берта приняла его; и тогда он рассказал об истинной натуре принца и ужасной участи, уготованной ей, если она останется его женой.

— Но что мне делать? — зарыдала несчастная Берта.

— Если бы ты снова была свободна, за кого бы ты вышла замуж? — коварно намекнул он.

— Ох, — вздохнула Берта, — за тебя, конечно.

— Правда выйдешь?

— Несомненно. Вот расписка.

И она в письменном виде пообещала графу выйти за него замуж, если что-то случится с принцем, ее мужем.

— Но, — заметил граф, — сможешь ли ты примириться с моими ничтожными размерами?

— По сравнению со мной теперешней ты просто великан, — ответила Берта. — Я исцелилась от прежней гордыни и больше не кичусь своим великолепным ростом.

— Хорошо, — кивнул граф. — Ты заметила кольцо с карбункулом, которое твой муж (муж! ха-ха! но не важно) носит на среднем пальце?

— Да.

— Оно волшебное. Сними перстень, когда принц уснет; тогда он исчезнет, а ты станешь свободной женщиной.

Той ночью, когда часы пробили двенадцать, принцесса сняла кольцо со среднего пальца правой руки принца Фу. Он страшно завизжал; комната наполнилась дымом; а когда дым рассеялся, на кровати лежало обугленное тело мертвого гнома в его настоящем виде; стоило к нему притронуться, оно рассыпалось легкой золой!

Замок Фуберг, однако, остался, и все, что было в нем, — тоже. Пепел чудовища похоронили в саду на заднем дворе, и на этом месте с ошеломляющей быстротой вырос куст без листьев, но покрытый черной блестящей жесткой корой, наводящей на мысли о майских жуках. Он рос, рос, рос, но

листья так и не появились; и, как его ни подрезали, он вытягивался снова. Поэтому, когда Берта (так никогда и не вернувшаяся к своим прежним размерам) вышла замуж за графа Краппентрапна, возникла необходимость полностью закрыть задний садик и вставить в выходящие туда окна непрозрачные стекла. Старый барон переехал жить к ним, и они с графом очень весело проводили время. Граф запасся таким количеством чернильниц, которого хватило до конца дней почтенного старика, и они много радостных часов простаивали вдвоем на древних, освященных веками укреплениях Фуберга. Берта и ее муж прожили долгую счастливую жизнь и, всеми уважаемые, умерли в преклонных годах.

ПИТЕР АНСПАЧ

50 советов Повелителю зла

Не задавались ли вы вопросом, прочитав фантастический роман или посмотрев фильм, почему главный злодей такой непроходимый болван? Питеру Анспачу (Peter Anspach) этот факт явно не дает покоя. Несколько лет назад он открыл свой веб-сайт, названный «Повелитель зла» *(The Evil Overlord), где представил коллекцию разнообразных глупостей и ошибок, совершаемых злодеями. Вскоре и многие другие стали отправлять на этот сайт нелепости, на которые они наткнулись. В Интернете вы можете ознакомиться с их полным списком, а пока что мы приводим для вас первые пятьдесят примеров из собрания Питера Анспача.*

Если вы стоите на пороге жизни и гадаете, чем бы в ней заняться, то имеет смысл подумать о профессии Повелителя зла. Она приносит неплохой доход, в ней предусмотрены всевозможные льготы и надбавки, а рабочий график вы устанавливаете сами. Но тут есть одна закавыка: все без исключения Повелители зла, с которыми я сталкивался в книгах или фильмах, кончали плохо — их побеждали и, как правило, уничтожали. Независимо от того, были ли повелители зла вождями дикарей, колдунами с расшатанной психикой, сошедшими с катушек учеными или захватчиками-инопланетянами, они тупо наступали на одни и те же грабли. Дабы положить этому конец, я предлагаю:

Первые 50 поправок, которые бы я внес, если бы стал Повелителем зла

1. Воины моих Легионов смерти носили бы шлемы с прозрачным забралом из плексигласа, а не маски, полностью закрывающие лицо.

2. Вентиляционные отверстия у меня в доме были бы небольшого размера, чтобы через них не могли забраться враги.

3. Узурпировав трон моего благородного сводного брата, я немедленно прикончил бы его, а не держал в неприступной камере своей темницы под вымышленным именем.

4. Я *не* считаю, что просто пристрелить моего врага — слишком мало для него.

5. Я не стал бы хранить волшебный талисман, являющийся источником моей силы, в пещере на Горе Страданий за Огненной рекой под охраной Драконов Вечности, а положил бы его в стальной сейф в банке. (То же самое относится и к любому предмету, с помощью которого меня можно погубить.)

6. Злорадствовать по поводу печальной участи, постигшей моих врагов, я буду только после того, как отправлю их на тот свет.

7. Когда я захвачу в плен моего соперника и он скажет: «Послушай, может, прежде чем убивать меня, ты хоть объяснишь, почему ты это делаешь?» — я отвечу «нет» и убью его. А лучше даже не так. Я убью его и отвечу «нет».

8. Я не стану устанавливать какой-либо самоликвидирующийся механизм без крайней необходимости. Если такая необходимость возникнет, то он не будет включаться с помощью большой красной кнопки с надписью «НЕ НАЖИМАТЬ: ОПАСНО». Большая красная кнопка с надписью «НЕ НАЖИМАТЬ» будет приводить в действие пулемет, который изрешетит градом пуль всякого, кто не послушается предупреждения. Кнопка переключателя не будет снабжена надписями «ВКЛ/ВЫКЛ».

9. Всех убитых врагов я бы кремировал или, в крайнем случае, всадил бы в каждого по нескольку пуль, но уж никак не оставлял бы умирать на дне ущелья, столкнув со скалы.

10. Я и не подумаю исполнять какие-либо предсмертные желания положительных героев — никаких последних сигарет, последних поцелуев и т. п.

11. Я ни за что не буду использовать взрывных устройств с обратным отсчетом времени. Если мне все-таки придется применить подобное устройство, я настрою его таким образом, чтобы оно сработало при счете 117, когда положительный герой только начнет судорожно соображать, как бы ему спастись.

12. Никогда я не произнесу фразы: «Прежде чем я тебя убью, ответь мне...»

13. Если мне понадобится совет каких-либо консультантов, то одним из них обязательно будет пятилетний малыш со средними способностями. Я тут же исправлю все недочеты, которые он обнаружит в моих планах.

14. Я постараюсь ни в коем случае не заходиться в безумном хохоте, пусть и доказано, что он снимает напряжение. Наслаждаясь смеховой истерикой, можно не заметить неожиданные изменения в окружающей обстановке, которыми не преминет воспользоваться кто-нибудь более внимательный.

15. Форму для воинов моих Легионов смерти я закажу у талантливого кутюрье, дабы они не выглядели столь же неприглядно, как немецкие штурмовики, римские легионеры или орды монгольских кочевников. Все вышеперечисленные потерпели, в конце концов, поражение. Я хочу, чтобы мои воины, идя в бой, чувствовали себя суперменами.

16. Я устрою тайный склад допотопного оружия и обучу своих солдат обращаться с ним. Поэтому, если врагу удастся нейтрализовать наш силовой генератор или вывести из строя оружие повышенной мощности, мои войска не потерпят сокрушительного поражения от горстки дикарей, вооруженных пиками и камнями.

17. Какими бы замечательными тактико-техническими данными ни обладало то или иное механическое приспособление и каким бы неуничтожимым оно ни было, я не стану им пользоваться, если в нем есть хоть одно уязвимое место — пусть даже крошечное и абсолютно недоступное.

18. Ничто из производимого мною не будет изготавливаться в единственном экземпляре. Все важные системы будут снабжены запасными пультами управления и блоками питания. При себе я буду иметь не менее двух единиц личного оружия с полной обоймой.

19. Мой любимый домашний монстр будет содержаться в надежной клетке, откуда он ни за что не сможет сбежать и куда я сам ни при каких условиях не угожу по неосторожности.

20. На поле боя я буду надевать форму яркой и веселой расцветки, чтобы сбить противника с толку.

21. Всех неумелых фокусников, незадачливых чудаков, бесталанных бардов и трусливых воришек я уничтожу заранее, дабы у моих врагов не возникало соблазна захватить мой замок с целью повеселиться в их компании.

22. Я не буду приходить в ярость и убивать гонца, принесшего мне плохую весть, только для того, чтобы доказать, какой я злодей. Хорошие гонцы в наше время на улице не валяются.

23. Я не буду превращаться в змею. Это ничего не дает.

24. Я не стану отправляться верхом на поле боя. Но если мне не удастся избежать этого, я ни за какие коврижки не буду гарцевать впереди моих Легионов смерти, нетерпеливо высматривая во вражеских рядах их предводителя, чтобы сразиться с ним.

25. Если я захвачу в плен положительного героя, то обязательно выловлю всех его любимых собак, обезьянок, хорьков и прочих чересчур сообразительных животных, способных перегрызть веревки или стянуть ключи от темницы.

26. Если я узнаю о местонахождении секретного оружия, способного уничтожить меня, я не стану посылать все свои войска, чтобы захватить его. Вместо этого я пошлю их захватить что-нибудь другое и дам в газету объявление о пропаже этой штуки, пообещав приличное вознаграждение нашедшему.

27. Я наберу команду дипломированных архитекторов и топографов, в чьи обязанности будет входить обследование моего замка и его окрестностей с последующим информированием меня обо всех неизвестных тайных ходах и заброшенных туннелях.

28. Если пленешная мною прекрасная принцесса будет вопить, что она ни за что и никогда не выйдет за меня, я пожму плечами и пристрелю ее.

29. Все мои легионеры будут обязаны пройти стрелковую подготовку. Тот, кто не сможет попасть с десяти метров в мишень размером с человека, будет сам использован в качестве ее.

30. Прежде чем использовать какое-либо захваченное у противника оружие или устройство, я внимательно ознакомлюсь с инструкцией завода-изготовителя.

31. Если у меня возникнет необходимость сбежать откуда-либо, я не стану по пути принимать картинные позы и изощряться в остроумии.

32. Я не буду приобретать суперкомпьютер, который умнее меня.

33. Я найму толкового психиатра, чтобы он излечил меня от всевозможных необычайных фобий и эксцентричных привычек, которые могут повредить мне.

34. Патрули, посланные на поиски вторгшихся вражеских лазутчиков, будут состоять как минимум из двух человек. Если один из них таинственным образом исчезнет, второй должен сразу поднять тревогу и вызвать подкрепление, а не шнырять на месте исчезновения, выясняя, в чем дело.

35. Мои войска будут атаковать противника всей массой, а не выжидать в засаде, наблюдая, как воины передового отряда бросаются в бой поодиночке.

36. Если положительный герой заберется на крышу моего дома, я не полезу вслед за ним, чтобы завязать рукопашный бой и скинуть его с крыши. Не буду я вступать с ним в единоборство и на краю утеса (не говоря уже о подвесном мосте через ущелье, по дну которого течет расплавленная магма).

37. Если во время схватки с противником на движущейся платформе я разоружу его, а он внезапно, посмотрев мне за спину, хлопнется плашмя на пол, я мигом хлопнусь тоже, а не стану оборачиваться, чтобы узнать, что привлекло его внимание.

38. Я не буду стрелять во врага, стоящего около опоры, поддерживающей какую-нибудь крупногабаритную, многотонную и неустойчивую конструкцию.

39. Если, ужиная с врагом, я накапаю в его кубок яда, а затем мне вдруг по какой-либо причине понадобится выйти из-за стола, то, вернувшись, я не буду ломать голову, поменял он кубки или нет, а просто прикажу принести новые.

40. Я запрещу сторожить пленников охранникам противоположного пола.

41. Никаких хитроумных планов с переусложненными завершающими фазами вроде «Уложите двенадцать маги-

ческих камней в одну линию на алтаре и в момент полного затмения приведите в действие медальон». Вместо этого я использую что-нибудь попроще, типа «Нажмите кнопку».

42. Баки с ядохимикатами будут храниться герметически закрытыми. Никаких галерей и переходов над ними сооружаться не будет.

43. Если посланный мною диверсионный отряд самым позорным образом не справится со своей задачей, я не буду осыпать их бранью за никчемность и посылать второй отряд с тем же заданием.

44. Рабочие места в центре управления будут распланированы таким образом, чтобы операторы не сидели все как один спиной ко входу.

45. Если мне надо будет уничтожить одновременно положительного героя и моего подчиненного, который подвел или предал меня, то я позабочусь о том, чтобы прикончить героя первым.

46. При аресте врагов охрана не разрешит им задержаться на минутку для того, чтобы прихватить с собой какой-нибудь дорогой их сердцу пустячок, с которым они не могут расстаться.

47. В моем подземелье будет постоянно находиться группа квалифицированных медиков с приданной им охраной, так что, если заключенному станет в камере плохо, надзиратель вызовет эту бригаду, а не будет отпирать камеру, чтобы проверить, в чем там дело.

48. В тюремных камерах не будет предметов, способных отражать солнечные лучи или разматываться в виде длинной веревки.

49. Файлы с кратким секретным сообщением будут расширены до 1,45 мегабайта[1].

50. Для того чтобы мои подданные постоянно находились в полубессознательном трансе, я обеспечу каждому из них свободный и неограниченный выход в Интернет.

---

[1] Стандартная емкость дискеты для флоппи-дисковода — 1,44 Мб. *(Прим. ред.)*

ЭЛИЗАБЕТ КУНИХЕН

Как стать героем приключенческой истории

Элизабет Куникен (Elizabeth Counihan) написала рассказ примерно в том же ключе, что и исследование Нитера Аспача. Здесь говорится о невероятных событиях и о том, как из них выпутаться. Элизабет Куникен является издателем и редактором собственного скромного журнала «Шехерезада» (Scheherazade), который начиная с 1991 года печатает произведения в духе готической прозы и фэнтези.

Вы просыпаетесь. И обнаруживаете себя лежащим на полу, где набросано немного соломы, отчего, впрочем, не становится менее жестко и холодно. Вокруг царит полумрак — лишь слабый свет проникает снаружи через витражи готических окон под самым потолком, окрашивая вас в геральдические тона. Вы пытаетесь пошевелиться. Слышится звон кандалов. Ваши руки прикованы к стене. Похоже, вы попали в неприятную историю. Где же вы находитесь, и кто вы такой? Может быть, это вам снится? Или же вы персонаж, порожденный чьей-то писательской фантазией?

Как бы это выяснить, а также узнать, что вас ожидает в будущем? И ожидает ли вас какое-нибудь будущее вообще? Дадим вам кое-какие подсказки, помогающие определить это.

Прежде всего, проверьте, к какому биологическому виду вы относитесь. Если вы маленький пушистый зверек или симпатичный, совсем не страшный пришелец, можете не волноваться. Кто-нибудь спасет вас. Ни один автор не осмелится умертвить вас, иначе его самого освежуют члены общества защиты животных.

Затем уточните свой пол. Это нетрудно даже в данных условиях. Сместитесь поближе к свету и посмотрите, ка-

кого размера на вас обувь. Если размер сорок пятый и к тому же ноги у вас большие и волосатые, то вы не главная героиня этой истории. Ну, а если вы обладаете в придачу накачанными бицепсами, то беспокоиться не о чем. Один рывок — и вы свободны (см. ниже).

Однако предположим, вы обнаружили, что пол у вас женский. После этого надо определить возраст. Быстренько обследуйте свое лицо на предмет морщинок.

Вариант А. Морщинок нет. Возможно, вы ребенок, и это почти такое же везение, как оказаться пушистым и/или симпатичным пришельцем. Если вы ребенок смышленый и к тому же американский, то совершенно точно не погибнете (разве что вы попали в Серьезную литературу, и тогда все, конечно, сложнее).

Вариант Б. Морщинок полно. Ваши дела плохи. Вы либо старая злобная ведьма, которая будет уничтожена в любом случае, либо чья-то мать преклонного возраста, не представляющая особой ценности для развития сюжета.

Вариант В. У вас красивые ноги. Это уже лучше. Не исключено, что вы главная героиня, однако тут требуется дополнительная информация.

Что на вас надето? Опять придвиньтесь к окну. Цвета в этом красно-сине-зеленом освещении рассмотреть, конечно, трудно, но постарайтесь. Это очень важный показатель.

Вариант А. Вы в белом платье с высоким воротом и изящными разрезами на подоле. Все складывается наилучшим образом — разве что вы рассчитывали вовсю порезвиться. Вы красавица, попавшая в беду, но активного участия в событиях для вас не предусмотрено. Это история традиционного типа, и все, что вам полагается, — звать на помощь и быть спасенной.

Вариант Б. Вы в красных тряпках, едва прикрывающих наготу, с умопомрачительным декольте, к тому же надорванным; юбка внизу также порядком изодрана. В этом случае вы, возможно, умрете в предпоследней главе (или части фильма), но постарайтесь пока взять от жизни все, что успеете. Вы уже

добились всего, что хотели, от главного злодея, и если будете действовать достаточно умело и расчетливо, то, возможно, вам удастся также соблазнить и главного героя, прежде чем злодей окончательно возьмет над вами верх.

Вариант В. На вас туника спортивного покроя с узким глубоким вырезом, кожаные браслеты и высокие облегающие сапоги; к поясу прикреплены короткие ножны — очевидно, в них было оружие, но его отобрали. Прекрасно! Вы предприимчивая героиня в жанре экшн, и вам предстоит не только принять участие в зрелищном поединке на шпагах, но и получить в конце мужчину, деньги и королевство.

Смотрим дальше. Кто-то захватил вас в плен и приковал к стене в руинах аббатства (по всей вероятности). Каким образом вы можете вырваться на свободу и добраться до гавани, где (как вам откуда-то известно) большой корабль будет ждать вас до начала прилива (но ни минутой дольше)?

Посмотрите, нет ли у вас при себе чего-нибудь магического — амулета, драгоценного камня или, лучше всего, кольца. Нет? Не страшно. Достаньте пилочку для ногтей. Тут, в зависимости от вашего костюма, возможны три пути:

Вариант А. Забудьте о пилочке. Она пригодится вам только для ухода за ногтями. Направьте все усилия на то, чтобы выглядеть несчастной. Коротая время в ожидании героя-освободителя, можете попытаться выдрессировать мышь.

Вариант Б. Пилочка спрятана в вырезе платья.

Вариант В. Пилочка в одном из сапогов.

Вы старательно перепиливаете свои оковы, держа пилочку в зубах, и слышите зловещий скрип портала. Портал медленно открывается. (Нормальных дверей в этой истории быть не может.) Входит какой-то мужчина. В свете дымящего факела (электричества у них тоже нет) вы видите, что это высокий брюнет, чем-то смахивающий на Алана Рикмана[1]. Он пришел без своих дружков — явно для того, чтобы

[1] Алан Рикман — популярный голливудский киноактер, играющий главным образом роли злодеев, например, в фильмах «Крепкий орешек», «Робин Гуд — принц воров», «Гарри Поттер и Философский камень» и др.

позлорадствовать в одиночестве. Брюнет кланяется и говорит с ехидной улыбочкой и британским акцентом:

— Итак, гордая леди, как вам понравилось мое скромное обиталище?

Вы отвечаете:

Вариант А. — Вы никогда не получите того, чего добиваетесь!

Вариант Б. Вы ничего не говорите — только поджимаете губы и выпячиваете грудь.

Вариант В. — Ах, так это *ваше* обиталище! То-то здесь пахнет крысами.

Он приближается к вам решительным шагом и, наклонившись, подносит факел к вашему лицу. Он гладит ваши (а) золотые локоны, (б) распущенные волосы неопределенного оттенка, (в) жалкие пряди и, приподняв одну бровь, берет вас за подбородок ухоженной рукой с наманикюренными ногтями и говорит:

— А знаете, вы очень красивы...

Вариант А. принцесса Луноцветная / Зореутренняя / что-то непроизносимое на кельтском.

Вариант Б. Далила / Лолита / Магнета.

Вариант В. Красная Шейла / Черная Нина / кабацкая девка.

Он смеется и, прижав свои губы к вашим, варварски целует вас.

Вы в ответ:

Вариант А. Отталкиваете его и дрожащим голосом спрашиваете, что случилось с вашим дорогим Конаном / принцем Кевином / Гвиддионом ап Ллю Лло Гиффапом.

Вариант Б. Чуть ли не вырываете у него миндалины своим страстным ответным поцелуем.

Вариант В. Лягаете его в пах. Это самое меньшее, что он заслуживает после того, что он сделал с вашей семьей / вашей собакой / вашим велосипедом.

Его издевательский смех опять разносится эхом под готическими сводами. Он бьет вас по лицу.

Вы в ответ:

Вариант А. Храбро улыбаетесь сквозь слезы.

Вариант Б. Улыбаетесь блудливой улыбкой и решаете изнасиловать его при первой возможности.

Вариант В. Лягаете его в пах (на этот раз сильнее), затем оглушаете хорошо отработанным ударом головой, хватаете его шпагу и... Тпрру! Вы вспоминаете, что можете убить его не раньше последней главы: он единственный, кому известен секретный шифр / местонахождение вашей малолетней сестры / заклинание, которое может освободить вас от страшного проклятия. Но надо спешить, у вас всего двадцать четыре часа, чтобы спасти планету, и к тому же скоро прилив. Так что хватайте ключи и бегите к выходу.

Ориентируйтесь по крысиному запаху.

Вернемся к началу. На этот раз у вас волосатые колени и обувь сорок пятого размера. Возникает вопрос: вы герой этой истории или просто малозначительный персонаж, которого должен уничтожить Алан Рикман вместе с Силами Тьмы? Как и в реальной жизни, возможностей вам предоставлено гораздо больше, чем персонажу женского пола, но и вероятность преждевременной гибели тоже возрастает. Итак, вам надо определить, кто вы такой.

Начните с общего облика.

Вариант А. У вас белая борода, на вас серое одеяние, поверх которого накинут длинный плащ, на ногах сапоги «Док Мартенс». Возможна также широкополая шляпа с пером — или без оного. Может быть, вам повезло и враги оставили при вас волшебный посох? Нет? Значит, они были сообразительнее, чем обычно. Не берите в голову, сделайте глоток из фляжки, что у вас в заднем кармане брюк (с этикеткой «Только для медицинских целей»), чтобы немного взбодриться. Нарисуйте в воздухе несколько магических знаков. Произнесите что-нибудь неразборчивое на Древнем наречии. Стряхните кандалы и выйдите через стену. Гавань находится за первым поворотом направо после паба (я имею в виду таверну).

Вариант Б. На вас кожаные сапоги и множество ремней. Очков у вас на носу нет. Это обнадеживает, но не обязательно означает, что вы главный герой, — возможно, вы

всего лишь обладающий большой физической силой наемник и в таком случае рискуете погибнуть смертью храбрых. Попробуйте произнести: «Я Конан, а ты придурок!» Если это получилось, как у психиатра, страдающего ларингитом, — прекрасно! Значит, вы герой и непобедимы. Вам остается только разорвать оковы, пробить ногой дырку в стене и направиться за своим волшебным мечом, который вы оставили в подставке для зонтиков в таверне «Возвращение пирата». А уж оттуда рукой подать до гавани — даже вы сумеете ее найти.

Вариант В. На вас старый кожаный жилет, пропыленные штаны и накидка со следами длительных путешествий. И сапоги, разумеется, тоже — в этих местах все носят сапоги. Ваши мускулы не производят особого впечатления. Не отчаивайтесь. Если рост у вас при этом невелик и вы совсем юны, попробуйте произнести: «Вы чё, хозяин, белены объелись?» Звучит вполне естественно? Значит, вы воришка и с вами все будет в порядке. Выскользайте из оков, взламывайте замок и сматывайтесь через канализацию. Она приведет вас прямиком в самую гавань. Если же вы старше и выше ростом, то не исключено, что вы все-таки герой, но в данном случае у вас амплуа Пропавшего короля. Это означает, что вы утомлены, мудры и, возможно, немного циничны. У вас должен быть при себе какой-нибудь талисман. Вполне вероятно, что он в вашей суме (любой модификации) или, может быть, засунут за пояс. Нашли сломанную шпагу? Половинку амулета? Замечательно. Все, что вам надо сделать, — это...

Но погодите!.. Портал опять скрипит. Это злодейский клон Алана Рикмана. На этот раз его сопровождают два телохранителя. Ему опять хочется позлорадствовать, но в случае с пленниками-мужчинами он предпочитает не рисковать.

Он говорит:

Вариант А. — Идиоты! Он убежал! Догнать его!

Телохранители устремляются было за вами, но таинственные силы древних стихий пригвождают их к месту.

— _□○_◆◆_□●_ — изрекает клон А. Рикмана, отчаянно размахивая руками, но время упущено. Видя это, он, вместо того чтобы прочитать своим помощникам краткий курс по снятию колдовских чар, закалывает одного из них кинжалом. (Именно для этого помощники и нужны.)

Вариант Б. — Идиоты! Он убегает! Догнать его!

Помощники неквалифицированно бегут за вами; один из них стреляет в вас прямой наводкой из арбалета, но промахивается. Вместо того чтобы прочитать помощникам курс по меткости стрельбы, клон известно кого всаживает одному из них в живот кинжал. (Злодеи никогда не учатся на ошибках.)

Вариант В. — Итак, мы наконец встретились, Колоброд! Или, может быть, вас следует называть король Эдельвейс Бутылизированный?

Вы отвечаете:

Варианты А и Б. Ничего не отвечаете, поскольку давно уже несетесь сломя голову к гавани.

Вариант В. — Знай же, Приспешник Тьмы, что тебе никогда не одержать верх над Законным королем... Мой путь был долог и тяжел... Я испытывал голод и лишения, я видел... Борьба была жестока... Но все дороги никуда не ведут... И т. д. и т. п.

Вы разражаетесь «Балладой о знамении, оказавшемся ложным», которая была сочинена специально для вас Королевой фей. Но, оказывается, это лишнее. Алан и два его злополучных помощника уже давно храпят на соломе, усыпленные вашей тирадой.

Вы выходите на свободу и направляетесь в сторону гавани. Ориентируйтесь по запаху рыбы.

РОН ГУЛАРТ

Поцелуй Хёрши

Рон Гуларт (Ron Goulart, род. 1933) начиная с 1952 года очень изобретательно и, как правило, с юмором сочиняет произведения в жанре фэнтези. Мы уже потеряли им счет, тем более что многие из них он выпускает под разными псевдонимами; среди наиболее своеобразных можно назвать «Когда все рухнуло» *(After Things Fell Apart, 1970),* «Что стало с Развинченным?» *(What's Become of Screwloose?, 1971),* «Призраковыводитель» *(Ghost Breaker, 1971) и* «Алло, Лемурия, алло!» *(Hello, Lemuria, Hello!, 1979). В предыдущем сборнике мы опубликовали один из рассказов Гуларта. На этот раз мы выбрали историю в другом духе, но тоже достаточно бредовую.*

Пока еще рано судить о том, как сильно пострадали его репутация и карьера. Несколько миллионов телезрителей были свидетелями того, что произошло в одной из спален в высотке на Манхэттене и принесло Бобу Хёрши скандальную известность. Между тем мотивом, побудившим его связаться с колдовством и черной магией, было всего лишь абсолютно естественное желание сохранить свою работу.

Боб Хёрши был обычным тридцатишестилетним мужчиной среднего роста, весившим чуть больше нормы. Жизнь его начала меняться в конце осени, когда наступило утро одной из пятниц. Его офис, площадь которого была примерно на одиннадцать футов меньше, чем Хёрши хотелось бы, находился на верхнем этаже из трех, занимаемых издательством «Оллендорф и сыновья». Хёрши прослужил здесь помощником редактора почти три года, и если бы дела складывались хорошо, то в январе он стал бы главным редактором, а возросшая на три с половиной тысячи долларов зарплата спасла бы Хёрши от финансовых затруднений, которые маячили на горизонте. Однако дела складывались скверно: два месяца назад издательство было куплено немецкой корпорацией «Блицгартен».

Сидя за письменным столом, Хёрши разговаривал по телефону со своим автомехаником, находившимся в Бримстоне, штат Коннектикут, когда на глаза ему попалась женщина, занимавшая до сих пор пост главного редактора и обещавшая ему повышение. Она тащила через холл картонную коробку с надписью «Вина Макри Брос», в которую были сложены вещи, накопившиеся в ее кабинете за все годы работы. Не глядя на Хёрши, она удрученно помахала ему на прощание рукой.

— Что вы сказали, Роско? Мой автомобиль страдает хронической меланхолией?

— Нет-нет, мистер Хёрши, у него... — и в Бримстоне опять завыли автомобильные гудки, полностью перекрывающие голос мистера Роско.

— Я плохо вас слышу. Скажите просто, когда машина будет готова?

— Лучше позвоните мне во вторник вечером.

— Черт побери, вы сможете починить ее только ко вторнику?!

— Во вторник я скажу вам, когда я смогу ее починить.

Не успел Хёрши положить трубку, как телефон зазвонил опять.

— Слушаю?

— С вами хочет встретиться некая мисс Бендикс. Она говорит...

— А вы кто такая? Где моя секретарша Рита?

— Рита уволилась, сэр. Меня зовут Нэн, и я буду работать вместо нее до тех пор...

— Как это «уволилась»?! Я разговаривал с ней четверть часа назад.

— Это было довольно внезапное увольнение, сэр. Так вот, эта мисс Бендикс работает в лас-вегасском «Панчо» — ну, знаете, они ведут программу «Вторжение в личную жизнь» по кабельному телевидению и хотят...

— Нет-нет-нет, мне некогда с ними разговаривать. Просто запишите, что им нужно.

Бросив трубку, Хёрши вздохнул и посмотрел в небольшое окошко рядом с его столом. Мимо окошка пронеслось

несколько пожелтевших сухих листьев. Странно: насколько ему было известно, в этой части Нью-Йорка никаких деревьев давно не осталось.

Зазвонил телефон.

— Слушаю?

— Какой-то мистер Зиппери. Он чуть ли не в истерике, и, возможно, вы не...

— Это один из моих авторов. Соедините меня с ним.

Игон Зиппери на самом деле говорил почти нормально — для Игона Зиппери.

— Боб, это не я дергаюсь, а Арчи, — сказал он. — Что касается меня, то я мог бы еще месяц подождать, пока вы, подлые ублюдки, удосужитесь уплатить мне гонорар. Арчи же, как вы знаете...

— Арчи сидит в тюрьме строгого режима в кентуккской глубинке и не может...

— Он сбежал. Ему удалось каким-то образом раздобыть нож, искромсать двух надзирателей, случайно оказавшегося там социолога, проводившего опрос, и еще одного человека, от которого осталось так мало, что невозможно определить, кто это такой, — словоохотливо объяснил Зиппери. — Полагают, что он прячется где-то в Озаркских горах. Арчи вломился в магазин скобяных изделий, прирезал владельца и посетителя, зашедшего договориться насчет замены счетчика для автостоянки. Умыкнул шесть самых крупных топоров, какие там были. Вы же знаете, как он неравнодушен к топорам.

— Игон, нет такого закона, чтобы платить Арчи гонорар за эту книгу.

— Разумеется, разумеется. Арчи интересует *мой* гонорар, и он недоволен, что вы, гнусные подонки, задерживаете его. Я рассказывал вам, что он сделал с моим прежним литературным агентом?

— Игон, в «Оллендорфе» все очень довольны тем, как раскупается ваш «Маньяк с топором», — увещевал автора Хёрши. — Но я уже говорил вам, что нас перекупил «Блицгартен», и в связи с этим бухгалтерия на время закрыта — в буквальном смысле...

— Знаете, что Арчи ответил мне, когда я сказал ему это? «Вранье». И при этом издал свой характерный забавный звук, который можно слышать всякий раз, когда...

— Вы поддерживаете с ним связь?

— Бедняга звонит мне время от времени по телефону.

— И он по-прежнему скрывается где-то в Озаркских горах?

— Да, насколько мне известно, вместе с полудюжиной топоров.

— Сразу же после нашего разговора я пойду в бухгалтерию и потороплю их,— пообещал Хёрши, кладя трубку.

Телефон зазвонил.

— Мисс Бендикс говорит, что они делают программу, посвященную Жанин Уорблер, и поскольку между вами были когда-то пылкие отношения...

— Между мной и Жанин никогда никаких отношений не было, тем более пылких. Просто крыша у нее уехала очень далеко, и она думает, что я... Но это не важно.

— А я слышала, что вы осыпали ее знаменитыми поцелуями Хёрши.

На это Хёрши ничего не ответил и положил трубку.

— Девяносто две тысячи шестьсот шесть,— процедил он сквозь зубы. Примерно столько раз начиная с раннего детства над ним подшучивали из-за того, что знаменитый шоколадный магнат был его однофамильцем[1].

— У тебя есть минутка? — В дверях маячила высокая, худая фигура Кевина Мальруни, увенчанная массивной лысой головой. Он держал в руках макет обложки «Вторжения биофлавоноидов».

— Заходи.— Хёрши стал рыться в груде папок, рукописей, писем и прочих бумаг, наваленных на столе.— У моего автомобиля, похоже, какие-то проблемы с психикой. Маньяк с шестью топорами не удовлетворен тем, как выплачивается гонорар. Не такая жизнь виделась мне, когда я заканчивал пансион благородных девиц.

---

[1] «Поцелуй Хёршн» (*англ.* Hershey Kisses) — фирменное название маленькой шоколадки компании «Hershey».

— А мне всегда представлялось, что я закончу жизнь упитанным джентльменом с гривой седых волос, — отозвался Кевин. — Что ты ищешь?

— Вот. Памятная записка Оскара Гитлера, нового президента нашей компании.

— Вот видишь? Быть названным в честь шоколадки — это еще не самое плохое.

— Девяносто две тысячи шестьсот семь, — произнес Хёрши. — В этой фиговине написано: «На данный момент наша линия по выпуску научной фантастики отключена. Работа над книгами, находящимися в производстве, приостанавливается. Благодарю за помощь. Оскар Гитлер».

Мальруни повалился в единственное свободное кресло в комнате.

— Дерьмо, — прокомментировал он.

— Вот именно, — согласился Хёрши. — Я получил эту записку вчера вечером и забыл сказать тебе об этом.

Мальруни осторожно прислонил макет к картотеке.

— В рубрике «Требуются» очень редко упоминают высоких костлявых художников, тем более лысых. Это единственная причина, почему я до сих пор не уволился.

— Все стало паршиво после того, как нас перекупили.

— Ну, тебе-то, Роберт, беспокоиться не о чем.

— Это почему?

— У нас ведь всем будет верховодить твоя старая любовь. Я только вчера слышал это на одной вечеринке, вполне заслуживающей доверия.

Хёрши очень медленно выпрямился на своем кривобоком стуле.

— Под моей «старой любовью» ты имеешь в виду мою бывшую жену? Вряд ли она собирается верховодить в «Оллендорфе», поскольку занята тем, что без удержу тратит алименты, которые я ей выплачиваю, на всякую чепуху в каком-то тропическом раю.

— Я имею в виду Жанин Уорблер. Ходят слухи, что она оставляет книжное издательство «Майлдмэй», переходит главным редактором к нам, и...

— Великий Боже! — Хёрши схватился за сердце. — Вся моя жизнь начинает прокручиваться у меня перед глазами. Наверное, я умираю.

Мальруни ухмыльнулся:

— Я полагал, что вы с этой Уорблер были когда-то очень близки.

— Четыре года назад Жанин выставила меня из «Майлдмэя». Она перепачкала мне всю репутацию, я год сидел без работы, и если бы здесь не нашлись люди, которые ненавидят ее так же сильно, как я, то мне, наверное, пришлось бы распрощаться с издательским делом.

— Ты хочешь сказать, что у вас с Жанин ничего не *было*?

— Слушай. Я расскажу тебе. Пять лет назад мы оказались с ней на одной вечеринке в Гринвич-Виллидж[1]. Я немного выпил, но не столько, чтобы потерять голову. В какой-то момент у нас с Жанин состоялся разговор на кухне — о романах Роберта Музиля и Йозефа Рота. Правда, мы были там наедине — от этого никуда не денешься. Потом Жанин утверждала, что я набросился на нее, стал тискать и покрыл с ног до головы страстными поцелуями.

— Хм. Она, в общем-то, не дурнушка, так что...

— Я в жизни не притронулся к ней! — клятвенно возопил Хёрши. — Тем не менее она прониклась убеждением, что я грязное животное, сошедшее со страниц одного из романов Итона Зиппери. Она устроилась в «Майлдмэй» и в течение двух лет добралась до командных высот. У нее была прекрасная работа на старом месте, но она перешла в «Майлдмэй» исключительно для того, чтобы оказаться там же, где и я. И, захватив власть, она выгнала меня.

— Почему бы тебе не обсудить с ней ситуацию спокойно?

— Она слишком экспансивная женщина, — покачал головой Хёрши. — С ней невозможно обсудить что-либо спокойно.

— И что же ты будешь делать, если она действительно придет сюда и станет твоим боссом?

---

[1] Гринвич-Виллидж — район Манхэттена, оккупированный богемой.

— Не знаю. Возможно, сотворю что-нибудь ужасное, — ответил Хёрши.

* * *

В субботу шел дождь, но Хёрши тем не менее решил пройтись по окрестностям. Он убедился, что одинокие прогулки в Ведьмином лесу, тридцатиакровом заповеднике возле его многократно перезаложенного коттеджа в Бримстоне, штат Коннектикут, способствуют плодотворному размышлению. Засунув руки в карманы, подняв воротник стеганой куртки и низко надвинув на лоб старую шапочку для гольфа, он брел по узкой извилистой тропе, ведущей к Пруду самоубийц.

Сильный и холодный дождь грозил перейти в град. Он бил Хёрши по ушам, стучал по спине. Хёрши прогуливался уже минут двадцать и не встретил за это время ни одного человека. В гуще застывших, почти совсем потерявших листву деревьев перекликались сердитыми голосами какие-то птицы.

Сначала Хёрши думал о том, что его ждет в будущем, но тема была слишком мрачная, и он попытался выкинуть из головы все мысли вообще.

— Прошу прощения, начальник. Нельзя ли обратиться к тебе с просьбой, которая поначалу может показаться необычной и даже странной?

Хёрши вздрогнул от неожиданности, резко остановился посреди размокшей тропы и, нахмурившись, стал вглядываться в лесную чащу сначала слева от себя, затем справа. Ни слева, ни справа он никого не увидел.

— Еще мне хотелось бы попросить, чтобы ты не вопил как тысяча чертей, когда увидишь меня. И, пожалуйста, не убегай, бросив меня на произвол судьбы в сгущающихся сумерках.

— Слушай, приятель, если ты хочешь выкинуть какую-нибудь шутку со мной, — обратился Хёрши к лесу, — то учти, что я только что издал одну книжку про крутого парня, кромсавшего всех подряд топором, и извлек из этой книги кое-что полезное для себя...

— Не мог бы ты подойти чуть ближе к клену, начальник?

— Это который из них клен?

— По-видимому, тебе следует издать какую-нибудь капитальную книжку о лесном хозяйстве. Ты шатаешься по этому окаянному лесу уже почти шесть лет и до сих пор не можешь отличить клена от тополя или вяза. Ну хорошо, я облегчу тебе задачу и сам подойду. Стой на месте.

Кусты около одного из деревьев — очевидно, клена — зашевелились, и из них вышел самый обыкновенный енот, судя по всему, видавший виды.

— Конечно, я надеялся встретить кого-нибудь поимпозантнее, но что поделаешь, — вздохнул зверек.

Хёрши сделал шаг назад и опять огляделся.

— Ну ладно, ребята, пошутили, и хватит. У меня нет настроения участвовать в фокусах с чревовещанием или спрятанными на деревьях динамиками.

— Неужели я похож на какого-нибудь банального кролика из шляпы и меня надо дублировать? — Енот поднялся на задние лапы и ткнул в шерсть на груди крохотным пальчиком. — Может, все-таки перейдем к делу? Только прошу тебя, не делай поспешных выводов, выслушав мою печальную повесть.

Хёрши всмотрелся в сумеречный лес внимательнее.

— Это что, съемка скрытой камерой? Какая-нибудь программа вроде «Все люди дураки» или «Самые выдающиеся идиоты Америки»?

— Вот черт, я лишь раз в году могу обратиться за помощью к человеку, и меня угораздило нарваться на тебя! Поверь, я рад нашей встрече ничуть не больше, чем ты.

Похоже, это наглое животное действительно разговаривало с ним. У него был писклявый голос с британским акцентом.

— Конечно, есть еще одна возможность, — сказал Хёрши еноту. — Я тронулся, и у меня начались галлюцинации.

— В лучшем случае ты еще где-то на грани помешательства, начальник. Все это происходит в действительности, — заверил его енот терпеливо. — Будь так добр, выслушай же меня наконец. Ты можешь избавить меня от

необходимости еще целый год переживать душевные муки и рыться в отбросах, оказав самую пустячную... — пауза затянулась, — услугу.

— Подожди-ка. — Хёрши подошел к еноту и присел на корточки, разглядывая его. — Уж не хочешь ли ты сказать, что тебя заколдовали?

— Оп-ля! Ты попал в точку с первого раза.

— Кто-то наложил на тебя проклятие?

— Опять угадал. Неужели ты умнее, чем кажешься?

— Если ты хочешь добиться от меня какой-то услуги, то оскорбления вряд ли помогут тебе достичь цели.

— Да, конечно, прошу прощения. — Сокрушенно вздохнув, енот пожал мохнатыми плечами. — Короче говоря, начальник, суть в том, что конкурирующий колдун наложил на меня это окаянное проклятие еще в тысяча девятьсот семьдесят девятом году, и с тех пор я пытаюсь...

— Конкурирующий колдун? Значит, ты тоже колдун?

— В человеческом облике — да. Но в данный момент мои способности почти на нуле. Способ, каким можно освободить меня от этого колдовства, наверное, покажется тебе довольно банальным, но воображение у моего заклятого врага не слишком богатое, и к тому же с оттенком извращенности. Я слышал краем уха, что ты однажды редактировал сборник народных сказок, так что, возможно, имеешь представление...

— А-та-та-та-та! Ну уж, фигушки. Не дождетесь. — Хёрши поднялся и снова вперил взгляд в лесную чащу. — Мальруни, это твои штучки? А ну, выходи.

— Мальруни сейчас в Нью-Джерси развлекается в постели с новой помощницей редактора молодежного отдела, — информировал его енот. — А тебе всего-то и нужно поцеловать меня.

— Все ясно, это розыгрыш. Опять «поцелуи Хёрши». Вот уже в девяносто две тысячи шестьсот одиннадцатый раз с тех пор, как я родился, какой-нибудь умник...

— Послушай, Хёрши. Не я выдумал это дурацкое колдовство и способ, каким я могу от него избавиться.

— А откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Ты сам только что кричал об этом. Кроме того, даже существу со столь ничтожными оккультными способностями, какими я сейчас обладаю, не составляет труда угадать имя и профессию какого-нибудь чудика вроде тебя.

— Ты колдун мужского рода? — спросил Хёрши.

— Увы, да. Я не прекрасная заколдованная принцесса.

— Ну, не знаю... Если станет известно, что я целовался в лесу с мужчиной...

— С енотом, а не с мужчиной! В данный момент я енот. И потом, кто об этом узнает? Я болтать не собираюсь.

— А если я подхвачу у тебя какое-нибудь енотовое бешенство?

— Уверяю тебя, я не страдаю бешенством.

— Это ты так говоришь.

— Не обязательно целовать меня в пасть. Можешь поцеловать в макушку.

Хёрши дернул за козырек своей бейсбольной шапочки.

— А что я буду с этого иметь?

— Неужели ты не можешь поступить по-человечески просто так?

— В принципе, конечно, я мог бы. Но традиционно в сказках полагается какое-нибудь вознаграждение — горшок золотых монет, бочонок с драгоценными камнями, исполнение трех желаний, женитьба на принцессе — что-нибудь из этой серии.

— Послушай, Хёрш. Помоги мне, и я скажу тебе, как решить проблему с Жанин Уорблер.

— Так ты и о ней знаешь?

— Да, кое-какие слухи просочились ко мне из заоблачных сфер.

Хёрши в последний раз внимательно огляделся.

— О'кей, — произнес он и очень аккуратно поцеловал енота в лоб.

* * *

Вернувшись в понедельник домой после тяжелого трудового дня, Хёрши нашел колдуна в гостиной, где тот расположился в большом черном кресле перед телевизором.

— Развлекаешься, Рансибл? — спросил он. — Кстати, по-моему, это все-таки дурацкое имя.

— Таким уж меня наградили. Я коротаю время за видеоиграми.

— У меня нет видеоигр.

— Магу первого класса нет надобности в ваших ничтожных технических выдумках.

— Помнится, ты хотел сосредоточиться на поисках жилья и съехать с моей квартиры.

Волшебник оказался приземистым толстым мужчиной лет шестидесяти пяти с курчавыми седыми волосами. Его одежду составляли помятый костюм из материала, похожего на твид, розовая рубашка и галстук всех цветов радуги. Поверх всего этого была накинута доходившая до полу хламида бронзового цвета. Рансибл никогда не снимал желтых очков с мутными поцарапанными стеклами.

— Я восстанавливаю силы, — ответил он своим пронзительным голосом. — Многолетнее прозябание в этой окаянной енотовой шкуре не способствует укреплению здоровья.

Хёрши, слегка ссутулясь, бросил свой «дипломат» у порога и плюхнулся на низкую белую тахту напротив колдуна.

— Как насчет Жанин Уорблер? — спросил он.

— Дай мне еще несколько дней, начальник. Тогда я буду способен справиться с твоей проблемой.

— Она переходит-таки в «Оллендорф», это точно. Будет главным редактором и вице-президентом. — Голова Хёрши поникла. — Мои дни в издательстве сочтены.

— Не стоит так волноваться. Я аккумулирую всю свою потенциальную колдовскую энергию и...

— Первого числа следующего месяца, Рансибл, меня вышвырнут пинком под зад. И все потому, что Жанин утверждает, будто я целовал ее в ту роковую ночь в...

— Поцелуи! — Рансибл неожиданно выпрямился и взбрыкнул несколько раз своими короткими ножками. Он махнул рукой в сторону телевизора, тот выключился. — Одну минуту, начальник. У меня возникла идея. — Колдун сунул руку в перчатке в один из глубоких карманов своей

хламиды, набитых всякой всячиной. — Мне надо заглянуть в магический кристалл.

Когда Рансибл с некоторым трудом вытянул из кармана кристалл величиной с бейсбольный мяч, вместе с ним оттуда выскочила маленькая ящерица, которая стремительно кинулась по ковру персикового цвета к портьере и забралась на нее.

— Это твой магический кристалл? На вид он какой-то мутный и липкий.

— Прошу тебя, помолчи. Это Священный кристалл Саргона. — Потерев кристалл о рукав, Рансибл поднес его к лицу и, прищурившись, стал всматриваться вглубь. Шар начал испускать слабое зеленое свечение.

— Жанин Уорблер... Ага, вижу Жанин Уорблер. Силы небесные! Пташка в самом что ни на есть натуральном виде. Собирается залезть под душ.

— Ну-ка, ну-ка, — произнес Хёрши, поднимаясь с тахты.

— Оставайся там, где сидишь. Ты нарушишь очень непрочную магическую связь, — замахал на него свободной рукой колдун. — О мистические наставники из мира духов, почему вы показываете мне крупный план задней части этой красотки?.. А, понятно. Вы хотите, чтобы я обратил внимание на жука.

— Какого жука? — Хёрши ерзал на краешке тахты.

— Так, улавливаю. Тайный знак, вытатуированный на ее левой ягодице... священный египетский скарабей... Как вы сказали? Я не расслышал, ребята... — Он сжал руками хрустальный шар. — Повторите еще раз... Что он должен сделать? Говорите помедленнее... А, ясно. Но что это даст? Ах, вот как. Ну... — Неожиданно он без сил откинулся в кресле, глаза его закрылись. Пальцы правой руки разжались, и кристалл, переставший светиться, упал на ковер и откатился к камину.

Хёрши поспешил к волшебнику.

— Эй, с тобой все в порядке?

Рансибл заморгал глазами:

— Это колдовство — ужасно утомительное занятие. Особенно когда долго не практиковался. Если бы я был в фор-

ме, то мог бы узнать гораздо больше полезного, — объяснил он, тяжело дыша. — Я, наверное, смогу связаться с ними снова, только всякий раз...

— Что тебе удалось выяснить про Жанин?

Рансибл поднялся, оправил свою хламиду и опять сел.

— Ну что вам сказать, сэр? К сожалению, сообщение было не таким четким, как хотелось бы, — ответил он, сплетя пальцы в перчатках. — Как я понял, весь фокус в том, что у дамы на попке есть татуировка, которая обладает некой мистической силой, но тут как раз возникли помехи...

— А почему я ничего не слышал?

— Мои духовные наставники общаются со мной телепатически. — Рансибл постучал себя по лбу. — И с помощью изображения в кристалле. Не мог бы ты подать мне его, кстати?

Хёрши подошел к кристаллу и, встав на колени, поднял его. Кристалл был липким.

— Какое отношение имеет эта татуировка к нашему делу?

— Если я правильно их понял, ты должен... Благодарю. — Взяв кристалл, колдун нежно погладил его и опять сунул в карман. — Чтобы справиться с интересующей нас особой, шеф, тебе надо поцеловать ее татуировку.

— Опять поцелуи!

— Облобызав этого жука, ты приобретешь над ней власть. Почему так, я не знаю. Ты должен приложиться к ее заду трижды, и дело в шляпе.

Хёрши сел.

— Короче, согласно полученному тобой сообщению из мистических сфер, я должен устроить все таким образом, чтобы иметь возможность поцеловать голую задницу Жанин — и не один раз, а целых три?

— Ты усвоил все очень хорошо.

— Пожалуй, я лучше поработаю над своим резюме.

В четверг разразилась метель. За окном офиса крутились снежные вихри. Хёрши отвернулся от окна, сосредоточившись на своем движимом имуществе. Пожалуй, ему понадобится не одна коробка из-под вина, чтобы унести нажитое

барахло. Может быть, оставить это все в редакции? Вдруг они решат устроить здесь его мемориальный музей.

Конечно, оставалась слабая надежда на то, что ему не придется уходить. В перерывах между видеоиграми Рансибл уверял Хёрши, что колдовство — возможно, с незначительным добавлением черной магии — непременно поможет ему и позволит сохранить работу. Но каким образом это произойдет, загостившийся у него колдун не объяснял.

— Гитлер случайно не отменил и эту серию? — спросил Мальруни, появившийся в дверях с макетом обложки последнего романа из цикла, предназначенного для молодежи, начинающей самостоятельную жизнь, и носившего общее название «Больница для матерей-одиночек». — Это было бы большим облегчением.

— Увы. Что это нагромождено у тебя на переднем плане?

— Это сова. Ты что, забыл? В этом романе совам, обитающим в лесу за больницей, угрожает опасность, и медсестра Викки вместе с молодым врачом Билли спасают их.

— Твоя сова похожа на арбуз в солнечных очках... Впрочем, мне-то что? Меня выставят еще до конца года.

— Как знать. — Мальруни, сунув эскиз под мышку, приблизился и сел в кресло.

— Что ты хочешь этим сказать? Разве Жанин не собирается править здесь железной рукой?

— Да нет, вроде бы собирается, — отвстил Мальруни, понизив голос и наклоняясь к Хёрши. — Но я познакомился с мисс Бендикс, которая пыталась связаться с тобой, — из лас-вегасского «Панчо», если помнишь. Она говорит, что в одном из своих шоу «Вторжение в личную жизнь» они хотят разоблачить Жанин Уорблер. Показать, как она карабкалась наверх по трупам, как она...

— Что такого необычного в том, чтобы карабкаться по трупам?

— Ничего нсобычного, конечно, но у них вроде бы есть доказательства, что она при этом прибегала к не совсем законным приемам. И еще они намекали на какие-то амурные делишки.

— Мне-то что толку от всего этого?

— Шоу должно выйти очень скоро. Возможно, оно настолько испортит ее репутацию, что «Блицгартен», по зрелом размышлении, решит не приглашать ее.

— Если бы «Блицгартен» был способен зрело размышлять, он не стал бы покупать нас.

— Мне кажется, тебе надо поговорить с мисс Бендикс. У нее потрясающие ноги, а их «Вторжение в личную жизнь», как мне представляется, на твоей стороне.

— Нет уж, увольте.

— Тем не менее они могут сами найти тебя. У них принято подлавливать людей без предупреждения, вторгаться на совещания, совершать набеги на мотели. Докапываются до истины любыми средствами.

— Я не настолько интересен, чтобы они меня подлавливали, — заверил Хёрши своего приятеля.

* * *

Вечером в пятницу, в начале двенадцатого, Хёрши стоял на Нью-Йорк-сити авеню в районе Восточных шестидесятых улиц. Падал легкий снег, и, засунув руки глубоко в карманы стеганой куртки, Хёрши трясся от холода и тихо матерился. Уже семнадцать минут он ждал Рансибла у входа в Манхэттенский этнографический музей.

— Восемнадцать, — уточнил Хёрши, вытащив руку из кармана и посмотрев на часы.

— В полной боевой готовности, начальник. — На углу появился Рансибл в наглухо застегнутом длинном пальто. — Пошли.

— Я полагал, что, обладая мистическими способностями, можно погрузить человека в транс быстрее, чем...

— Что я могу поделать, если охранник этого псевдокультурного заведения имеет привычку поспать на посту? Ушло какое-то время на то, чтобы пробудить его от дремоты, навеянной алкоголем. — Он поманил Хёрши пальцем в перчатке. — Но я рад сообщить, что теперь мы можем беспрепятственно проникнуть в помещение.

— Тебе понадобилось восемнадцать минут, чтобы разбудить этого типа?

— Нельзя же подвергать человека колдовским чарам с бухты-барахты, — объяснил Рансибл, поднимаясь по заснеженным ступеням музея, погруженного во тьму. — Он должен расслабиться и стать более восприимчивым. Нужно перекинуться с ним парой ласковых слов.

— За восемнадцать минут можно накидать пару тысяч ласковых слов.

Волшебник толкнул широкие металлические двери, они распахнулись.

— Этот охранник плохо поддавался внушению.

— И поэтому у тебя ушло на беседу с ним столько времени?

— Да, и еще на то, чтобы связать его и заткнуть ему рот кляпом.

Они очутились в полутемной галерее, в которой пахло пылью, полиролем и стариной.

— Если он в трансе, так зачем его связывать?

— Дело в том, шеф, что в конце концов мне пришлось утихомирить его, хлопнув по черепушке.

Хёрши остановился как вкопанный возле витрины, заполненной бусами.

— Но это же физическое насилие!

— Иногда чуточка физического насилия действует не хуже, чем колдовство.

— Вот уж не знаю... — покачал головой Хёрши. — Все идет совсем не так гладко, как...

— Давай поспешим, — прервал его колдун. — Экспонат, который нас интересует, находится вон за той дверью слева от тебя.

— А ты уверен, что это сработает?

— Сообщение на этот счет было четким и ясным.

Хёрши переступил порог зала.

— Мне кажется, если бы этот Священный перстень Карнабахара действительно обладал магической силой, о которой толкуют твои мистические советчики, то вряд ли его выставили бы в этом занюханном музее.

— Немало предметов, обладающих чудесной магической силой, недоступны восприятию невежд, — заметил

колдун. — Но время поджимает. Вэн статуя. — Он указал в противоположный конец слабо освещенного зала.

— Это Карнабахар?

Большая деревянная фигура футов семи высотой, похожая на культуриста с головой пса, стояла на пьедестале возле высокого узкого окна.

— Он был весьма почитаемым божеством в древнем Маккаристане. Ежегодно ему приносили в жертву девственниц, каждый месяц — быка, совершали культовые обряды.

— Это было несколько тысяч лет назад. Может, за это время магическая энергия иссякла?

— Магия не нуждается в регулярной перезарядке, шеф. Пожми ему ногу и поцелуй перстень.

— Кстати, все эти поцелуи, которые я в последнее время раздаю по твоей указке налево и направо, вызывают у меня некоторое сомнение. Ведь эта история началась как раз с того, что Жанин решила...

— Перстень, который ты должен поцеловать, — серебряный, с поддельным рубином. Не спутай его с золотым, в котором поддельный смарагд, или с тем, что изготовлен из звериного зуба. Для наибольшей эффективности целовать надо сам камень.

— Сколько раз?

— Согласно полученным мною сведениям, всего один.

— И после этого я стану невидимым?

— Так объяснили мне мои мистические наставники.

— Ночка не из теплых.

— Все так, начальник, но давай обсудим погоду чуть позже.

— Но ведь для того, чтобы стать действительно невидимым, если это вообще возможно, мне нужно полностью раздеться?

— Да, это было бы целесообразно.

— Если я разденусь в такой холод, то уж точно отморожу себе задницу.

— Лучше отмороженная задница, чем погубленная карьера, — отозвался колдун. — Целуй перстень, Хёрш. Мне кажется, я слышу мычание охранника.

Хёрши бросил взгляд на притаившиеся в полутьме статуи и стеклянные витрины. Глубоко вздохнув, он потянулся к перстню и поцеловал его.

* * *

— Я весь покрыт гусиной кожей...

— Этого никто не заметит.

Хёрши, обнаженный и невидимый, сидел на холодном сиденье своего «Цитрона 210S».

— Надо отправить машину обратно к механику, чтобы он наладил печку, — сказал он.

Рансибл, сидевший за рулем, протер запотевшее лобовое стекло рукавом.

— Вот местечко, где можно припарковаться.

— Квартира Жанин на Семьдесят второй Восточной улице, а это Семьдесят третья. — Хёрши хотел потереть свои замерзшие руки, но, не видя их, сначала промахнулся. — Мне что, плестись по снегу и слякоти целый квартал?

— Большие дела, Хёрш, требуют больших жертв. К примеру, однажды...

Громкий скрежет прервал его.

— О черт, опять толкать! — воскликнул Хёрши.

Но волшебнику все-таки удалось сдвинуть машину с места и припарковать ее, еще немножко погладив днищем мостовую и постучав бампером о соседние автомобили.

— Ну вот, замечательно устроились.

— Ну да, лучше не бывает — одно колесо на тротуаре, крылом въехал в столб.

— Я буду сопровождать тебя до дверей здания, — сказал Рансибл. — Отвлеку консьержа, а ты тем временем проскакивай мимо него и дуй наверх, в квартиру красотки. — Он открыл дверь, и в салон ворвался колючий ночной ветер. Рансибл вылез из машины и плотно запахнул свое длинное тяжелое пальто.

— Может, ее и дома-то нет. — Хёрши с большой осторожностью ступил босой ногой на заснеженный тротуар. — Ух ты, прямо кусается.

— Дама у себя, одна и сладко спит, — заверил его волшебник. — Об этом меня мои источники уже информировали.

— А квартира ее наверняка на запоре.

— Кристалл показал, что кухонная дверь незаперта. Ты должен проникнуть именно через нее, не спутай.

Хёрши уже трясся от холода, невидимые ноги задеревенели.

— Я оставляю следы в этой слякоти.

— Ничего не поделаешь. Давай перейдем здесь и повернем за угол.

— А если Жанин проснется, пока я буду целовать ее?

— Это не имеет значения.

— Как это?

— Когда ты поцелуешь этого скарабея трижды, то, скорей всего, приобретешь над ней некую власть. Мы об этом уже...

— «Скорей всего»?!

— Некоторые сообщения, как ты помнишь, были не очень внятными, — ответил Рансибл, остановившись. — Поэтому, учитывая, что невидимкой ты будешь всего час...

— Как час?! Ты говорил, три. Ты клялся, что, поцеловав этот проклятый перстень, я буду полностью невидим по крайней мере три часа!

— Понимаешь, шеф, именно этот кусок информации был несколько смазан. Как мне представляется сейчас, они, возможно, сказали, что только один.

— Я целовал эту хреновину двадцать минут назад, и, значит, у меня осталось всего...

— Вот-вот, давай не будем тратить время на болтовню, — отозвался Рансибл.

* * *

Не успел Хёрши нырнуть в кабину лифта, как вслед за ним туда ворвался небольшой пуделек, шерсть которого отливала розоватым цветом. Присутствие невидимого Хёрши чрезвычайно заинтересовало его.

Усталый седовласый человек, выгуливавший пса, потянул за поводок.

— Прекрати вылять дурака, бестолковая псина.

Пудель продолжал с остервенением обнюхивать невидимые большие пальцы ног Хёрши. В его маленькой собачьей груди клокотало недоуменное ворчание.

— Уймись же, паршивец. — Хозяин пса опять дернул поводок.

Хёрши затаил дыхание, раздумывая, дать или не дать любопытному псу невидимый пинок.

Лифт затрясло, он остановился на десятом этаже. Дверь с шорохом раскрылась. Мужчина, схватив взбудораженного пуделя в охапку, покинул лифт.

Хёрши наконец-то с шумом выпустил воздух из легких и заметил, что снег у него на ногах растаял, образовав на ковре небольшую лужицу.

Лифт опять задребезжал и остановился. Это был тринадцатый этаж.

Хёрши выбрался из кабины. Раньше он не отдавал себе отчета, как часто смотрит на свои ноги при ходьбе. Теперь, когда их не было видно, шагать стало гораздо труднее. Ноги спотыкались и заплетались, Хёрши пошатывался.

До квартиры Жанин оставалось футов пятнадцать, когда дверь напротив чуть-чуть приоткрылась. Хёрши показалось, что кто-то выглянул, но дверь тут же тихо затворили.

Перед нужной ему квартирой он помедлил, но затем отбросил колебания и двинулся вперед. Кухонная дверь действительно оказалась незапертой, но, когда он стал осторожно открывать ее, она ужасно заскрипела. Дверь квартиры напротив опять стала открываться. Хёрши юркнул в кухню и, захлопнув дверь за собой, прислонился к ней.

В большой кухне, выкрашенной в белые и желтые цвета, светила единственная лампочка над мойкой. Явственно ощущался запах вкусной пищи. Хёрши остановился возле раковины — ему захотелось пить. Он протянул руку к крану и стал осторожно открывать его, как вдруг заметил свои пальцы — сначала мизинец и соседние пальцы, затем указательный и большой.

— Матерь Божья! — пробормотал он, глядя, как в воздухе появляется вся кисть его правой руки вместе с запястьем.

В отчаянии помотав головой, он опустился на белый табурет. Стрелки стенных часов не успели отсчитать и трех минут, как он снова стал полностью видимым.

— И вот, без шести двенадцать я сижу в чем мать родила посреди кухни Жанин, — произнес он вслух. — Неудивительно, что у Карнабахара в наше время не осталось поклонников.

Разумнее всего, пожалуй, было бы сматываться из квартиры подобру-поздорову. Но он был голым. Преодолеть тринадцать этажей на лифте, пересечь вестибюль и выйти в таком виде на улицу — это была еще та задачка. Он решил поискать в гардеробе Жанин какой-нибудь плащ или накидку.

Однако если он собирается рыскать по квартире, почему бы не попытаться сделать то, ради чего он пришел? Согласно источникам информации Рансибла — правда, не слишком надежным, — Жанин крепко спала в своей постели. Немножко везения, и ему, возможно, удастся пробраться к ней в спальню, не разбудив ее, и поцеловать эту татуировку.

Хёрши уже поднялся было, но тут услышал какое-то бормотанье за дверью. Он замер на табурете и прислушался. Прошла минута, но больше никаких звуков не доносилось.

Покинув свой насест, он через двойные двери прошел в просторную столовую. Тут было темно, и он крадучись пробрался вдоль стены в гостиную. Она была еще больше, за окном виднелись снежная ночь и многоквартирные дома, высившиеся со всех сторон.

Он на минуту задержался у камина. В нем еще тлели последние угольки, и Хёрши чуть-чуть согрелся. Спальня Жанин, если верить Рансиблу, находилась сразу за книжными стеллажами, поднимавшимися до потолка. Подойдя к двери, он взялся за медную ручку и медленно повернул ее. Дверь тихо отворилась, он шагнул за порог.

Спальня освещалась маленьким шарообразным ночником, расположенным почти у самого пола возле низкой широкой кровати. Хёрши, едва дыша, замер в дверях.

Жанин спала на кровати, ее длинные черные волосы были разбросаны по розовой подушке. Она ровно дышала, тихонько посапывая.

Двигаясь неслышно и осторожно, Хёрши приблизился к спящей редакторше.

Ему повезло — она лежала на животе, что существенно облегчало доступ к ее задней части. Рискнув сделать очень тихий вдох, Хёрши взялся за краешек одеяла и стал боязливо оттягивать его. Как и предсказывал Рансибл, Жанин спала обнаженной.

Наклонившись, Хёрши прищурился, разглядывая левую ягодицу. Вытатуированный на ней скарабей был явственно виден в желтом свете ночника.

Женщина пошевелилась и пробормотала что-то в подушку.

Хёрши выпрямился, готовый броситься наутек. Оглядевшись, он заметил платяной шкаф. Однако редакторша не проснулась.

Пожав плечами, Хёрши снова склонился над ней и с большой осторожностью уперся обеими руками в матрас. После этого он стал медленно приближать голову к жуку.

В первый раз он промахнулся и поцеловал правую ягодицу.

Жанин что-то произнесла и задвигалась довольно энергично.

Хёрши спикировал и трижды быстро поцеловал жука, ни разу не промахнувшись.

Она перевернулась и села, приоткрыв от изумления рот.

— А, это вы, Боб, — произнесла она, узнав его.

— Я понимаю, Жанин, что все это странно и необычно, но позвольте мне объяснить... — начал он.

— Боб, дорогой, к чему эти извинения? — отвечала она с улыбкой. — Я ждала, что вы рано или поздно явитесь. Я знала, что когда-нибудь вы все же разберетесь в своих чувствах ко мне и придете к правильным выводам.

— *Я* разберусь в своих чувствах к *вам*?! Боже правый, да ведь это вы годами преследовали меня, наговорили всем бог знает что...

— Только потому, что вы пренебрегали мной. Именно по этой причине я и придумала эту историю с приставанием. Но вы по-прежнему не обращали на меня внимания и

женились на другой. Этого я уже не могла снести и... решила отомстить. Любовь и ненависть порой идут рука об руку.

— Да, это верно...

Жанин похлопала по кровати.

— Присаживайся, дорогой, — предложила она. — Мне надо кое в чем признаться. Это, конечно, довольно необычный и, в общем-то, пугающий способ — я сначала даже не верила в него, — но, похоже, он подействовал там, где не действовало ничто другое.

— О чем вы, Жанин? Я не понимаю вас.

Она взяла его за руку.

— Наверное, я действительно объясняюсь довольно бестолково, — произнесла она извиняющимся тоном. — Дело в том, что примерно неделю назад я оказалась на сборище, устроенном в Гринвич-Вилидж в честь одного из наших авторов. И мне почему-то вдруг пришла в голову идея сделать татуировку.

— Неделю назад... — повторил он медленно. — Значит, татуировка новая?

— Да, я сделала это чисто импульсивно. — Иногда, выпив два-три бокала вина, я... на меня находит. Человек, который делает татуировки, почувствовал, что я расстроена, и признался, что он волшебник. Я никогда прежде не позволяла дурачить себя чем-либо подобным, но он говорил очень убедительно. Он уверял меня, что за приличную цену сможет выполнить любое мое желание. Поскольку ты теперь разведен, то я решила, что не будет греха в том, чтобы заманить тебя в свои сети.

— У этого волшебника седые курчавые волосы?

— Да, а что?

— И он носит длинный плащ рыжевато-коричневого цвета.

— В его ателье висело что-то подобное.

— В таком случае похоже, что мы...

Но в этот момент команда из лас-вегасского «Панчо», трудившаяся над программой «Вторжение в личную жизнь», ворвалась в спальню, вооруженная камерами и магнитофонами, и рьяно принялась за дело.

ТОМ ХОЛТ

Бегство с планеты медведей

Том Холт (Tom Holt, род. 1961) обладает даром сочинять удивительно разнообразные комические романы в жанре фэнтези. Первым из них был «В ожидании кого-нибудь повыше ростом» *(Expecting Someone Taller, 1987), за ним последовали* «Кто боится Беовульфа?» *(Who's Afraid of Beowulf?, 1988),* «Летучий голландец» *(Flying Dutch, 1991),* «О, Боги!» *(Ye Gods, 1992),* «Фауст в своем кругу» *(Faust among Equals, 1994),* «Игра в джинн» *(Djinn Rummy, 1995),* «Раскрась дракона» *(Paint Your Dragon, 1996),* «Сезам, открой» *(Open Sesame, 1997),* «Жаль, что тебя нет со мной» *(Wish You Were Here, 1998),* «Ничто человеческое...» *(Only Human, 1998) и еще многое другое. Лучшие юмористические произведения Тома Холта не только смешат, но и взывают к чувствам читателя. При всем комизме ситуации в рассказе* «Бегство с планеты медведей» *(Escape from the Planet of the Bears), его финал оставляет довольно горький осадок. Но прочитайте — и решите сами.*

Чудовища туземные не так уж и страшны,
И даже мухи-демоны любезны и нежны,
А водяные дьяволы едят одну морковь,
Но вот зверьки пушистые пьют человечью кровь.
Фрэнк Хейес. Маленькие пушистые зверьки

Бортовой журнал исследовательского космического корабля «Заратустра». Время и место действия неизвестны.

Слейд оглянулся. В бухте позади него тонул космический корабль. В вихре пара и брызг был виден лишь отсек с двигателями. Он подумал о том, какое действие должна оказать морская вода на коллектор нейтронного пульсирующего реактора, и поспешил укрыться за ближайшей скалой.

И поступил очень мудро. Земля всколыхнулась, как кисель в кастрюле, почти вся вода в бухте взмыла в воздух, повисела там один миг и обрушилась на землю, словно

удар молота, промочив Слейда до нитки. Астронавт вырос в Англии, так что это было ему не впервой, но мысль о том, что корабль исчез навсегда, настолько потрясла Слейда, что он, пошатнувшись, тяжело опустился на пятую точку, придавив медузу какого-то неизвестного вида.

(Хороший был двигатель. С таким же успехом он мог бы еще на орбите выкинуть за борт все сердечники.)

Он не имел понятия, куда попал, но теперь это был его дом.

Грустно.

Он огляделся. Похоже, он мог утешаться хотя бы тем, что его угораздило выброситься на планету, которая на первый взгляд ничем не отличалась от Земли. О подавляющем большинстве планет этого никак нельзя было сказать — это Слейд знал точно. И надо же, такое необыкновенное везение — его новое пристанище, судя по всему, изобиловало органической жизнью. Вероятность этого была близка к нулю. Слейд почти неминуемо должен был очутиться либо в облаке ядовитых паров, либо на улице какого-нибудь города вроде Кливленда постиндустриальной эпохи. А вместо этого — нате вам! Все могло обернуться гораздо хуже.

Но с другой стороны...

Корабля больше не существовало, а возможности добраться до дома пешком не предвиделось. Именно это кошмарное видение преследовало всех космопроходцев (как правило, после обеда из замороженных овощей и засушенных куриных консервов) — они совершают вынужденную посадку на чужой планете, не имея при себе ничего, кроме костюма для приспособления к окружающей среде и аварийного набора инструментов. В Академии их, разумеется, инструктировали, что следует делать в таких случаях. Он дословно помнил формулировку:

Лучше всего найти какой-нибудь утес и спрыгнуть с него.

Да, уж что-что, а выражаться кратко и доходчиво в Академии умели. Но утесов вокруг не было видно, и потом, он еще не созрел для полной капитуляции.

Бортовой журнал, продолжение записи, — наговаривал он в портативный диктофон. — Совершил посадку на неизвестной планете. Корабль уничтожен, остальные члены экипажа, очевидно, погибли. Достать какое-либо имущество с корабля невозможно. Взрыв. Конец записи.

Слейд стоял у подножия холма, вершина которого поросла лесом. Убежище, подумал он. Возможно, также еда и строительные материалы. Без лишних проволочек он стал подниматься по склону.

Деревья на вид ничем не отличались от старых добрых сосен на Земле, а их запах пробуждал у Слейда детские воспоминания: пикники под дождем, ссорящихся родителей и страх, пережитый им, когда он заблудился. Правда, в данный момент слово «заблудился» вряд ли подходило — эта проблема занимала его не больше, чем Жанну д'Арк, ступающую на костер, могла бы волновать мысль о том, что она не прихватила с собой зонтик от солнца. Слейд шел по лесу уже целый час — похоже, эти угодья раскинулись по меньшей мере на сто акров. Под деревьями не росло никаких кустарников, в том числе и ягодных; вокруг было неестественно тихо, птицы не пели; ничто не копошилось и не шевелилось, кроме ветвей, покачивающихся на ветру. Даже насекомых не было видно. Очень странно.

Вдруг он услышал женский крик.

Он оглянулся, стараясь определить направление, и увидел ее. Обыкновенная женщина — высокая молодая блондинка, чье тело прикрывали какие-то лохмотья. Она была босой, но бежала так, будто на ногах у нее были туфли с каблуками не меньше трех дюймов. Ее ногти имели идеальную, чуть удлиненную форму — в естественных условиях такие можно увидеть разве что в непосредственной близости от салона красоты. Женщина обернулась, отчетливо произнесла «Йек» и, споткнувшись о корень дерева, упала.

Слейд присел на корточки. «Хм. Не исключено, что мне здесь понравится», — подумал он. Эволюция на этой планете, по-видимому, пошла несколько иным путем, нежели на Земле. Если бы Чарлз Дарвин был уроженцем здешних мест, ему пришлось бы вместо биологии заняться чем-ни-

будь вроде изготовления черепаховых гребней. Но кто сказал, что все и всюду должно происходить одинаково? В стране глухонемых и какой-нибудь слабоумный...

Тут его мысли прервал другой звук, слабый и далекий. Акустика в лесу очень обманчива, но было похоже, будто где-то хлопают пробками, вытаскивая их из бутылок.

«Пора действовать», — решил Слейд. Поднявшись, он поспешил к женщине, отметив, что волосы у нее блестят и уложены, как после парикмахерской.

— Прошу прощения, может, я могу помочь? — спросил он, но она лишь застыла на одной ноге, открыв рот и ошеломленно воззрившись на него. В ее глубоких, как океан, голубых глазах не было ни проблеска осмысленности.

«Черт, — подумал Слейд, — может, это вовсе не чужая планета? Просто я умер и оказался в Калифорнии».

Пробки хлопали уже ближе. Услышав это, женщина опять произнесла «Йек» и хотела удариться в бегство, но у нее, по-видимому, была вывихнута лодыжка.

— Обопритесь на мою руку, — предложил Слейд, но женщина явно не понимала его. И создавалось впечатление, что она не просто не знает его языка, а вообще не имеет понятия, что такое человеческая речь. «Нет, это не совсем Калифорния, — пробормотал Слейд себе под нос, — скорее местечко где-нибудь в дебрях Центральной Африки». Подавив ухмылку, он сделал еще шаг, и тут...

На небольшой прогалине в каких-нибудь двадцати пяти ярдах от них появилась группа огромных медведей. Они были, мягко говоря, непохожи на тех медведей, которых ему приходилось видеть до сих пор. Во-первых, они были поистине *громадными* — девять или десять футов ростом — и при этом стояли на задних лапах совершенно прямо, как люди. Во-вторых, на них были короткие облегающие красные курточки, которые смутно напомнили Слейду что-то, увиденное очень давно, только он не мог сказать, что именно. Но главное — они держали в лапах какие-то палки, страшно похожие на игрушечные ружья, стреляющие пробками. Ну да, деревянные трубки с ударником на одном конце для выталкивания пробки. Слейд застыл на месте, вы-

таращив глаза. Ничего себе компания! Это, пожалуй, даже для Калифорнии было чересчур.

Тут один из медведей заметил его, вскинул ружье к плечу и выстрелил. Наверное, он поторопился, потому что пробка просвистела у самого уха Слейда и ударилась о дерево. Дерево согнулось и упало.

Ничего себе пробочки!

У Слейда хватило ума пригнуться, и как раз вовремя, потому что остальные медведи тоже принялись целиться в него.

— Взять его! — взревел один из медведей, и трое других кинулись к Слейду, на ходу запихивая в стволы своих ружей новые пробки.

«Нет, это не Центральная Африка, — подумал Слейд, вскакивая и улепетывая в лес. — Больше напоминает Диснейленд». Одна из пробок ударилась о землю в футе от него, обдав его дождем искрошенного лиственного перегноя.

К счастью, медведи были неповоротливы и с трудом лавировали среди деревьев, так что Слейду удалось оторваться от них. А может быть, погоня им надоела, и они сами отстали. Когда Слейд почувствовал себя в безопасности (относительной, конечно), он забрался на холм, откуда можно было увидеть то место, где он встретил девушку, и, спрятавшись за пнем, осторожно взглянул вниз.

Перед ним предстало удивительное зрелище. В долине находилась целая толпа людей, одетых в одинаковые лохмотья; некоторые из них что-то кричали, но слов он не мог разобрать и тут вспомнил, что медведей он понял сразу. Толпу окружало кольцо медведей, подгонявших людей вперед хлыстами и стрелявших пробками в воздух. Это было похоже на вооруженное восстание на фабрике игрушек.

Медведи заставляли людей забираться на деревья.

«Что за чертовщина?» — подумал Слейд и тут услышал громкое угрожающее жужжание, как будто заработал какой-то огромный подземный генератор. Но звук шел не из-под земли, а с верхушек деревьев, и издавали его пчелы, а вовсе не генератор.

Людям, похоже, это занятие было знакомо, но совсем не нравилось. Когда они добрались почти до самого верха,

появилась целая туча пчел, как флотилия крошечных военных самолетиков, и облепила людей. До Слейда донеслись крики; время от времени один из древолазов срывался вниз и с громким стуком ударялся о землю. Медведи не обращали на это никакого внимания — они, ухмыляясь, наблюдали за людьми на деревьях.

Одному из трех удавалось добраться до ульев, устроенных на развилках верхних ветвей, и скинуть ульи на землю, где они с треском раскалывались. «Мед», — подумал Слейд, удивившись тому, что это его не удивляет.

Слейд не стал смотреть спектакль до конца. Он не доставлял ему никакого удовольствия, а суть была ясна. Естественный отбор на этой планете по какой-то прихоти Провидения пошел таким образом, что люди стали бессловесными тварями, а медведи — высокоорганизованными животными, захватившими власть. Огромные неуклюжие медведи с гладкой блестящей золотистой шерстью и в пижонских красных курточках.

И при этом они отвратительно пахли. Да и вся планета провоняла какой-то смесью фиалок, лаванды, розовой воды и свежей сосновой хвои. Бросив последний взгляд на косолапых стиляг, Слейд покачал головой и, зажав нос, произнес «Пуф!».

* * *

Слейд долго брел по лесу в одиночестве — сколько именно времени, он не знал. У него не было определенного пункта назначения, и прогулка была бесцельной, а если учесть возможность встречи еще с одной бандой вооруженных медведей, то и опасной. Но найти где-нибудь убежище и просто спрятаться в нем ему как-то не хотелось — вероятно, в нем еще теплилась надежда, как остатки меда на дне горшка...

Ловушку Слейд заметил в последний момент, когда веревка уже плотно обмоталась вокруг его щиколотки. Затем молодое дерево выпрямилось, и он повис вниз головой. «Замечательно!» — подумал он. В этот момент из кустов вышли два существа примерно одного роста с ним, с ярко-розовой кожей и пустрыми ушками.

Поросята.

От обычных поросят их отличало то, что они носили нелепые ярко-красные одеяния, обволакивавшие их с головы до пят, как пеленки. И при этом они говорили на чистом английском языке.

— Какое странное существо, — сказал один из них. — Посмотри, во что оно одето.

(«Ну, это уж слишком!» — подумал Слейд.)

— А глаза! — откликнулся другой, который разглядывал Слейда, наклонив голову набок. — Совсем как у мыслящего существа.

— Опять ты за свое! — рассмеялся первый. — Твоя сентиментальность неизлечима. Приготовь лучше баллончик с транквилизатором, пока я опущу веревку.

— Але! — гаркнул Слейд.

Конечно, трудно было придать своему голосу достаточную властность, болтаясь в воздухе наподобие пиджака на вешалке в «секонд-хэнде», но он старался. В конце концов, это была всего лишь парочка поросят. Разве не так?

Более высокий поросенок застыл на месте.

— Невероятно! — воскликнул он.

— Я всегда говорил, что некоторые из них способны к звукоподражанию, — заявил второй. — Я убежден, что, набравшись терпения, можно научить...

— Послушайте, вы! — заорал Слейд. — А ну, снимите меня отсюда!

Они уставились на него так, будто он неожиданно выпрыгнул из рождественского пудинга.

— В голове не укладывается, — пробормотал высокий.

— Я же говорил! — воскликнул его товарищ. — У него необычные глаза.

— Хватит валять дурака! — рявкнул Слейд. — Немедленно... — Но, не успев закончить свою мысль, он услышал мягкое шипение транквилизатора, и мир погрузился во тьму.

* * *

Он сидел в клетке.

Клетка была не так уж плоха. Достаточно высокая, чтобы выпрямиться во весь рост, и достаточно просторная для

прогулок, а в углу стояла большая чаша с водой. По сравнению, скажем, с квартирой в Токио это были королевские апартаменты.

Тем не менее это была клетка. В таких клетках держат дома любимых диких зверей или (Слейд содрогнулся при этой мысли) подопытных животных.

— Эй! — крикнул он.

Клетка стояла в пещере, в которой, кроме него, находился только один из этих треклятых медведей, мычавший себе под нос что-то невразумительное. Медведь поднял голову и уставился на него.

— Задкнись! — бросил он и возобновил свое мычание. Слейд заметил, что на коленях у него лежит пробочное ружье.

— Прошу прощения... — проговорил он.

— Задкнись, — повторил медведь. — И ваще, кто сказал, что ты можешь разговаривать?

По тому, как он это произнес, было ясно, что медведю неуютно в присутствии говорящего человеческого существа. Даже на расстоянии Слейд чувствовал исходящие от него волны напряженности.

— Твип, — сказал он. — Твип-твип. Йек.

Медведь несколько расслабился и, отвернувшись, стал гундеть чуть громче.

— Тара-тара-тара-ра! — пел он. — Трам-пам-пам-тарарам-пам-па!

При этом пении что-то встревоженно шевельнулось в глубинах памяти Слейда... Повернувшись к медведю спиной, плецник стал разглядывать клетку. Она была сделана из массивных бревен, перевязанных полосами бледно-желтой сыромятной кожи (на этом Слейд решил не зацикливаться). Без инструментов...

Тут он вспомнил о своем аварийном наборе. Но в кармане было пусто. Учитывая настороженное отношение охранника к его болтовне, наличие у заключенного подобных вещей вряд ли облегчило бы его положение. Конечно, Слейд мог бы объяснить, что плазменные кусачки и акустический гаечный ключ — это примитивные детали одежды, но сам факт, что человек может что-то объяснить, еще больше обострил бы ситуацию.

— Эй, человек!

Слейд инстинктивно обернулся, забыв о своем решении разыгрывать существо, не умеющее говорить и не воспринимающее речь. Но это оказались поросята, поймавшие его в западню.

— Ты понимаешь, что я говорю, не так ли? — спросил высокий поросенок.

— Твип, — заявил Слейд с некоторым сомнением. — Твип. Йек?

Поросенок нахмурился.

— Ты человек?

Слейд принял решение. Ему необходимо было наладить контакт с этими поросятами, и хотя его инстинкт самосохранения бурно протестовал, он произнес, кивнув головой в сторону медведя:

— Твип-*твип*.

— Что? — не понял поросенок. — А-а! — Он кивнул с озадаченным видом. — Эй, ты, — крикнул он охраннику. — Почему бы тебе не пойти и не подкрепиться как следует? А мы пока посмотрим за этой особью.

— У меня приказ, — проворчал медведь.

— Ну, так я тебе даю новый приказ. — Тон поросенка говорил очень многое о сложившейся в этом обществе иерархии. Это была команда, но в ней чувствовалось и опасение. Было ясно, что поросята занимают более высокое положение, чем медведи, но в то же время побаиваются их. — Пойди перекуси или погуляй — займись чем хочешь. Все будет в порядке.

Слейд, не оглядываясь, услышал тяжелый топот медведя и подумал, что нормальные медведи не должны так топать. Эти звери очень ловкие охотники и собиратели, природа в течение миллионов лет методом проб и ошибок довела их организм до совершенства. Здесь же медведи волочили ноги так, будто боялись, что при более энергичном движении у них разойдутся швы.

— Ну вот, — сказал поросенок, — он ушел. Знаешь, человек, ты поистине уникальный экземпляр. За все годы, что я занимаюсь...

— Мое имя Слейд.

— Слейд, — повторил поросенок задумчиво. — Это не очень клёво.

У Слейда было такое чувство, будто его огрели селедкой по голове.

— Клёво? — переспросил он.

— Клёво, — подтвердил поросенок. — Надеюсь, ты знаешь, что означает «клёво»? — спросил он, и по его тону было ясно, что это какое-то совершенно неординарное понятие, может быть даже священное. Так какой-нибудь евангелист мог бы говорить о Боге или бухгалтер о платежной квитанции.

— Ну да, я знаю, что значит «клёво», — ответил Слейд. — Вы, например, клёвые ребята, — сказал он, слегка содрогнувшись, — и даже эти чертовы медведи тоже клёвые парни. Похоже, вы считаете, что это очень важно.

Поросята обменялись взглядом. Они были в шоке.

— Ладно, — произнес тот, что пониже. — Это всего лишь человеческое существо. Оно не ведает, что говорит.

— Ты прав, — ответил другой. — Но ты, — обратился он к Слейду, свирепо глядя на него, — не смей больше никогда повторять это, слышишь? И так нам с трудом удается сохранить тебе жизнь из-за того, что ты разговариваешь. С нами еще полбеды, мы ученые, но если ты начнешь богохульствовать в присутствии других...

— Прошу прощения, — кивнул Слейд.

То-то же, — сказал поросенок, вытирая свой пятачок забавной маленькой лапкой. Если бы миллион художников-мультипликаторов трудились тысячу лет, они, наверное, все равно не смогли бы изобразить более нежного и умилительного жеста. У Слейда было такое ощущение, будто он съел целую коробку зефира за один присест.

— Я не думал, что это обидит вас, — сказал он. — Понимаете... — (Как же им объяснить?) — Понимаете, я не здешний. Я прибыл...

— Я знал это! — возбужденно воскликнул низенький поросенок. — Ты из Дальних земель, да? Из тех, что за большой пустыней. Там все-таки есть другая страна, и ты оттуда, так ведь?

«Вот черт», — подумал Слейд.

— Ну да, вроде того, — сказал он. — Послушайте, парни, не могли бы вы...

— Скажи мне, человек, — обратился к нему один из поросят, глядя ему в глаза своими пуговками с необыкновенной настойчивостью, — скажи мне: там, откуда ты пришел, есть мыши? Мыши, которые умеют говорить?

— И маленькие забавные оленята, которые поскальзываются на льду и падают, уткнувшись в него носом? — вторил ему второй поросенок.

— А белые собаки с черными пятнами? А русалки? А летающие слоны с огромными ушами?

Какая-то тревожная мысль всплыла со дна сознания Слейда и стала подниматься на поверхность, но он усилием воли загнал ее обратно.

— Ну... в общем, да, — ответил он. — Я видел все это, но очень давно, в другой стране, и кроме того...

Поросята уставились друг на друга.

— Это, конечно, очень рискованно, — сказал высокий, — но мы просто не имеем права утаивать это от других.

— Но если медведи...

— Неважно, — отозвался высокий поросенок. — Ты что, не понимаешь? Перед нами живое доказательство того, что за пределами нашей долины тоже есть жизнь, и если они увидят это своими глазами...

— Ты прав, — кивнул низенький так многозначительно, будто решился по меньшей мере расщепить атом. — Да, конечно. Мы должны сказать об этом профессору Иа-Иа.

* * *

Старый серый ослик уставился на него сквозь решетку, и Слейд вздрогнул, словно обжегшись. Откровенная злоба в этом немигающем взгляде вызвала у него неприятное воспоминание об адвокате его бывшей жены.

— Замечательно, — изрек наконец ослик. — Кому еще вы рассказали об этом?

— Никому. — Поросята избегали смотреть ослику в глаза, и Слейд понимал их. В этом существе было что-то та-

кое, от чего становилось не по себе, какое-то страдание, доходящее до маниакальности. И имя у него было странное... Оно напоминало о том же далеком времени, что и запах сосновой хвои.

— Вы его еще не испытывали? — спросил осел низким голосом, чуть ли не задыхаясь от волнения.— Оно не тонет?

Поросята переглянулись.

— Понимаете, мы не успели, профессор. Нас заинтересовала возможность использовать его как звено для связи со страной, которая, предположительно, находится за пустыней. Мы хотели проверить...

Они замолкли. Ослиный взгляд, казалось, впитывал их слова, как промокашка.

— Значит, вы не испытывали его,— медленно произнес ослик, поводя своими продолговатыми печальными глазами.— Ну что ж, в таком случае давайте сделаем это сейчас. Конечно, трудно было ожидать, что столь очевидная вещь придет в голову кому-нибудь еще.

Поросята воззрились на него в ужасе.

— Но, профессор...

— Сейчас же.

— Да, профессор.

Слейд с тревогой наблюдал за тем, как они отпирают клетку.

— Что он имел в виду, интересуясь, не тону ли я? — спросил он, но поросята замахали на него лапками.

— Не надо ничего говорить,— прошептал ему низенький.— Все обойдется. Должно обойтись,— добавил он.— Я хочу сказать — как знать? Может быть, ты и не потонешь.

Это было не самое обнадеживающее высказывание, какое Слейду приходилось когда-либо слышать, но момент был неподходящий, чтобы вступать в дискуссию. Они собирались открыть клетку и, значит, выпустить Слейда из нее. Ну а уж если он не сумеет отделаться от двух поросят и этой развалины с хвостом, то, значит, он не тот, за кого он себя принимал.

(Хотя, по правде говоря, Слейд не был до конца уверен в этом. Ему никогда еще не приходилось...)

Солнечный свет ослепил его, и, зажмурившись, он услышал ворчание медведей.

— Шеф, — прорычал один из них.

— Слушайте меня, — приказал им осел, и в его голосе не было и тени колебания или сдерживаемого страха. — Арестуйте этих двоих. Они гнусные богохульники и мерзопакостники. И наденьте цепи на это человеческое существо. Я не хочу, чтобы оно сбежало.

«Мне следовало это предвидеть, — упрекнул себя Слейд, когда кандалы обхватили его ноги и шею. Они блестели, как новенькие монетки, весело отражая солнечные лучи. — Правда, я все равно ничего не мог бы сделать».

Они шли, по-видимому, через поселок. По крайней мере, среди ветвей ютились какие-то хлипкие сооружения, а в стволах некоторых деревьев имелись маленькие (уж точно клёвые) деревянные дверцы, выкрашенные такими яркими красками — красной, желтой, иссиня-зеленой, — что они резали глаза. Даже Лоуренс Левеллин-Боуэн[1], когда на него накатывало, не доводил естественные цвета до такого неистовства. Лесная просека была запружена животными, по большей части медведями. Некоторые из них бесцельно шатались туда-сюда, другие сидели, привалившись к дереву и уткнув нос в горшок с медом. То и дело попадались компании огромных кроликов с тяпками и вилами на плечах. Они громко перекликались высокими фермерскими голосами. В одном месте на Слейда со спутниками с огромной скоростью наскочило и чуть не затоптало что-то полосатое. Слейду даже думать не хотелось, что бы это могло быть.

Они долго шли молча по лесу, держа курс на ближайшие горы. Осел плелся впереди, и остальным приходилось приноравливать к нему свой шаг. У поросят был несчастный и обреченный вид, медведи держались с угрюмой замкнутостью. Слейд, научешный горьким опытом, молчал. Ему давно уже не приходилось участвовать в столь унылом турпоходе — со школьных каникул в Уэльсе.

---

[1] Лоуренс Левеллин-Боуэн — известный современный дизайнер.

Примерно час они карабкались по крутой каменистой тропе и подошли наконец к глубокому ущелью, на дне которого журчал и плескался на острых камнях горный поток. Через ущелье был перекинут до невозможности ветхий подвесной мост. Осел остановился.

— Ну вот, теперь проверим, — сказал он.

Даже у медведей был обескураженный вид.

— Это что, шеф, вот тут мы и пойдем? — пробурчал один из них.

— Только до половины, — ухмыльнулся осел.

И тут, как будто кто-то опустил монетку в автомат памяти Слейда, она стала раскручиваться все глубже и глубже в прошлое, сквозь веки и поколения, к тем временам, которые были даже больше отдалены от него, чем говорящие ослы или медведи в красных курточках, загоняющие людей на деревья. Однако ничего конкретного в памяти Слейда не всплыло — это было все равно что откопать какой-нибудь древний артефакт, назначение которого непонятно и определить его на основании известных законов невозможно. Все, что ему вспомнилось, — это слово.

— Пушишки, — неожиданно для себя произнес Слейд.

Осел медленно поднял голову.

— Значит, я был прав, — сказал он. — Это действительно так. Ты потомок того Ребенка. Вы сознаете, что это значит? — спросил он у поросят, в страхе прижавшихся к скале. — Нет, естественно, вы не сознаете. Вы называете себя учеными, вы тешите себя прекрасной мечтой о далекой стране за горячими песками, о заколдованном месте, где мальчик вечно играет со своим медвежонком. — Поросята хлопали глазами, не понимая ни слова из того, что он говорил, — как и Слейд, разумеется, — но осла это, похоже, не заботило. — Вы решили, что это говорящий человек, — продолжал он, вперив взгляд в пенящуюся внизу воду. — Как замечательно. Возможно, наступит день, когда всех людей научат говорить и они займут достойное место в братстве разумных существ. Идиоты, — вздохнул он, так сильно выпятив грудь, что один из швов между его шеей

и плечом лопнул, и из него вылез маленький завиток белого ворсистого материала. — О, вы насмехаетесь над *ними*, когда они не смотрят на вас. — Он кивнул в сторону медведей. — Вы говорите, что у них в голове одни опилки, и повторяете старые сплетни, которые вы слышали от рысаков своего дедушки, но ни одному медведю и в голову не приходило якшаться с потомством Ребенка и предавать Клёвого. И поэтому я заявляю вам, — в черных кнопочках его глаз внезапно вспыхнула ярость, — Клёвый, может быть, и простит вас, но я — никогда.

— Я извиняюсь... — вмешался Слейд.

Осел повернулся к нему (что в тесноте у мостика оказалось довольно сложным шестиступенчатым процессом).

— Да?

— Простите, что надоедаю, — сказал Слейд, — но не могли бы вы объяснить, что это все значит? Я никак не уразумею, о чем вы толкуете.

Осел уставился на него в изумлении, затем принялся хохотать.

— А ведь сначала я чуть не поверил тебе. Но какая восхитительная ирония! Потомок Ребенка начисто забыл эту Историю. Нет, это слишком здорово, чтобы быть правдой. И к тому же ты проговорился. Ты знаешь Слово.

— Вы имеете в виду «пушинки»? Но я не представляю, откуда это слово взялось, оно выскочило у меня само собой, как чих.

— Оно у тебя в крови, — торжественно отвечал осел, — потому что ты — это ты. Но скажи мне, неужели ты действительно не знаешь Историю?

* * *

— Однажды, давным давно, — начал осел, — когда даже река еще не текла по долине, жило еще одно человеческое существо, которое говорило, подобно тебе. Это был всего лишь малыш, Ребенок, но животные, живущие в лесу, не съели его и даже приняли к себе как равного. Я знаю, в это трудно поверить, — сказал он, когда медведи недовольно заворчали, — но так говорит История. Ребенок разгова-

ривал. Мало того, животные слушали его, ибо он доносил до них слово Клёвого. Он и никто другой. Именно Ребенок придумал для медведей нарядные красные курточки, а для поросят — эти смешные одеяния, которые они носят по сей день. Это он решил, что Тигра должен наскакивать, а Кролик попрекать его за это. Это он назвал мать Кенгой, а ее малыша Ру. Все, что у нас есть, — от него, даже любовь медведей к меду и их привычка напевать. Он был нашим богом. Он познакомил нас с Клёвым. И это из-за него мы сами и все, что мы говорим и делаем, так искажено. Из-за него Сова не может правильно написать свое имя. Почему так? Из-за него мы полагаем, что Северный полюс — это палка, воткнутая в землю. На самом деле нам прекрасно известно, что такое Северный полюс, но мы должны верить ему или умереть мученической смертью еретиков. Почему так? Из-за него мы обязаны сидеть на неудобных стульях за столами, которые не приспособлены к нашему телосложению, мы должны носить одежду, которая нам не нужна, и есть пищу, которая медленно убивает нас. Имеете ли вы хоть какое-нибудь представление, — взвыл осел, — как *больно* все время питаться одним только чертополохом? Это не жизнь, а гадкая насмешка, и все оттого, что он научил нас всему, этот Ребенок, говорящее человеческое существо. И поэтому, — грозно заключил осел, пронзив Слейда взглядом, исполненным такой ненависти, что тот закрыл лицо руками, — и поэтому человеческому существу никогда больше нельзя позволить говорить.

* * *

— Разве что, — произнес осел гораздо мягче, — он не тонет.

— Как вы сказали? — открыл глаза Слейд.

Ослиный вздох исходил, казалось, прямо из щеток над его копытами.

— Так было написано, — пояснил он. — Однажды Ребенок рассердился на первого из осликов и столкнул его с моста в глубокое ущелье, где текла река. Но, упав в воду, ослик не утонул, а поплыл, задрав кверху все четыре но-

ги. Заметьте, это было чрезвычайно клёво с его стороны, и когда Ребенок это увидел, он пожалел осла, основателя нашего рода. И тогда мы дали обет: если когда-либо потомок Ребенка попадется нам в копыта, мы предоставим ему точно такой же шанс спастись — не больше и не меньше.

— Хорошо, — отозвался Слейд, поглядев на поток далеко внизу и подумав о модулях плавучести, встроенных в его костюм. — Это меня устраивает. Как мы это выполним? Мне прыгнуть самому, или вы предпочитаете столкнуть меня? Оставляю это на ваше...

— Нет! — завопил вдруг высокий поросенок. — Мы не допустим этого! Профессор! Это существо обладает разумом, а может быть, и душой. Все говорит о том, что у человеческих существ есть душа. Вы не можете...

— Не беспокойтесь, — попытался вмешаться Слейд. — Я не возражаю против того, чтобы прыгнуть. Дело в том...

— Богохульник! — заорал осел на поросенка, топнув копытом. — Как такое могло прийти тебе в голову? Неужели ты не понимаешь, как это омерзительно?!

— Это не омерзительно! — вскричал низенький поросенок. — На самом деле я думаю — черт побери, да, я думаю, что это клёво! Ну посмотрите же, — добавил он, видя, что все остальные, включая второго поросенка, уставились на него, как громом пораженные, — только посмотрите на его симпатичное личико, на его забавные морщинистые розовые лапки. А как привлекательно загибается кверху кончик его симпатичного носика...

— Ну хватит! — Осел был вне себя от бешенства. — Я не потерплю больше ни слова этой гадости. Медведи, сбросьте этого... *это животное* с моста!

— Нет! — Высокий поросенок шагнул вперед, заслоняя собой товарища.

— Да я не о тебе говорю! — простонал осел, а затем добавил: — Ну хорошо, раз ты так хочешь, то будешь следующим. Ну, давайте же! — крикнул он раздраженно медведям, видя, что те колеблются. — Это приказ.

Медведи смотрели на осла.

— Но, шеф... — сказал один из них.

— В чем дело?

— Поросят нельзя сбрасывать со скалы, шеф. Это не разрешается.

— Поросенок — он тоже клёвый, — поддержал его другой медведь. — Он еще как клёвый!

— Послушайте, я же ничего не имею против, — еще раз попытался вмешаться Слейд, но его никто не слушал.

Осел с таким ожесточением размахивал хвостом, что тот отвалился. Один из медведей быстренько приставил его обратно и произнес:

— Я тоже думаю, что он еще как клёвый.

— О чем вы говорите?! — завопил осел. — Вы же слышали, какие отвратительные вещи он изрекал. Как может такое существо быть приговорено к жизни? Немедленно со скалы его, или вы двое тоже последуете за ним!

— А что если я все-таки спрыгну, а вы все останетесь здесь? — предложил Слейд. В этом случае...

Но тут осел с прытью, какой от него никак нельзя было ожидать, рванул вперед и боднул высокого поросенка. Тот замахал лапками и, споткнувшись об оттяжку моста, с душераздирающим возгласом «Йек!» упал в пропасть.

— О боже! — завопил его товарищ. — Ты же убил поросенка! Ты подо...

Осел кинулся на него, но поросенок сделал всего один шаг влево, и осел, проскочив мимо него под веревочные перила, тоже полетел вниз. Однако в последний момент он успел обхватить хвостом ногу поросенка и увлек его за собой. Крики обоих слились в один вопль ужаса. Медведи бросились к краю моста — то ли желая поймать в последний момент падающих, то ли боясь пропустить зрелище. Как бы то ни было, висячий мост накренился под их солидным весом, и они соскользнули с него. Спустя секунду раздался громкий всплеск.

Дождавшись, когда мост перестанет качаться, Слейд осторожно ступил на него и посмотрел вниз с другой стороны. Поток уносил пятерых животных к беснующимся порогам. Они плыли на спине, выставив вверх все че-

тыре лапы и покачиваясь на быстрых волнах. Выглядели они...

...довольно клёво.

* * *

Он шел уже неделю — а может быть, три недели или три месяца — Слейд потерял счет времени и перестал следить за ним. Когда ему хотелось есть, он находил ягоды и орехи. Когда ему хотелось пить, будь то даже посреди голой пустыни, тут же появлялся водный источник и оазис, оборудованный всем необходимым, включая модульные пальмы стандартной высоты, отбрасывающие тень необходимого диаметра. Это нисколько его не удивляло.

Он нашел другую страну за пустыней. Там тоже обитали говорящие животные, слегка отличавшиеся от тех, что жили в долине, но в целом такие же. Все они были пушисты и привлекательны, и все имели клёвый вид. За этой страной находилась другая, за ней еще одна. Различия между ними были незначительны. Он побывал в стране, где животные не только разговаривали, но и пели. Там жили пантеры, медведи, змеи и ужасно надоедливые мартышки, и встреча со Слейдом не доставляла никому из них особого удовольствия. Наконец он достиг берега моря и увидел там говорящих дельфинов, говорящих китов и даже говорящего краба, замучившего его своей болтовней. Всюду, куда бы он ни приходил, буквально все вокруг трещало без умолку, кроме людей, которые были немы, как рыбы, и тупы, как пробки. Он чувствовал, что все это не случайно.

Однажды, спустя много месяцев, а может быть, лет, Слейд шел берегом моря под палящим солнцем. Он был один — ни тараторящих чаек, ни болтливых китов. Слейд огляделся в поисках какого-нибудь убежища и заметил выступ в скале, под которым была приятная прохлада. Он дремал под этим навесом часа два, пока не почувствовал, что жара спала и можно двигаться дальше.

Он открыл глаза и тут заметил странные очертания какого-то предмета, похороненного в песке. Чем именно он

привлек его внимание, Слейд не мог бы сказать — в этих очертаниях было что-то чуточку знакомое, и в нем проснулось любопытство. Отыскав подходящую корягу, он стал разгребать песок. Затем он остановился и, вглядевшись в то, что раскапывает, принялся за работу с таким остервенением, как будто его жизнь зависела от этого.

Час спустя он стоял, держа в руках корягу и глядя на то, что откопал. Это была статуя из пластика — огромное стилизованное изображение мышиной головы с круглыми ушами, круглыми глазами и нахальной зубастой улыбкой.

Тысячи лет, отделяющие его от этой мыши, исчезли, как будто их и не было.

Слейд, упав на колени, безудержно зарыдал. Перед ним валялся обломок доски, на которой было написано «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АМЕРИКАНСКИЙ ДИСНЕЙЛ...».

— Идиоты! Вы все-таки сделали это! — завопил Слейд, обращаясь к равнодушным небесам. — В конце концов вам это удалось!

Он рухнул на песок, плача, как ребенок, а огромная пластмассовая мышь издевательски ухмылялась, возвышаясь над ним.

СЬЮ АНДЕРСОН

Поход искателей

Сью Андерсон (Sue Anderson, род. 1916) по профессии преподаватель. Она долго вынашивала мечту стать писателем, но лишь выйдя замуж и вырастив детей смогла обратиться к творчеству. В 1991 году, приняв участие в конкурсе романистов, проводившемся еженедельником «Мейл он сандей» (Mail on Sunday), Сью сумела дойти до финала. Ее первый рассказ «Под наблюдением» *(Watched) был опубликован в 1994 г. Рассказ, предлагаемый вниманию читателей, она написала специально для нашего сборника.*

Раздался дикий вопль и страшный грохот; в дверь забарабанили с такой силой, что дом заходил ходуном.

— Кто бы это мог быть, дорогая? — сонно поинтересовался Хендрат.

— Ты меня спрашиваешь? — отозвалась Циндрамель, подбросив в огонь еще одну охапку навоза. — Мне сегодня некогда было просматривать местную почту.

Из камина повалили клубы дыма, и Циндрамель подумала с досадой, что снова купила недостаточно высохший навоз.

Грохот повторился, на этот раз еще сильнее.

— Наверно, опять эти проклятые гномы, — раздраженно бросила Циндрамель. — Они вечно являются, как только соберешься пить чай, и лишь привратника нервируют.

— Ты не могла бы открыть, светоч моей души? — Хендрат поглубже зарылся в подушки из крысиной кожи. — Только скажи им, что я в данный момент занят.

Он явно не собирался выбираться из постели. Вздохнув, Циндрамель сунула ноги в шлепанцы из драконьей шкуры, поплотнее запахнула халат из крысиного меха и направилась к дверям по коридору, продуваемому сквозняком, стараясь не ушибить пальцы о неровности пола.

Света опять не было — эти свечи из крысиного сала никуда не годились, вопреки всем уверениям гномьей рекламы.

Глазок в двери пришлось заколотить. Посетители имели обыкновение так колошматить в дверь дубинками из дракопьих зубов и тростями с черепом вместо ручки, что стекло совершенно растрескалось, и сквозь него невозможно было что-либо разглядеть. Вполне могло быть, что там застряло изображение торговца волшебными тряпками для пыли, приходившего на прошлой неделе. Привратник, страховидный зверь о шести ногах с плоской головой, возбужденно подпрыгивал и рычал, пуская слюни.

— *Лежать, Пес!* — скомандовала Циндрамель и, отодвинув ржавую щеколду, приоткрыла толстую деревянную дверь, выглянув наружу. Порыв ветра ударил ей в лицо, и она сощурилась, вглядываясь в стучавшего. Толком она ничего не увидела — ночь была темная, ни одной звезды даже в этот ранний час. Все, что ей удалось рассмотреть, — посетитель явился в единственном числе и был слишком высокого роста для гнома.

Спросить его что-либо Циндрамель не успела — он юркнул мимо нее в дом и потрепал Пса по голове. Тот от удивления замолк.

— Заприте скорее дверь, — произнес сиплым шепотом вошедший. — За мной, кажется, следят. Повсюду шныряют эти дорки, а на дороге я видел по меньшей мере одного Гелдорфа.

— Но кто вы...

— Скорее!

Похоже, какой-то человек. Циндрамель последовала за ним по коридору, заправляя выбившуюся прядь волос под гребень из крысиных зубов. Незнакомец, по-видимому, хорошо ориентировался в доме и не задавал вопросов.

Он был закутан в длинную синюю мантию, украшенную серебряными звездами и какими-то непонятными эмблемами в виде загогулин, напоминающих форму ногтя, отстриженного с большого пальца ноги. Когда незнакомец шагнул в комнату, его высокий конусообразный колпак

зацепился за дверную притолоку и чуть не свалился, но в последний момент каким-то таинственным образом удержался на голове сам собой. Из-под мантии выглянули две лапы с когтями. На Циндрамель это не произвело впечатления. Одежда, имитирующая природу, была далеко не последним писком моды.

Хендрат, все-таки поднявшийся с кушетки, стоял в углу, задумчиво разглядывая что-то в волшебном зеркале. Оно было укреплено на шаткой деревянной подставке под довольно посредственной гравюрой, изображавшей битву дорков; на поверхности зеркала виднелись какие-то магические знаки. Хендрат пнул подставку, зеркало покачнулось, но знаки не исчезли.

— К нам гость, — сказала Циндрамель.

— Да? — отозвался Хендрат, обернувшись.

Высокая фигура показалась ему незнакомой. Вероятно, кто-то от эльфов по поводу их новой программы социальной помощи. Хендрат подал заявление на дополнительный рацион в связи с состоянием здоровья.

— Это я, Хен. Мы с тобой не виделись целую вечность, но старого-то друга ты не мог забыть.

— Освещение здесь никудышное, и потом эта борода... Подожди-ка! — Он заковылял к посетителю, и улыбка осветила его помятое лицо. — Не может быть! Неужели это...

Таинственный незнакомец сдернул с головы колпак и согнулся в низком поклоне. Из-под колпака вылетел маленький черный вороненок и порхнул на сервант, где сразу же принялся клевать остатки жареной крысятины.

— Альфред Ганн, маг-электронщик. К вашим услугам.

— Альф, старина! Я не узнал тебя. Ты не носил раньше этой мантии и всего прочего...

— Получил повышение.

— Заходи, садись. Как раз ты-то мне сейчас и нужен. Цинни, деточка, ты не заваришь нам чая из драконьей крови? Будь паинькой.

Циндрамель, проворчав что-то неразборчивое, зашаркала на кухню, смахнув по пути вороненка с серванта. Тот, покружив по комнате, примостился на камине.

— Прошу прощения за этот непотребный пернатый мобильник, — сказал Альф. — Он, конечно, не подарок, но очень удобен, когда надо срочно связаться с кем-либо.

Но Хендрат ни на что не обращал внимания, кроме старого друга. Какое-то время он продолжал выражать восторг по поводу встречи, затем спросил:

— Слушай, ты не можешь что-нибудь сделать с этой мутной рухлядью? — Он указал на зеркало. — Я весь день пытаюсь поймать таблицу розыгрыша Лиги Кровососов, а оно не желает выдавать ничего, кроме рейтинга Монстров.

Альф бросил пренебрежительный взгляд на магическое приспособление.

— Сейчас не до того, старина. Я отправляюсь в Поход Искателей.

— Куда-куда?

— Будто ты не знаешь, — сказала Циндрамель, входя с полным подносом. — Эти искатели постоянно шастают вокруг да около. То рекламируют волшебные зеркала, то собирают пожертвования на очередные изыски. Просто спасу от них нет. — Она грохнула поднос на стол и опять вышла.

— Это тут ни при чем, — отозвался Альф. — Хен, мне надо с тобой поговорить.

Поискав сиденье попрочнее, он выбрал чучело барлога, сел на него и вытащил из складок своей мантии серебряную коробочку, откуда достал бумагу и табак для самокрутки.

Хендрат зачарованно смотрел, как маг обмакнул щепку в какую-то бурду, высек с ее помощью искру из подошвы и сделал глубокий вдох.

— Сейчас я покажу тебе нечто совсем иное. Смотри.

Он выдохнул воздух, слегка закашлявшись, и комната наполнилась голубым дымом. Циндрамель, вошедшая в этот момент с чайником, принялась разгонять дым перед собой и хотела уже высказаться по этому поводу, но тут в воздухе стала вырисовываться живая картинка.

Дым рассеялся, и возникла сценка из какой-то другой жизни. Группа людей сидела в ярко освещенной комнате с удобными креслами и полированными столами. Повсюду

были расставлены вазы с экзотическими фруктами и аппетитными сластями. В камине пылал жаркий огонь, но сероводородом не пахло. В центре комнаты находился большой черный ящик с ярко освещенным окном, через которое было видно лицо мужчины.

— Они такие чистые, — процедила Циндрамель, — и занавески у них подобраны со вкусом... — Она всегда испытывала тягу к шикарной жизни. Когда-то, отвергнув весьма выгодное предложение некоего эльфа, она предпочла сбежать с Хендратом и с тех пор постоянно напоминала ему об этом. В те дни он был совсем другим — низковатым, конечно, но обаятельным; замыслы и идеи били из него фонтаном. А теперь ее муженек только и делал, что валялся целыми днями, толстел и жаловался на ноги. Так что ж удивляться, если она позволяла себе кое-что?

— Да, неплохо они устроились, — вздохнул Хендрат. — Вся эта еда... — Желудок его завистливо заурчал. — Что это за место? Один из новомодных курортов? А мы можем туда попасть?

— Это, — ответил Альф, еще раз дохнув и опять закашлявшись, — это как раз и есть Искатели.

Ночь за окном вовсю старалась стать еще чернее. Какие-то огромные существа ворочались во тьме. Неподалеку завыла вересмышь. Даже деревья в лесу почувствовали, что холодает, и одна рощица решила улететь на юг, как только представится возможность. Отряд черных всадников, совершив сокращенный патрульный рейд по окрестностям и потявкав, вернулся в башню, где их ждал горячий пунш.

— В принципе, — сказал Альф, выпив еще пару чашек чая с крысиными бутербродами, — все сводится вот к этому. — Порывшись в другом кармане, он вытащил маленький золотой предмет. — Это называют Волшебным диском.

Циндрамель и Хендрат склонились к диску, завороженные его мерцанием. Рука Хендрата сама собой потянулась к нему, чтобы коснуться. Альф тут же отдернул руку с диском.

— Осторожнее! — бросил он. — Один отпечаток, и диск будет погублен. А если он попадет в плохие руки, то это

вызовет неминуемый хаос. — Лицо его приняло мечтательное выражение, и он продекламировал:

Нужен год, чтобы это начать,
И всего один диск, чтоб закончить.
Если вы не отладите программу,
Мы взломаем ее.

Вороненок несколько раз облетел комнату и опять пристроился возле крысиных останков. Никто не обратил на него внимания.

— Понимаете, — сказал Альф, — некогда, очень давно и очень далеко отсюда, на Земле был Золотой век, когда люди ели рыбу с жареной картошкой, а по субботам смотрели футбол. Женщины убирались в доме и занимались стиркой, не заботясь о драконьем навозе и предсказаниях, и покупали в магазинах качественные продукты, вместо того чтобы драться на мясном рынке из-за куска крысятины. В те времена мужчина был мужчиной, ему не приходилось без конца отбиваться от всевозможных монстров и угождать гномам, чтобы добыть себе пропитание.

Хендрат и Цендрамель ошарашенно смотрели на него. Они поняли едва ли половину того, что он сказал, но в душе у Хендрата забродило что-то вроде вина из крысиных хвостов, только без отвратительного послевкусия.

— А потом, — продолжил Альф, — люди в тех местах стали валять дурака со временем. Они принялись считать его, измерять, дробить на части и сортировать — совсем не так, как в нашем мире, где мы просто делим часы на темные и светлые, а единственной мерой времени служит длина свечи. Они даже выдумали теорию, согласно которой решающее значение имеет выживание в определенный момент времени и, чтобы спасти общество от гибели, надо защищаться с помощью разных деструктивных приспособлений. Они предсказывали войны и катастрофы, говорили о наступлении Нового века и о Великом переломе. Один человек, называвший себя Повелителем времени, решил воспользоваться грядущим хаосом для захвата всей власти. Он изготовил десять золотых дисков, с помощью которых

намеревался в критический момент изменить мир. Ибо он понимал то, о чем все другие забыли: время относительно, это всего лишь одно из измерений, четвертое. Он построил машину с волшебным двигателем, получавшим энергию от дисков, и спрятал ее в Темнющей пещере в самом сердце Чернющей горы. И пока все только и рассуждали о четвертом измерении, мир незаметно соскользнул в пятое, шестое, седьмое, а затем в темноту.

Альф сделал большой глоток чаю, вытер губы рукавом своей мантии и поспешил продолжить рассказ, не дав Хендрату и Циндрамель собраться с мыслями и высказаться по поводу услышанного.

— Люди не сразу осознали, насколько кардинально все меняется. Это происходило мало-помалу. Сначала исчезла рыба с жареной картошкой, и основным продуктом питания стала крысятина. По неизвестной причине один за другим закрывались магазины. А самое страшное, люди забыли, что такое футбол. Затем изменения стали происходить быстрее, монстры захватили землю, и луна навсегда покинула небосвод.

— И все это случилось здесь?! — хрипло прошептал Хендрат.

— Ну, в некотором роде, — отозвался Альф раздраженно. — Я же сказал, что это было в другом измерении. Но самое главное, — он сделал многозначительную паузу, — самое главное, что с помощью вот этого диска, который был утерян несколько столетий назад, а теперь попал ко мне в руки, мы можем вернуть все на круги своя. Это только часть программы. Другие куски потерялись или были украдены, но это загрузочный диск, который управляет всей программой. — Он встал, широко раскинул руки, выронив кое-какую мелочь из карманов, и объявил: — Это и есть основная цель Похода.

Лицо Циндрамель выражало сомнение. Хендрат был ошеломлен.

— Так ты с нами? — спросил Альф. — Путь предстоит, конечно, утомительный и дальний, но дело стоит того.

— Звучит заманчиво, — прошептал Хендрат.

Он не знал, что такое рыба с жареной картошкой, но чувствовал, что она должна быть получше крысятины. И внутренний голос подсказывал ему, что футбол — это нечто исключительное. Он был так захвачен открывавшимися перед ним перспективами, что забыл даже о своих больных ногах.

— Когда мы отправляемся? — спросил он.

— Пока мы говорим, поисковая группа уже собирается у расщепленного молнией дуба. Мне вроде бы удалось заинтересовать одного-двух парней в деревне. Кроме того, у нас есть бывший истребитель дорков, парочка охотников на драконов, некий субъект, причисляющий себя к гномам, и еще один чудак, который сказал, что его должны избрать премьер-министром Нового века. Если ты согласишься принять участие, то будешь хранителем диска. Мы поместим его в специальную шкатулку, и когда ты достигнешь Темнющей пещеры в Чернющей горе, то должен будешь вставить диск в Глубочайшую щель.

— Ну, это вроде не так уж и трудно, — заметил Хендрат.

Голос его помолодел лет на десять. Но Альф хотел, чтобы Хендрат представлял себе всю серьезность задачи.

— Не торопись радоваться. Предполагается, что эти штуки невозможно уничтожить, но смотреть за ними надо как за маленькими детьми.

В этот момент вороненок вспорхнул Альфу на плечо и что-то прохрипел ему на ухо.

— Мне надо идти, — сказал Альф. — Небольшое ЧП. Кто-то откопал тостер, и как бы им не вздумалось ковырять его ножом. Увидимся позже. — С этим загадочным заявлением он поспешил прочь.

Отыскав свои носки, приносящие удачу, и схватив вещмешок, в который Циндрамель уложила для него все необходимое, включая бутерброды (угадайте, с чем), Хендрат клюнул супругу на прощание в щеку и отправился в Поход.

На перекрестке дорог он обернулся на домишко, приютившийся на склоне холма. Особняк был, конечно, не ахти, но это был его дом. Неизвестно, увидит ли он еще когда-нибудь свой дом и свою жену.

А Циндрамель сидела рядом с Псом, глядя на затухающие в очаге угли, и тихонько плакала. Но вскоре она встала, отряхнула одежду, заколола волосы шпильками, велела Псу принести его поводок и направилась за Туманные холмы к Шаране, ее старой подруге по пророческому колледжу. Путешествие было неблизкое, но Циндрамель привыкла много ходить.

* * *

Высоко на склонах Чернющей горы электрические искры отскакивали от утесов, грохотал гром, выли веремыши — словом, обстановка была соответствующая. Черные всадники, своевременно получившие прогноз от своего мага по воздушным сообщениям, махнули на все рукой и предпочли нести службу дома.

Путь был долог и тяжел — через горные перевалы такой высоты, что от нее ломило зубы, через жуткие туннели, где гигантские садовые вредители самой отталкивающей наружности прятались в темных, источающих зло кавернах. Искатели отбивались от банд одичавших коммивояжеров, промышляющих горным хрусталем, и выселенных в эти места спортивных фанатов. Они обедали на придорожных постоялых дворах, где мучительная смерть могла подкарауливать их прямо в тарелке.

Команда искателей сильно поредела. Некоторые были убиты при набегах дорков и налетах драконов. Другие, поддавшись соблазну, приняли гостеприимное приглашение обитателей деревьев или устроились на работу к гномам. Один покинул их, будучи не в состоянии выносить вид садовых вредителей.

Искателей осталось всего двое, но они, избитые и израненные, упорно карабкались по уступам к заветной цели. Ветер сбивал их с ног, холодные дождевые ручейки стекали за шиворот. Душа Хендрата изнывала под бременем ответственности, а ноги болели невыносимо.

— Вот та пещера, о которой говорил Альф, — прошептал Хендрат своему спутнику. — Где-то в ней должна быть гигантская машина с огромной черной щелью.

При мысли об Альфе, которого они потеряли много дней назад в капустной шахте, он чуть было не заплакал, но, сглотнув комок, стоящий в горле, двинулся вперед.

Пещера была глубокой и темной. Лишь какой-то слабый голубоватый свет исходил от большой квадратной панели у дальней стены.

— Тогда не медли, — сказал Хендрату его товарищ. — Только прежде чем вставить диск, дай мне хоть раз коснуться его на счастье.

Это был жалкий бродяга, бледный и немощный от слишком долгого пребывания на свежем воздухе. Хендрат встретил его, когда тот скитался в пустыне. Звали его Глум[1]. Он уже неоднократно просил Хендрата показать ему диск, но Хендрат и сам ни разу не видел его, ибо, памятуя о предупреждении Альфа, не осмеливался открывать шкатулку.

— Ни за что на свете, солнышко мое, — ответил он. — Да где же она, дорк побери?.. А, вот. — Он достал с самого дна вещмешка плоскую квадратную шкатулку.

Глум пришел в страшное возбуждение. Он долгие годы мечтал об этом моменте и не мог больше сдерживать себя. С остекленевшими от нетерпения глазами он вцепился в шкатулку.

Хендрат, понятно, не отдавал ее, и завязалась драка. Кусаясь и царапаясь, они катались по полу, мутузили друг друга кулаками и лягались ногами. Медленно, дюйм за дюймом, липкие пальцы Глума завладевали шкатулкой. Второй рукой он держал Хендрата за горло, пытаясь задушить его. Хендрат устал до предела, у него уже не было сил. Бутерброды кончились много дней назад. А этот омерзительный тип привык голодать. Он дорк знает сколько времени проводил в тайном подземном гимнастическом зале, растягивая мышцы и подвергая свой организм прочим видам самоистязания. Хендрату трудно было тягаться с ним.

Хендрат увидел, как бледные пальцы Глума открывают захваченный им приз, и издал вопль отчаяния. Но

---

[1] От англ. gloom — мрак, уныние.

заглянули в шкатулку они одновременно, и оба разинули рот.

— Блин!! — произнесли они разом.

* * *

За чаем с крысиными мозгами, приправленными имбирем, Циндрамель поведала старой подруге историю о Походе Искателей.

— По крайней мере, хоть что-то хорошее вышло из этой затеи: Хендрат покинул наконец свой диван. Правда...

— Типичные мужские штучки, — дернула длинным носом Шарана. — Вечно хотят найти что-то получше за ближайшим углом. Для нас, подруга, все это означает только одно: будем, как всегда, без устали убираться, готовить и бегать на рынок, потому что, будь уверена, наши пророчества они поплюют подальше. Мужчинам это все, конечно, представляется по-своему. Они не учитывают самых важных вещей. Если, к примеру, мы сменим измерение, то неминуемо все имена станут крайне несуразными. Я превращусь в Шарон, а тебя будут называть какой-нибудь Цинди. — Ее передернуло.

— Мне это тоже приходило в голову, — сказала Циндрамель. — И в этом их футболе есть что-то подозрительное. И без всякого волшебного зеркала ясно, что ни к чему хорошему это не приведет.

— Да, понимаю тебя, дорогая, но что ты можешь теперь с этим поделать?

Циндрамель порылась в своей сумочке из крысиной кожи и вытащила какой-то предмет, мерцавший при свете очага.

— Хен, как обычно, предоставил укладывать вещмешок мне, а я забыла положить туда кос-что.

Шарана долго смотрела на предмет. Целый новый мир в одной небольшой пластинке.

— Брось его в огонь, дорогая. Без него нам будет спокойнее.

АВРАМ ДЭВИДСОН И ГРАНИЯ ДЭВИС

Голливудские холмы

Аврам Дэвидсон (Avram Davidson, 1923—1993) был одним из уникальнейших писателей, творивших когда-либо в жанре научной и ненаучной фантастики. Лучше всего ему удавались короткие рассказы, и даже его более крупные произведения, по сути, состоят из отдельных нанизанных друг на друга эпизодов. Советуем в первую очередь прочитать дилогию «Перегрин: Primus» *(Peregrine: Primus, 1971) и* «Перегрин: Secundus» *(Peregrine: Secundus, 1981), а также истории о детективе-волшебнике под общим названием* «Консультации доктора Эстергази» *(The Enquiries of Doctor Esterhazy, 1975).*

Его лучшие рассказы собраны в «Антологии произведений Аврама Дэвидсона» *(The Avram Davidson Treasury, 1998). Вместе с женой Гранией Дэвис (Grania Davis, род. 1943) он выпустил книгу* «Марко Поло и Спящая красавица» *(Marco Polo and the Sleeping Beauty, 1988). Грания Дэвис пишет фантастические произведения с 1972 года, черпая вдохновение преимущественно в древних мифах и легендах, — примерами могут служить* «Радужные хроники» *(Rainbow Annals, 1980) или* «Лунная птица» *(Moonbird, 1986). Мы предлагаем читателям один из замечательных плодов их талантливого совместного труда.*

Возможно, не все знают, что за Голливудом — точнее, за Голливудским бульваром и Калифорнийским университетом — существуют холмы. Висящая над городом дымка обыкновенно скрывает их от глаз, да у туристов и нет особых причин глазеть на них, не говоря уже о том, чтобы отправиться туда на экскурсию. Жители долины, ежедневно мотаясь мимо холмов туда и сюда, не обращают на них внимания. Рыба, как говорится, не видит воды, в которой плавает, а птицы не замечают воздушных потоков, переносящих их.

В конце тридцатых, как пишет журнал «Лайф», этот вездесущий наблюдатель мировых событий, в Калифорний-

ском университете учились самые красивые на свете студенты — ведь они были теми юношами и девушками, кто приехал сюда в двадцатые годы в надежде попасть в голливудское царство звезд. И хотя им это не удалось — точнее, именно потому, что им это не удалось, — они осели в Голливуде, подыскав себе иное занятие — первое попавшееся.

Добившись успеха, они поселились бы в Беверли-Хиллз или Брентвуде[1], а потерпев неудачу, уже не могли вернуться в родной Каупет в Канзасе, Эбсалом в Алабаме или Притти-Бёрд в Айдахо («Чё, Джеф/Джин, не выгорело у тебя с фильмой, а? Хо-хо-хо!»). И вот теперь они подогревали гамбургеры на бульваре Голливуд, заливали баки на автозаправках или таскали коробки с бакалеей на Вайн-стрит. А также завивали и укладывали волосы в Кауэнге или подстригали изгороди и косили лужайки в Сельме.

Некоторым крупно повезло, и они действительно работали на киностудиях — но только за кадром. Голливуд стал их родным домом, каким прежде были Каупет, Эбсалом или Притти-Бёрд. Жизнь здесь была, возможно, не такой обеспеченной, но несравненно более интересной. Одни красивые неудачники знакомились с другими красивыми неудачниками и женились, производя на свет красивых детей. Уж они-то, надеялись родители, пробьются в кинематограф. И поднимутся до самых высот.

— Что вы сказали? Телевидение? А *это* еще что такое?

Дело происходило в середине пятидесятых. По улицам все еще разъезжали огромные красные джаггернауты. Вывеска на ресторане «ВиБи» все еще объявляла, что завтрак предоставляется двадцать четыре часа в сутки, но не давала ответа на вопрос, мучивший всех старожилов: является ли хозяйкой «ВиБи» Вильма Бэнки или нет, и если нет, то как хозяйку зовут? Ибо все старожилы знали, что она *была* когда-то кинозвездой.

Но никто не мог сказать, ради кого носила старая дама короткую черную бархатную тунику и сандалии, подвязан-

[1] Фешенебельные районы Лос-Анджелеса, где проживают кино- и телезвезды.

ные крест-накрест до середины ее несколько усохших голеней, и почему она не расставалась с длинной, как трость, палочкой. Она порхала в своем воображаемом мире, как стародавняя фея (в стародавнем смысле этого слова[1]), и никому не причиняла беспокойства.

Дороти, Анжела и Луанна хихикали, встречая ее, — правда, лишь удалившись на приличное расстояние; с таким же смущенным уважением они хихикали, проходя мимо утопавшего в листве старого дома, в котором жила девяносто-с-чем-то-летняя вдова Фрэнка Баума, Волшебника страны Оз. Это был тот самый дом, где его воображению рисовались удивительные — и удивительно прибыльные — фантастические картины.

Иногда девушки заскакивали на круглосуточный фермерский рынок на Вайн-стрит, чтобы перекусить или просто поглазеть на всяких чудаков, приходивших, чтобы поглазеть на других чудаков. Однажды они слышали, как приземистая женщина, выглядевшая так, словно киностудия пригласила ее играть роль Матушки Коровы, обратилась к своему мужу такой же фермерской внешности, держа в руках чешуйчатый зеленый плод черимойи: «Смотри, Па, а *это* что такое?» — и Па, пожав плечами, ответил: «По виду яйцо броненосца, Ма».

За отелем «Голливуд», основанным, по слухам, еще во времена испанской Конкисты[2], рядом с напоминающим мавзолей Китайским театром Граумана и бетонной площадкой с отпечатками рук и ног знаменитостей, служившей местом паломничества их обожателей, развернул свою предпринимательскую деятельность карлик Анжело, торговавший газетами. Порой можно было видеть, как Анжело кидается через бульвар Голливуд с пачкой газет наперерез автомобилям, размахивая куском белого картона, чтобы водители видели, что это не просто сухой лист, подхваченный ветром. Когда-то Анжело тоже был причастен к кинобизнесу.

---

[1] *Fairy (англ.)* — 1) фея, эльф; 2) гомосексуалист.

[2] Калифорния была испанской колонией с начала XVIII века до 1821 г.

Однажды, стоя бок о бок в толпе, размахивая руками и вопя, Дороти, Анжела и Луанна приветствовали не кого иного, как самого Роберта Каммингса, проезжавшего в автомобиле со своим семейством, и он тоже махал им в ответ и улыбался — правда, не вопил.

Не раз они судорожно хватались друг за друга, когда по бульвару, совсем как простой смертный, проходил знаменитый кинозлодей Портер Холл. Вид у него при этом был отнюдь не злодейский, а щегольской и цветущий; однажды он даже приподнял свою щегольскую шляпу и сказал:

— Привет, прекрасные дамы!

Прекрасные дамы!

Что же до фигур более крупных, чем Роберт Каммингс или Портер Холл, то они редко попадались девушкам, так сказать, живьем. Лишь время от времени, раз в сто лет, мимо них проносились лимузины с кем-нибудь из Самых-Самых, соизволивших одарить их своим минутным появлением. Тайрон. Лана. Лорен и Боги. Бетт. Ава. Джоан. Кларк[1].

В городе, выросшем вокруг предприятий какой-нибудь компании, каждый, естественно, стремится устроиться на одно из этих предприятий. В Голливуде подобной компании нет. Здесь есть киноиндустрия. И хотя никто из родителей Дороти, Анжелы и Луанны никогда не был хоть сколько-нибудь заметной звездой, девушки, естественно, мечтали тем не менее о том, что станут когда-нибудь настоящими знаменитостями.

Посторонний, случись ему попасть в царство низких, покрытых чешуей пальм и оштукатуренных домов в псевдоиспанском стиле, выстроившихся у подножия голливудских холмов, где городской смог смешивается с океанскими испарениями, увидел бы просто трех самых обыкновенных девушек-тинейджеров в модных юбках-джерси или в бриджах, с пушистыми прическами с начесом или под-

[1] Предположительно имеются в виду американские киноактеры Тайрон Пауэр (1914—1958), Лана Тернер (1920–1995), Лорен Бэколл (1924), Хэмфри Богарт (1899—1986), Бетт Дэвис (1908—1989), Ава Гарднер (1922—1990), Джоан Кроуфорд (1904/05?–1977), Кларк Гейбл (1901–1960).

стриженных «под пажа». У одной из них (Дороти) были большие черные глаза и довольно нескладная фигура; другая (Анжела) была сплющенной со всех сторон высокой блондинкой, а лицо ее запоминалось прежде всего веснушками и прыщами; третья (Луанна) обладала великолепным цветом лица и пышной грудью, но ноги ее были слишком короткими, а бедра толстыми.

Однако сами девушки отнюдь не считали себя обыкновенными. Они были *Дочерьми Голливуда*, родом из Царства Кино, и незначительные изъяны вроде не вполне идеальной внешности были лишь временной помехой, которую предстояло преодолеть. А пока они учились в Калифорнийском университете и с большим трудом переносили академическое занудство. (Подумать только! Занятия по английскому! Как будто они какие-нибудь иностранцы.) Весь жар своей души они отдавали освоению драматического искусства.

Если надо было сесть на диету, Луанна садилась на нее. Если надо было мазаться кремом для выведения прыщей, Анжела мазалась. Если надо было делать физические упражнения, все три делали их: Луанна старалась убрать лишнее с ног и бедер, Анжела и Дороти — добавить недостающее к груди.

Давало ли все это какие-нибудь результаты?

Ну как сказать...

Луанне, по крайней мере, однажды удалось поработать моделью — в одном из журналов был напечатан ее погрудный снимок.

А Анжела даже снялась как-то в сцене студенческих волнений. (Не подумайте, что волнения были вызваны политической реакцией начала 50-х. Молодежь в фильме боролась за свое право иметь новое, более просторное футбольное поле.)

Но это были редкие счастливые случаи, которые больше не повторялись.

А у Дороти вообще никаких случаев не было.

Ей оставалось только вздыхать.

Последней соломинкой явилось объявление, вывешенное в витрине демонстрационного зала:

«Спешите записаться! Представление на открытом воздухе! НУЖНА СОТНЯ ДЕВУШЕК в возрасте от 13 до 19 лет. ДЕВУШКИ! ДЕВУШКИ! ДЕВУШКИ!»

Она зашла. Уж если им нужна сотня...

— Вы нам не подходите.

— Но *почему*?!

— Милочка,— объяснила ей женщина, восседающая за столом, заваленным заявлениями о приеме,— *кто*, по-твоему, смотрит подобные развлечения? Мужчины! — (Это слово она произнесла так, как могла бы произнести «лобковые вши».) — Дело в том, дорогая,— продолжила она,— что среднего американского мужчину так и не отняли от материнской груди. Если девушка не отличается ничем особенным в области молочных желез, если фигура у нее недостаточно «полная» (по полная *чего*, спрашивается?), то Мистер Средний Американец считает, что его надули. *Кретин!*

Внезапно Дороти осознала сразу три вещи. Что, во-первых, у женщины тоже неважно с молочными железами. Что, во-вторых, она надежно завладела рукой Дороти и, похоже, стремится завладеть и другими частями ее тела. И что, в-третьих, ей хочется немедленно покинуть помещение.

Что она и сделала.

А может, ей надо было остаться? Нет уж!

Она шла очень быстро. Потом пошла еще быстрее. Потом побежала. Споткнулась. Остановилась и заплакала. Она не рыдала, просто плакала.

И всхлипывала.

В этот момент Дороти заметила отражение своей стройной маленькой фигурки в витрине магазина. И, даже пребывая в тоске и печали, подумала, что в фильме кто-нибудь обязательно подошел бы к ней и спросил: «Девушка, почему вы плачете?»

— Девушка, почему вы плачете? — спросил мужской голос у нее за спиной.

Это был поистине волнующий момент. Но к радостному возбуждению нашей героини примешивалась настороженность. Ибо это не был голос красивого свежеиспеченно-

го Американского Юноши с белозубой кукурузнохлопьевой улыбкой — увы, в нем явственно звучал иностранный акцент.

Дороти подняла голову. Может быть, мужчина был высок, красив и темноволос? Ничего подобного. Он был невзрачным коротышкой. Что у него было темное, даже землистое, так это кожа. И большие блестящие глаза. Конечно, само по себе это было не так уж страшно. Она уже давно убедилась, что даже самые свежеиспеченные Американские Юноши не гнушаются тем, чтобы заманить ее в какой-нибудь раздолбанный «нэш», «шевроле» или «студебеккер», пропахший смазкой, где ведут себя довольно нахально. Она осторожно втянула носом воздух. Смазкой не пахло. Зато чувствовался какой-то другой запах. Довольно странный. Но нельзя сказать, чтобы противный.

— Так почему вы плачете? — повторил вопрос мужчина. Определить его возраст было невозможно.

— Из-за фигуры, — скорбно отвечала Дороти. — Она слишком худая и костлявая.

В фильме незнакомец обязательно возразил бы: «Чепуха. Вы это внушили себе. У вас *прекрасная* фигура». А она повернулась бы и ушла. Взрослые и не совсем взрослые мужчины уже пытались запудрить ей мозги таким образом, а что в результате? Но неважно.

Этот же чудак произнес:

Хм... Правда. Слишком худая и костлявая. Вам надо что-то сделать с ней.

— Я знаю, — прохныкала она. — Пойти к доктору.

— *Я* доктор, — заявил незнакомец.

В руке он держал блестящую бутылку с какой-то темно-коричневой жидкостью. Сунув ее под мышку, он вытащил бумажник, а из него визитную карточку, которую вручил Дороти. На карточке было написано:

Зонгабхонгбхонг Ван Лёвенхоэк
Д-р филос. Батавия.

Слово «Батавия» было аккуратно зачеркнуто чернилами, и над ним было написано «Джакарта». «Джакарта»,

в свою очередь, была густо замазана шариковой ручкой, и под ней было написано «Голливуд». Карандашом.

— Я вышел, чтобы купить тоник с сельдереем. Вы, конечно, знакомы с этой бутылкой. Она американская. Очень хорошо к *Reistafel*[1] — «рисовому столу». Это смешанное блюдо, как и я тоже. Наполовину нидерландский, наполовину индонезийский. Вам нравится?

Дороти понятия не имела, нравится ей или не нравится. Ясно было одно: этот доктор, носящий такое смешное имя и разговаривающий на ломаном английском, — человек странный. *Очень странный.* Но был шанс, что он сможет ей помочь. Все обычные средства не смогли.

— А ваш кабинет далеко отсюда? — спросила она.

* * *

Комната была совсем не похожа на обычный врачебный кабинет, это уж точно. В ней было полно всяких диковин: черепа, чучела, резные фигурки и фигурки в банках. *Другие* доктора не угощали ее блюдами, приправленными разными специями. Нравилось ли ей? Трудно сказать — все было так необычно...

Но к делу.

— А какое лекарство, по-вашему, мне надо принимать?

Доктор, глядевший на нее очень внимательно, был, казалось, застигнут врасплох этим вопросом.

— Лекарство? Какое лекарство? Ах, лекарство! Ну конечно, непременно! Так-так...

Он встал и стал рыться в шкафчике. Наконец он вытащил какой-то странный пузырек со странным порошком.

— На моем родном острове Суматра, — объяснил он, — я очень заинтересовался естественной историей и ботаникой, а также зоологией и фармакологией, охотой на рыб и зверей. Ну и вот. Но это детали.

Дороти рассматривала порошок.

— Его что, надо принимать ложками, доктор? Не в капсулах?

---

[1] Рисовый стол, рисовое блюдо *(нем.)*.

Он все глядел на нее своими странными блестящими глазами.

— Принимать?.. Да-да! Но сначала необходимо, чтобы я исследовал вас.

Ну, то, что он делал с Дороти до, после и вместо осмотра, не слишком отличалось от того, что *делали* другие мужчины, хотя и не были докторами. Разве что *пальцы* у него были очень проворные. Она нашла, что это... ну, *интересно*, что ли. Лежать на кушетке было гораздо удобнее, чем на заднем сиденье какого-нибудь вшивого драндулета, а пряности и благовония пахли лучше, чем автомобильная смазка.

— Гнумпф... — резюмировал доктор, помогая ей одеться. — Вы кажетесь в отличном физическом состоянии. Конечно, не включая худую костлявую фигуру. Вот лекарство. Я сам приготовил его из желез — но неважно, вам не будут нравиться детали. Я растворю водой, — сказал он, направляясь к умывальнику. Но кран, похрипев и поскрежетав, выдал только несколько хлопьев ржавчины. — Ах! Я забыл! Меня же информировали. Ремонт. Недолго не будет воды. Значит, другая жидкость. Безалкогольная. Какая же? А! — Доктор схватил бутылку тоника с сельдереем, опустошенную лишь наполовину. Сняв с бутылки крышку, он высыпал в нее порошок, взболтал содержимое и вручил бутылку Дороти.

Ну, что ж. Это было лучше, чем платить за лекарство в аптеке, и уж подавно лучше, чем уколы! Закрыв глаза, она сделала глоток. И еще один. Что можно было сказать о вкусе? Чувствовался сельдерей, и в целом было не так противно, как она себе представляла. И куда легче, чем делать упражнения!

— Сколько я должна вам? — спросила она.

Он опять стал пристально разглядывать ее масляными глазами.

— Должна? О! Пожалуйста, уплатите мне удовольствием послушать вместе со мной мою наследственную музыку с материнской стороны. У меня есть граммофон. А сам я буду играть на индонезийском гамелане.

После того как она прослушала порядочное количество этой необычной музыки, доктор спросил, как она себя чув-

ствует. Она ответила, что как-то странно. Доктор сказал, что ему надо исследовать ее еще раз. Она сказала, что сначала ей надо в ванную, а сама, сняв туфли и держа их в руках, тихо покинула обитель Сонгабхонгбхонга Ван Лёвенхоэка, д-ра филос., и отправилась домой.

* * *

Спала Дороти беспокойно — во сне она блуждала среди зеленых холмов, где было много травы и деревьев, вместе с какими-то людьми, выглядевшими *очень* странно. Когда она проснулась, у нее слегка кружилась и болела голова. Может быть?.. Да нет, не может быть. Число неподходящее, да и ощущение совсем не то. Она опять уснула, на этот раз не видела никаких снов и опять проснулась. Когда она пошевелилась в постели, ей показалось, что она стала тяжелее. Неужели лекарство подействовало так быстро? Она поспешила в ванную и встала на весы. Опустив глаза на шкалу, она увидела две вещи. Во-первых, она действительно прибавила в весе — и еще как! Во-вторых, ее ноги были покрыты темной шерстью.

— О Боже! — воскликнула она и, скинув ночную сорочку, метнулась к высокому зеркалу.

Шерсть была не только на ногах.

Она покрывала все ее тело.

В зеркале перед ней стояло косматое существо. Насколько Дороти могла понять, она превратилась в гориллу.

Конечно, превратиться в гигантского таракана было бы еще хуже, но это был единственный плюс, какой она видела в произошедшем.

* * *

В дверь стучали и стучали. Разумеется, она не могла никого впустить. Какая удача, что отца не было дома — он нашел одну из тех временных работ, благодаря которым им удавалось сводить концы с концами, и уехал куда-то на несколько дней устанавливать оборудование. Она уже хотела ответить стучавшему через дверь, но тут визитер подал голос сам:

— Я *знаю*, что ты дома, Косматик!

Косматик?? Значит... уже все известно? Но откуда? Кто...

Дороти осторожно посмотрела сквозь щелку между шторами спальни, стараясь не пошевелить их, но ее старания пошли прахом. Она в страхе убежала из спальни, а человек стал стучать в окно. Тут она догадалась, кто это такой, и вспомнила, что он называет Косматиком ее вечно непричесанного отца. Его призывный зов предназначался вовсе не ей.

Мать Дороти исчезла из их жизни несколько лет назад, оставив с трудом выветрившийся запах виски и духов, а также долги. Целую кучу долгов. Отцу пришлось занимать деньги, чтобы уплатить по счетам, а потом снова занимать, чтобы отдать то, что он занимал.

Так все это крутилось, удваиваясь и утраиваясь, пока не попало в руки Лос-Анджелесского Агентства по принудительному взиманию долгов.

Прокравшись на цыпочках в гостиную, она увидела, как из-под двери вылезает одна из хорошо известных ей карточек. В дверь опять забарабанили.

— Косматик, не прячься, я знаю, что ты дома! Лучше отопри, и мы обговорим это дело. Мы не можем ждать вечно!

На карточке было напечатано имя: Хаббард И. Глатт, районный агент. Она уже встречалась с мистером Глаттом. Он носил костюм, некогда серый, и некогда белую рубашку, которые теперь были украшены въевшимися в них пятнами кетчупа, а в носу у него росло *невероятное* количество волос. Даже преисполнившись самыми добрыми намерениями, трудно было назвать его симпатичным человеком. К тому же от него всегда несло перегаром.

— Уходите, пожалуйста, уходите, — обратилась к нему Дороти через дверь. Слава богу, хоть голос у нее не изменился, и это единственное, за что она могла его благодарить. — Папы сейчас нет.

— Меня не интересует, кого сейчас нет! — взвизгнул мистер Глатт. — Вы заплатите мне хоть что-нибудь?

— Но у меня нет денег!

Мистер Глатт издал что-то среднее между хрюканьем и рычанием.

— Вечно одно и то же: «Папы нет дома, у меня нет денег»! Ну, вот что. Раз нет денег, у меня другое предложение, — сказал он более тихим и оттого еще более противным голосом. — Впусти меня, и я объясню тебе, девочка, как можно уменьшить счет — долларов на двадцать. Хе-хе-хе...

Нервы у Дороти не выдержали. Она распахнула дверь и втащила мистера Глатта в комнату. Ни одного звука не успело вырваться из его горла, когда она впилась в него своими новоприобретенными клыками.

Как в трансе, она протащила обмякшее тело на кухню, где и позавтракала им.

Прошло какое-то время. В голове у нее прояснилось. Господи, что она натворила?! Убила и частично съела человека. Но почему? Гориллы ведь не питаются людьми, они питаются бананами... Разве не так?

Значит, она даже не горилла. Она какой-то монстр. Оборотень? Дрожа от ужаса и пережитого потрясения, она подошла к большому зеркалу, висевшему в передней, и с отвращением завопила. Шерсть на ней потемнела и стала жесткой, черты лица тоже огрубели. Вместо ногтей на пальцах отросли когти — правда, на них еще частично сохранился лак, носивший название «Жемчужный персик». Перестав вопить, Дороти осмотрела свой рот и увидела, что он полон желтых клыков. Она разрыдалась.

Как могло такое случиться с ней? Девушки всегда задавали себе этот вопрос, обнаружив, что они ненароком забеременели. Будто они не знали как. Но то, что произошло с ней, было хуже, чем беременность, в миллион раз хуже. И потом, причина беременности всем хорошо известна. А что было причиной в данном случае, она и предположить не могла.

Но тут ее вдруг осенило, словно гром ударил или молния вспыхнула у нее в мозгу. Этот подозрительный экстракт из каких-то желез, который она вчера принимала, чтобы похорошеть! Но не таким же образом! Единственное, что остава-

лось, — пригласить доктора домой, чтобы он дал ей какое-нибудь средство, оказывающее обратное действие. Только... ходит ли этот доктор по вызову? Надо проверить.

Но проверить не удалось. Ни в одном из телефонных справочников имя доктора Ван Лёвенхоэка не значилось — ни в каком из возможных вариантов написания. Номер его домашнего телефона она не помнила. Выходить на улицу в таком виде Дороти боялась — по крайней мере днем. Разве что ночью. Если кто-нибудь узнает, что она сделала с мистером Гладтом, ее посадят в тюрьму, а может быть, даже убьют или упрячут в психушку. Ей надо избавиться от трупа, а затем убежать и укрыться где-нибудь на холмах за Голливудом — в Гриффит-парке, например. Там ей придется рыскать по лесу в поисках добычи, как дикому зверю, и убивать... А кончится тем, что ее обнаружат и застрелят серебряной пулей.

При мысли об этом она онять горестно взвыла.

Утирая слезы, она смыла синтетической шваброй кровь с испанских плиток в прихожей и в кухне, собрала останки сборщика квартплаты в полиэтиленовый мешок и положила их в холодильник, чтобы доесть потом. Как хорошо, что отца не будет дома еще целую неделю. К тому времени она что-нибудь придумает. По крайней мере, пропитания у нее хватит.

После этого она сидела, плакала, слушала по радио Стеллу Даллас и знаменитого свистуна Джека Бенни или смотрела по их новому, выигранному в лотерею телевизору, как кувыркаются Дядюшка Милтон Берл с Куклой, Франом и Олли. Надо было поужинать, но доедать мистера Хаббарда Э. Гладта ей совсем не хотелось. По-видимому, в первый момент она накинулась на него в состоянии аффекта. Вместо этого Дороти апатично сжевала лапшу.

Так она провела всю неделю в своем псевдоиспанском доме у подножия голливудских холмов. Несколько раз к ней стучались Анжела с Луанной и другие друзья, а также поборники двух взаимоисключающих религиозных истин; без конца звонил телефон. Дороти говорила всем через дверь

(или по телефону), что у нее необычайно заразный грипп. Тем же гриппом она отпугивала и других — мальчика, разносившего газеты, женщину, распространявшую продукцию фирмы «Эйвон», и зашедшую по ошибке даму из группы приветствия новоселов и политических деятелей.

Она не могла думать ни о чем, кроме бегства в холмы и своей дальнейшей судьбы, и в конце концов чуть не дошла до исступления. Но, проснувшись в одно благословенное утро, она обнаружила, что шерсть исчезла, тело приобрело свои обычные размеры, а зубы и ногти — нормальный вид. Дороти поспешно обновила лак на ногтях. Она опять стала такой же маленькой и худенькой, но зато выглядела по-человечески.

Уже в самом конце недели она вдруг вспомнила, что ей надо было сделать что-то еще... Ах да! Выругав себя за забывчивость, она вытащила замороженные останки мистера Хаббарда Э. Глатта и, когда стемнело, оделась и переправила полиэтиленовый мешок в мусорный бак.

Отец Косматик вернулся в назначенный срок, загорелый и уставший, и потребовал жареного цыпленка и пива. После этого он завалился спать, а Дороти, в своем бюстгальтере на поролоне, облегающем свитере, пышной юбке и в туфлях на очень высоких каблуках вернулась на студенческую скамью. Она испытывала большое облегчение, но вместе с тем и беспокойство. Разыскав дом, где жил доктор со смешным именем, она увидела объявление «СДАЕТСЯ». Что если с ней опять произойдет это ужасное превращение? О нет, только не это! Уж лучше оставаться худой и костлявой до конца своих дней и распроститься с мечтами о кино.

Луанна с Анжелой были рады видеть ее снова и поделиться пустячными университетскими новостями. Слушая их, Дороти ахала от изумления — по большей части притворного. А сама все время думала: неужели это случится опять?

Как-то вечером примерно месяц спустя она почувствовала недомогание и решила пройтись. Однако во время прогулки ей стало еще хуже. По-видимому, следовало зайти

в туалет, но туалет в парке был закрыт. Оставались кусты, и именно там Дороти почуствовала под рукой густой мех. Она в отчаянии вскрикнула и потеряла сознание.

* * *

Было очень удачно, что отец опять уехал на неделю — на этот раз нанести ежемесячный визит своей подружке, жившей в каком-то обшарпанном районе в Малибу. Мать подружки на это время отправилась в Чула-Виста с ежемесячным недельным визитом к своей второй дочери.

Влезть в свою одежду Дороти уже не могла, поэтому она связала ее узлом и закинула в ближайший мусоросборник. Но как попасть домой? Она попыталась прокрасться темными переулками, но они уводили ее все дальше от дома. И ей внезапно страшно захотелось есть. Как она ни уговаривала свой желудок потерпеть, он в ответ лишь угрожающе ворчал. Тут она подумала, что американцы ведь живут очень неэкономно, и решила проинспектировать бак для отходов, стоявший возле одного из жилых домов.

Только она приподняла крышку бака, чтобы заглянуть внутрь, как откуда ни возьмись перед ней возник упитанный мужчина средних лет с маленькими усиками. Он держал в руках большой бумажный пакет — похоже, с отходами. Оба застыли на месте от неожиданности. Дороти взвизгнула и выпустила из рук крышку, которая с лязгом захлопнулась. Мужчина воскликнул «Gevalt!»[1] и выпустил из рук свой мешок, но тут же подобрал его. Дороти ударилась бы в бегство, если бы ей не мешал высокий забор. У нее был еще вариант — пустить в ход клыки и когти, но, в отличие от мистера Глатта, незнакомец не вел себя с грубой назойливостью, и лицо его было добрым.

— Слушай, в первый миг я мог подумать, что ты искренняя горилла, — сказал он. — И никогда, никогда не видал я такого отборного костюма. Ну вот! Почему конфуз? Тебя застукнули за обчищением мусорного бака? Ты соскучилась по обеду?

---

[1] Силы небесные! (*искаж. нем.* Gewalt).

Похоже, Дороти везло на незнакомцев, разговаривающих на ломаном английском. Впрочем, в Лос-Анджелесе этим никого не удивишь.

Мужчина покачал головой и издал громкий вздох с оттенком сочувствия.

— У меня не костюм! — воскликнула Дороти.

Незнакомец опять покачал головой — на этот раз недоверчиво.

— Я знаю, я знаю, в этом Эл-Эй[1] есть причудливость. Экологическая причудливость, можно назвать. Койоты, опоссумы, сбежавшие питоны и другие возможные домашние любимцы, с которыми люди живут, когда нет эмпатии с человеческим существом. Но горилла не может быть. Нет-нет. И ни за что горилла не разговаривает. Она щелкает языком, излучает гортанные звуки и нерегулярно рычит и визжит. Слушай, ты только что делала взвизг. Сделай опять!

Дороти испытывала облегчение, видя, что мужчина не напуган и держится дружелюбно, и даже немного гордилась тем, что способна сделать хоть что-то, достойное похвалы. Поэтому она охотно испустила свой взвизг опять.

— Не плохо, не плохо! Не плохо совсем. И даже хорошо. Мне нравится. Слушай, а зачем мы не делаем вот что? Мы идем ко мне домой, там можно съесть какую-нибудь дозу. Фаршированную капусту. Ты любишь? Я сейчас же грею ее на печке. Миффани оставила меня. Удачу с женщиной мне еще надо найти, но надежда во мне уже есть, вечная весна в груди человеческого существа. — Он мягко подталкивал Дороти в сторону дома. — Сандра абонировала мне чайник днем и ночью, Шейла напихивала мне в кишки всякую гадость, пока из меня не шла кровь, я установил связь с Миффани. Мы будем есть немного чего, немного говорить бизнес, без всяких обязательств со стороны переговаривающихся сторон. Мы будем есть что-нибудь лучше, чем в мусорном баке, хотя я не гурман по кулинарии. Знаешь, что я скажу тебе о шиксах?[2] Они не

---

[1] L. A. — сокращенное разговорное название Лос-Анджелеса.

[2] Шикса (в еврейской разговорной речи) — неврейская женщина.

абонируют тебе чайник и не напихивают ничего в кишки, они не ворчат в общественных мероприятиях, пока ты падаешь мертвым от стыда. Нет. Все, что они делают, — мошенствуют. Осторожно, ступенька.

Дороти случалось видеть кухни и получше, случалось и похуже. Как бы то ни было, кухонный интерьер в данный момент ее не интересовал. Ее интересовал дружеский разговор с человеком, а также еда. Хозяин дома («Зови меня Альфи») навалил ей на тарелку фаршированной капусты и нафаршировал ее кишки мандаринами, затем спросил, предпочитает ли она молоко или крем-соду; выставил вазочку со сдобными пирожными и блюдо с нарезанными сырыми овощами («они помогают преодолеть цингу»); предложил ей на выбор три сорта хлеба: зерновой, из непросеянной ржаной муки и яичный.

— Когда нет пищи, нет и религии, когда нет религии, нет пищи. Так говорил отец моей первой жены. Искренний мошенник. Питайся, мой косматый друг, питайся хорошо.

После того как они хорошо и довольно шумно поели, Альфи, удовлетворенно рыгнув, воскликнул:

— Чуть не забыл новости по видео! В конце концов я снизошел и купил эту штуку. Говорят, она погубит много больших шишек в кино, но только не меня. Прости, что не награждаю тебя своим вниманием, — сказал он, повернувшись к экрану.

Дороти с радостью простила его, ибо не только пребывала в благодушном настроении после кормежки, но и сама хотела посмотреть хоть раз это «видео», которое, в отличие, скажем, от пепельниц, было еще далеко не в каждом доме.

Сначала на черно-белом экране не было никакого изображения; звука тоже не было. Альфи долго вертел так и сяк антенны, похожие на уши кролика, и наконец чей-то голос произнес:

— ...поиски так называемого Чудовища голливудских холмов тем временем продолжаются.

— Я им покажу «Чудовище голливудских холмов»! — проворчал Альфи. — Хотят испортить цену моей недвижи-

мости! Коммунисты! Головорезники!.. Заткнись, Альфи, — вдруг урезонил он сам себя.

Двое мужчин уселись рядом с ведущим на фоне огромных увеличенных фотографий и гипсовых слепков.

— Познакомьтесь с доктором Вильямом Вумплом из Университета Южного Лос-Анджелесского департамента науки о приматах и суперинтендантом Оскаром Оп-де-Груффом из Бюро по расследованию судебной зоологии графства. Джентльмены, не поделитесь ли вы с нами своим мнением обо всем этом?

— Эти фотографии и гипсовые слепки, — сказал профессор Вумпл, — являются отпечатками ступней и кулаков исчезающего вида суматросских горных горилл с острова Суматра, и мы...

— Я допускаю, профессор, — прервал его суперинтендент Оп-де-Груфф, — что тут есть некоторое сходство. Однако исчезающие из вида индонезийские горные гориллы являются вегетарианцами по своим убеждениям. У нас нет вещественных доказательств, свидетельствующих о том, чтобы эти исчезающие гориллы, населяющие Ост-Индские и Суматросские острова, когда-либо убивали и частично поедали сотрудников кредитных бюро, а затем прятали их кости в полиэтиленовые мешки. Меню этих безобидных существ состоит из стеблей сельдерея, который щедро растет на всех диких горных склонах Суматросского архипелага.

— Извращенный аппетит можно встретить у любых видов, — возразил профессор Вумпл. — Позвольте мне освежить вашу память тем фактом, что толстокожие тоже являются травоядными, между тем имеется классический пример слона по имени Буби, который самым губительным образом затоптал и съел в цюрихском зоопарке молодую женщину по имени Анна О., по неосмотрительности решившую скормить ему остатки хлеба с тмином, недоеденные ее работодателем, торгующим дешевыми корпусами наручных часов, по имени Шульц.

Ведущий открыл рот, чтобы сказать что-то, но внезапно стал сокращаться в размерах и совсем исчез, так как Альфи выключил экран.

— Так. Лучше к делу. Ты говоришь, как тебя зовут? Хотя я не имею желания нарушать твое предпочтение анонимности. *Дороти?* Девушка в гориллиной шкуре — таких персонажей до сих пор не встречалось,— сказал он с удивлением, но тут же добавил извиняющимся тоном: — Моя матушка, угомони, Господь, ее душу, призналась мне, что в ее молодые годы если женщина закуривала сигарету на публичной улице, то вполне могла после этого сбежать в Атлантик-Сити с разъездным агентом. Но теперь мы живем в просвещенной эре. Я хочу слушать, как ты кричишь.

— Кричу? — отозвалась сонным голосом Дороти, убаюканная сытной пищей и покоем.

— Да, кричишь,— кивнул Альфи. — Включи свое воображение. Вообразим, ты прогуливаешься в своих аборигенских джунглях и вдруг видишь прислонившуюся под деревом и быстро успувшую после утраты своей экспедиции замечательную молодую женщину. Ты никогда за всю свою жизнь не видела ничего подобного! И натурально, ты вопишь с выражением изумления. Я хочу это услышать.

Дороти задумалась всего на миг и издала вопль. Она надеялась, что он выражает изумление.

— Замечательно! — воскликнул Альф.

Дороти посмотрела на него с сомнением.

— Нет-нет, правда-правда! — сказал Альф. — Клянусь могилой моей второй тещи, в которой она скоро будет. Лицемерие чужеродно моей натуре, хотя я не кончал высших школ, а был извержен в кишащие артерии джунглей — то есть улицы наших городов. Но зачем наскучивать тебе этой деталью, Дотти. Лучше включи свое воображение опять. Вы с этой замечательной молодой женщиной идете по джунглевой троне, ища потерявшийся Золотой замок. Кокосовый орех упал на голову начальника экспедиции, ее бойфренда, и без соображения он свалился. Одновременно ты — только ты одна! — соображаешь, что недружественное племя поганых аборигенов крадется в атаку в подлеске. Я хочу услышать, как ты передашь эту информацию своей вновь познакомившейся человеческой леди. Излучи серию сообразительных воплей.

Дороти постаралась, как могла, выполнить его просьбу и, войдя в роль, даже прибегла к импровизированной жестикуляции. Альфи был в восторге.

— Мы сделаем дубль, мы недвусмысленно сделаем дубль! — кричал он.

Дороти в приятном возбуждении стала непроизвольно подпрыгивать и чесать шкуру. Альфи посмотрел на нее озабоченно.

— Я вижу, ты потеешь через свой гориллин костюм, — сказал он. — Позволь мне дать тебе несколько ледяных кубиков для холодного питья. — Наливая из крана воду в старомодную металлическую ванночку, он обернулся и спросил: — Почему ты не снимешь костюм, Дотти? Тебе будет уютнее.

Она уже открыла рот, чтобы повторить, что это не костюм, но тут заметила в соседней полутемной комнате незнакомую женщину, которая бежала к ним с криком:

— Я *покажу* тебе «снимешь костюм»! Я *покажу* тебе Дотти! Я *покажу* тебе Шейлу! Я *покажу* тебе Миффани!

— Сандра, если ты абонируешь мне чайник...

Дороти реагировала на появление Сандры с такой же яростью, какую вызвал у нее Хаббард Э. Глатт. Приподнявшись на носках, потрясая когтистыми кулаками и оскалив зубы, она стала неистово визжать.

Ни одного мига Сандра не сомневалась, что перед ней «искренняя горилла». Развернувшись на сто восемьдесят градусов, она кинулась прочь, издавая вопли, исполненные страха, потрясения и ужаса.

Дороти неслась за ней по улице — то на задних лапах, то на всех четырех, пока неожиданно вспыхнувшие перед ней автомобильные фары не заставили ее вскарабкаться на ближайшее дерево. Оттуда она перепрыгнула на крышу дома, затем на соседнюю и на следующую. В итоге она вдруг осознала, что потеряла ориентировку.

Неумышленно спугнув бомжей, пристроившихся на одном из пустырей и кинувшихся при виде нее врассыпную, она угрюмо допила остатки их горького черного кофе и провела ночь на заплесневелом матрасе в дренажной трубе

возле их костра. Найдя пачку иллюстрированных журналов известного сорта, которые развлекали этих полуотшельников в их одиночестве, она с отвращением покидала их в костер.

* * *

Бóльшую часть следующего дня Дороти провела в эвкалиптовой роще, ныне ставшей жертвой градостроительного прогресса, и размышляла о своем положении. У нее не оставалось сомнений, что в ее кошмарных превращениях виноват тоник с сельдереем, в котором этот шарлатан Сонгабхонгбхонг Ван Лёвенхоэк развел свой гормональный экстракт. Очевидно, в нем были какие-то элементы, родственные тем, что содержались в стеблях дикого сельдерея, поедаемого исчезающими горными гориллами на Суматре.

Эти превращения не совпадали с ее месячными циклами и вроде бы никак не были связаны с полнолунием. Оставалось предположить, что виноват ее зодиакальный знак — Овен на лунном роге. Ей вспомнился астролог, якобы бравший умеренную плату, о котором говорила ее мать, перед тем как уехать в Анахайм, чтобы распространять там продукцию фирмы «Эйвон», — такую версию выдвигал ее отец, хотя вполне могло быть (Дороти это только сейчас пришло в голову), что он просто скрывал от нее какое-то менее почтенное матушкино занятие.

Ее мысли прервало внезапное появление другой гориллы, которая, казалось, была так же напугана встречей, как и Дороти. Они долго стояли, остолбенев и разглядывая друг друга. Может быть, это еще одна исчезающая горилла с гор Суматры? Или еще одна жертва тоника с сельдереем? Нет, это было, несомненно, человеческое существо в изъеденном блохами костюме гориллы. В руках оно держало мешок из коричневой бумаги с какой-то бутылкой.

— Послушай, птенчик, — сказало оно — точнее, он, поскольку голос был хотя и невнятным, но, бесспорно, мужским, — когда-то в незапамятные времена, будучи известной звездой сцены и экрана, я не пил ничего, кроме лучших сортов мадеры. Но теперь все это в прошлом, вместе

с импортными марочными винами. Приходится довольствоваться любой дрянью. Угощайся, друг! — Его отекшая физиономия почти вплотную приблизилась к лицу Дороти, и она почувствовала, что это далеко не первая его выпивка за день.

Бывшая известная звезда сцены и экрана быстренько свинтила колпачок с бутылки и задрала ее дном вверх, чтобы содержимое попало ей в рот, а затем так же быстро спрятала бутылку в мешок, ибо закон запрещал распивать спиртные напитки в общественном месте, будь то даже эвкалиптовая роща, населенная бомжами.

После этого, по-видимому забыв о своем великодушном предложении, мужчина отвернулся от Дороти и, порывшись в шкурс, вытащил другую бутылку, поменьше. Жидкость в ней была прозрачная, и он, торопливо глотнув ее, сунул бутылку обратно в шерсть и опять приложился к бутылке из мешка, на этот раз надолго. Затем он вновь предложил дешевого вина Дороти и, пока она думала, как бы повежливее отказаться, произнес:

— Я хотел угостить из вежливости, а настаивать было бы крайне невежливо. — И тут же убрал бутылку.

Речь незнакомца постепенно становилась все менее разборчивой, а когда он стал удаляться от нее по тропинке, его сильно пошатывало. Вероятно, прозрачная жидкость была водкой, подумала Дороти. Мужчина повернул к ней голову, слегка наклонив ее, что можно было расценить как приглашение следовать за ним. Дороти последовала. Все необычное нуждается в компании, и, не зная, чем бы еще заняться, она решила принять приглашение.

Встречавшиеся прохожие, бросив на них взгляд, вслед им не оборачивались. Это все-таки был Голливуд, да к тому же знаменитая Гоуэр-стрит, известная посвященным под названием Галли[1].

На улице толпилось такое количество мужчин в ковбойских костюмах, что непосвященные могли подумать,

---

[1] От англ. gully — сточная канава. На этой улице в Голливуде находилось множество мелких киностудий. *(Прим. ред.)*

будто идет подготовка к ежегодному перегону скота в Додж-Сити[1]. Толпа ковбоев всколыхнулась, по-видимому подгоняемая криками стоящего на тротуаре темноволосого человека с покрасневшими глазами, на котором были выцветшие хлопчатобумажные брюки, заношенная рубашка цвета хаки и мокасины.

— Узкоглазые, мексиканские и бледнолицые, очистите каньон! — командовал человек, адресуясь в первую очередь к группе воинов в боевой раскраске и перьях. — Остаффьте запечатление индейских аборигенофф фактическим индейским аборигенам! К тепе, к тепе обращаюсь я, Маркус Гарви Дут-Хит, претендующий под именем Марко Громопой! Ты будешь вешать мне макароны на уши, бутто твоя папушка была полнокровной индейкой из племени чероки, да?

М. Г. Дут-Хит, иначе Марко Громобой, надувшись, произнес:

— Я тебе отвечу, Амос Пташка, да! Знай, что палки с камнями и стрелы с мушкетными ядрами могут повредить мои кости, а этнографические эпитеты относятся к тем, кто обзывается ими!

Оставив позади индейские разборки, Дороти и ее пошатывающийся спутник столкнулись с молодым человеком воинственного вида, державшим плакат, на котором было написано:

СЪЕМЩИКИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ» ФИЛЬМОВ! ПРЕКРАТИТЕ КЛЕВЕТНИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ »ПОМЕШАВШИХСЯ УЧЕНЫХ»! НАУКА — НАДЕЖДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

Шестидесятые еще не наступили, однако первые ласточки уже давали знать о себе.

Потихоньку они добрались до территории с бараками, огороженной колючей проволокой и напоминавшей концентрационный лагерь. Косивший под обезьяну приятель Дороти, достав обе бутылки, опустошил их и выбросил.

---

[1] Додж-Сити — город в штате Канзас, в прошлом «ковбойская столица» Дикого Запада. *(Прим. ред.)*

Затем он приблизился к проходной, впервые за все это время довольно правдоподобно изображая подпрыгивающую обезьянью походку. Навстречу ему вышел седовласый человек с лучезарной улыбкой на устах.

— Просто не верю своим глазам! *Доброе* утро, мистер Бартлет Босворт! — вскричал он. — А я не далее как вчера вечером говорю своей старухе: «А знаешь, рыбка, кого я встретил сегодня на студии?» А она спрашивает: «Кого?» А я отвечаю: «А помнишь Барта Босворта, который играл приятеля Греты Гарбо, а потом еще взрослого красивого сына Мари Дресслер?» А она говорит: «Ну конечно! А чем он занимается сейчас?» А я отвечаю ей: «А он изображает гориллу в новой ленте Альфа Шматца, короля малобюджетного кино». А она говорит: «Какой позор!» А я...

Барт Босворт прервал его, выдавив заплетающимся языком из-под своей маски:

— Соберите со своей старухой все свои сожаления, поделите их пополам и запихайте себе в глотку! — С этими словами он двинулся через проходную.

Седовласый человек уже без улыбки кивнул на Дороти:

— А это еще кто?

— А кто это может быть, по-твоему? Мирна Лой? Это моя дублерша, и дураку ясно.

Вахтер переключился на других посетителей, а две гориллы, миновав вывеску «СТУДИЯ АЛЬФРЕДА ЭММАНУЭЛЯ СМИТ-ШМАТЦА. ДОСТУПНОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ ЗА ДОСТУПНУЮ ЦЕНУ», поплелись вглубь территории. Они все шли и шли куда-то, но Бартлет Босворт вроде бы знал куда.

И вдруг они оказались на какой-то прогалине в джунглях. Дороти издала вопль, выражавший изумление, а Барт Босворт, чрезвычайно громко и устрашающе икнув, повалился на синтетический дерн и захрапел.

Его монотонное маловыразительное гудение было прервано громким хлопком — это шлепнул себя ладонью по лбу человечек в режиссерской униформе, включавшей повернутую козырьком назад шапочку и, по общему мнению, давным-давно вышедшую из моды.

— Опять! — прокричал он. — Опять! Вчера — в стельку, позавчера — в стельку! Поднять его! Горячий кофе, бензедрин — если есть у кого-нибудь, — мешок со льдом. Поднимите его, сделайте его трезвым!

Сморщенный старичок, имевший вид закоренелого подхалима, крутясь во все стороны, завопил:

— Конечно, босс! Сию минуту, босс! Эй, вы! Горячий кофе! Лед! Бензин!

Однако остальные восприняли призыв режиссера скептически.

— Бесполезно, мистер Шматц, — вздохнула женщина, держащая в руках листки сценария.

— Не поможет, Альфи, — прогудел мужчина за кинокамерой.

— Нам не удалось протрезвить его ни вчера, ни позавчера, — бросил блондинистый парнишка в рубашке цвета хаки, шортах и пробковом шлеме.

Молодая грудастая блондинка в такой же униформе раздраженно объявила пронзительным голосом, что она «по горло сыта этим алкоголем и всем прочим» и «сейчас же пойдет и сядет в уборную».

— Надо найти кого-то другого на роль гориллы, — посоветовал кто-то.

Мужчина в перевернутой шапочке громогласно простонал в мегафон.

— В малобюджетном фильме ни один не может содержать дополнительную гориллу в платежной ведомости! — прокричал он. Затем, обратив гневный взгляд на грудастую блондинку, он добавил: — Также я не даю большую ценность всяким театральным капризам звездам высшего света! Также поэтому в малобюджетном фильме высший свет не совсем такой высокий!.. *Что?* Найти кого-то другого? *Как* найти кого-то другого? *Где* найти кого-то другого? Изображение роли гориллы — это вымирающее искусство! Гориллин костюм стоит целое состояние! Как вы себе воображаете? Если б у меня было состояние, снимал бы я малобюджетные фильмы?

Поскольку все молчали, он ответил себе сам:

— Нет!

Внезапно на лице у него появилось трудноинтерпретируемое выражение. Он приложил одну руку к уху, а другой заслонил глаза от света.

— Но подождите. Слушайте. Наблюдайте. Только что, перед тем как этот окаянный появился здесь в дымину пьяный, разве не слышал я громкий вопль, ясно выражающий изумление и тревогу? Решительно слышал. О'кей. Замечательно. *Кто вопил?!*

Послышались голоса, отрицавшие наличие каких-либо воплей. Все приложили руки к ушам и ко лбам. И очень скоро все указательные пальцы вытянулись в одном направлении. Дороти, поняв, что ее запеленговали, вышла из укрытия, застенчиво потупившись.

Альфред Эммануэль Смит-Шматц, или Альфи (тот самый), убрал руки от уха и лба и хлопнул в ладоши.

— *Дотти!* — воскликнул он. — Не только избавила ты меня от этой Сандры, которая сплетница! Ранним утром сегодня я имел телефонный звонок от моего тридцатилетнего приемного сына, который зануда: «Мамочка так напугана! Она клянется, что *никогда* больше не покинет водолечебный курорт в Хот-Спрингсе!» А ты *по-прежнему* излучаешь сообразительные визги. И *с выражением*! У Бартлета Босворта никогда не было выражения в визгах. Такова планида этих звезд молчаливого кино: писк они могут излучить, визг — никогда. Ты быстро подвергаешься дрессировке, Дотти? Да? Замечательно! Даю тебе целых шестьдесят секунд на то, чтобы выдрессировать эту сцену... Уже готово? О! А! У! Свет! Камера! Назад на Дотти, великолепную юную леди-гориллу! МОТОР! Начали!

* * *

Дальнейшие события принадлежат истории кинематографии, даже если значительная их часть не подлежит огласке в среде киноманов, в разделах светской хроники и во всем остальном свете. Альфи Шматц, король малобюджетного кино, был поначалу несколько обескуражен, узнав, что Дороти не может изображать роль гориллы постоянно, а только в ту неделю, когда на острове Суматра полнолуние.

Всю первую неделю после суматросского полнолуния Дороти в своем обычном виде с добавлением накладных бедер и груди участвовала, невзирая на слабые протесты общественности, в съемках научно-фантастического фильма, исполняя роль дочери помешавшегося ученого. В течение второй недели Дороти похищали из разнообразных переселенческих крытых повозок, а затем Марко Громобой и Амос Пташка поочередно возвращали ее в те же повозки. В третью неделю Дороти осаждали изнывающие от любви арабы, а благородные Марко и Амос, замаскированные бурнусами, спасали ее от их домогательств. И наконец наступала четвертая съемочная неделя...

И поныне каждую четвертую неделю Дороти блистает в очередном фильме из серии «ДЖЕННИ ИЗ ДЖУНГЛЕЙ: ИСТОРИЯ САМОЙ ОЧАРОВАТЕЛЬНОЙ В МИРЕ ЮНОЙ ГОРИЛЛЫ». А затем в следующем фильме из той же серии. И в следующем. Эти фильмы привлекают толпы зрителей в кинотеатры по всей Америке, побив все рекорды посещаемости от Тампы[1] до Таити. И — о радость! — деньги текут рекой.

Дороти расплатилась с отцовскими долгами и выхлопотала ему персональную пенсию, которая дает ему определенные преимущества за игорными столами в покерных дворцах Гардены[2].

Очень часто Дороти вместе с очередным блондинистым избранником, забравшись в лимонно-желтый «пайафеттизум» с откидным верхом, отправляются с визитом к Луанне и Анжеле. Последние зеленеют от зависти. Снова и снова, вместе и поодиночке Луанна и Анжела гадают: в чем секрет Доттиного успеха? Явно не во внешности. Не в фигуре. В чем же, в чем?!

В шоу-бизнесе, вот в чем.

А доктор Зонгабхонгбхонг Ван Лёвенхоэк так больше и не объявлялся.

Так ему и надо.

---

[1] Город в штате Флорида.
[2] Район Лос-Анджелеса.

ДЖОН КЕНДРИК БЭНГС

Странный недуг барона Гумпфельхиммеля

Джон Кендрик Бэнгс (John Kendrick Bangs, 1862--1922) принадлежит к когорте великих юмористов прошлого века. Его сочинения практически забыты, за исключением многократно переиздававшегося «Водяного привидения Хорруби-холла» *(The Water Ghost of Harrowby Hall, 1891) – возможно, одного из самых известных юмористических рассказов о привидениях. В свое время Бэнгс прославился пародиями на популярные книги и на разных знаменитостей. Наибольшим успехом пользовалась его книга* «Баржа на Стиксе» *(A Houseboat on the Styx, 1895), в которой духи литературных и исторических персонажей встречаются на пути в царство теней. Бэнгс выпустил сборники рассказов* «Дух воды и другие» *(The Water Ghost and Others, 1894),* «Привидения, которых я знал, и некоторые другие» *(Ghosts I Have Met and Some Others, 1898),* «Сливовый пудинг» *(Over the Plum-Pudding, 1901),* «Выдумки идиота» *(The Inventions of an Idiot, 1904), а также более крупные произведения* «Алиса в Заморочье» *(Alice in Blunderland, 1907) и* «Автобиография Мафусаила» *(The Autobiography of Methuselah, 1909).*

Все говорили, что это совершенно уникальная история, и это был тот редкий случай, когда все были правы. Сам барон Гумпфельхиммель ничего на этот счет не говорил -- по двум причинам. Первая причина заключалась в том, что никто не посмел спросить его мнение по этому поводу, а вторая -- в том, что он был слишком горд, чтобы высказывать свое мнение по какому бы то ни было поводу, если его не спросили. Самое грустное в этой истории – привычка барона постоянно смеяться, что бы ни случилось, и это было тем грустнее, что смеялся он с самого первого часа своей жизни. Он смеялся в момент своего рождения, смеялся в церкви, смеялся дома. Когда отец шлепал его за это, он умирал от хохота, когда он болел корью, то не мог удержаться от веселого хихиканья.

Это было странно — в особенности потому, что Руперт фон Пеппернотц, предыдущий барон Гумпфельхиммель и отец Смеющегося Барона, как его прозвали, ни разу не улыбнулся с первого часа своей жизни и до последнего дня. Но страннее всего было то, что при всей его серьезности он был гораздо приятнее в общении, нежели нынешний барон с его смешливостью.

— Что бы это могло значить, как вы считаете? — спросила однажды фрау Эренбрайтштайн Ганса Памперникеля, личного секретаря ее мужа.

— Не могу вам это сказать, — отвечал Ганс. — И у меня есть на то очень веская причина, — добавил он со значительностью.

Таинственность молодого человека подогрела любопытство почтенной дамы.

— Что же это за причина, Ганс? — спросила она.

— Причина в том, — ответил Ганс, понизив голос до шепота, — что я не знаю этого.

Заметим кстати, что именно поэтому все считали Ганса Памперникеля таким умным. Он никогда не делал что-либо без причины и всегда охотно ее раскрывал.

— Говорят, — продолжала фрау Эренбрайтштайн, — что когда прошлой зимой во время охоты на медведей барона сбросила лошадь и он сломал ногу и два ребра, то их никак не могли вправить, потому что он непрерывно корчился от хохота. Я же, по правде говоря, не вижу ничего веселого в переломах ног и ребер.

— И я тоже, — промолвил Ганс. — А ведь я знаю толк в хорошей шутке. Я вижу смешную сторону в очень многих вещах, но переломы, как мне представляется, способны вызвать скорее слезы, нежели улыбки.

Слух, дошедший до фрау Эренбрайтштайн, был верным: барон Гумпфельхиммель сломал ногу и два ребра — правда, охотясь на волков, а не на медведей. Когда личный врач императора, участвовавший в охоте, прибежал на место происшествия, он увидел, что барон катается по земле и хохочет.

— Какое счастье, что вы не пострадали! — воскликнул врач, склонившись над простертым телом. — Я боялся, что вы переломали все кости.

— Я переломал! — залился смехом барон. — Левая нога — ха-ха-ха! — просто жутко болит — хо-хо-хо! — и у меня *такое впечатление, что либо сердце* — хи-хи-хи! — *либо* ребра раздроблены на мелкие осколки.

Тут его охватил совершенно неуместный приступ веселья, из-за которого он минут пять или шесть не мог ничего сказать.

— Но я не вижу в этом ничего смешного, — недоумевал врач, слушая, как смех барона разносится эхом по всему лесу.

— В этом и нет ничего смешного — хо-хо-хо! — отвечал барон. — Черт бы вас побрал, — ха-ха-ха! — вы что, не видите, что я буквально помираю?

— Я вижу, что вы помираете от смеха, — отвечал врач. — Можно подумать, что вы читаете последний выпуск комического листка с отменными шутками. Над чем вы так смеетесь?

— Ах, если бы — ха-ха! — я з-з-знал это! — произнес барон, заикаясь от смеха и безуспешно пытаясь подавить его. — Мне вовсе не хо-хо-хочется смеяться, но я — ха-ха-ха! — ничего не могу поделать.

Барон опять закатился и не мог остановиться. Врач безуспешно пытался хоть как-то вправить сломанные кости — барон не желал или действительно был не в силах успокоиться. Когда со временем переломы все же зажили и барон смог ходить, прихрамывая, это тоже служило ему поводом для веселья, судя по тому, что барон неизменно улыбался *всем встречным, а когда мэр города осмелился выразить* барону свои соболезнования в связи со случившимся, тот расхохотался и послал мэра к черту.

Вспомнили в связи с этим тот случай, когда сгорел знаменитый замок фон Пепперпотцев. Слуга, прибежавший с этим известием в кабинет к барону, увидел, что тот работает за письменным столом.

— Барон! — закричал слуга. — В замке пожар! Огонь уже разрушил оружейную комнату и подбирается к банкетному залу.

Посмотрев на него, барон расплылся в улыбке:

— Мой замок горит?!

Он рассмеялся и, вскочив на ноги, побежал тушить огонь, проявив в этом деле беспримерную доблесть.

— Барон, вы, похоже, очень довольны всем этим, — сказал ему один из слуг, заметив, что тот смеется.

В ответ барон сбил его кулаком с ног, огрел по спине своим баронским жезлом и пробормотал про себя:

— Доволен! Ха-ха-ха! Кому может доставить удовольствие такое бедствие? Хе-хе-хе! Если бы эти остолопы — хо-хо-хо! — только знали!

Вот именно. Если бы они только знали! Но узнали они уже после того, как барон умер, не оставив наследников, ибо он так и не женился, и все его имущество, включая фамильные бумаги, перешло к государству. Тогда-то добропорядочным жителям Шнитцельхаммерштайна-на-Зугвице и стала известна тайна баронского смеха, а через них она дошла и до меня. Сам Ганс Памперникель поведал мне эту историю, а поскольку он добился высокого поста мэра Шнитцельхаммерштайна-на-Зугвице, который мог быть предоставлен лишь человеку истинных достоинств и немалых заслуг, у меня нет никаких оснований сомневаться в ее абсолютной достоверности.

— С горечью вынужден сообщить вам, — сказал Ганс во время нашей прогулки по прекрасной тропинке вдоль реки Зугвиц, — что после смерти барона немногие скорбели о нем. Обычно к человеку, который много смеется, относятся хорошо, но если он смеется непрестанно, невзирая на обстоятельства, то лишь наживает врагов. Можно любить человека, который смеется твоим шуткам, но если он смеется на похоронах и пожарах, над нищими и несчастными, то это вряд ли может пробудить добрые чувства к нему. А ведь именно так вел себя Фриц фон Пеппернотц, последний барон Гумпфельхиммель. Если вы рассказывали ему веселую историю, то никто не смеялся над ней заразительнее, чем он. Но так же радостно он смеялся и в том случае, если вы говорили, что у вас голова раскалывается от боли, а уж если вы сообщали ему о серьезной болезни, то его веселью не было границ. Даже приходя в ярость, он

ухмылялся и хохотал, так что всенародной любви, которой, казалось бы, должен был пользоваться смешливый человек, он не добился. Поэтому не будет преувеличением сказать, что барона Гумпфельхиммеля не избрали бы и посыльным в мэрию, даже если бы никаких других кандидатов не было. Теперь, однако, когда все это позади и правда раскрылась, наше мнение о Смеющемся Бароне изменилось, и несколько сотен горожан уже собрали по двадцать марок на возведение ему памятника.

Дело в том, друг мой, — объяснил мне Ганс, — что Фриц фон Пепперпотц смеялся, потому что не мог не смеяться, — об этом свидетельствуют документы, найденные среди его бумаг. В них изложена вся эта история, во многом печальная. Выяснилось, что это дедушка последнего барона был виноват в том, что его внук Фриц всю жизнь только и делал, что смеялся, и не женился из-за этого, в результате чего имя фон Пепперпотц отныне навсегда исчезло с лица земли — разве что кому-нибудь взбредет в голову взять его себе, но, думаю, вряд ли найдется такой ненормальный. Единственное, что могло бы склонить к этому, например, меня, было бы приложение в виде их старого поместья, но оно перешло в собственность государства, а сам дом потерял всю свою привлекательность, сохранив лишь свое уродство. Конечно, Пампернике́ль — довольно гадкое имя, но по сравнению с фон Пепперпотц оно просто благозвучно.

Тут Ганс вздохнул, и, дабы утешить его, я сказал (хотя это и не вполне соответствовало тому, что я думал), что Пампернике́ль — очень хорошее, крепкое имя.

— Что верно, то верно, — согласился Ганс с довольной улыбкой. — Я ношу его уже двадцать пять лет, а оно прекрасно сохранилось. Но вернемся к семейству фон Пепперпотц с их странностями. Барон говорил мне, что если сам он не мог удержаться от смеха, как бы скверно себя ни чувствовал, то его отец Руперт фон Пепперпотц, напротив, ни за что не мог выдавить из себя улыбки, хотя был чрезвычайно радушным человеком. В то время как Фриц появился на свет, улыбаясь, как Чеширский сыр...

— Кот, а не сыр, — поправил я его.

— Правда? — просиял он. — Вы не можете себе представить, как вы меня обрадовали. Я полагал, что это сыр, и просто голову сломал, гадая, каким образом сыр может улыбаться, — даже спать не мог из-за этого. В конце концов я махнул рукой, решив, что это одна из особенностей английского языка. Но если это Чеширский кот, а не Чеширский сыр, тогда все, разумеется, встает на свои места. Итак, в то время как Фриц родился улыбаясь, как Чеширский кот, его отец Руперт, по всей вероятности, с первой минуты жизни гневно хмурился. Согласно имеющимся хроникам, на свете не было второго ребенка, который выглядел бы так злобно. Казалось, ничто не может доставить ему удовольствие. Вместо того чтобы ворковать, как всякое нормальное дитя, он так хмурился, что в складках его лба, если верить кормилице, можно было прятать письма. И при этом он вовсе не был капризным мальчиком и всегда слушался старших. Это просто удивительно — он никогда не смеялся и всегда был мрачнее тучи, но вел себя при этом исключительно любезно и предупредительно. По мере того как Руперт рос, он становился все дружелюбнее, но угрюмость его при этом принимала устрашающий вид. Он был очень остроумным человеком и гулял по улицам Шнитцельхаммерштайна-на-Зугвице в приподнятом настроении, хотя вы никогда не сказали бы этого, посмотрев на него. Руперт обладал приятным голосом, и соседи рассказывали, какое изумление они испытывали, когда слышали вдали веселую залихватскую песню, а спустя несколько минут оказывалось, что ее распевает человек крайне свирепого вида. Из-за этой свирепости лицо его со временем исказилось до безобразия, и каким образом Вильгельмину де Гротценбург угораздило стать его женой, одному Богу известно. Возможно, она вышла за него из жалости — или же испытывала непреодолимое тяготение ко всему уродливому. Сам Руперт говорил, что жалость тут ни при чем, потому что он в ней не нуждается. Его нисколько не расстраивало, что он не может смеяться и улыбаться. Поскольку он никогда не делал этого, то не знал, как это приятно, и не страдал.

Он заявлял, что улыбка — это дурацкий способ выражения удовольствия, и он не может понять, почему человек, которому пришла в голову забавная мысль, должен нелепо растягивать свой рот, а услышав какую-нибудь смешную историю, колыхаться, производя странные звуки. Его вполне удовлетворяет, если он просто скажет человеку, что ему нравится его история, не тряся при этом животом и не гримасничая. Когда родился маленький Фриц, который только и делал, что смеялся, даже если мучился от колик в животе, Руперт увидел в этом лишнее подтверждение своей правоты.

— Что за идиотский ребенок! — восклицал он. — Зачем он разевает рот до таких размеров, что становится страшно, как бы его уши не провалились в него?! А это дикое уханье, которое вы называете смехом, — какой в нем смысл, скажите на милость? Почему он не может спокойно сказать мне о том, что его что-то радует, вместо того чтобы оглушать меня этими раскатами? Не понимаю, что хорошего вы видите в смехе.

— Ах, дорогой Руперт, — отвечала его жена Вильгельмина, — ты не знаешь, о чем говоришь. Если бы ты хоть раз почувствовал, что такое смех, то захотел бы смеяться всегда.

— Чепуха! — отвечал барон. — Мой отец никогда не смеялся, так с какой стати мне этого хотеть?

— Но тут, — продолжал Ганс, — Руперт, согласно рассказу Фрица фон Пепперпотца, ошибался. Зигфрид фон Пепперпотц когда-то умел смеяться, но не знал, в какой момент это уместно делать, а в какой нет, и именно из-за этого на их семью было наложено проклятие, которое могло быть снято только с исчезновением самой семьи. В этом-то проклятии и кроется разгадка семейной тайны. Судя по всему, Зигфрид фон Пепперпотц, дедушка Фрица и отец Руперта, был довольно необузданным молодым человеком, улыбался, когда ему вздумается, и хмурился, когда ему взбредет на ум, невзирая на то, что происходило вокруг. И как-то раз его улыбка обошлась ему дорого. Однажды в Шнитцельхаммерштайне-на-Зугвице появился

старик довольно жалкого вида, продававший сахарных куколок и прочие сладости. Зигфриду с приятелями захотелось подшутить над ним. Они сказали старику, что в двух милях от Шнитцельхаммерштайна-на-Зугвице живет богатая графиня, которая купит весь его товар, тогда как на самом деле в том месте отродясь никаких богатых графинь не водилось, и бедняга проделал весь путь напрасно. Молодые люди не знали, что это волшебник, а в те дни волшебники умели все. Он, понятно, рассердился на обманщиков и, вернувшись в Шнитцельхаммерштайн-на-Зугвице, призвал к ответу молодых людей, которые попросили у него прощения и раскупили его сласти. Это сделали все, кроме Зигфрида. Он не только отказался извиниться и купить кондитерские изделия у старика, но опять стал насмехаться над ним и сказал, что в двух милях с другой стороны от города живет богатый герцог-сладкоежка. Волшебник, разумеется, понял, что это еще один розыгрыш.

— Ну, хватит, Зигфрид фон Пепперпотц! — крикнул он в гневе. — Смейся, пока можешь, но с завтрашнего дня ты больше никогда не улыбнешься, как и твой сын, а его сын, наоборот, будет всю жизнь смеяться и улыбаться за вас обоих даже против своего желания. И так будет продолжаться вечно! Это *проклятие, которое я налагаю* на ваш род. Два поколения баронов фон Пепперпотц будут неспособны смеяться, а третий в роду будет смеяться против своей воли.

Это, конечно, только рассмешило Зигфрида, ибо он не знал, что это волшебник, и не боялся его. Но на следующий день ему пришлось поверить этим словам. Он не мог больше смеяться. Он даже улыбаться не мог. Как он ни старался, он был не в состоянии изогнуть свои губы в улыбке.

Это буквально отравило Зигфриду жизнь. Он не на шутку заболел. Призвали на помощь самых знаменитых докторов, но они были бессильны. Возможно, он не так уж и расстраивался бы, если бы проклятие на нем кончалось, но когда Зигфрид увидел, что его новорожденный сын не может рассмеяться, как и он сам, то захандрил по-настоящему и вскоре умер. Фриц, узнав о семейном проклятии

из рукописи, хранившейся в потайном ящике старого сундука (Зигфрид не рассказал о нем своему сыну, и, кроме него, никто не знал об этом), решил, что на нем род должен кончить свое существование вместе с проклятием. Таково объяснение необычайного недуга барона Гумпфельхиммеля, — завершил свой рассказ Ганс.

— Да, история, что и говорить, странная, — заметил я. — Но мне кажется, из нее нельзя вывести никакой морали.

— О нет, можно, и весьма поучительную, — возразил Ганс.

— Какую же?

— Не смакуй собственные шутки, — ответил Ганс. — Если бы Зигфрид фон Пеппернотц не стал насмехаться над стариком, когда тот вернулся, то не был бы проклят, и мне нечего было бы рассказать вам.

НИЛ ГЕЙМАН

Дело сорока семи сорок

Нил Гейман (Neil Gaiman, род. 1960) — наиболее известен как автор комиксов «Песочный человек» *(Sandman), но его писательский талант ничуть не меньше. Среди его последних книг такие, как* «Задверье» *(Neverwhere, 1996), написанная по мотивам одноименного телесериала,* «Звездная пыль» *(Stardust, 1998), очаровательная сказочная история, сборник* «Ангелы и Озарения» *(Angels and Visitations, 1993) и* «Дым и зеркала» *(Smoke and Mirrors, 1998). Включенный в эту антологию рассказ — один из ранних и, по мнению Геймана, заслуживает переиздания в первую очередь.*

Сижу я, значит, у себя в конторе, виски попиваю да от нечего делать начищаю пушку. На улице льет и льет — в нашем прекрасном городе это дело обычное, что бы там ни говорили в туристическом агентстве. А мне наплевать. Я же не в туристическом агентстве работаю. Я частный детектив, причем из лучших, хотя по первому впечатлению этого и не скажешь: стены в конторе облупились, за аренду давно не плачено, и виски у меня кончается.

В общем, дела идут паршиво, куда ни посмотри.

В довершение всего я прождал единственного за неделю клиента целую вечность на углу нашей улицы, но так и не дождался. Клиент говорил, мол, заплатит как следует, но за что именно — осталось для меня тайной, поскольку ему срочно понадобилось в морг.

Поэтому, когда в контору вошла эта дамочка, я было решил, что мне наконец улыбнулась удача.

— С чем пожаловали, леди?

Она поглядела на меня так, что от этого и у тыквы вспотели бы ладошки, а лично мое сердцебиение подскочило до трехзначной цифры. У дамочки были длинные светлые волосы и фигурка, от которой сам Фома Аквинский

забыл бы свои обеты. Вот и я забыл, что давно зарекся брать дамочек в клиенты.

— Что скажете на пачечку зеленых? — говорит она этак с хрипотцой и сразу по существу.

— Подробнее, сестренка.

Не хотелось показывать ей, что бабки нужны мне до зарезу, поэтому я прикрыл рот рукой: нельзя же при клиентке слюни пускать.

Открывает она сумочку и достает оттуда фотографию — глянцевую, десять на пятнадцать.

— Узнаете этого человека?

Кто есть кто, мне полагается знать по долгу службы.

— Ну как же, — говорю.

— Он мертв.

— Это мне и без тебя известно, детка. Делу сто лет в обед. Несчастный случай.

Взгляд у нее стал такой ледяной, что хоть на кубики раскалывай и кидай в коктейли.

— Мой брат погиб отнюдь не в результате несчастного случая.

Я поднял бровь — при моей профессии положено обладать всевозможными поразительными умениями — и говорю:

— Ага, брат, значит?

Занятно: мне почему-то сразу показалось, что она не из тех, у кого бывают братья.

— Я Джил Болтай.

— Так, значит, Шалтай-Болтай[1] был твой брат?

— И он вовсе не свалился со стены во сне, мистер Хорнер. Его столкнули.

---

[1] Шалтай-Болтай — персонаж популярного детского стишка:

Шалтай-Болтай
Сидел на стене,
Шалтай-Болтай
Свалился во сне.
И вся королевская конница,
И вся королевская рать,
Не может Шалтая,
Не может Болтая,
Шалтая-Болтая собрать. *(Пер. С. Я. Маршака.)*

Если это правда, то дело становится интересным. Этот пай-мальчик вытаскивал изюминки из всех подозрительных пирожков в городе, и мне на ум сразу пришло человек пять, которые предпочли бы, чтобы он свалился со стены как-нибудь сам по себе.

Или не совсем сам по себе.

— А к копам ты с этим ходила?

— Не-а. Королевская рать не желает разбираться с его гибелью. Говорят, они и так сделали все возможное, чтобы собрать Шалтая-Болтая после падения.

Я откинулся в кресле.

— А тебе во всем этом какой интерес? Зачем я тебе понадобился?

— Я хочу, мистер Хорнер, чтобы вы нашли убийцу. Я хочу, чтобы его передали властям. Я хочу, чтобы его припекли как следует. Ах да, еще один пустячок, — добавила она как бы между прочим. — Перед смертью у Шалтая при себе был такой небольшой желтый конверт с фотографиями, которые он собирался мне передать. Медицинские фотографии. Я учусь на медсестру, и они мне нужны, чтобы подготовиться к выпускным экзаменам.

Я подробно проинспектировал свои ногти, а потом поднял глаза и посмотрел ей в лицо, прихватив по дороге наверх кусочек талии и пару наливных яблочек повыше. Да, экстерьер что надо, хотя аккуратный носик чуточку поблескивает.

— Заметано. Семьдесят пять баксов в день и двести по результатам.

Она улыбнулась — желудок у меня сделал двойное сальто и улетел на орбиту.

— Получите еще две сотни, если добудете те фотографии. Знаете, мне очень-очень сильно хочется стать медсестрой.

И кладет мне на стол три полтинника.

Я быстренько организую на небритой роже дьявольски соблазнительную ухмылку.

— Слушай, сестренка, а давай-ка сходим пообедаем? Я только что раздобыл немного деньжат.

Она невольно вздрогнула и пробормотала что-то насчет слабости к коротышкам. «Молодец, Джеки-дружок, — похвалил я себя, — попал в десятку». А потом наградила меня такой улыбочкой, что от нее Альберт Эйнштейн перепутал бы минус с плюсом.

— Сначала разыщите убийцу моего брата, мистер Хорнер. И фотографии. А потом поглядим — вдруг сговоримся?

Она закрыла за собой дверь. Может, на улице и шел дождь, но я этого не заметил. Мне было наплевать.

В нашем городе есть места, не упомянутые в путеводителях, которые выпускает туристическое агентство. Места, где полицейские ходят по трое, если вообще там когда-нибудь появляются. При моей работе сюда приходится наведываться чаще, чем это может быть полезно для здоровья. Для здоровья это вообще не полезно.

Он ждал меня у входа в забегаловку «У Луиджи». Я тенью возник у него за спиной: башмаки на резиновой подошве ступали по блестящему мокрому тротуару совершенно бесшумно.

— Приветик, Малиновка.

Он подскочил и развернулся, а на меня уставилось дуло пушки сорок пятого калибра.

— А, Хорнер. — Он убрал пушку. — И не называй меня Малиновкой, Джеки-дружок. Я для тебя Берни Робин, не забывай об этом.

— А мне, Малиновка, нравится Робин-Малиновка. Кто убил Шалтая-Болтая?

Странная это была птица, но при моей профессии капризничать не приходится. Лучшего спеца по криминальному миру мне не найти.

— Покажи, какого цвета у тебя деньги.

Предъявляю полтинник.

— Черт побери, зеленые, — бормочет он. — Вот почему бы для разнообразия не напечатать коричневые или там фиолетовые? — Но полтинник берет. — Знаю только, что толстяк совал свой пальчик во все пирожки.

— И что?

— А в одном пироге было сорок семь сорок.

— Ну?

— Тебе что, на бумажке написать? Я... Ах-х-х...

И тут он падает на тротуар, а из спины у него торчит стрела. Отчирикал свое Робин-Малиновка.

Сержант О'Грейди сначала поглядел сверху вниз на тело, а потом — тоже сверху вниз — на меня.

— Забодай меня комар, если это не Джеки-дружок собственной персоной, — сказал он.

— Сержант, я не убивал Робина-Малиновку.

— Полагаю, тот, кто позвонил в участок и сообщил, что ты собираешься убрать покойного мистера Робина — здесь и сейчас, — просто решил пошутить?

— Если я убийца, то где мой лук и стрелы? — Я ловко открыл пачку жвачки и принялся жевать. — Клевета.

Он пыхнул пенковой трубкой, отложил ее и лениво сыграл на гобое пару тактов из увертюры к «Вильгельму Теллю».

— Может быть, да. А может, и нет. Но ты по-прежнему подозреваемый. Никуда не уезжай из города. И еще, Хорнер...

— Ну что?

— Болтай погиб в результате несчастного случая. Так сказал коронер. И я так говорю. Бросай это дело.

Я обдумал его слова. А потом вспомнил про деньги и про девушку.

— Без шансов, сержант.

Он пожал плечами:

— Сам себе могилу роешь.

Сказал он это так, как будто выражался буквально.

У меня возникло странное чувство, что он, вероятно, прав.

— Тебе это не по зубам, Хорнер. Это игра для больших мальчиков. И очень вредная для здоровья.

Если верить моим школьным воспоминаниям, так оно и было. Стоило мне начать играть с большими мальчика-

ми, это всегда кончалось тем, что меня крепко метелили. Но откуда О'Грейди, нет, я спрашиваю, *откуда* О'Грейди это знает?

И тут я вспомнил кое-что еще.

О'Грейди метелил меня крепче всех.

Как говорят люди моей профессии, «волка ноги кормят». Я как следует порыскал по городу, но не выяснил про Болтая ничего такого, чего не знал бы сам.

Тухлятина был этот Шалтай-Болтай. Я помнил еще те времена, когда он только появился в городе — блестящий молодой дрессировщик, который специализировался на том, чтобы учить мышей дергать за гири. Только на дурной дорожке он оказался очень быстро: карты, выпивка, женщины — в общем, старая песня. Способные детки вбивают себе в голову, будто улицы города Матушки Гусыни[1] вымощены чистым золотом, а когда обнаруживают, что все обстоит не так, уже слишком поздно.

Болтай начал с вымогательства и грабежа по маленькой: выдрессировал улитку, чтобы пугала рогами портных, которые уносили ноги и бросали иголки с нитками, а он потом толкал их на черном рынке. А затем перешел на шантаж — самую гнусную игру на свете. Однажды наши пути пересеклись — меня тогда нанял начинающий светский лев, назовем его Вилли-Винки, чтобы я нашел кое-какие фотографии, на которых запечатлено, как он по ночам ходит и глядит на мирно спящих обывателей, снявших ботинки. Фотки я раздобыл, но раз и навсегда понял, что, если перебежишь дорожку Шалтаю-Болтаю, тебе не поздоровится. А я не наступаю два раза на одни и те же грабли. При моей профессии я и одного-то раза не могу себе позволить.

Жизнь — суровая штука. Я помню, как в город приехала крошка Бо Пип... Ладно, не буду вам плакаться на

[1] Матушка Гусыня — персонаж английского детского фольклора. Все герои рассказа — Робин-Малиновка, крошка Бо Пип, Вилли-Винки, Бубновая Королева, тетя Трот, Воробей и др. — взяты из стихов, входящих в сборник детских песенок «Сказки Матушки Гусыни».

свои беды. Если вы еще не труп, вам и собственных бед хватает.

Я просмотрел газетные заметки о смерти Болтая. Вот только что сидел он себе спокойненько на стене — глядь, уже свалился! Вся королевская конница и вся королевская рать прибыли буквально через несколько минут, но толку от их помощи не было никакого. Позвали доктора Фостера — приятеля Болтая еще по Глостеру, — хотя лично я не понимаю, что может сделать доктор, если ты уже мертв.

Секундочку! *Доктор Фостер!*

У меня появилось чувство, хорошо знакомое людям моей специальности. Две крошечные мозговые клеточки столкнулись нужными боками, — раз! — и у тебя на ладошке сверкает умственный бриллиант на двадцать четыре карата.

Помните того клиента, с которым я так и не встретился? Которого полдня прождал на углу? Смерть в результате несчастного случая. Я тогда не стал тратить время на то, чтобы все уточнить, — не могу позволить себе заниматься делами клиентов, от которых платы не дождешься.

Тут, судя по всему, три смерти. А не одна.

Снимаю трубку и звоню в участок.

— Это Хорнер, — говорю дежурному. — Сержанта О'Грейди, пожалуйста.

В трубке щелкает, и доносится голос сержанта:

— О'Грейди слушает.

— Это Хорнер.

— Привет, коротышка! — О'Грейди в своем репертуаре. Он проезжался по поводу моих габаритов чуть ли не с первого класса. — Ну что, понял наконец, что смерть Болтая — это несчастный случай?

— А вот и нет. Сейчас я расследую три убийства. Самого толстяка Болтая, Берни Робина и доктора Фостера.

— Фостера? Пластического хирурга? Он же погиб в результате несчастного случая!

— Ну как же! А твой папа был женат на твоей маме.

Пауза.

— Хорнер, если ты звонишь мне только затем, чтобы говорить гадости, это не смешно.

— Ладно тебе, умник. Если смерть Шалтая-Болтая — это несчастный случай и смерть доктора Фостера — тоже, скажи мне одну вещь: кто Малиновку убил?

Меня никогда не обвиняли в чересчур живом воображении, но тут я готов поклясться, что так и *слышал*, как он ухмыляется:

— Ты и убил, Хорнер. Спорю на мой полицейский значок.

И повесил трубку.

В конторе у меня было холодно и одиноко, и я отправился в бар «У Джо» — за компанией и стаканчиком-двумя-тремя.

Сорок семь сорок. Мертвый доктор. Толстяк. Робин-Малиновка... Тьфу, пропасть, в этом деле дыр — что в швейцарском сыре, а концы с концами не сходятся, словно в разорванном свитере. И при чем же тут эта цыпочка мисс Болтай? Джек и Джил — отличная будет пара! Потом, когда все кончится, можно будет смотаться на горку, к старому дедушке Колю, где никого не интересует, есть у тебя брачная лицензия или нет. Заведение называется «Веселый король».

— Эй, Джо, — окликнул я хозяина.

— Да, мистер Хорнер? — Он протирал стакан тряпкой, которая в бытность свою рубашкой знавала лучшие дни.

— Ты видел когда-нибудь сестру Болтая?

Он почесал щеку.

— Да вроде нет. Сестра Болтая? Э! Так у Толстяка не было никакой сестры.

— Точно?

— Еще как точно. В тот день, когда моя сестрешка родила старшенького, я похвастался Толстяку, что стал дядей. А он глядит на меня вот так и говорит: «А я вот никогда не стану дядей, Джо. Ни сестер, ни братьев, ни прочей родни».

Если загадочная мисс Болтай ему не сестра, то кто же она?

— Скажи-ка, Джо, он никогда не заходил к тебе с дамочкой — вот такого роста и с такой примерно фигурой? — Мои руки очертили в воздухе пару парабол. — На вид как белокурая богиня любви.

Джо мотнул головой:

— Я при нем вообще никаких дамочек не видел. В последнее время он всюду ошивался с каким-то медиком, но по-настоящему его занимали только всякие чокнутые пташки-зверюшки.

Я отхлебнул своего пойла. У меня от него чуть нёбо не сорвало.

— Зверюшки? А я думал, он это дело давно бросил.

— Не-а, пару недель назад он приперся с целой клеткой сорок, которых он учил трещать «Побежали люди в золотой чертог, тра-ля-ля на блюде понесли пирог».

— Тра-ля-ля?

— Ага. Что он хотел сказать, понятия не имею.

Я поставил стакан на стойку. При этом несколько капель выплеснулось, и я стал с интересом смотреть, как пойло разъедает лак.

— Спасибо, Джо. Ты мне здорово помог. — Я вручил ему десятку. — За полезную информацию, — сказал я и добавил: — Только не спускай все сразу.

При моей профессии только такие шуточки и помогают не свихнуться.

Осталось уточнить самую малость. Я нашел телефон-автомат и набрал номер.

— «Тетя Трот и кошка» — кондитерская и лицензированные бульоны.

— Тетушка, это Хорпер.

— Джек? Мне не стоит с тобой разговаривать.

— По старой памяти, лапонька. Услуга за услугу. — Однажды какие-то паршивцы вынесли из «Тети Трот» все подчистую. Я их выследил и вернул все торты и бульоны.

— Ну ладно. Но мне это не нравится.

— Тетушка, ты знаешь все, что происходит на пищевом фронте. Что такого особенного в пироге с сорока семью дрессированными сороками?

Она присвистнула — долгим низким свистом.

— Ты правда не знаешь?

— Знал бы — не стал бы спрашивать.

— В следующий раз читай светскую хронику в газетах, солнце мое. Черт. Ты влип по самые уши.

— Выкладывай, тетушка. Как есть.

— Случайно вышло так, что именно это блюдо месяца три назад принесли королю... Эй, Джек! Ты меня слушаешь?

— Слушаю, мэм,— отвечаю я спокойно.— Внезапно многие обстоятельства обрели ясный смысл.— И вешаю трубку.

Кажется, Джеки-дружок таки выковырял изюминку из своего пирожка.

Шел дождь — холодный и сильный.

Я вызвал такси.

Четверть часа спустя такси вынырнуло из темноты.

— Похоже, парень, ты не очень спешил,— сказал я шоферу.

— Жалуйтесь в туристическое агентство,— невозмутимо ответил он.

Я забрался на заднее сиденье, опустил стекло и закурил.

И поехал к самой королеве.

Дверь в личные покои королевы была заперта. Публику туда не допускают. Но я-то не публика, и простенький замочек меня не остановил. Следующая дверь, с большим красным ромбом, оказалась открыта, так что я постучался и вошел.

Королева, Дама Бубен, была одна, она стояла перед зеркалом и в одной руке держала блюдо с бисквитами, а другой пудрила носик. Она обернулась, увидела меня, ахнула и уронила свои отличные бисквиты с джемом.

— Приветик, моя королева,— говорю.— Или лучше называть тебя Джил?

Даже без блондинистого парика она была дамочка что надо.

— Убирайтесь! — шипит она.

— Не получится, милашка. — И усаживаюсь на кровать. — Прежде чем кое-что у тебя не узнаю.

— Что именно? — А сама руку за спину протягивает и нажимает потайную кнопку вызова охраны. Сколько угодно. Я по дороге сюда провода перерезал: в моей работе нет понятия «излишняя предосторожность».

— Сначала хочу кое-что у тебя узнать, детка, — повторяю я, устраиваясь поудобнее.

— Это вы уже говорили.

— Что хочу, то и говорю, леди.

Закуриваю. Тоненькая струйка голубого дыма взмывает к небесам, куда предстоит отправиться и мне, если я догадался неправильно. Но своим догадкам я привык доверять.

— Прикинь, как тебе такая сказочка. Болтай — он же Толстяк — не был тебе братом. Даже другом тебе он не был. На самом деле он тебя шантажировал. Он все знал про твой нос.

Она стала белее любого из тех трупов, с которыми мне приходилось иметь дело по долгу службы. Рука у нее машинально поднялась и потрогала свеженапудренный носик.

— Видишь ли, я Толстяка знаю много лет. Когда-то у него было прибыльное дельце — он дрессировал зверей и птиц, учил их проделывать кое-какие неаппетитные штучки. И это натолкнуло меня на мысль... Недавно у меня провалилась встреча с новым клиентом, он так и не пришел, потому что его пленили. Доктор Фостер из Глостера, пластическая хирургия. Официальная версия — ему зачем-то приспичило обратно в Глостер, и по дороге он случайно упал и захлебнулся в луже. Но если предположить, что его убили, чтобы он не смог кое-кому кое-что рассказать? Я сложил два и два и сорвал кассу. Хочешь, реконструирую ход событий? Ты была в саду, возможно, стирала ленту для волос — да-да, ты, а не фрейлина, которую ты потом подкупила, — и тут к тебе подлетела одна из Болтаевых дрес-

сированных сорок и *отщипнула у тебя нос*. И вот стоишь ты, значит, в саду, прижав руку к лицу, и тут к тебе подваливает Толстяк и делает тебе предложение, от которого ты не можешь отказаться. Он порекомендует тебе пластического хирурга, который так починит тебе носик, что будет как новенький, — но за деньги. И дело будет шито-крыто. Я прав?

Она молча кивнула, а потом перевела дыхание и говорит:

— Вполне. Только перед этим я побежала в спальню поесть бисквитов с джемом. Там Болтай меня и нашел.

— Вот и славно. — Щечки у нее понемногу начали снова розоветь. — Так что Фостер сделал тебе операцию, и никто ничего не пронюхал. Пока Болтай не сказал тебе, что у него есть фотографии с твоей операции. Тебе нужно было от него избавиться. Пару дней спустя гуляешь ты в дворцовом парке. Глядь — вот он, Шалтай-Болтай, сидит на стене спиной к тебе и глядит в пространство. И ты в порыве безумия толкаешь его. И Шалтай свалился. Якобы во сне. Но тогда у тебя, детка, возникли большие проблемы. В убийстве тебя никто подозревать не станет, но где же фотки? У Фостера их не было, хотя он что-то почуял — и пришлось его убрать, пока он не дошел до меня. Но ты не знала, что он успел мне рассказать, и фоток у тебя до сих пор не было, вот ты и наняла меня, чтобы я их нашел. И крупно прокололась, сестренка.

Нижняя губа у нее задрожала, и сердце у меня екнуло.

— Вы же меня не выдадите, правда?

— Сестренка, ты сегодня пыталась повесить на меня убийство. Я такого не прощаю.

Она начинает дрожащими пальцами расстегивать блузку:

— Может быть, попробуем все-таки договориться?

Я мотаю головой:

— Извините, ваше величество. Миссис Хорнер учила своего сыночка Джеки держаться подальше от королевской семьи. Жаль, конечно, но уж как есть, так и есть.

Тут я на всякий случай отвел глаза — и это была моя ошибка. Не успели бы вы пропеть песенку про то, из чего только сделаны девочки, как в руке у красотки возник ак-

куратненький дамский пистолетик, нацеленный прямо на меня. Может, пушка была и маленькая, но я-то знал, что стоит дамочке из нее шмальнуть — и я выйду из игры на веки вечные.

Смертоносная оказалась дамочка.

— Бросайте оружие, ваше величество. — И в спальню входит сержант О'Грейди, сжимая в пальцах-сардельках полицейский пистолет.

— Извини, что подозревал тебя, Хорнер, — сухо говорит он. — Да только повезло тебе, что я тебя заподозрил, комар меня забодай. Я выследил тебя и все слышал.

— Спасибо, что зашли, сержант. Но я еще не все объяснил. Присядьте, а я быстренько доскажу.

Он бесцеремонно кивнул и уселся у двери. Пистолет у него в руке даже не шелохнулся.

Тут я поднялся с кровати и подошел к королеве.

— Понимаешь, крошка, я ведь не сказал тебе, у кого *на самом деле* были фотки всей этой истории с твоим носиком. А были они у Болтая — когда ты его убила.

Она очаровательно наморщила безупречный лобик.

— Не понимаю... Я же обыскала тело...

— Ну конечно — потом. А первой до Толстяка добралась королевская рать. То есть коны. И один из них прикарманил конвертик. Он собирался дождаться, когда шум полностью уляжется, и начать снова тебя шантажировать. Только на этот раз ты не знала бы, кого убивать. И должен перед тобой извиниться.

Я нагнулся завязать шнурок.

— Почему?

— Я обвинил тебя в том, что ты сегодня пыталась повесить на меня убийство. Так это была не ты. Стрела принадлежала парню, который был лучшим лучником у нас в школе: я узнаю такое оригинальное оперение где угодно. Разве не так, — говорю я, поворачиваясь к двери, — разве не так, О'Грейди по прозвищу Воробей?

Притворившись, будто шнурую ботинки, я прихватил с пола пару бисквитов королевы и одним из них метко запустил в единственную в комнате лампочку.

Это задержало пальбу на секунду, не больше, но мне-то как раз этой секунды и не хватало, и пока Дама Бубен и сержант Воробей О'Грейди бодренько делали друг из друга решето, я тихонько улизнул.

При моей профессии нужно уметь позаботиться о себе.

Жуя бисквит с джемом, я вышел через дворцовый парк на улицу. Остановился только у мусорного бака, чтобы сжечь желтенький конвертик, который я вытащил из кармана у сержанта, когда проходил мимо, но лило так сильно, что фотки не занялись.

Вернувшись в контору, я позвонил в туристическое агентство — пожаловаться. Там сказали, что дождь очень на руку фермерам, а я в ответ сообщил им, как им с этим поступить.

Они сказали, что дела идут паршиво, куда ни посмотри.

И я сказал:

— Ага.

Э. К. ГРАНТ

Человек, который ненавидел «кадиллаки»

Э. К. Грант (E. K. Grant) утверждает, что его не существует и что на самом деле он совсем другой человек. Кто именно — определить не так просто. Я могу лишь повторить то, что рассказал мне сам автор. По его словам, он — второстепенный американский сценарист, работающий под псевдонимом Э. К. Грант, и о его незначительной роли в Общем Порядке Вещей можно с очевидностью судить по тому факту, что он зарабатывает на жизнь главным образом в качестве инженера-электрика и компьютерщика. Но учтите, он говорил мне также, что был «ребенком брошен в Серенгети и воспитан бабуинами-вегетарианцами», что он «последние две тысячи лет женат на загадочной женщине, которую повстречал в огненном водовороте» и что «анализ ДНК подтвердил, что он — единственный оставшийся в живых сын Анастасии Николаевны и предполагаемый наследник трона Российской империи». Все это весьма сомнительно, однако, пообщавшись с ним, я склоняюсь в пользу версии о бабуинах-вегетарианцах!

Клиенты и сборщики налогов стучатся в дверь.

Вооруженные бандиты и киллеры вламываются, паля на ходу.

Если кто-то заходит ко мне без предупреждения, с пустыми руками, то это либо коп, либо мой офис перепутали с мужским туалетом. (Следующая дверь по коридору, если вам это интересно. Отличается от моего офиса в основном тем, что ту дверь недавно заново покрасили и подправили табличку на ней. Кроме того, там приятнее пахнет.)

Этот посетитель не постучал, и в руках у него ничего не было.

Достаточно было взглянуть на его костюм, стрижку, чисто выбритое лицо типа «я стопроцентный американец» и выпуклость под мышкой, чтобы угадать его профессию. Один из федеральных агентов, которые шарят в моем районе.

Он вошел так быстро, что я не успел предупредить его насчет сбившегося коврика. Споткнувшись, он едва не сломал себе шею.

Но, к его чести, он не рухнул на пол и ухитрился обрести равновесие, продемонстрировав любопытные движения ног, говорившие о футбольных тренировках или балетных навыках. Я решил, что футбол ближе к истине. Молодой человек осторожно подошел к столу, время от времени с опаской глядя на пол. Он навис надо мной и внушительно уставился мне в лицо.

К счастью, я не так легко поддаюсь внушению. Когда он прорычал: «За этот коврик на вас можно подать в суд», я только улыбнулся.

— Конечно можно,— ответил я.— Но если бы вы постучали, как рекомендует надпись на двери, я бы успел вас предупредить.— Я указал рукой за спину.— Видите эти отметины на стене? Автоматический пистолет. Парнишка со стареньким «шмайсером» продырявил бы меня, если бы не зацепился за этот ковер. Пожалуй, я рискну, подавайте в суд.

Выражение его лица смягчилось. Вытащив удостоверение, он снисходительно помахал им. Я выхватил документ, прежде чем его обладатель заметил, что я пошевелился, и указал ему на единственный расшатанный стул, качающийся взад-вперед в порывах ветра, исходящих от поломанного кондиционера, перед моим письменным столом. Смена выражений на лице парня, пока он решал, что все-таки не стоит прыгать на меня и отнимать удостоверение, была не лишена занимательности.

Пока он осторожно опускался на стул, я снял трубку и набрал номер. Ответили мне после первого же гудка; но, вообще говоря, люди в этой конторе всегда действуют быстро. В отличие от меня, им хорошо платят.

— Привет, Харви,— сказал я.— Это Джейк Ларсен. У меня здесь один из твоих ребят или, по крайней мере, его удостоверение. Не можешь описать мне Родни З. Беванса?

Харви Лемниц — глава местного федерального управления, для которого я иногда выполняю случайную работу. Он с большой точностью нарисовал портрет моего посети-

теля до последней детали, включая взгляд бывшего бойскаута, и добавил:

— Я послал его предложить тебе работу. Нам опять не хватает людей, мы все еще распутываем ниточки по делу Скарпони, которые ты подкинул нам в прошлом месяце. Я знал, что ты позвонишь, чтобы проверить его, и решил не беспокоить тебя лишний раз; ты такой параноик, что все равно позвонил бы.

— Я не параноик, — возразил я. — Иначе нельзя, киллеры не оставляют меня в покое. Спасибо, что вспомнили обо мне. — Повесив трубку, я швырнул Бевансу его корочки. Удостоверение приземлилось прямо ему на колени.

— Что означает «З»?

Он бережно спрятал удостоверение в карман и ответил:

— Зебулон.

Затем извлек из внутреннего кармана папку восемь на одиннадцать дюймов и швырнул ее мне на стол, наверное, для того, чтобы доказать, что он тоже умеет швырять вещи. Но эффекта не получилось, поскольку от его движения стул едва не рухнул на пол.

— По поводу стула я промолчу, — сказал он. — Предполагаю, что кто-то попытался напасть на вас, когда вы на нем сидели.

Я махнул в сторону изрешеченного потолка:

— Калибр девять миллиметров. Он двигался слишком быстро, и стул под ним рассыпался.

Отвечая, я был занят другими мыслями. Папка раскрылась, в ней лежала фотография человека, которого я узнал.

— Значит, вы хотите, чтобы я проверил доктора Фрэйли, — сказал я. — На первый взгляд — ничего проще. — Я окинул посетителя ледяным взглядом, на какой только был способен, хотя его, по-видимому, ничуть это не тронуло, и спросил: — Надеюсь, это не кончится так, как в прошлый раз? Все, о чем меня просили, это найти курьера Скарпони, вывозившего деньги за границу, парня по имени Скаммер. Но никто не предупредил меня насчет девушки.

Беванс слушал с вежливо-скучающим видом, и я уточнил:

— Девушки Скаммера. Ей семнадцать лет, она владеет «магнумом» сорок четвертого калибра, и она самый меткий и быстрый стрелок из всех, кого я когда-либо видел или слышал.

Он отбросил скучающий вид, и на его лице появилась заинтересованность.

— Мистер Лемниц рассказал мне о ней. Видите ли, на самом деле он думал, что всех этих людей убил сам Скаммер. Он говорит, что он в большом долгу перед вами за то, что вы разгадали эту загадку. — Судя по его тону, извинение должно было произвести на меня благоприятное впечатление. Но не произвело.

Он это понял и сказал:

— Но на этот раз трудностей не предвидится. Все, что от вас требуется, — это установить слежку и доложить о результатах. Мы бы сами этим занялись, но персонала катастрофически не хватает, а за последние несколько недель пришлось перевести многих людей на новые должности. Вам оплатят все расходы и, возможно, по окончании задания выдадут премию, если вы сможете установить, где добрый доктор Фрэйли берет деньги.

Я потер переносицу. Беванс сразу догадался, что я устал.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Превосходно, — ответил я. — Просто недосыпаю. У меня по соседству живет проблемный ребенок, идиот по имени Найджел. У этого Найджела есть старый «кадиллак» без глушителя. Он обожает кататься на нем взад и вперед по улице с утра пораньше. ВСЕ утро. — И я снова вернулся к нашему разговору. — А зачем кому-то надо знать, где Фрэйли достает бабки?

Беванс пожал плечами:

— Ему нужен допуск для получения новой работы, а в налоговом управлении утверждают, что он всегда ставит в декларации на добрых двадцать штук больше, чем зарабатывает в своем университете. Он называет это «карточными выигрышами». — Беванс криво усмехнулся, что как-то не вязалось с его благопристойной внешностью.

— Значит, играть противозаконно, если ты при этом декларируешь доходы и платишь налоги?

— Дело в том, что он никогда не бывал в Неваде[1], не посещает ни один игорный клуб в этом городе и не делает ставок по телефону. Для налоговой службы не важно, откуда берутся деньги, лишь бы он им платил. Но нам необходимо это выяснить, прежде чем мы сообщим, что он чист.

— Вы не могли бы сказать мне, что это за работа, для получения которой необходима такая проверка?

Он улыбнулся мне. Очко в его пользу.

— Нет. Вам достаточно знать, что это связано с его специальностью, физикой. По контракту. Ваша забота — установить источник его дополнительного дохода.

— О'кей, — ответил я. — Мне не надо сообщать вам, что в последнее время заказов у меня не много.

Дьявол, любой бы сообразил это, оглядев крысиную нору, которую я для приличия именую офисом. Акт о вспомогательных службах, который разрешает правительственным агентствам пользоваться услугами частных сыщиков с соответствующим допуском, был единственной причиной, по которой я продержался на плаву так долго. После смягчения закона о разводе в этом штате клиентура среднего сыщика значительно уменьшилась; а ведь что бы там ни показывали по телевизору, среднего частного сыщика кормит именно слежка за неверными мужьями и женами.

Видит Бог, я все же предпочитаю дела о разводе, грязные, требующие умения лгать и изворачиваться; ведь тогда никто не пытался пристрелить меня.

Я закрыл папку, которую бросил мне парень, и сунул ее в правый внутренний карман пиджака, напротив подержанного «кольта» сорок пятого калибра, который покоится у меня под левой рукой. Беванс кивнул, словно говоря: «Ну все», и вышел из комнаты, не проронив больше ни слова. Наше расставание было слегка подпорчено тем, что он споткнулся о край ковра. Я слышал, как он чертыхался, выйдя в коридор.

---

[1] В штате Невада находится Лас-Вегас, знаменитый своими казино.

На то, чтобы закрыть стол, расставить ловушки и перешагнуть через ковер, потребовалось тридцать секунд. Когда я на мели, а впереди маячат деньги, я способен действовать, как метеор.

Доктор Таддеуш Фрэйли, обладатель двух заслуженных и парочки почетных докторских степеней, обитал в приятном респектабельном доме из бурого песчаника, расположенном примерно в ста метрах от границы университетского кампуса. В годы моей не слишком блистательной учебы — до того, как меня исключили за несколько обычных приключений с молодыми леди, которые, к сожалению, оказались родственницами слишком серьезных членов администрации, — я посещал несколько курсов Фрэйли по физике. Он был из числа тех немногих преподавателей, к которым я по-прежнему питал настоящее уважение и приязнь.

Ступив на мощеную дорожку, я начал понимать, почему Дядя Сэм так разволновался насчет доктора. Рыночная цена особняка составляла по меньшей мере триста тысяч зеленых. Дом оказался гораздо больше, чем можно было предположить, глядя с улицы, а искусный дизайн лужайки тянул еще на тридцать тысяч. Сбоку располагался просторный двор, окруженный высокой живой изгородью из олеандров. Недвижимость в этом районе стоила недешево, и я вспомнил, как раньше выглядел дом, стоявший на этом участке. Фрэйли, должно быть, купил его и снес, чтобы расширить свои владения. Дело становилось все интереснее.

Дверь открыла платиновая блондинка с ясными голубыми глазами и ангельским личиком. Остальное скрывал толстый фланелевый халат. Закончив ее рассматривать, я заглянул внутрь. Дом был мило обставлен дорогой мебелью, но не выдерживал никакого сравнения с девушкой. Я снова взглянул на нее.

— Да? — спросила она. Ее глубокий, теплый голос звучал подобно виолончели. Я влюбился в третий раз за неделю; она так потрясла меня, что я забыл, в кого влюбился во вторник. Это должно было послужить мне предупреди-

тельным сигналом: обычно, когда дело касается противоположного пола, память у меня как у слона.

— Скажите еще что-нибудь, прошу вас, — взмолился я. — Я без ума от звука вашего голоса, и, кстати, что вы делаете сегодня вечером?

Она отвернулась и крикнула:

— Отец! К тебе студент.

Я еще не успел переварить это, когда в комнату вошел доктор Фрэйли с очками на носу, заложив пальцем книгу. С тех пор как я его встречал в последний раз, у него осталось еще меньше волос, но был он по-прежнему бодр, и голубые глаза смотрели пронзительно. Профессор оглядел меня с ног до головы.

— Не из моих, — заключил он. — Есть что-то знакомое, но никто из моих студентов не носит наплечной кобуры. Скажи ему, пусть уходит.

Он развернулся, чтобы покинуть комнату, но не успел я запротестовать, как он остановился, и в глазах его загорелся внезапный интерес.

— Вы случайно не из тех людей, которые преследуют меня последние несколько недель? — спросил Фрэйли. — Если вы из них, тогда, ради бога, заходите и объяснитс, в чем дело. Я сгораю от любопытства.

Не дожидаясь ответа, он широкими шагами подошел ко мне, мягко отодвинул дочь в сторону, вежливо, но твердо схватил меня за руку и препроводил в кабинет-библиотеку. Хотя я был знаком с расположением комнат в дальней части дома (кухня, ванная, пара спален, однако не стоит вдаваться в личные исторические отступления), но никогда раньше не бывал в кабинете. Среди военных наград в рамках выделялись медали за участие в европейской кампании во времена Второй мировой, Бронзовая звезда[1] и Серебряная звезда[2]

[1] Бронзовая звезда — четвертая по важности военная награда в США за героизм и заслуги, проявленные во время несения боевой службы.

[2] Серебряная звезда — третья по старшинству военная награда в США, вручается за храбрость. Поскольку этой награды удостаивают только один раз, то в дальнейшем за подвиги на ленточку медали помещаются бронзовые дубовые листья.

с дубовыми листьями. Мне определенно показалось, что одна из фотографий изображала молодого Фрэйли в компании с генералом Диким Биллом Донованом[1] и доктором Стэнли Ловеллом[2]. Посередине, на почетном месте над камином, красовалась оригинальная целлулоидная пленка, из тех, которыми пользуются мультипликаторы, с изображением Марвина Марсианина[3] и подписью Чака Джонса[4]. Да, век живи — век учись.

Пока я раздумывал, как бы ввернуть словечко, хозяин налил мне бренди и пододвинул сигары — хорошее бренди и дорогие сигары. Я проглотил выпивку, просто из вежливости, и протянул рюмку за новой порцией.

— Ну? — сказал он. — Я нарушил какой-то закон? Или вы из тех назойливых людишек, которые суют нос не в свои дела и ждут подачек? Уверяю вас, что у меня нет денег.

— Проблема состоит именно в этом, — начал я. — Я частный детектив, — я показал ему удостоверение, — и имею лицензию на выполнение служебных заданий для некоторых правительственных учреждений. Возможно, вам и кажется, что у вас нет денег, но очень много людей весьма озабочены тем, откуда вы берете в среднем двадцать тысяч в год сверх жалованья.

— Вы имеете в виду мои карточные выигрыши?

— Чушь, — ответил я. — Все игорные заведения в этом штате принадлежат людям Скарпони, и они не потерпят, чтобы кто-то постоянно выигрывал такие суммы. Они бы давно уже прикончили вас и закопали на кукурузном поле. А кроме того, я отчетливо помню ваши лекции на тему

---

[1] Дикий Билл Донован (Уильям Джозеф Донован, 1883—1959) — офицер американской разведки, возглавлявший во время Второй мировой войны созданное им Управление стратегических служб (УСС), на базе которого позднее образовалось ЦРУ.

[2] Стэнли Ловелл — сотрудник Донована, глава отдела УСС по разработке нового оружия и технических средств для ведения шпионажа.

[3] Марвин Марсианин — герой американских мультфильмов.

[4] Чак Джонс (Чарльз Мэйсон Джонс, 1912—2002) — американский мультипликатор, сценарист, продюсер, режиссер-постановщик мультипликационных фильмов.

азартных игр. Если вас за последние пятнадцать лет не хватил удар, то вы не игрок.

Взглянув мне прямо в лицо, он произнес:

— Пока вы это не сказали, я вас и не вспомнил. Я увидел на вашей лицензии имя Джейк Ларсен, но это прошло мимо меня. Должно быть, я старею. — Он оценивающе оглядел меня. — Разумеется, вы сильно изменились.

— Но пока в добром здравии, — сказал я. — Преимущественно благодаря тому, что меня учили не играть в азартные игры.

Фрэйли кивнул с довольным видом.

— Итак, — продолжал я, — может быть, вы расскажете мне об этих деньгах — или мне нужно прибегать к крайним мерам и неделями шпионить за вами?

Мой подход может показаться нелепым, но я повидал слишком много сыщиков, которые конались в проблеме неделями, даже месяцами, тогда как кто-нибудь охотно объяснил бы им все, если бы они спросили. Если дерево потрясешь, что-нибудь да упадет; такая методика расследования иногда опасна, но часто дает результат.

Фрэйли нахмурился. Я помнил это выражение с лекций по физике; он не был раздражен, просто не знал, как найти простой ответ. Затем, просветлев, воскликнул:

— Какого черта! Может, это к добру не приведет, но пойдемте вниз, в комнату отдыха, и я вам все покажу.

Он бодрыми шагами пересек кабинет и повел меня к лестнице в подвал, прятавшейся за рядом пышных комнатных растений, которые вполне могли сойти за живую изгородь.

«Комната отдыха» была освещена, как пустыня Мохаве в полнолуние, и я подумал: если здесь отдыхают, то я ношу лиловые подштанники. Пусть меня вышвырнули из университета на первом курсе, но уж лабораторию я распознаю безошибочно. Электронный микроскоп и ЯМР-спектрометр выглядели достаточно внушительно, но при виде компьютера, предназначенного для обработки данных, получаемых от приборов, я понял, что доктор Фрэйли гораздо богаче, чем мы думали. Мне приходилось видеть ком-

ньютеры G-7 «Micro-Cray», и я знаю, почем продают эти штучки.

Больше всего меня взволновала пентаграмма, выложенная разноцветными плитками на полу. Среди моих знакомых были дамы с экзотическими интересами, и мне доводилось видеть подобное.

Проследив за моим взглядом, профессор просиял:

— Совершенно верно. Черная магия. Во всяком случае, магия.

Подойдя к рабочему столу, он взял какое-то сверкающее устройство, незнакомое мне, и принялся вертеть его в руках. Я стоял и не мог решить: то ли он хочет подшутить надо мной, то ли нуждается в периодическом пребывании в сумасшедшем доме.

Наклонившись, Фрэйли пошарил в куче всякого барахла, сваленной у стола, и извлек шахматные часы с двумя циферблатами, из тех, которыми пользуются на турнирах. Он поставил часы в середину пентаграммы, отступил назад и направил на них странный прибор.

Часы дрогнули.

Я не могу подобрать другого слова, чтобы описать это, — часы дрогнули. По воздуху вокруг них побежали сверкающие разноцветные волны, а затем часы исчезли. На их месте появилась кучка банкнот, обычных зеленых купюр, на верху кучки блестело несколько центов — наверное, сдача.

Доктор ухмыльнулся и жестом пригласил меня осмотреть деньги.

Банкноты были новыми. Хрустящими и чистенькими.

Фрэйли сказал:

— Это вам не салонная магия. Это первоклассная вещь. Простое применение принципа эквивалентности потенциалов. Эти часы, — он указал на деньги, которые я держал в руке, — стоили чуть меньше двадцати баксов. Я лишь заставил их превратиться в свой абсолютный эквивалент, тогда как раньше они были лишь потенциально эквивалентны этим деньгам. Просто, если знаете принцип. Возможно, я смог бы научить вас этому за пару часов.

Внезапно он нахмурился:

— Но бывает, я получаю казначейские сертификаты, выпущенные до тысяча девятьсо шестьдесят третьего года, или серебряные монеты; я еще многого здесь не понимаю.

Я наклонился и постучал по центральной плитке. Звук был глухой. Хотя вряд ли это был обман зрения. Свет горел очень ярко.

— Сомневаюсь, что это просто, — ответил я. — Иначе кто-нибудь уже давно придумал бы, как это делать.

Серебристые брови Фрэйли изогнулись, придав ему смешное выражение невинного младенца.

— Но кто-то все же придумал. «Если я видел дальше остальных, то лишь потому, что я стоял на плечах гигантов...»

По-прежнему цитирует Ньютона. Он всегда боготворил этого человека.

— Вы хотите сказать, что Исаак Ньютон изобрел... — начал я.

— Конечно нет! — фыркнул он. — Если бы Ньютон это обнаружил, он бы продолжил исследования и вывел бы законы, количественно описывающие магию, так же точно, как для физики и математики. Нет, я напал на след, читая рукопись одного незначительного алхимика, который работал под покровительством Фредерика из Вюрцбурга.

— Знаменитого Фредерика? Того, который вешал каждого алхимика, который высовывал нос? — спросил я.

Он одобрительно кивнул:

— Того самого. Видимо, после общения с тем, первым, у него появилась аллергия на алхимиков. Думаю, что этот человек случайно наткнулся на эффект, не подозревая о принципе эквивалентности потенциалов. Каждый раз, когда он превращал кусок свинца стоимостью десять баксов в золото для своего патрона, он получал лишь кусочек золота стоимостью десять баксов. Выгоду из этого извлечь нелегко.

Доктор Фрэйли протянул мне блестящую штуковину, чтобы я мог рассмотреть ее поближе, и заметил:

— Моя первая рабочая модель. Без пентаграммы не действует и надежна только в определенные фазы луны. Я од-

нажды пытался применить ее во время затмения, но получил дешевые подделки серебряных рублей конца девятнадцатого века.

Я осторожно взял прибор, боясь, как бы он неожиданно не заработал. В нем не было никаких подвижных деталей, это было просто беспорядочное нагромождение каких-то серебристых металлических штук, соединенных под странными углами.

— Не обязательно так уж бережно с ним обращаться, — сказал Фрэйли. — Заклинание произносится мысленно, к тому же прибор не действует вне пентаграммы.

— Понятно, почему вы заявляете, что выиграли эти деньги в карты. Не хотите рассказать мне, что именно вы конвертируете в такие бабки?

Внезапно на его лице появилось выражение неуверенности. Затем он улыбнулся, как застенчивый ребенок:

— «Кадиллаки».

Я разразился хохотом:

— Вы знаете, сколько копов в этом районе охотится за бандой похитителей «кадиллаков»? Этот город невелик, а за последний год было угнано по меньшей мере пятьдесят штук. Ваша работа?

— Моя, — признался он. — Мне эта машина не нравится. Неповоротливая, вычурная и слишком дорогая. На те деньги, в которые обходится сборка одного «кадиллака», можно собрать три «фольксвагена», а в наши дни мы не можем позволить себе такую роскошь. Вы знаете, — оправдательный тон сменился гневным, — что путем превращения «кадиллака» в среднем нельзя получить и трех сотен? Это показывает, сколько они на самом деле стоят.

— А как же страховые компании, которым пришлось раскошеливаться? Не очень-то этично с вашей стороны.

Профессор больше не оправдывался, всякая неуверенность исчезла.

— Глупости. Страховые компании купят всех политиков, каких надо, и те узаконят обязательное страхование автомобилей по таким ценам, которые им угодно будет назначить. Даже если предположить, что я отнял у них

какие-то деньги, они просто поднимут страховой взнос на полцента в год. А я всего лишь повышаю свою зарплату за счет общества. Ведь большинство из застрахованных — те самые идиоты, которые голосовали против повышения окладов преподавателям последние тридцать лет. Я мог бы заработать больше в качестве промышленного консультанта, утруждая себя гораздо меньше.

Видимо, на моем лице явно читалось сомнение относительно этого утверждения, потому что он продолжал:

— Мне нужно было оплатить обучение моих дочерей, расплатиться за дом. Это по средствам любому стоящему автомеханику или водопроводчику, но никак не честному профессору! Если бы Карла не ухитрилась закончить школу с отличием и выбить стипендию на обучение, мне, наверное, пришлось бы начать гоняться за «крайслерами».

Пожатием плеч отделавшись от его объяснений, я сказал:

— Значит, у вас есть портативная версия этой штуковины.

Он вытащил плоский кожаный чехол, нечто вроде огромного футляра для часов, с прикрепленными к нему кистями, завязанными узлом.

— Конечно, — согласился он. — Полностью портативная. Не зависит от пентаграммы, расположения планет и настроения духа.

— Успокойтесь, профессор. Вы же не продаете мне ее? Я вообще не понимаю, зачем вы мне все это показываете.

— А кому вы расскажете? — пожал он плечами. — Если хотите попробовать распространить эти сведения — пожалуйста. Обещаю, что воспользуюсь своим влиянием и помогу вам достать место в самой комфортабельной психиатрической больнице в штате.

Фрэйли, смотревший мне прямо в глаза, отвел взгляд и снова улыбнулся застенчивой, обезоруживающей улыбкой:

— Вообще-то я рассказал вам это главным образом потому, что мне нужна помощь, чтобы состряпать историю, объясняющую возникновение этих денег, а я помню ваше чувство юмора. Оно было необычным даже для студента.

Как я мог отказаться после такого комплимента? На пути к моей машине мы обсуждали возможные варианты

объяснений, а мысленно я прикидывал, как проверить его слова, просто чтобы убедиться, что он не дурачит меня.

Стояло позднее лето, в сумерках благоухали какие-то цветы, и я позволил себе на секунду расслабиться. Неприятности возникли в виде визжащих шин, автоматной очереди и Фрэйли, хватающего меня за шиворот и швыряющего под прикрытие ближайшей машины. Я ударился левым плечом, сжался в комок, выхватил «кольт» и, морщась от боли в плече, снял револьвер с предохранителя. Я высунулся как раз вовремя: моя пуля угодила в смутно знакомого парня с автоматом, и тот обмяк, свесившись из окна машины. Автомобиль понесся прочь, но я выпалил еще несколько раз и продырявил две шины, ближайшие ко мне. Это был большой сверкающий черный «кадиллак», и я узнал номера. Ребята Скарпони. Машину занесло, она завертелась и ударилась боком в другую машину, припаркованную дальше по улице. Я тщательно прицелился в открывающуюся со стороны водителя дверь, и в этот миг машина внезапно засветилась, по ней побежали радужные волны, и на асфальте вместо нее возникла куча денег.

Опустив оружие, я оглянулся и увидел Фрэйли: он показался из-за машины, припаркованной рядом со мной, в то же время пытаясь засунуть в карман свой магический футляр для часов. Мы подошли, чтобы исследовать место, где исчез автомобиль. На этот раз денег получилось гораздо больше, чем какие-то жалкие триста зеленых; должно быть, в машине был дорогой двигатель или аксессуары. Из кучи баксов торчала человеческая рука, все еще сжимавшая рукоятку пистолета-пулемета Томпсона. Приклад был отрезан, как раз на уровне отсеченной руки. Я заметил на мизинце знакомое кольцо с рубином; Фуллер Мизинец обожал рассказывать, как он снял его со своей первой жертвы. Я пояснил:

— Фуллер Мизинец. Один из самых больших психов на службе у Скарпони. Не знаю, кто был за рулем, возможно, Жирный Бьюфорд, — они всегда работают вместе.

Фрэйли издал удивленный звук и снова вытащил свой прибор. Оглядевшись, чтобы убедиться, что за ним никто

не наблюдает, он направил его на кучу, и рука с автоматом заколебалась, вспыхнула и превратилась в прекрасные чистые банкноты. Исчезла даже небольшая лужица крови, вся до капли. Доктор печально покачал головой:

— Ужасно не хотелось этого делать. «Томпсон» выглядел как коллекционный экземпляр. — Он уловил выражение моего лица и продолжил: — А вы не заметили? Рукоятка взведения в верхней части. Такие выпускали только до тысяча девятьсот двадцать восьмого года. Интересно. До сегодняшнего дня я и не подозревал, что устройство будет работать на людях, — мне никогда не приходило в голову испытать его на живом существе. — Он взглянул мне прямо в глаза. — Скарпони?

— Незначительный местный мафиози. Хочет меня прикончить и постоянно посылает кого-нибудь позаботиться об этом.

Тут я оборвал разговор: на горизонте возникла толпа вооруженных до зубов соседей, намеревающихся выяснить причины стрельбы. По меньшей мере двое явно имели личный, собственнический интерес во всем этом — за их машинами мы прятались от бандитов.

К счастью, Фрэйли был в добрых отношениях с соседями, так что ему удалось убедить их, что мы сообщим о стрельбе в полицию, не вдаваясь в подробности относительно быстро убывающей кучи денег на дороге. Он вручил свои визитные карточки двум семьям, машины которых были изрешечены и помяты, и записал на обороте *фамилию и телефон автомеханика со словами:*

— Если страховка не полностью покроет ремонт, не волнуйтесь, я возмещу разницу. Мой друг и я были бы сейчас покойниками, если бы не воспользовались вашими машинами *как укрытием, и я лично позабочусь о том,* чтобы ваши автомобили снова стали как новенькие. Это лучший автомеханик в городе. Он мой добрый друг; в конце концов, я вырастил трех дочерей, которые обожают быстро ездить. Благодаря их привычкам *его* ребенок смог закончить колледж.

Поздним вечером, после импровизированной соседской вечеринки, вынужденного общения, рукопожатий, покачи-

вания головой и реплик типа «Куда катится этот мир», нам наконец удалось отступить к дому Фрэйли.

— Отец, где ты... О! — При виде меня она торопливо завязала пояс фланелевого халата.

Мне понравилась ее сорочка, короткая и прозрачная. Ноги ничуть не уступали всему остальному.

— Ничего страшного, дорогая, — ответил Фрэйли. — Нежелательные элементы покинули окрестности, и полицию должным образом поставят в известность. Думаю, самое время отправиться на боковую. Мы перехватим чего-нибудь на кухне и постараемся не шуметь.

Непохоже было, что его слова убедили ее, но она исчезла в коридоре.

Я последовал за хозяином в кухню. Он не терял времени зря: кофейник шипел, на буфете ждали два бренди, и сам доктор разбивал яйца над сковородкой.

— Какую вы любите яичницу?

Он был абсолютно спокоен, словно в него каждый день палили из проезжающих мимо машин. Затем я заметил в стакане, стоявшем у плиты, следы влаги, и увидел, что бутылка бренди на буфете уже почата. В ней не хватало по меньшей мере трех порций. Профессор Фрэйли оказался еще расторопнее, чем я думал.

Я угостился рюмкой бренди и ответил:

— Ем яйца в любом виде.

Это было то же превосходное бренди, что и днем, и оно притупило боль в плече от удара о мостовую. К тому времени, как еда была готова, я более-менее почувствовал себя человеком и приступил к теме, волновавшей меня больше всего:

— Это ваша дочь Карла, не так ли? Я ее сразу не узнал — она так выросла.

Он улыбнулся мне, намазывая тост маслом с низким содержанием жира.

— Да, вам всегда нравились мои дочери. Помню, было время, когда вы встречались с двумя одновременно.

Я начал было оправдываться, но профессор махнул на меня тостом, от которого уже успел откусить половину. Прожевав хлеб, он продолжил:

— Я не возражал. Да будет вам известно, я бы предпочел, чтобы они обе продолжали встречаться с вами, а не с этими занудами, за которых потом выскочили замуж. Карла — самая младшая, но она достаточно взрослая и умная, чтобы позаботиться о себе. Признаюсь, мне не нравится мысль, что рядом с ней будет находиться человек, являющийся мишенью для организованной преступности. — Он сменил тему. — А почему вы бросили колледж? Прошло немало времени, но я, кажется, вспоминаю, что вы были одним из моих лучших студентов.

Я рассмеялся. Теперь это почти не задевало меня.

— Когда тебя вышвыривают из университета, ты сразу же попадаешь в лапы к военным. Это на некоторое время отвлекло меня от мыслей о карьере, затем я получил офицерский чин и еще несколько лет работал на одну из секретных служб Дяди Сэма, потому что научился кое-что ненавидеть. Когда моя физиономия примелькалась, передо мной встал выбор: или просиживать штаны за столом в Лэнгли, или вернуться домой и найти честную работу. Поскольку единственным, в чем я по-настоящему смыслил, был шпионаж, я обзавелся лицензией частного детектива. — Я пожал плечами. — Все шло хорошо, пока не смягчили законы о разводе. Теперь я даже не могу позволить себе офис с исправным кондиционером. Всякий раз, когда мне поручают дело, я своими действиями наступаю на пятки Скарпони, а он в свою очередь продолжает подсылать ко мне убийц.

Фрэйли вопросительно поднял брови. Я объяснил:

— Эдвард Скарпони — потомок старой уважаемой семьи итальянских мафиози. Учился в лучших школах и колледжах, умудрился жениться на богатой даме из высшего общества. Намерен в один прекрасный день заграбастать в свои руки весь штат. Но карьера его продвигается с трудом, и он винит в этом меня.

Профессор Фрэйли выразил должное сочувствие. Наполнив мой стакан, он ответил:

— Мне не хотелось бы, чтобы вы попали в положение, при котором вас могут обвинить в злоупотреблении слу-

жебным положением. Однако, как и любой профессиональный работник науки, я в долгу перед обществом, которое платит мне жалованье, и мне представляется, что лишить мистера Скарпони ядовитых зубов будет добрым делом. В частности, по той причине, что он, по-видимому, намерен терроризировать жилые районы, и среди них мой. Каким образом лучше всего приступить к этому?

— Ну что ж, — сказал я, — в прошлом месяце я лишил его текущих фондов, так что теперь он не в состоянии купить нужных политиков для того, чтобы получить контракт на постройку дамбы, на который он рассчитывал. В настоящий момент он чуть ли не банкрот, и поскольку пока он не владеет по закону особняком и собственностью своей жены...

— Продолжайте, — попросил он. — Объясните, что это значит.

— Жена Скарпони, та, что из высшего общества, исчезла два года назад. Он ждет, когда ее официально объявят умершей, чтобы завладеть имуществом, но ее семья потребовала отсрочки на семь лет. Ему удалось получить пару займов под залог дома, но с оплатой у него туговато — федеральные службы взялись за его игорный бизнес и наркоторговлю.

— Превосходно, — ответил профессор. — Для начала мы пошарим в его особняке. Обчистим его, может быть, даже превратим в деньги сам дом. Если это обеспечение его текущих капиталов, то тогда у него скорее всего потребуют уплаты долга. А в этом случае нам, возможно, удастся обнаружить, где спрятана его нелегальная собственность. Предвкушаю удовольствие превратить в доллары грузовик наркотиков. Чтобы увезти эти деньги, нам понадобится еще один грузовик.

Особняк Скарпони был окружен охранниками, забором, натренированными немецкими овчарками и доберманами. Похоже, владельца не слишком беспокоила возможность ограбления: все грабители штата работали на него.

Когда мы подкрались к десятифутовому забору, было около трех часов ночи. Фрэйли продолжал удивлять меня.

Он прожил на свете по крайней мере на тридцать лет больше моих тридцати пяти, но передвигался как десантник и после пробежки даже не запыхался. Я дышал тяжело, как пес, пытаясь не шуметь. Мысленно я сделал себе заметку спросить его, как ему удалось сохранить форму, но потом передумал: пожалуй, не стоит этого знать.

Фрэйли вытащил нечто вроде небольшого контрольно-измерительного прибора и принялся проверять электрические цепи забора.

— Просто высокое напряжение, возможно, постоянная сигнализация. Никаких признаков активного сканирования, локаторов, инфракрасных датчиков. Обычное барахло. Неужели он такой дурак, что надеется на свой бандитский имидж?

— Скорее всего — да, или мы сейчас угодим в глупую ловушку, — тихо ответил я. — Он, возможно, сидит там, внутри, окруженный кучей датчиков движения, оптических усилителей, устройств, реагирующих на тепло тела, ну, вы их сами назвали. После того как пропала машина полная его людей, ему оставалось либо смыться из штата, либо окопаться здесь. Имейте в виду: если мой агент *сказал*, что Скарпони здесь нет, это не значит, что его действительно нет, к тому же там, возможно, полно охраны, что бы нам ни говорили.

Фрэйли извлек из рюкзака рулон тонкой резины, развернул его на земле рядом с оградой, опустился на эту подстилку и вырезал несколько кусков проволоки, предварительно соединив края параллельной цепью. Затем он достал несколько пластмассовых трубок, разрезанных вдоль, и нацепил их на проволоку, чтобы избежать случайного заземления.

Мы проскользнули внутрь и снова устроили все так, чтобы забор выглядел целым при поверхностном осмотре.

Через десять минут, двигаясь чрезвычайно осторожно, мы достигли дома. Никаких признаков сигнализации на дверях и окнах, никого из охраны. Скарпони любил тишину, и все охранники сидели у ворот, отсюда их не было видно; но это не означало, что они не могли прибежать сюда, если бы мы произвели хоть малейший шум. Если

нам повезет, они не заметят, что мы бросили собакам облитые снотворным куски сырого мяса. Может быть, мы не всех вывели из строя, но надежда оставалась.

В доме горел неяркий свет.

Преобразователь, полученный от Фрэйли, успокаивающе лег в руку. Это был небольшой кожаный мешочек с основными предметами, необходимыми для колдовства: несколько рисунков на пергаменте, испещренных какими-то символами, несколько транзисторов, соединенных в схему, недоступную моему пониманию, и пара слепленных вместе цветных камушков.

Я постарался изгнать из головы посторонние мысли, сосредоточился на огромном мягком кресле, направил на него амулет и выполнил операции с символами, которым научил меня Фрэйли. Я ждал, не надеясь на особенный эффект, но в итоге получил-таки больше шестисот баксов. Должно быть, кресло было обито натуральной кожей.

Фрэйли гордо улыбнулся. Мы разделились и начали превращать в деньги вещи — мебель, коврики, картины, дверные ручки, сами двери, — радостно запихивая полученные банкноты в рюкзак Фрэйли. Мелочь мы оставляли: это должно было внести смятение в стан врага. Шторы мы не трогали, чтобы не привлекать внимания с улицы.

Мы очистили первый этаж за двадцать минут, оставив без внимания лишь коллекцию редких книг, принадлежавшую миссис Скарпони. Мы немного поспорили шепотом насчет первого издания Ньютоновой «Principia Mathematica»[1]. Фрэйли ни за что не желал превращать его, и в конце концов книга оказалась в рюкзаке вместе с деньгами.

На втором этаже я наткнулся на охранника, который мгновенно вытащил пушку. Вот как, подумал я, значит, в доме «нет охраны»!

Когда дуло револьвера уставилось мне между глаз, я решил, что после смерти стану привидением и буду преследо-

---

[1] Сокращенное название работы И. Ньютона «Математические начала натуральной философии» (лат. Philosophiae Naturalis Principia Mathematica). *(Прим. ред.)*

вать своего осведомителя. Или лучше стучать ему в стенку, если получится. Я увидел, как палец жмет на курок, и эти доли секунды показались мне бесконечностью — так бывает, когда вы понимаете, что сейчас вам суждено умереть.

А в следующее мгновение бандит и его револьвер дрогнули, слегка заблестели и превратились в неожиданно внушительную кучу зеленых.

Обернувшись к Фрэйли, который опустил свой преобразователь, я прошептал:

— Он столько не стоил. Даже с учетом инфляции химические вещества, составляющие его тело, дали бы не больше нескольких баксов.

— Совершенно с вами согласен, — шепотом ответил он, сгребая деньги. — Я не ожидал подобного эффекта, поскольку до сих пор мне не приходилось работать с живыми существами. Возможно, здесь имеет значение цена его почек и роговицы на черном рынке, величина его возможного жалованья за оставшуюся жизнь и даже вероятное наследство от тетушки Фебы. Да, все это объясняет и аномально высокую сумму, полученную сегодня за «кадиллак». Я бы охотно изучил эту проблему; может быть, нам удалось бы найти корреляции с помощью стандартных актуарных таблиц. Хм... Чтобы получить достоверные статистические данные, необходимо превратить большее число людей.

Он двинулся дальше, едва слышно мурлыча арию из Гилберта и Салливана: «У меня есть маленький список...»[1]

Покончив со вторым этажом, мы поднялись на третий. Расположение комнат было нам неизвестно: ни один из моих знакомых никогда не поднимался выше второго этажа. Ну может быть, Сильвия там бывала, но она никогда не распространяется о тех, кто платит наличными. Здесь было тихо и царил такой же полумрак, как и на нижних этажах.

Мы обчистили несколько комнат, когда я обнаружил помещение, весьма похожее на хозяйскую спальню. Я на

[1] Отрывок из комедийной оперы «Микадо» (1885), созданной английским либреттистом Ульямом Гилбертом (1836–1911) и композитором Артуром Салливаном (1842–1900). *(Прим. ред.)*

цыпочках вошел, надеясь, что там никого нет. Вспыхнул свет, и, резко обернувшись, я увидел Скарпони со старым добрым «смит-вессоном»[1] модели 39, с ненавистью уставившегося прямо на меня. Он совершенно упустил из виду профессора, который проскользнул в дверь у него за спиной. Фрэйли поднял преобразователь, и в руке Скарпони внезапно возникла пачка банкнот.

В этот момент Скарпони выглядел немного нелепо; я никогда не видел, чтобы на лице сменялось столько выражений за такое короткое время. Он двинулся было ко мне, по-прежнему размахивая деньгами.

Не знаю, что он намеревался сделать, — возможно, собирался забить меня насмерть пачкой купюр. С того места, где стоял Фрэйли, наверное, казалось, что он собирается напасть на меня. Но скорее всего Фрэйли вообще не нуждался ни в каких объяснениях.

Профессор направил преобразователь на врага, и Скарпони, не успев сделать шага, покачнулся. Возникло странное сияние, а затем человек исчез, и на его месте появилась огромная, высотой в четыре или пять футов, куча денег.

Странных денег.

Они были напечатаны белыми чернилами на зеленой бумаге и слегка шевелились, словно обдуваемые ветром. Но ветра не было.

Я взглянул на Фрэйли в поисках объяснения. У него был не менее озадаченный вид. Внезапно он побледнел и попятился от кучи, затем одним прыжком выскочил в коридор.

— Уходите прочь отсюда! — крикнул он высоким, напряженным голосом.

Прижавшись к стене, я побежал к двери, пытаясь успеть вслед за ним. Слишком поздно: странные деньги рассыпались по полу и закручивающейся волной хлынули в мою сторону. Я вскочил на ближайший письменный стол, находившийся в пяти-шести футах от двери.

Фрэйли крикнул из холла:

---

[1] «Смит-вессон» — одна из систем револьвера. *(Прим. ред.)*

— Я вспомнил кое-какие свои расчеты и, кажется, понимаю, что это такое. Эта штука — негативные деньги, антиденьги. Имеют короткий период полураспада, чтобы аннигилировать, им нужно прореагировать с нормальными деньгами. Вероятно, они могут также исчезать при контакте с обычными вещами, имеющими положительную ценность.

Я не совсем понял, о чем он, пока не увидел, как одна из необычных купюр промчалась по ковру и наткнулась на ножку дивана. Бумажку застлало дымкой, затем вспыхнул неяркий пурпурный свет, и ножка и угол дивана исчезли, словно откушенные гигантской челюстью. Диван закачался на трех оставшихся ногах и рухнул на несколько хищных банкнот. Он становился все меньше и меньше и наконец исчез совершенно, но количество бурлящих на полу денег ничуть не убавилось. Остальная мебель начала оседать, и я время от времени замечал среди моря белых банкнот голый пол. Мой письменный стол пошатнулся и немного просел. Я принялся яростно сбрасывать все со стола, и вещи, падая в волнующееся море негативных денег, исчезали среди небольших пурпурных вспышек.

Стол снова покосился, и я, сунув преобразователь в карман, подпрыгнул и ухватился за люстру. Это, наверное, была современная имитация — ни одну настоящую антикварную люстру нельзя было бы закрепить такими дешевыми жалкими шурупами. Они начали вываливаться с негромким звоном, и мне на голову посыпались кусочки штукатурки.

Я взглянул вниз. Лучше было этого не делать. Я увидел, как последние остатки фамильного дубового письменного стола миссис Скарпони навсегда исчезли с лица земли. Негативные деньги жадно бурлили, ища, что бы еще пожрать.

Пачка нормальных денег пронеслась через комнату и плепнулась на пол в дальнем углу; это Фрэйли начал швырять из холла доллары. Антиденьги образовали гигантскую волну и яростно хлынули вперед, стремясь поглотить обычные деньги, но, когда волна проходила подо мной, несколь-

ко белых бумажек взмыли вверх, и выглядели они как давно не кормленные пираньи. Я вспомнил отрезанную руку Фуллера Мизинца, и на миг мне представились две мои одинокие руки, нелепо болтающиеся на люстре. Деньги со зловещим шуршанием бросались вверх, пытаясь достать меня. Я еще немного подогнул колени; в ответ на это движение раздался скрип, и мимо меня пролетели еще несколько шурупов.

— Раскачайте люстру! — донесся до меня крик Фрэйли. — Прыгайте сюда, пока оно собралось там!

Мне совсем не понравилась мысль о качании на люстре, но голодное шуршание внизу сильно подбадривало меня. Черт побери, Эррол Флинн[1] и не такое вытворял! Я принялся раскачиваться взад-вперед и отпустил люстру как раз в тот момент, когда она отвалилась и рухнула на пол позади меня. Могу поклясться, что я слышал чавканье, с которым антиденьги пожирали ее.

Я еще не добрался до двери, а Фрэйли уже подхватил меня за талию и выпихнул в коридор, захлопнув за мной дверь. Дверь продержалась какую-то долю секунды, затем исчезла в пурпурном пламени. В открывшийся проем хлынул поток плотоядных бело-зеленых бумажек, подобный вулканической лаве, забывшей, какого она должна быть цвета, уничтожая все на своем пути.

Я кинулся вниз по лестнице вслед за Фрэйли — он бежал на носках, как профессиональный спринтер. Мимо меня со свистом пронеслась пара особенно скоростных негативных десятидолларовых купюр — они напомнили мне охотничьих собак, преследующих загнанного оленя. Казалось, их привлекал рюкзак профессора, и до меня дошло, что такая куча денег для них как магнит, ведь нормальные и негативные доллары притягиваются друг к другу, как противоположные заряды.

— Бросьте мешок! — крикнул я, но Фрэйли вместо ответа ухватил рюкзак покрепче и припустил еще быстрее,

---

[1] Эррол Флинн (1909—1959) — австралийский актер, знаменитый романтическими ролями разбойников и пиратов в голливудских фильмах.

так что банкноты, подпрыгнув, смогли лишь вырвать клок ткани из его брюк, и моему взору предстали ужасающе безвкусные семейные трусы в горошек. Профессор успел выскочить на площадку, а отставшие одно- и пятидолларовые бумажки врезались в ковер, проедая по дороге извилистые дыры, горевшие ярким огнем.

Я рванул в холл и попытался не отставать от профессора, который уже выбежал на улицу. На пути к забору я заметил, что Фрэйли рядом нет, и обернулся посмотреть, что с ним случилось. Он показал на особняк, который рушился с тяжеловесным величием, и этот обвал сопровождался скрипами и треском. Я дернул своего спутника за пиджак, потянул его к забору, но он не трогался с места, наблюдая, как дом превращается в руины, освещенные кое-где зловещими пурпурными вспышками.

Когда от особняка не осталось камня на камне, Фрэйли прошептал:

— Впечатляет. Должно быть, он сильно увяз в долгах, если имел такую огромную негативную ценность. А может быть, это просто отражает его значение для общества. — Он пожал плечами. — Мне действительно необходимо накопить еще множество экспериментальных данных.

Услышав недоуменные крики охранников, пересыпанные непристойной бранью, мы бросились прочь и прокрались через личные ворота Фрэйли, которые он затем тщательно заделал. Через полчаса мы мирно входили в его дом.

Прежде чем он успел повернуть выключатель, вспыхнул свет, и перед нами снова предстала Карла. Халат на ней был плотно завязан; однако он был гораздо тоньше, чем тот, что она носила утром, и достаточно узок, чтобы она могла показать себя с лучшей стороны. Хмурое выражение на ее лице было неподражаемо.

— Папа, я не знаю, кто этот человек, но я тебе могу сказать, что до добра он тебя не доведет. Опять!

Он вручил мне рюкзак, подошел к ней, взял за плечи, поцеловал в лоб, развернул и отправил из комнаты, наградив легким шлепком. И сказал при этом:

— Я никогда не спрашиваю тебя, до чего тебя доведут твои отлучки, когда ты не ночуешь дома. Будь добра, окажи мне такую же любезность.

Удаляясь, она оглянулась. Я обрадовался, увидев, что ей интересна моя реакция на утверждение папаши и что она покраснела. Это взволновало меня. Я встречал очень мало дам, которые вообще знают, как это. Мне стало любопытно, как бы она отреагировала, если бы находилась на моем месте, но, по счастью, с ее стороны было не видно вызывающих трусов в горошек.

Через несколько минут мы благополучно укрылись в кухне, а Фрэйли поставил в микроволновку сосиски и вафли.

Раскладывая еду по тарелкам, он заметил:

— Мне кажется, вы нравитесь Карле. Если мое мнение что-нибудь значит, я не против. Я бы хотел также сделать пожертвование в Фонд стипендий Джейка Ларсена. По-моему, половины сегодняшней добычи будет достаточно?

Несколько секунд я не мог вымолвить ни слова.

— Стипендий? — Профессор не был склонен к эвфемизмам, и я вспомнил его замечание насчет злоупотребления служебным положением.

Он моргнул, удивленный, что я не уловил, о чем речь.

— Мне казалось, что это очевидно. Вас вышибли из колледжа по ерундовой причине, и сомневаюсь, что ваше дело рассматривали беспристрастно, — вспомните тогдашний состав попечительского совета. Почему бы вам снова не вернуться в университет на основании «Солдатского билля о правах»[1]?

Я налил себе еще бренди и взглянул на кучу денег, лежащую на столе. В качестве частного сыщика мне никогда не заработать себе на старость, если, конечно, предположить, что я доживу до старости. Я кивнул.

— Отлично, — ответил профессор. — К вашему сведению, но только не для протокола, меня хотят назначить на

---

[1] «Солдатский билль о правах» — ряд законов об обеспечении солдат, демобилизованных после войны, в том числе о финансировании образования. *(Прим. ред.)*

некую государственную должность — поручить заведование новым отделом Государственного департамента, который якобы будет осуществлять обмен информацией между русской космической программой и нашей. На самом деле мы собираемся запустить спутник-шпион для слежения за областями, где у нас имеются общие интересы. Мне придется много времени проводить в России на переговорах, и я бы хотел, чтобы кто-нибудь здесь, дома, присматривал за участком и Карлой.

Помолчав, он добавил:

— Позднее мы будем расширяться, и тогда я смогу без проблем принять вас на работу, если вы обзаведетесь парочкой степеней по точным наукам. Мне понадобятся люди с вашим опытом и специальными навыками. Например, вчера вечером вы научились обращаться с преобразователем за полчаса. Мне понадобились месяцы, чтобы управиться с ним, хотя я сам его изобрел.

Значит, мой опыт? Вот это да. Я про себя решил относиться очень осторожно к любым предложениям о работе, исходящим от профессора Фрэйли.

Черт побери, даже придумывание источников его дополнительных доходов, которые бы не грозили нам обоим тюрягой, обещало быть достаточно опасным.

Провожая меня к выходу, он предупредил насчет моего сегодняшнего «карточного выигрыша».

— Не забудьте занести в декларацию о доходах все до последнего пенни. Я не хочу, чтобы ребята из налогового управления взялись за вас. Эти люди ужасны! — Он вздрогнул всем телом.

— Побольше оптимизма, профессор, — ответил я. — Русские машины громоздки и нелепы, как детройтские линкоры. Интересно, что вы получите, превратив «ЗИЛ» или «москвич», — рубли или доллары?

Он отправился в дом с озадаченным, но счастливым видом.

Хмыкнув, я пошел к воротам. Стояло восхитительное раннее утро, еще не совсем рассвело, но птицы уже щебетали, готовясь к наступающему дню; в воздухе носились

ароматы цветов и травы. На дорожке показалась чья-то фигура, смутно различимая в утреннем полумраке. Карла.

— Простите, но я слышала ваш разговор с отцом. Мне показалось, что он назвал вас Джейком Ларсеном? — обратилась она ко мне недоверчивым, вопросительным тоном.

— Сознаюсь, виноват. Я — это я. А это важно?

Она нервно поигрывала поясом халата.

— Мы все думали, что вы погибли.

— Я тоже так думал несколько раз. Особенно в тот день, когда вьетконговцы[1] захватили в плен то, что осталось от моего подразделения. Но армия Северного Вьетнама недостаточно тщательно присматривала за нами, так что однажды ночью мне с несколькими друзьями удалось вырваться и добраться домой. Заняло немало времени, но в конце концов мы это сделали.

— О... — сказала она. — Завтра вечером отец идет в шахматный клуб, а я уже проверила все задания к пятнице. Заняться больше нечем, а телевизор я терпеть не могу. Может быть, зайдете на ужин?

На обдумывание ответа на этот последний вопрос мне понадобилось около двенадцати тысячных секунды, и я назвал время.

Она убежала в дом, а я побрел дальше в рассеивающихся сумерках. Дела мои во всех отношениях шли лучше и лучше.

Во-первых, я намеревался провести небольшую приятную беседу с осведомителем, который сообщил мне, что Скарпони не будет дома, а внутри особняка нет охраны. В предвкушении этой беседы я потер суставы пальцев.

Затем я собрался провести маленький приватный эксперимент по парафизике; в конце концов, шумный Найджел, Проблемный Ребенок Без Глушителя, водил именно «кадиллак», и мне было известно, где припаркована машина.

Ведь профессор Фрэйли и не подумал попросить обратно свою хитроумную штуковину.

---

[1] Вьетконговец — американское прозвище вьетнамского солдата. *(Прим. ред.)*

СИМУС КАЛЛЕН

Высший Ритуал

Симус Каллен (Seamus Cullen, род. 1927) — американский писатель, живущий в Ирландии. Каллен — автор пикантных фантазий, самой известной из которых, наверное, является «Астра и Флондрикс» *(Astra and Flondrix, 1976). Его перу принадлежат также две фантазии в арабском стиле —* «Петля света» *(A Noose of Light, 1986) и* «Башня султана» *(The Sultan's Turret, 1986). Предлагаемый вниманию читателя рассказ представляет собой значительно переработанный автором эпизод из* «Башни султана».

В XIII веке Испания все еще была поделена между христианами и мусульманами. Советником и личным врачом султана Гранады в то время был Соломон ха-Леви. Именно он содействовал заключению союза между султаном и Фердинандом Кастильским[1], имевшего целью свержение жестоких мусульманских правителей Севильи.

Внучка Соломона, не по годам развитая Дина, любительски занималась магией в лаборатории деда; из-за ее небрежности на волю едва не вырвался могущественный демон, заключенный в тюрьму израильским царем Соломоном. История начинается с того, что Дина планирует освобождение своего отца, Моисея, и двух двоюродных братьев, которые были взяты в плен, когда возвращались с караваном из Китая. В нижеследующем эпизоде описываются приключения спасателей. Дина призывает своего верного гнома Бубби, вливая несколько капель особого вина в рот резной лягушки.

---

[1] Фердинанд III Кастильский (1198—1252) — король Кастилии и Леона. Объединил Кастилию и Леон в единое государство (1231). Вел борьбу с маврами, захватил Кордову, Севилью, завершил Реконкисту Испании. Канонизирован в 1671 г.

— Момо, ну почему ты такая упрямая? Я не стал бы говорить, что сильно занят в саду, если бы это было не так, верно? Зачем мне врать?

Шляпа Бубби красовалась на небольшом столике посредине комнаты; Момо всегда считала, что без шляпы муж выглядит безнадежно молодым. Особенно с этой своей прической: короткие прямые волосы стояли дыбом, словно иглы у дикобраза. Она обожала его веселые карие глаза и курносый носишко, забавно красневший, когда его обладатель приходил в волнение.

Момо подняла взгляд от домотканой шерстяной куртки, которую она вышивала золотыми и серебряными нитками. Хотя было отнюдь не жарко, она сняла блузку без рукавов и сидела в одних только широких пижамных штанах. Бубби с беспокойством поглядывал на соблазнительные линии ее небольших, но кокетливо покачивавшихся грудей. Сейчас соски набухнут, скулил он про себя. Хо-хо, а зачем иначе она сняла блузку? Это просто провокация, заключил он.

— Зачем тебе врать? — наконец передразнила она его. — Чтобы уклониться от своих прямых обязанностей, вот зачем. Ты хочешь отправиться обратно к этой нахалке, Дине, вот зачем. Наверное, тебе кажется, что она красивее меня.

— Дина? — задохнулся он, явно шокированный обвинением.

И тут же, словно эхо, в голове зароились сумбурные мысли. А если она поймет, о чем он думает, если ее не обманут его негодующие протесты?

— Момо,— принялся он уговаривать ее.— Она же маленькая девочка, да простит тебя Господь за эти ужасные мысли.

— Ах, вот как! — взорвалась гномиха, швыряя шитье на столик, стоявший рядом с креслом. — Маленькая *девочка*, а? Да простит *тебя* Господь,— передразнила она его.— Могу я напомнить моему мужу, честному ученому, что Ависага Сунамитянка[1] тоже была маленькой девочкой. Юной дев-

[1] Ависага Сунамитянка — библейский персонаж, прислужница и затем жена царя Давида. «Когда царь Давид состарился, вошел в преклонные лета, то покрывали его одеждами, но не мог он согреться. И сказали ему

ственницей. Ты помнишь, кто такая была Ависага Сунамитянка, Дон Ученый?

Бубби смахнул комочки засохшей земли со штанов, доходивших ему как раз до колен. Сам не зная зачем, он взял со стола шляпу — просто привычный жест.

— Положи шляпу, когда я с тобой разговариваю, Дон Садовник! — Она почти кричала на него. Шляпа шмякнулась на стол, Бубби отдернул руку, словно в ее тулье притаились змеиные зубы. Момо, удовлетворенно фыркнув, прищурилась. — Отлично, так кем она была?

— Кем был кто... что? — с несчастным видом переспросил он, яростно скребя то, что его жена называла иглами дикобраза.

— Ависага Сунамитянка, вот кто! Может быть, мы о ком-то другом говорили, Дон Превосходная Память? — Вскочив с кресла, она оказалась лицом к лицу с ним. — Ависага Сунамитянка! — проревела она.

Бубби прикрыл несчастное ухо ладонью. Да что она тут толкует о сунамитах, удивился он. Что она пытается доказать? Он пожал плечами, подняв перед собой руки.

— Ее привели к царю Давиду, когда он состарился, вот что, — сдавленно фыркнула Момо, обвинительно размахивая пальцем перед носом мужа. — И знаешь зачем? — спросила она. Он решительно замотал головой, отрицая всякое знакомство с библейскими пикантными историями. — Чтобы снова разжечь огонь в его старой груди, вот зачем. Но ты помнишь, что Писание часто двусмысленно, когда речь заходит об анатомии. Когда хотят разжечь молодой огонь в старике... Ты понимаешь меня, Дон Озадаченное Лицо?

— Да что с тобой такое, Момо, с каких это пор я стал стариком?

Бубби выказывал первые признаки неудовольствия: терпение его истощалось. Но Момо была отличным стратегом.

слуги его: пусть поищут для господина нашего царя молодую девицу, чтоб она предстояла царю и ходила за ним и лежала с ним, — и будет тепло господину нашему, царю. И искали красивой девицы во всех пределах Израильских, и нашли Ависагу Сунамитянку, и привели ее к царю» (3-я Кн. Царств, 1: 1—4).

— Ты должен знать Тору, правда? Ты изучаешь Талмуд, верно я говорю? Ну вот, ни один прилежный студент не может забыть, кто такая Ависага. Но ты стареешь, — заявила она, снова укоризненно взмахнув пальцем. — А почему? Потому что ты пренебрегаешь исполнением своего долга, вот почему. Я в печали, неужели ты этого не видишь? Я единственная из женщин-гномов моего возраста не имею детей... пока. Как ты думаешь, кто я после этого? Выродок, вот кто! Ты думаешь, я долго проживу в таком стыде?

— А почему ты всегда обвиняешь во всем меня? — всхлипнул он. Нос его краснел медленно, но верно — она заметила это в промежутке между обильными рыданиями. — Посмотри вокруг, — приказал он. — Плохой муж не обеспечит тебе такого прекрасного дома. — Он обвел комнату величественным жестом. — У нас есть даже свободная спальня для нашего «Маленького незнакомца»...

— А кто сказал, что ты плохой муж? — Она подняла брови, словно проверяя, осмелится ли он упрекать ее в подобных речах. — Твоя Еврейско-Андалузская Принцесса подарила нам прекрасный участок для сада, который существует и здесь, в нашем измерении... прошу, не думай, что я неблагодарна. Ты построил нам здесь сказочный дом, соседи за много миль приходят сюда, чтобы смотреть и завидовать. — Она смолкла, чтобы перевести дыхание, и взмахом руки запретила ему перебивать себя. — Бубби... добрые дела надо начинать дома, помнишь? Твои занятия в саду Принцессы могут и подождать немного.

Прежде чем Бубби смог возразить или сбежать, Момо схватила его за руку и потащила к раскрытой двери в спальню. Потянувшись за своей старой шляпой, он едва не потерял равновесие.

Не выпуская его руку, Момо проявила удивительную силу: он перекувырнулся через голову и плюхнулся на спину посредине кровати. Признав свое поражение, он вздохнул, скинул кожаную куртку и вытянулся, затем осторожно подвинулся на свою сторону кровати и закинул левую руку за голову. Они подгоняли друг к другу тела и руки, пока

Бубби кивком не дал понять, что нужная поза достигнута. Поднятые левые руки начали переплетаться, и наконец гномы плотно прижались друг к другу подмышками.

— О, Бубби, — прошептала она с трепетным восторгом, — это так замечательно, ты делаешь это так превосходно, так нежно, так страстно, я уже на седьмом небе... Тебе хорошо?

— Абсолютно, — промурлыкал он. Он изо всех сил старался сконцентрироваться на настоящем моменте. Дина, великолепные мечи, похищенные им, юный Иосиф, секретная комната в доме Соломона, трудности с Мусой, демоном, и еще бо́льшие трудности с этим чокнутым джинном, отцом Мусы... Все это продолжало бешено вертеться в мозгу, отвлекая его.

— Бубби, Бубби, ты чувствуешь напряжение? Это самая замечательная минута в моей жизни, мы, наверное, вместе достигнем блаженства, я знаю, мы больше не будем бездетными, я говорю тебе, это оно самое!

Невероятная вспышка света под потолком почти ослепила его... Глаза Момо были закрыты. В то же мгновение перед ним возникла гигантская фигура лягушки с открытым ртом. Сверкающее алое вино лилось в ее широкую пасть, а голос, подобный барабанному бою, с каждой каплей выкрикивал его имя.

— Дина призывает меня, — проорал он. Он взлетел прямо к потолку, напялил на голову шляпу, влез в куртку. Он уже не слышал противного чмокающего звука, раздавшегося, когда расцепились их подмышки. Шляпа его прорезала светящийся потолок, как раскаленный докрасна нож прорезает масло. Но даже после того как потолок снова сомкнулся за ним, закрыв врата в иной мир, его преследовал горестный вопль Момо.

— Бубби, Бубби, не оставляй меня сейчас, это ООО... Я почти достигла этого... Не оставляй меня... — Слова кололи его, как кинжалы, даже когда он выбирался из земли в саду Дины во дворце.

— С тобой все в порядке? — любезно спросила Дина, закрывая крышку ларчика, в котором хранились фигурка

лягушки и небольшой флакон с вином. — Ты мирно спал, когда я позвала тебя? — поинтересовалась она.

— Э-э... не совсем, — уклончиво ответил гном. — Я... э-э... хм-м... — Он замолк и начал подпрыгивать, переминаясь с одной ноги на другую. — Может быть, в следующий раз, когда ты соберешься призвать меня, то удовольствуешься одной каплей, хорошо? Очень маленькой, а затем подожди немного, ладно? Я второнях чуть не забыл надеть шляпу.

— Прости, я еще не приобрела необходимую сноровку. — С недоуменным видом Дина смахнула несколько комочков земли с его плеча. Затем хихикнула. — Шляпу? Сейчас так тепло, а ты волнуешься насчет...

— Она мне нужна, чтобы попасть сюда, — прервал он. — Я не могу перенестись к тебе без шляпы. — Он указал на клочок земли между двумя рядами моркови, где он только что появился. — Она проникает через любую преграду, эта шляпа. Ты не видела, как я пришел?

— Тебя не было, а в следующий миг ты возник. Ты появился внезапно, но как бы из ниоткуда. — Она пожала плечами. — Боюсь, мне по-прежнему не совсем доступны тонкие детали магии.

Дина поднялась с ковра и приблизилась к гному. Он, не обращая на нее внимания, уставился на легкий шелковый ковер. То что надо.

— Как ты думаешь, откуда я пришел? — спросил он, подойдя к морковным грядкам. Он ткнул рыхлую землю большим пальцем ноги, и из нее появились два меча. Дина задохнулась от изумления. Он указал на землю.

— Ты пришел из-под земли? Из-под сада? Ты живешь там, внизу... в норе?

— В доме! — возмутился он, снова перепрыгивая с ноги на ногу. — И в очень неплохом доме, заметь. Даже моя жена Момо так считает.

— Н-но, — запинаясь, произнесла она, — как ты смог построить там, в земле, дом, чем вы там дышите, куда дым уходит?..

— Дина, ты все понимаешь слишком буквально. Только люди так педантичны насчет этих «вверху, внизу, на этой

стороне, на той стороне». Это другое измерение, только кажется, что это «внизу». Но если ты выкопаешь яму, то не найдешь моего дома. Если будешь копать не переставая лет двести, то, может быть, доберешься до Китая — но не до моего дома.

— Но как это возможно? — простонала Дина; у нее начинала болеть голова.

— Не волнуйся, не волнуйся, — взмолился Бубби, похлопав ее по маленькой руке. — Это возможно, потому что земля круглая... Хо-хо, только не задавай вопросов. Земля... — он остановился, наклонился к апельсиновому дереву и подобрал плод, — ...круглая, поверь мне. Здесь Гранада, — он указал на одну сторону апельсина, — а здесь Китай. — Он перевернул фрукт. — Просто... и все же я ныряю прямо вниз, и я дома. А теперь надо завернуть эти мечи, время уходит.

Через несколько мгновений замечательные мечи были надежно и безопасно закатаны в ковер и аккуратно перевязаны ремнями из сыромятной кожи, которые Дина принесла с собой. Сняв шляпу, Бубби водрузил сверток на голову и велел девушке держаться за средний ремень. Они миновали роскошный сад, обходя кучи мусора. Рабочие трудились изо всех сил. Султан спешил закончить свой новый город внутри города — его называли Альгамбра из-за красноватого цвета камня.

У ворот Дину ожидала свита. Ее дед и султан не желали нового похищения. Разумеется, стражники не видели, как Бубби закинул сверток на седло Дины, не видели его удивительного прыжка на круп лошади, сделанного, казалось, вопреки закону всемирного тяготения. Лишь Дина могла видеть своего преданного помощника.

— А где юный Иосиф? — прошептал Бубби.

— Ты имеешь в виду этого мавра, который принадлежит моему деду? — высокомерно переспросила она.

— Так говорят только невежды, — упрекнул он ее. Затем разразился такой высокопарной тирадой о словоупотреблении, что скоро Дина совсем запуталась в его напыщенном академическом иврите.

— Ты не мог бы высказаться проще, на местном наречии, которым мы здесь пользуемся? Ты выражаешься так, словно сочиняешь комментарий к Вавилонскому Талмуду.

— Да неужели? Тебе, возможно, будет интересно узнать, моя дорогая принцесса, что в Вавилоне говорили на арамейском. А я просто сказал тебе, что мавр — неверное название в данном случае. Мавры происходят из северо-западных областей Африки, и они не чернокожие. Иосиф же родился на юге пустыни, на самом юге. — Бубби вертел шляпу на пальце, когда она оглянулась. И на лице его светилось выражение превосходства и самодовольства.

— Клянусь бородой Пророка, — тяжело вздохнув, покорно произнесла Дина... по-арабски. — Африка — это все равно Африка, верно? А что касается твоего драгоценного мав... Иосифа, то я отправила его недавно домой с ящиком моих вещей.

Когда они прибыли, дверь на улицу была приоткрыта. «Как странно, — подумала Дина. — Никакой охраны, кроме тех моментов, когда кто-то приезжает или уезжает». Солдаты спешились, и капитан помог Дине слезть на землю. Он собрался было снять ковер с луки ее седла, но сверток уже перекочевал на чье-то мускулистое плечо — черное плечо. «Откуда он взялся?» — удивился капитан, оглянувшись на дверь, — та была теперь полностью распахнута.

Дина сказала капитану, что будет чувствовать себя спокойнее, если солдаты расположатся на гребне холма за домом. Когда она будет готова к отъезду, то пошлет к ним слугу с сообщением.

Оказавшись в тайной лаборатории Соломона, где старик занимался алхимией и магией, Дина повелительно указала Иосифу на центральный из кругов, которые она изобразила на каменном полу. Эфиоп небрежно сбросил свою ношу, раздраженный ее отношением. Раздался громкий звон.

— Осторожно! — прикрикнула девушка.

— А сколько тебе лет, что ты раздаешь приказания *мне*, дитя? — процедил Иосиф сквозь стиснутые зубы.

— Достаточно, чтобы приказывать рабу. Мне тринадцать. — И прежде чем Иосиф смог что-либо ответить, она

яростно уставилась в пол. — Бубби, будь так любезен, научи этого раба хорошим манерам!

— Хо-хо, советую тебе быть осторожнее, принцесса, Иосиф — помощник дворцового врача, мастер Священной Каббалы и, возможно, лучший фехтовальщик во всей Андалузии...

— А мне наплевать, пусть он хоть король черных мавров...

Но Бубби и Иосиф уже не слушали. Иосиф сидел на корточках, весело пожимая Бубби руку.

— Он видит тебя, Бубби? — Она чуть ли не плевалась от негодования.

— Конечно, — ответил гном таким тоном, словно разговаривал с умственно отсталым ребенком. — А как мы могли бы работать и сражаться вместе, если бы он меня не видел?

Дина открыла было рот, чтобы возмутиться, — в конце концов, Бубби был ее личным, собственным гномом, откуда этот... этот выскочка... Но Бубби, подняв руку, пресек возражения:

— У нас полно дел, а времени почти не осталось. Кончайте ссориться, вы сможете разобраться друг с другом, когда мы покончим со всем этим.

Дина принялась за магический круг, а Иосиф взялся ей помогать. Ее настолько поразили его знания и сноровка, что она почти сменила гнев на милость.

Когда круг был закончен и посвящен Йесоду, Основе Всего, жаровня была зажжена, фиал с ладаном поставлен на место, а снаружи круга изображен меловой треугольник, Бубби развязал ремни, развернул ковер и продемонстрировал два заколдованных меча. Со вздохом изумления Иосиф упал на колени, слегка коснулся одного клинка, затем с радостным видом схватил другой.

— Ты предпочитаешь этот? — прозаически спросил Бубби. — Другой тебе не нравится?

— О нет, я просто подумал, что тот — для Дины... Определенно в нем есть что-то женственное. А этот и впрямь мой? — Он не мог в это поверить.

— Дина? — пробормотала девушка. — Дина?.. Да за кого он меня...

— Твой! — с притворной досадой проревел гном. — Он похищен из сокровищницы багдадского халифа, повсюду рыщет стража, и что, по-твоему, они сделают, если найдут вора? Разорвут на кусочки, даже если это крошечный гном. Пока что он твой, Иосиф, но не стоит к нему слишком привязываться.

Бубби еще не успел закончить свое предостережение, а Иосиф уже соорудил из кожаных ремней две перевязи, к одной гордо подвесил ножны своего меча, другую протянул Динс. Она взяла ее и благодарно улыбнулась. У него едва не остановилось сердце. Впервые она улыбнулась ему, и он влюбился — влюбился мгновенно и безнадежно.

Дина кратко описала мрачное состояние дел. Ее дорогой отец и два олуха-кузена, как она их называла, возвращались из поездки в Индию и Китай с самым богатым караваном, какой им когда-либо доводилось вести. Последнее сообщение они отправили, находясь где-то на полпути между Бактрией и Багдадом. Внутренний голос говорил ей, что они попали в засаду, что их ограбили и взяли в плен, без сомнения, чтобы получить выкуп. И сейчас им троим нужно освободить Моисея, ее отца. Немедленно!

— Хо-хо! — От восклицания Бубби жаровня разгорелась еще ярче. Он подпрыгнул и воспарил к потолку. Упершись в него рукой, он секунду-другую повисел там, затем спустился обратно на пол.

— Бубби, как ты это делаешь? Это замечательно, ты можешь научить меня?

Не обращая внимания на нубийца, Бубби уставился на Дину.

— Что все это значит? — спросила она, почему-то чувствуя себя раздетой под его взглядом.

— Ты девушка! — укоризненно произнес он, словно это все объясняло.

— А ты только что это заметил? — полушепотом сказал Иосиф, обращаясь скорее к себе самому. — Господи, эти восхитительные рыжие волосы, неземные зеленые глаза, эта... эти... ты знаешь о чем я... Девушка!

— Ты это к чему? — требовательно спросила она, не обращая внимания на хвалебную песнь Иосифа.

— А ты не понимаешь? — Бубби снова взлетел к потолку, но сразу же вернулся обратно. — Нас всего трое, нам нужно освободить пленников, где бы они ни находились, а мы этого даже не знаем. А одна из нас — молодая красотка, и что же получается? Каждый злодей, извращенец, насильник и бог знает кто еще... Мы потратим все свое время на то, чтобы защищать *тебя*, не говоря уж о твоем отце и олухах, как ты их зовешь.

— Вы возьмете меня с собой, и точка! — Она скрестила руки на груди и яростно воззрилась на гнома.

— В качестве девчонки мы тебя с собой не возьмем, и точка! — возразил гном.

— Вы хотите, чтобы я носила мужскую одежду?

— Именно! — в один голос воскликнули Бубби и Иосиф.

— Отлично, я сейчас же пойду переоденусь.

— Один момент. — Иосиф улыбнулся ей и поднял руку. — Твое лицо так прекрасно, так женственно, что твой пол не скроют даже нищенские лохмотья.

Она застенчиво улыбнулась, покраснела и пожала плечами.

— Прикажи какой-нибудь служанке отрезать немного твоих волос, чтобы соорудить тебе бородку и усы. — Бубби художественно изобразил все это на своем лице. — Пусть она как следует прилепит волосы, мы не можем допустить, чтобы они отвалились... Хо-хо, тогда у нас будут неприятности.

Когда Дина ушла, Иосиф начал перепрыгивать с ноги на ногу, бессознательно копируя Бубби.

— Что ты сейчас делал? — умоляюще спросил он. — Ты понимаешь, о чем я, ты взлетел, словно твое тело ничего не весит... Как это называется... как ты...

— Ш-ш-ш, — утихомирил его Бубби, — у меня уши болят. Это называется Заппо, всем гномам необходимо научиться это делать, если они хотят достичь этого мира, мира людей. Нельзя проделать это в любом месте, для этого необходима мощная магическая сила... — Он указал на

пол, словно боялся, что под дверью подслушивают. — Ты настраиваешься на магическую волну, подстраиваешь свои колебания, и тогда твой вес словно исчезает и ты свободен! Но больше никаких вопросов. Я попробую научить тебя, когда мы вернемся — если вернемся. А теперь молчи, давай еще раз как следует проверим магический круг.

Они едва закончили осмотр, когда вернулась Дина. Оба отскочили назад, Иосиф почти вытащил меч из ножен, и тут они узнали ее. На ней был длинный плащ, капюшон скрывал большую часть лица, видна была лишь ярко-рыжая борода.

— Пошли, — прошипела она, — время идет. А кроме того, если дедушка вернется прежде, чем мы закончим... Это, скажем так, грозит большими неприятностями.

— Мы готовы отправиться в путь по первому твоему слову, принцесса ха-Леви, — насмешливо произнес Иосиф.

Вытащив меч, она протянула его рабу. Он стал прямо перед ней и скрестил свой клинок с ее клинком. Она велела им мысленно представить себе четыре пентаграммы, которые она создала по направлениям четырех сторон света и соединила языками голубого пламени. Когда ритуал изгнания был окончен и Дина приступила к заклинанию, с помощью которого они должны были перенестись в астральную плоскость, Иосифу представилось, что он несется куда-то со скоростью света.

Все трое почувствовали, как некая могучая сила подбрасывает их вверх-вниз. Внезапно события приняли жуткий оборот. У Бубби вырвался страшный стон. Раб и девушка увидели, как внутри треугольника, с северной стороны кругов, материализуется кошмарный коричневый отросток, напоминающий ногу. Выросли три огромных пальца, похожих на когти дракона, и в мгновение ока ухватили Бубби за беззащитную босую ногу. Когти впились в плоть.

Меч в руке Иосифа ослепительно сверкнул. Но прежде чем клинок успел поразить вражескую лапу, появился Муса, демон, и одним пинком расправился с ней. Иосиф огляделся по сторонам. Лаборатория исчезла, и все трое оказались посреди огромного поля, поросшего необыкновенной

пурпурной травой. Меч юноши срезал верхушки нескольких травинок.

Незнакомая земля простиралась бесконечно далеко во всех направлениях. Небо имело бледно-лиловый цвет, но с него лилось не меньше света, чем с неба у них на родине. Дина прищурилась. Вдалеке били мощные источники, сверкавшие, словно бриллианты. Еще дальше она различила бесчисленное множество деревьев — они тоже блестели, как драгоценные камни. Она поняла, что странное ощущение напряжения где-то в животе возникло из-за ее неспособности воспринимать мир, не имеющий границ в пространстве и времени.

— Нет времени для мечтаний, девочка, — вмешался Муса.

Она с удивлением подняла голову. Зрение ее усилилось, как и слух. Зеленый демон держал в руках маленького Бубби. Гном корчил страшные рожи и подвывал, как обезумевший пес. Он дрыгнул ногой, Дина заметила, что уродливые алые отметины на его ступне начинают приобретать отвратительный зеленый цвет.

— Да. — Муса явно без труда читал ее мысли. — Это Азазель пытался вернуться в вашу лабораторию... *снова*. Помнишь первый раз? Наша гордая, *небрежная* маленькая волшебница чуть не освободила его — и какие неприятности это принесло ее бедному деду. Азазель знает, что на границе между мирами имеется слабое место — именно в магической мастерской Соломона. Могучий Соломон из древнего Израиля сковал его по рукам и ногам и изгнал. А теперь злодей хочет, чтобы его освободил другой Соломон... или его легкомысленная внучка.

Бесконечно пристыженная словами Мусы, Дина смолкла, повесила голову и изо всех сил пыталась подавить слезы. Она почувствовала, как на плечо ей, утешая, легла сильная рука Иосифа.

— Иосиф, быстрее беги к вон тому источнику и сунь острие меча под струю драгоценных камней. Но если тебе дорога жизнь, следи, чтобы вода не брызнула на тебя. — Муса указал на источник слева от них.

Через несколько минут Муса прижал Бубби к земле, а Иосиф прикоснулся острием меча, словно раскаленным железом, к гноящейся ране. Вспыхнул яркий свет, запахло горелым мясом, и рана исчезла. Муса неуловимым движением вскочил на ноги, нубиец спрятал меч в ножны. Демон закинул оцепеневшего Бубби себе на плечи и велел как следует держаться за волосы и ни в коем случае не отпускать. Когда Бубби завопил, желая узнать, что они с ним сделали, Муса шлепнул его по ноге и приказал замолчать. Гном и демон могли проскользнуть незамеченными, но джинны, которым принадлежало это царство, чуяли людей на больших расстояниях.

Муса приказал молодым людям залезть на его ступни и ухватиться за талию.

— Держитесь крепче, — напомнил он.

У них так резало в глазах, что пришлось зажмуриться. Они почувствовали, что с невиданной скоростью движутся вверх, затем вперед, потом пришло какое-то новое ощущение. Дине показалось, что они попали в вечно немую пустоту. Но она сознавала, что они летят все быстрее. Она чуть не поддалась неодолимому желанию закричать, затем поняла, что здесь не может родиться звук. И тут ее одолела тошнота, и ей показалось, что внутренности ее подпрыгнули и застряли в глотке. Они неслись к земле, словно огненный метеор.

Только что Дина летела вниз вместе с остальными — и вот она уже лежит на земле, сжимая в руке меч. Они приземлились... но где? Ее размышления прервал топот бегущих ног.

— Не забудь, что я говорил тебе, — прошептал Иосиф. Он обнаружился совсем рядом, размахивая мечом для разминки. — Следи за их глазами, а не за оружием. Когда я отвлеку их, бей по голеням или щиколоткам — этого достаточно, чтобы вывести их из строя. Никакого бессмысленного кровопролития.

— *Ты говорил мне?* — ошеломленно вскричала она, но было уже поздно — на них неслись двое стражников. Бубби повернулся к стене и вцепился в кирпичи. Он быстро

выставил ногу, и один из воинов, споткнувшись, полетел вперед и перекувырнулся через голову, и тут Иосиф, ударив плоской стороной меча, погрузил его в глубокий сон. Следующий стражник выбрал своей целью Иосифа и Дину, а Дина нацелилась на его щиколотку. Звон ее меча смешался с криком боли. Затем Иосиф как следует стукнул его, и он улегся рядом со своим товарищем.

Из-за угла показались еще четверо солдат. Бубби торопливо связывал валявшихся без сознания стражников по рукам и ногам их же собственными размотанными тюрбанами. Старший из солдат остановился, недоумевая, почему его павшие сотоварищи так странно подергиваются: разумеется, он не мог видеть гнома.

— Вот они! — выкрикнул глава отряда. — Хватайте их, чтобы не сбежали. Кади хорошо наградит нас.

И с радостным воплем он бросился вперед, на молодых людей, угрожающе размахивая мечом.

В этот миг тяжелая деревянная дверь темницы в конце темного коридора со страшным грохотом сорвалась с петель и сшибла с ног всех четверых врагов. Ударившись о дальнюю стену, дверь разлетелась в щепки. Пока воины стонали, лежа на земле, из дверного проема выползла виноградная лоза, похожая на змею, и с громким треском обхватила каждого из них за ногу. Солдаты оторвались от земли и со свистом пронеслись по воздуху, отправившись туда, где только что была дверь. Это произошло так быстро, что зрители заметили лишь какие-то неясные пятна. Хор воплей и криков внезапно стих.

— Что это было? — задыхаясь, вымолвил Иосиф.

— Думаю, это был Муса, — дрожа, отвечала Дина.

— Рад, что он в нашей команде, — добавил Бубби.

Неожиданно в дверном проеме вспыхнул свет; величественная, ослепительно сверкающая фигура, легко ступая, вышла в коридор, склонив голову, чтобы не задеть восьмифутовый потолок. Бубби взвыл, бросился за спину Дины и в страхе уцепился за ее колени.

— И опять ты не права, юная принцесса, — заявил призрак. — Но такая уж у тебя привычка — делать неосторож-

ные ошибки. Это не Муса, а его отец. Позволь мне представиться: Хутти, к твоим услугам. А что касается вон того жалкого червяка, прячущегося за женской... прошу прощения, за *мужскими* штанами, можешь сообщить ему, что я *не* в *его* команде.

— Меня зовут Дина ха-Леви, — ответила она, пытаясь выпрямиться во весь рост и обрести свое высокомерие, что было нелегким делом с гномом, повисшим у нее на коленях.

— Иудейского вероисповедания, я полагаю? — осведомился джинн.

Он едва не облизывался от удовольствия, буквально пожирая взглядом тело Дины. Дина кивнула.

— И к тому же очаровательная юная девственница, способная доставить море наслаждений... Очень молодая девственница, я бы сказал. — Хутти улыбнулся и отвесил восхищенный поклон. — Двенадцать, почти тринадцать, как я догадываюсь, а мои догадки всегда правильны. Я буду весьма рад *познакомиться* с тобой, моя дорогая.

— Послушай, ты, как тебя там, — крикнул Иосиф, наполовину вытащив меч из ножен. — Только тронь хоть волос у нее на голове, и ты ответишь...

Обернувшись, джинн уставился на Иосифа. Игривые искорки в его взгляде погасли, и глаза стали желтыми, словно топаз, холодными и гневными.

— Во-первых, я разговариваю не с тобой. Во-вторых, ты, должно быть, совсем глухой. «Как тебя там!» Ты не слышал моего имени? Какая жалость. Подобные вещи меня раздражают. МЕНЯ—ЗОВУТ—ХУТТИ. Х—У—Т—Т—И.

У Дины и Бубби при звуке его голоса заныли уши, хотя джинн говорил не слишком громко. Иосиф скорчился, упав на колени, и прижал руки к голове. Когда Хутти смолк, Иосиф убрал руки, но продолжал трястись всем телом.

— Вот так-то, — произнес джинн довольным тоном, — посмотрим, может быть, это поможет делу. Слышишь возню? Она доносится из вон той крошечной норы внизу стены. — Он указал куда-то, но в коридоре было слишком темно, и они, как ни старались, ничего не смогли разглядеть.

— Видимо, ты неполноценен в нескольких отношениях, — пробурчал джинн себе под нос. Он сделал жест в сторону Иосифа, и парень прижал одну руку к глазам, другую — к носу. — Ну а теперь ты видишь нору? — спросил Хутти. Нубиец опасливо кивнул. — Слышишь, что там происходит? — Тот снова кивнул. — А как насчет запаха?

Иосиф зажал нос — казалось, его сейчас вырвет.

— Ты не только услышал, как спариваются мыши, ты почувствовал их запах. Твои чувства обострились, и теперь ты сможешь принести больше пользы в таком опасном приключении. Сможешь лучше... э-э... защищать нашу прекрасную молодую принцессу... Верно?

Оглушенный Иосиф *потряс головой*.

— Большинство людей так смешны, правда? — обратился джинн к Дине, снова широко ухмыляясь. — Наделяешь их бесценным даром, а они просто кивают. Они умеют говорить «спасибо»? Дорогая моя, когда у тебя выдастся свободная минутка, постарайся немножко поучить его хорошим манерам, ладно?

Прежде чем разъяренный Иосиф нашелся что ответить, Хутти указал на двух стражников, которых связал Бубби, и щелкнул пальцами в сторону оставшейся без двери темницы. Иосиф взвалил на плечо одного и с помощью Дины и Бубби поднял другого. Затем все они последовали за джинном.

Внутри было темно, хоть глаз коли, но джинн указательным пальцем провел линию вдоль верха стены. Возникли тусклые огни, затем разгорелись ярче. Посреди комнаты без сознания лежали вповалку шестеро солдат. Напротив двери молча сидели три неясные вялые фигуры, прикованные к стене. Дина, всхлипывая, подбежала к ним. Ее отец и кузены обмякли, повесив головы, языки их посинели и распухли от жажды.

Хутти сунул ей в руку глиняный кувшин и деревянную ложку.

— Очень медленно, — тихо сказал он, — по нескольку капель, иначе они сильно захворают.

Появились еда и вино, стражников раздели и надели на пленников подходящую по размеру одежду. Моисей и кузе-

ны быстро приходили в себя. Дина решила, что это действие искристого прозрачного напитка — возможно, это было не вино, как ей показалось сначала.

Хутти отослал Иосифа и Бубби с поручением, затем остановился посредине камеры, подперев рукой подбородок. Дина внезапно поняла, что видит лишь тело — дух его пребывал в совершенно иной сфере. Она внимательно, изучающе осмотрела его, не выпуская холодную, безвольную руку отца.

Блестящие темные волосы Хутти, отливающие медью, волнистыми прядями падали на плечи. Лоб украшали два великолепных золотых рога. Его совершенное тело было покрыто полупрозрачной бледно-зеленой кожей, украшенной сложным узором — переплетением золотых линий. Кое-где виднелись блестящие серебряные точки — все это явно было проявлением невероятно мощной энергии, исходившей от него.

Внезапно в коридоре, ясно видимая через дверь, возникла высокая, очень худая фигура, закутанная в широкий плащ с капюшоном, скрывавшим лицо. Из рукава высунулись длинные костлявые пальцы и сделали знак Дине. Хутти не замечал пришельца. Она прошла мимо джинна, и ей показалось, что он не дышит. Она покинула тюрьму, а он даже не пошевелился.

Дина не помнила, как одолела последние ступени; она споткнулась и упала бы, если бы ее не подхватили сильные руки. Она не слышала шагов незнакомца, но тот перенес ее от двери в дальний конец коридора. Дина подняла взгляд. Капюшон упал, и перед ней открылось самое прекрасное лицо, которое ей когда-либо доводилось видеть. Правильные черты, длинная рыжая борода, местами выгоревшая до белизны под лучам тысячи солнц. Это было совершенное, безмятежное лицо, и ей хотелось наслаждаться его созерцанием бесконечно. Человек с чарующей, почти божественной внешностью взял ее ладони в свои.

— Меня зовут Иса бен Мариам, — прошептал он. — Я пришел сюда, чтобы помочь тебе... и очень скоро моя помощь тебе понадобится.

— Иса — бен — Мариам? — выдохнула она, едва в силах выговорить слова. — Ты мессия язычников, про тебя говорят, что ты сын...

— Нет, нет, — улыбнулся он, но губы его не шевельнулись: слова его звучали в ее сознании. — Того, кого ты имеешь в виду, зовут Исгошуа ха-Машиа... по-арабски это звучит как Иса бен Мариам. Но я другой Иса, и моя духовная мать — другая Мариам.

— Тогда ты мусульманин? — пронищала она.

— Я верю в истинного бога, как и ты, Дина. Ничто не разделяет нас, поверь мне. Великий святой, мой крестный отец, очень озабочен твоим благополучием. Ты сильно напоминаешь ему его внучку, когда она была в твоем возрасте. Понимаешь ли, один джинн похитил ее и взял силой, после чего она произвела на свет демона, Мусу. Жизнь ее разбита, и мой крестный не хочет, чтобы то же случилось и с тобой.

— Это был тот самый джинн? — Она указала в конец коридора, не в силах совладать со своим голосом. Высоко подняв брови, он утвердительно кивнул. — О-о-о...

Ей стало дурно, и она рухнула бы на землю, если бы Иса не поддержал ее.

— Вот, — произнес он, сунув ей в руку небольшую вещицу.

Взглянув на нее, она увидела крошечную коробочку, составленную из шестиугольников, соединенных между собой. Из нее исходил слабый свет, словно внутри находилось нечто эфемерное, какая-то сила, пойманная в плен, решила Дина. Сфера, которая пульсировала, жила собственной жизнью.

— Эта сфера живая, как кожа Хутти, — прошептала она.

— Они похожи внешне, — согласился Иса, — но совершенно различны по природе. Именно это различие защитит тебя в решающие минуты.

— Минуты? — взволнованно переспросила девушка. — То есть их будет... несколько?

— Муса, который до сих пор вел себя вполне неплохо и разумно, если учесть, что он демон, решил, что спасение

твоей семьи ему не по силам. И он позвал на помощь Хутти, своего отца. Это значит, что они оба потребуют в качестве вознаграждения благосклонность молодой девственницы, то есть твою, — печально вздохнул Иса.

— Ох! — Дина задрожала, словно перепуганная собака. — Но как *это* может... Что мне делать с *этим*?

— Когда придет час, — нараспев произнес он, — положи это под язык и держи, пока не почувствуешь, что оно раскалилось. Затем стисни его между зубами и сожми губы так, чтобы воздух выходил только через шестиугольники.

— А чем это может мне помочь? — Волосы у нее на голове зашевелились от ужаса.

— Тебе известно, где мы находимся? — мягко спросил Иса. Она отрицательно покачала головой. — Мы в темнице дворца халифа, в Багдаде. До Гранады путь неблизкий, верно? Чтобы вернуться домой так же быстро, как вы попали сюда, вам придется пересечь ту же астральную плоскость. На пути домой вас встретят и быстро похитят. Ни Хутти, ни Муса даже не заметят, что вы исчезли.

— А кого я встречу... то есть кто похитит меня? — запинаясь, спросила Дина.

— Анвар, мой святой духовный отец, или Аиша. Она самая свирепая из женщин-джиннов, даже Хутти боится ее. Однако именно она является матерью его сына-джинна. И... ангелом-хранителем Анвара. Она хорошо позаботится о тебе.

— Но... но...

— Тс-с... — успокоил он ее. — Спрячь талисман в карман как можно тщательнее. И спрячь свой и Иосифа мечи подальше. Их украл для вас из этой самой сокровищницы очень, очень храбрый маленький гном Бубби. И они действительно волшебные.

Не успел в ее мозгу родиться следующий вопрос, как Иса исчез, а она обнаружила, что сидит на жесткой скамье в темнице с выломанной дверью. Отец и кузены по-прежнему пребывали в трансе, а Хутти не сдвинулся с места.

Услышав доносящийся снаружи шум, Дина обернулась. Появились Иосиф и Бубби, нагруженные кипами богатой одежды.

— Отлично, — рявкнул Хутти, внезапно вернувшись к жизни, — давайте снимем с бывших пленников их платье и переоденем их. В самую роскошную одежду.

Дина и ее друзья бодро принялись за дело, подгоняемые потоком приказаний гигантского джинна. Когда Моисей и его племянники были облачены заново, на лежавших в обмороке часовых надели одежду узников.

— Что случилось с моим отцом и кузенами? — воскликнула Дина, уставившись на Хутти. — Они ведут себя как лунатики.

— Именно так, — вежливо согласился Хутти. — Если хочешь, чтобы они выбрались отсюда неузнанными, нельзя, чтобы у кого-то из них вырвалось неосторожное слово. Оказавшись в безопасности на пути домой, они снова станут нормальными людьми. — Хутти уперся кулаками в бока и издевательски засмеялся. — Ты ведь хочешь, чтобы они без приключений добрались домой, а? Со всеми сокровищами, которые они везли в Гранаду?

— Разумеется, хочу... Я пришла сюда именно за этим...

— Тогда представь, что произойдет с нашим замечательным планом, если эти два дебила, твои кузены, выдадут себя. Все вы вернетесь сюда в цепях — вот что будет.

— А что мы теперь будем делать? — прошептала она; гнев сменился восхищением.

— Соблазн. Мы соблазним коротышку-судью, кади халифа. Мы ослепим его невероятным сокровищем. И сделаем его новым багдадским халифом. Ни о чем не беспокойся, просто смотри и молчи. Думаю, ты будешь ослеплена. — Хутти улыбнулся, довольный собой и своим превосходным планом.

Джинн оторвал от стены цепь и легко раскрыл железный ошейник. Затем он просунул в кольцо голову, снова скрепил его и швырнул конец цепи к ногам Моисея. Он пристально взглянул на Моисея, затем на кузенов.

— Понятно? — спросил он вслух.

Все трое кивнули.

Моисей поднял цепь и сильно, повелительно рванул. Хутти согнулся, пополз на четвереньках, ластясь, как со-

бака. Затем трое людей вывели внезапно превратившееся в паяца существо прочь.

Бубби прыгал с ноги на ногу, каждый раз едва не ударяясь о потолок.

— Зачем Муса сделал это, зачем он позвал своего отца? — Гном ломал руки. — Муса мне кое-что должен, он не осмелился бы требовать у Дины э-э... платы. Хо-хо, что же нам теперь делать, от Хутти так просто не избавишься.

Иосиф похлопал по эфесу меча. Дина скользнула в складки одежды и нащупала карман, где лежал талисман.

Они не успели обменяться ни словом: послышался страшный шум, усиленный топотом множества ног по коридору. Они слышали стук сапог, звон мечей о стену и голоса, пытающиеся перекричать друг друга.

Дину как будто поднял кто-то: она обнаружила, что сидит на скамье рядом с Иосифом, а рядом с ними — заколдованные стражники. Они тоже притворились бесчувственными, а Бубби спрятался под скамью, ухватившись за край плаща Дины.

— ...И все это ты сейчас увидишь,— торжественно произнес Моисей, появляясь в полном великолепии.

Дина взглянула на него с восхищением. Прежде чем продолжать, он едва заметно подмигнул ей. «Вот это да, — подумала она, — он похож на короля, высокий, как его отец, Соломон, и в черной бороде виднеется всего лишь несколько серебряных нитей».

В камеру вошел низенький полный человечек, вокруг засуетились слуги, устилая пол коврами и расставляя повсюду диваны и столики со сластями.

— Кади, — обратился к нему Моисей с высоты своего царственного роста,— если ты примешь наше предложение и займешь недавно освободившийся трон халифа, ты получишь одно из величайших сокровищ мира.

Моисей очаровал слушателей сказкой об ограблении храма царя Соломона, где хранился невиданный клад. Если кади взойдет на трон, клад будет принадлежать ему. Все, что ему нужно сделать,— это освободить несчастных, захваченных в плен купцов и вернуть им товары и неволь-

ников. Он сделал величественный жест в сторону сидевших на скамье.

В этот момент на пороге торжественно возникли кузены, Абрахам и Ихабод, волоча за собой на цепи Хутти.

Кади вздрогнул и отступил, испугавшись чудовища.

— Ты совершенно уверен, что халиф — э-э... бывший халиф был осужден и приговорен к смерти за... ересь? — спросил он высоким пронзительным голосом.

— Я видел его вот этими самыми глазами. Его схватили на корабле, шедшем из Мекки, и доставили в цепях в Басру. — Моисей взял у мальчиков цепь и подтащил Хутти поближе.

— А теперь, добрый господин, мы должны отправляться в обратный путь, времени у нас мало. Соблаговолишь ли ты дать нам свой ответ?

Кади нервно облизнул губы и взглянул на джинна. Хутти издал низкий горловой звук и выплюнул рубин размером с большую дыню. Камень покатился по грязному полу, отбрасывая на стены ярко-алые лучи. Кади наклонился вперед, в глазах его зажглась алчность. И он кивнул.

— А теперь ты, наглое создание, которое я связал обязательством с помощью силы, дарованной мне Соломоном, уступи то, что ты обещал отдать в обмен на свою свободу. Немедленно, я приказываю тебе!

Хутти, волоча ноги, вышел вперед, мотая головой, гротескно высунув язык. Затем он начал вдыхать воздух. Он становился все больше и больше, заполнил все помещение, и слуги вынуждены были выбежать на улицу. Затем раздался рев такой силы, словно с черного неба ударили тысячи молний. Дальняя стена рухнула и превратилась в груду пыли.

У всех вырвался изумленный вздох: из двери темницы хлынула гигантская волна золота, драгоценных камней, корон и серебряной посуды. Сокровища сыпались и сыпались, и груда их росла. Новый халиф восседал на кушетке, поглаживая огромную корону, инкрустированную изумрудами и алмазами. Стражники, переодетые купцами, потянулись к выходу, за ними последовали Бубби, Дина и Иосиф —

молодые люди уже успели спрятать под одеждой драгоценные мечи.

Моисей, стоя в дверном проеме, властным голосом произносил предостережение. Он предупреждал, что, если кто-нибудь попытается нарушить соглашение, огромный сверхъестественный монстр вернется, сокровище исчезнет и все они обратятся в камень.

Моисей присоединился к ним за стенами дворца, у ближайших ворот. Появилась целая армия верблюдов и лошадей; верблюды были нагружены сокровищами, захваченными коварным кади без ведома халифа. Дина обнаружила, что сидит на верблюде, не имея ни малейшего представления о том, как попала туда. Она решила, что лучше будет не удивляться и не задавать вопросов, а просто принять факт: там, где действуют джинны и демоны, нельзя отличить реальность от миража.

— Готова?

Подняв взгляд, она увидела Хутти — он по-прежнему возвышался над ней, словно она не сидела верхом, а стояла на земле.

— Отец и кузены свободны, несметные сокровища снова в семье, верный нубиец с волшебным мечом защищает их на долгом пути домой. Чего еще желать, моя прекрасная принцесса?

Хутти ухмылялся, глядя на нее с жадностью, словно кот на канарейку.

— А почему нам не отправиться домой вместе... тем же путем, каким мы пришли сюда? — Она обращалась к Хутти, но взгляд ее был прикован к Иосифу.

— Лишь те, кто попал сюда сверхъестественным образом, могут вернуться назад так же. Ты можешь взять с собой Иосифа, но кто тогда защитит твою семью? — Хутти добродушно рассмеялся.— Бедная Дина. Не волнуйся, они найдут быстроходный корабль и будут дома меньше чем через два месяца.

Она знала, что спорить бесполезно. Хутти играет с ней, она это чувствовала.

— А что с тем сокровищем, которое, как ты сказал, похищено из храма в Иерусалиме? Оно уже исчезло?

— Неужели ты настолько же наивна, как твой нубийский герой? Оно будет на месте до полуночи завтрашнего дня. Муса получил указания вернуть его на... хм-м... обычное место. К тому времени твоя семья окажется вне пределов досягаемости.

— А тот человечек? Я не верю в эту историю с халифом, которую рассказал мой отец, это твоя выдумка. Что с ним станется?

Хутти понял, что она действительно озабочена.

— У тебя голова набита финиковыми косточками, — сухо заметил он. — Этот «человечек», как ты его мило называешь, захватил твоего отца и его караван за спиной халифа. Он не заслуживает твоего слезливого сочувствия. Но не беспокойся, его заблаговременно предупредят, чтобы он успел сбросить свой новый наряд и оставить новые манеры к тому времени, как вернется аль-Аббаси, настоящий халиф. Возможно, эта история послужит нашему маленькому жадному судье уроком, который он не скоро забудет.

— О... — Дина почувствовала себя униженной. Она снова подняла глаза на Хутти, и на ее лице появилось озадаченное выражение. — Ну а что теперь?

— Подожди, ты все узнаешь, — загадочно ответил он. — Как бы там ни было, я с нетерпением жду нашей следующей встречи.

Она не успела задать новый вопрос: вспыхнула голубая молния, и Хутти исчез. Но послышался его голос, он обращался к Иосифу.

— Слушай внимательно, Иосиф, — окликнул его Хутти. — Идите прямо, никаких ненужных остановок, животным долгое время не понадобится ни вода, ни корм. Пересечете реку чуть ниже Хита, но не южнее. Дальше двигайтесь как можно быстрее к оазису Гадир-ас-Суфи. Там ненадолго остановитесь, подкрепитесь и идите к оазису Бир Седжри. Обойдите Дамаск с юга и направляйтесь к Тиру — там вас ждет очень быстрый корабль. Эти стражники очнутся через несколько часов после вашего отъезда. Верблюд Дины отвезет их обратно в Багдад.

Последовала очередная голубая вспышка, Дину с Бубби подхватила какая-то сила и с головокружительной скоростью швырнула в небо.

Совершенно чужая местность неожиданно возникла у Дины перед глазами; она была великолепна и сверкала так ярко, что Дина на мгновение ослепла. Да, та же пурпурная трава, мерцающие деревья с бриллиантами вместо плодов, свод залитого светом лилового неба над головой. Пейзаж был слишком необычен, чтобы его можно было охватить одним взглядом. По пути в Багдад они проезжали его так быстро, что тогда она не смогла разглядеть ни малейшей подробности. Протестующий визг Бубби вывел ее из задумчивости.

Неожиданно появившийся Муса крепко держал извивающегося гнома поперек туловища. Совершив гигантский прыжок, демон поднялся над землей, и его голова словно пробила дыру в некоей стене. Голова скрылась, за ней последовало тело, и когда Дина, очнувшись, закричала и попыталась подпрыгнуть и схватиться за ноги, демона и след простыл. Рухнув на землю — падение было весьма болезненным, — она услышала тихий смешок.

— Спешишь меня покинуть? — дразнил ее Хутти. Он возник из-за ближайшего дерева, держа в руке горсть сверкающих фруктов. — Не пытайся следовать за Мусой, здесь ты в большей безопасности. Он еще молод и горяч. *Я* позабочусь о тебе.

Дина отскочила назад и выхватила меч, целясь ему в пах.

Хутти швырнул бриллианты через плечо и весело хлопнул руками по коленям.

— Ты собираешься разрубить меня пополам? А может быть, снести мне голову? Моя дорогая, ну почему вы, женщины, так утомительны? Что такое девственность? Маленький недостаток, ничего больше. И мы его сейчас исправим. Раздевайся!

— Не дождешься! — вызывающе крикнула она, подняв острие меча к его сердцу.

Длинное покрывало, закрученное вокруг ее головы, словно сорвало ураганом. Конец покрывала зацепился за меч и вырвал его из рук Дины, унес ножны; ее плащ и нижнее белье улетело прочь. Оружие, одежда и предательский тюрбан приземлились, сложившись аккуратной кучкой, на верхней ветке дерева над головой Хутти.

Внезапно оставшись обнаженной, она задохнулась, затем пронзительно вскрикнула и присела на корточки, одной рукой прикрыв пучок ярко-рыжих волос, другой — маленькие, но прекрасной формы груди. Девушка жалобно всхлипывала; джинн покачивался на пятках и хохотал.

Взглянув вверх, Дина заметила, что на дереве, на ветке, ниже той, на которой лежала одежда, возникла смутная фигура. Глаза Хутти, горевшие безумным желанием, были прикованы к девушке. Бесплотная рука вытянулась, держа небольшой кувшин. Несколько крошечных капель, подобных алмазам, упало на макушку Хутти. Он явно ничего не замечал. Но капли воздействовали на его ноги. Колени джинна задрожали, затем подогнулись, и через мгновение огромное тело распростерлось на земле. Послышался негромкий, счастливый храп.

Появилась вторая призрачная рука, она все вытягивалась и вытягивалась. Дина почувствовала, как ее осторожно подняли и посадили на ветку. Рядом с ней из ничего материализовался сияющий ангел. С крыльями.

— Меня послал Анвар, — объявило божественное видение, — помочь тебе преодолеть это испытание. У нас много дел и мало времени, эти несколько капель из Источника Забвения лишь ненадолго удержат моего супруга в стране грез.

Дина ощутила всепоглощающее блаженство, оно заполнило все ее существо, словно сам Господь благословил ее. И лишь спустя несколько мгновений она заметила, что держит в ладони небольшой предмет, похожий на жемчужину.

— Мы должны поместить это в твое самое сокровенное место, дорогая. Анвар, крестный отец Исы бен Мариам и прадед Мусы, — говорит, что тебя нужно уберечь от судьбы, постигшей его возлюбленную внучку. Ты должна но-

сить это всегда, за исключением определенных дней месяца. Да, Хутти — мой муж. Но по земным меркам он может быть весьма опасен. Женщина, ставшая матерью демона, навеки изгоняется из любого общества.

Дина попыталась протестовать, но Аиша, так звали женщину, обладала такими осторожными, нежными руками, что девушка ничего не почувствовала. Аиша протянула ей крошечную шестиугольную коробочку, которую Дина спрятала в складках своего плаща. Дина уже не удивлялась — она поняла, что Аише доступно все, абсолютно все.

В следующую секунду они стояли на поляне далеко от спящего Хутти.

— Когда мы вернемся, Хутти проснется и попытается на тебя напасть. Ты можешь предотвратить это лишь одним известным способом: ты исполнишь Высший Ритуал. — Аиша ободряюще улыбнулась девушке, которая почти поддалась панике.

— Высший Ритуал? Я? Что... что такое Высший Ритуал? — взмолилась Дина.

— Да, ты... Я научу тебя. Ни в одном языке не найдется слов, чтобы описать Высший Ритуал. Но когда ты выполнишь его, результат будет очевиден. Это все, что тебе нужно знать.

Аиша издала вибрирующий горловой звук. Дине вспомнились птицы, песни, прекрасная музыка, исполняемая на струнах множества инструментов. Ничто не могло описать это. Как бы она ни старалась, она просто не могла воспроизвести этот звук. Тогда Аиша легонько прикоснулась к ее горлу кончиками пальцев, и Дина почувствовала, как в ее гортани что-то расширяется, и, не успев понять, что происходит, издала тот же самый звук.

— Для того чтобы придать ему полую силу, — объяснила Аиша, — ты должна поместить талисман, который дал тебе Иса бен Мариам, в рот, чтобы звук прошел сквозь шестиугольники, вокруг призрачной сферы, находящейся в коробочке. А теперь приступим к танцу.

Дине казалось, что тренировка заняла бесконечные часы, но Аиша уверила свою ученицу, что по земному вре-

мени протекло лишь несколько минут. Дина чувствовала, что тело Аиши было слишком прекрасным, чтобы описать его словами. Как сможет она сама, тоненькая, не полностью сформировавшаяся женщина, воспроизвести эти навязчивые эротические движения?

— Прекрасно, моя дорогая, — заверила женщина-джинн утомленную девушку. — Хутти даже не успеет понять, в чем дело. Он никогда не забудет этого. Он будет проводить бесконечные часы, мечтая, чтобы это повторилось снова. Вот увидишь.

— О, Аиша, если это на самом деле так, то я никогда не буду в безопасности, — простонала девушка.

— Все будет в порядке.

Аиша объяснила, что в будущем в случае возможных поползновений Хутти Дине нужно будет лишь предупредить его, что Высший Ритуал можно выполнять лишь в новолуние во время летнего солнцестояния. И сделать это может лишь девственница, к святая святых которой не прикасался ни один мужчина. Это заставит его прекратить свои домогательства. Тем не менее осторожность требовала, чтобы она не забывала о защитной вещице, которая находилась в этой самой святая святых.

Мгновение спустя они снова очутились у распростертого тела Хутти. Фигура Аиши начала таять. Дина сделала глубокий вдох и тоскливо оглянулась на свою одежду. И тут, почувствовав резкий шлепок по заду, она подскочила.

— Ну что, Хутти, ты готов? Не люблю, когда меня заставляют ждать, красавчик!

Не успела она произнести эти слова, как одежда ее упала на землю, по-прежнему аккуратно сложенная в стопку.

Хутти сел, ошеломленно моргая и протирая глаза.

— Сюда. — Она похлопала по груде тряпок. — Клади голову на мою благоуханную одежду, вытянись во весть рост, чтобы я смогла дотянуться до каждой точки твоего прекрасного тела, и я докажу тебе, как сильно я желаю тебя, мой сказочный возлюбленный.

Он подпрыгнул на месте и приземлился точь-в-точь как она сказала, голова его оказалась на ее одежде. Дина со-

блазнительно вытянулась, покачиваясь и изгибаясь при этом. Из талисмана доносились звуки, сначала тихо, затем все громче и громче, они манили, проникали в мозг, завлекали джинна смотреть, как она танцует.

Ее неистовые телодвижения, могучие звуки талисмана вскоре заставили его с ревом молить о продолжении. Дина повысила голос, и с неба ударили молнии, они били все чаще, все сильнее гремел гром, и наконец стало казаться, что вот-вот — и астральный мир разорвет на части.

Тело джинна странно подрагивало, словно кто-то с неба дергал его за невидимые веревочки. Он сморщился, уменьшился в несколько раз, затем с грохотом рухнул наземь. Руки и ноги его изгибались под странными углами, но не успела Дина испугаться, как заметила у него на лице выражение полного блаженства.

— Бери одежду, нам пора, теперь очередь Мусы получить свою плату, — приказал бесплотный голос Аиши.

Рядом обнаружился Бубби, прямой, словно палка, глаза его были закрыты. Едва слышно хихикнув, Аиша сообщила Дине, что он в трансе и очнется лишь когда окажется дома, в безопасности.

— Ох, Аиша, я не в состоянии снова пройти через это, у меня сил больше нет! — воскликнула Дина. Затем она ощутила на лбу прикосновение губ Аиши, и тело ее наполнилось новой энергией. — Пошли, — сказала она. — Думаю, на этот раз мне самой понравится.

Зажав под мышкой одежду, другой рукой она ухватилась за Аишу, моргнула — и оказалась в просторном зале. Дворец, решила она, разглядывая ковры, мебель и украшения. Затем она увидела демона, лежавшего на спине головой к ней. У нее перехватило дыхание, когда она заметила, что он находится в состоянии сильнейшего возбуждения.

— Почему ты так долго? — проревел он, и желание его явно вспыхнуло еще сильнее. — Что, отец все так же ненасытен, моя прекрасная бывшая девственница?

— Хватит тратить время зря, — крикнула в ответ Дина. — Ложись сюда, чтобы мои голодные, жадные руки могли достать тебя, мой очаровательный зеленый негодяй. —

Ее волнообразные движения и звуки, издаваемые талисманом, были под стать изображаемой ею страсти.

Дина села, выпрямившись, в своей собственной кровати. Воспоминания нахлынули на нее. Бубби угодил в сад и исчез под землей, бормоча что-то насчет Момо, которая пустит его кишки на подвязки. Затем Аиша, Аиша... но все, что она могла вызвать в воображении, — это лишь ощущение экстаза, когда сознание и душа ее слились с окружающим миром, и ей казалось, что на короткие мгновения она очутилась в раю. Она услышала скрип двери, двери в комнату ее деда... Господи! Она давно дома и даже не подумала о нем...

Завернувшись в шелковую простыню, Дина сбежала по ступеням и бросилась к спальне Соломона. У двери, услышав какие-то странные звуки, она остановилась. В этот миг локтя ее коснулась призрачная рука.

— Твой любимый дед сегодня вернулся домой после долгого и нелегкого путешествия. Хенци искупала его в теплой кухне, а сейчас твоя служанка Фарида умащает его разогретыми маслами, чтобы облегчить боль в его старом теле. Он заслуживает этого небольшого удовольствия. Будь снисходительна и подожди до утра, когда он как следует отдохнет.

И Аиша снова исчезла. Дина помедлила — ей ужасно хотелось повидать Соломона, — но затем она повернулась и отправилась обратно к себе.

— Что это было за безумное наваждение с Ависагой Сунамитянкой? — прокаркал Соломон, наслаждаясь, пока его тело растирали теплыми благовониями.

— Она была молоденькой хорошенькой девственницей, ее привели к царю, чтобы она возлегла ему на грудь и вернула ему прежний огонь, — объяснила Фарида. Прежде чем он смог что-либо возразить, она очутилась в кровати, пытаясь лечь на него.

— Господь, спаси меня, — выдохнул он.

— Я так сильно похудела, только чтобы сделать приятное... тебе, — возразила она.

— А еще кому? — спросил он с ноткой сарказма.

— Ты не считаешь меня молоденькой и хорошенькой? — прошептала она ему в ухо, соблазнительно извиваясь всем телом.

— Хорошенькой — да. Но вопроса о девственности касаться не будем.

— Но ведь я практически девственница... почти... — Ее тихий плач грозил перейти в отчаянные рыдания.

— Хорошо, хорошо, не плачь, можешь остаться еще на несколько минут, пока слезы не высохнут, — уступил он.

Вытянув руку, чтобы ободряюще похлопать ее по спине, он промахнулся и обнаружил, что поглаживает ее по заду. Реакция опеломила его самого: он думал, что давным-давно не способен на такие вещи. Она соблазнительно приподнялась, и рука его скользнула между ее бедер.

— Это что еще такое! — воскликнул он. — Ты христианка, служишь у евреев в домс и бреешь волосы, как мусульманка?

— Не бей меня, хозяин. В этом сумасшедшем месте приходится быть готовой на все для всех, — сообщила она, довольно откровенно для почти девственницы.

— Ну что ж, — строго заметил он, не отпуская руку... — Надеюсь, ты не была готова на все для слишком многих, моя дорогая, потому что существуют такие болезни, которые даже мне не под силу излечить.

ТЕРРИ ДЖОНС

Звезда нашей фермы

Терри Джонс (Terry Jones, род. 1942) всегда будет известен как один из участников комик-группы «Монти Пайтон» *(Monty Python), хотя его творческая деятельность была намного шире. Среди его сочинений достаточно академическое* «Рыцарь Чосера» *(Chaucer's Knight, 1980) и замечательные сборники рассказов* «Сказки» *(Fairy Tales, 1981) и* «Фантастические истории» *(Fantastic Stories, 1992). Вот один из его любимых рассказов из последнего сборника.*

Жил-был пес, который умел исполнять просто удивительные трюки — мог стоять на голове и лаять «Собачью хоровую», одновременно подкидывая задними лапами восемь мячей, а передними играя на скрипке. Но это лишь один из трюков.

Другой заключался в следующем: он сжимал зубами собственный хвост, потом колесом катился по двору фермы, удерживая на лапах два длинных шеста, на концах которых балансировали корова Маргаритка и старая ломовая лошадь. И все это время рассказывал потрясающе смешные истории, которые выдумывал на ходу.

Однажды Шарлемань, петух, сказал псу Станиславу:

— Зря ты, Стэн, время тратишь, показывая свои удивительные трюки на этой старой ферме. Тебе надо поехать в Большой Город или поступить в цирк.

И однажды, ярким весенним утром, пес Станислав и петух Шарлемань отправились на поиски счастья в Большой Город.

Шли они долго и наконец оказались на ярмарке. Люди торговали там всем, что только можно себе вообразить. А еще там была сцена, на которой выступала труппа бродячих музыкантов.

И петух Шарлемань подошел к главному этой труппы и сказал:

— Слушай-ка, добрый человек, у тебя сегодня счастливый день, потому как ты видишь перед собой самого талантливого, самого удивительного жонглера, акробата, чревовещателя, комика и артиста самого широкого профиля на всей нашей ферме... да и на любой другой... Станислав!

И Станислав, который все это время застенчиво рассматривал свои лапы, низко поклонился.

— Ты что, читать не умеешь? — спросил главный. — Вход с собаками запрещен!

И без дальнейшего шума петуха Шарлеманя и пса Станислава вышвырнули.

— Ну и ладно! — сказал Шарлемань, стряхивая с перьев дорожную пыль. — Ты слишком хорош для труппы бродячих музыкантов.

Станислав с трудом вылез из канавы. Он был весь в грязи. На своего друга он смотрел жалобно.

— Я устал, — сказал он. — Хочу домой, к своему хозяину.

— Выше нос, друг мой! — отвечал петух Шарлемань. — Мы идем в Большой Город, где красивые дамы и господа увешаны бриллиантами, где герцоги и графы щеголяют рубинами и изумрудами и где улицы выложены золотом. С твоими-то талантами... да ты вмиг их завоюешь. И мы станем богатыми!

И петух с псом снова вышли на длинную, грязную дорогу, которая вела в Большой Город.

По пути им случилось пройти мимо цирка. Петух Шарлемань подошел к дрессировщику, который как раз учил львов стоять на задних лапах и прыгать через кольцо.

— Послушай-ка, добрый человек, — сказал петух Шарлемань, — тебе больше не придется заниматься такими глупостями! Позволь представить тебе самого искусного акробата и жонглера, который может не только стоять на задних лапах, но и прыгнуть через пятьдесят таких колец... спиной... и одновременно удерживать на носу одного из

твоих львов... и все это на высоко натянутой проволоке... без сетки!

— Я занимаюсь только львами, — ответил дрессировщик.

— Но у пса Станислава больше таланта в задней правой ноге, чем у всех твоих львов!

— Это лучшие цирковые львы! — воскликнул дрессировщик. — А тебя и твою собаку они съедят на ужин и глазом не моргнув. Кстати, им самое время подкрепиться.

И он протянул руку, чтобы схватить петуха Шарлеманя. Пес Стэн, увидев, как оборачивается дело, ущипнул дрессировщика за ногу.

— Беги, Шарлемань! — закричал он.

И Шарлемань побежал что было сил, а Стэн тем временем принялся прыгать и кусать других людей за пятки, поскольку все работники цирка выскочили на дорогу, чтобы прогнать их.

— Помогите! — кудахтал Шарлемань, а работники цирка почти догнали его и уже протягивали руки, чтобы схватить его за шею.

Но пес Стэн крутился у них под ногами, и они спотыкались о него.

И тут он сказал Шарлеманю:

— Прыгай мне на спину! Я бегаю в четыре раза быстрее, чем эти клоуны!

И они убежали, при этом петух Шарлемань крепко держался за спину пса Стэна.

Той ночью они спали под забором. Петух Шарлемань ужасно нервничал, но пес Стэн прижался к своему другу, защищая его. Правда, и сам Стэн был не очень-то счастлив.

— Я голоден, — бормотал он, — хочу домой к своему хозяину.

— Выше нос! — сказал Шарлемань. — Завтра мы придем в Большой Город, где оценят твои таланты. Забудь про этих деревенщин. Говорю тебе — слава и деньги ждут тебя и...

Но его друг уже спал.

И на следующий день они добрались до Большого Города. Поначалу шум и толкотня привели их в ужас. Не раз

приходилось им отпрыгивать в канаву, чтобы на них не насхала повозка или экипаж, а когда кто-то вылил ночной горшок из окна на улицу и его содержимое попало прямо на них, они оба промокли.

— О господи, как же я скучаю по ферме, — сказал пес Стэн. — Нас никто здесь и знать не хочет.

— Приободрись! — вскричал Шарлемань. — Прорвемся! До самой вершины доберемся!

И постучал в ворота дворца архиепископа.

Вышло так, что архиепископ в тот самый момент как раз собирался покинуть дворец, и когда слуга открыл ворота, архиепископ увидел на пороге петуха и пса.

— Ваше преосвященство! — сказал Шарлемань, низко поклонившись слуге. — Позвольте представить вам самого удивительного вундеркинда нашего времени — пса Станислава! Он делает трюки, которые могут показаться невозможными! Это и вправду чудо...

— Убирайтесь! — сказал слуга, который от удивления не сразу заговорил. А потом начал закрывать ворота.

Но петух Шарлемань неожиданно вышел из себя.

— Да послушайте же! — вскричал он и налетел на слугу, выставив вперед шпоры.

Слуга до того изумился, что упал навзничь, а петух Шарлемань вскочил ему на грудь и закричал:

— Этот пес — гений! Ни на одной ферме, кроме нашей, такого нет! Дайте же ему шанс показать себя!

И пес Стэн, крадучись, неуверенно зайдя в холл, начал выделывать разные трюки — стоять на хвосте, жонглируя ценными китайскими украшениями (он успел схватить их со шкафа, который оказался рядом), одновременно лаять «Собачью хоровую», — которые обычно особенно хорошо принимали свиньи.

— Мой фарфор! — закричал архиепископ. — Немедленно остановите собаку!

И несколько слуг архиепископа набросились на пса Стэна. Но Стэн ловко увернулся и, схватив архиепископскую митру, поставил на нее древнюю редкую вазу династии Мин и принялся ею жонглировать.

— Ну не велик ли он?! — воскликнул петух Шарлемань.

— Хватайте его! — закричал архиепископ, и слуги схватили Шарлеманя.

— Но вы посмотрите на пса! — кудахтал петух. — Неужели не видите, как он велик? Умеет ли кто другой так жонглировать?

Но тут — вот незадача! — в холл, услышав весь этот шум, сбежались все дворецкие, горничные, кухонная прислуга и садовники. Поначалу они в ужасе смотрели на происходящее — на лающую собаку, балансирующую на хвосте и жонглирующую самыми ценными предметами из драгоценной архиепископской коллекции фарфора.

— Остановите его! — снова закричал архиепископ.

И без дальнейших указаний все набросились на беднягу Стэна, а тот исчез среди размахивающих рук и бегающих ног. Как результат, весь самый лучший фарфор архиепископа, разумеется, разбился об пол и разлетелся на мелкие осколки.

— Посмотрите, что вы наделали! — завопил Шарлемань.

— Посмотрите, что мы наделали! — воскликнул архиепископ. — Послушайте! Вы оба грязные, у вас такой вид, точно вы спали под забором, от вас несет содержимым ночного горшка, и вы осмелились ворваться в мой дворец и разбили мой лучший фарфор! Что ж! Придется вам заплатить за это! Бросьте их в мою самую жуткую темницу!

И только слуги архиепископа было собрались сделать это, как сверху послышался чей-то Глас.

— Прошу всех помолчать! — сказал Глас.

Все замерли. И Глас продолжил:

— Неужели вы не знаете, кто я? Архиепископ! Какой стыд! Я Глас Божий!

Архиепископ упал на колени и забормотал молитву, а вслед за ним то же стали делать и другие.

— Так-то лучше! — сказал Глас Божий. — А теперь дайте возможность псу Стэну уйти. Он не хотел причинить вам вред.

И пса Стэна отпустили.

— А теперь, — продолжал Глас Божий, — отпустите петуха Шарлеманя!

И они отпустили петуха Шарлеманя.

— А теперь закройте глаза и ждите, пока я не разрешу вам открыть их! — сказал Глас Божий.

И все закрыли глаза, а пес Стэн и петух Шарлемань понеслись из дворца архиепископа со всех ног.

Не знаю, как долго архиепископ и его слуги стояли на коленях с закрытыми глазами, но уверен, что Глас Божий так и не разрешил им снова открыть их. Потому что этот Глас был вовсе не Гласом Божьим — это был голос пса Стэна.

— Я всегда говорил, что ты очень талантливый пес, — говорил Шарлемань, когда они бежали по дороге. — Но я чуть не забыл, что ты еще и чревовещатель!

— К счастью для нас! — отвечал Стэн. — Но послушайка, Шарлемань, я-то всегда буду талантливым — такой уж я. Только лучше бы мне применять мои таланты там, где их оценят, вместо того чтобы всякий раз оказываться в беде.

— Станислав, — сказал Шарлемань, — пожалуй, ты прав.

И два друга вернулись на ферму. И пес Станислав продолжал показывать свои потрясающие трюки другим животным на ферме, и им это нравилось. И хотя Шарлемань иногда кудахтал понемногу по ночам, говоря, что попапрасну растрачивается талант, пес Стэн все равно оставался там, где ему было хорошо и где он чувствовал себя Звездой нашей фермы.

ЭНТОНИ АРМСТРОНГ

Алмазы черные, алмазы белые

Энтони Армстронг (Anthony Armstrong) — псевдоним английского писателя Джорджа Уиллиса (George Willis, 1897–1976). Это последний из ветеранов жанра, которых я выбрал для антологии, и один из несправедливо забытых юмористов. Армстронг был особенно популярен и плодовит в 1920–1930-х годах, в то время его сравнивали с П. Дж. Вудхаусом (P. G. Wodehouse). Но если Вудхауса (заслуженно) помнят, то Армстронг (незаслуженно) забыт. В его сборниках «Принц, который икал» *(The Prince Who Hiccuped, 1932) и* «Всякая всячина» *(The Pack of Pieces, 1942), а также в рассказах, опубликованных в журналах «The Strand», «Pearson's», «Punch» и других популярных изданиях того времени, встречаются лучшие сказочные мистификации, какие только можно вообразить. Вот одна из них.*

В домике близ леса жила-была одна женщина. У нее был муж, которого она находила полезным, в том смысле, что он колол дрова, носил воду из колодца и не подпускал к двери волка, вырезая из дерева маленькие фигурки волков для продажи проезжим. Большинство этих фигурок, к слову сказать, были до того плохи, что к дому и стая волков не подошла бы, не то что один. Еще у нее была старшая дочь по имени Грумилла, от другого мужа, и младшая дочь, которую звали Нада. Сыновей у нее не было, но был кот по кличке Румпельстилтскин, которого назвали в честь далекого кузена, дважды отвергнутого семьей, а потом и вовсе изгнанного, и была служанка Язва, приходившая по понедельникам, утром, чтобы помочь со стиркой. Да! Еще был щенок по кличке Джозеф, но его можно не брать в расчет. Вот вроде и все.

Две дочери сильно отличались друг от друга, как наружностью, так и поведением, как это обычно и бывает, когда у сестер разные отцы. Грумилла, с волосами цвета воронова крыла, была рослая, довольно видная, но лени-

вая и угрюмая девица. Ее отец был Хранителем Королевского Кабана (в лесу был лишь один такой кабан), отчего и погиб.

Нада, напротив, была очень ласковой и доброй с животными — даже с Румпельстилтскином, а другого такого отвратительного животного днем с огнем не найдешь. У нее были блестящие пепельно-русые волосы. Мать не любила ее и предпочтение неизменно отдавала старшей дочери. Дамы вообще предпочитают брюнеток. Это, да еще лень Грумиллы, и явилось причиной того, что Наде всегда доставалась вся черная работа по дому.

В то время, с которого начинается мой рассказ, весь дом был в необычайном волнении, поскольку только что до семьи донла молва, будто не кто иной, как сын визиря этой страны, будет проезжать неподалеку после визита в другое государство. Его туда посылали, как всем было известно, чтобы он привез невесту для принца, своего молодого хозяина, ибо глаз у него, по слухам, был наметан, будь то еда, мебель или женщины.

— И возможно, — сказала Мушла (так звали женщину) мужу, — он прослышал о твоей резьбе и пожелает, чтобы ты высек его голову из тика.

— Пс! — бросил ее муж, что должно было означать: «А мне-то что с того?»

Не любил он пустой болтовни. Я даже имени его не помню. Все называли его просто «муж Мушлы»; вот такая это была дама.

— Он мог бы... э-э-э... и на Грумиллу внимание обратить, — продолжала Мушла.

Она была честолюбива и знала, что сын визиря не женат. И она мечтательно уставилась вдаль — такой взгляд бывает у женщины, которая уже видит зятя благородного происхождения, тогда как сам он еще ничего не видит.

— А мог бы и на Наду обратить внимание, — парировал ее муж, который обыкновенно вставал на сторону Нады, отчасти потому, что та была его дочерью, но главным образом потому, что его жена никогда на ее сторону не вставала.

— Мог бы и на Язву! — бросила оскорбленная в лучших чувствах Мушла и удалилась, хлопнув дверью. Тем и дело кончилось.

Придя на кухню, Мушла, однако, погрузилась в самые невероятные мечты. Она отлично знала, что браки в те времена заключались всякие. Не будет ничего необычного в том, если сын визиря полюбит дочь резчика и дело даже так далеко зайдет, что возьмет и женится на ней; ничего удивительного. Мушла улыбнулась про себя и снова стала думать о Грумилле.

И вот однажды, вскоре после этого, в дом Мушлы явился гонец и, как она и надеялась, сообщил, что сын визиря и вправду в этот вечер посетит их, с тем чтобы муж Мушлы вырезал из дерева его портрет, да как можно ближе к оригиналу.

Мушла так вся и загорелась. Она живо представила себе, как Грумилла этим же вечером обручится с молодым человеком и поедет вместе с ним ко двору. И как бы она ни любила свою дочь, ей было не жаль отпускать ее. Огорчавшее мать нежелание Грумиллы работать найдет свое применение при дворе. И она тотчас засуетилась.

Прежде всего она заставила мужа найти воротничок, выстирать его и даже надеть. Потом поделилась новостью с дочерью. Грумилла не обнаруживала большого интереса, пока ее мать не сказала ей, что сыновья визиря, будучи богатыми аристократами, становились, согласно широко распространенному мнению, хорошими мужьями, когда женились на представительницах низшего класса. Тут дочь оживилась и спросила, что ей лучше надеть.

Они стали во всех подробностях обсуждать этот вопрос и заспорили, стоит ли укорачивать ее голубую юбку с серебряной отделкой или же можно остаться в розовой холщовой юбке, что была на ней. Мушла очень серьезно отнеслась к предстоящей встрече и даже зашла так далеко, что предложила Грумилле специально по этому случаю вымыться, не забывая про уши, хотя был всего лишь четверг.

Грумилла на это не пошла. Аргументировала она свои возражения, во-первых, тем, что в доме нет воды, а колодец

ой как далеко, и, во-вторых, смуглой черноволосой девушке нет никакого резона мыться посреди недели даже ради холостого сына визиря.

Мушле, впрочем, в конце концов удалось принудить дочь предпринять какие-то усилия, пообещав послать за водой Наду и заявив, что как только она станет невесткой визиря и благородной дамой, то ей больше не нужно будет мыться. Вечером она будет пользоваться кольдкремом, а днем — пудрой, и все это будет называться уходом за кожей.

И бедная Нада, которую Мушла уже заставила убирать весь дом, была отправлена с ведром к колодцу с указанием поторопиться, иначе сама знает, что будет.

Она уже поднимала ведро с водой, как скользящий узел, который она завязала, перестал быть узлом, и ведро полетело вниз. Это очень напугало Наду, потому что то было любимое ведро ее матери. Поразмыслив, она решила спуститься за ним в колодец по веревке.

Надо сказать, что в те времена вообще происходили всякие необычайные вещи. Да по сути, в любую эпоху, когда в открытую действуют феи, волшебники и ведьмы, непременно случаются вещи самые необыкновенные. Так что Нада, добравшись до поверхности воды, не очень-то и удивилась, когда увидела волшебную дверь в стене колодца. Дверь была двустворчатой, и на ней имелась табличка: «На себя». Нада принадлежала к женскому полу, поэтому она ее толкнула. Дверь была волшебной, поэтому распахнулась. Она вошла внутрь.

От двери тянулась тропинка, и она, с любопытством озираясь, какое-то время шла по ней, пока не повстречала сморщенную старуху, которая сидела на берегу реки и сжимала в грязной лапе два коробка из-под спичек.

— Пожертвуй медяк бедной старушке, которой не хватает пары пенсов, чтобы устроиться где-нибудь на ночлег, — затянула старуха, которая, как вы несомненно догадались, была переодетой волшебницей. Когда ей надоедала волшебная страна, она время от времени занималась подобными вещами. К тому же довольно часто ей удавалось и подзаработать чуток, чтобы было чем пополнить волшебную кубышку.

Медяков у Нады было не много, да она и не хотела расставаться с ними, но поскольку она регулярно читала сказки и имела кое-какие подозрения, то вместо медяка она благословила старушенцию. Весьма мудрое решение, не говоря уже о том, что она дешево отделалась. Едва услышав обращенные к ней слова, старуха вдруг снова приняла свой волшебный образ. Нада, конечно же, вежливо притворилась, что ужасно изумлена. Она заволновалась и даже сделала книксен.

— Дорогое дитя! — замурлыкала волшебница.

Она любила простодушных людей. По ее мнению, в мире скопилось довольно много сообразительных представителей юного поколения, которые тотчас узнавали ее, во что бы она ни облачилась, а это, как вы, наверное, и сами отлично понимаете, было ей крайне неприятно.

— Чем я могу тебе помочь, моя красавица? — благосклонно продолжала она.

— Я уронила в колодец любимое ведро моей матушки, — сказала Нада, — и решила его найти.

— Всего-то! — отвечала волшебница и взмахнула рукой. — Когда вернешься обратно, найдешь его наверху. Но раз уж ты такая добрая и так любезно поговорила с той, кого приняла за простую старуху, сделаю-ка я тебе подарок.

Она подумала с минуту, помахала на всякий случай рукой, сказав про себя: «Нет, не то». Потом еще помахала, после чего объявила с некоторой даже гордостью:

— Когда вернешься на землю, каждый раз, когда ты будешь произносить какое-либо слово, с твоих губ будет слетать алмаз, сверкающий белый алмаз, в тон твоим блестящим волосам. Ну? Что ты на это скажешь? — Она помолчала, наблюдая за тем, какое действие произвели ее слова на девушку. — Весьма свежая мысль, как по-твоему, моя дорогая?

— Очень, — согласилась Нада.

И в самом деле замечательно: потеряла ведро, а нашла алмазы. И она весьма любезно распрощалась со старухой.

Когда она поднялась наверх (и нашла там ведро), мать тотчас стала бранить ее за опоздание, но едва Нада попы-

талась объясниться, как с губ ее посыпались крупные белые алмазы.

Ей понадобилось довольно много времени, чтобы пересказать всю историю, потому что родители Нады и Грумилла все это время ползали на коленях, стараясь не пропустить ни одного ее слова, а отец то и дело повторял: «Что-что?» — в надежде, что она произнесет самое большое слово. Но тут выяснилось, что щенок Джозеф — да вы знаете, на что они способны, — уже проглотил самое длинное слово, и все началось сначала.

Когда Мушла в конце концов поняла, что произошло, то быстро нацепила на Грумиллу фартук, всучила ей в руки ведро (старое) и велела как можно быстрее идти к колодцу и сделать все то же самое. Безошибочным материнским инстинктом она понимала, что при возникших обстоятельствах даже обыкновенный сын визиря, не говоря уже о таком сообразительном, каким, по слухам, был этот, не сможет не предпочесть Грумилле Наду. И хотя она была и не против, что Грумилла покинет ее, если сделает хорошую партию, Нада намного полезнее в смысле работы по дому, чтобы можно было позволить ей уйти, потому что она умела и готовить, и шить, и убирать, и даже делать почти всю работу за Язву, от которой толку было мало, не считая штопки чулок.

И Грумилла побежала и добралась до колодца секунд за пятьдесят. Едва ведро коснулось воды, как она спустилась по веревке и вошла в волшебную дверь (на которой, между прочим, теперь висела табличка «На себя, потом отпустить!» — дверь-то была волшебная).

Она торопливо пошла по тропинке, пока не повстречала старуху, которая тут же попросила у нее несколько медяков. Грумилла была довольно высокомерна и самолюбива, сказок не читала, да и Нада в суматохе не успела ничего толком рассказать, кроме того, что повстречала волшебницу. Поэтому Грумилла ожидала встретить нечто броское в белых оборках с волшебной палочкой и с крыльями. Ответила она резко:

— Нет у меня для тебя ничего. Прочь с дороги!

Естественно, она слегка вздрогнула, когда старуха приняла свой привычный образ, и попыталась исправить ошибку, заговорив о погоде и принявшись торопливо искать кошелек. Волшебница, однако, была не дура.

— Что тебе угодно? — строго спросила она.

— Правду сказать, — отвечала Грумилла, приняв эти слова за предложение, — мне ничего так не хотелось бы, как чтобы... э-э-э... что-то слетало с моих губ всякий раз, когда я буду говорить. Скажем... э-э-э... маленькие блестящие камушки? — ловко прибавила она, решив, что не стоит обнаруживать чересчур большое знание того, что случилось с ее сестрой.

Волшебница махнула рукой, при этом на лице у нее появилось то, что, разумеется, и должно появляться на лицах волшебниц, — зловещая улыбка.

— Хорошо, коли ты этого просишь, — сказала она, ибо отличалась хорошими манерами. Одновременно она внимательно посмотрела на распущенные черные волосы Грумиллы и снова хихикнула про себя.

Грумилла пулей помчалась назад. Мать ждала ее возле дверей.

— Ну? — громко вопросила она.

— Все в порядке, мама, я получила, что хотела, — ответила Грумилла.

Но хотя с полдюжины сверкающих кусочков и упали с ее губ, когда она отвечала, к удивлению обеих, они оказались черными — как волосы Грумиллы.

Мушла подозрительно посмотрела на нее. Потом подняла пару слов дочери и рассмотрела их. Какими бы они ни казались на первый взгляд — а Мушла не особенно разбиралась в драгоценностях, да и с чего бы ей разбираться, — эти точно были не алмазы.

— Послушай-ка, что это такое? — сердито спросила она.

— Не спрашивай меня! — отрезала Грумилла, и еще три камня упали с ее губ.

Она была недовольна не меньше матери.

Последовал горячий спор, на который явился муж Мушлы. Он был дома и слушал свою дочь с таким интересом,

с каким не слушал никогда в жизни. Его карманы были полны алмазов. Он тоже удивился, а втайне был даже доволен тем, что алмазы у Грумиллы не так хороши, как у Нады. Не любил он свою угрюмую падчерицу.

— Вроде ничего, — произнес он наконец, чтобы как-то их успокоить. Он взял один кусочек и внимательно рассмотрел его. — Пожалуй, я бы...

— Ничего! — прервала его Мушла. — Да это ж не алмазы.

— Вроде нет, — задумчиво произнес ее муж, — но с другой стороны...

— Обыкновенные грязные камни!

— Конечно, может, они и...

— Лучше бы ты помолчал!

— Пс, — молвил ее муж и замолчал.

Он ушел в дом, оставив двух женщин спорить и дальше. А те уже чуть не по колено стояли в груде черных камней.

Бедной Наде пришлось обронить еще немало твердых слов, прежде чем обнаружилось, что ничего хорошего все равно не выйдет. Сестра принялась обвинять ее в жадности, лицемерии и эгоизме, а Мушла чуть не вышла из себя, пытаясь уличить ее в том, что та лучший подарок взяла себе, и вместе с тем силилась доказать, что лучший подарок достался все-таки Грумилле. Всякий раз, когда Нада открывала рот, чтобы ответить, ее очередная фраза сопровождалась потоком алмазов, и всякий раз, когда открывал рот ее отец, его просили замолчать.

Наконец волнения улеглись. Все пришли к выводу, что, когда придет сын визиря, единственное, что можно сделать, — это чтобы Грумилла вообще не говорила, если только это возможно. Тут как раз послышался саркастический смешок, который, как обнаружилось, исходил от мужа Мушлы. Тому пришлось нелегко, когда он попытался убедить свою жену в том, что он всего лишь откашлялся. После этого Грумилла облачилась в свое лучшее платье, голубое с серебром, и настолько укоротила свою юбку, что ее по ошибке уже можно было принять за леди. Нада же осталась в лохмотьях. Мать дала ей самую трудную

работу, какую только могла найти, — разумеется, до ожидавшегося прихода гостя ей нужно было выносить на двор любые замечания, которые слетают с губ ее сестры.

К вечеру сын визиря явился. Муж Мушлы встретил его с многочисленными поклонами, а в дом его проводила сама Мушла, щеголяя меховой мантильей, которую она десять лет назад выиграла в лотерею. За ней шла Грумилла. Она была довольно привлекательна и исполнена намерения молчать. Наду отослали подальше на кухню, где она занималась щенком Джозефом, который выказал явное пристрастие к словам девушки, теперь же у него обнаружилось несварение.

Сын визиря был высок, смуглолиц, у него были большие губы, еще больший нос и внимательные, очень внимательные черные глаза. Как я уже говорил, по слухам, это был сообразительный молодой человек, и с виду производил именно такое впечатление. Его сопровождал один слуга.

— Я наслышан о вашем умении вырезать из дерева портреты людей, — покровительственно начал сын визиря.

Муж Мушлы стал быстро вертеть в руках шляпу. Он что-то пробормотал, но его слова утонули в несдержанной реакции жены, которая как раз прогоняла Румпельстилтскина. Будучи котом, он, разумеется, занял лучший стул, но был выпровожен на двор.

Сын визиря, которого звали Барран, сел и начал мило болтать о погоде, о драконе, которого они видели, когда ехали через лес, о засилии волшебников в этой части страны и о других предметах, представляющих интерес для местных жителей. Мушла благоразумно усадила Грумиллу там, где падавший на нее свет лишь подчеркивал ее привлекательность. Грумилла плотно сжала губы, но кивала и улыбалась, когда сын визиря делал какое-либо замечание, создавая, таким образом, впечатление, как это умеют делать женщины, будто она блестяще умеет поддерживать разговор. Мать, к своему удовольствию, отметила, что Барран если еще и не увлекся ее дочерью, то во всяком случае обратил на нее внимание. Она никак не могла нарадоваться тому, что Наду спрятали на кухне, чтобы не разбрасывалась своими алмазами перед визирем. Во взгляде молодого че-

ловека проглядывал деловой интерес, а его нос напомнил ей о разносчике, который однажды продал ее мужу так называемую волшебную палочку, оказавшуюся ни на что не годной. Наверняка это очень сообразительный молодой человек, из тех, решила Мушла, кому все равно, какая у него жена, лишь бы выдавала алмазы со скоростью речи.

Она как раз поздравляла себя со своей стратегией, а муж только-только избавился от нервного напряжения и мог уже работать резцом и не пораниться, как дверь на кухню распахнулась и появился Джозеф, по пятам преследуемый Надой.

Мушла в ярости набросилась на нее.

— Я ведь просила тебя прибраться на кухне, — закричала она. Увидев, что Барран с интересом смотрит на Наду, она прибавила, живо кое-что вспомнив: — Ни слова!

Но было слишком поздно. Нада стала ей отвечать, и несколько больших алмазов упали с ее губ. Сын визиря вскочил. Вид у него был несколько испуганный — хотя дело и происходило в те волшебные времена. Но он смело взял себя в руки и попытался вежливо сделать вид, будто ничего не заметил. Ему вообще неплохо удавалось делать вид, будто он ничего не замечает. Совсем недавно он вдоволь напрактиковался. Его друг при дворе, один из конюших, какое-то время страдал оттого, что у него ослиные уши, а не собственные, и никому лучше Баррана не удавалось не замечать этого недостатка, несмотря на то что во всех шляпах его друга наверху были прорезаны две дырки.

Увидев, что произошло, Мушла, однако, попыталась отвлечь внимание гостя.

— Бедная девочка! — громко шепнула она Баррану. — Такая несчастная! Стекляшки, видите, сэр? — соврала она, поскольку уже решила не портить шансы Грумиллы. — Ни малейшей ценности.

Она быстро повернулась, застав своего изумленного мужа как раз в ту минуту, когда он собрался заговорить, и отправила его протестующее объяснение обратно ему в глотку, для чего ей потребовалось нахмуриться изо всех сил двумя бровями сразу.

— Как жаль! — учтиво заметил Барран, с любопытством, впрочем, рассматривая слово, которое упало рядом с его стулом.

Мушла снова налетела на Наду и отослала ее на кухню, поздравив себя с тем, как умело она вышла из неловкого положения. Но когда она снова повернулась, Барран поднял алмаз, лежавший у него под ногами, и принялся рассматривать его в микроскоп, который достал из кармана и приставил к искушенному глазу.

— Всего лишь стекло, сэр, — повторила Мушла, на этот раз с некоторой тревогой.

— Ну да... пожалуй, — равнодушно отвечал сын визиря и уже собрался было отбросить его с презрением, да остановился. — Но весьма любопытное! — прибавил он еще равнодушнее. — После чего презрительно опустил его в собственный карман.

— Эй, постойте-ка, — начал было муж Мушлы, но остановился и принялся за вырезывание, поскольку снова поймал на себе взгляд Мушлы. Взгляд Мушлы и дракона бы усмирил.

Наступила не предвещавшая ничего хорошего тишина. И тут Барран произнес, бросив взгляд в сторону кухни:

— Симпатичная у вас дочка. Ей бы при дворе быть. Для девушки с ее... э-э-э... талантами там открываются большие возможности.

Мушле показалось это опасным.

— С такими красивыми черными волосами, как у нее, она здесь пропадает, — ответила она громким шепотом.

Ей не хотелось, чтобы он ошибался на тот счет, какую из дочерей она сама считает симпатичной.

— Н-да... — озадаченно произнес сын визиря и огляделся, пока его взгляд не упал на Грумиллу, после чего снова произнес: — Н-да, — но совсем другим тоном и не очень восторженно. И снова уставился на дверь, которая вела на кухню.

— Позвольте взглянуть, — прибавил он спустя короткое время, к неудовольствию Мушлы. — Осколки стекла. Так, кажется, вы сказали?

— Да, — коротко бросила она, чувствуя, что ей же лучше, если она будет держаться этого мнения.

Сын визиря улыбнулся ей любезно, но недоверчиво. И правда сообразительный. Муж Мушлы ничего не сказал. Обычно он все больше погружался в работу по мере того, как увлекался ею, и в эту минуту как раз обдумывал, держаться ли ему правды или льстить, изображая замечательно большой нос своего клиента. Наконец склонился в пользу лести, главным образом потому, что в противном случае потребовалось бы больше времени и ушло бы больше дерева.

— Осколки стекла, — снова начал сын визиря, точно никак не мог оставить эту тему, — всегда интересовали меня.

В этот момент Мушла, поняв, что он явно пренебрегает Грумиллой, отдавая предпочтение ее сестре, ощутила позыв придумать что-то еще.

— Само по себе оно ничего собой не представляет, сэр. Скверно то, что моя дочь Нада... как бы сказать... не совсем в себе, если вы понимаете, о чем я говорю.

Барран, кажется, понял, о чем она говорила. Это заявление, как с удовольствием заметила Мушла, встряхнуло-таки его.

— А вот ее сестра, — весьма довольная, продолжала она, — очень умна.

— Да-да, очень, — задумчиво согласился Барран.

— Если б только, — продолжала Мушла, наглости которой было не занимать, — нашелся человек, которому нужна жена.

— Видите ли, — отвечал Барран, лукаво взглянув на нее и впервые посмотрев на своего слугу, который стоял у него за спиной с сундучком, — правду сказать, я такой человек...

Мушлу этот ответ до того изумил, что она тяжело опустилась на стул, с которого ей пришлось очень быстро встать, чтобы успокоить Румпельстилтскина, который, незаметно пробравшись в комнату, успел пристроиться на нем.

— Простите? — запинаясь, проговорила наконец Мушла, когда голос вернулся к ней. Она бросила взгляд в сторону Грумиллы, который должен был означать не что иное, как «Молчи — он почти наш».

— Жена мне нужна к завтрашнему дню, — продолжал Барран. — Интересы государства и все такое, — объяснил он. — Видите ли...

Но в эту минуту кто-то стал сильно стучать рукояткой шпаги по двери — раздалось, кажется, четыре удара, но скорее пять, потому как последний достался слуге Барра-на, который, стараясь показать проворство, очень быстро открыл дверь и не успел сообразить, что к чему, как Барран, рассердившись, ударил его и обозвал дураком. Быть в те дни слугой — безрадостное занятие.

За дверью стоял молодой человек в пышной одежде. Он властно ступил в дом. К удивлению Мушлы, Барран сильно перепугался и низко поклонился.

— Ваше высочество! — сказал он, и нос и губы его мгновенно побелели.

— А, Барран! Не ждал меня, а? — решительно заговорил вошедший. — Я ездил в твой стан, чтобы встретиться с тобой, и мне сказали, что ты здесь. — Тут он, похоже, впервые заметил Мушлу и покровительственно молвил: — Расслабьтесь, добрые люди! Можете заниматься своими делами.

Не было никакого сомнения, что это принц.

Мушла была слишком изумлена его неожиданным приходом и не нашла ничего другого, как во второй раз за последние пять минут сесть на стул. На этот раз, однако, Румпельстилтскин, который считал, что всему нужно учиться на опыте, успел вовремя спрыгнуть.

— Ну, Барран, — сказал принц, садясь на лучший стул, — как насчет жены для меня, за которой ты отправился? Где она?

Барран стал запинаться и заикаться.

— Только не говори мне, что не нашел ее! — грозно произнес принц.

Барран помолчал, потом бойко заговорил:

— Понимаете, ваше высочество, это длинная история...

В этот момент слуга, мстительно потиравший место контакта со своим хозяином, вдруг со злорадной улыбкой протянул принцу сундучок, который держал в руках. Бар-

ран отпрянул, со злостью пробормотав: «Ты уволен!» — и побледнел еще больше.

Принц открыл сундучок, и из него выглянула огромная фиолетовая жаба с желтыми крапинками и уставилась на них.

— Эй! Это еще что такое? — в ужасе произнес он, поспешно отводя глаза и припоминая какое-то заклинание.

Барран отчаянно пытался взять себя в руки:

— Откровенно говоря, раньше она была ее королевским высочеством принцессой Славо-Кармением...

Принц с изумлением глядел на животное, при этом у него отвисла челюсть. Фиолетовая жаба выглядела несколько застенчивой.

— Это и есть та дама, которая должна стать моей женой? — спросил он.

— Да. Вчера... с ней... э-э-э... кое-что произошло, — продолжал сын визиря, нервно облизывая свои толстые пересохшие губы. Он бы предпочел не участвовать в этой ужасной сцене, но не ожидал увидеть своего хозяина так скоро, как не ждал и предательства со стороны слуги. — Мимо проходила одна косоглазая ведьма, — продолжал он, — и, кажется, решила подшутить над ее высочеством...

— Что это ты такое себе вообразил? — прогремел принц. Он потряс сундучок с жабой, которая тотчас обиженно надулась, и тут же решил исправиться, изобразив величественную улыбку, но у него ничего не вышло. — Не хочешь ли ты сказать, что я должен жениться на этом?

Поскольку принц в охотничьих сапогах достигал роста в шесть футов два дюйма и, по слухам, лучше всех владел боевым топором во всем королевстве, сын визиря поспешил заметить, что ничего такого он вовсе не имел в виду. По правде, такое ему бы и в голову не могло прийти. По правде...

— Тогда ладно, — сказал его высочество, успокоившись, и отдал ухмылявшуюся жабу слуге, который старался держаться подальше от своего бывшего хозяина. — Так что же все-таки произошло?

— Это не легко объяснить, — ответил Барран, лихорадочно придумывая какое-нибудь объяснение. — Видите ли, я...

В этот момент его взгляд упал на Грумиллу.

— А теперь дело обстоит следующим образом, — увереннее заговорил он. — После того происшествия я внес кое-какие коррективы. Вот будущая жена вашего высочества.

И он указал на Грумиллу, которая тотчас заулыбалась и, преисполнившись надежды, стала кивать.

Мушла затаила дыхание, так что даже позабыла шлепнуть Румпельстилтскина, который в ходе этого разговора снова забрался на стул. Ее муж до того удивился, что смог лишь отрезать большой кусок дерева со лба, отчего у будущей фигуры неожиданно появился неприятный, если не сказать — зловещий, вид.

— Так-так-так, — произнес принц. Отступив на шаг, он принялся рассматривать Грумиллу с большим интересом. — Это уже ближе. — Похоже, она ему приглянулась. — Как тебя зовут, моя дорогая?

Грумилла имела неосторожность ответить, и на пол упал черный камень.

— О боги боевых топоров! — воскликнул принц, и даже Барран на этот раз не смог скрыть изумления. Он довольно ловко справился с удивлением по поводу последствий словесной деятельности Нады, но это уже напоминало эпидемию. Он опасливо провел рукой по собственным губам — уж не падает ли что-нибудь с них?

— Легкое недомогание, — пробормотала Мушла, придя в себя. Она пыталась улыбаться принцу, неодобрительно смотреть на Грумиллу и сверлить взглядом мужа (который по-прежнему рассеянно срезал куски дерева, разинув рот), и все это одновременно.

Но принц уже взял себя в руки. Девушка явно заинтересовала его, а обстоятельства, сопутствующие ее ответу, он вежливо проигнорировал. Он вовлек Грумиллу в разговор, и та, чувствуя, что худшее теперь известно, а ей еще многое надо уладить, говорила до тех пор, пока пол не стал похож на пляж. Барран, однако, подняв пару слов (включая то, что упало ему на ногу, а будучи «неудобоваримым», больно ударило его), внимательно их изучал, при этом пристально поглядывая на Мушлу.

— Разумеется, — произнес наконец принц, пытаясь остановить поток, от которого он уже немного устал, — я понимаю, тут определенно есть элемент новизны. Но ты должен согласиться... то есть я хотел сказать, что при дворе это будет страшно неудобно. Подумай о коврах. Для украшений это не годится, да и во всех прочих смыслах — никакой пользы. Прошу прощения, — прибавил он, обращаясь к Мушле, — но я так решил.

Барран, который, как вы, наверное, уже догадались, был сообразительным молодым человеком, согласился с этим и живо прибавил:

— Разумеется, но я всего лишь хотел кое-чем поделиться с вашим высочеством.

— Чем это еще?

— А что вы скажете на это?

К ужасу Мушлы, он распахнул дверь и ввел в комнату Наду.

— Вот жена, которую я для вас нашел. Она владеет таким же... э-э-э... даром, но его можно использовать, в том числе и для украшений. Скажи-ка несколько слов, моя дорогая, — нетерпеливо прибавил он, обращаясь к Наде.

Нада согласилась, и после первых же ее слов принц, как он сам потом выразился, влюбился в нее.

В течение нескольких минут все устроилось — я уже говорил, что в те времена все вообще быстро происходило, — и высокий гость собрался уходить, милостиво согласившись взглянуть на то, что наваял муж Мушлы, после чего несколько бестактно заметил, что и сам давно мечтал заняться вырезыванием из дерева горгульи[1].

Мушла, впрочем, была вовсе не рада оттого, что ей приходится терять Наду, которая помогала по дому, и оставаться с Грумиллой.

— А что же Грумилла? — раздраженно спросила она у Баррана. — Или вы не говорили, что и вам нужна жена?

---

[1] Горгулья — драконовидная змея. Скульптуры в виде горгулий украшают готические сооружения. *(Прим. ред.)*

— Говорил, — беспечно ответил молодой человек, — но, как вы, наверное, уже догадались, жену я искал для него, не для себя.

— Но... но...

— Послушайте, любезная, — продолжал он все тем же тоном делового человека, который не намерен вступать в долгие переговоры, — вот что я сделаю. Если дадите за этой девушкой хорошее приданое, я на ней женюсь. Вот так-то!

Мушла обдумала это предложение. Если уж Нада уходит, то надо бы избавиться и от Грумиллы, от которой только прибавится работы в доме, а делать она ее все равно не будет.

— Хорошо, — сказала она.

— А как же насчет приданого?

— Несите мешок, — ответила Мушла, сама удивляясь своей находчивости, — и я попрошу Наду продекламировать «Падение вечерней звезды»[1], пока она не ушла...

— Нет. Лучше что-нибудь с бо́льшим количеством слов, — тотчас возразил сын визиря.

Вот и все. Но, как я уже говорил, Барран был очень сообразительным молодым человеком. Он-то догадался, что алмазы скоро упадут в цене, раз их можно выдавать большими партиями. Тогда как *уголь* — это всегда уголь. Вот этого-то Мушла с мужем и не поняли, а ведь в этом королевстве угля мало, и потому он ценен, а низшим классам практически неизвестен.

И он как можно скорее женился на Грумилле и основал компанию с ограниченной ответственностью «Барран. Поставщик угля», и дела у него пошли хорошо. Холодными зимними вечерами он старался подольше не приходить домой, чтобы потом жена выговорила ему все, что о нем думает, и, таким образом, у него в распоряжении всегда имелись значительные запасы угля, которые он предлагал по достойным ценам, стремясь удовлетворить все возраставший сезонный спрос.

---

[1] Поэма американского поэта Г. У. Лонгфелло (1807—1882).

ЭЛИОТ ФИНТУШЕЛ

Malocchio[1]

Элиот Финтушел (Eliot Fintushel, род. 1948) преподаватель и клоун-мим. Как артисту ему дважды присуждалась Национальная премия Америки для артистов индивидуального жанра. Рассказы и эссе Финтушела с 1993 года публикуются в журналах художественной литературы и научной фантастики. Представленный ниже рассказ написан совсем недавно.

Вообще-то я самый настоящий пацифист, но однажды я сглазил Джо Галуччи. Это случилось летом перед моим поступлением в колледж, когда я работал в компании «Мандрагора & Семена Кинси» (ныне почившей). Я сидел рядом с Джо, производил расчеты — сколько настурций и сколько портулаков отослать в «Спенд & Сейвс Джаспер», штат Иллинойс, — и насвистывал не слишком-то подходящий ко времени и месту отрывок из *Le Sacre du Printemps*[2].

— Знаешь, Джо, — проворковал я, — ежедневно множество молодых людей внезапно умирает по неизвестным причинам, — и продолжил насвистывать.

Как-то в перерыв на кофе Джо позвонил своей маме. Мейер, мой единственный друг в той компании, случайно подслушал их разговор.

— *Malocchio*, мама! — шептал Джо. И далее, как докладывал Мейер, он попросил свою мать приготовить травяную мазь, чтобы она втирала ее ему в череп, для снятия моего сглаза. — С работы я сразу домой. Отцу не говори. Приготовишь, ладно?

Этот ублюдок делал свои расчеты для «Спенд & Сейвс Джаспер» быстрее меня — просто удивительно, каким про-

---

[1] Спад, порча *(ит.)*.

[2] Le Sacre du Printemps («Весна священная») — балет на музыку И. Стравинского. *(Прим. ред.)*

дуктивным может быть недостаток серого вещества, — он постоянно передо мной этим хвастал. Более того, он с вожделением глазел на Хелен Войтцах в тот день, когда мы встретились с ней, чтобы пойти на ланч. У него даже хватило наглости подойти и представиться, при этом он вклинился между нами так, будто меня не существовало.

Внизу у автоматов с горячим шоколадом, печеньем «Сара Ли», кофе и леденцами «Лайф Сейверс» Джо в перерывах трепался в своей обычной компании. Он был как рыба в воде среди любителей автожурналов, которые разбираются в ремонте и моделях автомобилей, и любительниц мыльных опер, которые разбираются, у кого с кем в какой серии роман. Они смеялись, флиртовали, хлопали друг друга по плечу и временами выскакивали на ланч попить пивка «у Слима». Мне туда дорога была закрыта. В семнадцать лет алкоголь запрещен. Джо было *восемнадцать*.

— Эй, Эл, — цеплялся он, выуживая леденцы «Лайф Сейверс» из пасти автомата, — тебя никогда не примут в компанию, знаешь об этом? Никогда.

В одну секунду четвертаки у меня в руке превратились в медный кастет. Я сжал кулаки. И разжал.

— Не будь таким жестоким, Джо, — вякнул кто-то.

Вся компания расхохоталась, а я сунул кулаки в карманы и повернул к своим дурацким сандвичам и шахматам с Мейером. *Pax in terra*[1].

Когда Джо был в настроении, он любил надо мной поиздеваться. Мы работали за одним длинющим столом, просматривали одни и те же таблицы с цифрами, и он порой давал мне подзатыльник. А когда я оборачивался, он хихикал, уткнувшись в свои бумаги. Наш начальник никогда ничего не замечал.

Сам я по природе не склонен к насилию. Я просто одаривал Джо взглядом. Или насвистывал.

Думаю, именно поэтому бес пришел ко мне и предоставил шанс мне, а не Джо Галуччи. Когда воздерживаешься, как я, от таких вещей, как мордобой, это порождает где-то

---

[1] Мир на земле *(лат.)*.

в голове определенный потенциал, высвобождает энергию, и в результате появляются бесы, полтергейсты и тому подобное. Во всяком случае, я так считаю.

Бес явился ко мне, когда я дремал в кабинке в туалете — мой обычный ритуал без четверти двенадцать. Я услышал его прежде, чем увидел.

— Этот Галуччи — редкостный полудурок, правда?

— Мейер, ты?

Пробуждение было таким внезапным, что я не сразу понял, что делаю, сидя на унитазе в штанах.

— Нет, я не Мейер. — Его голос звучал, словно сквозь шарф. — Давай выходи. У меня к тебе предложение.

Я отодвинул задвижку. Потом открыл дверь, выскользнул, захлопнул ее за собой, сразу припечатался обратно и засвистел.

Бес скривился:

— Прекращай это!

Он был три фута ростом и по очертаниям напоминал дольку чеснока. Его физиономия была потрескавшейся, как чесночная шелуха. В щелках глаз — анисовые цветочки. В щели рта вместо языка — перец чили.

— Ненавижу. Терпеть не могу визг.

Его прикид — тряпье, воняющее мочой и окурками, от помпона на колпаке до помпонов на шлепанцах. Две сморщенные конечности при его чахлом теле, как я понял, служили ему руками. Если у него и были кисти рук, они были спрятаны в карманы.

— Только без блева, красавчик, — сказал бес. — Можешь хлопнуться в обморок, многие так делают. Уделать Галуччи — вот для чего я тебе пригожусь, если, конечно, ты не струхнешь и согласишься.

Он подскользнул ближе на своих слизняковых, серпообразных конечностях — изысканное зрелище, Диснейленд на льду, если не считать автомат с презервативами.

— Ты... ты кто?

— Молодец! — отвечал бес. — Не пригласить ли тебе меня к Слиму на джин с тоником, и я обрисую тебе картинку.

Тут, как по волшебству, зазвенел звонок на ланч. В голове у меня было ясно, как в лопате с месивом талого снега. Я заткнулся и повел это существо к Слиму.

Мы расположились в кабинке. Меня не опознают — мигнул мне бес. Он заказал нам джин с тоником.

— Эй! Что это за цыпочка? — кинул свою остроту Галуччи, проходя мимо со своими приятелями-неандертальцами. — Хубба-дубба!

Кто-то из них игриво подмигивал, кто-то посылал воздушные поцелуи. Бес сладко улыбался. Вся компания двинулась к стойке.

— Они видят тебя девчонкой! — сказал я.

— Молодец, — отвечал бес, — с тобой будет весело иметь дело. — Принесли выпивку, и он проглотил все разом, включая соломинки. — Зови меня Бак. Я бес. Я видел, как ты одаривал взглядом Джо, сглаз и все такое. Дилетантская работа, сказал я себе, но у парня есть потенциал. У тебя есть потенциал, Эл. Беру тебя в дело.

— В дело меня?

— Дело в том — и, мой несостоявшийся лидер, информирую тебя абсолютно даром — дело в том, что, для того чтобы кого-то сглазить, надо узнать того, кого хочешь сглазить. У каждого человека в основе ровно *три узла*. Прежде чем эффективно сглазить, тебе надо узнать два узла того парня, которого хочешь сглазить.

— Узла?

— Желаешь еще выпить? — Бес заказал еще два джина с тоником. — Замечательно. Привожу пример. Ты. Узел номер один: ты всегда думаешь, что ты умнее других, но на самом деле у тебя IQ, как у репы, без обид. Узел номер два: пусть ты — самый похотливый из всех двуногих на планете Земля, — это ведь Земля, верно? — ты умрешь девственником.

Бес глянул на меня и облизнулся. Официантка, умнее которой я был и которую я до смерти хотел, *per impossible*, лишить невинности, принесла Баку стаканчики с выпивкой. Он опрокинул их в свою тощую глотку заодно с соломинками и закусил тремя или четырьмя картонными под-

ставками под бокалы с надписью «Бэсс эйл» в сине-красных тонах.

— Это два из твоих трех узлов. Хреново, конечно, парень, но у всех людей они есть. Жалкая раса! Всем правят бесы. Твое здоровье! — С этими словами он сожрал стаканчики.

— Бесы правят, — пробормотал я, на душе у меня стало тоскливо. Я подумал: (1) Я не воображаю, что умнее других, — я *действительно* умнее. Не моя вина. (2) Похотливый — пусть! Но я не собираюсь умирать девственником. Дело в том, что я практически на второй базе в отношениях с Хелен Войтцех, и вообще еще целых семь недель до поступления в колледж.

Как вывод я озвучил мысль номер три (3):

— Это не мои узлы, Бак.

На физиономии беса мелькнула улыбка и тут же исчезла.

— Конечно, конечно! Это я, наверное, о ком-то другом. Именно! Точно о ком-то другом, Эл. Ты положил меня на лопатки, приятель! Ничего не скажешь! Но ты же понимаешь, о чем я. Если хочешь грамотно сглазить этого недоумка Галуччи, тебе надо узнать два его узла, понимаешь?

— А какой мой третий? — спросил я.

— Будь я проклят, если ты не Эйнштейн и Соломон в одном флаконе, парень! «Какой мой третий!» Ты меня уделал. Сдаюсь! Вот это башка! Вот что я тебе скажу. Ты собираешься сделать Галуччи. Вычисли его узлы, понял? Одари его настоящим *malocchio*. Покажи себя. А потом уж я объясню тебе все на пальцах. Предлагаю авансом. Только один раз... Эй, красотка, еще парочку джин-тоника!

— Погоди минутку. Ты не понял — я никому не желаю зла.

Бес поперхнулся от хохота и забрызгал всю скатерть.

— Ты меня доконал, Эл. Выпей мой джин. Мне пора сваливать. Выполнишь домашнее задание — знаешь, где меня искать.

— Я серьезно. Меня это не интересует. Я не испытываю к нему ненависти, Бак. Я вообще ни к кому не испытываю ненависти.

Диакритическое подобие улыбки. Мелькнувший умляут в глазах. Бак испарился.

Официантка принесла мне два стаканчика с выпивкой и счет. Я улыбнулся ей своей неотразимой сексапильной улыбкой. Она скривилась и удалилась. Я оценил счет. Это был мой ланч и проезд на автобусе.

В тот вечер я играл в шахматы наверху у бассейна. Мы сидели на корточках у колонн с каннелюрами прямо на выгравированной в полу «розе ветров». Я на стрелке *E*, Мейер на *W*. В наступившие прозрачные сумерки мы могли бы с высоты Вебер-Хилл полюбоваться погружающимся в ночь городом, если бы, конечно, оторвались от своих фигур и пешек.

— Ты бредишь, Эл, — сказал Мейер, между делом продвигая свою ладью ко мне в тыл. — Но что касается двух узлов, по мне — это похоже на правду. Шах.

— Глупо, — сказал я и взял его вторую ладью. — Это он бредил. Ты почти такой же умный, как я, Мейер, это я знаю. А что касается девственности... вон и Хелен идет.

— Шах и мат, — сказал Мейер.

Я не заметил его ход конем. Я никогда не проигрывал Мейеру, только если клевал носом. И потом, я думал о Хелен.

— В любом случае, Эл, не делай глупостей. Уже прошла половина лета, ты поступишь в Нью-Йоркский университет, а Джо до конца дней своих будет обыкновенным клерком. Просто не обращай на него внимания. Забудь о Стравинском. На самом деле ты ведь не испытываешь к нему ненависти, верно?

— Конечно нет! Я ни к кому не испытываю ненависти, Мейер. Но что если и правда можно кого-нибудь сглазить? Может, стоит провести эксперимент?

— Не стоит. Вот она идет. Третий лишний, приятель. Пока! — Мейер сгреб фигуры в рюкзак, сунул доску под мышку и убежал.

Я проскакал галопом к Хелен на западную сторону Вебер-Хилл. Она была прекрасна. Ее синяя служебная блузка с отворотами вызывала ассоциации с Золушкой. Волнистые

белокурые волосы окружали голову, как нимб над головой ангелов Боттичелли. Нос у нее был, может, и покрупнее, чем у Венеры, но мне такие больше нравятся. Хелен Войтцех была королевой моих фантазий с тех пор, как я чуть не поцеловал ее на Новый год, а она чуть мне не ответила.

Мы прошли с ней по лестнице Водного Управления, свернули на север, северо-запад, с запада на север и обратно, и я ее поцеловал.

— Не надо, — сказала она.

Я насупился. Хелен сжала мою руку, по-сестрински, что настораживало, и повела меня вокруг бассейна.

— Мне нужно тебе кое-что сказать. — Хелен смотрела на наши длинные тени на полу.

«Должна тебе кое-что сказать». Это — ночь в мотеле, подумал я. Мне не терпелось выставить беса Бака лжецом.

— Эл, есть другой человек.

Я отбросил ее руку. Остановился. Я смотрел за бассейн, за кованую ограду на антибактерицидный фонтан.

— Кто?

— Неважно, Эл.

— Нет, важно. Скажи — кто.

— Парень, с которым ты работаешь. Помнишь, в тот день, когда мы с тобой пошли на ланч...

— Эл, мой мальчик, я знал, что ты вернешься. А теперь надо найти два узла Галуччи. Я бы легко мог тебе их назвать, но это тебе ни к чему, потому как ты должен найти их сам. Найди эти два его узла. Они простые, поверь мне, и здоровенные, как чертов гордиев узел. Просто наблюдай за ним, усек? Сиди в кустах, прилипни к окну, узнай его жизнь, Эл. Стань тенью этого придурка. В том месте, где он напрягается, — он твой! Ты найдешь эти узлы за четыре дня максимум... Как насчет того, чтобы еще разок заглянуть к Слиму на джин с тоником?

— Нет, Бак, спасибо... А тебе какая с этого выгода?

— Мне? Я, старик, что-то вроде скаута из большой лиги. Ты станешь пером в моей шляпе, понимаешь?

— А что это за лига?

— Ты хочешь пустить кишки этому Галуччи или нет?

Маленькая физиономия беса сморщилась. Эпителий начал скукоживаться, потом трескаться, а потом стал облезать, как древесная стружка. Там, где стружка отваливалась, проглядывала ярко-красная кожа.

— Хорошо, я его ненавижу.

— Тогда почему тебя волнует какая-то лига? Я тебе объясню это, и не только, когда ты сделаешь Галуччи.

Зазвенел звонок на ланч. Бак выбрал новый способ исчезнуть. Он опадал в свое собственное тело, как опадает тесто. Колпак, как в воронку, ушел в череп. Голова ушла в шею, шея в туловище и так далее вплоть до самых ступней. Ступни засосало в помпоны на шлепанцах, и они с хлопком лопнули. От беса остался лишь слабый серный запах. Исчез и автомат с презервативами.

По пути с работы в автобусе № 66 Мейер пытался утешить меня насчет Хелен. В море полно рыбы, говорил он. Я не рву на себе волосы, честно отвечал я, но в шахматы играть сегодня не буду, надо сделать своего рода домашнее задание.

— Ты думаешь, я дурак, да, Эл? Я знаю, что ты собираешься сделать. Ты собираешься сделать то, что тебе сказал бес. Ты будешь следить за Джо. — Мейер тряхнул головой и отсел на другое место.

Мейер вышел, я поехал дальше, проехал свою остановку и дальше до самого центра. Там я пересел в автобус, который довез меня до района, где жил Джо.

Найти первый узел оказалось просто. Звуки скандала были слышны за полквартала до дома Джо. Люди на улице выглядели смущенными. Мамаши отгоняли своих детишек от дома Галуччи. Соседи закрывали окна.

Все старались отгородиться, только не я. Я шел прямиком к дому Джо. Спрятавшись в кустах, прилипнув к окну, я наблюдал за жизнью Джо.

На следующий день Бак снова инструктировал меня возле раковины в туалете.

— Его отец пьет, так?

— И?..

— Он бьет мать Джо. Я слышал, как она кричала. Слышал, как он орет.

— И?.. — Бак углубился в отверстие, как я понял, в ноздрю, и выковырял оттуда алмаз. Он быстро оглядел камешек и отбросил его в сторону. Алмаз мгновенно превратился в пыль и исчез.

— Что — и?..

— И что Джо?

— Он кричал на отца. Хотел прекратить все это. Я слышал звуки ударов и как бьется посуда. Потом мистер Галуччи вырубился. Я подслушивал у окна со двора. Джо пытался уговорить мать бросить этого забулдыгу. Они с мамой вдвоем плакали. Его отец постоянно ее бьет. Джо отчаялся остановить это.

— Он не может, — торжествующе сказал бес. — Это и есть узел. Он хочет спасти мать, но никогда не спасет, потому что она не хочет быть спасенной. Чудесно, не правда ли? Это — номер один.

— Мне кажется — это грустно.

— Не мели чепухи! — Бак снизу вверх пошел волнами, и каждый раз, когда волна достигала кончика его конусообразной шапки, оттуда вырывалось облачко дыма. — Хочешь, скажу тебе, чем он занялся после того, как ты ушел? Очень просто — Хелен Войтцех.

— Вот ублюдок!

— Именно. Пока ты тут рассиживаешься, он снимает сливки, Эл. Он — халявщик.

— Так, ладно, я его обойду!

— Вот это дело! Остался еще один узел!

И после этого, прямо как в фильмах Кокто, Бак исчез в зеркале над раковиной — рябь на черно-белой поверхности и все такое прочее. Я наблюдал за тем, как он исчезает в мире, где существует лига, в которую меня собирались принять.

Зазвенел звонок на ланч. У меня разыгрался аппетит.

— Я тебя обыграю, — сказал Мейер, подсаживаясь ко мне в шестьдесят шестом автобусе, и достал карманные шахматы, тоненькую доску с крохотными плоскими фигурками из кожи.

— Помечтай,— ответил я и двинул вперед королевскую пешку.

— Галуччи неважно выглядит. Сегодня был таким тихим. Твоя работа, Эл? Ты его сглазил?

— Нет. Но собираюсь это сделать, как только вычислю его остальные узлы.

— У него в шесть свидание с Хелен в главной библиотеке. Я слышал, как он договаривался по телефону... Смотри за своим ферзем, Эл.

— Я смотрю. Ты за своим смотри... В библиотеке? Что Галуччи забыл в библиотеке?

— Старые «Автотрейдеры»... Кто его знает?.. Ну вот, Эл, ты его потерял. — Мейер придвинул пешку от ладьи к моему ферзю и запер его.

— Не хочу больше играть. — Я захлопнул шахматную доску. — Мне надо кое-что обдумать.

Мейер нахмурился:

— Хочешь знать, какой твой третий узел?

— Нет, не хочу. Да и откуда тебе знать?

— Я знаю. — Мейер поднялся и всю дорогу до своей остановки простоял у задней двери.

Я доехал до библиотеки.

Я нашел их в отделе «Бизнес и Финансы». Проскользнув между стеллажей, я расчистил местечко между «Сатрапия — тирания» и последним томом юридической энциклопедии. Они сидели за столом у окна с видом на реку. Она была еще прекрасней, чем всегда. Так выглядят девчонки, когда они рядом с парнем, будто парень озаряет их волшебным светом.

Я видел, как ее коленки прижимаются под столом к его коленям. На меня нахлынули такие чувства, что, казалось, я смог бы оплодотворить Хелен с расстояния пятьдесят ярдов через все тома по философии, религии и образованию. А Джо я мог бы перебросить через географию и историю на следующий этаж.

Он был в очках. Никогда не видел его в очках. Он смотрел в толстую книгу и делал какие-то записи в блокноте на пружине, который лежал рядом. Хелен что-то говорила,

перелистывала для Джо страницы и гладила его по голове. В какой-то момент он захлопнул книгу, снял очки и с раздраженным видом подошел к окну. Хелен пошла за ним. Она обняла его за талию. Он положил ей голову на плечо. Они исчезли в проходе, ведущем в отдел «Спорт и отдых».

Я проскользнул к их столу и полюбопытствовал, что за книгу разглядывал Джо — «Основы бухгалтерии» Уоррена и Бисли.

— Это — номер два. — Бак сидел верхом на фрамуге и постригал пальцы. Именно пальцы, не ногти. Он отстригал от пальца по три фаланги из семи. Вид у беса был беспечный. Я наблюдал за тем, как куски пальцев падают на пол, там моментально высыхают и скручиваются, как иссохшие морковные очистки. — Бухгалтерия его не волнует. Мозгов маловато. Он до смерти боится показаться неудачником, которому не по зубам двойная бухгалтерия.

Чик! Чик!

— Бедный ублюдок!

— Расскажи-ка мне еще раз, чем они там занимались в отделе «Спорт и отдых».

Картинка вспыхнула у меня в мозгу — Хелен и Джо сплелись, наполовину превратившись в спираль, между подшивками «Спорта в иллюстрациях».

— Да! — сказал я. — *Malocchio!*

— Вот это по-нашему, парень! Просто просверли в нем дырку своими чудесными зареванными глазками. Узлы — как значки на карте бомбардира.

Чик!

Впервые за последние несколько недель я был на рабочем месте ко времени ланча. Джо протирал штаны рядом. Он не цеплялся ко мне уже несколько дней. Глядя на то, как он сидит за столом и водит карандашом по бланкам с заказами, его можно было даже принять за нормального человека.

Я решил, что надо вытащить на поверхность злобность Галуччи, чтобы просто не забыть, что я собираюсь сделать.

— Эй, Галуч! Как сегодня *бухгалтерия*?

Он слабо улыбнулся. На секунду мне показалось, что он собирается заплакать. Зазвенел звонок на ланч. Все потянулись из кабинета, а он оставался сидеть на месте.

— Джо, — окликнул я его, — ты не идешь сегодня к Слиму со своими друзьями?

— Они мне не друзья. Им плевать на меня, Эл. Я устал играть в эти игры.

И это был номер три. У него не было друзей.

Когда я спустился на парковку перекурить после ланча, там был Бак. Он высасывал воздух из колес стоящих там машин. Бес раздувался, как манжета от прибора измерения давления, и пока он целовался в засос с шинами, его маленькие ножки начали отрываться от земли. Потом он оторвался от колеса и с диким хохотом принялся носиться по всей парковке.

После четвертой или пятой машины он опустился на землю рядом со мной. Бак перекидывал ниппели из руки в руку, словно это были четки.

— Ну как, готов действовать?

Я глянул на тлеющий кончик сигареты:

— Я нашел третий узел...

Бака аж подбросило. Из пор у него повалил черный дым.

— Ты — тупой человек! Будь проклята твоя раса! Я говорил тебе — два узла! Два!

— Бак, это от меня не зависело. Он был на виду...

— Не говори мне! Я не хочу этого слышать! — Бес заткнул пальцами уши, воткнув их по четвертую фалангу. Ниппели посыпались на пол. — Проклятье, я все об этом знаю! Я знаю узлы каждого, понял, тупица! Бесы всесильны! Просто заткнись! Иди нашли на него *malocchio*, и дело с концом! Не думай об этом, Эл! Сделай это прямо сейчас!

— Я не смогу это сделать, Бак.

— Что? — Он перестал икать. — Я так и знал! Проклятая раса! — Глаза его расширились, сильно запахло серой. Воздух между нами стал желтого цвета.

— Послушай, Бак. Я благодарен тебе за желание помочь, но теперь, когда я по-настоящему узнал Джо, когда

я увидел три его узла, я не могу больше его ненавидеть. Я не хочу насылать на него порчу, Бак.

Из помпона на кончике колпака беса вырвалась тонкая струйка черного дыма.

— Ты знаешь, что случается с людьми, на которых наслана порча? У них начинаются неприятности, Эл, неприятности, в которых никто не виноват, понимаешь? Из мелочей складываются настоящие проблемы, Эл. Лишние полсекунды на пешеходном переходе. Не тот краник на газовой плите. Улавливаешь, к чему я веду, Эл? Смотри...

Бак поймал взглядом планирующего на стоянку голубя. Голубь суматошно заколотил крыльями, врезался в бетонный столб и рухнул вниз со сломанной шеей.

— Видел, — сказал бес, — такое и с людьми случается. Это может случиться и с тобой, если ты рискнешь, скажем так, погладить меня против шерсти. Не думаю, что ты настолько глуп.

— Господи, Бак, неужели тебе никого не бывает жаль? У бесов что, нет узлов?

— Есть, но только один, а не три, и никому его не найти. Никогда. Бесы всесильны. Если Галуччи не подхватит порчу, подхватишь ты. Подумай об этом, Эл. Увидимся, когда сделаешь дело.

Я затушил окурок и прошмыгнул в здание через большие двойные двери. Там был Мейер. В одной руке у него болталась открытая шахматная доска, под ногами валялись фигуры.

— Я видел его. Я все слышал. Не могу в это поверить. Он — бес! Он действительно бес!

Шахматная доска упала на пол.

— Да, и что теперь? — Я прошел мимо него к коридору, ведущему к автоматам.

— Подожди! — Он побежал за мной, забыв про шахматы, догнал и ухватил за плечо. — Бесы не всесильны, Эл. Ты обошел его! Разве ты не видишь? Он абсолютно беспомощен!

— Ты рехнулся, Мейер. Если я не сделаю то, что он хочет, он нашлет *malocchio* на меня. Я закончу, как этот голубь. И что прикажешь делать, попросить мать Галуччи

повтирать мне в голову масло? Я должен сглазить Джо, вот и все. — Я вырвался от Мейера.

Он забежал вперед, преграждая мне путь. Я уже слышал голоса людей у автоматов. Заглянув Мейеру за плечо, я попытался высмотреть Джо.

— Разве ты не понял, Эл? Не понял, почему он не дал тебе рассказать ему о третьем узле Галуччи?

— Уйди с дороги, Мейер. — Через открытые двери я увидел у автомата с кокой закинутые на стул ноги в грубых башмаках Галуччи.

Я оттолкнул Мейера и подошел к дверям. Джо поднял голову и посмотрел на меня. Я посмотрел на него.

«Он давал мне подзатыльники, — думал я. — Он смеется надо мной. Он думает, что умнее меня, сильнее меня. Он увел мою девчонку».

Я смотрел ему прямо в глаза. Все вокруг подернулось дымкой и стало смутным, как солнечный свет на большой глубине. В туннеле, который открылся мне в зрачках Джо, я увидел неоновые фигуры — его пьяного скандалящего отца и плачущую избитую мать. Мелькнул фантом Галуччи, он колотил кулаками по стенам туннеля и в ярости вырывал непонятые им страницы из толстой книги. В конце туннеля виднелась красная точка, похожая на мишень, нарисованную на манекене в тире.

Мне не хватало решительности. За спиной я услышал голос Мейера:

— Нет, Эл, не делай этого!

На какую-то секунду я увидел третий узел Галуччи. Джо наедине с собой, безнадежно одинокий, страдающий оттого, что у него нет друзей. Он пытается войти в их компанию, но они его не замечают и хохочут над своим джин-тоником у Слима...

— Чего тебе, Эл? — На лице Джо мелькнуло страдальческое выражение.

— Не разменяешь доллар? — Я не смог этого сделать.

Кока в бутылке Джо зашипела и вылилась ему на брюки. Густая пузырящаяся желтая жидкость стекла у него по ногам на пол. Он встал.

— Беги, Джо! — крикнул я и потащил его за локоть.

Из образовавшейся лужи поднимались ядовитые испарения. Три или четыре человека, которые паслись у автомата с леденцами, отскочили в сторону. Я толкнул Джо вслед за ними, он не сопротивлялся. Мейер встал рядом со мной. Испарения материализовались в дольку чеснока размером с ребенка.

— Ты допрыгался! — Бак вперился в меня своими мутными красными глазками, и я почувствовал, как весь мой мир начинает исчезать.

— Нет, — крикнул Мейер, — это *ты допрыгался*, бес! В моем друге Эле столько злобы, тебе и не снилось. Он держит ее на поводке. Он всех обвел вокруг пальца. Он даже себя обманул. Он считает, что он — пацифист! Думает, что не способен ненавидеть. Но ты лучше поберегись, мистер Бес!

Бак попятился. Физиономия его задергалась от нервного напряжения. Он посмотрел на меня и прикрыл глаза лапой со свежесостриженными пальцами. Казалось, он уменьшается по мере того, как мой мир возникает вновь.

— Проклятая раса! — выругался бес, но в этот раз в голосе его звучало сожаление, словно он понял наконец, что я никогда не пройду сквозь ушко драгоценной иголки, потому что я бесплодный, полный злобы эгоцентрист! Мои три узла!

Бог с ними с узлами, я мог свистеть. Я помнил, как его от этого коробило. Я выдал глиссандо, небрежно начав с нижних нот, и постепенно набрал такую высоту, что оштукатуренные стены и бетонный пол начали резонировать. Подключились автоматы и флуоресцентные лампы, и все помещение превратилось в один большой камертон. Маленькая физиономия Бака затрещала, как паленая резина.

— Люди всесильны! — ликовал Мейер.

— Хватит! Прекрати это! — Бак ушел в лужу, как торнадо в реверсе. Лужа застыла, потрескалась и исчезла.

Мы с Мейером ехали в шестьдесят шестом автобусе.

— Больше мы Бака не увидим, — вздохнул мой приятель. — Мы обнаружили его узел, можешь это понять?

С тобой то же самое произошло, Эл. Чтобы наслать порчу, он должен узнать свою жертву, но чем больше он ее узнает, тем меньше он хочет причинить ей вред. Пограничная ситуация. Двух узлов достаточно, чтобы он сделал свое грязное дело, больше ему не надо. Вот почему он так возбудился, когда ты хотел рассказать ему о третьем узле Джо.

— Так же и с *моими* узлами. Он только притворялся, будто знает третий.

— Наконец-то ты понял!

— Дурак ты, Мейер, я сразу это понял.

— Когда я сказал Баку о твоем третьем узле, он сдулся. Он больше не мог желать тебе вреда. Даже бесы имеют право на чувства, Эл.

— Надеюсь, этот маленький ублюдок вернется. Я заставлю его кое-что почувствовать, поверь мне.

Мейер раскрыл свои карманные шахматы и двинул вперед белую королевскую пешку.

— Ешь скорей, пока не узнал ее ближе.

Ну и под занавес: я был свидетелем на свадьбе Джо Галуччи. Бог знает, что в нем нашла Хелен! С тех пор я пытаюсь склонить ее к адюльтеру, но она пока не сдается. Живу я один в соседнем городке и являюсь столпом местного отделения общества «Братство и Примирение». Работаю я на Мейера, которого по-прежнему регулярно обыгрываю в шахматы. Его и всех его сынков, если, конечно, эти мерзавцы не жульничают.

Больше я с бесами не сталкивался. Иногда мне даже кажется, что ничего этого не было. В конце концов, все эти мои узлы — полная чепуха. Правда, для полного счастья мне не хватает, чтобы тот, кто каждое утро сдувает колеса моей машины, убрался ко всем чертям.

АЛАН ДИН ФОСТЕР

Метрогном

Алан Дин Фостер (Alan Dean Foster, род. 1946 г.) является автором насколько плодовитым, настолько и непохожим на других, — поэтому мне было очень трудно выбрать какой-то один из его многочисленных рассказов. В конце концов я остановился на центральном рассказе из сборника «Метрогном и другие истории» *(The Metrognome and Other Stories, 1990). Возможно, когда-то Фостер был больше известен как писатель, превращающий в романы сценарии фантастических фильмов, таких, как* «Темная звезда» *(Dark Star, 1974) и* «Чужой» *(Alien, 1979). Но у него есть свой стиль и своя интонация. Фостер доказал это в популярном цикле* «Чародей с гитарой» — «Час ворот» *(The House of the Gate, 1983),* «День Диссонанса» *(The Day of the Dissonance, 1984),* «Момент волшебства» *(The Moment of the Magician, 1984),* «В плену пертубраций» *(The Path of the Perambulator, 1985),* «Время перехода» *(The Time of the Transference, 1986),* «Сын чародея с гитарой» *(Son of Spellsinger, 1993) и* «Инфернальная музыка» *(Chorus Skating, 1994). Фостер является редактором юмористических антологий фэнтези* «Хитрые драконы, глупые эльфы» *(Smart Dragons, Foolish Elves, 1991) и* «Спорим, ты не сможешь это прочесть» *(Betcha Can't Read Just One, 1991). Возможно, вас также заинтересуют* «Безумный Амос» *(Mad Amos, 1996) и* «Джед мертвец» *(Jed the Dead, 1996).*

Чарли Димсдейл смотрел на стоящего перед ним человека. И при обычных обстоятельствах Чарли Димсдейл бросил бы взгляд на того, кто стоит практически у него под носом. Данная же ситуация разворачивалась на самом нижнем уровне 52-й линии подземки в районе Бронкса. Так что Чарли Димсдейл был попросту вынужден смотреть на стоящего перед ним человека, как и было предопределено.

Чарли Димсдейл недоуменно озирал возникшую перед ним фигуру. Она была чуть больше метра ростом, а в некоторых местах непропорционально расширялась. Особен-

но широкой казалась голова, гораздо больше, чем у человека стандартных размеров. Главной достопримечательностью физиономии незнакомца был огромный нос, для которого сравнение с грушей стало бы комплиментом. По бокам от этой знаменательной выпуклости располагались большие, черные как уголь глаза, над ними нависали черные брови, которыми могла бы гордиться любая панда. В стороны от головы разлетались два большущих дрожащих уха цвета и формы сушеного абрикоса, их размах производил неизгладимое впечатление.

Сама башка его была круглой и гладкой, как бильярдный шар. Большую ее часть прикрывал стильный красный берет, лихо сдвинутый на левую сторону. По скулам, словно гигантские гусеницы, сползали огромные черные баки.

Руки человека, слишком длинные для его туловища, заканчивались толстыми короткими пальцами. Кисти рук покрывала обильная черная растительность. Помимо берета на незнакомце был двубортный пиджак в елочку, соответствующие брюки и черные полуботинки.

Если бы подобная встреча состоялась в любой другой части света, человек, оказавшийся на месте Димсдейла, наверняка моментально хлопнулся бы в обморок. Чарли же просто нервно сглотнул и отступил на шаг.

В конце концов — дело было в Нью-Йорке.

Маленький человечек упер волосатые руки в боки и посмотрел на Чарли с нескрываемым презрением:

— Ну, ты меня увидел. И что теперь собираешься делать?

— Увидел вас? Собираюсь делать? Послушайте, мистер, я всего лишь... меня зовут Чарли Димсдейл. Я второй инспектор-ассистент заместителя управляющего по эксплуатации и ремонтным работам Метрополитена. В этом месте разрегулировалась стрелка. Мы там, наверху, вынуждены были перепрограммировать три последовательных компьютера (это был, естественно, служебный жаргон) для трех разных поездов. Мое дело — проверить, в чем проблема, и попытаться ее исправить, это — все.

Чарли был довольно приятным, но не особо представительным молодым человеком. Его можно было бы даже

счесть привлекательным, если бы не робкая манера держаться и эти очки. Их стекла были достаточно толстыми, чтобы обеспечить двойную защиту от внешнего мира.

— Гм... Это вас я видел сейчас выходящим... из вот этой стены?

— Какой стены? — переспросил человечек.

— Вот этой, у вас за спиной.

— Ах, из этой.

— Да, из этой. Не думаю, что там есть служебная дверь, однако...

— Двери там нет. Я — вышел.

— Этого не может быть,— трезво заметил Чарли.— Люди не гуляют по метро, проходя сквозь стены. Даже мистер Бродхаер не может проходить сквозь стены.

— Не сомневаюсь.

— Так как же вы тогда смеете стоять здесь и утверждать, что прошли сквозь эту стену?

— Я — не человек. Я — гном. Метрогном, если быть точным.

— Ага. Тогда все понятно.

И вот тут Чарли, несмотря на то что он был нью-йоркец, упал в обморок.

Когда Чарли пришел в себя, он обнаружил, что на него смотрит пара поблескивающих, черных как уголь глаз. Чарли снова чуть не отключился, но на удивление сильные руки помогли ему удержаться на ногах.

— Вот так-то лучше, и больше не вздумай грохаться,— сказал гном.— Ты мог бы ударить головой рельс. Не говоря уж о том, что и сам бы расшибся.

— Какой рельс? — слабым голосом переспросил Чарли.

— Вот тот, там, в центре.

— Ух ты! — Чарли преодолел несколько ступенек, пока не оказался на служебной платформе.— Ты прав. Я действительно мог пораниться. Больше не буду. Но, знаешь, ты тоже хорош.— Он осуждающе посмотрел на гнома.— Почему ты не испарился? Гномов ведь не существует. Даже в Нью-Йорке. Особенно в Нью-Йорке.

— Ха! — хохотнул гном. Он сделал это так, словно намекал на то, что у одного из присутствующих мозгов не больше, чем в прошлогодней галете. В большой, размякшей и пересоленной. Да-да, у кого-то из присутствующих голова была набита старым тестом! И Чарли хотелось бы убедиться, что это относится не к нему.

— Послушай, — умоляюще сказал он, — тебя просто *не может быть!*

— Тогда, черт возьми, почему я здесь? — Гном протянул Чарли волосатую лапу. — Давай знакомиться, меня зовут Ван Грут.

— Чудесно, — сказал одуревший Чарли, пожимая протянутую руку.

«Ну, вот я и приплыл, — подумал он, — стою на глубине тридцати метров под землей в центре Манхэттена и обмениваюсь рукопожатием с типом в костюме от Брук Бразерс, который заявляет, что он явился от братьев Гримм».

Но этот тип *действительно* вышел из стены.

Существовало два объяснения происходящему.

Первое — все происходит в реальности, и такие существа, как гномы, действительно живут на этом свете. Второе — Чарли надышался воздухом метро и стал плохо соображать. В данный момент Чарли склонялся ко второму объяснению.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, — дружелюбно сказал Ван Грут. — Пойдем пройдемся немного. Движение проветрит тебе мозги. Даже если не особенно проветрит, все равно пройдемся.

— Конечно. Почему бы нет? Ой, погоди минутку. Я должен найти и исправить эту заблокированную стрелку.

— Каким переключателем она управляется? — поинтересовался гном.

— Четыре-шесть-три. Она скакнула и заблокировала пути, тогда компьютер автоматически...

— Я знаю.

— ...несколько заменяющих программ... ты знаешь?

— Естественно. Ведь это я ее перебросил.

— *Ты* перебросил стрелку? Ты не мог этого сделать!

Ван Грут снова произнес свое «ха!», и Чарли решил сокрушить его ясностью мысли:

— Хорошо. *Почему* ты ее перебросил?

— Она мешала плавному ходу наших шахтерских тележек.

— *Шахтерских тележек!* Здесь нет никаких шахт... — Чарли заколебался. Сделав усилие над собой, он спокойно сказал: — Понимаю. Она мешала ходу ваших шахтерских тележек.

Ван Грут одобрительно кивнул.

Временами Чарли вынужден был спотыкаться и подпрыгивать, чтобы попасть в ногу с семенящим очень быстрыми шажками гномом.

— А почему ваши тележки не могут переехать стрелку, когда она находится в правильном положении?

— Потому что, — медленно, словно ребенку, объяснял гном, — тогда металл шепчет «преграда! преграда!», а это тревожит шахтеров. Они работают с металлом и очень к нему чувствительны. Когда стрелка в положении, как сейчас, рельсы мурлычут «свободно, свободно», и ребята чувствуют себя лучше.

— По мне, так это такая мелочь.

— Мелочь и есть, — ответил Ван Грут.

— Не очень-то любезно с вашей стороны.

— А с какой стати нам быть любезными? Ты когда-нибудь слышал, чтобы кто-нибудь сказал: «Давайте соберем денежки для нуждающихся гномов»? А может быть, ты знаешь что-нибудь о Лиге Спасения Гномов? Или об Обществе Противников Жестокого Обращения с Гномами? — Ван Грут начал заводиться. Его бачки ощетинились, уши захлопали в воздухе. — Правительство может раскошелиться на исследования канареек и колорадских жуков, а на нас? Все, что нам нужно — это неотчуждаемые права на жизнь, свободу, разгуляево и выпивку!

«Споры меня никуда не приведут», — мудро рассудил Чарли.

— Признаю, это несправедливо, — сказал он. Ван Грут начал немного остывать. — И все же я был бы очень при-

знателен, если бы ты позволил мне вернуть стрелку в надлежащее положение.

— Я же сказал, это создает неудобства. Вы, люди, никогда ничего не понимаете. Однако ты кажешься довольно симпатичным и приятным... для человека, конечно. И хорошо воспитан к тому же. Принимаю это к вниманию. Только принимаю к вниманию, понятно?

— Очень благородно с твоей стороны. Да-а, — (как человеку поддержать светскую беседу с гномом?) — чудесная погодка, не правда ли?

Кто-то швырнул из окна проезжающего поезда пустую пивную банку. Чарли спустился с платформы и убрал ее с путей.

— Я бы так не сказал. — Неизвестно, имел ли гном в виду «чудесную погоду» или что-то другое.

— Я думал, вы, гномы, живете в Ирландии или где-нибудь вроде того.

— Ирландия, мой близорукий друг, холодная, сырая, дождливая и нецивилизованная страна, в которой полно сумасшедших американских эмигрантов. Если там что-то и можно добывать в достаточном количестве, так это торф. Ты когда-нибудь видел ожерелье из торфа? А королевскую тиару? И огранке он не поддается. Ирландия! Наше ремесло — ковать железо и тесать камни, понимаешь? Мы по большей части шахтеры и кузнецы.

— Почему?

— Глупее вопроса мне не задавали!

— Извини.

— Ты что думаешь — нам плевать на Новый Свет, и мы отдадим его вам, людям? Когда твои шумливые, ленивые и праведные предки пересекли океан, мы перебрались вместе с ними. Ненавязчиво, естественно. Гномы были в Вэлли-Фордж[1] еще во времена Вашингтона! С Джонсом...

---

[1] Вэлли-Фордж — поселок на юго-востоке штата Пенсильвания. Зимовка армии Джорджа Вашингтона в Вэлли-Фордж стала символом героизма и стойкости в Войне за независимость США. *(Прим. ред.)*

— Хорошо, это я могу понять, — поспешил перебить гнома Чарли, — но мне казалось, что вы предпочитаете жить в сельской местности.

— Так и есть. Но ты же знаешь, какие сейчас времена. Мир становится урбанистическим. Мы тоже вынуждены менять привычки. У меня есть такие родственники на севере, *ты не поверишь!* Они думают, что все еще могут жить, как во времена Ирвинга Вашингтона[1]. Реакционеры!

Чарли попробовал представить гнома-реакционера, но у него ничего не вышло.

— И в деревне все трудней отыскать хорошую шахту с драгоценными камнями. Все земли истоптали туристы. Уже и приличного места, где поспать, не осталось — кругом снует сейсмическая разведка в поисках нефти. Любой дурак знает, что нефти нет в девяноста процентах мест, где они копаются. Но разве им объяснишь? Нет! И вот каждую ночь — бум, бум, бум. В метро гораздо удобнее и спокойнее.

— Та-а-ак. Ты хочешь сказать, что вы роете шахты... прямо здесь, на Манхэттене?

— *Под* Манхэттеном. Кстати, мы тут нашли массу отличных месторождений. Немного копни — и откроешь кучу пород с драгоценными камнями. Поинтересуйся историей Нью-Йорка. Землекопы натыкались на чудесные камни. Но никто и не подумал копнуть поглубже, им же надо было побыстрее понастроить этих стеклянных гробниц и пирамид. Турмалин, берилл, кварц... их навалом под фундаментами даже самых известных домов. Редкие и более дорогие камешки лежат глубже. В общем, Эмпайр-Стейт-Билдинг практически превратилось в шахту. Но наши бурильщики находят там и алмазы.

Чарли поперхнулся.

— И еще тут полно скрапа. Мы делаем из него скипетры и всякую мелочь. Просто чтобы не потерять мастерство. Чугунные скипетры нынче не в ходу.

— Понимаю, — сочувственно сказал Чарли.

---

[1] Вашингтон Ирвинг — американский писатель, новеллист, живший в XVIII в.

— Но ведь никогда не знаешь, когда понадобится хороший скипетр. Или подходящий Флаган-фландж.

— *Извини, не знаю, что это такое.*

— Я делаю его за полчаса.

— ...но что такое Флаган-фландж?

— Ну, их используют, чтобы привлечь... ладно, забудем. Про этот скрап и прочее. Мы заботимся об окружающей среде. Гномы понимают, что такое экология.

— Да-а... — Чарли прокрутил в голове возможный сценарий последующих событий. Вот он отчитывается перед замсстителем управляющего мистером Бродхаером: «Я перевел стрелку в надлежащее положение, сэр. Ее переставили гномы, потому что она мешала их шахтерским тележкам. *Но мне бы не хотелось, чтобы вы их наказывали,* так как гномы понимают, что такое экология».

— Все нормально, Димсдейл. Стой, где стоишь. Все будет хорошо.

Конечно, куда уж лучше!

— Но, я просто представил... — Чарли неуверенно махнул рукой в сторону Ван Грута. — Ты только посмотри на себя!

Гном посмотрел:

— А чего ты хотел? Ожидал увидеть зеленые листики, чулки и колпак? Знаешь, Манхэттен — одно из немногих мест в мире, где мы можем выбраться на поверхность и смешаться с людьми без особой шумихи. Конечно, мы делаем это по ночам. Ты уверен, что ни разу не видел никого из нас? Мы частенько бываем в театральном районе и на Таймс-Сквер.

Чарли задумался. У Флэтайрон-Билдинг около часа ночи? На скамеечках у площади Вашингтона? Мелькнет здесь, отразится в витрине там. Кто обратит внимание?

В конце концов — это Нью-Йорк.

— Понимаю. А все городские гномы...

— Метрогномы, — спокойно поправил Ван Грут.

— Все метрогномы одеваются, как ты?

— Стильно, да? — Похоже, Ван Грут был доволен вопросом. — Влетело мне в копеечку. Двойной шов, индиви-

дуальный покрой, естественно. Я не могу носить одежду «с вешалки». Вообще-то так одеваются не все. Многое зависит от твоей работы. Я своего рода администратор. Управляющий, если хочешь. Еще на стиль одежды влияет, где ты живешь. Гномы, что работают под Далласом, предпочитают стетсоновские шляпы и ковбойские сапоги. Те, которые живут под Майами, неравнодушны к цветастым рубашкам и большим черным очкам. А видел бы ты гномов, которые окопались под местечком, что называется бульвар Сансет в Лос-Анджелесе! — Ван Грут неодобрительно потряс своей лысиной, достойной кисти Босха. — Мы пришли.

Они стояли напротив стрелки. Чарли видел красный фонарь, уставившийся в туннель, словно налитый кровью глаз.

Тишину прервал низкий, напоминающий раскаты грома звук. Звук постепенно усиливался и превратился в рев, сотрясающий землю.

Из стены выкатилась старинная шахтерская тележка, в два раза меньше обычной. Позади ее толкали два гнома, впереди направлял третий. У правящего гнома были белые как лунь волосы и трехфутовая борода, которая развевалась за ним, как знамя.

Тележка преодолевала рельсы, и каждый раз кренилась, рискуя опрокинуться. Наконец ее перетащили через пути. На всех трех гномах были перепачканные комбинезоны и шахтерские каски с карбидными лампами. Тележка была нагружена необработанными драгоценными камнями, с виду напоминающими гравий. Гном-предводитель успел махнуть Чарли и Ван Груту рукой, и процессия исчезла в ближайшей стене. Грохот постепенно утих. Эти раскаты напомнили Чарли звук выброшенного мусора в мусоропроводе.

— Ну и чего ты ждешь? Перекидывай свою стрелку.

— Что? — растерянно переспросил Чарли. — Значит, можно?

— Можно. И поторопись, пока я не передумал.

Чарли спустился на пути и перекинул стрелку. Рельсы тяжело встали на место, и агрессивный красный глаз сме-

нился на доброжелательный зеленый. Теперь и на главной схеме контрольного пульта засветится зеленый свет.

— Итак, — произнес Ван Грут настолько многозначительно, что Чарли растерялся, — теперь ты — мой *должник*.

— Ага. Конечно. А... а что ты имеешь в виду? — с опаской спросил Чарли, припоминая вампиров и сатанинские жертвоприношения.

— Должен тебе сказать — здесь, внизу, сложилась довольно напряженная обстановка. Эти небоскребы, которые растут как грибы. А вы еще опять принялись расширять метро. Я ничего не могу гарантировать. Когда-нибудь вы добуритесь до наших раскопок, и мы опять получим забастовку.

— Гарантировать? Забастовку? — Чарли недоуменно тряс головой.

— Мальчик мой, когда ты начинаешь мямлить, тебе изменяет красноречие. Все именно так. Ты же знаешь, гномы не могут похвастать уравновешенным характером. Когда гномы бастуют — они начинают бедокурить. Последняя забастовка была... — Ван Грут назвал дату, которая в первый момент Чарли ничего не сказала.

Но потом он спохватился:

— Эй, ты не о том ли недельном блэкауте на северо-востоке?

— Ну, ты же понимаешь, как проходят забастовки. Ребята под Питсбургом и Бостоном объединились с гномами с электростанций и... Ну и заваруха началась! Очень щекотливое положение!

— Щекотливое! Бог ты мой, еще несколько дней и...

— Ты прав, — многозначительно кивнул Ван Грут. — Поначалу мы пытались надавить на ребят — взывали к разуму, моральным принципам и природному добродушию. Но когда это не сработало, мы напоили их до полусмерти, и исполнительный комитет поставил все на свои места.

— Неудивительно, что нашим инженерам не удалось найти оправдания случившемуся.

— Брось, им оправдаться — раз плюнуть. Не отказывай им в этом, — сказал Ван Грут. — Но, с другой стороны, — чего еще ждать от людей?

— Думаешь, такое может повториться? Ты с ума сошел!

Ван Грут пожал плечами и вальяжно стряхнул пепел с сигары:

— Это как посмотреть. Дело в том, что эта прибавка к твоей системе...

— Это не *моя* система!

— Понятно. В любом случае, у нас такие славные шахты хризобериллов и изумрудов...

— Шахты изумрудов!

— ...прямо под пересечением Шестой авеню и Шестнадцатой стрит. Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Да нет, я... погоди-ка минутку. Это там где?.. — Чарли выпучил глаза на гнома.

— Именно. Новый туннель Бронкс-Манхэттен как раз проходит чуть южнее от этого места. Но дело не в этом. Все дело в новой станции, которая заработает как раз над...

— Как раз над вашей шахтой, — прошептал Чарли.

— Ребят это очень расстраивает. Знаешь, они читают *Таймс*. Складывается очень взрывоопасная ситуация, Димсдейл. Очень взрывоопасная. — Ван Грут тяжело глянул на Чарли.

— Но от *меня-то* ты чего хочешь? Я всего лишь второй инспектор-ассистент заместителя управляющего по эксплуатации и ремонту метрополитена. Я не могу отдать распоряжение о смене месторасположения станции, маршрутов и всего прочего!

— Это не *моя* проблема, — заметил Ван Грут.

— Но по расписанию взрывные работы начнутся... господи, послезавтра!

— У меня та же информация, — вздохнул Ван Грут. — Очень плохо. Не представляю, что случится на этот раз. Ходят разговоры об объединении гномов Вермонта и Нью-Хэмпшира. Они хотят залить кленовым сиропом все телефонные кабели и стрелки от Грейт-Нек до Оттавы. Липкая ситуация, точно говорю!

— Но вы не можете... — Ван Грут посмотрел на Чарли, словно оценивал редкую породу земляного червя, и тот спик. — Да, вы можете.

— Так-то лучше, — сказал гном. — Я сделаю все, что в моих силах. Пусть я не согласен с методами наших ребят, но я разделяю их чувства. Они добывают там изумруды и... — Гном запнулся. — Все, что я могу тебе дать, — это двадцать четыре часа. Срок — завтра в полночь, не позднее.

— Почему в полночь? — наивно спросил Чарли.

— Традиция. Сможешь что-нибудь сделать, встретимся на этом же месте. Не сможешь — пеняй на себя.

— Послушай, я же тебе говорил — я всего лишь второй инспектор-ассистент...

— Я помню. Я не в ответе за твою карьеру. Это твои проблемы.

— Завтра суббота. По воскресеньям я всегда звоню маме в Гринвилль. Если вы слепите телефонные кабели, я не смогу позвонить.

— И председатель компьютерного правления, тот, который по воскресеньям с утра пораньше звонит своей любимой в Женеву, тоже не сможет этого сделать, — заметил Ван Грут. — Это будет очень даже демократичный кризис. Помни — завтра в полночь.

Попыхивая сигарой и игнорируя мольбы Чарли, управляющий исчез в ближайшей стене туннеля.

Утро выдалось холодное и ясное. Обычно утром по субботам Чарли отправлялся в Музей естественной истории. Потом в Гуггенхайм[1], посмотреть, не появилось ли новинок за прошедшую неделю. Оттуда в Виллидж — быстренько пройтись по магазину «Владенья книг Хеймакера». А затем домой — побаловать себя дорогим обедом из замороженного полуфабриката вместо банального цыпленка или швейцарского стейка. Потом в кино или на концерт и опять домой.

В эту субботу расписание Чарли претерпело значительные изменения. В музей он все-таки пошел, как обычно, но не испытал там привычного волнения. Даже выставлен-

[1] Нью-Йоркский музей современной живописи и скульптуры. *(Прим. ред.)*

ные в витринах выдолбленные лодки северо-восточной Индианы не возбуждали его как обычно. Вместо того чтобы представить себя стоящим на носу лодки с нацеленным в кита гарпуном, Чарли видел себя сидящим на корме и яростно орудующим веслом, чтобы оторваться от преследующих его злобных гномов в берестяных каноэ. А когда, взглянув на всегда внушавший ему трепет скелет королевского тираннозавра, Чарли увидел в улыбающемся черепе злобную кошку заместителя управляющего Бродхаера, он понял, что пора уходить.

Чарли мысленно составил речь. Он пойдет прямо к управляющему Фили. Смело и решительно войдет в кабинет и скажет: «Послушай, Фили, ты должен перенести новую станцию на Шестой авеню с северной стороны путей на южную, потому что, если ты этого не сделаешь, гномы зальют кленовым сиропом всю нашу телефонную сеть и...»

Чарли застонал.

Он стонал и выходя из музея. Каменные львы у входа в музей провожали его взглядом. По привычке он направился в Гуггенхайм, но обнаружил, что вместо этого бесцельно болтается по Центральному парку.

Надо подумать. Он может прокрасться в проектный офис и сжечь чертежи со схемой станции. Нет, так не пойдет. У них принято делать много копий. Чарли лично сделал три копии только для того, чтобы реквизировать скрепки для бумаг.

Можно проникнуть на стройплощадку и попытаться вывести из строя оборудование. Но это лишь отсрочит начало строительства на некоторое время. И потом, он не уверен, что разбирается в технике достаточно для того, чтобы вывести ее из строя. Его никогда не привлекала техника. Чарли вспомнил, что в школе он не особенно блистал на занятиях по труду. Все, что он мастерил, в итоге превращалось в держатель для салфеток.

А может, созвать на стройплощадке митинг в поддержку вступления Китая в ООН? На такие митинги всегда собираются шумные толпы возбужденных людей. Они вполне могут сами повредить технику! У него даже есть

приятель со связями в Обществе Джона Бирча, он может... нет, так тоже не пойдет. Правые радикалы не способны остановить *никакое* строительство.

Все это — временные меры. Тактика отсрочек. И потом, он может загреметь в тюрьму за любую из этих попыток. Такая перспектива привлекала Чарли еще меньше, чем пропущенный воскресный разговор с мамой.

Приближалось время ужина, а Чарли так ничего и не придумал. К реальности его вернул запах подгоревшей первоклассной телятины. Нежный запах обуглившегося мяса проник в его крохотную гостиную. Этот несъедобный результат работы плитки не улучшил и без того упавшее ниже обычного настроение Чарли.

То, что он сделал потом, было крайне необычно. Для Чарли в особенности. Он разгреб содержимое буфета и где-то глубоко, за бесчисленными банками с арахисом, за отменным шейкером для коктейлей, который он приобрел три года назад и так им ни разу и не воспользовался, за венцами, о которых лучше не упоминать, отыскал выпивку.

Чарли никогда много не пил (большей частью на корпоративных вечеринках), и он решил, что парочка глотков спиртного прояснит ему мозги. По пятницам вечером на третьем канале это средство регулярно помогало старому агенту Х-14. Итак, Чарли осторожно отхлебнул из первой бутылки. Затем из второй. Для разнообразия он пил из обеих по очереди. Они были как добродушные собачки. Милые и пушистые, как мальтийские болонки. Вскоре они стали похожи на двух разыгравшихся сенбернаров. А еще через некоторое время Чарли уже был не в состоянии подыскать им сравнение.

Вообще-то он не собирался напиваться. Это был, так сказать, побочный эффект. Он перестал цедить из горлышка по глотку и начал по-настоящему прикладываться.

Потом он накинул плащ. «Дождя нет, но кто знает», — подумал воинственно настроенный Чарли и направился на поиски более кусачих псов. Хорошо еще, что он не начал с марихуаны.

В коридоре Чарли посчастливилось или не посчастливилось столкнуться с мисс Овершейд. Мисс Овершейд жила напротив Чарли на солнечной стороне дома. Она была местной знаменитостью, так как зачитывала по телевизору сообщения о погоде в утреннем выпуске новостей на восьмом канале. Как-то ее выбрали Мисс Континентальный Шельф в Управлении порта Нью-Йорка. В данный же момент она удерживала титул Мисс Антициклон в нью-йоркском Совете Метеорологов.

Мисс Овершейд действительно была сложена как весьма эстетично скученные облака. Она вроде бы заметила Чарли:

— Добрый вечер, мистер... э-э-э... мистер...

— Димсдейл, — пробормотал Чарли, — Димсдейл.

— Ах да! Как поживаете, мистер Димсдейл? — поприветствовала соседа мисс Овершейд и, не притормозив, чтобы узнать, не находится ли Чарли на краю гибели, исчезла в своей квартире.

С такой же интонацией она сообщала телезрителям о муссонах. «Она не заметит меня, — подумал Чарли, — даже если я превращусь... в гнома».

Наплевав на лифт, он ринулся вниз по лестнице.

Ровно в семь Чарли прохлаждался в старом заведении с не самой хорошей репутацией под названием «Бар большого Свока». Он находился в блаженном состоянии опьянения на границе между нирваной и преисподней. В данный момент превалировала нирвана.

Чарли никак не мог ухватить какую-то засевшую в голове мысль. Это было как-то связано с тем, что ему говорил Ван Грут. Чарли старательно пытался найти хоть какую-нибудь зацепку, чтобы припомнить, что же это было. Мысль корчилась и извивалась, стараясь ускользнуть от Чарли. Он бы осторожен, так в этот вечер уже видел вещи, которые в реальности не существовали. Но к мысли это не имело отношения.

Он выбежал из бара так быстро, что даже забыл забрать сдачу. Этот случай настолько потряс владельца заведе-

ния — чье настоящее имя было Хохмейстер, — что еще несколько дней он не мог говорить ни о чем другом.

— Джонсон, Джонсон! Билл Джонсон! — кричал Чарли и колотил в дверь кулаками.

Билл Джонсон — это молодой геолог с песочного цвета волосами и песочного же цвета лицом, с кем Чарли время от времени перекусывал засохшими сандвичами в дешевом кафетерии при Управлении Метрополитена. Биллу не потребовалось много времени, чтобы заметить, что его приятель не так вежлив, как обычно.

— Чарли? Что, черт подери, стряслось?

К этому времени в голове у Чарли немного прояснилось, так как по пути к жилищу приятеля он заглотил три таблетки от похмелья. Таблетки он последовательно запивал водой, пепси и апельсиновым напитком, сахара в котором было достаточно, чтобы разрушить коренные зубы. В результате голова была спасена за счет желудка, который начал бунтовать.

— Билл, слушай! Ты можешь снять приборами... показания... ну, ты знаешь. Можешь определить, есть ли под землей что-нибудь необычное? Например, большие пустоты?

— Я определил большую пустоту, и она не под землей. Может, завтра зайдешь, а, Чарли? Я не один, понимаешь? — Билл попробовал улыбнуться и подмигнуть одновременно, отчего стал похож на человека, которого одолевают почечные колики.

— Билл, ты должен снять эти показания! *Можешь* сделать одну проверку? Я помню, ты об этом рассказывал. Пойми... ик... друг! Это важно! Подумай о телефонной компании!

— Не стану. Мне счета два дня назад принили. А теперь, Чарли, будь другом, отвали. Подождешь до понедельника. Говорю же — *я не один!*

Чарли был в отчаянии:

— Ты только скажи — ты можешь снять такие показания?

— Ты имеешь в виду тест грунта, тот, что я делал для Управления Метрополитена?

— Да! Этот!

Чарли нервно приплясывал у двери в квартиру Билла, и эта пляска не вызывала у хозяина одобрения.

— Ты должен сделать для меня этот тест!

— Снять показания сейчас? Ты пьян!

— Конечно нет!

— Тогда почему тебя так клонит влево?

— Я всегда был либералом. Слушай, ты знаешь станцию, которую планируют построить для линии Бронкс-Манхэттен? На перекрестке Шестой и Шестнадцатой?

— Слышал о ней. Но это относится скорее к твоей работе, чем к моей.

— Это неверно. Ты должен съездить туда и снять показания. Сегодня, сейчас. Я... у меня есть основания утверждать, что там нестабильный грунт.

— Ты с ума сошел. В Манхэттене нет нестабильных мест, если не считать забегаловок в Гринвич-Виллидж. Там практически сплошной гранит. Кстати, ты хоть представляешь, который сейчас час? — Билл демонстративно посмотрел на часы. — Господи, уже половина девятого!

Этот грубый намек произвел обратное ожидаемому впечатление на Чарли.

— О господи! — эхом отозвался он и поднес к носу собственные часы. — Половина девятого! Нам надо спешить! Времени только до двенадцати!

— Мне кажется — у тебя его еще меньше, — заметил Билл.

— У кого? — поинтересовался мелодичный голосок из-за двери.

— Кто это? — спросил Чарли, пытаясь заглянуть за спину друга.

— Телевизор. А теперь послушай, иди домой, и я сделаю все, что ты просишь. В понедельник, лады? Пожалуйста.

— Не говори ерунды, Билл, — произнес мелодичный голосок. Дверь открылась шире, и за спиной Билла появи-

лась девушка в обтягивающих брючках и свитере. — Почему ты не пригласишь друга войти? Чарли, если я не ошибаюсь?

— До сих пор был им, — ответил Чарли.

— Действительно, сам не пойму — почему, — сказал Билл голосом, которым можно было бы дубить кожу. Он открыл дверь шире, и Чарли проскользнул в квартиру.

— Привет, меня зовут Абигейл, — проворковала девушка.

— Абигейл? — изумился Чарли.

— Абигейл, — подтвердил Билл и кивнул.

— А меня зовут Чарли.

— Я знаю.

— Знаете? Мы встречались?

— Давай ближе к делу, — сказал Билл.

— Абигейл, вы должны мне помочь. Я нуждаюсь в неисчерпаемых научных знаниях Билла. Он должен принять участие в предприятии, от которого зависит безопасность Нью-Йорка! — Глаза у Абигейл расширились, а у Билла стали убийственными, как пули дум-дум.

— У меня есть основания полагать, — заговорщицки продолжал Чарли, — что грунт под Шестой авеню и Шестнадцатой стрит нестабилен. Если это не будет подтверждено сегодня вечером, многие жизни будут в опасности! Черт, я должен подкрепить свои предположения фактами.

— Не чертыхайся. Господи, это просто фантастика! Изумительно, правда, Билл?

— Еще как, — ответил Билл. В эту минуту он был готов изумить ее еще больше, придушив своего друга прямо перед ее изумленными глазами.

Чарли начал рыскать по комнате, стреляя по сторонам своими окулярами.

— Ну же, Билл, не стой на месте! Мы должны собрать твое снаряжение. Прямо сейчас. Ты согласна, Абигейл?

— О да. Билл, поторопись, сделаем это!

— Хорошо, — сквозь зубы прошипел Билл, — сейчас, только возьму шляпу и плащ. — Он посмотрел на приятеля. — На улице дождь?

Чарли стоял на карачках и заглядывал под диван.

— Дождь? Не мели чепухи! Конечно, никакого дождя нет. С чего ты взял, что на улице дождь?

— Проехали, — сказал Билл. — Сам не знаю, что это мне взбрело в голову.

Перекресток Шестой авеню и Шестнадцатой стрит — не самое людное место в городе, даже в субботний вечер. Особенно после того, как его забаррикодировали строительной техникой. С другой стороны, темным переулком его тоже назвать было нельзя. Пьянчужки, комфортно пристроившиеся в своих излюбленных уголках, не представляли опасности. Но там было достаточно пешеходов, чтобы их присутствие нервировало Чарли и заставило переживать за выполнение его важной миссии.

— Почему бы нам не пройти там? — спросил он, указывая на скопление экскаваторов.

— Потому что стройплощадка окружена трехметровым забором с колючей проволокой по верху, с тройной сигнализацией на воротах и охраняется злыми клыкастыми псинами, вот почему.

— А-а, — сказал Чарли.

— А ты не можешь сделать все, что надо, прямо здесь? — поинтересовалась Абигейл.

— Ага, ты ведь не собираешься делать *слишком* большой взрыв, правда? — брякнул Чарли.

Надо сказать — Чарли действительно худо-бедно, но соображал. Действие таблеток ослабло, и он начал говорить громче обычного.

Слово «взрыв» возымело действие на прогуливающиеся парочки, и они шарахнулись на противоположную сторону улицы, освободив довольно приличное пространство.

— Вздумалось орать, — прошипел Билл, — забудь про взрывы! Хочешь, чтобы нас арестовали? — Он отвернулся и осмотрел дощатый забор, который отгораживал пустырь у них за спиной. — В этом заборе наверняка есть какая-нибудь калитка или расшатанная доска. Мне всего-то надо установить там крохотный капсюль. Получишь самые сжатые данные — и дело с концом!

Они отыскали лазейку в заборе. Пока Чарли и Билл прикрывали Абигейл со стороны улицы, она проскользнула за расшатанную доску. За ней последовал Чарли, потом Билл просунул в щель свой чемоданчик с комплектом инструментов и пролез за забор сам. Они стояли на небольшом пустыре.

— О-о! Это так *возбуждает*! — прошептала Абигейл.

— Одна из самых волнующих ночей в моей жизни, — проворчал Билл. Он затосковал с тех пор, как понял, что единственный способ избавиться от приятеля, не считая убийства, — это принять участие в его идиотской затее.

— Только приготовьтесь смотаться отсюда по-быстрому, ладно? Мне совсем не хочется объяснять какому-нибудь нью-йоркскому копу, что я в девять часов вечера в субботу произвожу на пустыре сейсмические тесты.

— Уже так поздно? — завопил Чарли, не обращая внимания на приятеля, который пытался заставить его замолчать. — Быстрее! Быстрее!

— Я все сделаю, только *заткнись*! — простонал Билл, теряя терпение.

Чарли и Абигейл стояли в сторонке и наблюдали за тем, как он выкапывает небольшую ямку складной лопаткой. Потом Билл достал что-то из чемоданчика, положил в ямку, присыпал землей и утрамбовал сверху лопаткой. Закончив, он подошел к своим друзьям, протягивая за собой два тонких провода.

— Это так волнующе! — сказала Абигейл.

Билл обиженно посмотрел на подругу, а Чарли тем временем буквально подпрыгивал в нетерпении.

Билл нажал на кнопку на небольшом приборчике, из которого тянулись провода. Послышался приглушенный «бум!». Комки земли подлетели на несколько метров в тепловатый вечерний воздух Нью-Йорка. За компанию с ними взлетели неорганического происхождения башмак и несколько пустых консервных банок из-под тунца.

— Ну? — спросил Чарли. Он повторил свой вопрос несколько раз, прежде чем до него дошло, что Билл не слышит его из-за наушников. Тогда он похлопал друга по плечу. — Сколько времени это займет?

— Слишком много, — отвечал Билл, с тоской глядя на Абигейл, которая осматривала малюсенький кратер. — Очень слабый взрыв. Мне придется уточнять и переуточнять результаты, до тех пор пока компьютер не выдаст нужную распечатку. Может — час, может — два.

— Это *слишком* долго! — жалобно взвыл Чарли.

— Это слишком *сложно*! — Билл готов был сорваться.

— Ну, хорошо, ты только поторопись, ладно?

Билл скрипнул зубами и ничего не ответил.

— Не могу в это поверить! — На лице молодого геолога отражалось неподдельное изумление.

— Что случилось, что там? — спросила Абигейл.

Билл медленно отвернулся от своих приборов и посмотрел снизу вверх на Чарли.

— Ты был прав. Сукин сын, ты был прав! Я не могу поверить, но... пустоты! Господи, там самая настоящая *пещера*!

— Она затрагивает туннель?

— Нет, но если здесь построить станцию... Все может обвалиться под строительными блоками. А к чему приведут взрывные работы, я вообще не представляю. Не думаю, что кто-то пострадает, но дополнительные *расходы*... на страховку крановщиков и...

— Да, это уже серьезно, — сказал Чарли. — Эй, который час?

— Где-то двадцать минут двенадцатого, — ответил Билл, глянув на часы.

Чарли уставился на свои:

— Боже мой, двадцать минут двенадцатого! Я должен бежать! Скоро увидимся, Билл!

— Не думаю, — буркнул геолог.

— И спасибо! Спасибо миллион раз! Ты доложишь о результатах проверки в Управление, доложишь?

— Ну конечно! — крикнул Билл в спину исчезающего за забором приятеля.

Почему бы не доложить? Его, несомненно, похвалят за предвидение и обнаружение разрыва в грунте. Может, да-

же напишут о нем в газетах или в каком-нибудь журнале. После всего, через что он прошел в этот вечер, это будет заслуженно.

— Ну, не дуйся, — прошептала Абигейл, целуя Билла. — Ты был великолепен! Это было не так уж трудно. И еще, мне кажется, что это было весело. И так необычно. Меня никогда раньше не приглашали на сейсмические тесты.

Билл недовольно сощурился от направленного на них луча света:

— И ты будешь первой девушкой, которую за это арестовали. — Билл вздохнул и поцеловал Абигейл.

— Ван Грут! Ван Грут!

Чарли казалось, что он уже несколько часов бредет по туннелю. Он шел по служебной платформе и спускался на пути, не задумываясь о том, что в любой момент в тоннель может ворваться ревущая электричка и размазать его по рельсам.

— Эй, гном! Я здесь, гном! — Это было еще опаснее. Если он наткнется на ночного инспектора, ему придется оправдываться. — Ван Грут! — Чарли не был уверен, что у него хватит ума объяснить все это. — Эй, гном!

Получится или не получится?

— Де Пайстер[1], — послышался знакомый голос. — Хватит кричать! Я прекрасно тебя слышу!

— Ван Грут! Я тебя нашел! Это ты!

— Эврика, — сухо заметил гном, — я бы, конечно, очень расстроился, если бы ты нашел меня, а я оказался бы кем-то другим.

В этот вечер управляющий был в синем костюме из гладкого искусственного шелка. Берет исчез, а его место занял серебристо-голубой тюрбан. Из нагрудного кармана пиджака высовывался шелковый платок золотистого цвета, в тон туфлям из кожи буйвола.

---

[1] Реджинальд де Пайстер — персонаж книг Руфуса Кинга, детектив *(Прим. ред.)*.

— Ну?

Чарли ловил ртом воздух. Как оказалось, алкогольная диета и физические упражнения, которыми он занимался весь вечер, подходят друг к другу гораздо меньше, чем, скажем, шоколад и кофе.

— Все... все в порядке! Все будет хорошо. Можешь сказать своим родственникам с севера, чтобы они оставили сироп в деревьях и не устраивали нам затемнение или еще какую-нибудь катастрофу! Ваша шахта не пострадает.

— Что ж, это радует! — сказал Ван Грут. — Как тебе это удалось? Должен признаться, я не очень-то в тебя верил.

— Друг... мой друг представит в Проектный Комитет Метрополитена доказательства того, что грунт под будущей станцией нестабилен. Не подходит для земляных работ. Если они решат, что из-за этого строительство обойдется хоть на пять баксов дороже, они перенесут его на южную сторону туннеля. Надо было использовать факт существования вашей шахты, не притворяться, что ее там нет. Они, конечно же, не знают, что это шахта.

— Сейсмический тест?

— Да. Как ты узнал?

— Это просто. Три моих лучших землекопа жаловались сегодня на мигрень.

— Извини.

— Пустяки. Это пойдет им на пользу. — Ван Грут удовлетворенно хохотнул.

— В любом случае, — продолжал Чарли, — Управление Нью-Йоркского Метрополитена не остановит угроза чьей-то жизни, сроки и прочие трудности. Но деньги... да, можешь не волноваться за свою шахту.

— А ты за свои телефонные линии. И ваш председатель Компьютерного Правления тоже может не волноваться.

— Станцию так и так построят. Но она вас не очень будет беспокоить, — добавил Чарли, винные пары снова ударили ему в голову. Мозг и желудок стали агрессивными.

— Ты отлично со всем справился, мой мальчик, правда. Ты меня удивил. Уже очень давно мы с людьми не обменивались любезностями.

— Готов поспорить — это вы все подстроили. Так или иначе, я должен быть честен. Я сделал это не для вас. И не для себя. Я... я сделал это... — Высокий Чарли вытянулся по стойке «смирно» с патриотичным выражением на лице. — ...Для телефонной компании! — Честь он отдавать не стал.

— Браво! Надо бы тебе что-нибудь подарить. Какой-нибудь сувенир на память. Полагаю, ты вряд ли будешь пользоваться симпатичным чугунным скипетром?

— Вряд ли. Никаких коронаций в ближайший месяц. Мне надо очухаться.

— Жаль. Хорошо, вот возьми хоть это.

— Конечно, — согласился Чарли. Гном опустил что-то в карман плаща Чарли. — Пока, Вин Грат! Приятно было познакомиться. Заглядывай как-нибудь ко мне. Сыграем пару партий в... в!..

— Может, и заскочу, — ответил Ван Грут. — Как-нибудь вечерком. Игру принесу с собой.

Чарли прошел уже половину туннеля, когда его осенила неожиданная мысль, и он закричал, повернувшись назад:

— Эй, Ван Грит!

— Что? — донесся из темноты слабый голос.

— А что ты мне дал?

— Что за вопрос, естественно, Флаган-фланж!

Чарли хихикал, думая о произошедшем. Он не мог остановиться и все хихикал. Однако ничего особенно смешного в этом не было. Это действовало Чарли на нервы, и он перестал хихикать.

Он как раз собирался слиться в объятиях со своим матрасом, когда в дверь постучали. Стук повторился. Гость не собирался уходить.

Чарли, ворча под нос, доковылял вслепую до двери и посмотрел в глазок. Никто в Нью-Йорке в два часа ночи не откроет дверь просто так. Чарли вдруг пришло в голову, что, может быть, он лег спать четыре часа назад, и все еще спит. Дверь, однако, он открыл.

Это была Мисс Антициклон.

На ней был халат, небрежно накинутый на белье, тоньше паутины. Кучевые формирования волнующе проглядывали сквозь ажурное белье.

— Можно мне войти, мистер... э-э-э...

— Димсдейл,— промямлил Чарли,— Чарли Димсдейл.— Он отступил на два шага назад, и дверь, которую он не отпускал, поползла следом.

Мисс Антициклон вошла внутрь и прикрыла за собой дверь. Вырез халата расширился еще больше, то же произошло со зрачками Чарли. Прямо пропорционально.

— Ты подумаешь, что я *ужасна*,— это была вопиющая ложь,— но...— Она очень странно посмотрела на Чарли.— Я не могу... не могу объяснить это. Но если, если бы ты только...

Мисс Антициклон быстро шагнула к Чарли и обвила его руками. Для человека, давно не практиковавшегося в этом деле, Чарли среагировал как надо. Она шептала что-то ему на ухо. Это не был прогноз погоды. На самом деле она нежно шептала:

— Все будет хорошо. Он думает, что я в Женеве.

Чарли покрепче обнял Мисс Антициклон, направился с ней в комнату и ногой захлопнул за собой дверь. Он мрачно слушал шепот соседки.

Теперь Чарли знал, что именно привлекает Флаган-фланж.

Л. СПРЭГ ДЕ КАМП

Глаз Тандилы

Несмотря на популярность «Властелина колец», *нельзя не признать, что вновь возросший интерес к жанру фэнтези во многом связан с именем Спрэга де Камна (L. Sprague de Camp, 1907–2000). Он начинал в легендарном журнале Джона В. Кэмпбела (John W. Campbell)* «Неизведанное» *(«Unknown»), где впервые были напечатаны его истории про Гарольда Ши, написаные в соавторстве с Флетчером Прэттом (Fletcher Pratt), затем последовали* «Дипломированный чародей» *(The Incomplete Enchanter, 1941) и другие книги. Спрэг де Камп переработал несколько рассказов Роберта Говарда (Robert E. Howard) о Конане Варваре и выпустил первую полную серию книг о Конане. Сам же де Камп предпочитает работать в жанре комического фэнтези, и я рекомендую почитать его рассказы* «Башня гоблинов» *(The Goblin Tower, 1968),* «Часы Ираза» *(The Clocks of Iraz, 1971),* «Король поневоле» *(The Unbeheaded King, 1980),* «Демон, который ошибался» *(The Fallible Fiend, 1973),* «Посвященный в рыцари» *(The Incorporated Knight, 1987),* «Одержимая пэресса» *(The Pixilated Peeress, 1991) и* «Пурпурные птеродактили» *(The Purple Pterodacyls, 1979) — последняя история относится к серии «о приключениях Вильсона Ньюбери, расколдованного финансиста». Представленный ниже рассказ — одна из ранних приключенческих историй де Камна, которую давно пора было переиздать.*

Как-то днем — это было так давно, что с той поры выросли горы и города у их подножия, — Диризонг Тааш, колдун короля Вуара Капризного, сидел в своей библиотеке и, попивая молодое жиккское вино, читал «Избранное» Лонтанга. На него снизошло умиротворение — уже несколько дней по естественным или еще каким-либо причинам никто не предпринимал попыток убить колдуна. Когда Диризонгу надоедало ломать голову над секретами глиптики, он разглядывал поверх бокала разрисованный экран, на котором великий Шуазид (еще до того, как его невзлюбил капризный Вуар) изобразил целое стадо демонов, начиная с ужасного Фиранзота и заканчивая са-

мым незначительным эльфом, которых придворный колдун мог призвать к себе на службу.

Любой, глядя на Диризонга, задался бы вопросом — зачем тому призывать эльфа. Сам колдун был маленьким щекастым человеком (маленьким для лорскийца) с седыми волосами, обрамлявшими его круглую физиономию. Когда Диризонг проходил зомпур-процедуру, он по беспечности забыл в списке того, что хотел бы оставить навеки молодым, упомянуть волосы. Это упущение вызывало шквал насмешек со стороны его собратьев колдунов.

В данный момент Диризонг Тааш планировал выпить столько вина, чтобы не потерять способность вытащить свое полное тело из кресла, добраться до столовой и разделить ужин со своим помощником Жамелом Сихом. Недоброжелателей у Диризонга было предостаточно, и еду из предосторожности подавали четыре его сына, а Жамел, по тем же причинам, первым снимал пробу. После того как они опустошат еще несколько кувшинов вина, Диризонг планировал выбрать трех из своих прелестных наложниц и отправиться в постель. Безобидная программа — любой скажет. Диризонг даже решил, каких именно красавиц он возьмет с собой сегодня, но еще не определился с вопросом очередности.

И в этот момент в дверь постучали и раздался пронзительный голос самого наглого пажа короля Вуара:

— Господин колдун, король желает видеть тебя немедленно!

— Зачем? — проворчал Диризонг.

— А я знаю, куда улетают аисты зимой? Мне известны секреты зомби из Седо? Нашептал ли мне северный ветер, что лежит за стенами Рифая?

— Ладно, ладно. — Диризонг зевнул, поднялся и потопал в тронный зал.

Временами он оглядывался, ему не нравилось идти по дворцовым коридорам без Жамела, который всегда прикрывал его спину от удара кинжала.

Лампа над троном освещала лысую башку Вуара, который смотрел на колдуна из-под кустистых бровей. Король

восседал на троне в зале аудиенций, над головой у него висел охотничий рог великого Зинаха, его отца.

На троне пониже сидела наложница-фаворитка Илепро из Лотора — коренастая, коротконогая лотрийка средних лет, волосатая и зубастая. И что только в ней нашел король... Возможно, к середине жизни он пресытился красотой и находил пикантность в ее противоположности. А может быть, после того, как Верховный Правитель Лотора Конесп практически силой всучил ему свою сестру, овдовевшую после случайной гибели ее мужа на охоте, монарх действительно влюбился.

Но возможно также, что за всеми этими страшными событиями стоял колдун-жрец Лотора. Чтобы вынудить короля Вуара сделать своим наследником маленького сына Илепро, рожденного от ее лоторийского мужа, требовалось колдовство или еще что-нибудь посильнее. А судя по слухам, Вуар сделал именно это. Диризонг порадовался, что малыша не было в зале, правда, в ногах Илепро сидел квартет укутанных в бесконечные меха лотриек.

Диризонг подозревал, что происходит что-то непонятное, причем из разряда того, что, став понятным, вряд ли ему понравится. Несмотря на мирные отношения между Лотором и Лорском, колдун сомневался, что лотрийцы могут забыть опустошительный набег лорскийцев, которым король Зинах ответил на их вторжения.

После того, как он пал ниц, Диризонг Тааш заметил кое-что, на что поначалу не обратил внимания, а именно — на маленьком столике напротив трона, где обычно стояла ваза с цветами, сейчас располагалось серебряное блюдо, а на блюде голова министра торговли, с тем тупым и бессмысленным выражением на лице, какое обычно приобретают головы, отделенные от туловища.

Очевидно, король Вуар пребывал не в самом хорошем настроении.

— Слушаю тебя, о король! — Диризонг Тааш нервно поглядывал то на короля, то на голову министра.

— Слушай же, мастер, — сказал король, — у моей наложницы Илепро, которую, надеюсь, ты знаешь, возникло желание, исполнить которое можешь только ты.

— В самом деле, Ваше Величество?

Диризонг неправильно истолковал услышанное и выпучил глаза, как самец жабы весной. Во-первых, всем было известно, что король не имеет обычая делиться своими женщинами, а во-вторых — Диризонг меньше всего хотел, чтобы король выбрал для него из своего гарема Илепро.

Король продолжал:

— Она желает получить драгоценный камень — третий глаз статуи богини Тандилы. Ты знаешь этот храм в Лоторе?

— Да, сир. — Хотя Диризонг удерживал на лице подобострастную улыбку, сердце его ушло в пятки. Это пахло развлечением похлеще, чем интимная близость с Илепро.

— Этот бестактный наглец, — сказал Вуар, указывая на голову министра торговли, — услышав, какую задачу я перед ним ставлю, заявил, что камень нельзя купить, ну я и приказал укоротить его. Теперь я сожалею об этом поспешном действии, так как в результате выяснилось, что он был прав. И, следовательно, остается одно — украсть камень.

— Д-да, сир.

Король опустил длинный подбородок на кулак, его агатовые глаза смотрели вдаль. Кольцо на пальце короля мерцало в свете лампы. Кольцо было сделано из сердцевины упавшей звезды и обладало такой силой, что даже колдуны Лотора не могли причинить вред его владельцу.

Король продолжил:

— Мы можем либо открыто завладеть им, что означает войну, либо украсть его. А я, хоть и собираюсь выполнить прихоть Илепро, с лотрийцами воевать не хочу. Пока это нецелесообразно. Таким образом, ты отправишься в Лотор и добудешь этот камень.

— Да, конечно, сир, — сказал Диризонг с воодушевлением, которое было, мягко говоря, натужным. Любая мысль о том, чтобы попробовать возразить, мгновенно исчезала, стоило только взглянуть на невезучего министра на серебряном блюде.

— Естественно, — дружелюбно сказал Вуар, — если ты считаешь, что твоих сил недостаточно, я уверен, что король Жиска одолжит мне своего колдуна тебе в помощь...

— Никогда, сир! — воскликнул Диризонг и вскочил в полный рост. — Этот головотяп будет не помощником, а камнем на моей шее!

Неизвестно почему, но Диризонгу показалось, что улыбка короля Вуара была похожа на волчий оскал.

— Так тому и быть.

Вернувшись в свои апартаменты, Диризонг Тааш позвонил своему помощнику. После третьего звонка в комнату вошел Жамел Сих. Он небрежно размахивал большим бронзовым мечом, держа его за головку рукояти.

— Когда-нибудь, — сказал Диризонг, — демонстрируя эти свои фокусы, ты отрубишь конечность какому-нибудь бедняге, и я надеюсь только на то, что это будешь ты сам. Завтра уезжаем на задание.

Жамел Сих перехватил меч за рукоять и улыбнулся своему господину:

— Отлично! Куда?

Диризонг просветил своего помощника.

— Еще лучше! Действие! Захватывающе! — Жамел рассек мечом воздух. — С тех пор как ты наложил заклинание на мать королевы, мы сидим в своих апартаментах, как белоцекие казарки на шесте, и ничего не делаем, чтобы заслужить милость короля Вуара.

— А что здесь плохого? Я никому не досаждаю, никто не досаждает мне. А теперь, когда зима на подходе, мы должны отправиться на окраину каменистого Лотора, чтобы вытащить из статуи какую-то никчемную безделушку, которую приспичило заиметь глупой королевской фаворитке.

— Интересно почему, — сказал Жамел. — Раз уж она урожденная лотрийка, то должна бы оберегать религиозный символ своей земли, а не воровать его, чтобы прибавить к своим украшениям.

— Никогда не угадаешь. Наши-то женщины непредсказуемы, а уж лотрийки... Так что давай продумаем маршрут и снаряжение.

В ту ночь Диризонг взял к себе в постель только одну наложницу.

Они поехали на восток в плодородный Жиск на берегу Тритонского моря и в городе Бинкаре отыскали друга Диризонга гранильщика Гошапа Тажа, который поделился с ними бесценной информацией.

— Третий глаз богини Тандилы, — рассказывал Гошап Таж, — это драгоценный камень размером с небольшой кулак. Он не огранен и имеет форму яйца темно-пурпурного цвета. Если смотреть на камень с одного конца, то от него исходят лучи, как от сапфира, но в количестве семи, а не шести. Он заменяет зрачок в центральном глазу статуи Тандилы, удерживаемый на месте свинцовыми зубцами. Что касается остального — жрецы наняли стражей для своего сокровища, о них я не знаю ничего, кроме того, что оба они свирепы и опасны. За последние пять столетий было предпринято двадцать три попытки стянуть камень, все они заканчивались фатально для воров. Когда я в последний раз видел тело вора...

Пока Гошап описывал, каким образом поступили с вором-неудачником, Жамел извергал из себя рвоту, а Диризонг смотрел в свой бокал с вином с таким выражением, будто там плавала какая-нибудь многоножка, хотя они с Жамелом, без сомнения, были не самыми мягкосердечными людьми в то жестокое время.

— Свойства камня?

— Впечатляющие, хотя, возможно, преувеличены, так как известны только по слухам. Это самый мощный в мире антидемоник. Он может даже противостоять самому ужасному Тр'лэнгу, а это самый могучий из демонов.

— Этот камень сильнее кольца короля Вуара из звездного металла?

— Гораздо. Как бы там ни было, на правах старого друга позволь дать тебе совет — смени имя и наймись на службу

к какому-нибудь менее требовательному господину. Нет никакого смысла искать способ раздобыть этот «глаз».

Диризонг Тааш провел рукой по своим седым шелковистым волосам и бороде:

— Ты прав. Он постоянно травмирует меня своими грубыми сомнениями в моей компетентности, но расстаться с роскошью, которая меня окружает, не так уж просто. Где еще мне предоставят по первой просьбе бесценные книги и восхитительных женщин? Нет, если бы не эти его периодически накатывающие капризы, Вуар действительно был бы очень хорошим хозяином.

— О чем я и говорю. Откуда тебе знать, не повернутся ли его капризы когда-нибудь против тебя?

— Я и не знаю. Временами думаю, что гораздо легче было бы служить королю варваров. Варвары с их привычками и ритуалами более предсказуемы.

— Так почему тебе не бежать? За Тритонским морем лежат земли роскошного Торратсиша, в этих краях человек с твоими качествами быстро поднимется до...

— Забудь об этом, — сказал Диризонг. — У короля Вуара останутся заложники — мое незначительное семейство: четырнадцать наложниц, двенадцать сыновей, девять дочерей и несколько визжащих внуков. И ради них я должен выполнить приказ короля, хотя бы Западное море поглотило весь Пусаад, как предсказано в пророчествах.

Гошан пожал плечами:

— Дело твое. Только не говори, что ты из этих неуклюжих середнячков, слишком толстых и низеньких, чтобы когда-нибудь стать настоящими меченосцами, не говори, что не можешь достичь колдовских высот, потому что не отказываешься от удовольствий твоего зенана[1].

— Благодарю тебя, добрый Гошан, — сказал Диризонг, потягивая молодое вино. — Но, как бы там ни было, я живу не для того, чтобы достичь высокого положения в каком-нибудь полку аскетов с суровой дисциплиной, а для того, чтобы радоваться жизни. А сейчас назови мне надежного

---

[1] Зенан — *зенана (англ.-инд.)* — женская половина в доме.

аптекаря, у которого я могу приобрести сир-порошок высшей пробы и очистки.

— Дуалор тебе поможет. Какое обличье вы намерены для себя выбрать?

— Я думаю, мы отправимся в путь под видом торговцев из Парска. Если услышишь о такой парочке, с приключениями пересекающей Лотор, не удивляйся.

Диризонг приобрел свой сир-порошок за несколько плиток золота с печатью короля Вуара, и они с Жамелом вернулись на постоялый двор. Там колдун нарисовал свои пентаграммы, рассыпал порошок и произнес Заклинание Девяти Муз. По окончании процедуры Диризонг и Жамел без сил растянулись на полу. Они превратились в пару смуглых горбоносых парней с кольцами в ушах, в развевающихся парскских одеждах.

Восстановив силы, они двинулись дальше. Колдун с помощником пересекли пустыню Решейп, не страдая особенно ни от жажды, ни от ядовитых насекомых, ни от духов пустоты. Проехали через лес Антро, и на них не пытались напасть ни разбойники, ни саблезубые кошки, ни ведьмы Антро. Наконец, они перевалили через лысые холмы Лотора.

Когда они остановились на ночлег, Диризонг сказал:

— По моим расчетам и судя по тому, что говорили нам путники, до храма остался один день пути. Следовательно, пришло время выяснить — сможем ли мы выполнить задание с помощью кое-кого, а не нашей уязвимой оболочки. — С этими словами он принялся рисовать на земле пентаграммы.

— Ты хочешь сказать, что собираешься вызвать Фиранзота? — спросил Жамел Сих.

— Именно.

Жамела передернуло.

— Когда-нибудь ты оставишь открытым угол пентаграммы, и тогда нам конец.

— Это точно. Но покушаться на третий глаз богини с инструментом послабее — гарантированный пропуск на тот свет. Так что успокойся и приступим.

— По мне так нет ничего рискованнее, чем общение с Фиранзотом, разве за исключением самого Тр'лэнга, — пробормотал Жамел, но подчинился.

Они прошли через заклятье Бр'тонга, которое реконструировал Диризонг Тааш по «Избранному» Лонтанга, и за границами главной пентаграммы возник темный силуэт Фиранзота, слегка подрагивающий. Диризонг почувствовал, как тепло его тела поглощается холодом, исходящим от духа, и возрастающее давление, которое порождало присутствие этого существа. Жамел Сих, несмотря на всю его внушительную мускулатуру, съежился.

— Что нужно? — почти беззвучно прошептал Фиранзот.

Диризонг собрался с силами и ответил:

— Ты украдешь драгоценный камень из среднего глаза статуи богини Тандилы в ближайшем храме и передашь его мне.

— Этого я не могу сделать.

— Почему?

— Во-первых — потому, что жрецы Тандилы провели вокруг своего храма линию такой силы, что никакие послания, никакие подобия, никакие духи, включая великого Тр'лэнга, не могут ее пересечь. Во-вторых — потому, что и сам глаз окружен гибельной аурой, из-за которой ни я, ни мне подобные, ни даже сам Тр'лэнг не можем добраться до него. Могу я теперь вернуться в свое измерение?

— Уходи, уходи, уходи... Что ж, Жамел, похоже, нам самим придется решить эту малоприятную задачу.

На следующий день они снова двинулись в путь. Холмы превратились в суровые, неприступные горы, а дорога в узенькую тропку, извивающуюся между отвесными скалами. Лошадям, больше привыкшим к просторным равнинам Лорска, по которым мирно бродят стада бизонов, не нравилось изменение рельефа местности. Они шарахались от острых уступов, обдирая о камни ноги наездников.

Лучи солнца едва проникали в эти ущелья из черного камня, темнеть там начинало сразу после полудня. Потом небо заволокли облака, и скалы заблестели от холодного

тумана. Тропа привела к подвесному мосту. Лошади заартачились.

— Я их не виню, — сказал, спешиваясь, Диризонг Таш. — Клянусь раскаленными клыками Вража, только воспоминание о самой прелестной моей наложнице придает мне мужество ступить на этот мост!

Они выстроили лошадей в линию. Диризонг тащил первую, Жамел молотил по крупу последнюю, и лошади неохотно подчинились. Колдун только один раз глянул вниз на бурлящий водный поток далеко внизу и решил больше этого не делать. Подошвы сапог и копыта лошадей гулко стучали по дощатому настилу, им вторило отраженное от отвесных скал эхо, ветер перебирал канаты, на которые был подвешен мост, словно это были струны гигантской арфы.

На противоположной стороне ущелья дорога продолжала уходить вверх. Колдун и его помощник встретили двух путников — мужчину и женщину верхом на лошадях. Им пришлось отъехать назад за поворот, чтобы разминуться с Диризонгом и Жамелом. Путники ехали, с мрачным видом уставившись в землю, и в ответ на жизнерадостное приветствие колдуна пробормотали что-то нечленораздельное.

Дорога резко свернула в глубокую расселину в скале, цокот копыт, усиленный эхом, зазвучал в три раза громче натурального, а дорогу едва можно было различить в темноте. Дно расселины постепенно поднималось все выше, и вскоре Диризонг и Жамел выехали на плоскогорье, поросшее редкими карликовыми деревьями и усыпанное грудами камней. Неровная дорога петляла между камнями и наконец привела к ступеням, которые, в свою очередь, вели к Храму Тандилы. Путники могли видеть лишь нижнюю часть этого храма, обладавшего дурной славой, верхняя же была скрыта облаками. Их взорам открывались лишь блестящие черные камни, уходящие к острым вершинам.

Диризонг припомнил скверные свойства характера, приписываемые богине, и еще более отвратительные привычки ее жрецов. Говорили, например, что культ Тандилы, без сомнения одной из самых зловещих фигур в пусаадианском пантеоне, предписывает слепо следовать ритуалам,

связанным с демоном Тр'лэнгом, который в давние времена сам был богом. Это было еще до того, как толпы лорскийцев, изгнанные со своих земель хоскириками, перебрались через Тритонское море в Пусаад и зловещие времена пошли на убыль.

Диризонг Тааш успокаивал себя мыслью о том, что и боги, и демоны обычно не так ужасны, как жрецы с их низменными мотивами и выгодами. К тому же дикие истории о нраве жрецов на поверку чаще всего оказывались если не вымыслом, то преувеличением. Хотя колдун не был склонен к иллюзиям, но за неимением лучшего ничего другого не оставалось.

Диризонг Тааш остановил коня перед наполовину ушедшим в облака храмом и спешился. Потом они с Жамелом утяжелили поводья камнями, чтобы лошади не разбрелись.

— Мастер! — закричал Жамел, когда они начали подниматься по ступеням.

— Что такое?

— Посмотри на нас!

Диризонг посмотрел. Они больше не были похожи на торговцев из Парска, они снова были придворным колдуном короля Вуара и его помощником, выставленными на всеобщее обозрение. Должно быть, они переступили черту, о которой их предупреждал Фиранзот. Диризонг быстро глянул на вход в храм. По обе стороны от дверей виднелись две слабо освещенные фигуры стражей. Колдун различил блеск отполированной бронзы. Если эти привратники и заметили перемены, происшедшие с посетителями храма, но виду они не подали.

Диризонг Тааш преодолевал на своих коротких ножках черные блестящие ступени. Теперь он хорошо видел стражей — широкоплечие лотрийцы с угрюмыми лицами и косматыми бровями. Люди говорили, что лотрийцы похожи на дикарей, живущих далеко на северо-востоке, в Ирарне, которые не приручают лошадей и сражаются острыми камнями. Эти двое стояли друг напротив друга, словно статуи,

и смотрели прямо перед собой. Колдун и помощник прошли мимо стражей.

Они оказались в вестибюле, где их встретили две молоденькие лотрийки.

— Ваши сапоги и мечи.

Диризонг снял перевязь и передал ближайшей девушке ножны; потом стянул сапоги и остался стоять босиком с травой между пальцами, которую он набил туда, чтобы не стереть ноги. Второй меч, спрятанный на спине под туникой, приятно холодил тело Диризонга.

Жамел тихо обменялся парой фраз с одной из девушек, которая, по мнению его хозяина, не так уж плохо выглядела для лотрийки — пухленькая и круглолицая.

— Пошли, — сказал Диризонг, и они вошли в главное помещение храма.

Здесь все было так, как и в других храмах: просторное прямоугольное помещение, запах фимиама, каменный алтарь. Треть помещения была отделена оградой, за которой возвышалась статуя сидящей богини Тандилы. Гладкий базальт, из которого была вырублена статуя, отражал слабый свет масляных светильников, а на самом верху, там, где в тени скрывалась голова Тандилы, пурпурная светящаяся точка указывала место, где находился глаз с драгоценным камнем.

Два лотрийца стояли на коленях перед оградой и бормотали молитвы. Откуда-то сбоку из тени появился жрец и пошел вдоль ограды. Диризонг ожидал, что тот подойдет к ним с Жамелом и прикажет пройти в святая святых к верховному жрецу, но жрец не остановился и вскоре исчез в противоположной стороне храма.

Диризонг Таан и его помощник медленно, шаг за шагом приближались к ограде. Когда они подошли к цели, два лотрийца закончили возносить мольбы и встали. Один из них бросил что-то в объемную емкость наподобие кадки за оградой. В кадке звякнуло, и две коренастые фигуры заторопились к выходу.

Какое-то время Диризонг и Жамел оставались в главном помещении храма одни, хотя в наступившей тишине

до них доносились приглушенные звуки шагов и голоса из других помещений храма. Диризонг достал коробочку с порошком и посыпал им вокруг, бормоча под нос заклятье Апсуана. Когда он закончил, оказалось, что он стоит между Жамелом и собственной копией.

Диризонг Тааш перелез через ограду и, встав на цыпочки, прокрался на своих пухлых ножках за статую. Там в тени он увидел несколько дверей в стене. Статуя располагалась спиной к стене, но не вплотную, так что энергичный мужчина, упершись спиной в статую, а ногами в стену, мог добраться до ее головы. Диризонг был энергичным, но только в определенном смысле этого слова, тем не менее он юркнул в подходящую по размеру складку на базальтовых одеждах богини. Теперь он лежал на полу и тяжело дышал, прислушиваясь к удаляющимся шагам Жамела.

План заключался в следующем: Жамел с двойником Диризонга покидают храм. Стражники думают, что в храме пусто, и расслабляются. Диризонг похищает камень. Жамел поднимает шум снаружи, он орет «скорее сюда!» и отвлекает стражей, а Диризонг убегает из храма.

Диризонг подождал еще немного. Мимо прошелестели тихие шаги еще одного жреца, и дверь закрылась. Откуда-то доносился девичий смех.

Диризонг начал путь наверх. Человеку его комплекции передвигаться таким способом было трудновато, к тому же из-под колпака стекали струи пота и заливали ему глаза. И все же он не останавливался. Добравшись до плеча статуи, Диризонг вполз на этот уступ, вцепившись в ухо богини, чтобы не упасть. Скользкий камень холодил ступни. Колдун вытянул шею и увидел свирепый профиль Тандилы. Он вполне мог дотянуться до драгоценного камня у нее во лбу.

Диризонг достал из туники специально припасенный для этой цели плоский бронзовый брусок. Этим бруском он аккуратно, чтобы не повредить и не уронить камень, начал отгибать свинцовые зубцы. Отгибая зубец, он то и дело ощупывал его пальцем. Вскоре он отжал их все.

В храме было тихо.

Диризонг провел своим брусочком по кругу, раскачивая камень. Тот мягко соскользнул на внутреннюю поверхность отогнутых свинцовых зубцов. Диризонг Таан собрался спрятать брусок и камень под тунику, но не смог удержать своими коротенькими толстыми пальцами сразу два предмета. *Дзинь, дзинь — брусок полетел вниз, отскакивая от груди* богини, на ее живот, дальше — на складки подола и, наконец, звонко брякнулся на каменный пол перед статуей.

Диризонг Таан окаменел. Шли секунды, но ничего не происходило. Стражники должны были услышать...

И все равно — тишина.

Диризонг Таан спрятал драгоценный камень в тунику и сполз обратно в темноту за плечо Тандилы. Очень осторожно он скользил вниз между статуей и стеной. Добрался до пола. По-прежнему — тишина, только временами доносились какие-то звуки, скорее всего из кухни храма, где слуги готовили ужин для жрецов. Колдун ждал сигнала тревоги, которую должен был поднять его помощник.

Ждал и ждал. Откуда-то долетел предсмертный человеческий вопль.

В конце концов Диризонг сдался и быстренько обогнул бедро статуи. Он одним движением подхватил свой брусочек, потом перелез через ограду и на цыпочках посеменил к выходу.

Там его ожидали два стражника с обнаженными мечами.

Диризонг протянул руку за спину и выхватил свой второй меч. Он понимал, что в реальном бою у него нет надежды одолеть опытного искусного воина, не говоря уже о двоих. Оставался один маленький шанс — броситься на стражей, как неистовый берсерк[1], и продолжать бежать дальше.

Диризонг ожидал, что стражники, как опытные воины, разделятся и двинутся на него с противоположных сторон. Вместо этого один из них шагнул вперед и неловко попытался ударить колдуна мечом. Диризонг парировал выпад

[1] Берсерк — викинг, посвятивший себя богу Одину, перед битвой приводивший себя в ярость. *(Прим. ред.)*

стража и нанес ответный удар. Кланг! Кланг! И противник колдуна, попятываясь, отступил назад, выронил меч, схватился за грудь и грузно повалился на пол. Диризонг изумился, он готов был поклясться, что меч не коснулся тела.

Потом на него двинулся второй страж. Мечи скрестились всего два раза, и оружие стражника с лязгом полетело на пол. Привратник отскочил назад, развернулся и исчез, скрывшись за одной из многочисленных дверей храма.

Диризонг Тааш удивленно оглядел свой меч — и как это он столько лет не осознавал собственную силу. Вся схватка длилась секунд десять, и даже при тусклом освещении Диризонг не обнаружил следов крови на лезвии своего меча. Колдун хотел было ткнуть павшего стража мечом, чтобы проверить, действительно ли тот мертв, но ему не хватило ни времени, ни жесткости для такого поступка. Диризонг выбежал из храма, оглядываясь в поисках Жамела и своего двойника.

Ни того ни другого. Три лошади и жеребец колдуна по-прежнему стояли на привязи в нескольких шагах от входа в храм. Острые камни больно кололи нежные ступни Диризонга. Он колебался, но только одну секунду. Колдун по-своему был привязан к Жамелу Сиху — мощные мускулы помощника выручали его хозяина из рискованных переделок так же часто, как недальновидность самого колдуна приводила к ним. Но мысль ворваться обратно в храм в поисках безалаберного помощника граничила с безумием. К тому же у Диризонга был четкий приказ короля.

Похититель взобрался на своего коня и галопом поскакал от храма, уводя за собой остальных лошадей.

Он спускался по узкой расселине и размышлял, и чем дальше уводили его мысли, тем меньше ему нравились их результаты. Поведение стражей было необъяснимо, с какой стороны ни посмотри, разве только они обкурились трав или сошли с ума, а колдун не верил ни в то, ни в другое. Они не атаковали его одновременно; не заметили упавший бронзовый брусок; легко позволили ему, посред-

ственному бойцу на мечах, одолеть себя; один из них упал, не получив и царапины; они не звали на помощь...

Или жрецы храма все так и планировали. Тогда все вставало на свои места. Вероятно, они хотели, чтобы он украл эту проклятую побрякушку.

В самом конце расселины, там, где дорога сворачивала в ущелье, Диризонг остановил коня и спешился. Все это время он держал ухо востро, чтобы не прозевать цокот копыт возможной погони. Колдун вытащил из туники глаз Тандилы и осмотрел его. Да, если смотреть с одного конца, от него расходятся лучи именно так, как говорил Гошап Таж. Но в остальном ничего необычного или противоестественного. Пока.

Диризонг Тааш аккуратно положил камень на землю и отступил на несколько шагов, чтобы взглянуть на него со стороны. Пока колдун отходил назад, камень качнулся и покатился в его сторону.

Сначала Диризонг подумал, что положил глаз Тандилы на неровную поверхность. Он подскочил к камню и схватил его до того, как тот укатился в пропасть. Потом колдун положил камень обратно и соорудил вокруг него маленькую насыпь из гальки и песка. Теперь он никуда не укатится!

Но когда Диризонг снова отошел, камень перевалил через насыпь и покатился. Колдуна бросило в пот, но на этот раз не от физических усилий. Камень, набирая скорость, катился прямо на него. Незадачливый посетитель попытался увернуться и вжался в нишу в скале. Камень изменил направление и остановился у босых ног Диризонга, словно щенок, который хочет, чтобы его погладили.

Диризонг Тааш выкопал небольшую ямку, положил туда глаз Тандилы, придавил сверху довольно большим камнем и отошел в сторону. Большой камень закачался, из-под него, разбрасывая на своем пути гальку, словно кто-то тянул за невидимую нить, вынырнуло маленькое пурпурное яйцо. Оно снова подкатило к ногам колдуна и остановилось.

Диризонг Тааш поднял с земли драгоценный камень и еще раз его осмотрел. Никаких царапин. Он припомнил, с какой настойчивостью Верховный Правитель Лотора Конеси старался всучить свою сестру королю Вуару и то, что глаз Тандилы потребовался этой самой Илепро.

Повинуясь внезапному порыву, Диризонг Тааш зашвырнул камень подальше от себя.

По всем расчетам камень должен был описать дугу и разбиться о противоположную скалу. Вместо этого глаз богини остановился на полпути над ущельем, сделал петлю и вернулся в бросившую его руку.

Диризонг Тааш не сомневался — жрецы Тандилы подстроили с помощью этого камня какую-то хитрую ловушку для короля Вуара. Колдун не имел понятия, что принесет этот камень королю и какие напасти ожидают королевство Лорск, если он привезет его с собой. Пока же Диризонг знал только то, что глаз Тандилы – простой антидемоник и, следовательно, должен защищать короля, а не вредить ему. Как бы то ни было, колдун был уверен, что замышляется какая-то каверза, и способствовать этим планам совсем не хотелось. Диризонг положил пурпурное яйцо на плоский камень, отыскал булыжник размером с голову, поднял его двумя руками и ударил по драгоценному камню.

Во всяком случае, он имел такое намерение. По пути вниз булыжник задел выступ скалы, и в следующую секунду Диризонг как заправский танцор исполнял танец Дзен, обсасывая ушибленные пальцы и награждая жрецов Тандилы именами самых жутких демонов из его репертуара ругательств. Пурпурное яйцо, целое и невредимое, спокойно лежало на месте.

После этого Диризонг рассудил, что жрецы наложили на драгоценный камень не только заклятье преследования, но и заклятье Дужатенг, благодаря которому любая попытка уничтожить камень рикошетом била по тому, кто хочет это сделать. Если Диризонг выдумает еще какой-нибудь хитрый способ избавиться от глаза Тандилы, не исключено, что он сломает себе ногу. Существовало только одно хитрое заклинание, с помощью которого можно было из-

бавиться от заклятья Дужатенг, но у Диризонга не было для него материалов, в число которых входили редкие и неаппетитные субстанции.

Теперь Диризонг Тааш знал — у него остался лишь один способ нейтрализовать заклятья жрецов и избавиться от этого назойливого камня — вставить его обратно в лоб Тандилы и прижать свинцовым зубцами. Однако эта задача сулила еще больше неприятностей, чем первоначальное намерение украсть камень. Ведь если жрецы хотели, чтобы Диризонг украл глаз Тандилы, они, чтобы не дать ему вернуть камень обратно, применят более хитрые уловки, чем те, которые использовали для его охраны.

Однако выбора не было. Диризонг Тааш спрятал камень в тунику, взобрался на своего жеребца (остальных лошадей он оставил стоять привязанными к камням у моста) и поскакал обратно по гулкой расселине. Когда колдун выехал на небольшое плато, на котором возвышался храм Тандилы, он понял, что его опередили. У входа в храм в два ряда выстроились стражники. Бронзовые кирасы поблескивали в лучах заходящего солнца. Воины первой шеренги держали перед собой огромные щиты, за которыми скрывали внушительные бронзовые мечи, а те, что стояли у них за спинами, были вооружены длинноногими пиками, которые они выставили вперед между стражниками из первой шеренги. Чтобы преодолеть такую преграду, атакующему пришлось бы сначала прорваться сквозь частокол из пик, а потом иметь дело с мечами.

Оставалось помчаться на стражников во весь опор в надежде, что кто-нибудь из них, лучше два, отскочит в сторону, и тогда образуется небольшой проход в их сомкнутых рядах, в который можно будет проскочить. Потом надо ворваться в храм и постараться вставить камень на место до того, как тебя поймают. Если поймают, будет большая мясорубка — толпа стражников, раненый конь и разделанный на куски, насаженный на пики колдун.

Диризонг Тааш колебался. Потом он вспомнил свои бесценные манускрипты и обожаемых наложниц, которые

ожидали его во дворце короля Вуара, куда он не сможет вернуться без риска для жизни, если не привезет глаз Тандилы или приемлемое объяснение, почему он не смог этого сделать. Колдун ударил жеребца пятками по бокам и пустил его галопом.

По мере того как конь мчался вперед, пики стражников увеличивались в размерах и казались все острее и острее. Диризонг видел, что стражники не собираются расступаться, любезно давая ему дорогу. Вдруг кто-то выбежал из храма и помчался вниз по ступеням в тыл к стражникам. Человек был в одеждах жреца, но за секунду до столкновения со стражами храма Диризонг узнал свирепую физиономию Жамела Сиха.

Диризонг Тааш потянул за удила, и его конь затормозил в одной пяди от острия ближайшей пики. Колдун — живший во времена, когда стремена еще не изобрели, — пополз вперед, пока не оказался верхом на шее животного. Вцепившись в гриву левой рукой, правой он метнул драгоценный камень.

— Жамел, — крикнул он, — лови!

Жамел высоко подпрыгнул и поймал камень до того, как тот успел повернуть назад.

— А теперь вставь его обратно! — крикнул Диризонг.

— Что? С ума сошел?

— Вставь обратно быстро и закрепи!

Жамел, приученный выполнять приказы, какими бы странными они ни были, помчался обратно в храм, по пути тряся головой, словно сожалея о том, что его хозяин потерял рассудок. Диризонг отцепился от гривы и отогнал коня на безопасное расстояние от частокола из пик. Головы стражников в отполированных шлемах вращались то в одну сторону, то в другую. Стражники явно были в замешательстве. Диризонг предположил, что им был дан один простой приказ — не пускать его в храм, а что делать, если кто-то из жрецов храма войдет в контакт с чужаком, им не сказали.

Так как стражники не предпринимали попыток преследовать его, Диризонг остановил коня и стал наблюдать за

порталом храма. Он оставлял Жамелу возможность выполнить миссию и убежать, но понимал, что у его младшего друга практически нет шансов. Если он, безоружный, попытается прорваться сквозь шеренги стражников, они сделают из него котлету. А ему, Диризонгу, придется искать и натаскивать другого помощника, который может оказаться еще бестолковее, чем его предшественник. И все же колдун не мог оставить парня один на один с судьбой.

А потом Жамел Сих выскочил на ступени с длинным, как у стражников, копьем в руках. Держа копье наперевес, он бежал на стражников, словно собирался проткнуть одному из них спину. Диризонг прекрасно понимал, что этот маневр не сработает. Он зажмурился.

Но Жамел Сих, не добежав до стражников, воткнул пику в землю и прыгнул, как с шестом. Перелетая через отполированные шлемы, бронзовые мечи и огромные щиты, он дергал ногами, словно висельник. Жамел приземлился перед стражниками, при этом с треском сломал одному пику, кувыркнулся, вскочил на ноги и рванул к Диризонгу Таапу. Колдун к этому времени уже развернул своего коня.

Как только Жамел уцепился за край мягкого седла, за их спиной раздались жуткие крики — это жрецы с воплями выбежали из храма. Диризонг стукнул голыми пятками жеребца по ребрам, жеребец помчался галопом, а Жамела тем временем кидало из стороны в сторону за спиной колдуна. Беглецы устремились к расселине, позади донесился топот копыт.

Диризонг не тратил дыхания на расспросы, пока они скакали вниз по тропе. В самом низу, там, где расселина заканчивалась у глубокого ущелья, они остановились и, после того как Жамел пересел на свою лошадь, продолжили путь быстро как могли. Из расселины доносилось эхо погони.

— Бедные мои ноги, — стонал Жамел Сих.

У подвесного моста лошади снова заартачились, но Диризонг безжалостно колол и шлепал мечом своего коня,

пока тот не ступил на раскачивающийся настил. Ветер гудел в паутине канатов, солнце уже почти зашло.

Переправившись на другую сторону ущелья, Диризонг с облегчением вздохнул. По расселине с неимоверной скоростью неслась цепочка преследователей.

— Если бы у меня были необходимые материалы и время, я бы послал на этот мост заклинание, и со стороны казалось бы, что он оборвался и им не воспользоваться.

— А почему его и вправду не сломать? — крикнул Жамел. Он подвел свою лошадь к скале, подтянулся и встал на седло.

Жамел ударил мечом по канатам, и, когда первый из преследователей достиг моста, все сооружение обвисло и со свистом веревок и стуком перекладин ухнуло вниз. Служители храма Тандилы завопили, и через ущелье полетели стрелы.

Диризонг и Жамел продолжили путь.

Двумя неделями позже колдун и его помощник сидели в саду на заднем дворе мастерской гранильщика Гопана Тажа в солнечном Бинкаре. Жамел Сих рассказывал свою часть истории:

— ...ну, и когда я уходил из храма, эта маленькая лотрийка снова стала строить мне глазки. Я подумал, что четверти часа вполне достаточно, чтобы выполнить задание мастера, а заодно и себе доставить удовольствие.

— Зеленый недоумок! — буркнул Диризонг в бокал с вином.

— ...в общем, я пошел за ней. И, сказать по правде, все шло очень даже хорошо, пока не появился один из этих беззубых кретинов в мантии с капюшоном и не полез на меня с ножом. Я пытался от него отмахнуться и, боюсь, в потасовке случайно сломал ему шею. Понятно, что из-за этого могли быть неприятности. Так что я одолжил его одежку и отправился искать мастера, его двойника и лошадей, но никого не нашел.

— Как быстротечно время! — с сарказмом заметил Диризонг. — Надеюсь, хотя бы маленькая лотрийка будет

вспоминать этот эпизод не без удовольствия. А двойник — всего лишь тень и, не будучи разумным, он вышел из храма, пересек заколдованную жрецами линию и исчез.

— А еще, — продолжал Жамел, — там было полно стражников и жрецов, они суетились и верещали, как стая мартышек. Я видел, как жрецы выстроили стражников у главного входа, а потом вернулся мастер и бросил мне камень. Я сразу понял, в чем дело, побежал в храм, взобрался на статую и вставил Тандиле обратно ее третий глаз, а зубцы я прижал рукояткой кинжала. Потом я отобрал копье у одного из воинов и немного задержался, чтобы избавиться от парочки лотрийцев, которые вздумали приставать ко мне с расспросами. Ну, остальное вы знаете.

Дирижер Таан подвел черту под историей и сказал:

— Дорогой Гошап, не подскажешь ли ты, что нам делать дальше? Боюсь, если мы явимся к королю Вуару без этого камня, он разложит наши головы на серебряные блюда еще до того, как мы успеем что-либо вымолвить. Не сомневаюсь, потом он будет раскаиваться в содеянном, но нам от этого легче уже не будет.

— Если он такой деспот, почему бы вам не уйти от него, как я уже предлагал? — спросил Гошап.

Дирижер пожал плечами:

— Другие, увы, ценят нас не больше и вряд ли будут лучшими хозяевами. Ведь если бы жрецы Тандилы верили, что я способен решить такую задачку, как кража их драгоценного камня и переправка его в Лорск, их заговор, без сомнения, принес бы ожидаемые плоды. Но из опасения, что я по пути потеряю его или продам, они наложили на него излишек заклинаний.

— Как они умудрились это сделать, если камень обладает антимагическими свойствами?

— Его антимагические свойства — простой антидемонизм, в то время как заклятье преследования или заклятие Дужатенга — симпатическая магия, а не колдовская. В любом случае, они заставили его преследовать меня и там и сям, я и так чуял неладное, но тут окончательно уверился

в своей правоте. — Диризонг вздохнул и отхлебнул из бокала молодое вино. — Чего не хватает этому ничтожному миру, так это доверия. Но продолжай, Гошап.

— Ладно, тогда почему бы не послать вперед письмо с объяснением всех обстоятельств? Я одолжу тебе раба, он доставит письмо в Лорск, и, когда вы прибудете ко двору, король Вуар уже поостынет.

— Мудро, но, думаю, твое предложение столкнется с одним непреодолимым препятствием. А именно: при дворе короля Лорска только шесть человек умеют читать, и король не из их числа. А из этих шести как минимум пять принадлежат к числу моих врагов, которые только и мечтают о том, чтобы меня вышвырнули с моего места. И если одному из них доверят читать мое послание королю, можешь себе представить, как он исказит мою невинную пиктографию, лишь бы дискредитировать меня. А можем мы убедить короля Вуара в том, что выполнили задание, если привезем камень, похожий на этот треклятый глаз Тандилы? Ничего о таком не слышал?

— Постой-ка, — сказал Гошап, — это дельное предложение. Дай подумать... В прошлом году, когда костлявый призрак нужды приблизился к нашим землям, король Дайор заложил свою лучшую корону в храм Келка, чтобы успокоить начинающиеся волнения в народе. Так вот, на верхушке этой короны — пурпурный сапфир невиданных размеров и ослепительной красоты. Говорят, его для собственного удовольствия создали боги еще до Дня Творения, и камень этот и формой, и цветом похож на глаз Тандилы. Сапфир так и не выкупили, и жрецы выставили корону на всеобщее обозрение, дабы простаки несли им стоящие приношения. Но не спрашивай, как завладеть этим хорошо охраняемым камнем, честно сказать, я и знать ничего об этом не хочу.

На следующий день Диризонг Таап с помощью заклинаний преобразил себя и Жамела в атлантийцев, обитателей туманных горных кряжей пустыни Гаута, которая располагалась далеко на востоке за Тритонским морем. В тех краях, как говорили в Пусааде, у кого-то из местных жи-

телей вместо конечностей были змеи, у кого-то голов не было вовсе, а лица располагались на груди.

— Мы кто, — ворчал Жамел Сих, — маги или воры? Может, если удастся справиться с этим, и король Торрат-сиш из-за Тритонского моря закажет нам украсть какую-нибудь милую его сердцу безделушку.

Дириэонг Тааш не стал обсуждать эту тему и направился на площадь перед храмом Келка. С важным видом атлантийцев они вошли в храм и увидели корону, водруженную на подушку, лежавшую на столике, по сторонам которого стояли два лорскийских стража, каждый семь футов ростом. У одного из них в руках был обнаженный меч, у другого — лук с натянутой тетивой. Стражники свысока посмотрели на рыжеволосых атлантийцев в синих плащах с орселевыми[1] нарукавниками, которые тыкали пальцами в корону и несли какую-то тарабарщину. Потом тот, что пониже, а это был Дириэонг «под прикрытием», пошел к выходу, оставив своего товарища глазеть на корону.

Миновав портал, низенький атлантиец тут же пронзительно закричал. Стражники посмотрели в его сторону и увидели его голову в профиль, выглядывающую из-за портала. Голова была задрана в небо, словно туловище запрокинули назад, а горло сжимали две руки.

Стражники, не догадываясь, что Дириэонг душит сам себя, бросились к выходу. Когда они приблизились, голова подвергшегося нападению атлантийца исчезла, и они столкнулись с Дириэонгом в его подлинном обличье. Тем временем за их спинами сильные пальцы Жамела Сиха извлекали драгоценный камень из короны короля Дайора.

— Что-нибудь ищете, господа? — обратился колдун к стражникам, которые растерянно оглядывались по сторонам, а его помощник в это время выскользнул из храма. Едва выйдя из храма, Жамел сбросил обличье атлантийца и превратился в такого же лорскийца, как стражники, правда не очень высокого и без бороды.

---

[1] Орсель — orchil *(англ.)* — фиолетово-красная краска, получается из разного рода лишайников и употребляется для окраски шелка и шерсти.

— Если вы ищите атлантийцев, — отвечал на расспросы стражников колдун, — я видел двух таких типов, они вышли из вашего храма и крадучись шмыгнули вон в тот переулок. Возможно, вам следует проверить, не похитили ли они какую-нибудь святыню?

Стражники бросились обратно в храм, а Диризонг Тааш и его помощник в противоположную сторону.

— Будем надеяться, что этот камень нам не придется возвращать, откуда мы его взяли! — ворчал Жамел Сих.

* * *

Диризонг и Жамел добрались до Лезотра только ночью, но не успели они даже обнять своих любимых наложниц, как посланец Вуара сообщил колдуну, что король желает видеть его немедленно.

Диризонг Тааш нашел короля в зале аудиенций. Видимо, король только что встал с постели, так как, кроме короны и медвежьей шкуры, обернутой вокруг бедер, на нем ничего не было. Илепро, как всегда в сопровождении своего лотрийского квартета, также была там и тоже была одета весьма небрежно.

— Камень у тебя? — спросил король Вуар, приподняв мохнатую бровь, а это не сулило ничего хорошего в случае отрицательного ответа.

— Да, сир, — сказал Диризонг и, поднявшись с пола, приблизился к королю, протягивая сапфир из короны короля Дайора.

Вуар взял его кончиками пальцев и посмотрел на свет в лучах единственной масляной лампы. Диризонг подумал, не собирается ли король проверить, сколько лучей исходит от сапфира — шесть или семь; но быстро успокоился, припомнив, что Вуар не силен в высшей математике.

Король протянул драгоценный камень Илепро:

— Держите, мадам, — сказал он, — на этом, будем надеяться, прекратятся ваши бесконечные жалобы.

— Мой господин щедр, как солнце, — с грубым лотрийским акцентом сказала Илепро. — Правда, я должна еще кое-что сказать, но это не для рабских ушей. — Она что-то

сказала на лотрийском своей прислуге, и те поспешили покинуть зал.

— Ну? — сказал король.

Илепро, неотрывно глядя на глаз Тандилы, описала плавный полукруг свободной рукой и одновременно забормотала что-то на родном языке. Тараторила они слишком быстро. Диризонг ничего не мог понять, но он четко слышал, как она несколько раз повторила слово, которое потрясло его до глубины души. Слово это было — «Тр'лэнг».

— Сир! — закричал колдун. — Боюсь, эта северная сучка задумала недоброе...

— Что? — взревел Вуар. — Как ты смеешь при мне пренебрежительно отзываться о моей фаворитке? Я прикажу отрубить тебе...

— Но, сир! Король! Смотрите!

Вуар на секунду оборвал свою тираду, чтобы обернуться, и так ее и не продолжил. Пламя в лампе уменьшилось и стало похоже на искру. Холодные потоки воздуха закружили в зале, в центре этого потока полумрак начал уплотняться и постепенно превратился в тень, а тень в некую субстанцию. Сначала это было похоже на бесформенный клубок черного тумана, но потом на высоте в два человеческих роста показалась пара мерцающих багровых точек, видимо — глаза.

Диризонг пытался припомнить подходящее заклинание для изгнания духов, но язык его прилип к нёбу от ужаса. По сравнению с Тр'лэнгом его Фиранзот был беспомощным котенком, и сейчас колдуна не защищала ни одна пентаграмма.

Глаза демона увеличились и стали отчетливее, а ниже в слабом свете лампы блеснули хищные когти. В зале стало так холодно, словно туда вплыл айсберг, и Диризонг учуял запах паленых перьев.

Илепро указала на короля и крикнула что-то на своем языке. Огромная пасть распахнулась, Диризонгу показалось, что он видит клыки, и Тр'лэнг потянулся к наложнице. Она выставила перед собой «глаз Тандилы», словно

пытаясь защититься от демона. Но демон не обращал на камень ни малейшего внимания. Непроглядная вязкая тьма окружила Илепро, и она пронзительно закричала.

Двери распахнулись, и в зал аудиенций вбежали четыре лотрийки. Илепро продолжала вопить, но крики стихали, словно Тр'лэнг тащил ее куда-то вдаль. Видна была только уменьшающаяся, бесформенная тень на полу в центре зала.

Первая лотрийка с криком: «Илепро!» бросилась вперед, на ходу сбрасывая с себя шкуры и обнажая меч.

Когда остальные лотрийки повторили маневр первой, Диризонг понял, что это вовсе не женщины, а крепкие лотрийские мужчины, которые замаскировались под женщин, сбрив бороды и подложив тряпье в нужные места. Первый из этой четверки рубил мечом по тому месту, где когда-то была тень Тр'лэнга, но это был бой с воздухом. Потом он повернулся к королю и Диризонгу.

— Этих взять живыми! — приказал мужчина по-лотрийски. — Будут нашим щитом на обратном пути.

Вся четверка двинулась вперед — мечи на изготовку, свободная рука вытянута вперед с расставленными, как когти исчезнувшего демона, пальцами. Тут дверь в противоположном конце зала распахнулась, и въехал Жамел Сих с охапкой мечей. Два меча он кинул Диризонгу Таашу и Вуару, те ловко поймали их за рукояти, а третий ухватил сам своей огромной ручищей, и встал плечом к плечу с хозяином и королем.

— Слишком поздно, — сказал другой лотриец. — Убьем их и бежим отсюда.

У этого лотрийца слова не расходились с делом — он бросился на лорскийцев. «Кланг! Кланг!» — заговорили мечи, когда семеро мужчин вступили в схватку в полумраке зала. Король Вуар набросил шкуру медведя на левую руку, она служила ему щитом, и сражался голышом, если не считать короны на голове. У лорскийцев руки были длиннее, чем у противника, но король проигрывал лотрийцам по возрасту, а Диризонг с его комплекцией был посредственным фехтовальщиком.

Как ни старался Диризонг, вскоре его загнали в угол, и он ощутил болезненный укол в плечо. И что бы ни ду-

мали несведущие о могуществе колдунов, но драться насмерть и одновременно творить заклинания совершенно невозможно.

Король взревел, призывая на помощь слуг, но ответа не последовало — задрапированные стены из толстого камня заглушали любые звуки, могущие достичь внешних комнат дворца, где располагалась королевская стража. Короля и Жамела тоже потеснили, и в конце концов они втроем были загнаны в угол. Диризонга так саданули по голове мечом плашмя, что у него помутилось в глазах, металлический лязг, последовавший за этим, свидетельствовал о том, что другой удар пришелся по короне Вуара, а короткий крик Жамела Сиха — о том, что и тому досталось.

Диризонг Таан почувствовал, что быстро теряет силы. Он запыхался, а занемевшие пальцы еле удерживали скользкую от пота рукоять меча. Если он не придумает какой-нибудь хитрый ход, чтобы обойти лотрийцев, они очень скоро прикончат и его, и Жамела.

Диризонг швырнул меч, но не в нападавшего лотрийца, а в мерцающую на столе лампу. Лампа со стуком слетела на пол и погасла, а колдун встал на четвереньки и пополз за своим мечом. Позади он слышал звуки шагов и тяжелое дыхание — дерущиеся перестали размахивать оружием, чтобы по ошибке не ударить своего, и умолкли, чтобы не выдать себя противнику.

Диризонг шел вдоль стены, пока не наткнулся на охотничий рог короля Зинаха. Сорвав со стены эту реликвию, он набрал в легкие побольше воздуха и дунул в рог что было силы.

В ограниченном пространстве зала аудиенций рог издал оглушительный звук. Диризонг сделал несколько шагов, чтобы лотрийцы не засекли его по звуку и не зарубили в темноте, и снова дунул в рог. Послышался топот ног и бряцание оружия — приближались стражники короля Вуара. Двери распахнулись, и они ворвались в зал с горящими факелами и обнаженными мечами.

— Взять их! — приказал король Вуар, указывая на лотрийцев.

Один из лотрийцев попытался сопротивляться, но меч стражника отсек ему кисть, и он, истекая кровью, повалился на пол. Остальные сдались практически без сопротивления.

— А теперь, — сказал король, — я могу оказать вам милость и казнить быстро, а могу подвергнуть пыткам, и смерть ваша будет медленной и мучительной. Если вы все расскажете о ваших планах и целях, вам будет разрешено выбрать первое из вышеупомянутого.

Лотриец, который первым ворвался в зал, шагнул вперед:

— Знай, король, я — Паанувел, муж Илепро. Остальные джентльмены служат при дворе брата Илепро Конесна, Верховного Правителя Лотора.

— Джентльмены! — фыркнул король Вуар.

— Так как у брата моей жены нет сыновей, мы с ним замыслили грандиозный план, как объединить твое и его королевства под властью моего сына Пендетра. Этот твой колдун должен был украсть глаз Тандилы, тогда бы Тр'лэнг, после того как Илепро вызвала его, напал бы на тебя, а не на нее, ведь ее защищал бы камень. Все знают, что ни одно существо из других измерений слабее Тр'лэнга не может уничтожить тебя, пока ты носишь кольцо из звездного металла. Потом Илепро провозгласила бы своего сына Пендетра королем, раз уж ты объявил его своим наследником, а себя регентшей до его совершеннолетия. Но антиколдовские силы этого камня, видимо, утрачены, раз Тр'лэнг поглотил мою жену, хоть она и направляла камень ему прямо в пасть.

— Ты честно все рассказал, — подытожил король Вуар, — хотя непонятно, какой моралью ты руководствовался, отдавая мне в наложницы свою жену, да еще сам в переодетом виде болтался рядом. Ладно, у вас, лотрийцев, свои принципы, у нас — свои. Стража, увести их и снять головы.

— Еще только одно слово, король, — обратился к Вуару Паанувел, — моя жизнь, после того как я потерял любимую Илепро, мне не дорога. Но я прошу тебя, не казни маленького Пендетра за помыслы отца.

— Я подумаю над этим. А теперь прочь с моих глаз и ты, и все ваши головы.

Король повернулся к Диризонгу, который зажимал рану на плече:

— Почему глаз Тандилы утратил свою силу?

Диризонг, дрожа от страха, честно рассказал о рейде в Лотор и о том, почему пришлось украсть сапфир в Бинкаре.

— Так, так! — сказал король Вуар. — Вот что значит — не подсчитать лучи камня!

Король молча поднял с пола сапфир, а трясущийся Диризонг уже представлял, как его подвергают процедуре, через которую в настоящий момент проходили лотрийцы.

Король едва заметно улыбнулся.

— Счастливое упущение, — сказал он. — Я в долгу перед вами обоими. Во-первых, за вашу проницательность, благодаря которой лотрийцам не удалось узурпировать трон в Лорске, а во-вторых, за то, что вы так отважно сражались рядом со мной сегодня ночью.

— Однако теперь мы попали в ситуацию, чреватую осложнениями. Король Дайор — мой хороший друг, и я не хочу портить наши отношения. И даже если я с извинениями верну ему этот камень и объясню, как обстояло дело, сам факт, что мои слуги украли его сапфир, не пойдет на пользу дружбе между нами. Поэтому я приказываю вам отправиться в Бинкар...

— О нет! — воскликнул Диризонг, не сумев справиться с чувствами.

— ...отправиться в Бинкар, — продолжал король, как ни в чем не бывало, — и вернуть сапфир в корону короля Жиска так, чтобы никто не узнал, что вы причастны к его исчезновению и возвращению. Для таких законченных пройдох, какими вы себя показали, совершить этот маленький подвиг не составит труда. На этом все, доброй ночи, господин колдун.

Король Вуар накинул на себя медвежью шкуру и тяжелой поступью удалился в свои апартаменты. Диризонг и Жамел уставились друг на друга с выражением ужаса и бессилия на лице.

ХАРЛАН ЭЛЛИСОН

Аванпост, не открытый туристами

Святочная история о трех Правителях и одной звезде

Когда у будущих поколений появится возможность оценить двадцатый век в ретроспективе, я думаю, они выделят лишь горстку писателей, которые благодаря своему динамизму и богатому воображению стали наиболее своеобразными и влиятельными в жанре фэнтези и научной фантастики. Я был бы очень удивлен (и разочарован), если бы в их числе не оказалось Харлана Эллисона. Эллисон (Harlan Ellison, род. 1934), более известный в Америке, чем в Великобритании, автор одних из самых поразительных и острых рассказов, изданных за последние сорок лет, лучшие из них можно найти в сборнике «Избранное. Эллисон» *(«The Essential Ellison», 1987). Его рассказы зачастую кажутся настолько мрачными и страшными, что язвительное чувство юмора, которым обладает их автор, отходит на задний план. Мне кажется, что рассказ Эллисона о трех правителях более других подходит для завершения этой антологии.*

Они расположились на ночлег недалеко от Периметра Мечты и приготовились с первыми лучами солнца начать осаду.

Мельхиор подошел к «роллсу» и открыл багажник. Он рылся там, пока не нашел надувной матрас и надувной же телевизор, а найдя, отнес их на расчищенную полянку. Мельхиор дернул за шнур, матрас зашипел и раздулся до предельных, просто-таки королевских размеров. Он дернул за шнур телевизора, тот зашипел, расправился и затвердел. Мельхиор щелкнул пальцами, и телевизор включился.

— Нет, — сказал Каспар, — я этого не вынесу! Только не дерби роллеров. Я — Правитель Востока, и будь я *проклят*, если еще одну ночь вместо сна буду слушать, как брыкаются эти недоделанные приматы!

Мельхиор светился своим собственным ночным светом[1].

— Ну, так подай на меня в суд, — сказал он, устраиваясь на матрасе, закутываясь в накидку из кротового меха и набрасывая на голову капюшон. — Ты же знаешь — у меня бессонница. Ты знаешь — у меня жуткая зияющая грыжа. Ты знаешь — эти картофельные блинчики как жернова засели у меня в груди. Будь человеком для разнообразия, всего один раз, это не так сложно.

Каспар приподнял кадило с миррой, символом смерти, и потряс им в сторону Мельхиора:

— Ипохондрик! Вот ты кто — мошенник и лгун. Ты просто-напросто хочешь посмотреть, как колошматят друг друга эти бледнолицые клоуны. Зияющая грыжа, потрясающе! Ты смотришь реслинг в грязи и превозносишь эстетическое целомудрие балетных нюансов. Выключи, говорю... или, во имя Иеговы, переключи хотя бы на «Проповеди».

— Ребрышки уже почти готовы, — вмешался Балтазар. — Вы как хотите, с острым соусом или обычным?

Каспар посмотрел в небо на звезду над ними, звезда была бесконечно далекой и в то же время безумно близкой.

— Вот они, этнические вопросы на мою голову, — обратился он к далекому Иегове. — Этот странствующий еврей сводит меня с ума своим негаснущим светом, он всю ночь смотрит по телику, как бедняги калечат друг друга, а днем брящает золотыми цепями... а этот «черный и прекрасный»[2] обрекает меня на смерть от невыносимой изжоги еще до того, как я найду Спасителя. Благодарю тебя, Яхве, большое спасибо. Подожди, пока *тебе* понадобится благословение.

— Так острый или неострый? — смиренно переспросил Балтазар.

— Я бы хотел неострый, — ласково отвечал Мельхиор, — и еще немного яблочного пюре на краешек, пожалуйста.

---

[1] Мельхиор — имя одного из трех волхвов, пришедших поклониться младенцу Иисусу, означает «Свет облекает меня» *(Прим. ред.)*.

[2] «Black is beautiful» — «черное прекрасно». Лозунг движения в защиту гражданских прав негров, возникшего в Америке в 1960-х. Балтазар — нубийский, т. е. африканский, король. *(Прим. ред.)*

— А мне дим-сам[1], — сказал Каспар, в его левой руке материализовались малахитовые палочки для еды, причем их длина указывала на высокое положение хозяина.

— Он просто важничает, — сказал Мельхиор. — Балтазар, дорогуша, он не будет капризничать. Просто принеси ему вкусных ребрышек.

— Подай мне, — бормотал Каспар.

Итак, они поужинали под звездами. Нубийский Король, Восточный Правитель и Иудейский Царь. И они смотрели дерби роллеров. Еще они поиграли в слова, но веселье резко оборвалось, перейдя в яростную ссору, когда Балтазар и Мельхиор обрушились на Каспара за то, что он утверждал, будто слово «принглз»[2] не название товара, а торговая марка. Наконец они заснули. Телевизор продолжал работать. А свет, исходящий от Мельхиора, отражался в экране.

Ночью звезды светили ярко, взывая к ним даже когда они спали. Уже под утро над их стоянкой пронесся разведотряд дальнего обнаружения Вооруженных Сил Хаоса, хлопая кожаными перепончатыми крыльями и оставляя отвратительную вонь выхлопных газов, знакомую тем, кто побывал в депо британских двухэтажных автобусов.

На рассвете при пробуждении первыми словами Мельхиора были:

— Кто это здесь ночью нагадил?

— Посмотри, — указал Балтазар.

Земля была покрыта отпечатавшимися следами отряда летучих мышей, пролетевших над ними той ночью. Черные как сажа силуэты жутких существ с распростертыми крыльями.

— Я всегда думал, что они выглядят, как летучие обезьяны из фильма «Волшебник страны Оз» производства кинокомпании «Метро-Голдвин-Майер» 1939 года, спецэффекты Арнольда Гиллеспи, грим Джека Дона, — задумчиво сказал Каспар.

---

[1] Дим-сам — традиционное китайское блюдо: маленькие закуски разной формы из мяса или овощей, что-то вроде наших пельменей. *(Прим. ред.)*

[2] Чипсы «Pringles».

— Послушай, Желтая Угроза, — сказал Балтазар, — будешь ворошить груды хлама в своей памяти в следующий раз. А сейчас, если до тебя еще не дошло, это означает, что они в курсе, что мы идем, и будут готовиться к нашему приходу. Эффект неожиданности разрушен.

Мельхиор вздохнул и добавил:

— Не говоря уже о том, что мы следуем за звездой уже ровно одну тысячу девятьсот девяносто девять лет, плюс-минус пустячок, и даже если они не слишком умные, то все равно должны догадываться, что мы уже какое-то время находимся в пути.

— Тем не менее, — сказал Каспар, смакуя фразу, — тем не менее...

Балтазар и Мельхиор ждали, но он не закончил мысль.

— И на этой оптимистичной ноте, — сказал Балтазар, — давайте закругляться и сматываться отсюда, пока они не засекли нас на открытой местности.

Итак, они собрали свои пожитки. Мельхиор — шкатулки с крюгеррандами[1], свой надувной матрас и телевизор, Каспар — кадило с миррой, альбомы с Джуди Гарленд и каллиграфический набор для печенья-гадания[2], Балтазар — котелок, сборник сочинений Джеймса Болдуина в медном переплете и принадлежности для выпрямления волос. Все это они аккуратно уложили в багажник «роллса».

После этого, с Балтазаром за рулем, (правда, он в очередной раз отказался надеть шоферскую фуражку из моральных соображений) они покинули стоянку и, набрав скорость, пересекли Периметр Мечты.

В небе над их головами продолжала светить звезда.

— Самая несусветная вещь из всех, что мне доводилось видеть, — заметил Каспар в десятитысячный раз. — Бросает вызов всем известным законам механики небесных тел.

Балтазар что-то проворчал. В десятитысячный раз.

— Что-что? Я не расслышал, — переспросил Мельхиор.

---

[1] Крюгерранд - южноафриканская золотая монета.

[2] Печенье-гадание — печенье, в каждом из которых запечена бумажка с предсказанием судьбы; подается в китайских ресторанах. *(Прим. ред.)*

— Я сказал: если бы в конце нас ждал хоть горшок с золотом...

Это было недостойно Нубийского Короля, как было недостойно предыдущие десять тысяч раз, и спутники предпочли проигнорировать его высказывание.

На окраине Мечты, в районе стоянок, где выстроились ряды лотков фаст-фуда, мотелей с водяными матрасами, сомнительным кабельным видео, с боулингами, польскими спортклубами и занюханными площадками для рикш, они натолкнулись на первую линию обороны Сил Хаоса.

Как только они затормозили на светофоре, тысячи пехотинцев с обезьяньими физиономиями и перепончатыми крыльями повыскакивали из проулков и дверей домов с ведрами воды и губками и начали намывать лобовое стекло их «роллса».

— Живо, Каспар! — рявкнул Балтазар.

Восточный Правитель распахнул заднюю дверцу с правой стороны и выпрыгнул на улицу.

— Назад, назад, исчадья ада! — завывал он, размахивая кадилом с миррой.

Солдаты Сил Хаоса взвыли от боли и ужаса и оставили своих павших. Вой, плач и крики поднимались над Мечтой, как клубы черного дыма.

— Пожалуйста, хватит! — орал Мельхиор. — Зачем весь этот шум? Вы разбудите младенца!

Потом Балтазар завел мотор, Каспар запрыгнул обратно на заднее сиденье, хлопнула дверца, и они рванули на красный свет, который, не без вмешательства Сил Хаоса, горел на всех светофорах.

Весь этот день они осаждали Мечту.

В автоклубе им сказали, что сейчас туда пробраться невозможно. Радары для контроля скорости установлены на девять миль в час. Фанатики из религиозных сект кидаются под колеса. Но в конце концов они добрались до «Яслей» сети «Хайатт» и прорвались внутрь со своими дарами, драгоценными дарами.

И там, в номере по доступной цене, они нашли Спасителя, за которым ухаживал безработный столяр-краснодe-

ревщик, леди (которая, без сомнения, была глупа как пробка), упорно талдычившую о том, что была изнасилована Господом, а также всевозможных пастухов, мясников, управляющих зоомагазинами, продавщиц бутиков, сертифицированных бухгалтеров, разносчиков футболок, журналистов-разоблачителей, завзятых театралов, Сэмми Дэвиса-младшего[1] и человека, у которого гончая славится тем, что может поймать двух зайцев сразу.

И, входя в номер, короли с трудом протискивались сквозь толпящихся там людей. Они возложили свои дары и уставились на спящее дитя.

— Назовем его Джомо, — заявил Балтазар.

— Не будь кретином, — сказал Каспар. — С Рождеством Джомовым? Мы назовем его *Лао-Дзы*. Это — песня, полет, парение!

Так они проспорили какое-то время и наконец решили остановиться на Христе, ведь имя Христос сочетается с Иисус, и к тому же хорошо помещается на неоновых вывесках.

И все же, после двух тысяч лет, сомнения их не покидали. Они смотрели на спящего ребенка, который был таким же, как все дети, — этакий маленький придурковатый У. К. Филдс[2], который запрыщавел, начав выпивать раньше положенного срока.

И Балтазар пробормотал:

— По мне так горшок с золотом ничуть не хуже.

И Каспар сказал:

— Полагаешь, после двух тысяч лет кто-нибудь наконец подаст мне стул?

И Мельхиор подытожил все их надежды и мечты о лучшем мире словами:

— Знаете, забавно, но он совсем не похож на еврея.

---

[1] Сэмми Дэвис-младший — артист театра, кино и эстрады, певец. Не единожды подчеркивал, что является единственным в мире одноглазым (потерял глаз в автомобильной аварии) негром-иудеем (принятие им иудаизма прошло при большой рекламе). *(Прим. ред.)*

[2] У. К. Филдс (1880–1946) — американский комедийный актер, создал один из любимых американских образов — человеконенавистника, который ненавидит собак, детей, женщин. *(Прим. ред.)*

COPYRIGHT AND ACKNOWLEDGMENTS

"Quest" © 1999 by Susan Anderson. Original to this anthology. Printed by permission of the author.

"The Top 50 Things I'd Do If I Ever Became an Evil Overlord" © 1996-7 by Peter Anspach. First published on the Internet at www.eviloverlord.com. Edited for publication. Reprinted by permission of the author.

"Diamonds · · Black and White" © 1932 by Anthony Armstrong. Reprinted from *The Prince Who Hiccupped and Other Tales* (London: Ernest Benn, 1932). Unable to trace the representative of the author's estate.

"The Affliction of Baron Humpfelhimmel" by John Kendrick Bangs. Reprinted from *Over the Plum-Pudding* (New York: Harper's, 1901). Copyright expired in 1973.

"The Failure of Hope & Wandel" by Ambrose Bierce, first published in *Fun*, 5 September 1874. Copyright expired in 1964.

"Rules of Engagement" © 1995 by Molly Brown. First published in *Substance Magazine*, Autumn 1995. Slightly revised for this printing. Reprinted by permission of the author.

"How To Be Fantastic" © 1995 by Elizabeth Counihan. First published in *Scheherazade* #12, August 1995. Reprinted by permission of the author.

"The Ultimate" © 1986, 1999 by Seamus Cullen. Extensively revised from an episode originally published in *The Sultan's Turret* (London: Orbit Books, 1986). This version, original to this anthology. Printed by permission of the author.

"The Hills behind Hollywood High" © 1983 by Avram Davidson and Grania Davis. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, April 1983. Reprinted by permission of Grania Davis.

"The Eye of Tandyla" © 1951 by L. Sprague de Camp. First published in *Fantastic Adventures*, May 1951. Reprinted by permission of the author and the author's agent, Spectrum Literary Agency.

"The Aliens Who Knew, I Mean, *Everything*" © 1984 by George Alec Effinger. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, October 1984. Reprinted by permission of the author.

"The Outpost Undiscovered by Tourists" © 1981 by The Kilimanjaro Corporation. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, January 1982. Reprinted by arrangement with, and permission of, the author and the author's agent, Richard Curtis Associates, Inc., New York. All rights reserved.

"Malocchio" © 1999 by Eliot Fintushel. Original to this anthology. Printed by permission of the author's agent, Linn Prentis.

"The Metrognome" © 1990 by Thranx, Inc. First published in *The Metrognome and Other Stories* (New York: Del Rey Books, 1990). Reprinted by permission of the author and the author's agent, the Virginia Kidd Agency.

"Uncle Henry Passes" © 1999 by Esther Friesner. Original to this anthology. Printed by permission of the author.

"The Case of the Four and Twenty Blackbirds" © 1984 by Neil Gaiman. First published in *Knave*. Reprinted in *Angels and Visitations* (Minneapolis: DreamHaven Books, 1993). Reprinted by permission of the author.

"A Dealing with Demons" © 1981 by Craig Shaw Gardner. First published in *Flashing Swords! #5: Demons and Daggers* (New York: Dell Books, 1981). Reprinted by permission of the author.

"The Triumph of Vice" by W. S. Gilbert, first published in *The Savage Club Papers* (London: 1867). Copyright expired in 1962.

"Hershey's Kisses" © 1991 by Ron Goulart. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, January 1992. Reprinted by permission of the author.

"The Man Who Hated Cadillacs" © 1999 by E. K. Grant. Original to this anthology. Printed by permission of the author.

"History Book" © 1994, 1999 by John Grant. First published in a limited-edition chapbook as *History Book – A Thog the Mighty Text* (1994) and then, revised, in sections in *The Rotting Land* (1994) as by Joe Dever and John Grant. Further extensive revisions by the author for this publication.

"Captain Honario Harpplayer, R.N." © 1963 by Harry Harrison. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, March 1963. Reprinted by permission of the author.

"Neander-Tale" © 1980 by James P. Hogan. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, December 1980. Reprinted by permission of the author and the author's agent, Spectrum Literary Agency.

"Escape from the Planet of the Bears" © 1999 by Tom Holt. Original to this anthology. Printed by permission of the author.

"The Star of the Farmyard" © 1992 by Terry Jones. First published in *Fantastic Stories* (London: Pavilion Books, 1992). Reprinted by permission of the author.

"The Case of Jack the Clipper" © 1997 by David Langford. First published in *Interzone*, December 1997. Reprinted by permission of the author.

"A Slow Day in Hell" © 1997 by Julia S. Mandala. First published in *Marion Zimmer Bradley's Fantasy Magazine*, Summer 1997. Reprinted by permission of the author.

"Elijah P. Jopp and the Dragon" by Archibald Marshall, first published in *The Royal Magazine*, November 1898. Copyright expired in 1985.

"A Hedge against Alchemy" © 1981 by John Morressy. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, April 1981. Reprinted by permission of the author and the author's agent, The William Morris Agency.

"The Dragon Doctor's Apprentice" © 1999 by Charles Partington. Original to this anthology. Printed by permission of the author and the author's agent, Dorian Literary Agency.

"The Shoemaker and the Elvis" © 1997 by Lawrence Schimel. First published in *Elf Magic*, edited by Martin H. Greenberg (New York: DAW Books, 1997). Reprinted by permission of the author.

"Dances with Elves" © 1995 by Cynthia Ward. First published in *Galaxy*, March/April 1995. Reprinted by permission of the author.

"The Birthday Gift" © 1992 by Elisabeth Waters. First published in *Sword & Sorceress IX*, edited by Marion Zimmer Bradley (New York: DAW Books, 1992). Reprinted by permission of the author.

"How I Got Three Zip Codes" © 1999 by Gene Wolfe. Original to this anthology. Printed by permission of the author's agent, Virginia Kidd Literary Agency.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. Майк Эшли *Пер. О. Ратниковой* 5

Джеймс П. Хоган. НЕАНДЕР-ТЕЙЛ
Пер. И. Русаковой 7

Эстер Фризнер. УХОД ДЯДИ ГЕНРИ
Пер. О. Полухиной 14

Крэг Шоу Гарднер. РАЗБОРКИ С ДЕМОНАМИ
Пер. И. Русаковой 29

Дэвид Лэнгфорд. ДЕЛО ДЖЕКА ПОДСТРИГАТЕЛЯ,
или ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМНЯЯ СКАЗКА
Пер. И. Русаковой 62

Лоуренс Шимель. САПОЖНИК И ЭЛВИС ПРЕСЛИ
Пер. О. Полухиной 72

Синтия Вард. ТАНЦЫ С ЭЛЬФАМИ *Пер. О. Полухиной* 85

Джон Морресси. ЗАЩИТА ОТ АЛХИМИИ
Пер. О. Полухиной 90

Джулия С. Мандала. ОДИН ДОЛГИЙ ДЕНЬ В АДУ
Пер. О. Полухиной 108

Джин Вулф. ОТКУДА У МЕНЯ ТРИ ПОЧТОВЫХ
ИНДЕКСА *Пер. И. Богданова* 118

Амброз Бирс. КРАХ ПРЕДПРИЯТИЯ «ХОУП & ВЭНДЕЛ»
Пер. И. Богданова 124

Элизабет Уотерс. ПОДАРОК К ДНЮ РОЖДЕНИЯ
Пер. И. Богданова 128

Гарри Гаррисон. КАПИТАН ГОНАРИО ХАРПЛЕЙЕР
Пер. Н. Алешиной 137

Джордж Алек Эффингер. ИНОПЛАНЕТЯНЕ, КОТОРЫЕ
ЗНАЛИ ВСЕ *Пер. Н. Алешиной* 152

Джон Грант. КНИГА ПО ИСТОРИИ *Пер. И. Алешиной* 174

Арчибальд Маршалл. ЭЛАЙДЖА П. ДЖОШ И ДРАКОН
Пер. В. Двининой 201

Чарльз Партингтон. УЧЕНИК ДРАКОНЬЕГО ДОКТОРА
Пер. В. Двининой 213

Молли Браун. ПРАВИЛА ПОМОЛВКИ
Пер. В. Двининой 257

У. Ш. Гилберт. ТРИУМФ ПОРОКА *Пер. В. Двининой* 264

Питер Аншач. 50 СОВЕТОВ ПОВЕЛИТЕЛЮ ЗЛА
Пер. Л. Высоцкого 279

Элизабет Кунихен. КАК СТАТЬ ГЕРОЕМ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ИСТОРИИ *Пер. Л. Высоцкого* 285

Рон Гуларт. ПОЦЕЛУЙ ХЁРШИ *Пер. Л. Высоцкого* 292

Том Холт. БЕГСТВО С ПЛАНЕТЫ МЕДВЕДЕЙ
Пер. Л. Высоцкого 315

Сью Андерсон. ПОХОД ИСКАТЕЛЕЙ *Пер. Л. Высоцкого* 335

Аврам Дэвидсон и Грания Дэвис. ГОЛЛИВУДСКИЕ
ХОЛМЫ *Пер. Л. Высоцкого* 346

Джон Кендрик Бэнгс. СТРАННЫЙ НЕДУГ БАРОНА
ГУМПФЕЛЬХИММЕЛЯ *Пер. Л. Высоцкого* 373

Нил Гейман. ДЕЛО СОРОКА СЕМИ СОРОК
Пер. А. Бродоцкой 382

Э. К. Грант. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕНАВИДЕЛ
«КАДИЛЛАКИ» *Пер. О. Ратниковой* 396

Симус Каллен. ВЫСШИЙ РИТУАЛ *Пер. О. Ратниковой* 424

Терри Джонс. ЗВЕЗДА НАШЕЙ ФЕРМЫ *Пер. И. Богданова* . 456

Энтони Армстронг. АЛМАЗЫ ЧЕРНЫЕ, АЛМАЗЫ БЕЛЫЕ
Пер. И. Богданова 462

Элиот Финтушел. MALOCCHIO *Пер. И. Русаковой* 479

Алан Дин Фостер. МЕТРОГНОМ *Пер. И. Русаковой* 495

Л. Спрэг де Камп. ГЛАЗ ТАНДИЛЫ *Пер. И. Русаковой* 520

Харлан Эллисон. АВАНПОСТ, НЕ ОТКРЫТЫЙ
ТУРИСТАМИ *Пер. И. Русаковой* 550

Copyright and Acknowledgments 556

Литературно-художественное издание

ЛУЧШЕЕ
РЕАЛЬНО СМЕШНОЕ ФЭНТЕЗИ

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Светлана Белова
Редакторы Тамара Казакова, Инна Сергиенко, Галина Соловьева
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Наталья Хуторная, Елена Орлова,
Татьяна Никонова, Галина Тимошенко
Верстка Алексея Соколова

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 16.04.2008.
Формат издания $84 \times 108\ ^1/_{32}$. Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».
Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 29,4. Изд. № 672. Заказ № 9231.

Издательский Дом «Азбука-классика»
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии CTP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Новая антология юмористического фэнтези — это коллекция поистине великолепных смешных историй, принадлежащих перу таких прославленных авторов, как Гарри Гаррисон, Нил Гейман, Алан Дин Фостер, Джин Вулф, Крэг Шоу Гарднер, Лион Спрэг де Камп и других. Многие рассказы были написаны специально для этой антологии и на русском языке выходят впервые. Элвис Пресли, получивший новую пару голубых замшевых ботинок, разорившиеся торговцы льдом, таинственный Джек Подстригатель, гном, обитающий в метро, демоны, прыгающие на «тарзанке», — фантазия авторов безгранична и не перестает изумлять.

ISBN 978-5-91181-672-8

www.azbooka.ru